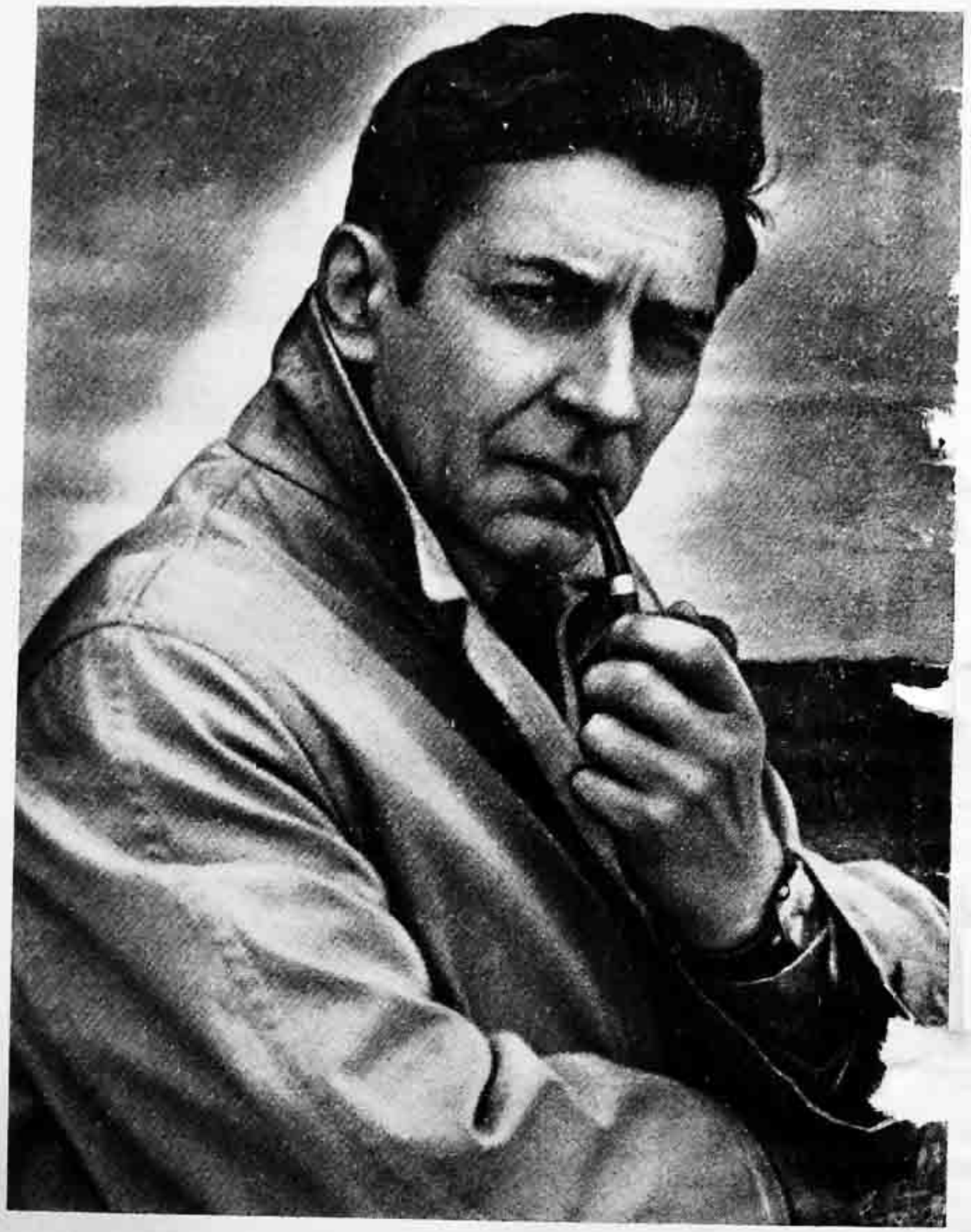
Л. В. Фирсов

ИСАРЫ

очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма



Л. В. Фирсов

ИСАРЫ

Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма

Ответственные редакторы
доктор исторических наук *А. Л. Якобсон*
кандидат исторических наук *А. К. Конопацкий*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

ББК 63.3(2)2 + 63.3(2)4 + 63.3(2)41
Ф62

ТН(2УК-4Крм)4-42.5+
Т492.5+Ц561.211.1г

С4

Редакционная коллегия
доктора исторических наук *Р. С. Васильевский*, *А. Л. Якобсон*
кандидат геолого-минералогических наук *В. А. Панычев*
кандидат исторических наук *А. К. Конопацкий*

Рецензенты
член-корреспондент АН СССР В. И. Молодин,
кандидат исторических наук А. В. Эдаков

Утверждено к печати Институтом истории,
филологии и философии СО АН СССР

Центральная
научная библиотека
СО АН СССР
А 1990
№ 22 988-21

Фирсов Л. В.

Ф62 Исары: Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма.— Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990.— 472 с.
ISBN 5—02—029013—0.

Монография посвящена средневековым городищам южной зоны Горного Крыма — исарам. В основу исследования положены данные археологии, геологии, сочинения древних авторов, хроники, летописи. Описываются отдельные исары и их комплексы. Реконструируются многие стороны жизни обитателей этого края. Материалы исследования позволяют дополнить средневековую историю Северного Причерноморья.
Книга рассчитана на археологов, историков.

Ф $\frac{0504000000-027}{042(02)-90}$ 191—89, кн. 1 ББК 63.3(2)2 + 63.3(2)4 + 63.3(2)41

ISBN 5—02—029013—0

© Издательство «Наука», 1990

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая работа безвременно скончавшегося доктора геолого-минералогических наук Льва Васильевича Фирсова представляет собой фундаментальное исследование. Оно посвящено проблеме многочисленных древних крепостей, преимущественно средневековых, сосредоточенных в южной прибрежной зоне Горного Крыма. Не может быть двух мнений относительно исторической важности этих сооружений, изучение которых позволит осветить историю не только южной прибрежной области Таврики, но и всего Северного Причерноморья, и не только в средние века, но и в эпоху античности.

Крепостное строительство вела в Таврике Римская империя: оккупировав полуостров, она усилила оборонительные стены Херсонеса, построила крепость Харакс (на мысе Ай-Тодор), сооружала и другие береговые опорные пункты; все они призваны были удерживать в повиновении Таврику, стратегически важную Риму. В V—VI вв. Византия возводила в Южной Таврике так называемые длинные стены, преграждавшие горные проходы; вместе с небольшими крепостями они служили заслоном против «варваров», угрожавших империи на дальних подступах к ней. Позднее, в XIII и XIV вв., в эпоху зрелого и позднего средневековья, в горах прибрежной Таврики созданы были и те десятки феодальных замков-крепостей, о которых сообщают средневековые авторы.

Тема эта очень слабо разработана. Между тем исторически она очень важна. Исследование Л. В. Фирсова, обследовавшего многочисленные средневековые крепости (исары) южнобережной зоны Крыма, позволяет по-новому взглянуть на всю историю Северного Причерноморья на протяжении почти всего средневековья, особенно в VIII—X вв., когда жизнь Таврики вступила в полосу экономического обновления и подъема. Перемены эти были обязаны двум основным факторам: во-первых, ослаблению и, по существу, падению византийского господства в этом крае и, во-вторых, появлению и активизации нового этнического элемента — протоболгар, начавших оседать в Таврике в VII в. Л. В. Фирсов прослеживает и дальнейшие судьбы крымских исаров, вплоть до позднего средневековья.

Монография насыщена материалом, собранным автором на протяжении многих лет, начиная с 1963 г. Работа состоит из введения и 25 глав, в которых описываются и исследуются отдельные исары или комплексы их в географической последовательности с востока

на запад, начиная от района Алушты и кончая Форосом и Ласпи. При этом автор рассматривает исары не изолированно, а в реальной взаимосвязи, исторически интерпретирует и осмысляет добытые сведения, что, надо признать, до него не делалось или делалось большей частью поверхностно и неубедительно. По основной своей специальности геолог, Л. В. Фирсов многое проясняет в процессе формирования крепостей, горных поселений, их стратегического положения и стратиграфии. Благодаря этому ему удается устранить многие ошибочные представления об исарах и недоразумения, укоренившиеся в специальной и научно-популярной литературе. В целом предлагаемые читателю очерки дают широкую картину жизни горной Таврики в средневековую, а отчасти и античную эпохи и приближают нас к пониманию исторических судеб этого района.

Ценность публикуемых очерков повышают многочисленные и очень наглядные рисунки, выполненные автором с большим знанием дела,— общие виды, чертежи планов, разрезов, строительных остатков, рисунки керамики и пр. Лев Васильевич был не только геологом и археологом, но и прекрасным художником!

Нельзя не оценить огромный труд, вложенный Л. В. Фирсовым в систематическое обследование многочисленных крепостей и поселений, расположенных в труднодоступных горных местностях, потребовавший очень большого физического напряжения.

К сожалению, Л. В. Фирсов не закончил свою большую работу: из 31 главы, намеченной автором, шесть отсутствуют — их он, видимо, не успел написать. Это главы, посвященные исарам Серауса, Кастеля, Панеи, Гурзуфа (имеется только вводная часть главы) и некоторым другим. Вместе с тем следует иметь в виду, что исследование описанных Л. В. Фирсовым исаров отнюдь не закончено: большинство их еще ждет археологических раскопок. Не весь добытый массовый керамический материал автор успел обработать и привести. Однако описание керамики, особенно строительной (черепицы), приведенное в книге, большей частью достаточно четкое.

Капитальный труд Л. В. Фирсова является большим вкладом в изучение Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи.

Книга написана живым, выразительным языком и, несмотря на специальную терминологию, читается легко. Текст печатается без существенных сокращений и лишь с небольшой стилистической правкой. В конце книги приводится цикл крымских стихов Л. В. Фирсова.

Редактировал текст и приготовил к печати доктор исторических наук А. Л. Якобсон.

Памяти
ПЕТРА ИВАНОВИЧА КЕППЕНА
(1793—1864) —
первоисследователя исаров
побережья Таврики

ВВЕДЕНИЕ

На море, от Керсоны до устья Танаиды, находятся высокие мысы, а между Керсоной и Солдайей существует сорок замков...

Гильом де Рубрук

Если и я решил писать о предмете, который многие уже разрабатывали до меня, то я вовсе не заслуживаю порицания, если не докажу, что изложил предмет в той же мере, как и мои предшественники.

Страбон

Семьсот с лишним лет тому назад, в 1253 г., направляясь послом Людовика IX в татарские земли, к Менгу-хану, дотошный и наблюдательный францисканец Гильом де Рубрук (в иной транскрипции — Вильгельм, или Вильом Робрук, или Робруквис) видел побережье Крыма между Керсоной (Херсоном, как называли в средние века Херсонес) и Солдайей (Судаком) и приметил на нем четыре десятка замков, каждый из которых имел свое название [1]. В то время татары уже владели Крымом, однако на Южный берег они практически еще не проникли, да и вообще по духу своей культуры не могли быть причастны к этим замкам, ибо нигде и никогда ничего подобного не строили. Следовательно, виденное Рубруком должно было иметь дотатарскую историю и восходить к более отдаленным временам, чем середина XIII столетия [2]. Ясно, что в 1253 г. замки эти не были разрушены, ибо Рубрук ведет повествование не о развалинах. По-видимому, они существовали и много времени спустя после середины XIII в. Но вот встает вопрос: когда их соорудили? Одновременно или в разные периоды истории Южного берега? Было ли обусловлено их сооружение какой-то общей задачей или они представляли собой изолированные и независимые объекты?

Еще и сейчас на Южном берегу Крыма, между мысом Айя и Судаком, сохранились остатки многих крепостей. Большинство их находится в полосе берега между Ласпи и Алуштой, т. е. на участке протяжением всего в 75 км. Одни руины неизменно привлекают внимание самой широкой публики, другие не задерживают на себе взгляда, их принимают за случайные, ничего не говорящие развалы камней. Большинство же скрыто от глаз туристов и курортников. Бывало, требовалось несколько дней тщательных поисков и кропотливой топографической съемки, чтобы прийти к заключению

о том, что перед нами не случайное скопление камней и битых черепков — здесь то немногое, что время оставило от некогда мощной крепости. Кусок стены, невзрачные бугорки на месте скрытых под наносами оснований жилищ, обломки кровельной черепицы и сосудов, случайно обнаруженная могила — ничтожные памятники прошлого, но как много они говорят, собранные воедино!

Руины крепостей исчезают. След их стирают неумолимые силы природы и руки человека. Можно ли предъявлять претензии к слепым агентам выветривания, бурным потокам, сейсмическим катастрофам?! Во многом понятна, если и не оправдана, разрушительная деятельность человека: нельзя же превратить всю Землю в историко-археологический музей под открытым небом, отняв у живущих драгоценные угодья, удобные для застройки площади, места возможной добычи полезных ископаемых!

В конце концов настанет время, когда с еще большим трудом и уже не везде будут отыскивать ничтожные остатки памятников прошлых эпох. Для Южного берега Крыма это очень вероятно, ибо все здесь, более чем где-либо, ведет в конечном итоге к уничтожению следов былых времен: и быстротекущие, энергичные геологические процессы, и теснота территории, и интенсивное строительство на ней, и все более широкое освоение ее под парки, виноградники, сады, и, наконец, миллионы приезжающих на Южный берег, руками которых растаскано «старое черепье» и камни многих руин.

Важное и благородное дело охраны памятников старины, которому уделяют все больше внимания, требует, однако, немалых средств. Они необходимы для реставрации, поддержания в более или менее сносном состоянии, постоянной охраны памятников. Средства же эти ограниченны. Их едва хватает для небольшой части памятников, тогда как подавляющее большинство других остаются безнадзорными. Бывает так, что даже через 10—15 лет трудно узнать ранее виденное — настолько быстро идет разрушение древних построек, до того выдержавших не одну сотню лет.

Особенно это заметно на крепостях Южного берега Крыма. Они многочисленны. Их можно видеть в Алуште и у Лучистого (бывшее Демерджи), на Кастеле и Аю-Даге, в Гурзуфе и возле Ялты, в Ореанде и Алупке, в Симеизе и у Оползневого (Кикинеиз) и в ряде других мест. Однако по меньшей мере десяток дотатарских крепостей исчез совершенно: возле Чатыр-Дага, в самой Ялте, в Алупке, Кастрополе, Форосе.

Крымские татары окрестили крепости *исарами*. В тюркских языках слова *гисар*, *хисар* или *исар* означают стену, фигурально — укрепление, крепость, замок. Таково, например, происхождение названий Гиссарского хребта в Таджикистане и населенного пункта Гиссар в междуречье Сурхандарьи и Кафирнигана, юго-западнее Дюшамбе, г. Хиссар в Восточном Пенджабе, пос. Хисарак в 50 км восточнее Ташкента, Хисар в Болгарии и т. п. От того же корня происходит и название холма Гисарлык, в котором скрыты остатки Трои.

В крымской топонимике — это один из распространенных элементов, зафиксированный на старых землеустроительных планах

и топографических картах, в старых справочниках и путеводителях. Места, где расположены остатки крепостей, именовали либо просто Исар, Исарчик, либо сложно: Биюк-Исар, Кучук-Исар, Исар-Кая, Алупка-Исар и т. д. Вместе с тем были в ходу и названия *кале* (Лимена-Кале, Рускофиль-Кале) и *кермен* (Кермен-Кая, Алма-Кермен, Керменчик, Кыз-Кермен, Эски-Кермен и т. д.)[3]. Наконец, некоторые крепостные пункты сохранили греческие, латинские и смешанные названия: Палеокастрон, Кастрополь, Кастель, Биюк-Кастель, Кучук-Кастель и т. д.[4] Вообще крымские названия — это многоязыковая смесь, отражающая сложную, богатую событиями историю заселения Крымского полуострова [5]. Эта многоязыковая смесь названий согласно говорит о том, что все те невзрачные, а подчас и вовсе неприметные развалины, которые еще можно отыскать на Южном берегу, остались на месте древних крепостей.

Несмотря на то, что крепости, виденные Рубруком и занимающие наше внимание, возникли задолго до нашествия Субудея и Бату и не имеют ни малейшего отношения к татарскому этапу в истории Крыма, сохраним за ними общее наименование *исары*, не вкладывая в него указания на этническую принадлежность.

Крым, богатый древностями, уж почти двести лет, со времени Палласа, служит неисчерпаемым источником археологических находок и открытий. Широко известны и подробно исследованы его античные города. Они дали для исторической науки материал неоценимого значения. Тщательные раскопки проводили археологи и в средневековых городах-крепостях Юго-Западного Крыма, в пределах так называемой Второй гряды Крымских гор (Чуфут-Кале, Качи-Кальен, Кыз-Кермен, Мангуп, Эски-Кермен, Инкермен и др.). Чтобы составить подробную историко-археологическую библиографию по Крыму, придется затратить на это дело несколько лет, без гарантии отыскать все опубликованные заметки, статьи, монографии и все рукописные работы, хранящиеся в архивах и фондах различных учреждений.

При всем том работ, посвященных исарам Южного берега, немного. Их можно даже перечесть по пальцам, если иметь в виду те, в которых исарам уделено достаточно внимания. В большинстве случаев исары лишь упоминаются. В публикациях нет ни описаний исаров, ни конкретных данных для их датировки, ни графических иллюстраций. В конце XVIII — XIX столетии о них писали П. С. Паллас, П. Сумароков, Дюбуа де Монпере, А. С. Уваров, П. И. Кеппен и др., в XX в.— А. Л. Бертье-Делагард, Н. И. Репников, М. А. Сосногоров, В. Н. Дьяков, В. Д. Блаватский, П. Н. Шульц, Е. В. Веймарн, О. И. Домбровский, А. М. Лесков и др.

Только одна работа — П. И. Кеппена — почти целиком посвящена исарам. Написанная около 130 лет назад, она остается источником самых разнообразных сведений об исарах, сообщенных не только наблюдательным, но и широко эрудированным человеком, сочетавшим щепетильность в подаче фактов, непредвзятость мнения, широту обзора с подчас поэтической, окрашенной легкой грустью

манерой изложения [6]. Скажу заранее, что заключения П. И. Кеппена о происхождении исаров, позднее критиковавшиеся, оказались в общем верными, во всяком случае настолько, насколько я могу судить об этом после многолетнего знакомства с этими памятниками. Исары, по его мнению, это средневековые сооружения. В их руинах предстает перед нами та эпоха, когда Южный берег был Северопонтийской провинцией Византии, продолжительность этой эпохи составляет без малого 600 лет — с VI в. н. э. (а может быть, и раньше) до начала XIII столетия. Но исары, по крайней мере некоторые из них, функционировали и позднее, еще два с половиной столетия, до конца XV в. Не все, о чем писал Кеппен, сейчас можно принять, однако канва выводов этого первоисследователя, безусловно, правильна.

В смысле раскопок исарам не повезло. Впрочем, это, быть может, и к лучшему: раскопки зачастую ведут к полнейшему уничтожению древностей, ибо достаточно лишь на короткое время оставить без надзора вскрытый полигон, как его тотчас превращают в мусорную свалку. Археологи тут ничего не могут поделать и вынуждены с этим мириться.

Небольшие, в основном разведочные раскопки проводились в единичных исарах. Авторы, писавшие о них, полемизировали о происхождении исаров, но в значительной мере или в основном использовали умозрительный путь. Это привело к расхождению взглядов на исары, невозможно было сказать, что представляют собой эти крепости, кому они принадлежали, к какому времени относились. Где мало фактов, там всегда достаточно поводов для дискуссий и оснований каждому быть правым. И самое удивительное состоит в том, что буквально груды фактов лежали на поверхности.

Теперь, после этого вступления, я должен сообщить читателю некоторые сведения о том, как родились предлагаемые очерки южнобережных исаров и что они содержат.

Сказать, что все началось с Алупки на Южном берегу и с книжки достопочтенного Рубрука лет пятнадцать тому назад,— это будет верно лишь отчасти. Началось значительно раньше. Были школьные годы, годы увлечения историей и археологией. Но судьбе угодно было распорядиться по-своему. Она прочно связала меня с геологией. С точки же зрения геолога, археология — это продолжение геологии, по крайней мере постольку, поскольку она исходит из наиболее «молодого» направления этой науки — из геологии четвертичного периода, или антропогена. Возможно, археологи не согласятся с этим мнением, подчеркнув специфику своих методов и объектов. Однако стоит вспомнить, что совсем не случайно в геологических программах высшей школы значительное место занимает курс геологии антропогена и археологии...

Алупка стала началом работы на исарах. Как раз над этим очаровательным приморским местечком, под величественной скальной стеной Ай-Петри, на Крестовой горе, лежат руины одного из них. В 1956 г. я положил Алупка-Исар на план, занялся изучением его стен и керамики и обнаружил, что высказанные о нем в некоторых

археологических статьях мнения неверны. Открытия ждали меня и на другом исаре — Лимена-Кале, у Симеиза.

Случай этот дал мне повод свести знакомство с крымскими археологами, прежде всего с Павлом Николаевичем Шульцем и Олегом Ивановичем Домбровским [7]. Оба они с большим вниманием отнеслись к моим занятиям, которые, однако, не могли быть постоянными и растянулись на полтора десятка лет. И П. Н. Шульцу и О. И. Домбровскому я обязан многим. Если в начале занятий исарами моими достоинствами, пожалуй, были лишь непредвзятость мнения и смелость суждений, то знакомству с тем и другим я обязан постепенному вхождению в круг проблем археологии Крыма. Мне особенно приятно писать об этих людях потому, что многочисленные дискуссии между нами, нередко перераставшие прямо-таки в настоящие «научные скандалы», служили упрочению отношений. Такое бывает не часто.

В 1963—1968 гг. работа на исарах занимала по два-три месяца ежегодно и значительно продвинулась. В полосе Южного берега от Ласпи до Алушты были разысканы остатки почти четырех десятков крепостей. Свидетельство Рубрука, таким образом, получало зримое подтверждение.

В конце концов накопилась груда записных книжек и дневников, чертежей и фотографий, образцов керамики и других предметов материальной культуры, конспектов самых разнообразных статей. Все это касалось исаров — прямо или косвенно. «Вы должны обработать эти материалы,— говорили мне одни,— и представить их в виде научной монографии, без разных там вольностей и, боже упаси, сантиментов». Я испробовал этот путь. Он вел к работе, которой не хватало «души». В общем эта дорога мне хорошо знакома — на ней остались десятки статей по геологии, наполненных фактами, наблюдениями, цифрами и лишенных каких бы то ни было сантиментов. «Пишите популярную книжку об исарах,— говорили другие,— с разными приключениями, занимательную. Поменьше набивайте ее научными деталями и частностями». Но стоит ли?

Я избрал третий путь, памятуя слова английского археолога Гордона Чайлда: «...теперь уже все признают, что "откапывание прошлого" — это не только захватывающее развлечение, но и серьезная наука»[8]. Ради занимательности не стоит пренебрегать научной точностью и полнотой охвата материала, но нет смысла и в бескомпромиссной корректности сугубо научной работы.

* *
*

Исары представляют собой не только археологические объекты, заслуживающие подробного описания, детальных планов, раскопок, статистики. Они видятся реальными, все еще существующими крепостями, вписанными в ландшафт южнобережья Крыма, и составляют целую эпоху в истории Таврики, еще не до конца познанную. Люди, их строившие и населявшие, оставили по себе память в камне,

и не только в нем. Названия мест, положение исаров, окружающая их обстановка — все это тоже память о людях эпохи исаров. Вот почему много места в книге отведено тому, что выходит за строгие рамки археологической тематики. Это — очерки, в которых нашли отражение и конкретные (в большинстве своем новые) факты, и размышления.

В начальных главах рассказано о природных условиях Южного берега (глава I), о статистике памятников, предыстории и античности Крыма (глава II), о его средневековье (глава III), наконец, о происхождении исаров (глава IV)*. Без сомнения, тема каждой из этих глав не исчерпана до конца: в них затронуты преимущественно те вопросы, которые либо органически связаны с проблемой исаров, либо косвенно помогают ее разрешению.

В главах, посвященных исарам, легко заметить неравноценность материала. Она обусловлена, во-первых, тем, что не все исары исследованы одинаково, и, во-вторых, разной значимостью того или иного из них. Среди этих объектов есть действительно крупные крепости, есть и совсем миниатюрные укрепления типа блок-постов. Одни исары составляют группы, другие занимают изолированное положение. В одних даже разведочные расчистки дают обильный материал, в других поиски бывают зачастую безуспешными. Есть пункты с очень длительной историей и сложной предысторией, есть и такие, чья жизнь была коротка. Одни исары были заняты постоянно и накопили мощные горизонты культурных отложений, в других население ютилось эпизодически и не успело оставить слишком много «мусора». Наконец, у каждого исследователя есть свои излюбленные объекты, с которыми связано слишком много воспоминаний, чтобы их можно было уравнять с другими.

Заключительные главы книги содержат обобщения. Они касаются общих черт в локализации исаров, их морфологии, характера кладки оборонительных сооружений и сопоставлений; взаимосвязей исаров с окружающими их поселениями; времени функционирования исаров; наконец, отношения Южного берега в эпоху исаров к другим частям Таврики. Для некоторых этих вопросов только намечены пути решения.

Стоило ли посвящать так много внимания каким-то невзрачным крепостицам давным-давно прошедшей эпохи? Не прав ли был Поэл Брантон, когда говорил, что «придет и такой день, когда не будут больше искать обвалившиеся руины бесполезных храмов или мраморные дворцы давно умерших князей, а посвятят себя поискам живущих мудрецов, чтобы усвоить от них понимание тех вещей, которым нельзя научиться в наших университетах?»[9]

Не думаю, чтобы этот взгляд когда-нибудь восторжествовал. Поиски мудрости бытия не могут быть замкнуты узким кругом настоящего. Они уводят в прошлое и в будущее. Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим?— вот что занимает наш ум, а вовсе не та сконцентрированная на своем Я мудрость, которая научит, как растянуть на большее число лет свое личное время. Мы заключены между прошедшим и будущим, и в этом — наше настоящее бессмертие. Между историей и футурологией.

Каждый камень древней руины согрет теплотой человеческих рук, в каждом глиняном черепке заключена крупица человеческого сознания. Они не равны и не однозначны — небольшой исар на Южном берегу Крыма, величественный Парфенон Афин, ансамбль пирамид Мемфиса, едва приметная стоянка первобытных людей. Но каждое из этого — веха на нашем пути из прошлого в будущее.

Итак, исары... Откуда и для чего они здесь?

---

* К сожалению, эта глава в бумагах Л. В. Фирсова отсутствует. (*Ред.*)

I

ГОРЫ, ЛЕСА, МОРЕ — ЛАНДШАФТ ЮЖНОГО БЕРЕГА

Начиная изучение истории какого-либо народа, встречаем силу, которая держит в своих руках колыбель каждого народа — природу его страны.

В. О. Ключевский

После Симболон Лимена до города Феодосии тянется таврическое побережье длиною около 1000 стадий. Побережье это каменистое, подвержено сильным бурям с севера.

Страбон

Я шел в немом восхищении перед красотой природы этого куска земли, ласкаемого морем.

Максим Горький

Для того чтобы узнать, где расположен Крым, или Крымский полуостров, что его окружает, достаточно взглянуть на географическую карту. Однако не лишне привести на этот счет некоторые подробности. Они сориентируют читателя относительно комплекса природных условий Южного берега — той части Крымского полуострова, где находится предмет нашего интереса — исары. Это поможет представить обстановку, в которой возникли исары, тот природный антураж — от геологического строения и рельефа места до растительного и животного мира, в котором прошла и канула в Лету жизнь их строителей.

На протяжении двух-двух с половиной тысячелетий облик Южного берега в принципе мало менялся. За это время произошли неоднократные колебания климата, о которых можно составить представление по античным и средневековым источникам, но в общем-то климатические особенности Южного берега в античном и средневековом прошлом были почти такими же, как сейчас. Этому есть доказательства и помимо письменных источников. Геоморфологические изменения, которые на Южном берегу имеют более скоротечный характер, чем где-либо в другом месте, наложили свой отпечаток главным образом на отдельные и в большинстве своем мелкие детали рельефа, тогда как макрорельеф этой территории каким был во время греческой колонизации Северного Причерноморья, таким остается и в наше время. Некоторые существенные изменения коснулись растительности и животного мира Крыма вообще и Южного берега в частности. Однако вполне можно учесть и это, внести некоторые коррективы в современный ландшафт и представить южнобережную полосу в античную эпоху и средние века. Быть может, она предстанет в таком виде, как на великолепной картине Богаевского «Таврида».

Крымский полуостров занимает северный шельф Черного моря и далеко выдвинут на юг. От Перекопа на севере до мыса Сарыч на юге — 195 км, от Тарханкутского полуострова на западе до восточной оконечности Керченского полуострова — 330 км. Крымский полуостров имеет вид неправильного ромба, обращенного углами к странам света. Он находится между 32°32′ — 36°37′ в. д. и 44°23′ — 46° с. ш. Его площадь около 26 000 кв. км. С запада и юга полуостров омывают воды Черного моря, с востока — мелководного Азовского моря. Вклиниваясь в Черное море, Крым разделяет его на две части, причем расстояние между южной оконечностью полуострова и Анатолийским побережьем (до мысов Керемпе и Инджебурун) не превышает 280 км. Еще древние обратили внимание на сложную конфигурацию северного берега Понта Эвксинского — Черного моря и образно сравнивали ее с формой скифского лука, подчеркивая, что этим Понт Эвксинский обязан положению и форме полуострова Херсонес, коим названием греки окрестили Крым две с половиной тысячи лет назад. Такое сравнение можно найти, например, на многих страницах «Географии» Страбона, у Арриана и других древних авторов.

Большая северная и восточная части Крыма представляют собой равнину. Это Степной Крым. На юге полуострова находятся три гряды гор, простирающиеся от Севастополя до Феодосии. Протяженность Горного Крыма с юго-запада на северо-восток — 140 км, ширина гористой области — в среднем 30—35 км, но, поскольку переход от степи к горам довольно постепенный, ширина наиболее гористой полосы — в среднем около 25 км. На Горный Крым приходится около 3500 кв. км, или только 13,5 % всей площади полуострова. Гористую область в юго-западном окончании полуострова (от Севастополя и приблизительно до меридиана Алушты) принято называть Юго-Западным Крымом, степную часть от Феодосии до Керчи — Восточным Крымом (рис. 1).

Степной Крым граничит на юге с низкими квестами Третьей гряды Крымских гор. Квесты (от исп. cuesta — склон горы, откос, косогор)— это полого наклоненные к северу ровные плато, ограниченные с южной стороны скалистыми обрывами. Далее к югу протягиваются эшелоны квест Второй гряды Крымских гор, более высоких, чем в Третьей гряде,— до 500—600 м над ур. м. Между Третьей и Второй грядами расположена широкая продольная долина, в которой лежат крупные населенные пункты и города Крыма — Старый Крым, Белогорск (Карасубазар), Зуя, Симферополь, Бахчисарай (его новая часть), Балаклава (на берегу моря). Наконец, Первая, или Главная, гряда Крымских гор протянулась вдоль берега моря от залива Ласпи — на юго-западе до Судака — на северо-востоке. Она представляет собой почти непрерывную цепь плато и отдельных вершин, получивших название Яйла, с подразделениями на Ласпинскую, Форосскую, Ай-Петринскую, Ялтинскую, Никитскую Яйлу, Бабуган-Яйлу, Чатыр-Даг, Демерджи-Яйлу, Долгоруковскую Яйлу и Караби-Яйлу. Нагорные плато Яйлы достигают высот от 600

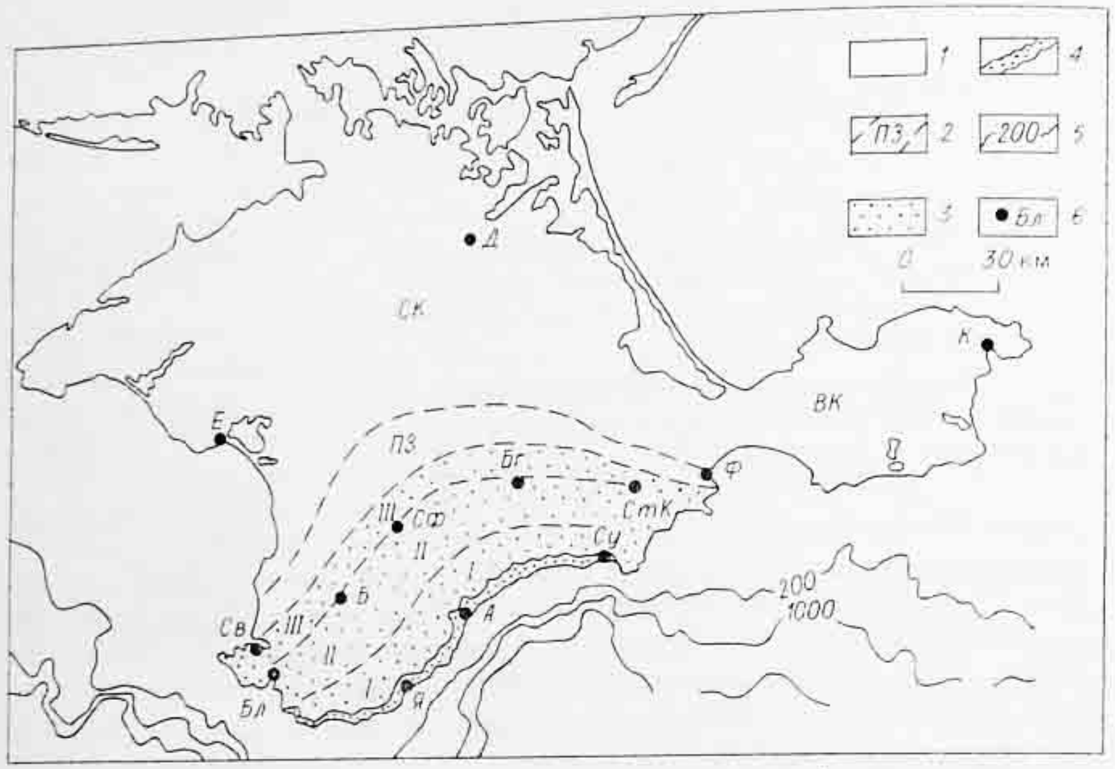


Рис. 1. Конфигурация Крымского полуострова и его ландшафтное расчленение.

1 — Равнинный Крым (СК — Степной Крым, ВК — Восточный Крым, Керченский полуостров); *2* — переходная зона (ПЗ); *3* — Горный Крым (I — Главная, II — Вторая, III — Третья гряды гор); *4* — Южный берег; *5* — глубины Черного моря (изобаты в метрах); *6* — города (Д — Джанкой, Е — Евпатория, Св — Севастополь, Бл — Балаклава, Б — Бахчисарай, Сф — Симферополь, Бг — Белогорск, СтК — Старый Крым, Я — Ялта, А — Алушта, Су — Судак, Ф — Феодосия, К — Керчь).

до 1500 м. Наиболее высокие вершины Главной гряды: Ай-Петри — 1233 м, Кемаль-Эгерек — 1530, Роман-Кош — 1545, Чучель — 1387, Черная — 1311, Эклези-Бурун (на Чатыр-Даге)— 1525, Северная Демерджи — 1356, Тай-Коба (Караби-Яйла)— 1259 м. Все они расположены в средней трети Главной гряды, в промежутке между Алупкой и Алуштой. Плато Яйлы наклонены к северу под углом 5—15°, с южной стороны — к морю, они ограничены обрывами и вертикальными скалами высотой 200—400 м, иногда 600—700 м.

Южный берег... Это очень небольшая часть Крымского полуострова. Ниже обрывов Яйлы к уровню моря опускается то более пологий, то более крутой склон, имеющий ширину от 1—1.5 до 5—6 км. Он простирается вдоль Главной гряды между заливом Ласпи и Судаком, вся эта неширокая полоса гористой и холмистой земли и есть Южный берег. Однако принято сужать это понятие до участка между Ласпи и Алуштой, для которого характерен наиболее мягкий климат и где сосредоточено большинство крымских курортов и санаториев (в Форосе, Меласе, Кацивели, Голубом заливе, Симензе, Алупке, Мисхоре, Кореизе, Гаспре, Ореанде, Ливадии, Ялте, Гурзуфе, Артеке, Партените, Карасане, Карабахе, Кастеле — Рабочем Уголке, Алуште).

Средняя ширина южнобережного склона не больше 3 км, длина от Ласпи до Алушты — около 80 км, площадь — 250—300 кв. км.

Это составляет только 1 % всей площади Крымского полуострова. Южный берег соизмерим с территорией Москвы в кольце окружной дороги и раз в шесть меньше площади Большой Москвы.

Крым широко известен в нашей стране и за рубежом в основном из-за прелестей Южного берега с его типичным средиземноморским ландшафтом. Ежегодно Южный берег посещают несколько миллионов человек. Абсолютное большинство приезжающих оседает в санаторно-курортных центрах, расположенных на уровне моря и чуть выше, береговой склон привлекает внимание неизмеримо меньшего числа туристов, экскурсантов, скалолазов и остается пустынным, пребывая почти в первобытном состоянии.

2

Природа той или иной местности, ее ландшафт начинаются с геологии. Именно геологическое строение во многом определяет, прямо и косвенно, черты ландшафта. Не составляет исключения в этом и Южный берег. Напротив, он служит ярким примером большого влияния геологических особенностей на комплекс природных условий территории.

Подробности геологического строения и геологической истории Крыма читатель найдет во многих специальных работах [1]. Мы ограничим свою задачу кратким очерком главнейших особенностей геологии Крыма и его Южного берега.

Степной и Восточный Крым — это область распространения преимущественно молодых (третичных, моложе 75 млн лет) и главным образом терригенных (глины, пески, песчаники) пород, залегающих в общем горизонтально. Имеются и карбонатные породы — мергели, известняки. Кое-где молодые породы смяты в очень пологие складки.

Третья гряда Крымских гор сложена также третичными породами, но залегают они с небольшим наклоном к северу в виде моноклинали. Моноклинальное строение имеет и Вторая гряда, состоящая из серии квест, полого наклоненных в северную сторону и круто, вертикальными уступами обрывающихся в южную. Квесты Второй гряды сложены почти исключительно известняками и мергелями более древнего возраста (мелового; 135—75 млн лет назад). Если смотреть на Горный Крым с севера, со стороны степи, то из-за очень слабого подъема местности никаких гор не видно. Напротив, взгляд, брошенный на Вторую гряду с юга, скользит по протяженным скальным уступам известняков, прорезанным поперечными долинами.

Между Второй и Первой грядами гор лежит обширная увалистая местность, более низкая, чем окружающие ее гряды, сложенная мощной сильно смятой в прихотливые складки толщей глинистых сланцев с прослоями песчаников. Это так называемая таврическая формация верхнетриасового — нижнеюрского возраста (200—160 млн лет назад), подстилающая известняки Второй гряды (см. рис. 2).

В южном направлении межгорье довольно резко повышается. За ним простирается Первая гряда гор — наклоненные к северу плато Яйлы. Фундамент этой гряды сложен теми же сланцами и песчаниками таврической формации, которые перекрыты мощной толщей известняков верхнеюрского возраста (150—135 млн лет назад), полого наклоненных в северном направлении. Наклон Яйлы совпадает с наклоном известняков. Поверхность плато изборождена неглубокими канавками — каррами, имеет массу блюдцеобразных и воронковидных углублений, вертикальных колодцев-пещер. Все эти микроформы рельефа (карст) обязаны растворению известняков поверхностными водами, уходящими по трещинам в известняках и карстовым пещерам на глубину.

Как уже говорилось, с южной стороны плато Первой гряды гор ограничено скальными обрывами, в которых обнаружены грубослоистые и массивные верхнеюрские известняки. Ниже обрывов Яйлы береговой склон — Южный берег — сложен сланцами и песчаниками таврической формации. Породы этой формации легко выветриваются, превращаясь в рыхлые глинистые продукты — элювий и делювий. Асимметричное строение Крымских гор — их очень пологий наклон к северу и крутые обрывы к югу — целиком и полностью обусловлено моноклинальным залеганием верхнеюрских, меловых и третичных пород. Сам Горный Крым представляет собой северное крыло широкого и протяженного антиклинального поднятия, которое лежит на продолжении Большого Кавказа и является связующим звеном между ним и Карпатами (альпийская складчатая зона).

В пределах южнобережья, на сланцевом склоне, возвышаются небольшие и крупные скалистые вершины, холмы и гряды, представляющие собой блоки верхнеюрских известняков, отчленившиеся от уступов Яйлы и сползшие по сланцевому склону. Эти отторженцы оживляют рельеф Южного берега. В районе Фороса, Кастрополя, Симеиза, Алупки, Гурзуфа, Алушты внимание привлекают округлые холмы и горы, сложенные темными и очень прочными изверженными породами — диабазами, диабазовыми порфиритами, диоритами. Внедрение магмы в породы таврической формации произошло в среднеюрскую эпоху (155±5 млн лет назад), и были сформированы грибообразные и более сложные по форме тела — лакколиты. Такими горами являются, в частности, Сераус, Урага, Кастель, Аю-Даг и многие другие, менее крупные, часто всего лишь небольшие холмы, как, например, в Партените или в окрестностях Лимена и Симеиза [2].

И известняковые отторженцы, и интрузивные горки Южного берега имеют непосредственное отношение к исарам: почти все эти укрепления размещены именно на них.

В области сильно расчлененного рельефа на сланцах таврической формации мощные накопления продуктов выветривания подвержены оползанию. Оползни смещают колоссальные массы грунта, разрушают строения и дороги, уничтожают удобные для использования угодья. Особенно часты и наиболее мощны оползни в водообильные годы. После интенсивных ливней по крутым оврагам низвергаются к морю водно-грязевые потоки — сели. Сели и оползни буквально на глазах меняют облик места, часто приводят к катастрофическим последствиям.

Последний штрих к геологической картине южнобережья: область эта сейсмически активна. В меньшей степени, чем, например, Кавказ, Копетдаг, Памир, но не настолько, чтобы можно было не считаться с этим угрожающим геологическим фактором. Сейсмически активная область лежит в море, поблизости от Аю-Дага, и сопряжена с глубинным разломом, по которому в далеком прошлом произошло опускание земной коры. В результате опускания по разлому у берегов Крыма и разлому вдоль Анатолийского побережья и образовалась глубокая, резко очерченная котловина Черного моря.

Землетрясения на Южном берегу случаются каждый год и неоднократно, но в большинстве своем это слабые и неощутимые толчки и колебания, регистрируемые только сейсмографами [3]. Однако все еще памятны очень сильные землетрясения 1927 г., приведшие к человеческим жертвам и крупным разрушениям в Алупке, Ялте, Гурзуфе [4].

Как известно, Крым, особенно Южный берег, и в прошлом испытывал катастрофические землетрясения [5]. Они происходили приблизительно раз в сто лет. Сейсмические катастрофы наложили отпечаток на рельеф берегового склона: тут и там он перекрыт каменными развалами, сошедшими лавинами известняковых глыб с обрывов Яйлы; в горах и на берегу моря много обрушенных скал, на плато Яйлы и на известняковых отторженцах — ступенчатых трещин, глубоких расселин и других следов сейсмических потрясений. Прошлые землетрясения сказались и на исарах.

3

Макрорельеф и экспозиция побережья непосредственно связаны с его геологическим строением. Основные изгибы береговой линии в общих чертах повторяют план Главной гряды Крымских гор. Эта закономерность свойственна всему Южному берегу от Ласпи до Судака и наиболее заметна между Ласпи и Алуштой. Участок от Ласпи до мыса Ай-Тодор имеет в общем широтное простирание. Далее берег поворачивает к северо-востоку и сохраняет это простирание на всем протяжении до Судака [6].

Вся южнобережная полоса представляет собой сочетание двух макроформ рельефа: склона, обращенного к морю, и высокой стены скалистых обрывов Яйлы. Картина довольно простая. Однако в деталях рельеф очень сложен, что зависит от многих причин.

Береговой склон, если обозревать его с моря, представляется неимоверно крутым. Точно такое же впечатление создается, если смотреть с верхней его части на море. В действительности же средний угол склона изменяется в пределах 5—20°, составляя обычно 10—15°. Причем и такой наклон — совсем не маленький: на каждый километр склона местность повышается на 150—250 м. Иными словами, про-

ходя один километр по направлению к горам, взбираешься на высоту 50—70 этажей — занятие не из легких!

Отдельные детали рельефа то уменьшают наклон места, то увеличивают его вплоть до скальных обрывов или косогоров такой крутизны, по которым приходится ходить на четвереньках. Это обусловлено очень сильной расчлененностью береговой полосы оврагами и балками, ориентированными поперек склона. Между оврагами протягиваются водораздельные сланцевые гряды, сплошные или расчлененные на группы холмов. На каждый погонный километр берега таких оврагов, балок и гряд несколько. Они не только затрудняют передвижение, но и служат основным препятствием для развития дорожной сети. На некоторых участках берега, например возле Кастрополя, где много оврагов, старый дорожный спуск от верхнего (Севастопольского) шоссе к морю имел более сотни головоломных поворотов. Строительство здесь новой спрямленной дороги потребовало больших затрат средств и времени.

Рельеф Южного берега сильно осложняют отторженцы известняков, отколовшиеся от массивов Яйлы. Они особенно многочисленны между Ласпи и Гурзуфом. Кроме того, имеется серия поперечных к простиранию берега известняковых гряд и хребтов, спускающихся от самой Яйлы к морю, например хребет Кошка в Симеизе, Гаспринский хребет с мысом Ай-Тодор, отроги Никитской Яйлы и др. Они разобщают отдельные участки Южного берега; в прошлом это существенно затрудняло сношение между ними.

Наряду с небольшими оврагами, в южнобережной полосе есть довольно крупные системы долин с речками длиной от 6 до 10 км. Эти системы, обставленные по периферии горами, выглядят как открытые к морю котловины или, скорее, как горные амфитеатры (котловины Ласпинская, Ялтинская, Гурзуфская, Партенитская, Алуштинская). Примечательны своей более или менее правильной формой интрузивные горы (Аю-Даг, Кастель, Урага, Чамны-Бурун и др.). Они характерны в основном для участка от Алушты до Гурзуфа.

То, что принято называть собственно берегом моря, представляет собой почти непрерывную ленту сланцевых, диабазовых, известняковых скал или глинистых обрывов высотой от 10 до 100 м, разрушаемых волнами. Литораль обычно камениста или завалена колоссальными глыбами, пляжи очень коротки и в основном покрыты галькой и булыжником. Песчаные пляжи — редкость (Ласпи, Кастрополь, Ореанда — Золотой пляж, Партенит, район Алушты).

Уступ Яйлы надежно отделяет Южный берег от загорной части и выглядит весьма внушительным, непреодолимым барьером. В действительности это почти так и есть. Однако имеется несколько горных проходов — богазов с современными и старыми дорогами или, на худой конец, тропами: в районе Ласпи — Ласпинские и Мачук, против Фороса — Байдарские Ворота, возле Меласа — Шайтан-Мердвень, далее к востоку — Эски-Богаз, Гаспра-Богаз, возле Ялты — Ай-Василь-Богаз и др., против Гурзуфа — Гурзуфское Седло, в районе Алушты — Кибит-Богаз и Ангар-Богаз и т. д., вплоть до Судака. Яйла, несмотря на все эти богазы, представляет собой

барьер Южного берега, отделяя его мир от мира, находящегося по ту сторону гор. Эта особенность наложила отпечаток на природу Южного берега. Она имела значение и для его истории [7].

В общем Южный берег очень изолирован, а рельеф его сильно расчленен. Подбирая подходящий образ, можно сравнить его с бороздчатым бортом глубокой траншеи или — еще лучше—с откосом эскарпа, на котором природа умудрилась достичь поразительного разнообразия. С высоты нескольких километров это так и выглядит. Впрочем, такое сравнение приходит на ум уже на высоте Роман-Коша и Ай-Петри. Стоишь на вершине у края обрыва и не можешь взять в толк: что это там, внизу — земля или какая-то мешанина оврагов, гряд, скал?

4

Густая эрозионная сеть свидетельствует об исключительно большой роли текучей воды в выработке форм рельефа Южного берега. Однако русла коротких речек и ручьев большую часть года остаются сухими. Причина этого кроется в том, что водоупорные горные породы (глинистые сланцы) и покрывающие их глинистые грунты не способны впитывать и аккумулировать осадки. После дождей, выпадающих над южнобережьем, сброс осадков в море происходит в короткое время. Тогда овраги, русла ручьев и речек переполняются бешеными потоками воды, но проходит несколько часов или, в лучшем случае, дней, и потоки иссякают. Даже такие относительно большие речки, как Учан-Су и Гува у Ялты, Авинда у Гурзуфа, Улу-Узень и Демерджи у Алушты, обводнены непродолжительную часть года.

На Южном берегу, земле с исключительно ограниченными водными ресурсами, проблема воды и сейчас стоит очень остро. До недавнего времени во многих курортных пунктах постоянно ощущался ее недостаток. В бедственном положении находилась Алушта. Не лучше обстояло дело в Ялте; проблема водоснабжения этого города была решена совсем недавно подводом воды из загорного водохранилища по семикилометровому тоннелю, пробитому через Яйлу.

Рис. 2. Схема водоснабжения Южного берега за счет аккумулирующей роли массивов Яйлы (разрез через Алупку и гору Ай-Петри, 1233 м над ур. м.).

1 — верхнеюрские трещиноватые, закарстованные известняки; *2* — песчанистые и глинистые сланцы и песчаники средней юры, частично водопроницаемые; *3* — толща глинистых сланцев и алевролитов таврической формации, весьма ограниченно водопроницаемая; *4* — сброс воды массивами известняков (в основном на север); *5* — зона горных водоисточников. НШ — старое нижнее шоссе, ВШ — старое верхнее шоссе, НА — новая автомагистраль.

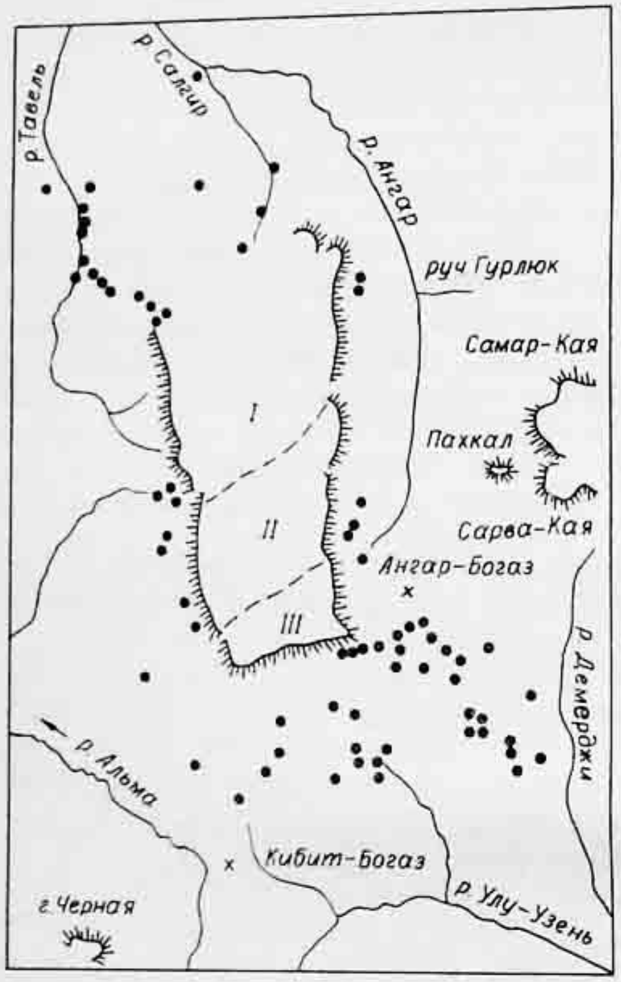


Рис. 3. Водоисточники (кружочки) окрестностей Чатыр-Дага, по карте Н. А. Головкинского.

Крестики — горные перевалы. I, II, III — нижнее, среднее и верхнее плато известнякового массива Чатыр-Дага.

Дело с водоснабжением могло бы обстоять значительно хуже, не будь такого аккумулятора атмосферных осадков, как трещиноватые, закарстованные известняковые массивы Яйлы. Осадки, выпадающие над Яйлой, быстро просачиваются в трещины и карстовые полости известняков и в конце концов достигают сланцевого водоупора. Затем они медленно и почти постоянно просачиваются на поверхность по контакту известняков с подстилающими их сланцами, образуя многочисленные родники очень чистой и холодной воды. Абсолютное большинство родников находится в верхней части берегового склона, неподалеку от подножия Яйлы. Они образуют обводненную зону вдоль всей Главной гряды гор (рис. 2). Некоторое количество родников имеется поблизости от крупных оползневых блоков между Ласпи и Форосом, в Симеизе и Алупке, в зоне Гаспринского хребта, на отрогах Никитской Яйлы. Родники выбиваются также в зоне контактов изверженных пород со сланцами, например у подножия Аю-Дага, Кастеля, Чамны-Буруна, Ураги и других интрузивных гор. Связь водоисточников с массивами известняков четко видна на карте района Чатыр-Дага (рис. 3) [8].

Жителями южнобережья эта связь была подмечена, по всей вероятности, в очень отдаленные времена и зачастую вынуждала их располагать свои поселения в верхней зоне берегового склона, устраивать каптажи над водоисточниками, проводить системы арыков от верхней зоны к прибрежной и даже прокладывать напорные водопроводы из гончарных труб. На Южном берегу таких водопроводов было найдено по крайней мере два: у мыса Ай-Тодор (от подножия Ай-Петри к римской крепости Харакс) и на седловине возле горы Кастель.

Водоисточники верхней зоны берегового склона играют исключительно важную роль в водоснабжении Южного берега и в наши дни. Если исключить Ялтинский тоннель, то можно сказать, что Южный берег на 80 % снабжается водой за счет горных источников и на 20 % — за счет удержания поверхностных вод в небольших водохранилищах (искусственые пруды на склонах). Горные источники находятся на строжайшем учете [9].

5

Крым, в том числе его Южный берег, находится на широте средней части умеренного пояса, однако для европейской территории СССР — это настоящий юг с сухим жарким летом и дождливой зимой. В нашу задачу не входит всестороннее рассмотрение климатических особенностей Крымского полуострова. Они весьма различны в разных его районах [10]. Отметим только самые существенные черты климатической обстановки Южного берега. Их можно перенести, с теми или иными поправками, и на отдаленные времена, что позволит представить условия обитания здесь в средние века, в античное время и в более отдаленные эпохи.

Несколько факторов определяет своеобразие климатических условий Южного берега. Прежде всего это южная и юго-восточная экспозиция склона, благодаря чему его освещенность прямыми солнечными лучами в любое время года продолжительна. Сумма прямой и рассеянной солнечной радиации достигает 100 ккал на 1 кв. см поверхности в год и более. Большое значение для формирования температурного поля южнобережного склона имеет его наклон навстречу солнечным лучам.

Среднегодовая температура около 13 °С. Это относится, правда, к самой прибрежной части, до высоты 200—300 м над ур. м. С подъемом в горы среднегодовая температура снижается и на плато Яйлы, например в районе Ай-Петри (1233 м над ур. м.), составляет только 6 °С. Иными словами, на каждые 100 м высоты она уменьшается на 0,5—0,6°. Абсолютный температурный максимум в прибрежной зоне 35—37°, абсолютный минимум (—12)÷(—14)°, но такие морозы — исключительно редкое явление, и даже в январе средняя температура в зоне прибрежья составляет около 4°. Разумеется, температурные условия во многом зависят от рельефа местности и широтного положения того или иного участка берега. Наиболее теплые районы — от залива Ласпи и мыса Сарыч до Мисхора и мыса Ай-Тодор. Теплым климатом отличается район Ялты. Далее к северо-востоку, к Алуште и Судаку, условия изменяются в худшую сторону.

Исключительное значение для климата имеет такой температурный регулятор, как Черное море. Летом оно умеряет температуры прибрежья, зимой согревает береговую полосу, отдавая тепло в атмосферу. За год Черное море получает до 80 ккал на 1 кв. см поверхности. Температура его поверхностного слоя летом достигает 22° (в пределе — до 28°), зимой снижается до 7°, но на глубине 150 м в течение всего года остается постоянной — около 9°. Летние бризы уменьшают температурную амплитуду между днем и ночью.

На всем протяжении от мыса Феолент до Судака Южный берег прикрыт Главной грядой Крымских гор. Этот барьер имеет не меньшее климатическое значение, чем другие факторы. Он закрывает берег от летних суховеев и зимних холодных ветров, гасит мощность воздушных потоков. Так, среднегодовая скорость ветра на нагорных плато Яйлы составляет около 6—7 м/с, в зоне прибрежья — только 2—3 м/с. В осенне-зимнее время нагорья защищают Южный берег от свирепого северо-восточного ветра — боры, достигающего скорости 20 м/с, а в тесных лощинах нагорных плато и на южной кромке Яйлы — 30—40 м/с. При таком ветре немыслимо удержаться на краю обрыва. Сильные северные ветры южного побережья обратили на себя внимание еще две тысячи лет назад [11].

Южнобережная полоса получает в год от 400 до 600 мм осадков, преимущественно в осенне-зимнее время. В прибрежье их меньше, в горах больше. Благодаря горному рельефу и распространению водоупорных грунтов значительная часть осадков быстро сбрасывается в море, особенно после коротких, но интенсивных летних ливней. Поэтому запасы влаги в почве и грунтах ограниченны, а густая сеть коротких оврагов, долины ручьев, речек и рек большую часть года остаются совершенно сухими. Тем не менее влаги все же хватает для буйной растительности, которая покрывает весь склон. Гигроскопической влаги в почве удерживается 5—10 %. Большую роль в водонасыщении почвы летом играет ночная конденсация водяных паров.

Казалось бы, при таких высоких летних температурах и близости моря климат прибрежья должен быть исключительно влажным. Южный берег, однако, отличается большой сухостью. Это позволяет легко переносить летнюю жару. Среднегодовая относительная влажность воздуха в зоне прибрежья составляет около 65 %, в горах — еще меньше. Летом она снижается до 50—55 %, зимой повышается до 70—75 %.

Все эти черты климата свойственны средиземноморской субтропической зоне. Широкое развитие пролювиальных отложений говорит о том, что в отдельные моменты прошлого климат отличался большей влажностью, но в целом в античное время и в период средневековья он был не менее теплым, чем сейчас.

6

Почвы — основа плодородия, а следовательно, благосостояния человека, по крайней мере потенциальная. Интересуясь условиями обитания населения Южного берега в прошлом, нельзя обойти вниманием характерные типы почв.

Почвы образуются и развиваются в сложной зависимости от ряда природных факторов — геологических особенностей места, рельефа, климата, растительности. Эта зависимость отчетливо проявляется на Южном берегу Крыма [12].

В нижней части склона распространены коричневые тяжелые суглинистые и глинистые почвы зоны сухих кустарников и лесо-

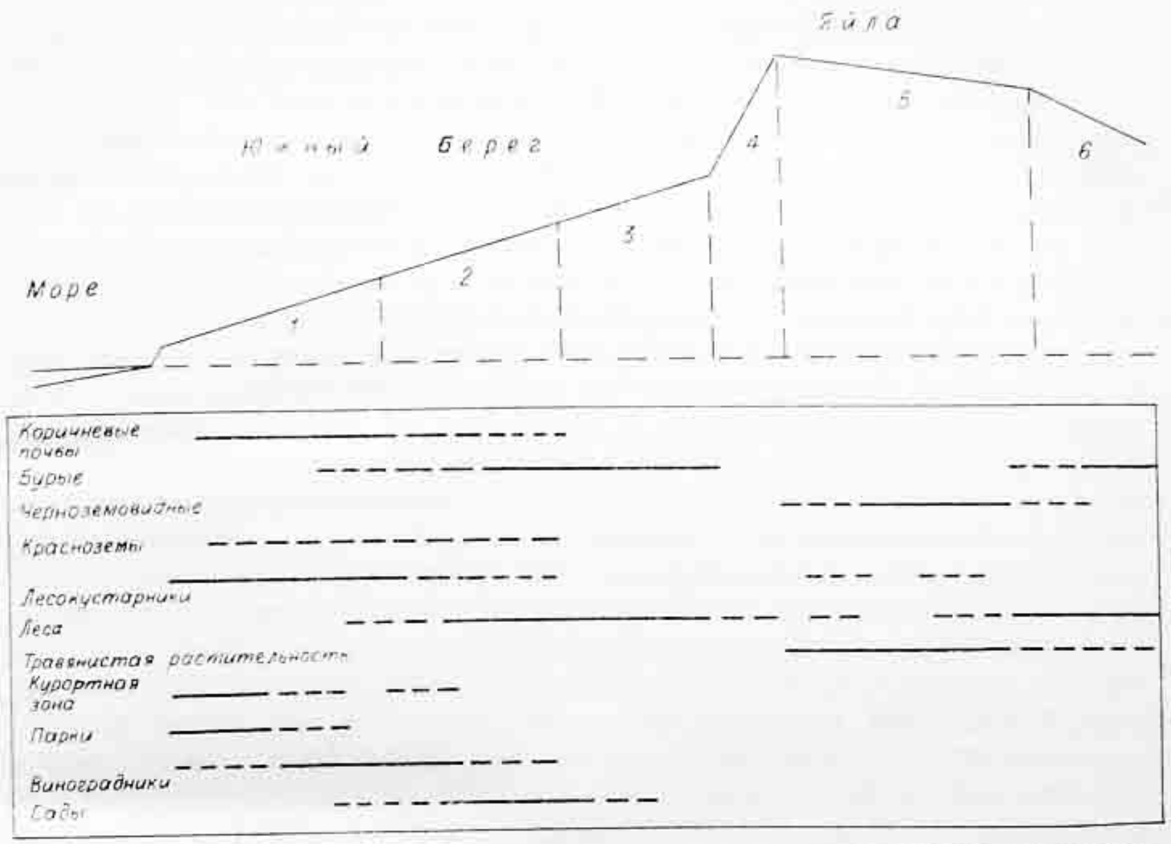


Рис. 4. Диаграмма некоторых элементов природного и культурного ландшафта Южного берега Крыма.

1, 2, 3 — нижняя, средняя и верхняя трети берегового склона; *4* — зона обрывов и скал южного уступа Яйлы; *5* — плато Яйлы; *6* — северные склоны Яйлы.

кустарников. Они занимают пояс от уровня моря до высоты 300—400 м. В них много тонкого щебня сланцев, они практически бескарбонатны. Содержание гумуса в коричневых почвах колеблется от 1,5 до 4 %. Коричневыми они названы в значительной мере условно, зачастую цвет их — серый и черный, но не от богатства гумуса, а из-за обилия черной сланцевой глины и сланцевого щебня. В условиях берегового склона почвенный покров подвержен сильнейшей эрозии. Особенно сильно эрозия захватывает участки, лишенные растительности (вырубки, гари, крутые склоны). Коричневые, обогащенные сланцевым щебнем почвы называют шиферными. На шиферных окультуренных (глубокая вспашка, выборка крупных камней) почвах выращивают ценные сорта винограда (Рислинг, Мускат и др.).

Выше 300—400 м над ур. м., ближе к подножию обрывов Яйлы, лежит второй пояс с темно-бурыми горно-лесными выщелоченными почвами (рис. 4). Такие почвы развиты на выходах сланцев и продуктах их выветривания, на диабазовых порфиритах и диабазах интрузивных массивов, на продуктах выветривания известняков. Они отличаются менее скелетным составом (меньше примеси щебня), высоким (до 5—11 %) содержанием гумуса в верхнем горизонте и оподзоливанием нижних горизонтов. При соответствующей обработке темно-бурые горно-лесные почвы успешно используют для

выращивания различных культур. В этом же поясе, там, где распространены преимущественно известняки, образуется маломощный почвенный слой перегнойно-карбонатного состава.

На обращенных к югу скалах Яйлы никакого почвенного покрова, разумеется, нет. На плато Яйлы почвенный покров имеет не повсеместное распространение. В тех местах, где часты сильные ветры, мелкозем выдут, он сохранился только в углублениях между известняковыми гребешками — каррами. Здесь поверхность либо представляет собой «лысые» выходы известняков, либо покрыта россыпями известнякового щебня или маломощными горно-луговыми почвами с очень высоким (до 20 %) содержанием гумуса. Эти почвы напоминают черноземы и по плодородию не уступают настоящим черноземам, но условия, в которых они распространены (высокие плато со специфической климатической обстановкой), мало способствуют их использованию. Впрочем, в защищенных от ветра карстовых понижениях, в седловинах и на подветренных склонах выдувание и смыв мелкозема не играют роли, здесь накапливаются мощные слои черноземовидных почв, подходящих для разведения огородных культур. Почвы Яйлы обеспечивают пышный расцвет сезонной травяной растительности пастбищ. Кое-где сейчас их используют под огороды. В прошлом зона Яйлы была освоена больше, чем сейчас [13].

Особое место в зонально-поясовом распространении почв Южного берега занимают так называемые красно-бурые почвы, или краснозе́мы,— terra rosa (красная земля). Они распространены в районе Ласпи — Меласа, Симеиза — Гаспры, Гурзуфа — Алушты на разных высотных уровнях, но преимущественно — в нижней и средней частях берегового склона и почти исключительно там, где глинистые сланцы таврической формации перекрыты каменными развалами известняков и продуктами их выветривания. Эти продукты представляют собой мощные накопления красной глины, на которой и развиваются красно-бурые почвы.

Верхнеюрские известняки выглядят по большей части как светло-серые породы (на свежем сколе). Они почти полностью состоят из карбоната кальция. В некоторых разностях известняков есть примеси кремнезема, глинозема, окислов железа и магния. Содержание окислов железа в них составляет от 0,05 до 0,5 %, но именно они сообщают красный цвет глинам, остающимся после выветривания известняков. В красных глинах содержание окислов железа достигает 7—8 %, окиси магния — 1—2 %. При разрушении известняка карбонат кальция постепенно растворяется в воде и в дальнейшем может отлагаться в горных речках в виде известнякового туфа. На месте остаются труднорастворимые компоненты породы — кремнезем, глинозем, окислы железа и магния. Именно благодаря этому накапливаются красные глинистые продукты, перемешанные со щебнем и глыбами известняков. Мощные накопления красных глин формировались в прошлом при более влажном и еще более теплом, чем сейчас, климате, однако красные глины образуются и в настоящее время, хотя и менее быстрыми темпами.

Красно-бурые почвы на красных глинах отличаются высоким плодородием. На них культивируют высококачественные сорта винограда и табака. Не нужно иметь утонченного обоняния и вкуса дегустатора, чтобы заметить разницу между виноградом, взращенным на красноземах и созревшим на сланцевых почвах. Именно на красноземах выращивают тот сорт Александрийского муската, который дает наилучшее крымское вино «Красный камень».

Красные глины и красно-бурые почвы, развитые на них, занимают приблизительно 10 % площади южнобережного склона и еще далеко не везде освоены. Осваивались они и в прошлом. Остатки многих средневековых поселений и исаров находятся поблизости от ареалов красноземов.

Климатические условия Южного берега сходны со средиземноморскими; вполне удовлетворительны и даже хороши почвенные условия. Этого сочетания в общем достаточно для аграрного освоения территории. Однако нельзя забывать, что Южный берег — это гористая страна с обилием камня в любых его геологических формах — будь то плитки шиферного сланца, массивные плиты песчаника, глыбы известняка или изверженных пород. Камень составляет до половины всех продуктов выветривания. Попадает он и в почвы. Если сейчас, когда распашку и плантаж склонов ведут с помощью тяжелых машин (бульдозеров, тяжелых тракторов с плантажными плугами и т. д.), подготовка площадей для аграрного использования трудоемка, то в прошлом это дело требовало усилий многих поколений. Следы этого поистине титанического труда (каменные кучи, террасированные склоны, подпорные стены — крепиды, каменные ограды угодий) повсеместны на Южном берегу. Люди уходили из жизни, оставляя по себе память в камне, пусть даже не уложенном в стену, а всего лишь отброшенном в сторону с крохотной делянки, некогда любовно и в поте лица возделанной, ныне же заросшей вековыми деревьями и чащобой колючих кустов. Если бы камни могли отдавать человеческую энергию, то камни Южного берега поистине были бы неисчерпаемым ее источником.

7

На Южном берегу, включая каменистые склоны Яйлы, обращенные к морю, насчитывают полторы тысячи видов растений. Быть может, это и не слишком много для места, находящегося под 44-м градусом широты. Но какие это растения!

От уровня моря до высоты примерно 300 м (со значительными колебаниями в зависимости от местных условий) растительный покров гористой полоски земли, если отбросить в нем все декоративно-экзотическое, культурное, состоит из древовидного можжевельника (колючего и мягкого), кустарникового можжевельника (в основном колючего), пушистого и каменного дуба, грабинника, дикой фисташки (терпентинового дерева, или кевы), кустов терна, ломоноса, держидерева, шиповника. Наиширочайшее распространение имеет типично средиземноморский кустарничек иглица (*Ruscus ponticus*),

устилающий обманчиво пушистым ковром каменистые склоны и вонзающийся тысячью иголок на концах ложнолистьев (кладодий) в ноги неосторожного путника. В этом же поясе и выше распространены два-три вида боярышника, пахучая скумпия, кое-где сосна, похожая на пицундскую, и другие виды древесных, кустарниковых и полукустарниковых пород. Все это, вместе взятое, составляет так называемый дубово-можжевеловый пояс ксерофитной растительности Южного берега, в котором много своеобразия и еще больше колючек.

Одним из великолепнейших представителей дикой растительности является здесь мягкий древовидный можжевельник (*Juniperus excelse*). Его осталось не так-то много. Деревья можжевельника достигают 5—10 м в высоту, и некоторые из них, с метровыми в диаметре, узловатыми, скрученными стволами, имеют весьма почтенный возраст — 500 лет и больше. Они осваивают и покрытые рыхлыми наносами пологие склоны в Ласпи, и сланцевые косогоры восточнее Алушты, и каменные развалы и голые скалы на мысе Мартьян (Никитском), в Симеизе, Ореанде и других пунктах прибрежной полосы.

Оригинальна и дикая фисташка (*Pistacia mutica*). Это одно из немногих деревьев, которые произрастают главным образом на месте старых поселений и служат своеобразным фитоиндикатором древних развалин. Возможно, в прошлом ее насаждали специально для получения терпентинового масла, но сейчас она типичный дикорос. К числу одичавших относятся и многочисленные яблони, груши, миндаль и другие деревья. Кое-где встречаются кусты мушмулы и одичавший инжир — эта библейская смоковница, или фиговое дерево (*Ficus carica*). Попадаются даже одичавшие маслины, не перестающие плодоносить.

В нижний пояс растительности Южного берега входит вечнозеленый земляничник — удивительное по красоте раскидистое дерево. К концу лета оно сбрасывает не темно-зеленые глянцевитые листья, а тонкую красноватую шкурку коры. В парках земляничник (*Arbutus andrachne*) выглядит этаким экзотичным южанином и неизменно привлекает внимание туристов голыми розоватыми стволами и ветвями. Трудно поверить, что это дерево не является культурным и редким на Южном берегу. Оно предпочитает развалы камней и каменные хаосы, как на Никитском мысу или возле Батилимана, и забирается даже на вертикальные обрывы Яйлы. Так, против Меласа и Фороса крупные деревья земляничника вырастают на голых скалах из небольших расселин и едва заметных трещин. Местами на долю земляничника приходится 40—50 % в растительном покрове нижнего пояса. Настоящие леса земляничника можно найти на горе Ай-Никола, над Ореандой, и вдоль берега залива Ласпи, от Батилимана до мыса Айя.

Знакомясь с растительностью прибрежья, обращаешь внимание еще на два вида дикой флоры — каперсы (бешеный огурец) и тамариск. Стелющиеся каперсы предпочитают сланцевые солнечные склоны поблизости от моря. Полупрозрачный ажурный тамариск

образует бордюры у верхней кромки пляжей и чуть ли не залезает корнями в море.

Второй растительный пояс начинается с 300—400 м над ур. м. Господствующее положение занимает в нем крымская сосна (*Pinus pallasiana*). У границы с первым поясом еще немного дуба и сопутствующих ему пород, но чем выше по горным склонам, тем больше появляется граба, клена, рябины, осины. Местами именно они составляют основную растительную ассоциацию при незначительном участии сосны. Однако сосновые леса второго пояса распространены почти вдоль всего Южного берега, особенно между Симеизом и Алуштой. Сосны покрывают сланцевые склоны и взбираются на скальные обрывы Яйлы.

В лесах второго пояса масса дикой яблони, лихолистной груши, кизила. В тенистых местах с постоянно увлажненной почвой, например на спусках с Ласпинских перевалов, заросли кизила достигают невероятной густоты. Крупные кизиловые деревья, увешанные бородатыми лишайниками, нередко являются основной древесной породой в лесу на значительной площади горного купола Аю-Дага. В пору созревания ягод из кизиловой чащобы невозможно выбраться, не вкусив их досыта. Кстати сказать, кизил обладает массой лечебных свойств. Недаром в прошлом он был патентованным средством от множества болезней и немочей.

С высоты 600 м над ур. м. в составе леса появляется крымский бук (*Fagus taurica*). В районе Алушты буковые леса начинаются метров на сто ниже Яйлы и поднимаются до самого плато по более или менее широким каньонам и долинам. На скалах бука нет. Буковые леса распространены только в горной части Крыма и занимают 33 тыс. га, или 13,6 % от общей площади лесов Крыма [14]. Из этой площади на Южный берег приходится едва ли пятая часть. На высотах 600—1000 м к буку примешиваются граб, липа, ясень, клен.

Собственно буковые и сосново-буковые леса образуют третий растительный пояс Южного берега, выше которого поднимаются только голые скалы уступа Яйлы и пояс травяной и кустарниковой растительности ее наклоненных к северу плато. Это действительно превосходные нагорные пастбища, зеленеющие и цветущие весной и осенью и выгорающие на короткое время в июльско-августовскую жару.

В общем, если встать на край обрыва Яйлы, лицом к морю, можно увидеть, как глубоко внизу раскинулся сплошной полог лесов — лесистая страна «Южный берег». Спускаясь по плато Яйлы к северу, снова попадаешь в лесное царство межгорных долин. С севера и с юга леса наступают на массивы известняков, смыкаясь друг с другом в понижениях горных проходов.[15]

Встает вопрос, существенно ли изменилась растительность Южного берега за последние 3—5 тыс. лет. В отложениях песков и галечников в морских террасах и в террасах речных долин, в многометровых толщах глинисто-щебенистого делювия, перекрывающего культурные горизонты средневековья, античности и эпохи энео-

лита, попадаются ветки и стволы можжевельника, дуба, земляничника, сосны. Там, где горные речки откладывают карбонат кальция и нарастают слои известкового туфа (травертина), можно собрать окаменевший гербарий, в котором окажутся и листья бука, граба, клена, ясеня, рябины, и иглы сосны, и ветки можжевельника — чего только нет в известняковом туфе из того растительного мусора, который попадал в речки, застревал на каменистых перекатах и водопадах, где шло отложение извести. Эти остатки позволяют судить об устойчивости дикой растительности Южного берега на протяжении длительного времени. Тем самым по современной растительности мы можем судить еще об одной черте ландшафтной обстановки доисторической, античной и средневековой Таврики.

Существенно изменяться растительность Южного берега, и то главным образом только в нижнем поясе, стала полтораста лет назад благодаря разведению парков и виноградников. Виноградники, как известно из письменных источников, были здесь и в средние века и, по-видимому, в античное время. Может быть, и тогда они занимали значительную часть площади, но старые плантации давным давно успели зарасти кустарниками и с большим трудом обнаруживаются в удалении от современных курортных поселков. Снова виноградарство начало развиваться на Южном берегу в прошлом столетии. Сейчас под виноградники распахивают все новые и новые участки сланцевых склонов и склонов, покрытых красноцветными глинами. Виноградники поднимаются до высоты 200—300 м над ур. м., вытесняя дикую растительность дубово-можжевелового пояса.

Вполне понятно, что и культурная парковая растительность не поднимается до больших высот. Садово-парковые насаждения с сотнями видов теплолюбивых деревьев и кустарников занимают на Южном берегу, без преувеличения, всего процентов пять площади, не считая территории собственно санаторно-курортных застроек и курортных поселков, расположенных в том же, первом от уровня моря, высотном поясе. Излюбленный флористический мотив парков — платаны, магнолии, лавр, лавровишня, олеандр, пихты, сосны (от обыкновенной северной до сосны Монтезумы), секвойи, несколько видов тисса, мушмула японская, земляничник, несколько видов кедра, ленкоранская акация, глициния, самшит, агавы, пампасская трава, грецкий орех, эвкалипты и, конечно, измененные кипарисы. Последних несколько видов, но наиболее обычен и, можно сказать, повсеместен пирамидальный кипарис (*Cupressus sempervirens*). Он сообщает ландшафту Южного берега тот своеобразный экзотический оттенок, который вот уже несколько поколений фотографов и художников стараются передать в открытках и картинах «С приветом из Ялты»[16].

Если закрыть глаза на садово-парковое великолепие Южного берега, то вряд ли его растительность можно назвать пышной. Слов нет, растительный покров очень густ и разнообразен, но это далеко не райские кущи. Преобладают здесь или составляют значительный процент виды, приспособленные к своеобразным условиям обитания: достаточно солнца, но зачастую не хватает влаги; есть плодородные почвы, но много скал и большие площади покрыты каменными развалами. Дикая растительность Южного берега показывает пример неприхотливости и великой силы жизни.

Ветер забросил семена в трещины на голой скале и чуть припорошил их пылью. И вот уже из трещин появились упругие росточки, а там, со временем, на каменных полках поднялись можжевельники, сосны, густо-зеленые краснокорые земляничники. На голых скалах! Но на Южном берегу к этому привыкаешь. Чему удивляться в таком-то климате!

А удивляться, право, стоит. Прежде всего тому, как вся эта растительность умудряется добывать влагу и минеральные вещества в безводных и бесплодных на первый взгляд скалах, с какой силой корни деревьев проникают в мельчайшие трещины, рвут камни и оплетают их, создавая неповторимый конгломерат живого и косного, как медленно растут эти деревья. На сантиметр толщины ствола у древовидного можжевельника, растущего на скале, приходится 20—25 годичных колец. В скрученных корнях дерева, которому 500—700 лет, застрял обломок старой черепицы — знайте: они ровесники — это дерево, каждый сучок которого намного старше вас, и этот обломок обожженной глины с крыши жилища средневекового тавричанина.

8

Природная изоляция Крыма очень сильно сказалась не только на растительности, но и на его животном мире, специфичном и ограниченном по числу видов. Фауна Южного берега имеет много общего с фауной всего Юго-Западного Крыма[17].

Список млекопитающих насчитывает немногим более 50 видов, в том числе: насекомоядных (еж, белозубки)— 6 видов, рукокрылых (летучие мыши)— 18, грызунов (белка, суслик, крысы, мыши, полевки)— 14, хищных (куница, хорь, ласка, барсук, волк, лисица, енотовидная собака)— 5, зайцеобразных (заяц-русак, дикий кролик)— 2, парнокопытных (кабан, олень благородный, косуля, европейский муфлон)— 4, китообразных (дельфин-белобочка, афалина, морская свинья) — 3 вида.

Леса Южного берега производят на первый взгляд впечатление пустынных. Внимательный наблюдатель, однако, заметит, что в них присутствуют почти все перечисленные звери, за исключением разве что волка, который предпочитает держаться степных районов. Олень, косуля и муфлон обитают сейчас в основном на территории Крымского государственного заповедника. Кабаны слоняются по глухим местам и до недавних лет в большом числе навещали урочище Ласпи.

Множество грызунов, сухой и теплый климат, скалы и каменные россыпи — что еще нужно, чтобы здесь водились змеи? В Крыму известно 14 видов пресмыкающихся, в том числе несколько видов ящериц — непременных обитателей камней и скал — и несколько

видов змей, преимущественно неядовитых, из которых на Южном берегу довольно много ужей, полозов и медянок. Добавьте к этому несколько видов лягушек, гребенчатого тритона — из земноводных, несколько видов птиц — среди них черного дрозда, сойку, дикого голубя, перепелку, и вы получите исчерпывающее представление о скромной фауне Южного берега.

Сейчас эта фауна не имеет ни малейшего промыслового значения. Правда, в лесах Юго-Западного Крыма и Южного берега довольно часто попадаются до зубов вооруженные охотники, но делать им здесь, честно говоря, нечего.

В прошлом парнокопытные были распространены в Горном Крыму значительно шире и в большем числе, однако не настолько, чтобы служить единственным или главным источником питания. Горный Крым не мог обеспечить прожиточный минимум даже человеку палеолита [18].

Реки Крыма невелики, мелководны и часто пересыхают. Несколько видов пресноводных рыб, которые в них обитают, интересны разве что для биолога.

Если фауна высших животных в Крыму весьма ограничена, то беспозвоночные животные представлены в изобилии. Одних только насекомых насчитывают несколько тысяч видов, в том числе до 3000 видов разнообразных жуков, до 1000 видов бабочек и т. д. Здесь обитает и более 100 видов наземных моллюсков, среди которых многочисленны такие брюхоногие (гастроподы), как хеликс (виноградная улитка), ксерофила, булиминус. В сухое время хеликсы прячутся в норки, но стоит пройти небольшому дождю, и мириады моллюсков выползают на поверхность. Как ни удивительно, но именно эти примитивные беспозвоночные в прошлом зачастую играли заметную роль в пищевом рационе южнобережного населения: их раковины представляют собой постоянный компонент в кухонных остатках, относящихся к периодам от эпохи энеолита до средневековья включительно. Следует заметить, что умело приготовленные виноградные улитки — изысканное и калорийное блюдо, если отнестись к нему без предубеждения.

9

Наконец, море. Черное море...

Для греков гомеровской и геосидовой поры оно было негостеприимным — Понтом Аксинос. Затем, с развитием колонизационного движения эллинов, а может быть, в известной мере и в пропагандистских целях, чтобы поощрить выход значительных масс населения из тесной Эллады на широкие берега северо-восточного моря, оно было переименовано в гостеприимное — Понт Эвксинос. Во многом это последнее название оно оправдало, предоставив обширные и богатые пространства берегов для дальнейшего многовекового развития культуры эллинов.

Для Крыма, и Южного берега в частности, Черное море во все времена имело колоссальное значение. О влиянии его на климат мы уже говорили. Остается подчеркнуть еще раз, что это влияние поистине огромно.

На протяжении нескольких последних тысячелетий соотношение суши и моря в Черноморском бассейне было таким же, как сейчас [19]. Проливы Босфор и Дарданеллы образовались задолго до развития греческой культуры в Средиземноморье, соединив Черноморский бассейн со Средиземноморским. Задолго до этого Крым был и после этого продолжал оставаться полуостровом, а в какие-то времена воды Каркинитского залива и Азовского моря смыкались над невысоким Перекопским перешейком, совершенно изолируя Крым от массива северной суши и превращая его в остров. Следовательно, именно море обеспечивало природную изоляцию Крыма и выступало в роли широкого предполья, которое гарантировало обитателям полуострова ту или иную меру безопасности.

В истории развития и распространения цивилизаций моря (и океаны), однако, никогда не служили препятствием. Напротив, они облегчали сношения между народами. В прошлом путь по морю зачастую оказывался более легким, чем по суше, несмотря на зависимость плаваний от погодных условий. Это может показаться парадоксальным, но сравните, например, такие данные.

Авторы античных периплов (лоций) и периегесов (землеописаний) указывали путь морем от устья Истра (Дуная) до побережья Таврики в трое суток. А сколько нужно было затратить дней на путь между этими пунктами по суше? Два тысячелетия назад парусно-весельное судно шло от южного берега Черного моря до берега Таврики (260—290 км) сутки, грузовое судно при неблагоприятных условиях — трое суток, тогда как всего 100 лет назад, чтобы добраться от Симферополя до Алушты и Ялты по горной дороге (60 и 100 км, учитывая все прихотливые повороты горного пути), люди тратили двое-трое суток!. Античная бирема или трирема проходила путь между Херсонесом (у Севастополя) и Пантикапеем (Керчь) за по́лтора суток (230 км по каботажной линии, или 1500 средних греческих стадий, считая стадию за 155 ± 3 км), но даже сейчас на дорогу между этими пунктами при наличии автобусного сообщения уходят сутки, а если добираться по Южному берегу, то и того больше [20].

Путь морем энергетически более выгоден, значительно менее трудоемок, чем путь по суше, даже если приходится всю дорогу ворочать тяжелыми веслами в штилевую погоду и испытывать страх и неудобства во время шторма.

На берегах Черного моря оседали разные народы и возникали многие государства. Морские коммуникации связывали их, а не разобщали. Отчасти именно благодаря развитию мореходства как средства для установления торговых связей становилось возможным многовековое существование самих этих государств. Крым в Черноморском бассейне занимает очень выгодное срединное положение, и, базируясь на этом, легко осуществлять контроль за мореходством между западной и восточной половинами моря, за коммуникациями между его южным и северным побережьями.

Центральна
наукова бібліотека
АН УРСР
Арх. № 10

И еще одна очень важная деталь: пищевые ресурсы Черного моря и его мелководного аппендикса — Азовского моря. В прошлом они имели колоссальное значение.

Замкнутый характер Черноморской котловины и мелководность проливов Босфор и Дарданеллы привели к тому, что в глубинах моря развилось заражение воды сероводородом за счет разложения трупов организмов, опускающихся из верхних слоев воды на дно. Зона сероводородного заражения начинается с глубины 150 м и простирается до дна, до максимальных глубин Черноморской впадины в 2240 м. Вся эта толща воды и дно представляют собой практически абиотическую зону, в которой могут существовать только серобактерии и некоторые другие примитивные организмы. Однако верхний слой воды Черного моря насыщен жизнью.

В Черном море промысловое значение имеют многие виды рыб, в том числе анчоус (хамса), сельдь, камбала, глосса, ферина, скумбрия, султанка (барабуля), разные виды кефали, ставрида, пеламида, тунец. О колоссальных размерах рыболовства в прошлом можно составить представление по многочисленным и емким рыбозасолочным цистернам античного и раннесредневекового Херсонеса. Рыба была основой из основ экономического благополучия этого города-государства, точно так же, как и для экономики Боспорского царства в восточной части полуострова. Лов рыбы на Южном берегу был развит исстари. Рыбьи кости и чешуя составляют значительную часть кухонных остатков в культурных слоях различных эпох. Вместе с тем от энеолита до средневековья включительно использовались в большом количестве и морские беспозвоночные, особенно мидии, устрицы, пателлы, раковины которых также встречаются в кухонных остатках. Добавьте к этому дельфина-белобочку и афалину, которые тоже могли иметь промысловое значение [21].

Пищевые ресурсы Черного моря вполне компенсировали (и компенсируют сейчас) ограниченные запасы дичи в Крыму. Даже в такое отдаленное время, как энеолит (III—IV тысячелетия до н. э.), когда еще не могло быть и речи о мореходстве или о настоящем морском промысле и люди занимались только собирательством на берегу моря, на литорали, в прибрежной зоне долгое время процветала культура «раковинных куч». В слоях энеолита мы находим и чешую камбалы, и клешни крабов, и раковины моллюсков.

Этим мы заканчиваем обзор природных условий южнобережной полосы, предоставив читателю самому судить о тех преимуществах и недостатках, которые она имеет в сравнении с другими местностями. На наш взгляд, в ней больше преимуществ, чем недостатков. По всей вероятности, этот взгляд разделяли в прошлом многие народы. Они стремились к берегам Таврики и оседали здесь на долгие времена. Вне всякого сомнения, жизнь их здесь не была безбедной, она требовала тяжелого труда (как, впрочем, и везде), но труд этот в сочетании со многими благоприятными природными факторами вполне окупал себя и давал необходимую для существования экономическую основу.

Одним из решающих факторов, оказавших влияние на ход исторических процессов на Южном берегу, была природная изоляция этой территории.

II

КРЕМНИ, МИФЫ, РУИНЫ — ПРЕДЫСТОРИЯ И АНТИЧНАЯ ЭПОХА КРЫМА

История — сокровищница наших деяний, свидетельница прошлого, пример и поучение для настоящего, предостережение для будущего.

Мигель де Сервантес Сааведра

Вот мы пришли в далекий край земли,
В безлюдную пустыню диких скифов.

Эсхил

1

Впрочем, Эсхил не прав. Этот далекий край земли не был безлюдным даже на заре истории человечества. Еще и в помине не было скифов, а Северное Причерноморье — степи, Крым, Кавказ — населяли народы, которые оставили по себе след. По крайней мере с позднего палеолита, т. е. уже 20—10 тыс. лет назад, в пещерах Горного Крыма обитал человек, нашедший здесь убежище от холодов и ледников Русской равнины. Убежище и пищу.

С позднего палеолита и до современной эпохи Крым периодически захлестывали волны народов, память о которых сохранили либо пещерные стоянки и кремневые наконечники, либо руины жилищ и крепостей, названия гор и рек, надписи, выбитые на камне, россыпи гончарных обломков и монет, исторические документы или же мифы и легенды. Вещественные следы пребывания народов, так называемые древности, обильны и разнообразны.

Представьте себе на площади в 2500 кв. км более 1000 пунктов, в которых в прошлом и текущем столетиях (главным образом между 1850 и 1940 гг.) были обнаружены, взяты на заметку, учтены или описаны, даже подробно изучены (последнее — реже) те или иные древности — от неясных следов первобытных стоянок, или «полей рассеяния», обломков керамики до остатков обширных поселений и руин крепостей... В среднем — один пункт на 2—3 кв. км. Это не мало!

Не будь эти древности в большинстве своем неприметными, иногда же вовсе скрытыми под наносами или в труднодоступных местах, какой бы это был великолепный ансамбль памятников прошлых эпох. В то же время какое бы это было жестокое напоминание о безжалостной необратимости времени!

Та тысяча пунктов, о которых идет речь, распределена в Юго-Западном Крыму неравномерно. Добрая половина их сосредоточена на Южном берегу, на площади едва ли больше 300 кв. км. Объясняется это лучшей изученностью Южного берега по сравнению с остальной частью Юго-Западного, да и вообще Горного Крыма. Год от году делаются новые открытия, по большей части случайные, и число регистрируемых древностей неуклонно возрастает. Ни Южный берег, ни весь Крым вообще еще не исчерпали своих археологических возможностей. Находки продолжают сыпаться как из рога изобилия. Даже в давным-давно обследованных местах открывают новые первобытные стоянки, античные и средневековые поселения, ранее неизвестные или забытые крепостные постройки. Так было, например, в Гурзуфе и Ялте, в районе Симеиза и у Кастрополя, в Форосе и Ласпи. «Крым для археологической науки,— заметил как-то Максим Горький,— золотое дно». Можно добавить, что Южный берег — поистине сундук с сокровищами.

Что касается хронологии учтенных древностей, то большая часть их принадлежит эпохе раннего железа, античности и средневековью. Остатков первобытных времен значительно меньше. Это и понятно: объем дошедшей до нас археологической информации обратно пропорционален времени. Время неумолимо стирает следы прошлого, действуя слепыми силами природы или же руками самого человека.

Известные древности Юго-Западного Крыма распределяются по эпохам приблизительно так [1]:

Эпоха	Кол-во пунктов
Палеолит (древнее 10 тыс. лет до н. э.) — главным образом пещерные стоянки, находки кремневых орудий	20
Мезолит (10—5 тыс. лет до н. э.) — открытые и пещерные стоянки, стоянки под скальными навесами, находки кремневых орудий	Около 40
Неолит (5—3 тыс. лет до н. э.) — главным образом открытые, реже пещерные стоянки, находки кремневых орудий	60
Энеолит (3—2 тыс. лет до н. э.) — открытые стоянки, скопления кухонных остатков, находки кремневых орудий, изделий из меди, керамики	Более 70
Эпоха бронзы (2—1 тыс. лет до н. э.) — стоянки, могильники, святилища, орудия, керамика	Более 110
Эпоха раннего железа (IX—IV вв. до н. э.) — могильники, поселения, убежища, предметы материальной культуры	Около 150
Античность (VII в. до н. э.— III в. н. э.) — поселения, укрепления, могильники, храмы, отдельные хозяйственные и ремесленные постройки, разнообразные находки предметов материальной культуры	250
Средневековье (IV—XV вв. н. э. и моложе) — поселения, усадьбы, укрепления, замки, монастыри, храмы, могильники, пещерные комплексы военного и бытового назначения, ремесленные мастерские и многое другое	Более 300

В процентах от общего их числа это выглядит так:

Палеолит	2	Эпоха бронзы	11
Мезолит	4	Эпоха раннего железа	15
Неолит	6	Античность	25
Энеолит	7	Средневековье	30

Со временем число пунктов может значительно возрасти, но соотношение их останется, наверное, таким же. Уже сейчас можно сказать, что средневековых памятников намного больше, чем учтено. Дело в том, что средневековые памятники долгое время не привлекали к себе внимания крымских археологов, увлеченных античностью. Изучение средневековья Южного берега вообще отстало от античной археологии Крыма. Достаточно сказать, что за последние 10 лет только на Южном берегу было найдено более полусотни ранее неизвестных могильников, поселений, храмов и крепостей. Если прозкстраполировать это еще хотя бы на ближайшие 10—20 лет, то можно ожидать, что средневековье резко перевесит в нашей статистике, а кривая распределения памятников по времени превратится в круто нарастающую гиперболу.

Каменные орудия, глиняные обломки, остатки примитивных или, напротив, великолепных по своей архитектуре построек, немые могилы и надгробия с надписями, крепостные сооружения и развалы храмов — всего этого с избытком хватит для десятков увесистых томов археологических описаний. И все же этого недостаточно, чтобы воскресить в памяти людей подробности исторических событий и имена народов, населявших Крымский полуостров.

Здесь выручают нас исторические документы. Вспомним строки Ивана Бунина:

Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана:
Из тьмы веков, на мировом погосте,
Звучат лишь письмена...

2

Первыми и довольно подробными сведениями о народах, издревле населявших Северное Причерноморье и Крым, историческая наука обязана древнегреческим и римским авторам — географам, историкам, мореплавателям. В сочинениях 2—2,5-тысячелетней давности и в мифах еще более почтенного возраста немало упоминаний о Понте Эвксинском — Черном море, о его берегах, о племенах варваров, населявших причерноморские и более далекие земли, об их обычаях и нравах, о богатстве заморских (запонтийских) стран [2].

Проникнув в Понт, древние греки открыли для себя удивительный мир неведомого. Ими руководило, разумеется, не простое любопытство, не бескорыстная тяга к географическим подвигам. Они руководствовались, безусловно, экономическими соображениями, практической необходимостью раздвинуть тесные границы средиземноморской ойкумены. Однако, что бы ни вело их вперед, им всегда были присущи любопытство и наблюдательность. Древние истории, землеописания, периплы остаются неисчерпаемыми источниками географических, этнографических и иных сведений об античном мире.

Эллины познакомились с Понтом Эвксинским задолго до того, как им стало известно в подробностях Западное Средиземноморье.

В сущности, для этого им нужно было пересечь всего лишь тесное архипелажное Эгейское море, пройти узким Геллеспонтом (проливом Дарданеллы) и замкнутым бассейном Пропонтиды (Мраморным морем), чтобы оказаться в проливе Боспор (Босфор) — на пороге Эвксинского Понта. Весь этот путь (от Афин) едва ли больше 600 км. Требовалось несколько дней, чтобы пройти его на парусно-весельных судах. Примерно столько же времени нужно было затратить на плавание от Боспора к северным берегам Понта. В общем — не бог весть какое грандиозное предприятие...

Тем не менее неизвестно, как замечает Рихард Хеннинг [3], при каких обстоятельствах произошло открытие Северного Причерноморья греками и к какому времени относится это событие.

В мифе о Ясоне, сыне Эсона из Иолка в Фессалии, и его сподвижниках, пустившихся в плавание на корабле «Арго»[4] за золотым руном в Колхиду [5], уже упоминается Скифия — страна в Северном Причерноморье. Герои достигли ее спустя три дня после отплытия из Колхиды. В том же мифе говорится и о р. Истр (Дунай), впадающей в Понт [6].

Предполагают, что миф об аргонавтах, так сказать в начальной его редакции, передавал события именно первого проникновения эллинов в Черное море. Это проникновение произошло, надо полагать, вскоре после Троянской войны (т. е. после 1184 г. до н. э.). Несомненно, сама Троянская война была борьбой ахейцев за проливы и выход в Черное море. На протяжении столетий миф об аргонавтах претерпевал изменения, в него вплетались эпизоды и сюжеты, навеянные более поздними открытиями. Очевидно, много добавлений к нему было сделано не ранее VIII в. до н. э. [7] В числе этих добавлений — Колхида, Скифия, Истр.

Знакомство эллинов с северными берегами Черного моря начало завязываться в VIII—VII вв. до н. э., во времена Гесиода. Но и тогда Северное Причерноморье, Крым, Кавказ были для них еще в известной мере terra incognita, странами легендарными, мифическими, где, наряду с людьми, вполне могли обитать и боги, которым почти не осталось места в тесной Элладе, разве что на лысой вершине Олимпа. На северные и восточные берега Понта, который поначалу показался не слишком приветливым, воображение греков отсылало и бродягу Геракла, и подвижника Прометея, и несчастную Ифигению, и других небожителей.

Но если греки начали познавать северные берега Черного моря не раньше VIII—VII вв. до н. э., то как быть с Гомером и «Одиссеей»? По мнению некоторых знатоков (и это мнение постоянно фигурирует в историко-популярной литературе о Крыме), в этом эпосе есть сюжет, который разворачивается якобы на фоне Крымского побережья и даже более того — в Балаклавской бухте, тогда как хронологические рамки поэмы определенно включают XII в. до н. э. (возвращение Одиссея после Троянской войны).

На пути своих странствий из Трои на Итаку Одиссей прибывает в страну лестригонов, к г. Ламосу; его корабли входят в узкую бухту с ограждающими вход скалами; встреча с дочерью лестригона

Антифата и его великорослой супругой; Антифат пожирает одного «одиссита», а лестригоны каменными глыбами разносят в щепки одиннадцать кораблей чужестранцев и нанизывают «одисситов» на копья, как перепелов на шомпола (Гомер предпочел сравнить их с рыбами); хитромудрый же Одиссей дает тягу на последнем корабле, бросив на произвол судьбы своих сподвижников...[8]

Оставим в стороне лестригонов и фантастические подробности этого эпизода. Обратим внимание на топографию. Она и в самом деле напоминает Балаклавскую бухту с ее тесным скалистым входом и миниатюрной, удивительно спокойной акваторией. Однако ничего большего мы не находим у Гомера, что говорило бы о знакомстве греков его поры с берегами Крыма. Что же касается топографических подробностей, то они могут быть отнесены ко многим другим бухтам, например Эгейского и Ионического морей. О Понте в «Одиссее» нет упоминаний, поэтому лучше согласиться с Хеннигом, что было бы ошибкой приписывать Гомеру (и грекам его времени) знание Крыма [9], если только считать время Гомера близким к Троянской войне [10].

Тем не менее именно грекам мы обязаны сведениями о первых, исторически достоверных народах Таврики — киммерийцах, таврах, скифах, сарматах. Эти сведения относятся к V—III вв. до н. э., но есть и еще более ранние документы.

3

Оставим в стороне доисторические эпохи Крыма, засвидетельствованные лишь первобытными стоянками и находками кремневых орудий. Исары не имеют отношения к этим эпохам, они очень далеки от них. Отметим только, что в глубокой древности, на заре этногенеза, люди пришли в Крым (или приходили неоднократно) со стороны. Это были первые волны пришельцев, бежавших на юг от холода северных равнин в эпохи великих оледенений. Естественные пещеры и гроты в скалах обеспечивали им убежище, в лесах и степях Крыма водились зверье и дичь, существование здесь человека в эпохи от палеолита до энеолита было если не безбедным, то, надо полагать, сносным [11].

Начнем с тех, имена которых дошли до нас в письменных источниках. Это — киммерийцы, тавры, скифы. Они населяли в древности Крымский полуостров, но и не только его.

Из ассирийских источников известно, что во II тыс. до н. э. Северное Причерноморье и Крым населяли киммерийцы (гимирраи — в ассирийских документах, гомер — в древнееврейских). Во времена Ашшурбанипала, Асархаддона, Саргона (VIII—VII вв. до н. э.) киммерийцы находились в неприятельских отношениях с Ассирией, но эти сведения относятся уже к закату их истории [12]. Судя по отрывкам клинописных текстов, существовала страна Гамира, Гамирра, Гамирраи, Гамир (что одно и то же), напавшая на Ассирию и, по-видимому, сама подвергавшаяся нападениям с ее стороны и платившая дань Урарту. Помещалась она где-то дальше

Урарту, возможно на Кавказе и севернее него. Вот, в сущности, и все, что известно о гимирраи, которых греки переиначили на свой лад в киммерийцев. Ассирийские владыки не упускали случая упомянуть их в своих традиционно-хвастливых надписях, а это значит, что для Ассирии гимирраи были далеко не пустяковым врагом. Нападениям киммерийцев подвергалось и Урарту [13]. Одно время их пытались отождествить с кельтами Западной Европы или, точнее говоря, кельтов с ними [14]. Возможно, это было ираноязычное племя или, скорее, группа этнически родственных племен. То, что киммерийцы населяли Северное Причерноморье и Крымский полуостров, послужило основанием для греков оставить след в топонимике Крыма: Боспор Киммерийский (Керченский пролив), Киммерийская переправа, Киммерик. Геродот сообщает, что киммерийцы населяли Северное Причерноморье вплоть до Фракии. Высказывают мнение, что так называемая кизил-кобинская культура Крыма, восходящая, по всей вероятности, к рубежу II—I тыс. до н. э., на раннем своем этапе имеет прямое отношение к киммерийцам [15].

Вслед за Геродотом принято считать, что киммерийцы были вытеснены из Северного Причерноморья (и Крыма) наступавшими с северо-востока и востока скифскими племенами. Под давлением скифов они перебрались в Переднюю Азию, вступили в военные конфликты с ассирийской державой. Время этого события приходится на VIII в. до н. э. Есть мнение, что они никуда не уходили, а остались на месте и послужили этнической базой для формирования скифских и таврических племен [16]. Впрочем, любое мнение на этот счет почти бездоказательно; кроме упоминаний о киммерийцах, до нас почти никаких сведений о них не дошло.

Само собой, они не могли не оставить следов в Таврике, но отыскать их там, где все буквально перепахано последующими волнами пришельцев, трудно. Горшки, корчаги и кубки, вылепленные из глины вручную, без гончарного круга, плохо обожженные и украшенные примитивным орнаментом, которые свойственны началу кизил-кобинской культуры,— вот, пожалуй, и все, что можно с большой неуверенностью приписать киммерийцам, неизвестно откуда взявшимся и куда ушедшим.

Так или иначе в середине I тыс. до н. э. киммерийцев считали уже давно вымершим народом. В VIII в. до н. э. в Северном Причерноморье появились и в VII в. до н. э. расселились по широким степным пространствам скифы, завоевав господствующее положение. Одновременно с ними древние писатели постоянно упоминают тавров, населявших Горный Крым. О скифах дошло до нас множество ценных замечаний в трудах греческих авторов, о таврах — значительно меньше [17]. Разные авторы упоминают то собственно тавров, то скифское племя тавров, то тавроскифов или скифотавров, рисуя их народом с примитивной культурой и варварскими обычаями. По имени тавров греки и называли Крымский полуостров Таврикой, прилагая это название скорее к горной части, нежели ко всему полуострову [18]. Поклонялись тавры богине Деве, которую греки отождествляли с Артемидой [19].

Именно с таврами исследователи связывают те многочисленные могильники с каменными ящиками, которые представляют собой на Южном берегу и отчасти в Горном Крыму один из выразительных комплексов памятников старины [20]. Примитивных, но выразительных.

Сложенные из четырех каменных плит, поставленных вертикально, и прикрытые пятой плитой, каменные ящики представляли собой погребальные склепы. Большинство их было разграблено еще в древности. В некоторых ящиках, размером со средней величины письменный стол или несколько больше, находят до 40—60 черепов и груды костей. По-видимому, ящики были собственностью отдельных семей и передавались из поколения в поколение как семейная святыня и как материальная ценность: каждая плита весит от четверти тонны до 2 т; соорудить такой склеп было не просто. Погребальный инвентарь составляли бронзовые наконечники стрел, спирали-подвески, проколки-булавки, раковины каури, бусы из египетской пасты, слепленные из черной глины кубки и горшки — предметы, которые тавры считали необходимыми в их земной и загробной жизни. Весь этот погребальный инвентарь отождествляют с примитивной кизил-кобинской культурой Крыма.

Для нашей темы знакомство с культурой тавров имеет свой смысл, и вот почему. Кое-где найдены жилища тавров. Многие укрепленные пункты в Горном Крыму и на Южном берегу также приписывали таврам. Почти все исары Южного берега квалифицировали как таврские убежища. Это оказалось ошибкой, но, несомненно, у тавров были убежища — поблизости от могильников, как правило, в труднодоступных местах, на скалах. Дальше нам придется еще не раз обратиться к таврским могильникам и убежищам. Заметим, что о таврах нам известно из древнегреческих источников несравненно больше, чем по материалам археологических исследований [21]. Никакие обломки керамики и каменные ящики не в состоянии поведать того, что рассказывают о таврах их современники и их соседи — греки.

Слои с остатками материальной культуры тавров обнаружены и на Южном берегу, и в Горном Крыму — от Гераклейского полуострова на юго-западе до меридиана Алушты и еще несколько северо-восточнее. Это очерчивает ареал тавров в I тыс. до н. э.[22]

Что произошло с ними позднее, в первых веках нашей эры? Вымер ли этот народ, ушел ли он в неведомые земли или, быть может, смешался с новыми пришельцами — все это остается загадкой. Наверное, ближе к истине те, кто предполагает растворение тавров в этнически разноликой массе последующего населения Крыма [23].

Скифы. Греки рисуют их многочисленным и многоплеменным народом, населявшим степные пространства Северного Причерноморья и Крымский полуостров. Особенно много сведений о скифах и Скифии привел Геродот — от легенд о происхождении скифов и их обычаев до географии Скифии. Подробно рассказал он и о некоторых событиях, происшедших в VI—V вв. до н. э., в частности о военном конфликте между Дарием и скифами, о вторжении скифов в Херсонес Фракийский и т. д.[24]

По словам эллинов, скифы были народом варварским, кочевым, позднее осевшим на землю и занявшимся земледелием. Была известна обширная область, занятая скифами-пахарями, и другая — кочевыми скифами. Помимо того, древние авторы называли и царских скифов — быть может, группу племен (или родов), из которых выходили скифские владыки и которые составляли в известной мере привилегированную часть северопричерноморского населения. Геродот сообщал, что самоназвание скифов — *сколоты*. Отсюда делались попытки произвести *склавины*, *словены*, *славяне* и даже обосновать родство славян со скифами, однако мнение это, модное некоторое время назад, сейчас считается бездоказательным, противоречащим тому, что известно о происхождении славян.

Облик скифов рисуют чеканные барельефы на золотых и электровых кубках и вазах, изготовленных греческими мастерами и встречающихся в богатых курганных погребениях [25]. Это среднего роста и крепкого сложения люди с клиновидными бородками и чуть обвислыми усами, одетые в кафтаны, штаны-шаровары, мягкие сапожки-постолы и остроконечные клобуки. Средства их передвижения — кибитки и конь под седлом, вооружение — лук, обоюдоострый меч, короткое копье (дротик), боевой топор, небольшой щит. Воинами в скифских племенах были и женщины.

Все древние авторы говорят о скифах как о варварах с дикими нравами и обычаями. У эллинов даже вошло в обыкновение говорить о человеке, употребляющем неразбавленное вино: «Пьет, как скиф». И вместе с тем в среде скифов встречались люди образованные. Широко известен у эллинов был скиф Анахарсис. Полководец (или царь) скифов Скифарб умело противостоял натиску многотысячной армии персов. Царь Скилур вошел в историю как могущественный владыка, под властью которого государство скифов достигло расцвета. Скифию называли и страной курганов, и житницей Средиземноморья. Именно из Северного Причерноморья эллины вывозили зерно, кожу, воск, мед, рыбу, металлы, лес, янтарь. Скифия была и колоссальным рынком рабов, которых скифы сбывали в греческих городах [26]. Только одних милетских колоний было по берегам Понта и Пропонтиды около 80. Вся торговля между миром эллинов и варварским миром Северного Причерноморья шла через них. Не будет преувеличением сказать, что греческая цивилизация во многом обязана питательным сокам обширных областей Причерноморья, в том числе Таврики.

4

А теперь совершим небольшой экскурс в историю Крыма по векам, отметив наиболее важные и поворотные события (рис. 5).

VI век до н. э. На это время приходится интенсивная колонизация северных берегов Понта Эвксинского эллинами. По-видимому, первая в Северном Причерноморье торговая фактория греков (эмпорей, эмпорий) была основана еще в VII в. до н. э. на о. Березань в устье Березанского и Днепровского лиманов [27]. Не исключено,

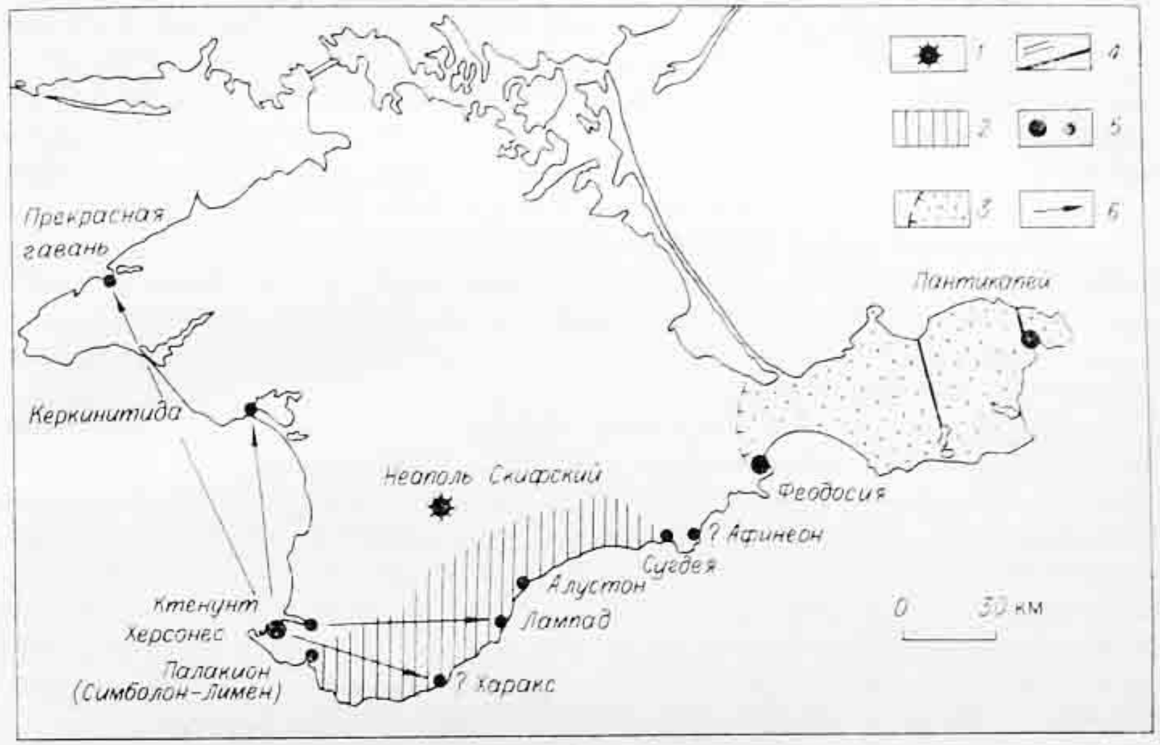


Рис. 5. Таврика в эллинистическую эпоху.

1 — Скифское царство и его столица; *2* — область обитания тавров — горная Таврика; *3* — таврическая часть Боспорского царства и его максимальная (в период расцвета) западная граница; *4* — древний Перекопский ров и вал, валы на Керченском полуострове; *5* — главные и второстепенные греческие города-колонии, эмпории, гавани; *6* — зона влияния Херсонеса.

что были в то время и другие фактории — центры эллинской колонизации. Но можно признать, что проникновение эллинов на северные берега Понта и в Таврику произошло намного позднее, чем расселение их по Южному Причерноморью.

Колонизация Северного Причерноморья началась в основном в VI в. до н. э. Возникли города-колонии Тира, Ольвия, Пантикапей (около 575 г. до н. э., ныне — Керчь), небольшой эмпорий Феодосия, основанный купцами из Милета. Пантикапей оказался в исключительно выгодном положении — на берегу пролива из Меотиса (Азовское море) в Понт, на стыке Европы и Азии (по географическим представлениям того времени). Это определило его судьбу на многие века [28].

К концу VI в. до н. э. относится и другое немаловажное событие: в 514—513 гг. до н. э. восьмисоттысячное войско Дария, вторгшееся в Северное Причерноморье, было изгнано скифами. Скифы развернули против персов настоящую партизанскую войну, применив тактику «выжженной земли»[29]. Это могло произойти только при условии спаянности, организованности скифского населения, которому, однако, до развитой, настоящей государственности нужно было пройти еще три столетия.

V век до н. э. В восточной части Крыма, на Керченском и Таманском полуостровах, формируется Боспорское царство. Его центром и столицей становится Пантикапей, правителями — Археанак-

тиды (480—438 гг. до н. э.), затем Спартокиды. Длинная цепь царей — базилевсов Боспора — тянется к IV в. н. э., обрываясь на Рискупориде VI [30]. С течением времени Боспор охватил пространства Приазовья до устья Дона и стал богатой житницей мира эллинов [31]. Позднее экономическая роль Боспора для Средиземноморья чрезвычайно возросла, он превратился в конкурента Египта [32].

В западной части Крыма рождался второй центр греческой колонизации — Херсонес, основанный выходцами из Гераклеи Понтийской [33]. Его судьба оказалась сложной, со взлетами и падениями [34]. В степной части Крыма происходило оседание скифов, в горной продолжали обитать тавры.

IV век до н. э. На это и последующее время приходится расширение и расцвет Боспорского царства. Одновременно в Северном Причерноморье возникает крупное племенное объединение скифов — царство Атея. Попытка Атея объединить скифские племена с их кочевым укладом жизни послужила нарастающим позывом к оседлости, началом государственности скифов. Однако из-за внешних обстоятельств опыт Атея оказался неудачным: в 339 г. до н. э. первое скифское царство было разгромлено войском Филиппа Македонского. В 331 г. до н. э. Александр Македонский осадил Ольвию — одну из крупнейших колоний греков в Северном Причерноморье.

В IV в. до н. э. началось вторжение в Северное Причерноморье с востока сарматских племен [35]. Сарматы постепенно вливались в разноплеменный состав населения Таврики. С течением времени они, заняли привилегированное положение и в Боспорском царстве. Позднее, в I—III вв. до н. э., по крайней мере четыре базилевса Боспора усвоили племенное имя савроматов. Выходцами из сарматской среды были, по-видимому, и боспорские базилевсы Рескупориды, Реметалк, Котис и др.

III век до н. э. Новые пришельцы — сарматы — расселились в степной части Крымского полуострова и со временем проникли даже в Юго-Западный Крым [36]. В Крыму и на обширных степных просторах Северного Причерноморья вновь складывалось Скифское царство со столицей в Неаполе Скифском (возле Симферополя)[37]. Одновременно развивался Херсонес, захвативший западное побережье Крыма, вдоль Каламитского залива, расширялся и Боспор, северо-восточным форпостом которого стал крупный город-колония в устье Дона — Танаис [38].

На небольшом полуострове в III в. до н. э. прочно сложились три самостоятельных государственных объединения — Херсонес, Скифское и Боспорское царства. На протяжении нескольких столетий их судьбу объединяли территориальная и экономическая общность, политические и военные события. Это наложило яркий отпечаток на всю культуру античной Таврики, на ее греко-сарматский мир.

II век до н. э. Вскоре после своего возникновения, при Скилуре, Скифское царство достигло расцвета. Скульптурный портрет этого царя, выполненный М. М. Герасимовым по черепу из гробницы в мавзолее Неаполя Скифского и в общих чертах сходный с лапидарным

изображением Скилура, дает представление о незаурядной личности, сумевшей активно противостоять сильным соседям — Херсонесу и Боспору. Под давлением скифов во II в. до н. э. Боспорское царство ослабевает. В составе его населения все более заметную роль начинают играть скифы и сарматы. Вместе с тем культура Боспора, в основе своей греческая, глубокими корнями проникает в культуру скифов [39].

При Скилуре скифы вступили в военный конфликт с Херсонесом и нанесли ему серьезное поражение. Видимо, в это время они захватили некоторые греческие фактории, расположенные по берегу Каламитского залива, в частности факторию у Евпатории (возле нынешнего санатория «Чайка»). Херсонеситы были вынуждены отсиживаться за степами города; они обратились за помощью к понтийскому царю Митридату VI Евпатору, который направил в Таврику флот и войско под началом полководца Диофанта. В 110—109 гг. до н. э. Диофант дважды громил войска скифов, спасая Херсонес, а косвенно и Боспор.

В 108—107 гг. до н. э. на Боспоре вспыхнуло восстание рабов под предводительством Савмака. Момент для восстания был неблагоприятен: Диофант, спасший херсонеситов от Скилура, разгромил войско восставших, оказав этим услугу рабовладельческому Боспору [40].

Херсонес и Боспор теряли свою самостоятельность. Митридат присоединил их к Понтийскому царству, охватившему восточную часть малоазийского берега Черного моря, с торговыми городами греков Трапезунтом, Амисом, Синопой [41].

I век до н. э. Давление скифов на Херсонес продолжалось и в этом веке, при потомках Скилура. Под боком у Херсонеса скифы захватили гавань Симболон Симен, превратив ее в Палакию — опорный пункт против Херсонеса [42].

Между Понтийским царством и Римом разгорелась борьба за сферы влияния в Малой Азии и на Пелопоннесе, известная в истории как Митридатовы войны [43]. Театром военных действий стало в основном Южное Причерноморье (Галатия, Киликия и другие области), а также острова Эгейского моря. В упорной борьбе с Римом Митридата постоянно преследовали неудачи, хотя каждый раз он умудрялся набирать многотысячное войско, намного превосходившее численностью римские легионы, обученные всем правилам военного искусства. Крупные поражения Митридату нанес один из величайших полководцев Рима — Луций Лициний Лукулл [44]. В 71 г. до н. э. внимание римлян было поглощено внутренними неурядицами — восстанием рабов под предводительством Спартака. После его разгрома на борьбу с Митридатом направились легионы Гнея Помпея Магна. Помпей нанес окончательное поражение понтийцам, Митридат бежал на Боспор и, будучи предан собственным сыном Фарнаком и войском, покончил в Пантикапее самоубийством (63 г. до н. э.)[45]. Фарнак стал другом римлян, и Боспор попал в прочную зависимость от Рима.

Нанеся поражение Митридату, римляне захватили все области Понтийского царства и вступили в контакт со скифами, но органи-

зованное их проникновение в Таврику началось столетие спустя. Скифское царство, в отличие от Боспора, сохранило свой суверенитет. Тавры, населявшие труднодоступные места, в это время представляли собой, по всей вероятности, многоплеменную смесь и в общем находились в стороне от бурных событий века.

I век н. э. В 40—45 гг. н. э. боспорский царь Митридат VIII, стремясь покончить с зависимостью от Рима, начал активные действия, но в 49 г. был пленен, доставлен в Рим и впоследствии казнен там за участие в заговоре. Около начала 60-х гг. в Таврику проникло иноязычное сарматское племя алан, влившееся в разнонародное население Скифского царства [46]. Скифы стали вновь угрожать Херсонесу и осадили город. В 63 г. римский наместник Мезии Плавтий Сильван пришел на выручку херсонеситам и нанес поражение войску скифов. Понт прочно превратился в римскую провинцию. Оккупация Таврики римскими легионерами началась несколько лет спустя после похода Плавтия Сильвана, в смутные для Рима 68—69 гг.— или в последний год правления императора Нерона, или в короткое время правления Гальбы, Оттона, Вителлия, или в первый год правления Веспасиана. Именно с этих лет появляются серии римских монет в кладах, найденных в Крыму (см. главу XVIII).

Скифы противодействовали римлянам, активизировалось и горское население. К этому времени относится замечание Агриппы о том, что римляне держат на берегах Понта 3000 солдат и на самом Понте — флот в 40 военных кораблей; благодаря этой мере некогда пиратское море стало мирным [47].

II—III века н. э. Римская оккупация Таврики растянулась на два столетия. Мощный гарнизон обосновался в Херсонесе, там же находилась и администрация. На Южном берегу возник укрепленный пункт Харакс, под контролем которого была каботажная линия. Харакс связывала военная дорога с Херсонесом.

Боспор в это время находился в прямой зависимости от Рима, и, хотя им правили собственные цари, выходцы из сарматской среды, все они были лишь ставленниками Рима, в конечном счете его вассалами.

Столкновения между скифами и римлянами не прекращались. Пиратские набеги тавров создавали угрозу морским коммуникациям римлян, которые были вынуждены усиливать гарнизоны в береговых опорных пунктах, в частности в Хараксе.

Во II в. произошло важное для всей последующей истории Таврики событие — проникновение христианства в Херсонес. Именно Херсонес в дальнейшем станет тем центром, из которого много позднее, в X в., христианство проникнет на Русь, неся свет новой грамоты и знаний античного мира Средиземноморья и... тьму догматов средневековой религии. Еще в 96 г. н. э. в Херсонес был сослан императором Траяном один из первых римских пап Климент I. Он находился в заточении в пещерах Инкермана, рядом с Херсонесом, а в 103 г. по распоряжению Траяна был утоплен в море с якорем на шее. Позднее Херсонес стал местом ссылки многих христиан, что и способствовало насаждению новой религии на почве Таврики.

III

КРЫМСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: НЕСКОНЧАЕМЫЕ ВОЛНЫ ПРИШЕЛЬЦЕВ

И прошли многие народы и в труде
и борьбе положили свои приношения.
Николай Рерих

Каких последов в этой почве нет
Для археолога и нумизмата —
От римских блях и эллинских монет
До пуговицы русского солдата!
Максимилиан Волошин

1

Где провести рубеж между античностью и средневековьем? Какой момент истории считать поворотным для Таврики? На эти вопросы нет четкого ответа.

Чаще к античности относят и I—III вв. н. э., римскую эпоху, которая, например, в Северо-Западной Европе охватывает также IV в. Время Византии — это уже средневековье, и если принимать во внимание противопоставление Рима и Византии, то рубеж между античностью и средневековьем нужно проводить либо по 324 г., когда Константин I перенес центр Римской империи в Византию, либо по 395 г., моменту раздела империи на Западную и Восточную.

Вместе с тем временем перехода античности в средневековье считают крушение рабовладельческих держав и начало развития феодальных отношений. И тут ясно, что границу эту провести не просто, ибо и в IV в., и даже в V и VI вв. еще были сильны прежние социальные отношения и только кое-где нарождался феодализм. Какую бы дату ни принять за поворотный пункт истории изменения социальных отношений, рубеж этот неизменно будет условным.

Что касается истории Таврики, то новый этап ее начался, в сущности, со второй половины III в. н. э., с ухода римских легионов и появления готов. Но в общем суть событий и далее оставалась той же, что и прежде. Крымский полуостров периодически захлестывали волны кочевых орд. Многие из них оседали на нем и впоследствии смывались новыми волнами. Наводняя степную часть, предгорья, они едва достигали Южного берега, разбиваясь о горный барьер. Нельзя сказать, что роковые события средневековья для Южного берега прошли стороной, но все же здесь они имели иное развитие. Это придало его истории известную самостоятельность.

Не так уж важно, с какого века или с какого события отсчитывать средневековье Таврики. Пусть это будет IV или V в.— оставим уточнение медиевистам. Продолжим обзор событий и дат, вернувшись к концу III в.

III век. Итак, мы уже знаем, что римские легионеры удерживали Таврику по крайней мере до середины III столетия, а затем оставили эту область. На это время приходится движение готских племен из Прибалтики на юго-восток, в Северное Причерноморье. Готы разрушили Таанс вскоре после 244 г.[1], проникли в Крым, обосновались в его степной (центральной и восточной) части, вторглись на Боспор *. Вторая половина III в. ознаменовалась мощным давлением варварских племен (готов, сарматов, славян) на границы Римской империи; один за другим они совершали военные походы по суше и по морю; именно поэтому Рим был вынужден стягивать свои легионы, рассредоточенные в далеких провинциях.

IV век. Этот период оказался роковым не только для Крыма, но и для Европы вообще. Именно с него начинается великое переселение народов и происходит распад последней из колоссальных рабовладельческих держав древности — Великой Римской империи. В IV в. в Восточной Европе складывалась обширная многоплеменная держава готского конунга Германариха, однако ей не долго суждено было существовать. В начале 70-х гг. с востока в Восточную Европу вторглись гунны. В 375 г. союз готских племен и подвластных им народов распался и они были вовлечены в движение на запад. Еще раньше — в 30-е гг.— начался упадок Боспорского царства, гунны же разгромили Боспор окончательно. Территория этого царства сократилась до размеров одного Пантикапея, превратившегося в небольшой городишко, к которому перешло название всего царства — Боспор. Пленив степной Крым и ближайшую к степям зону предгорий, гунны разгромили Неаполь Скифский. Херсонесу повезло — он уцелел, вероятно, благодаря оборонительным сооружениям. То ли крымские готы сами отказались следовать за конунгом Теодорихом на запад, в Италию, то ли были блокированы гуннами на полуострове и оттеснены из его степных районов и предгорий в горную часть — не очень ясно. Так или иначе они остались в Крыму.

Движение готов из Прибалтики в Причерноморье растянулось чуть ли не на столетие или даже больше. Возможно, правы те, кто считает, что в это движение готы вовлекали и местные племена, скорее растворяясь в них со временем, чем ассимилируя их. Может быть, именно поэтому на всем пути, пройденном остготами, так мало следов готской культуры. Это обстоятельство дало основание некоторым исследователям сомневаться относительно крупных масштабов готского переселения.

В противоположность медленному движению готов волна гуннов накатилась стремительно, сметая почти все на своем пути. Радиоуглеродные датировки древесного угля из некоторых городищ предгорной части Крыма показали, что пожары в них бушевали именно около 370 г.[2]

* Подробнее на готской проблеме в истории Крыма автор предполагал остановиться в отдельной главе, но она отсутствует. (*Ред.*)

V век. В степях Причерноморья и в северной части Крыма почти завершился процесс сложения союза аланских племен. В 445 г. произошло объединение гуннов и покоренных ими народов под властью Аттилы. Через 8 лет, уже после его смерти, держава гуннов распалась. В южной части Крыма непрочностью гуннского владычества не преминула воспользоваться Восточная Римская империя — Византия, уже отделившаяся от Западной Римской империи, попавшей под власть вестготов. Византия установила свой протекторат над Южным Крымом, который на долгие столетия стал, по сути дела, провинцией Византии, охватившей пространство от Херсонеса до Судака, а в дальнейшем — до Феодосии.

VI век. В Восточной Европе в это время появились тюркоязычные авары, и вскоре в степных пространствах Причерноморья и в Центральной Европе возник Аварский каганат — многоплеменное и непрочное военно-деспотическое образование. В Южном Крыму Византийская империя предприняла ряд мер к его укреплению против набегов кочевых орд [3]. Территория протектората расширилась до Боспора: где-то в Крыму существовала страна Дори — Дорос, позднее называвшаяся княжеством Феодоро [4]. По свидетельству византийского историка Прокопия Кесарийского, здесь обитало население, в действительности, по-видимому, сильно смешанное или даже растворившееся в более ранней греко-сарматской среде [5]. Многие крупные христианские храмы в Херсонесе и в городах-крепостях на Второй гряде гор (Мангуп, Эски-Кермен) датируют VI в., что указывает на упрочение христианства в Таврике. К этому же времени относят и ряд фортификационных сооружений в Херсонесе и в городах-крепостях Юго-Западной Таврики.

VII век. Положение Византии в Таврике после разгрома полчищ аваров под Константинополем стало еще более прочным. В VI в. в Прикаспии и Северо-Восточном Причерноморье складывался Хазарский каганат, охвативший и область Предкавказья. Около 680 г. хазары появились в Крыму и включили его в границы каганата, стремясь отторгнуть от Византии Херсонес. Однако Византия удерживала этот важный торговый пункт, а вместе с ним и Южный берег, вплоть до Феодосии, в своих руках. Не очень ясно, в какой степени самостоятельным было тогда княжество Дорос (Дори) в нагорном Юго-Западном Крыму и было ли оно столь же обширным, как несколько столетий спустя. Возможно, оно находилось в вассальной зависимости от Хазарского каганата, было его данником. «В истории хазар и Хазарского каганата остается множество пробелов и неясных моментов. Мы не знаем точно, кто такие были хазары, откуда они появились, какой образ жизни вели и даже где они жили»[6]. В Крыму, в сущности, нет ни одного памятника, который можно было бы безоговорочно отнести к культуре хазар. Нет их и на Южном берегу. Не исключено, что некоторые курганы с «каменными бабами» в степной части Крыма и в степях Причерноморья принадлежат этому времени.

Херсонес был связан прочными узами не только с Византией, но и с Римом. Нам известна история Мартина I, римского папы, сосланного императором в Херсонес в 654 г., после шестилетнего понтификата [7]. История эта говорит по крайней мере о том, что Таврика в ту пору была для Византии не только житницей, но и отдаленной областью, куда можно было упрятать нежелательных лиц, полагаясь на контроль местной администрации, всецело зависевшей от обеих империй.

VIII век. Считают, что именно в VIII в. христианство прочно и окончательно утвердилось в Крыму. Как видно, потребовалось шесть столетий от момента первого проникновения христиан в Крым до завоевания новой религией умов и помыслов большей части аборигенного населения. Впрочем, существует мнение, что «основная масса населения продолжала оставаться языческой как в VII в., так и в VIII — начале IX в., даже в XIII в.»[8]. Одновременно с этим хазары приняли иудаизм. Возможно, тогда же возникла вначале секта, затем — этническая группа караимов, исповедовавших иудаизм, но отвергавших Талмуд. Им суждено было в дальнейшем остаться в Крыму, заселить слободки крупных средневековых городов-крепостей [9].

В VIII в., в самом его начале, отголоски дворцовых переворотов в Константинополе непосредственно коснулись Херсонеса и херсонеситов. Еще в 685 г. император Юстиниан II был свергнут с византийского престола и направлен в ссылку в Херсонес, но вознамерился вернуть себе престол. Херсонская знать решила выдать его императору Тиберию III. Однако Юстиниану удалось бежать, а впоследствии вновь захватить власть. Решив отомстить херсонеситам за вероломство, он направил к берегам Крыма колоссальный флот с десантом. Однако во время жестокой бури флот Юстиниана почти полностью погиб (как одиннадцать с половиной столетий спустя, во время Крымской войны, погибла у берегов Таврики и большая часть флота англичан и французов). Херсонес, который Юстиниан II угрожал покарать, обратился за помощью к хазарам. В 711 г. горожане подняли восстание против Византии. Во время этой смуты армянин Вардан под именем Филиппика провозгласил себя императором Византии и с помощью горожан и хазар утвердился на престоле.

В VIII в. в Крыму происходили и антихазарские выступления, например восстание, одним из руководителей которого был Иоанн Готский [10]. (Об этой личности еще придется говорить.) Восстание произошло в 787 г. и было беспощадно подавлено хазарами.

IX век. В 822—836 гг. в Причерноморских степях появились мадьяры, но не известно, проникли ли они в Крым, а если проникли, то до какого предела и надолго ли. Скорее всего, Крым остался в стороне от их движения. Мадьяры нанесли первый удар по Хазарскому каганату. К середине столетия дружины хазар занимали Керченский и Таманский полуострова и еще удерживали власть в некоторых других районах Крыма. Однако вряд ли можно принять за бесспорный факт владение хазарами в IX и X вв. Южным берегом — Судаком, Алуштой, Партенитом, Ламбатом, Алупкой, в Юго-Западном Крыму — Манкупом (Мангупом), т. е. страной Дорос, о чем сообщает пространная редакция письма кагана Иосифа еврейскому государственному деятелю при испанских халифах Халдаю Ибн-Шапруту [11]. Это было явным преувеличением. Второй удар по Хазарскому каганату нанесли в 70-е гг. IX в. печенеги, вторгнувшиеся в Причерноморье. Большая часть Крымского полуострова представляла собой во второй половине IX в. пустынные земли и даже в Херсонесе чувствовался упадок хозяйства и торговли.

К IX в. относятся поход в Крым легендарного новгородского князя Бравлина и «поход Руси на Константинополь» — морская экспедиция 860 г. из устья Днепра к Боспору, вдоль западного берега Черного моря. В Южной Таврике Византия удерживала свое доминирующее влияние, несмотря на периодические набеги кочевников [12]. Притязания хазар на Южный берег, нашедшие отражение в упомянутом письме хазарского царя Иосифа, еще не говорят о том, что область эта была подчинена им.

X век. В первой половине X в. усилилось давление Руси на Византию — имеется в виду серия морских походов к Константинополю. Эти военные экспедиции не захватывали Крымского полуострова, но русичи проникали в Херсонес и завязывали торговые отношения с херсонеситами. Таковы были первые шаги Руси в борьбе с Византией за сферы влияния в Причерноморье, за выход к морю, к торговым и торгово-посредническим городам. В 966 г. киевский князь Святослав совершил поход на Волжскую Болгарию, сокрушив царство болгар, и в том же году — на Хазарский каганат, от его столицы Итиля до Тмутаракани на Таманском полуострове. Каганат к тому времени окончательно распался. Какое-то количество хазар еще удерживалось в Восточном Крыму и в его степной части.

В 989 г. военные события непосредственно коснулись Крымского полуострова. Киевский князь Владимир осадил и разгромил Херсонес (Корсунь русских летописей), выступив политическим противником Византии и стремясь захватить этот важный центр торгово-экономических связей между Западом и Востоком. Разрушенный Херсонес еще несколько столетий не сходил с исторической арены, но постепенно клонился к упадку. Город был возвращен Владимиром Византии, а сам Владимир, по преданию, крестился в нем, обвенчался с византийской царевной Анной, вернулся восвояси и стал насаждать на Руси христианство [13].

XI—XII века. Печенежский заслон в Причерноморье нарушил установившиеся было торгово-экономические связи Руси с Таврикой. Форпостом русской земли на берегах Черного моря становилось Тмутараканское княжество на Таманском полуострове [14]. С течением времени его западная территория охватила и Боспор — Керченский полуостров: в 1016 г. тмутараканский князь Мстислав уничтожил в Крыму остатки хазарской державы. А в Херсонесе еще пребывали византийские стратеги, область же, подвластная этому городу и составлявшая северопонтийскую провинцию Византии, доходила до Судака.

В середине XI в. Крымский полуостров захлестнула очередная волна кочевников — половцев, или куман. Они заняли главным образом степную часть полуострова; арабские источники называют «куманской землей» и Южный берег [15]. Тмутараканское княжество в XII в. сходило со сцены; во всяком случае, о нем с этого времени ничего не известно. Страна Дорос — теперь княжество Феодоро — раздвинула свои пределы, охватила большую часть горной местности в Юго-Западном Крыму, до меридиана Чатыр-Дага. Неясно только, в какой степени оно было зависимо от половцев. Можно предположить, что Феодоро находилось в это время под двойным воздействием: в тесной культурной связи с Византией (через посредство Херсонеса), а вместе с тем в даннических отношениях с половцами [16]. В известной мере парадоксально выглядит и тот факт, что Юго-Западный Крым, включая княжество Феодоро, Южный берег и район Херсонеса, в XI—XII вв., точно так же, как в течение нескольких предыдущих столетий и столетий последующих, именуется Готией, по крайней мере в документах церковно-административного содержания [17].

2

XIII век. С этого времени начинается новый этап истории Крыма. На историческую арену выходят новые народы, исполняя тривиальную роль завоевателей и колонизаторов. Суть событий для Крымского полуострова остается прежней — военные вторжения и торговые проникновения, формирование новых государственных или колониальных владений (рис. 6).

Турецкие источники XIII в. называют степную часть Крыма и Северное Причерноморье Дешти-Кыпчак — Половецкой степью, но половцы удержались здесь лишь до прихода монголо-татар. Часть их после этого переселилась в Венгрию и на Балканы. Особого значения при половцах достиг Сурож (Судак) — старый торговый пункт на Крымском берегу. В 1223 г. тумены Джебе и Субудэя после битвы с русскими на р. Калке проникли в Крым и с ходу разгромили Судак. Через 20 лет — в 1243 г.— Крым становится улусом Золотой Орды. Власть монголо-татар едва достигает пределов княжества Феодоро, которое сохраняет свою самостоятельность и ориентацию на Византию. Владетели княжества стремятся установить тесные торговые отношения с Судаком, взамен пришедшего в экономический упадок Херсонеса.

В XIII в. большую роль в Крыму стали играть венецианские купцы, господствовавшие в черноморской торговле до 1261 г., когда по договору с византийским императором Михаилом Палеологом монопольное право на беспошлинную торговлю на Черном море было предоставлено генуэзцам. Венецианцы были ими оттеснены, но с 1265 г. на некоторое время они сумели обосноваться в Солдайе (Судаке), ставшей до конца столетия их оплотом. Однако положение генуэзских купцов в Крыму упрочивалось. В 1266 г. хан Золотой Орды Менгу-Тимур передал генуэзцам право на владение Феодосией. Они нарекли ее Кафой и превратили в центр генуэзских владений на Южном берегу Крыма — консульство, складочный пункт и обширный рынок по продаже всего и вся: от продуктов сельского

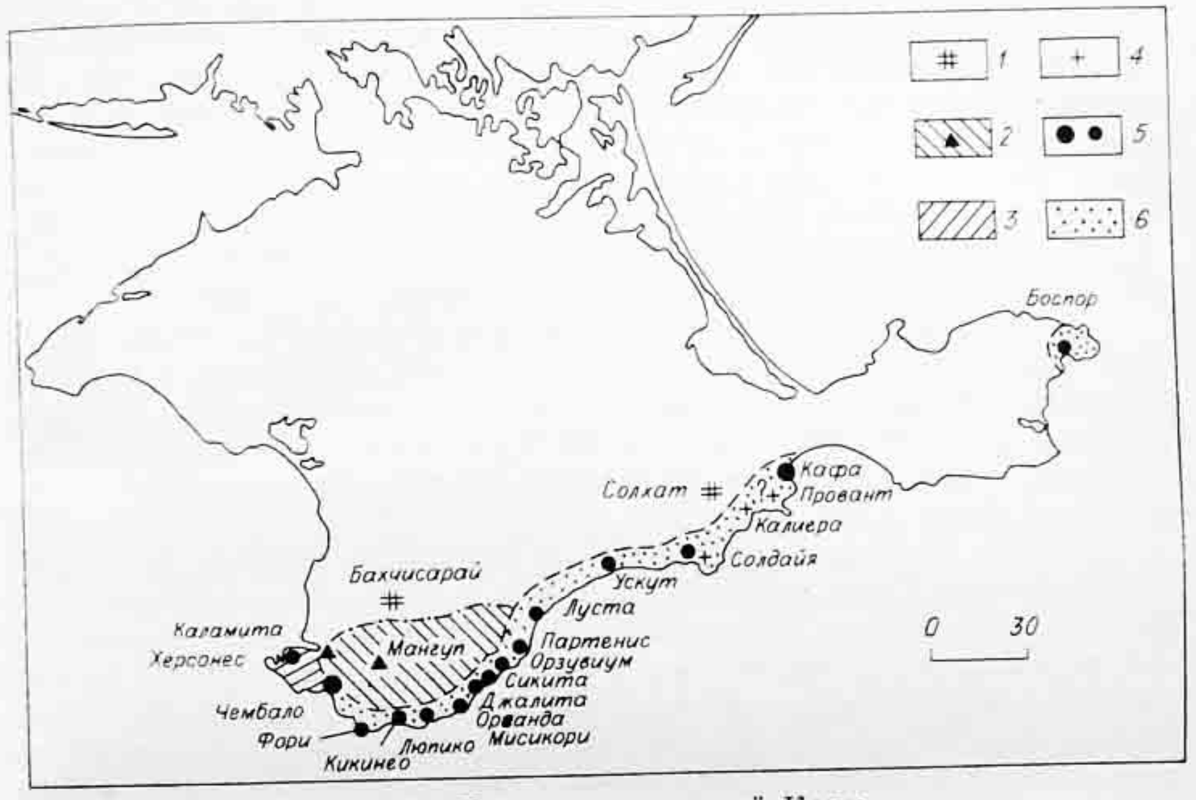


Рис. 6. Позднесредневековый Крым.

1 — Крымское ханство (вначале — улус Золотой Орды) и его ранняя (Солхат) и поздняя (Бахчисарай) столицы; *2* — княжество Феодоро (ранее— страна, или область, Дорос, Дори), его столица Мангуп и порт Каламита; *3* — владения средневекового Херсонеса; *4* — пункты венецианской колонизации; *5* — пункты генуэзской колонизации (наиболее крупные — Кафа, Луста, Орзувиум, Солдайя, Чембало); *6* — владения генуэзцев (капитанство Готия).

хозяйства и рабов, сгонявшихся на продажу в Кафу татарами, и до глиняных горшков.

В конце XIII в. всем Крымом завладел темник Ногай. В Крыму установилась довольно сложная политическая ситуация, которую определяли три основных элемента — татары, феодориты и генуэзцы. К этому нужно добавить аборигенных жителей южнобережья, херсонитов и венецианцев. Последние стремились удержаться в восточной части побережья. В первой половине XIII в. началась, а во второй половине усилилась эмиграция турок-сельджуков; на некоторое время Судак был отдан татарами турецкому султану Изэддину [18].

XIV век. Ситуация в Крыму мало изменилась. Татары были непрочь пограбить генуэзские колонии, и консулы их вынуждены были вести фортификационное строительство. Так возникла крепость Кафы. Нажим татар и генуэзцев на княжество Феодоро, владетели которого являлись выходцами из трапезундского феодального рода Гаврасов, вынудил феодоритов к борьбе за независимость и к укреплению границ княжества крепостями, особенно в центре княжества — на Мангупе. Из числа эпизодических событий следует упомянуть поход в 1363 г. литовского князя Ольгерда на Херсонес.

Во второй половине века венецианцы основали торговый город Провант (к западу от Кафы) и гавани Солдайю (Судак) и Калиера

(бывшие Отузы, теперь Крымское Приморье), однако генуэзцы довольно скоро вытеснили конкурентов и прибрали к рукам почти все побережье, учредив консульства и возведя крепости в ряде пунктов к юго-западу от Кафы — в Солдайе, Лусте (Алуште) и других пунктах [19]. По договору 1381 г. татары передали генуэзцам все побережье от Кафы до Чембало (Балаклавы) с селениями Орзувиум (Гурзуф), Сикита (Никита), Джалита (Ялта), Ореанда, Мусакори (Мисхор), Лушико (Алупка), Кикинео (Кикинеиз, теперь Оползневое).

История Крыма и в это время связана с историей России: именно с Крымского полуострова исходят военные экспедиции в русские пределы, как они будут исходить четыре последующих столетия. В 1380 г. русские войска разбили на Куликовом поле тумены темника Мамая; скрываясь от своих врагов в Золотой Орде, он бежал в генуэзскую Кафу и там был убит.

XV век. В начале века возникло Крымское ханство, независимое от Золотой Орды. Первым его ханом стал Хаджи-Гирей (Девлет-Берды, 1427—1466 гг.), упрочивший свое положение при поддержке Литвы и Польши. Ранее столица Крымского улуса находилась в Солхате (к западу от Кафы), переименованном затем в Крым (Эски-Крым, Старый Крым)[20]. Хажди-Гирей перенес ее в Бахчисарай. Он обложил данью генуэзцев, но практически ничего не смог поделать с феодоритами. В 1427 г. правитель Феодоро князь Алексей усилил крепость Каламиту (нынешний Инкерман в устье Черной речки, близ Севастополя), превратив ее в торговый порт княжества. Вполне понятно, что феодориты искали выход к морю на западном своем рубеже, будучи блокированными с юга, со стороны Южного берега, генуэзцами. Известно, что в XV в. княжество Феодоро (по русским документам — Мангуп) поддерживало связи с Русью, довольно тесные, если об этом судить по сватовству дочери мангупского князя Исаака (Исайки) за сына московского великого князя Ивана III.

Во второй половине XV в., после захвата Константинополя (1453 г.), турки предпринимали набеги на Крым. Эта угроза способствовала возникновению дружественных связей между генуэзцами и феодоритами, до того находившимися во враждебных отношениях. Однако союз этот вряд ли мог повлиять на ход исторических дел. В Кафе неоднократно вспыхивали восстания, поводом для которых служила эксплуатация населения генуэзцами и работорговля, принявшая колоссальный размах и откровенные формы [21].

В 1475 г. владычеству генуэзцев в зоне Крымского побережья пришел конец — турецкие десанты выбили их гарнизоны из главных опорных пунктов. При участии татар турки захватили Кафу, перерезали генуэзское население, разгромили укрепления в Алуште, Гурзуфе, Чембало, разрушили форпост феодоритов Каламиту и осадили Мангуп. Феодориты отчаянно защищались, город пал только после длительной осады и пяти штурмов. В 1492 г. турки разрушили его укрепления, с этого времени на Мангупе осталась жить лишь небольшая еврейская община. Крымское ханство оказалось под протекторатом Османской империи, а Южный берег, территория бывшего княжества Феодоро, районы Судака и Кафы, переименованной в Кефе и ставшей центром турецкого владычества,— все это стало личным владением турецкого султана.

3

Пожалуй, XV веком и следует заключить исторический обзор, ибо только до этого времени могли возникнуть и крупные города-крепости Горного Крыма и цепь многочисленных укреплений Южного берега. Однако без сжатого упоминания последующих событий обзор этот не будет полным. Напомним о них читателю кратким хронологическим списком, касающимся в основном русско-татарских и русско-турецких отношений XVI—XVIII столетий:

1521 г.— осада Москвы крымским ханом Мухаммед-Гиреем.
1559 г.— поход Данилы Адашева в Крым.
1569 г.— поход крымских татар и турок к Астрахани.
1571 г.— первый набег крымского хана Девлет-Гирея на Москву и ее сожжение.
1572 г.— второй набег того же хана на Москву и его поражение на р. Лопасне.
1606 г.— поход донских казаков на Кафу (Кефе).
1628 г.— поход гетмана Дорошенко в Крым.
1648 г.— Богдан Хмельницкий в Бахчисарае.
1675 г.— поход кошевого атамана Запорожской Сечи Серко в Крым.
1676—1681 гг.— война России с Турцией и Крымским ханством за Правобережную Украину. Бахчисарайский мирный договор между Россией и Турцией (13 января 1681 г.)— перемирие на 20 лет; граница между владениями государства определена по Днепру. Киев и Левобережная Украина воссоединены с Россией.
1687 г.— первый поход князя Голицына в Крым.
1689 г.— второй поход князя Голицына в Крым.
1695—1696 гг.— поход Петра I на Азов и взятие Азова — сильнейшей турецкой крепости в устье Дона.
1735—1739 гг.— русско-турецкая война, занятие русскими (в 1736 г.) Перекопа, Гезлеве (Евпатории), Бахчисарая, Ак-Мечети (нынешний Симферополь), Кинбурна.
1768—1774 гг.— русско-турецкая война, занятие Крыма войсками князя Долгорукого (1771 г.), Кучук-Кайнарджийский мир с Турцией (10 июля 1774 г.), по которому Крымское ханство признано независимым от Турции; Россия получает опорные пункты в Крыму.
1776—1777 гг.— Суворов контролирует побережье Крыма, препятствуя высадке турецких десантов.
1778—1779 гг.— Суворов командует войсками Крыма и Кубани.
1778 г.— крымские греки обращаются к Екатерине II с челобитной о русском подданстве.
1779—1783 гг.— крымские греки переселяются в Приазовье, спасаясь от татарско-турецкого террора. Среди Гиреев начинаются усобицы. Девлет-Гирей придерживается турецкой ориентации, Саиб-Шагин-Гирей — русской. Последний вынужден бежать, но с помощью войск Суворова и Прозоровского вновь занимает бахчисарайский трон. Князь Потемкин (впоследствии — Таврический) склоняет Саиб-Шагин-Гирея отказаться от Крымского ханства в пользу России.
1783 г.— обращение правящей верхушки Крымского ханства к Екатерине II о присоединении к России; русские войска занимают весь Крым; присоединение Крыма к России; указ об основании Севастополя.
1784 г. — утверждение Таврической области; указ об основании Симферополя — центра области.
1787 г.— путешествие Екатерины II в Крым с посланниками западных государств; первые русские деревни в Крыму.
1787—1791 гг.— русско-турецкая война.

Самое характерное в крымской истории — это непрерывное и интенсивное движение народностей, которое только условно можно назвать их сменой. Скорее всего и чаще всего за появлением новой народности и утверждением ее господства следовало пришествие другой. Прежние обитатели полуострова либо вытеснялись, что случалось не часто и не в полной мере, либо растворялись в среде аборигенов или растворяли самих пришельцев, что было значительно чаще. Именно так формировалась сложная этническая смесь, о которой мы говорим, вслед за источниками, то как о «тавроскифах», то как о греко-сарматской среде, то как о готах, хазарах, татарах и т. д., меньше всего имея в виду «чистых» готов, хазар, татар. Каждая из военных пертурбаций сокращала численность обитателей полуострова, что способствовало распространению новых пришельцев и их культуры, но ни в далеком прошлом, ни в средние века уничтожение коренных народностей никогда не было полным, следовательно, дело никогда не доходило до полного исчезновения предшествующих обитателей полуострова и их культуры. Возможно, даже киммерийцы, по свидетельству историков ушедшие в неизвестность, оставили свой след в таврах. Если обратить внимание на такой характерный для сарматской культуры антропологический признак, как деформированные черепа (наподобие тому, что было распространено и у египтян), то средневековые могильники Крыма свидетельствуют о еще долгом влиянии сарматской культуры.

В табл. 1 сделана попытка в наглядной форме представить ход этнических изменений на Крымском полуострове (в разных его частях)— время проникновения различных народностей на Крымский полуостров. В этом этническом потоке красноречиво отражена вся история Таврики.

Однако нужно принять во внимание следующее. Во-первых, роль каждой из указанных народностей была далеко не одинаковой, ее влияние на этногенез оказывалось пропорциональным общей массе пришельцев. Влияние скифов, сарматов, аланов, греков было значительным. Несмотря на длительное господство в отдельных частях полуострова, в частности в Юго-Западном Крыму и на Южном берегу, римлян, генуэзцев и турок, последние, будучи представлены незначительными военными гарнизонами, администрацией и купечеством, практически не оказали большого влияния на процессы этногенеза. Во-вторых, таблица, конечно, недостаточно полная. В ней не нашли отражения евреи и некоторые другие народности, появление которых в Крыму происходило не в связи с какими-либо крупными событиями (переселения, военные экспансии и т. п.), а как следствие неорганизованного проникновения в Крым купцов и ремесленников, проникновение которых происходило постепенно на протяжении значительного промежутка времени.

Об армянах следует сказать особо, ибо этот этнический элемент в XIV и XV вв. приобрел в Крыму большой удельный вес. Армяне

Таблица 1

Народность	Степной Крым	Восточный Крым	Юго-Западный Крым	Южный берег	Появление, век
Киммерийцы	xxx	xxx	xxx	xxx	До — VIII
Тавры	—	—	xxx	xxx	С — VIII?
Скифы	xxx	xx	x	—	С — VIII
Греки (эллины)	x	xxx	xxx	xxx	С — VI
Сарматы	xxx	xxx	xx	x	—III
Римляне	—	x	xx	xx	—I +I
Аланы	xxx	xx	xx	x	С + I
Готы	xxx	xxx	xxx	xx	С + III
Гунны	xxx	xxx			+IV
Греки (византийцы)	—	xx	xx	xx	С + V
Авары	xxx	xx	—	—	+VI
Хазары	xxx	xxx	xx	x	С + VII
Славяне	x	x	x	—	С + IX
Печенеги	xxx	xxx	—	—	С + IX
Половцы	xxx	xx	—	—	+XI
Армяне	—	xxx	x	—	С + XIII
Татаро-монголы	xxx	xxx	xx	xx	С + XIII
Венецианцы	—	x	x	x	+XIII
Генуэзцы	—	xxx	xxx	xxx	С + XIII
Турки	x	xx	xx	xx	С + XV
Русские	xxx	xxx	xxx	xxx	С + XVIII
Греки (архипелажные)	—	x	x	xx	С + XVIII

Примечание. xxx — главная масса; xx — меньшая часть; x — незначительное расселение.

появились на полуострове в XIII в. Их значительная эмиграция сюда (прежде всего, конечно, зажиточного элемента — купечества, богатых ремесленников) — была вызвана монгольским завоеванием Армении, начавшимся в 40-х гг. XIII в. Крымское побережье армянские хронисты даже стали называть Приморской Арменией. В конце этого столетия армяне были заметной частью населения Судака, а в XIV в. они вместе с татарами составляли подавляющее большинство населения Кафы [22].

Стремление многих народностей проникнуть в Крым и обосноваться в нем было связано, по большей части, с чисто экономическими соображениями, поскольку полуостров во всех его ландшафтных аспектах представлял собой богатый и плодородный кусок Северного Причерноморья. Уже для эллинов Крым стал житницей и источником разнообразной сельскохозяйственной и промысловой продукции. Из Боспора и Херсонеса греки вывозили зерно, рыбу, продукты скотоводства, мед, воск в значительном (по тем временам, да и по теперешним масштабам) количестве. Именно на этой торговле было построено благополучие Херсона и Боспора, игравших важную роль в экономике всего Средиземноморья. Имели значение и политические соображения: владея Крымом, оказывалось возможным держать под контролем все северное побережье Понта и его морские коммуникации. Крым находился на перепутье или, точнее, в узле сухопутных и морских торговых дорог между Центральной

и Восточной Европой, Средиземноморьем, Малой и Средней Азией. Такие города Крыма, как Херсонес (Херсон, Корсунь), Сугдея-Сурож (Солдайя, Судак), Феодосия (Кафа), Пантикапей (Боспор, Керчь), всегда являлись прежде всего торговыми городами, осуществлявшими посредничество между народностями самого полуострова и более отдаленные торговые связи.

Удерживать Крым помогало его изолированное положение. Соединяясь с материком узкими перешейками (Перекопским и Чонгарским), окруженный со всех сторон водой, отделенный от Таманского полуострова широким проливом, Крым представлял собой колоссальное убежище, проникнуть в которое с севера — со стороны великой дороги народов — было не просто. Перекопский перешеек [23] был перегорожен рвом и валом еще при скифах, впоследствии — при татарах и турках, во время оккупации Крыма Врангелем. И все же именно этим путем — через Перекоп — одна за другой вливались в Крым волны кочевых народов. Крым был доступен с моря, но как раз в наиболее доступных для проникновения местах (Феодосийском и Керченском заливах, Севастопольской и Балаклавской бухтах) находились сильные укрепленные города.

Видимо, изолированность Крыма прежде всего и давала возможность народностям и возникавшим здесь государствам длительно удерживаться на полуострове. Скифское царство просуществовало по крайней мере шесть с лишним столетий, Боспорское — без малого девятьсот лет, Хазарский каганат — три столетия, княжество Феодоро — не меньше тысячи лет (если считать его начало от раннесредневековой страны Дори), Крымское ханство — три с половиной столетия. Даже римские гарнизоны и генуэзские консулы удерживались на берегах Таврики по два с лишним столетия, на триста лет растянулось владычество в Крыму Оттоманской Порты. Самым невероятным кажется двухтысячелетнее, притом непрерывное, существование Херсонеса — от маленького городка греков-гераклейцев в V в. до н. э. до крупного портово-торгового пункта, разрушенного в конце X в. н. э. киевским князем Владимиром, и до захиревшего Корсуня XIV в. Даже и после этого Херсон-Корсунь продолжал оставаться в какой-то мере населенным городом. Еще длительнее история Феодосии и Керчи (Пантикапея) — с VI в. до н. э. до наших дней! Две с половиной тысячи лет! Что бы ни случалось с ними, какие бы превратности исторической судьбы ни испытывали эти города, они вновь и вновь возрождались на прежнем месте. Конечно же, в этом видна и выгода их положения, и отсутствие конкурентных мест, где могли бы возникнуть столь же значимые в экономическом отношении и крупные населенные пункты.

Южный берег — настоящая цитадель Крымского полуострова. Его история связана с историей всего Крыма, однако значительная изолированность не могла не сказаться на его исторических судьбах.

Уже в I тыс. до н. э. история Южного берега отличалась от истории степного и предгорного Крыма. Там — в степях и предгорьях — развернулась деятельность скифских племен и начало складываться Скифское царство, здесь — на Южном берегу —

известно только о таврах, находившихся на стадии родоплеменных отношений. Тавры продвигались и в Горный Крым, но, видимо, не дальше Первой гряды, т. е. не дальше Яйлы. Могильники тавров с погребениями в каменных ящиках открыты главным образом на Южном берегу и в Байдарской долине.

В то же время на крайнем юго-западе и на востоке Крыма возникли крупные центры греческой колонизации — Херсонес, Феодосия и Пантикапей, но граница образовавшегося затем Боспорского царства не достигала Южного берега, а влияние античного Херсонеса на эту территорию было, скорее всего, не слишком решительным, возможно, эпизодическим.

В первые века нашей эры на востоке Крыма продолжало существовать Боспорское царство (под эгидой Римской империи), в степной части оставалось независимым Скифское царство, Херсонес превратился в форпост римской оккупации Таврики. А Южный берег? Он находился в промежутке между флангами «оккупационной зоны» и благодаря своей недоступности сохранял какую-то самостоятельность, хотя и на нем угнездились римские легионеры, впрочем только в одном (достоверно известном) пункте — в Хараксе.

III и IV века нашей эры... Вначале готы, затем гунны громили крымские царства, римляне были вынуждены покинуть Таврику, и тогда, возможно, Южный берег становился убежищем для того разношерстного населения (включая готов), которое сложилось на нем за предшествующее тысячелетие.

Далее наступает средневековье. Уже в самом его начале Южный берег оказывается в политической зависимости от Византии — зависимости, растянувшейся на несколько столетий. Век VI приводит в Крым хазар, IX — печенегов, XI — половцев. Те и другие, занимая степи и предгорья полуострова, едва ли подолгу задерживались на Южном берегу, изредка прорываясь через перевалы. Но несомненно — они были на нем. Об этом говорят следы военных конфликтов, относящиеся к VIII—XI столетиям. Зона Южного берега номинально была и половецко-куманской. Однако скорее всего Византия продолжала удерживать Южный берег и оказывать на него влияние и позднее. Византийские традиции прослеживаются на Южном берегу, как и в крепостях-городах княжества Феодоро, чуть ли не до турецкого вторжения.

Коренные изменения принес XIII век. Почти весь Крым, кроме его юго-западной нагорной части — княжества Феодоро и Южного берега, оказался под властью монголо-татар. Южный берег прибрали к рукам генуэзцы и основали там феодальные поместья и свою администрацию. С XIII в. Крымом завладели татары, однако их проникновение на Южный берег началось лишь после того, как из его укреплений турецкими десантами были выбиты малочисленные генуэзские гарнизоны, т. е. после 1475 г.

Узенькая полоска земли, именуемая Южным берегом, и в течение XVI—XVIII столетий имела историю, отличную от истории большей части Крыма: вместе с его юго-западной частью она числилась

собственностью турецкого султана, в составе ее населения значительный процент (до половины) приходился на долю христиан, главным образом греков, в меньшей мере армян и др. Долгое время христиане и мусульмане мирно уживались здесь, и только войны конца XVIII столетия посеяли между ними вражду, вызвали в конце концов бегство значительной части тех и других [24].

Южный берег всегда притягивал к себе. Его изоляция гарантировала безопасность. Его превосходные климатические условия оказывали благотворное влияние на население. Плодородные земли давали возможность заниматься земледелием, нагорные пастбища на Яйле были удобны для отгонного скотоводства. Пищевой базой служило и море. Южный берег лежит между крайним юго-западом Крымского полуострова, где полторы тысячи лет действовал центр торгово-экономических связей и очаг цивилизации — Херсонес, и его восточной частью, где таких очагов и центров было несколько— Судак, Феодосия, Пантикапей. Мимо него и рядом с ним проходили морские коммуникации. Сочетание благоприятных факторов, включая эстетические — красоты Южного берега Таврики, и влекло сюда народы из разных мест Ойкумены.

IV

АЛУШТА — ВХОД НА ЮЖНЫЙ БЕРЕГ

1

Упоминание Прокопием Кесарийским [1] Алушты (Алустон) как места, где в правление византийского императора Юстиниана I, т. е. между 527 и 565 гг., была построена крепость, возводит историю этого пункта к раннему средневековью, причем из контекста не совсем ясно, говорит ли Прокопий о населенном пункте, уже существовавшем до постройки крепости, или крепость была основана здесь на пустом месте. Скорее всего, поселение в Алуште существовало и до этого, ибо место это было стратегически важным.

Одно из преданий, упоминание о котором можно найти в старых изданиях, например в XIV томе «России», возводит историю района Алушты к первым векам нашей эры, ко времени, переходному от античности к раннему средневековью. В верховьях р. Альмы, за Кибит-Богазом, в середине прошлого столетия была начата постройка Косьмодемьянского монастыря, и в 1856 г. он был открыт. Монастырь возник возле одноименного источника, почитавшегося святым и целебным. Предание связывало название источника с именами небезызвестных в христианской истории канонизированных врачей — братьев Косьмы и Дамиана, которые якобы при императоре Гае Аврелии Диоклетиане (284—305 гг. н. э.), этом наиболее свирепом гонителе христиан, были сосланы в Таврику, в район Алушты, и впоследствии убиты здесь. Это, однако, спорно: из жития Косьмы и Дамиана известно, что пребывали они и были убиты в Риме. Но предание интересно с двух точек зрения.

Во-первых, оно связывает открытие источника не просто с некой святой личностью, но со специалистами в области врачевания. Не говорит ли это о бальнеологических свойствах источника? Во-вторых, большинство преданий, даже не слишком на первый взгляд

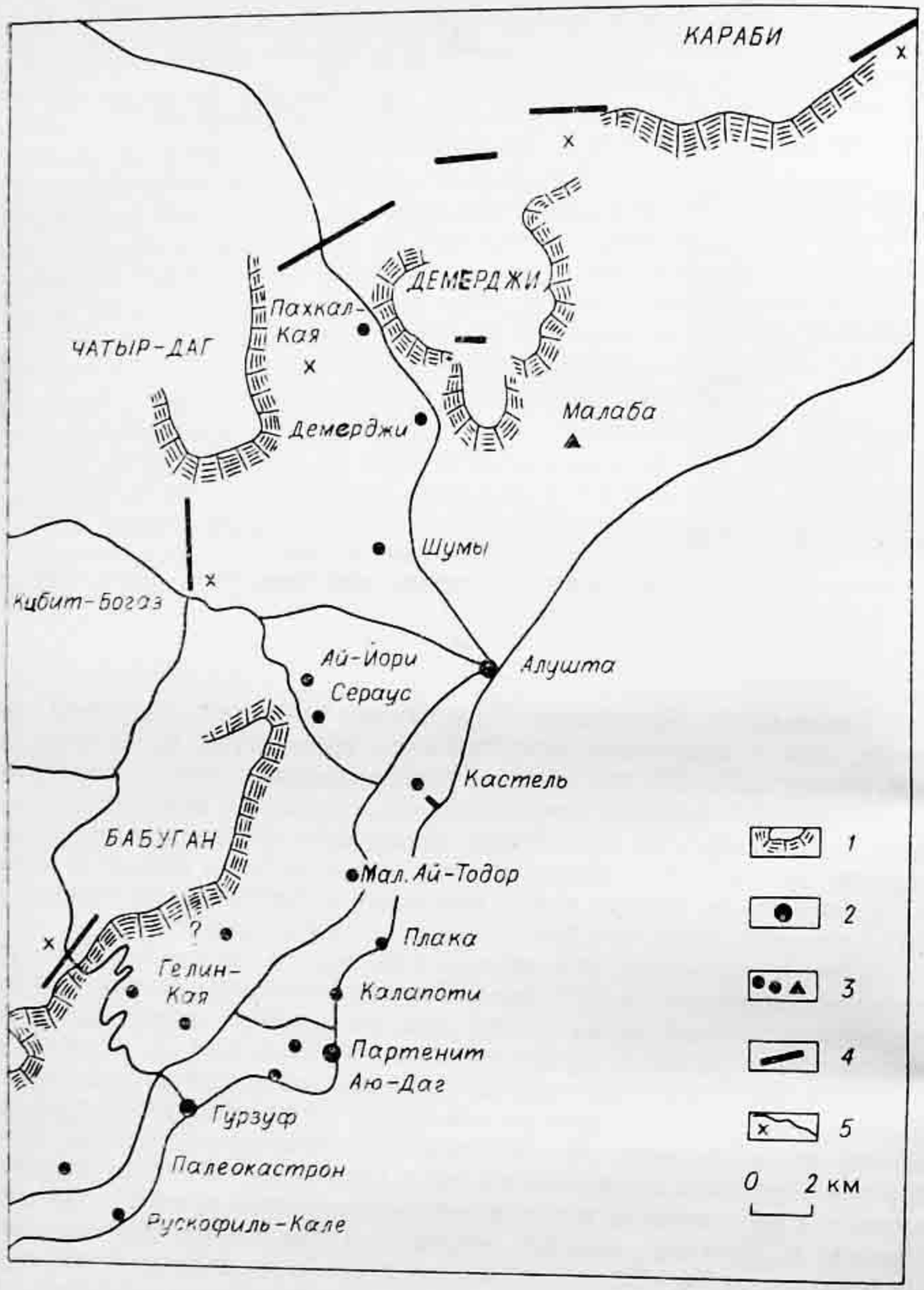


Рис. 7. Средневековые укрепления района Алушта — Гурзуф

1 — скалистые уступы массивов Яйлы; *2* — главные укрепленные пункты; *3* —прочие укрепления, укрепленные монастыри, дозорные пункты (треугольником отмечено единственное предполагаемое таврское городище с могильником — Малаба, на котором нет наслоений средневековой эпохи); *4* — так называемые длинные стены на перевалах; *5*—главные дороги средневековья (совпадающие в основном с современной дорожной сетью). Крестом отмечены перевалы через Главную гряду Крымских гор.

правдоподобных, большей частью исходит из реальных факторов и исторических событий. Не исключено, что и возникновение Алушты следует отнести ко времени задолго до эпохи Юстиниана I.

Территория самой Алушты в археологическом отношении совсем не исследована, и вряд ли это удастся сделать в условиях сверхплотной застройки ее центральной старой части. Именно здесь и должны быть сосредоточены ее древности, если только они уцелели после многочисленных перестроек на протяжении столетий. Случайные находки предметов прошлого во время строительных работ (а Алушта сейчас переживает период исключительно бурного строительства) относятся по большей части к средневековью. Среди них лишь изредка мелькнет обломок эллинистической амфоры или краснолаковой посуды римского времени. Несмотря на редкость подобных находок, мы можем думать, что и в первые века нашей эры и в первые века до нашей эры Алушта была населена. Возможно, здесь находился один из небольших эмпориев греков из Милета, осуществлявших посредничество в торгово-экономических связях между местным населением Алуштинского амфитеатра и крупными колониями милетян и гераклейцев на Таврическом полуострове. О греческом происхождении Алушты говорит само ее название, но об этом — ниже. Обширность Алуштинской котловины со значительной площадью относительно пологих склонов, на которых вполне можно было заниматься земледелием, пара наиболее крупных речек Южного берега — Улу-Узень и Демерджи, пара горных проходов, открывающих путь в предгорья (Кибит-Богаз и Ангарский), навигационная приметность места благодаря горам Кастель, Чамны-Бурун, Бабуган, Чатыр-Даг, Демерджи, подходящего для стоянки судов и высадки на берег (рис. 7),— все это не могло не привлечь внимание греческих колонистов к району Алушты. Косвенно свидетельствует об этом, например, следующее указание Страбона: «В гористой области тавров есть также гора Трапезунт...»[2] Речь идет, несомненно, о Чатыр-Даге, который из всех Крымских гор наиболее похож именно на Столовую гору.

2

Эллины, высадившиеся на берег в районе Алушты, в I тыс. до н. э., несомненно, застали здесь довольно многочисленное местное население — тавров. В окрестностях Алушты найдено несколько таврских могильников с каменными ящиками. Наиболее крупный из них находится километрах в семи к северо-востоку от Алушты, на холме Малаба (или Кошарском бугре), представляющем собой водораздельную между двумя сухими балками сланцевую гряду, спускающуюся от оконечности Южной Демерджи к морю (рис. 8). Склоны этой гряды очень круты. Простирается она в направлении север — запад; следуя по ее гребню в этом направлении, проходишь несколько все более повышающихся сланцевых бугров и попадаешь к тесному проходу в скалах Южной Демерджи, ведущему к водопаду Джурла. Жители Лучистого и других поселков Алуштинского ам-

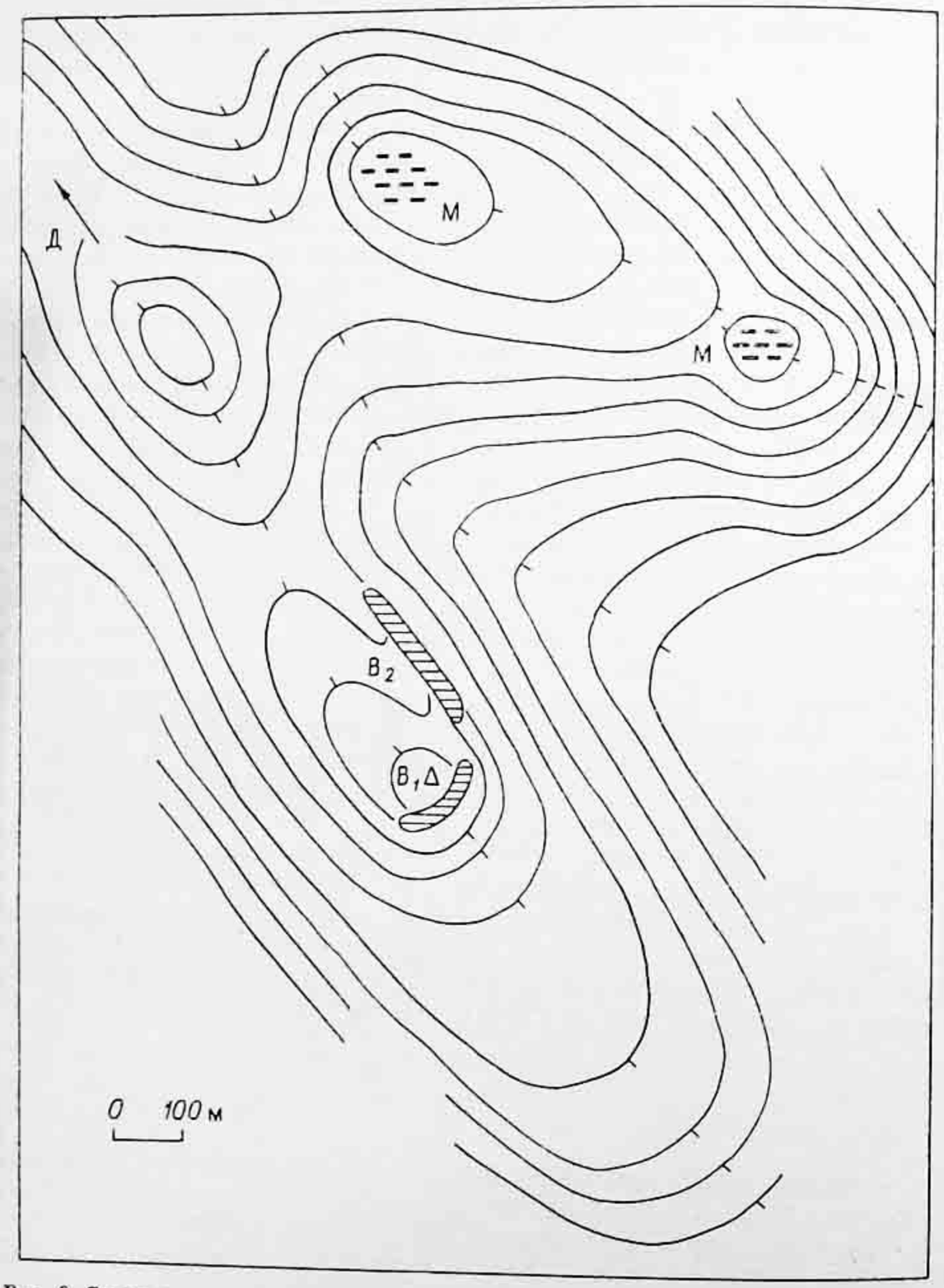


Рис. 8. Ситуация на холме Малаба (к северо-востоку от Алушты). Съемка автора, 1966 г.

B_1 и B_2 — валы таврского городища; Д — путь по водораздельной сланцевой гряде к водопаду Джурла на Южной Демерджи; М — могильники с каменными ящиками.

фитеатра, используя старую горную дорогу, перегоняют на пастбища Джурлы скот.

Первые раскопки могильника на холме Малаба проведены А. Брандтом в 1913 г., но каменные ящики были ограблены еще в

древности, и раскопки дали очень мало материала [3]. Ящики обнаружены на большой площади, группами; размер этих погребальных сооружений колеблется в следующих пределах: длина 1,4—1,6 м, ширина 0,8—1,1, глубина 0,8—1,1 м. В 1947 г. здесь продолжил раскопки Е. В. Веймари; всего на холме Малаба, в разных пунктах сланцевой водораздельной гряды, обнаружено 12 групп каменных ящиков [4].

В 1966 г. поблизости от могильника мне удалось найти остатки таврского городища, с южной стороны обнесенного валом, с восточной — защищенного невысокой скальной грядой; площадь городища сейчас распахана под посадки грецкого ореха и крымской сосны. От городища и расположенного поблизости от него могильника шел прямой путь на Джурлу, к источникам у Южной Демерджи. Воды на самой Малабе нет.

Крупнейший могильник тавров был обнаружен и раскопан Е. В. Веймарном на так называемом Церковном бугре в верховьях рч. Сухая Альма, километрах в полутора западнее урочища Япалах. Место это находится за пределами Алуштинского амфитеатра, но близко к нему. 56 каменных ящиков составляют четыре группы, каждая из которых занимает, как и на Малабе, отдельные бугры водораздельной гряды [5]. Находки каменных ящиков известны и в других пунктах, соседних с Алуштой. В 1886 г. на западной окраине Алушты был открыт кромлех с менгиром [6].

В общем местность вокруг Алушты до возможного времени появления греков не пустовала. Таврское население не было, по-видимому, плотным (по масштабам того времени), о чем можно судить по многочисленным погребениям. Возможно, существовали здесь и таврские укрепления, и укрепленные убежища, но где они находились, мы не знаем, кроме, пожалуй, городища на холме Малаба. Тот вал, который виден на этом холме, представляет собой развал камня, перекрытый делювием. Никаких признаков более или менее регулярной кладки, о которой можно было бы говорить как об оборонительной стене, не заметно, но это мнение может измениться после раскопок на Малабе. Их удобно начать на южном валу, имеющем высоту до 2 м и ширину более 10 м. Из всех предполагаемых таврских укреплений на Южном берегу Малаба представляет собой наиболее стоящий объект, так сказать, таврский объект в чистом виде, ибо здесь совершенно нет остатков средневековья, которых, как мы увидем ниже, полным-полно в других пунктах, считавшихся таврскими убежищами и укреплениями.

Кроме остатков оборонительных сооружений, с которыми читатель познакомится ниже, средневековую Алушту представляют керамические обломки, случайно находимые кладки жилищ, медные и бронзовые кресты, каменные надгробия с греческими надписями, могильники, так же как и таврские, по большей части давным-давно разграбленные. В 1950—1951 гг. вначале Н. В. Пятышевой, затем Е. В. Веймарном раскапывался средневековый могильник Алушты с неглубокими плиточными могилами [7]. Краниологическая серия из него была обработана К. Ф. Соколовой, которая пришла к выводу,

что черепа отличаются брахикранностью, довольно широким лицом и часто деформированы, как и в раннесредневековом могильнике Чуфут-Кале и в скифо-сарматских погребениях Неаполя Скифского [8]. Возможно, это отдаленные влияния сарматской традиции.

Кто были жители средневековой Алушты прежде всего в этническом отношении? Откуда они пришли и надолго ли осели в этом крае?

Никакие самые тщательные измерения черепов, ритуалы погребения и могильный реквизит не дают возможности с полной уверенностью определять этническую принадлежность пришлого населения. По параметрам черепа можно судить только о расовой принадлежности покойника, а что касается обрядов погребения и погребального инвентаря, то все это очень ненадежные критерии, которые могут быть сходными у разных народов и в разное время и быть различными у одного народа, испытавшего внешние культурные влияния или широко расселявшегося. Одним словом, сам по себе могильник средневековой Алушты не мог дать ответа на поставленные вопросы, если бы из «древней тьмы» не зазвучали письмена.

В 1950 г. в прибрежной части Алушты, на склоне холма, были раскопаны остатки одноапсидного храма, окруженного могилами. В одном из склепов поздних (XV—XVI вв.) погребений был найден обломок надгробия, использованный в качестве строительного камня. Надгробие было высечено из белого мшанкового известняка, на нем сохранились основание креста и несколько слов греческой надписи [9]. Е. Ч. Скржинская переводит фрагмент надписи как «...Феодор погребен зять его...», а палеографические признаки дали ей основание датировать надгробие XIV в. На надгробии частично сохранились грекоалфавитные знаки даты, также указывающие на XIV в., точнее, на время между 1292—1391 гг.[10]

История различных находок знает немало удивительных примеров. Есть чему удивляться и в данном случае: оказывается, столетие назад, в 1886 г., в Алуште было обнаружено точно такое же надгробие (вернее, его большая средняя часть) с греческой же надписью, упоминающей Феодора, с изображением креста, имеющего основание в виде рогульки (треножника) и две свечи на поперечной балке [11]. На рис. 9 показан вид надгробий этого типа, реконструированных по двум фрагментам. Для нас же большее значение имеют греческие надписи и содержащееся в них широко распространенное греческое имя — Феодор. То и другое убеждает, что в конце XIII и в XIV в. население Алушты было греческим и с определенно византийскими традициями, о чем можно судить по характерному кресту. Более того, В. В. Латышев считал, что надпись на плите 1886 г. относится ко времени не позднее VIII—IX вв., однако мнение это оспаривается Е. Ч. Скржинской [12]. Разобраться в том, какая датировка правильнее, могут, конечно, только палеографы, хотя и между ними (в данном случае разделенными большим отрезком времени) могут быть значительные разногласия.

История Крыма и Южного берега исключает появление здесь греков только с XIII—XIV вв. А если они были здесь в столь позд-

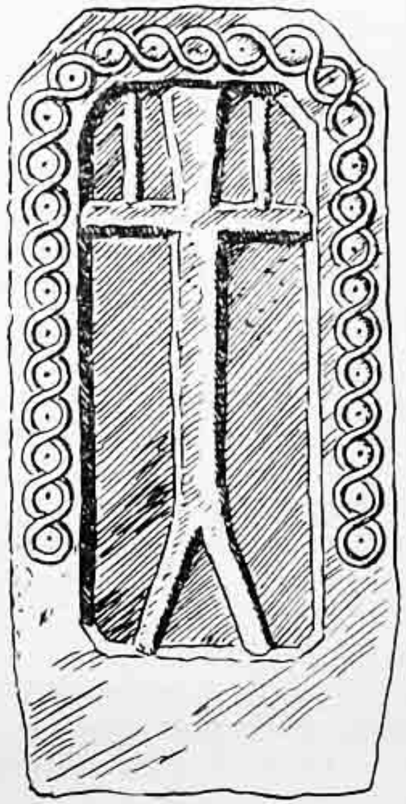


Рис. 9. Реконструкция средневековых греческих надгробий из Алушты. Орнамент в виде прорезной плетенки, крест на треножнике (голгофе) с двумя свечами на поперечной балке. Надпись (не показана) справа и слева от вертикальной балки креста.

нее время (в чем нет сомнения — об этом свидетельствуют масса греческих надписей как более раннего, так и более позднего времени и множество памятников греко-византийской эпохи), то появились намного раньше [13]. Само название *Алушта* — слово греческое, оно происходит, по-видимому, от αλουστος — немытый, неумытый. Не правда ли, странно: две самые крупные речки Южного берега впадают в море как раз возле Алушты — и вдруг «неумытый» или «неумытая»! Однако удивляться этому нечего. Обе речки — и Улу-Узень, огибающая крепостной холм с запада и юга, и Демерджи, ограничивающая Алушту с севера-востока, — почти все дни в году бывают сухи. Вода в них появляется только после ливней, тогда бурные потоки, катящиеся по галечно-валунным руслам, содержат больше грязи, чем воды. Расположенная на берегу моря и в значительном — до 6—10 км — удалении от горного обрамления, Алушта настолько же удалена и от горных источников, чаще всего выбивающихся на поверхность из-под яйлинских известняков. Алуште часто не хватает воды, и если вам случится, будучи постояльцем гостиницы «Черноморская», остаться день-два неумытым, вы легко согласитесь с тем, что в названиях мест греки были не промахи.

На средневековых картах (XIV—XVI вв.) название Алушты претерпевало всяческие метаморфозы, но не настолько, чтобы его нельзя было узнать: Ласта, Ауста, Лустра, Лустиа, Луста, Лусто, Луска [14]. Добавим, что Идриси (XII в.) назвал Алушту Салустой. По договору с татарами в 1381 г. генуэзцы получили именно Лусту, и она стала одним из центров колонизации, правда менее значительным, чем, скажем, Кафа или даже Солдайя, но не менее важным для этой части Крымского побережья. Генуэзцы укрепили Алушту, использовав старую, юстиниановых времен, крепость, значительно переделав ее на свой архитектурный вкус. Собственно говоря, или от византийской крепости практически ничего не осталось, или невозможно с достоверностью отличить византийские кладки от кладок генуэзских. Современная чугунная плита с охранной надписью на одной из башен Алуштинской крепости доводит до вашего сведения, что это — памятник архитектуры VI в. (в соответствии со свидетельством Прокопия), однако принимать это следует для данного

места вообще, а не для наличных остатков крепостных сооружений. То же относится и к византийской крепости в Гурзуфе: и там сооружения раннего средневековья были подвергнуты коренной реконструкции в XIV—XV вв.

Генуэзские владения в XV в. охватывали весь берег от Феодосии до Балаклавы, но столетнее владычество генуэзцев на Южном берегу не оставило на нем ничего более приметного, чем крепости в Алуште и Гурзуфе (о крепости в Балаклаве мы не говорим, как и о крепостях Феодосии и Судака). Больше того, можно смело думать, что влияние генуэзцев на местное население Южного берега, в своей основе в то время греческое, было ничтожным и ни о какой латинизации его не могло быть и речи. Не известны здесь и латинские эпиграфические памятники, что кажется несколько удивительным, если вспомнить, что и в Феодосии, и в Судаке в кладку стен крепостных сооружений вставлены мемориальные каменные доски с латинскими надписями. Не ощущается генуэзского (латинского) влияния и в топонимике Южного берега, складывавшейся сначала на основе греческого, затем — татарского языка. Очевидно, даже такие крупные пункты генуэзской колонизации, как Алушта, имели совершенно незначительный процент латинского населения [15].

После захвата Южного берега (и других районов Крыма) турками Алушта вошла в число деревень Судакского кадылыка, оказавшись на юго-западном фланге. Крепость в Алуште утратила свое военное назначение и стала застраиваться татарскими домами, которые опоясали плотным кольцом и склоны крепостного холма.

3

Холм, на котором находятся остатки Алуштинской крепости, застроен с величайшей плотностью. Это — старая часть Алушты, и здесь преобладают одно- и двухэтажные домики с малюсенькими палисадниками, террасками, сараями. Склоны холма, обращенные к р. Улу-Узень, террасированы и укреплены множеством самых разнообразных по кладке подпорных стен, из которых на нашем плане показана только малая часть (рис. 10). Подпорные стены относятся по меньшей мере к двум-трем столетиям; некоторые из них наверняка средневековые, как об этом можно судить по характерным вяжущим растворам с добавлением тонкой раздробленной керамики. Средневековые крепиды неоднократно реставрировались, перекрывались новыми; сейчас трудно разобраться в планировке средневековой Алушты, которая находилась на этом же месте. По-видимому, и во времена Кеппена состояние Алуштинской крепости было почти таким же; во всяком случае Кеппен сообщает о ней только следующее (цитирую полностью с некоторым изменением правописания на современный лад): «Представляемый здесь чертеж есть план Алуштинского укрепления... построенного по повелению императора Юстиниана I... Оно было воздвигнуто на отдельно стоящей возвышенности, между устьями двух небольших речек, и, сообразуясь с местностью, составляло весьма неправильный пятиугольник, внутри которого особое

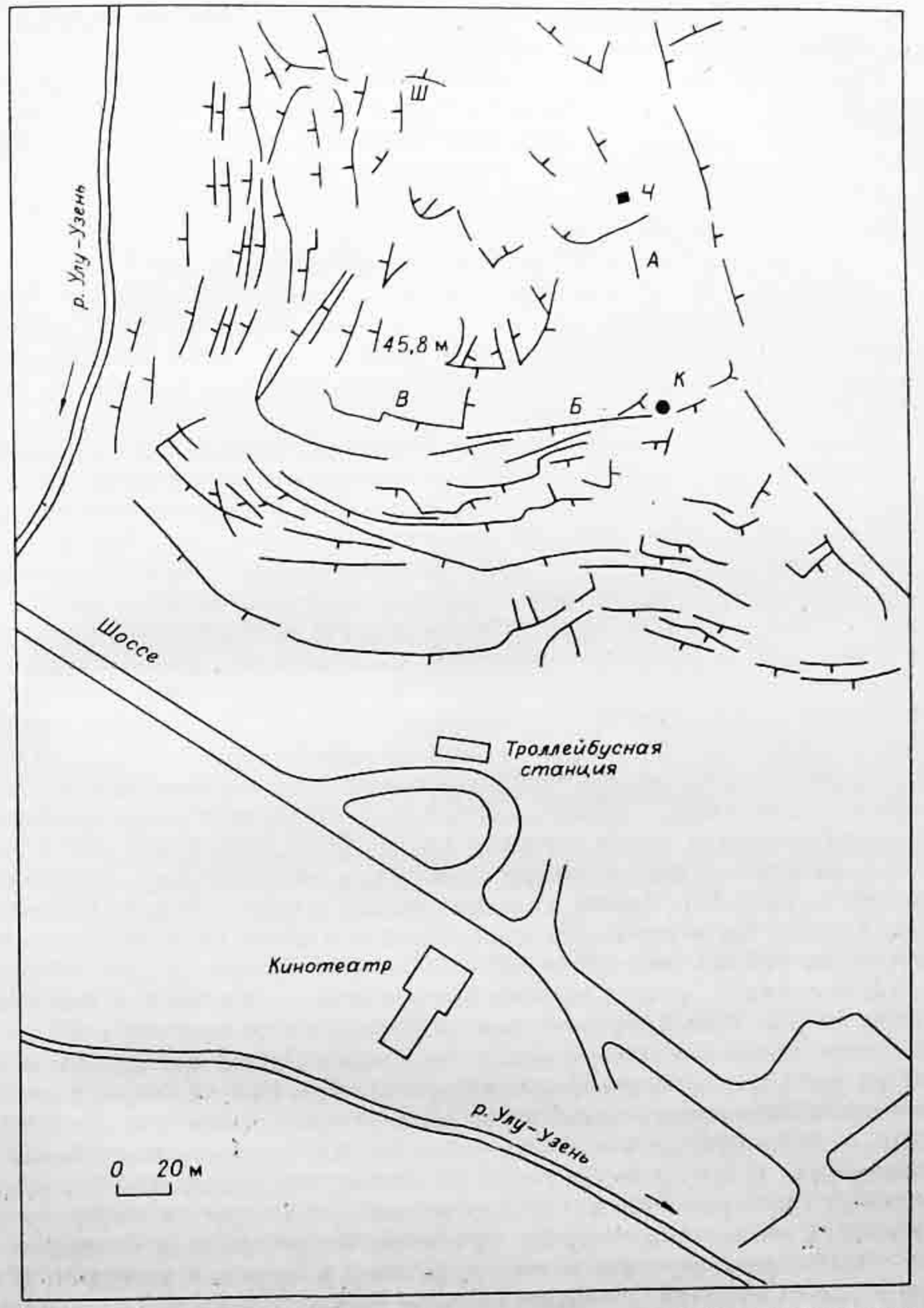


Рис. 10. Прибрежная часть Алушты с крепостным холмом (наивысшая точка — 45,8 м), опоясанным крепидами различного возраста — от средневековых до современных.

Ш — шестиугольная башня (не сохранилась); Ч — четырехугольная башня; К — круглая башня; А — остатки восточной стены; Б — восточный фланг южной стены (средневековая кладка сохранилась на всем протяжении); В — западный фланг южной стены (средневековая кладка частично маскирована более поздней). Крепиды показаны жирными линиями с бергштрихами.

отделение представляло как бы акрополь, или верхний город... С восточной стороны находились три башни:

шестиугольная, которую татары называют Чатал-Кулле (Рогатая башня) и которой вторая половина обрушилась в 1830 году;

четвероугольная, называемая Орта-Кулле (Средняя башня), которой существование, по приказанию графа М. С. Воронцова, упрочено в 1833 г. тем, что под нее подведено новое основание, вместо крошившегося старого;

круглая, именуемая Ашага-Кулле (Нижняя башня).

Толщина стен этих башен простиралась до целой сажени. Они клались на известке так, что между камнями влагаемы были шестивершковые бревна, от коих остались одни только дыры. Из прежних крепостных стен уцелела часть, ныне составляющая поддержку высокого земляного уступа или террасы»[16].

Сейчас уже нет шестиугольной башни, сохранились лишь остатки четырехугольной башни и значительная часть круглой. Видна также и та крепостная стена, о которой писал Кеппен, но ее совсем не просто отличить от более поздних крепид.

Реконструируемый план крепости представляет собой неправильный четырехугольник, стороны которого ориентированы по странам света (на юг, запад и восток) за исключением четвертой, обращенной на северо-восток. Длина сторон его следующая: южной — 120 м, восточной — 130, северо-восточной — 90, восточной — 80, в сумме — 420 м, что по масштабам южнобережных исаров, как увидим ниже, говорит о большом объеме фортификационного строительства. Площадь крепостного многоугольника равна почти 1 га; приблизительно одна пятая ее часть, примыкающая к юго-западному углу крепости и представляющая собой вершину холма, была огорожена дополнительными стенами длиной около 80 м. Здесь располагалась цитадель крепости (рис. 11). Таким образом, общая длина оборонительных стен Алушты была равна 500 м, но более или менее сохранились они только на протяжении 200—220 м.

В отличие от многих южнобережных исаров, крепость в Алуште имела башни. Они противостояли относительно ровному и легкодоступному северному и восточному предполью. Возле шестиугольной башни находились, вероятно, ворота; они, конечно, не сохранились, но о них можно судить по старой дороге, которая сейчас представляет собой одну из кривых улочек Алушты. Южное и западное предполье, обращенное к руслу р. Улу-Узень, было труднодоступным из-за большой крутизны склона. Несмотря на значительную длину стен на южной и западной сторонах крепости, башен здесь не было. Стены отчасти фланкировались шестиугольной и круглой башнями. Из трех башен, кажется, наиболее высокой была круглая. Она и сейчас возвышается на 12—14 м, а полная высота ее с навершием могла достигать 18—20 м. Высота четырехугольной башни составляла около 13—15 м, о высоте шестиугольной башни мы не можем и догадываться. Наконец, если судить по остаткам южной стены, которая сейчас выглядит как крепида высотой от 3,5 до 6 м, можно думать, что оборонительные стены крепости возвышались над основанием на 8—10 м.

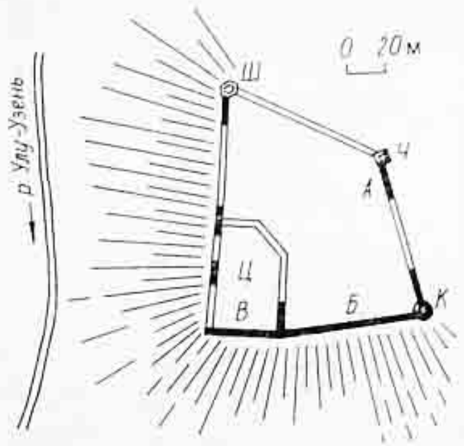


Рис. 11. Реконструкция полного периметра Алуштинского укрепления по остаткам кладок (показаны черным) и плану из работы П. И. Кеппена.

А, Б, В, К, Ш, Ч — то же, что на рис. 10; Ц — цитадель. Западное и южное предполье представляют собой крутой склон холма, огибаемого р. Улу-Узень, северное и восточное предполье — относительно ровная местность, на которую и обращены башни.

Рис. 12. Круглая башня (Ашага-Кулле, или Нижняя башня) Алуштинского укрепления, 1966 г. Вид с юго-запада. Вся северо-западная часть башни обрушилась. Видны ровные скосы реставрационной кладки, выполненной до 1900 г. Полная высота сохранившейся части башни по наружному панцирю — от 12 до 14 м.

Общий объем такого сооружения равнялся 11—12 тыс. куб. м с плотностью кладки камня до 85—90 %.

Современное состояние двух башен — круглой и четырехугольной — видно на фотографиях (рис. 12, 13). Они разрушились бы полностью, если бы еще в прошлом веке не были частично реставрированы. Так, от четырехугольной башни остались незначительная по высоте часть и реставрированный в 1833 г. скос основания [17], представляющий собой противотаранное утолщение (а для более позднего времени — против ядер) и одновременно с этим игравший роль сплошного контрфорса. Кроме того, такие скосы обеспечивали рикошетирование камней и ядер, бросаемых с высоты башни на головы штурмующего противника, причем по закону отражения с учетом проскальзывания ядер по плоскости скоса траектория рикошетирования перекрывала зону в два-три десятка метров. Надо полагать, что навершия башен, как и навершия оборонительных стен, имели зубчатый парапет с узкими, расширяющимися внутрь бойницами и простой или сложный карниз с вертикальными бойницами, направленными вниз. Как известно, такая конструкция наверший-машикули широко

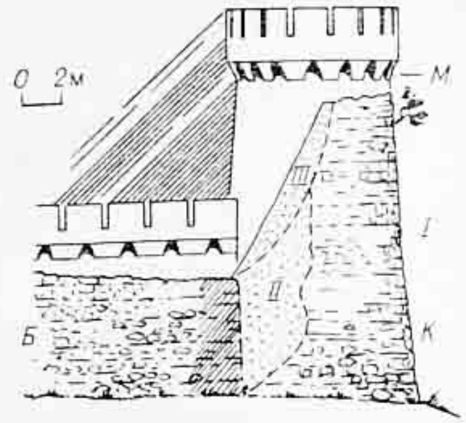


Рис. 14. Круглая башня Алуштинского укрепления.

Б — восточный фланг южной стены; К — круглая башня (I — первичная кладка горизонтальными рядами; II — реставрационная кладка, полигональная; III — реставрационная кладка, главным образом из диорита). Наверщие башни и стены — реконструкции автора. М — вертикальные бойницы-машикули.

Рис. 13. Четырехугольная башня Алуштинского укрепления. Юго-восточный угол, 1966 г. Справа — фронтальная сторона, слева — южная боковая сторона, кладка угла в перевязь. Скос основания реставрирован в 1833 г.

применялась в крепостной архитектуре от римского времени до средневековья включительно [18].

Круглая башня, диаметр которой у основания около 10 м, не имела противотаранного (будем называть его так) скоса; для нее условно можно принять тот же тип навершия (рис. 14). Настаивать на таком варианте реконструкции нет особых оснований, но он кажется более подходящим. Щелевидные бойницы раструбом внутрь имеют тот же сектор обстрела, что и бойницы раструбом наружу, но первые менее опасны для защитников, так как имеют незначительные размеры на лицевом панцире, а следовательно, менее поражаемы. Такой тип бойниц имели, по-видимому, многие южнобережные укрепления. Их остатки видны в крепости Гурзуфа, о щелевидных бойницах Учансу-Исара писал Кеппен, щелевидные бойницы раструбом внутрь типичны, например, для генуэзских крепостей в Феодосии, Судаке, Балаклаве.

V

АЙ-ЙОРИ — МОНАСТЫРЕК НА ГОРНОЙ ДОРОГЕ

Возникла мысль в уме твоем,
Будь осторожен с ней:
Мысль, что придет к тебе потом,
Не будет ли верней?

Амир Хосров Дехлави

1

Закончив дела на Сераусе *, не торопитесь покидать лесистый склон Чамны-Буруна. Слов нет, великолепна красота буков и кленов, покрывающих отроги гор, тенисты овраги, заваленные замшелыми диабазовыми глыбами, неожиданны встречи с красавцами оленями, которые больше всего чтут тишину и, как я мог заключить, с доверием относятся к тем, кто не нарушает их покой, и бегут от горластых ватаг туристов. Но не только поэтому стоит задержаться в районе Серауса.

Для искателя древностей здесь найдется, помимо Серауса, еще одна развалина. Из-за нее и следует задержаться. Буквально под боком у Серауса, не далее как в 20 минутах бодрого хода по той же дороге, в лесном море прячется небольшая скала. Не многие знают о ее существовании и странном на первый взгляд названии — Ай-Йори. С вершины Серауса она видна в направлении на северо-запад, на фоне склонов — зеленых летом, пламенеющих желтыми и оранжевыми красками осенью и коричневато-бурых ближе к зиме. На небольшом расстоянии разглядеть Ай-Йори нелегко — почти полностью ее закрывают кроны придорожных дубов и буков. Нетрудно проскочить мимо, не подозревая, что по правую руку остается один из миниатюрных исаров Южного берега.

Ай-Йори находится строго к западу от Алушты, в 5—7 км от нее по прямой линии. Вроде бы — не так далеко! Но пробираться по прямой — совсем не легкое дело из-за сланцевых косогоров и оврагов, покрытых густыми кустарниковыми зарослями. В этих зарослях трудно выбрать подходящую по направлению тропу и совсем просто ее потерять. Поэтому удобнее начать путь к Ай-Йори от седловины

* Глава о Сераусе в бумагах Л. В. Фирсова отсутствует. (*Ред.*)

горы Кастель, пройти дорогой заповедника мимо кордона Вереси, миновать траверз Серауса и через 20 минут бодрого аллюра оказаться в верховьях одного из правых боковых притоков рч. Улу-Узень. Место это легко узнать по шуму водопада, который только и нарушает тишину векового леса.

В прошлом водопад был известен как источник святого Георгия, он же назывался Ай-Йори, как и скала, расположенная поблизости. Правильнее было бы говорить *Ай-Юри*, что и означает «святой Георгий» или «святой Юрий» (от греческого αγιος — святой, священный, освященный, чистый), но сохраним эту маленькую неточность в написании, ибо на Южном берегу, недалеко от Меласа, есть еще один Ай-Юри — небольшой хребет, на котором в прошлом помещалась церквушка святого Георгия Победоносца, а рядом был средневековый могильник. Не будем путать эти разные объекты.

Источник Ай-Йори еще в недавнем прошлом пользовался особым вниманием паломников, направлявшихся по лесной дороге в Косьмодемьянский монастырь в верховьях Альмы. О монастыре мы уже говорили. В наши дни источник посещают также довольно часто, но, конечно, не из-за святости места.

Чтобы попасть на скалу Ай-Йори, нужно свернуть с дороги вправо, немного не доходя до водопада, и начать спуск по лесистому склону. Вскоре откроется поляна — старый чаир. Северным фоном ее служит синеющий в дымке Чатыр-Даг с Эклези-Буруном. Он находится на расстоянии не более 6 км, но кажется очень далеким. Его отделяет от нас скрытая лесом, находящаяся где-то внизу широкая долина Улу-Узени, а в картине без среднего плана всегда трудно отыскать подходящую мерку для правильной оценки расстояния.

С восточной стороны поляна загорожена небольшой скалой; у подножия ее — бордюр кустов и деревьев. Это и есть Ай-Йори. Когда-то у ее подножия ютилась сакля-жилище владельцев чаира, теперь бурьян закрывает невысокие развалы камня.

С вершины скалы глаз охватывает почти всю Алуштинскую котловину и ее горное обрамление. Представление о месте Ай-Йори и видимых с нее объектах могут дать следующие азимутальные направления (в град):

На Эклези-Бурун на Чатыр-Даге	325
На юго-восточную оконечность горы Демерджи	30
На центр Алупки, башни крепости	85
На купол горы Кастель	130
На вершину горы Сераус	155
На гору Кучук-Урага на хребте Урага	170
На перевал Кибит-Богаз	300

Как видим, между Ай-Йори и четырьмя укреплениями Алуштинского амфитеатра — Демерджи, Алуштой, Сераусом, Кастелем — имеется прямая визуальная связь. Виден и пятый пункт, возможно также средневековый,— Эклези-Бурун, а левее его прорисовывается седловина Кибит-Богаза — этих главных в средние века ворот на Южный берег. В общем с вершины небольшой, в сущности, скалы

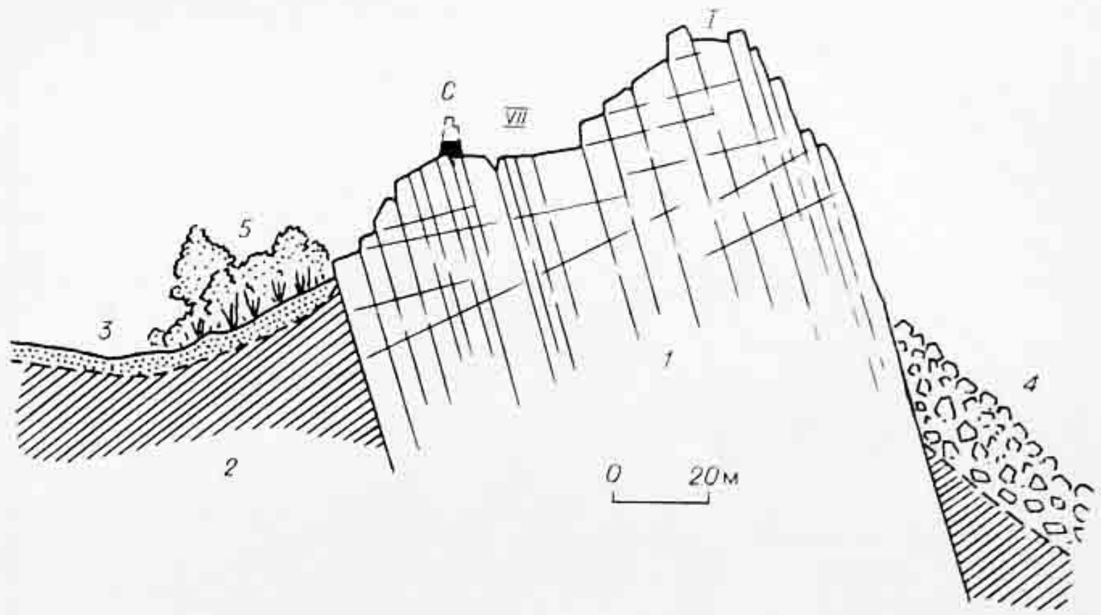


Рис. 15. Схематический поперечный профиль скалы Ай-Йори.

1 — интрузия тавритов (показаны первая и вторая системы тектонических трещин, третья — в плоскости чертежа); *2* — глинистые сланцы; *3* — рыхлые продукты разрушения сланцев и тавритов; *4* — каменные развалы тавритов под восточным обрывом; *5* — бордюр кустов и деревьев (растительность на скале не показана). I — площадка на вершине; VII — наиболее обширная площадка в западной части скалы; C — место оборонительной стены.

открывается широкая панорама ближних и дальних окрестностей. При выборе места под укрепление такая особенность приобретает немаловажное значение. Вместе с тем если смотреть из каждого упомянутого пункта, кроме Серауса, который находится достаточно близко к Ай-Йори, то сама скала часто не видна из-за своей малости или потому, что даль скрывают дымка, низкие облака или поднимающийся от моря туман заволакивает подножия Чамны-Буруна.

План и профиль скалы (рис. 15, 16) ясно передают детали ее несложной морфологии. Остается добавить несколько слов. Скала Ай-Йори вытянута в северо-северо-западном направлении на 140—150 м, имеет ширину около 80—90 м, поднимается над чаиром на 20 м и падает к востоку крутыми обрывами на 50—60 м. Подножие ее с восточной стороны прикрыто мощными каменными развалами. Поверхность скалы круто наклонена к юго-западу и имеет ступенчатый профиль. Вершинная площадка, отмеченная на плане цифрой I, отделена от восточного обрыва узким скальным гребнем высотой от 0,5 до 1,2 м. Он представляет собой род естественного парапета.

Морфология и микрорельеф Ай-Йори отражают ее геологическое строение. Здесь мы снова встречаемся с выходом тавритов, точно таких же, как на Сераусе. Предполагали, что и Ай-Йори представляет собой лакколит, но более вероятна штокообразная или дайковая форма тела тавритов, прорывающих глинистые сланцы и песчаники (рис. 17). Простирание интрузии — 325—330°; она является непосредственным продолжением интрузии Серауса в том же крупном разломе. В контакте с тавритами глинистые сланцы и песчаники слабо ороговикованы, а будучи породами менее твердыми, чем тавриты, они

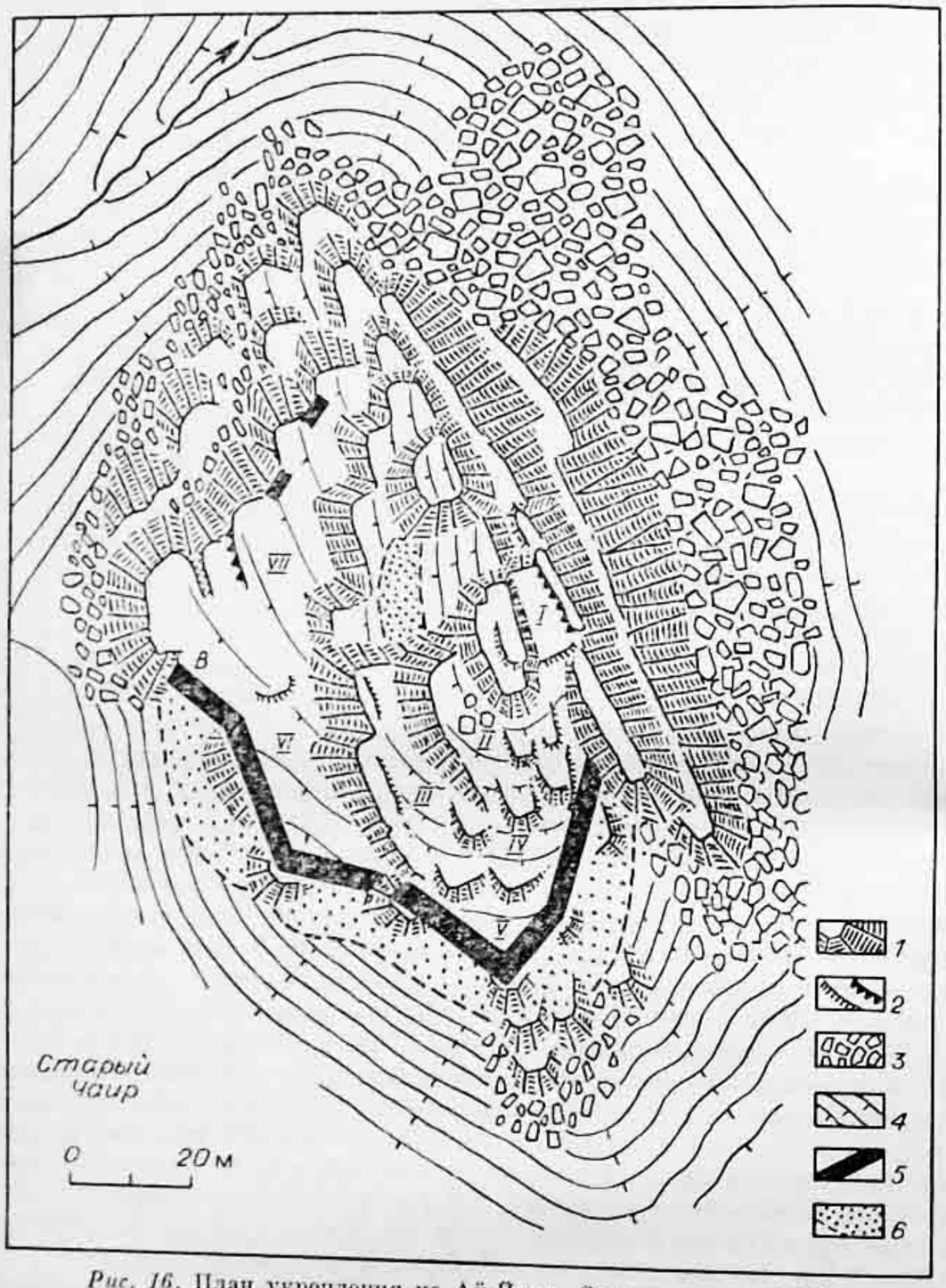


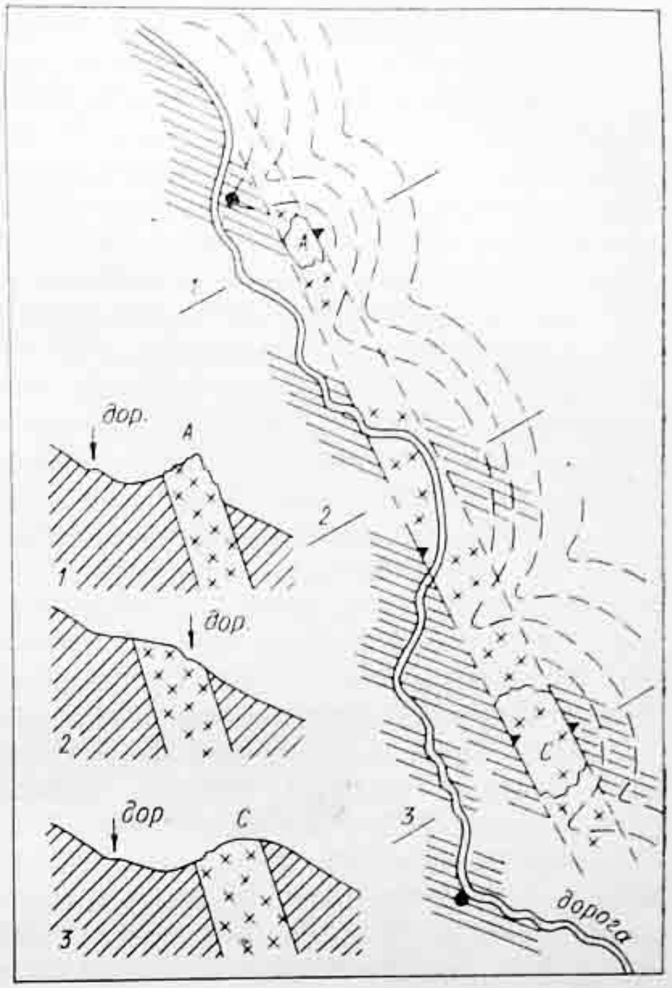
Рис. 16. План укрепления на Ай-Йори. Съемка автора, 1965 г.

1 — скальные обрывы тавритов; *2* — вертикальные и с обратным наклоном уступы; *3* — зона каменных развалов под восточным обрывом; *4* — горизонтали (приблизительная прорисовка деталей рельефа); *5* — оборонительная стена и два заклада расселин на северо-западной стороне; *6* — развалы стены. I—VII — ровные площадки — места расположения построек; В — предполагаемое место входа.

значительно скорее разрушаются. Благодаря этому шток тавритов прекрасно отпрепарирован в рельефе. Интрузия тавритов постепенно выклинивается и исчезает в северном направлении. В этом убеждают следующие сопоставления: высота Серауса — 629 м над ур. м.,

Рис. 17. Геология района Серауса (С) и Ай-Йори (А). Схематизированный план и три разреза.

Штриховка — выходы глинистых сланцев с прослоями алевролитов и песчаников; крестиками показана интрузия тавритов; черные кружочки — источники (Семион возле Серауса и святого Георгия возле Ай-Йори). Рельеф приблизительно передан штриховыми горизонталями.



ширина выхода тавритов на нем — 180 м, высота Ай-Йори — 565 м, ширина выхода тавритов на нем — только 90 м.

Породы Ай-Йори разбиты тремя системами тектонических трещин:

1 — простирание 350°, угол падения 65—70° к востоко-северо-востоку,

2 — простирание 350°, угол падения 25—30° к западо-юго-западу,

3 — простирание 287°, угол падения 85—90° в обе стороны.

Наиболее многочисленны трещины первой системы. Они создают ложную картину слоистых пород, но уже первый удар молотком показывает, что мы имеем дело с породами изверженными. Тектоническая трещиноватость способствует распадению тавритов на плитчатые блоки самого разнообразного размера. Подчеркнем эту особенность еще раз и потому, что в ней — одна из причин (и, может быть, главнейшая) того различия в кладках южнобережных исаров, которое мы замечаем, когда переходим от исаров Алуштинского амфитеатра, скажем, к исарам между Гурзуфом и Симеизом. Это различие может быть истолковано как следствие разновременности кладок, а следовательно, и разновременности самих исаров, как показатель их принадлежности к разным строительным периодам и культурам. Но мы находим этому иное объяснение — оно кроется в характере, естественных особенностях использованного для построек камня. Археологи не всегда обращают внимание на петрографию строительного камня и его природные особенности или вносят изрядную путаницу в эти вопросы [1].

Глядя на план, читатель уже убедился в том, что Ай-Йори — это крепость, а не просто скала. Ее наклоненная поверхность (см. рис. 16) выглядит неправильным многоугольником с периметром в 300 м. Северо-западная и северо-восточная стороны многоугольника обрываются крутыми скалами и практически недоступны для атакующего противника. Особенно внушительное зрелище представляет собой северо-восточный обрыв. Его наклон достигает 70—80° при высоте несколько десятков метров. Обрывы с северо-западной стороны несколько ниже и к тому же имеют расселины, совпадающие по направлению с первой системой тектонических трещин в таврите. В двух пунктах расселины были преднамеренно перегорожены глыбовыми завалами, поверх них возвышались парапеты — каждый длиной по 5—6 м. Этого было вполне достаточно, чтобы предупредить попытки проникнуть в укрепление. В общем 185 м периметра крепостного многоугольника вполне надежно защищены самой природой, и кроме отмеченных завалов в расселинах и парапетов (от которых еще кое-что осталось) на северо-западном и северо-восточном рубежах оборонительных сооружений не было.

Иное дело — юго-западная и юго-восточная стороны. Скалы здесь невысоки и разобщены на отдельные выходы. Между ними и ниже их подножие Ай-Йори не слишком крутое и относительно ровное, теперь покрытое деревьями и кустами. Оборонительные сооружения находились именно здесь (см. рис. 15).

Они представляли собой бсевую стену изломанной в плане конфигурации. Стена состояла из шести коротких куртин длиной 13, 24, 17, 25, 15, 28 м (в порядке от западного фланга к восточному). Куртины смыкались друг с другом. Общая длина стены почти 120 м. По масштабам южнобережных исаров — это совсем не мало, хотя намного меньше, чем длина стен в Алуште, на Сераусе, в Демерджи, но ведь и сама Ай-Йори по площади значительно уступает каждому из названных укреплений. Эта миниатюрная крепость относится к группе малых исаров. На Южном берегу их около десятка. Ни площадь укрепления, ни длина его оборонительных стен не являются сами по себе решающими критериями для оценки его значимости. В Лимена-Кале, Симеизе длина оборонительных сооружений, как и на Ай-Йори, равна 120 м, но площадь в три раза больше. Между длиной стен и площадью укреплений нет прямой связи. Во многих исарах, устроенных на труднодоступных скалах, значительная часть периметра крепостных многоугольников не нуждалась в оборонительных стенах. Протяженность стен в исарах в общем определялась длиной доступных для атаки рубежей. Это может быть принято как главный закон фортификации, действовавшей во все времена. Если взять отношение длины доступных рубежей к длине всего периметра крепостного многоугольника, то эта мера может служить показателем тщательности выбора места для устройства укрепления: чем она меньше, тем, очевидно, тщательнее был произведен выбор, тем недоступнее укрепленный пункт.

Для Ай-Йори это выглядит так: общая длина периметра — 300 м, длина стен на доступных рубежах — 120 м, или 40 % (от общей длины периметра). Для Демерджи — совсем иначе: общая длина периметра — 215 м, длина стен на доступных рубежах — 180 м, или 83,5 %. А для верхнего укрепления на Аю-Даге это отношение равно 100 %, т. е. весь периметр исара на Аю-Даге был обнесен оборонительными стенами. Можно воспользоваться обратным отношением (длина недоступных рубежей к общей длине периметра) как мерой естественной недоступности укреплений: Ай-Йори — 60 %, Демерджи — 16,5, Аю-Даг — 0 %. Для южнобережных исаров этот показатель меняется от 0 до 100 %, но чаще находится в пределах 40—80 %. Иными словами, крепости Южного берега великолепно защищены естественными труднопроходимыми или вовсе непроходимыми рубежами. Впрочем, среди них есть и такие, длина стен которых превышает периметр крепостной площади вследствие устройства нескольких поясов обороны, но таких исаров немного.

Разумеется, условна и связь между площадью укрепления и его значимостью в тактическом или стратегическом отношении. В общем крупная крепость, как правило, играет более важную роль, чем небольшая, однако для оценки ее значения важны не только квадратные метры площади и так или иначе связанные с ними погонные метры оборонительных рубежей, но и такие особенности, как рельеф места, положение укрепления на тактически важных направлениях, его соотношение с другими укреплениями, т. е. все то, что определяет тактику и стратегию системы обороны и отражает определенный замысел ее строителей, принятую ими общую концепцию обороны.

Если исходить из этих принципов, то нужно признать, что такой маленький исар, как Ай-Йори, не менее важен в цепи укреплений Южного берега, чем многие крупные исары.

Оборонительная стена Ай-Йори сильно разрушена. От нее осталось процентов 15—20 кладки. Главные ее размеры (прежде всего высота) определяются не с полной уверенностью. Для суждения же о структуре стены ее остатков оказывается достаточно.

Каждая из шести коротких куртин стены опиралась на скалы и поверх них справа и слева сливалась с соседними. Скалы выполняли роль угловых бастионов. Это очень типично для исаров Южного берега, в которых мы редко находим настоящие башни.

Из двух исходящих углов периметра угол между второй и третьей (считая с западного фланга) куртинами тупой (125°), между четвертой и пятой куртинами почти прямой (85°). Первый угол разрушен до скального основания, кладка второго сохранилась в высоту до 1 м. Характерна тщательная проработка линии сопряжения четвертой и пятой куртин кладкой в перевязь. Эта деталь, кстати сказать типичная для исаров, свидетельствует о строгих строительных традициях.

То же замечаем, исследуя кладку самой стены. Она сохранилась в высоту 0,7—2 м, кое-где — до 3 м. Ширина стены у основания составляла 1,5—2,3 м. Объем каменных развалов позволяет графически определить первоначальную высоту стены — 6—8 м. Она была сло-

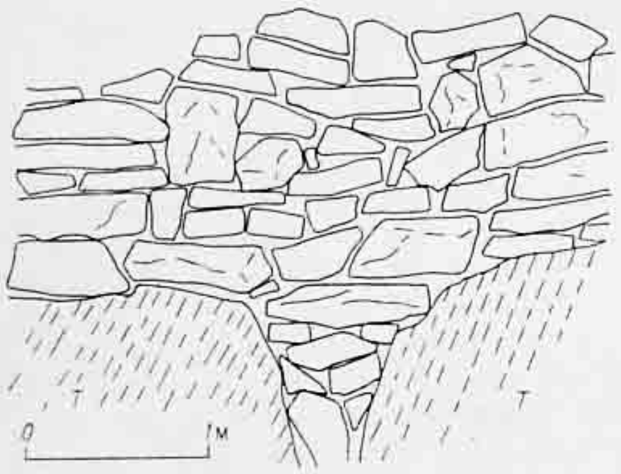


Рис. 18. Основание оборонительной стены на Ай-Йори. Западный фланг (фас).

В скальном выходе таврито в (Т) видна заложенная камнем расселина. Кладка наружного панциря выполнена плоскими глыбами таврито в, уложенными горизонтально. Высота сохранившейся части стены от поверхности скалы около 2,1 м.

жена из плитчатых глыб таврита длиной 0,2—1,2 м, чаще около 0,5 м. Глыбы не обработаны. Их естественная форма вполне удобна для кладки горизонтальными рядами, но в общем глыбы уложены не слишком регулярно (рис. 18).

В поперечном разрезе стены различаются наружный и внутренний панцири, выложенные тщательнее, чем внутристенная зона, и из более крупных камней. Толщина панцирей колеблется от 0,5 до 1м в зависимости от размера использованных камней. Во внутристенной зоне преобладает более мелкий камень, вплоть до щебня. В целом кладка стены во всех ее куртинах выполнена среднемерным камнем; крупные глыбы уложены преимущественно в основание, но их немного. То же самое мы видели на Сераусе.

При длине стены 120 м, ее средней толщине 2, высоте около 6 м общий объем сооружения определится всего в 1450 куб. м. Для дюжины сноровистых каменщиков этой работы хватило бы ровным счетом месяца на полтора.

Найти место входа в укрепление не удается. Вероятно, он был небольшим (калитка). Там, где видно основание стены, нет ничего похожего на кладку входа, на флангах же стена почти нацело разрушена. Калитка могла находиться на западном фланге, в первой куртине, рядом со скальным выступом и под его защитой. В развалах кладки здесь еще видны остатки каменного пандуса. Он, вероятно, и вел ко входу в укрепление.

3

Чем скреплялась кладка стены, был ли в ней вяжущий раствор и какого типа или стена была сложена насухо, без раствора? Эти вопросы опять встают перед нами и будут преследовать нас до самого конца путешествия по исарам Южного берега.

В большинстве случаев раствор в стенах исаров мы находили — именно средневековый вяжущий раствор: известковый, с галькой и гравием, реже — с песком в качестве балластного наполнителя. Оказывается, мнение о сухой кладке в исарах ошибочно. Это заключение вызовет вначале недоверие и споры, затем будет признано и станет руководящим в оценке их возраста.

Но вот второй раз (первый — на Сераусе) мы сталкиваемся с загадочным отсутствием вяжущего раствора в кладке сооружения, по всем остальным признакам принадлежащего к средневековью. Отсутствовал вяжущий раствор и на Кастеле, и на Аю-Даге, где находились укрепления, не в пример более обширные, чем на Ай-Йори!

В чем дело? Может быть, на Ай-Йори известковый раствор настолько сильно выветрился, что теперь его и не найти? Однако его остатки могли бы сохраниться в развалах строительного камня или в глубине кладки, как это часто и бывает на других исарах. На Ай-Йори этих остатков нет. Быть может, известковый раствор здесь был уничтожен при ужасном пожаре? Вряд ли. Во-первых, этого никогда не происходит в такой степени, чтобы не сохранилось ни кусочка извести, не говоря уже о гравии, гальке. Во-вторых, в Ай-Йори не бушевало сильных пожаров. Словом, как я ни искал гашеную известь и гальку в остатках стен и в развалах, все было напрасно. Удалось собрать только пригоршню мелких галек в разных пунктах укрепления, но они могли оказаться здесь случайно. Вместе с тем найти гашеную известь именно на Ай-Йори было бы крайне желательно: она служила бы важным аргументом в споре о возрасте укрепления.

Странным выглядит и другой факт: в стене Ай-Йори не было и глинистого уплотнения — ни в панцирях, ни в зоне забутовки. Стена Ай-Йори, по своим размерам, структуре и особенностям кладки подобная стенам других исаров Южного берега, сложенным на известковом вяжущем растворе,— эта стена, как ни странно, была выполнена сухой кладкой. То же самое относится и к Сераусу, где находки гашеной извести были малочисленны и невыразительны.

Попробуем разобраться, в чем тут дело. Прежде всего, откуда можно привезти на Ай-Йори и Сераус известь или известняк для ее приготовления? Поблизости нет выходов известняка. Они есть только на Чатыр-Даге (в 6—7 км, за долиной Улу-Узеня) и Парагельмене (в 6 км, за хребтом Урага). Самые ближние — это выходы известняка на Бабугане, но добраться до них через Чамны-Бурун, скалы и ущелья — проблема, а доставить их на Сераус и на Ай-Йори — проблема еще большая. Галька и гравий, необходимые для приготовления вяжущего раствора, могли быть доставлены к Сераусу и Ай-Йори только с берега моря у Алушты — по прямой 6—8 км, а по кружной дороге — без малого 15 км. Ясно, что в такой ситуации странно было бы надеяться найти на Сераусе и на Ай-Йори оборонительные стены, полностью сложенные на вяжущем растворе. Только для Ай-Йори его потребовалось бы кубометров четыреста, а для Сераус — раз в пять больше. Как видно, сооружая эти укрепления, строители вынуждены были обойтись без извести, полагая, что кладка из плитчатых глыб таврита и так будет устойчива.

В этом объяснении есть слабое место — Алушта. Выходы известняков от нее не менее, а более далеки, чем от Сераус а и Ай-Йори, однако в стенах и башнях Алушты широко использован известковый раствор. Однако нельзя забывать, что крепость в Алуште коренным образом перестраивали в XIV—XV вв. Кроме того, Алушта лежит у

моря, а морские перевозки, как известно, менее трудоемки, для них разница даже в несколько десятков километров не играет существенной роли.

Удобная форма тавритовых глыб, служивших единственным строительным материалом на Сераусе и Ай-Йори, восполняла недостаток сухой кладки. Камни могли быть уложены достаточно плотно, и в целом сооружение получалось устойчивым даже при высоте в несколько метров. Разрушение стен началось тогда, когда надзор за ними прекратился. То жалкое состояние, в котором мы застаем стены этих исаров,— неотвратимое следствие разрушающего действия природных факторов. Точно такая же картина наблюдается на Кастеле и Аю-Даге.

Нельзя исключить, что на Ай-Йори и Сераусе небольшое количество известкового раствора могло быть использовано для облицовки наружного панциря стен. Однако такая облицовка мало помогла бы их сохранению, так как она выветривается и исчезает полностью в первую очередь.

4

Крохотная площадка на вершине кажется чуть ли не единственным ровным местом на скале Ай-Йори, когда впервые осматриваешь укрепление. Но это не так. На юго-западном скате довольно много площадок и уступов. Такой микрорельеф во многом обязан своим происхождением особенностям разрушения трещиноватых тавритов, однако часть площадок и уступов имеет явно искусственные формы. Наиболее обширные из них сконцентрированы в западной части крепостного многоугольника — площадки VI и VII на плане (см. рис. 16). Здесь они естественного происхождения, за исключением ограничивающего их уступа, из которого выламывали камень для возведения оборонительной стены. Маленькие площадки находятся на разных уровнях по скату скалы. В сумме их площадь составляет около 2000 кв. м, т. е. приблизительно половину площади исара. На них ютились небольшие постройки, от которых почти ничего не осталось. Не ошибемся, если скажем, что от жилого комплекса Ай-Йори буквально не осталось камня на камне. О постройках говорят лишь вырубы в скале, остатки лестничек между площадками, обломки керамики, рассеянные повсюду. Каменные хибарки, служившие на Ай-Йори жильем, имели размер от 3 ×5 до 6 ×10 м, и их было десятка два с половиной. По самым жестким нормам этого могло хватить только человек на сто. Защитники исара должны были пребывать в ужасной тесноте. С типом таких жилищ мы познакомимся на тех исарах, где они лучше сохранились (например, на Папее, на горе Кошка). Стоит еще заметить, что на Ай-Йори жилые постройки лепились друг над другом по скату скалы, поднимаясь ступенями к ее вершине, где, возможно, находилась небольшая часовня.

Для крепости сугубо военного назначения исар Ай-Йори очень мал. Он находится слишком близко к крупному исару на Сераусе и

связан с ним одной дорогой. В таком тесном соседстве не могли быть ни две союзные, ни тем более две враждующие крепости.

Для союзной крепости, или крепости-сателлита, Ай-Йори выглядит очень странно, так как блокирует ту же дорогу, которая лучше защищена укреплением на Сераусе. Предположить, что Ай-Йори имел сугубо водоохранное назначение, защищал источник святого Георгия, жизненно важный для Серауса, нельзя, ибо, во-первых, этот источник удален от Серауса, а рядом с Сераусом есть свои источники; во-вторых, источник святого Георгия находился более чем в сотне метров от самого исара Ай-Йори и мог быть от него отрезан без больших затруднений. Также нет оснований считать, что Ай-Йори был передовым наблюдательным пунктом Серауса, поскольку с последнего местность видна не хуже, а лучше, чем с Ай-Йори, ибо высота Серауса на 65 м больше. Не мог быть он и замком-крепостью вассального феодала: ни рядом с ним (за исключением совсем недавнего чаира), ни в некотором отдалении от него нет ни малейших намеков на удобные для использования угодья. Тем более невероятно видеть в Ай-Йори некое военное или владельческое противопоставление Сераусу: близость друг к другу этих двух исаров для Ай-Йори явилась бы роковой ввиду несоизмеримости масштабов того и другого укрепления.

Назначение Ай-Йори состояло в чем-то другом. Определенный намек можно усмотреть в названии скалы, одинаковом с названием источника и имеющем, несомненно, церковно-христианское содержание. В топонимике Крыма, особенно его Южного берега, масса названий отдельных мест, урочищ, скал, горок, хребетиков и других элементов топографии начинается именно с *Ай*. В каждом из таких пунктов непременно была средневековая христианская постройка — часовня, храм, монастырек: Ай-Тодор (Федор, Теодор), Ай-Василь, Ай-Даниль, Ай-Брокуль (искаженное — Прокул), еще раз Ай-Тодор, Ай-Юри, Ай-Никита, Ай-Никола, Ай-Фока, Айя (мыс, без указания имени святого), Ай-Язма-Кая (даже такие греко-татарские названия — Скала святого писания или Скала священной надписи) и многие другие. Все эти названия остались от средневековья, о чем говорят культурные остатки во всех этих пунктах. Использование в топонимике *Ай-*(ἅγιος) есть типично византийская традиция, восходящая по крайней мере к VII—VIII вв. и бытовавшая века до XII—XIII, даже до более позднего времени.

На Ай-Йори могла быть часовня-церковь. Об этом нетрудно догадаться по кускам травертина, который постоянно использовали для кладки сводов, арок, апсид. Большинство христианских церковных построек эпохи средневековья размещалось на Южном берегу на возвышенных местах. Так было и на Ай-Йори. Возможно, здесь находилась не просто часовня, а монастырская церковь, весь же ульеобразный комплекс построек, обнесенный оборонительной стеной, представлял собой не что иное, как укрепленный монастырек, и назывался он, конечно, Ай-Йори, точнее, Ай-Юри.

При такой трактовке памятника положение маленького исара Ай-Йори рядом с большим исаром на Сераусе становится вполне по-

нятным: как и вообще все христианские монастыри, он не мог находиться внутри мирского или военного поселения; для него было подыскано не слишком удаленное от Сераруса место, чтобы можно было воспользоваться защитой этой крепости в случае военной опасности.

5

В 1947 г. Е. В. Веймарн провел на Сераусе и Ай-Йори первую археологическую рекогносцировку и пришел к выводу, что оба объекта суть укрепленные убежища тавров [2]. Именно так они квалифицировались в дальнейшем и П. Н. Шульцем (начальником Тавро-Скифской экспедиции) в ряде работ, посвященных культуре южнобережных тавров. Об этих работах мы уже упоминали.

Но странным оказалось то обстоятельство, что и в отчетных материалах, и в публикациях этим объектам было уделено не очень много места — оба укрепления только упоминаются. О них как о таврских объектах говорится попросту в утвердительной форме, как если бы где-то, когда-то и кем-то вопрос о них был рассмотрен обстоятельно и во всех подробностях. На чем основано мнение о принадлежности Сераруса и Ай-Йори таврам? Единственная особенность этих исаров, которая могла натолкнуть на подобное заключение,— это их оборонительные стены, сложенные без вяжущего раствора, сухой кладкой. А поскольку считали, что сухая кладка — да к тому же еще из бутового камня, да к тому же кое-где из крупного камня (как бы мегалитическая), да к тому же вроде бы и нерегулярная и т. д. — есть некоторый строительный примитив и скорее всего таврская, то ясно: и Сераус и Ай-Йори должны были попасть в число таврских сооружений. На то, что стены этих исаров оказались вовсе не мегалитическими, в достаточной мере сложными по структуре — панцирными (как, например, в римских и византийских крепостях) и регулярными по кладке,— на это внимания не обращали.

Несколько лет назад мне довелось беседовать с Е. В. Веймарном. Речь шла о южнобережных укреплениях, и я высказал сомнение в принадлежности многих или даже большинства из них (а как увидим ниже, почти всех без исключения) таврам. Е. В. Веймарн откровенно признался, что и на него они не производили и не производят — по крайней мере Сераус и Ай-Йори — впечатления таврских крепостей. Это признание было ценно в двух отношениях. Во-первых, оно исходило от лица, производившего на Сераусе и Ай-Йори исследования и высказавшего предположение о том, что они являются таврскими. Выходит, что предположение это с самого начала не было слишком твердым. Во-вторых, Е. В. Веймарн много лет изучал средневековые крепостные сооружения Крыма (Эски-Кермен, Мангуп, Каламита, Чуфут-Кале и др.), прекрасно разбирается в системах фортификации и особенностях кладок, и если он же ставит под сомнение правильность своего прежнего заключения о сущности Сераруса и Ай-Йори, то, надо думать, имеет на то веские основания.

На участие тавров в сооружении укреплений на Сераусе и Ай-Йори или хотя бы на их пребывание на этих горках могли бы указывать находки лепной керамики — непременных атрибутов таврских поселений и могильников. Тавры, конечно, могли использовать оба пункта в качестве убежищ, может быть, даже укрепили их, но с тех далеких времен ни на Сераусе, ни на Ай-Йори не осталось следов каких-либо их оборонительных сооружений. То, что мы застаем на обоих исарах, относится совсем к другой строительной эпохе. В культурных горизонтах Сераруса и Ай-Йори пока не найдено ни кусочка лепной керамики [3].

Культурные остатки на Ай-Йори, как и на Сераусе, принадлежат к средневековью. Они представлены в основном обломками черепицы и гончарной посуды, рассеянными по всей поверхности скалы. Их довольно много, но они не образуют больших скоплений. Культурный горизонт в пределах укрепления уничтожен на большей части площади последующим размывом; он сохранился в западинах скального рельефа и у основания оборонительной стены, будучи защищен от размыва развалами строительного камня. Но даже и в этих пунктах он имеет толщину не более полуметра.

Набор кровельной черепицы на Ай-Йори как две капли воды похож на наборы черепицы из Ореанды, Алупки, Лимена-Кале, Панеи и других средневековых укреплений Южного берега. Из ближних пунктов сравнения укажем Кастель.

Черепица на Ай-Йори сильно раздроблена, очевидно в связи с движением наносов вниз по скальной поверхности. То же характеризует и обломки гончарной посуды, среди которых преобладают красные и оранжевые, гладкостенные и с зонами рифления, без ангоба или со следами тонкого желтого ангоба. В массе своей они распознаются как обломки круглодонных и плоскодонных амфор и кувшинов, пифосов, кувшинчиков, мисок и т. п. Среди них нет керамики, относящейся к периоду VII в. Вместе с тем найдено немного мелких фрагментов глиняных мисок с зеленой поливой — посуды, обычно датируемой зрелым и поздним средневековьем.

Скромный набор керамики на Сераусе и Ай-Йори, как увидим, типичен для всех южнобережных средневековых укреплений. Казалось бы, мы имеем дело с какой-то очень бедной материальной культурой, свидетельствующей о невысоком достатке средневекового населения и исключительной скромности и утилитарности его утвари. Однако судить об этом по керамике вряд ли справедливо, ибо она отличается от всего прочего исключительной «живучестью» и сохраняется столетиями там, где изделия из других материалов в относительно короткое время превращаются в прах. Керамика дает представление только об одной стороне материальной культуры.

Но керамика важна в другом отношении. По общей массе керамических обломков можно приблизительно оценивать длительность существования поселения — открытого или укрепленного. В этом отношении Ай-Йори выглядит не очень долговременным. На его компактной площади общая масса керамических обломков в десятки раз меньше, чем, например, на Панее в Симеизе. Из этого можно сделать

и другой вывод: жилой комплекс Ай-Йори был не только недолговременным, но, видимо, использовался эпизодически либо имел какое-то специфическое назначение. Он представлял собой не обычное поселение, для которого всегда характерно большое количество «культурного мусора». Может быть, это был укрепленный монастырь при источнике святого Георгия.

6

Как-то, спасаясь от убийственного полуденного зноя в тени скалы и попивая из фляжки студеную воду источника, я стал перебирать в уме все то, что было известно об укреплениях Алуштинского амфитеатра, и с удивлением вспомнил, что у Кеппена — того самого наблюдательного, точного в передаче фактов и дотошного Кеппена, которому мы обязаны первыми систематическими сведениями о древностях Южного берега и гор Таврических,— нет ни слова о Сераусе и Ай-Йори, тогда как укрепления Алушты, Демерджи и Кастеля им описаны. На первый взгляд это может показаться странным, но только на первый взгляд. Верно, что Сераус и Ай-Йори находятся при великолепной дороге, верно также и то, что дорога эта действовала в далеком прошлом, когда функционировали и оба исара — крепость и укрепленный монастырек. Но вот была ли она широко известна в первой половине прошлого столетия, когда Кеппен экскурсировал по Южному берегу? Выходит, что нет. Похоже на то, что старый торный путь от Алушты и Кастеля на Кибит-Богаз и в верховья Альмы к тому времени был забыт или использовался от случая к случаю только местным населением. Первоначальное значение приобрел путь (также старый) через Ангарский перевал, между Северной Демерджи и Чатыр-Дагом, где впоследствии была устроена первая шоссейная дорога на Южный берег. Только в середине прошлого столетия, когда началось строительство Косьмодемьянского монастыря в верховьях Альмы, дорога возле Серауса и Ай-Йори вновь привлекла к себе внимание и подверглась коренной реконструкции, но в это время Кеппен уже не занимался древностями или, во всяком случае, ничего о них не публиковал.

Руины исаров на Сераусе и Ай-Йори сейчас мало привлекают к себе внимания. О них знают немногие археологи и краеведы. Для большинства проходящих дорогой заповедника пара скалистых горок ровным счетом ничего не говорит или служит местом, откуда можно бросить взгляд на широкую низину Алушты [4].

VI

КУЧУК-ЛАМБАТ — УГАСШИЙ МАЯК ДАЛЕКОЙ ЭПОХИ

Ночью же издали видят плывущие морем все время
Свет от большого огня в самом верху маяка,
И хоть от Таврова Рога готовы идти они, зная,
Что покровитель им есть гостеприимный Протей.

Посидипп

1

На Кастеле заканчивается путь по периферийным укреплениям Алуштинской котловины. Жалкое их состояние едва ли может окрылить исследователя южнобережных исаров. Для наших очерков окрестности Алушты, пожалуй, исчерпали свои возможности, во всяком случае на данном этапе. Трудно надеяться на то, что где-то в пределах котловины или по ее горному обрамлению есть еще неизвестные исары. С седловины у горы Кастель остается бросить прощальный взгляд на Демерджи, Чатыр-Даг, Чамны-Бурун и Урагу и поставить точку в алуштинском дневнике.

От Кастеля начинается путь по южнобережным исарам района горы Аю-Даг, окрестностей Гурзуфа и Ялты и далее — до Фороса и бухты Ласпи. Среди них многие разрушены природой и человеком до основания, сровнены с поверхностью каменистой крымской земли, но есть и такие, стены которых достаточно хорошо сохранились.

Конечно, памятники второй группы более благодатны: там, где что-то еще сохранилось на поверхности земли, не очень сложно разобраться в планировке оборонительных сооружений, в размещении построек в пределах ограниченной площади укрепления и т. д. Исследователю предстоит лишь обычная процедура топографической съемки, столь же обычная процедура скрупулезного описания всего, что попадается на глаза, и собирания обломков керамики и других атрибутов прошлого.

Другое дело — памятники первой группы. Таких исаров — как таковых — на местности давно уже нет: ни стен, ни башен, ни даже камней от рухнувших строений. И все же слабая ниточка косвенных признаков ведет нас к тому или иному пункту как к месту исчезнувшего поселения или храмовой постройки, небольшого укрепленьица

или крупного оборонительного сооружения. К числу косвенных признаков относятся и элементы топонимики. Давным-давно на Чатыр-Даге исчезли все камни храма, а наивысшую точку этого плато продолжают именовать Эклези-Буруном — Церковным Мысом; исчезла постройка на Форосской Яйле, но и здесь мы находим второй Церковный Мыс — Кильсе-Бурун. Таких примеров — сколько хотите. Достаточно поднять старые планы и карты Южного берега, полистать справочники полустолетней давности — и вы найдете множество теперь уже забытых названий, за которыми несомненно что-то скрывалось, хотя на месте совсем не просто найти эти остатки. Исары первой группы — разрушенные или вовсе исчезнувшие — привлекают перспективой неожиданных находок и ставят перед исследователем особенно много загадок. Но достаточно вооружиться терпением и внимательностью, и случается, что внешне бесперспективная точка на местности оборачивается любопытнейшим открытием.

В этой главе будет рассказано о мысе Плака и о Кучук-Ламбате. Эти названия относятся к разным объектам, но исторически они связаны между собой. История их восходит по крайней мере к рубежу нашей эры. Почти полтораста лет в литературе с ними связывают одно из эллинских поселений двухтысячелетней давности, но и средневековая эпоха — эпоха исаров — отложила здесь мощный культурный пласт.

Между Алуштой и Ялтой в средние века размещалось больше десяти крепостей, не считая Кастеля, Серауса, Ай-Йори, защищавших подступы к самой Алуштинской котловине. Каждое сооружение из этого десятка не было похоже на другие, отличалось масштабами, планировкой, положением и назначением. Центрами, к которым эти крепости тяготели, были Партенит и Гурзуф — оба пункта с многовековой историей. В партенитскую группу входили мыс Плака (Кучук-Ламбат), Малый Ай-Тодор (Биюк-Ламбат), Аю-Даг (на вершине), Партенит (достоверно — на склоне Аю-Дага, предположительно — на холме Калапоти). Больше всего не повезло укреплению на мысе Плака (рис. 19).

Берег между Кастелем и Аю-Дагом протянулся в направлении юг — юго-запад на 10 км. Он опускается в море сланцевыми обрывами высотой в десятки метров. Подножие обрывов оторочено узкими полосками галечных и валунных пляжей. Реже в береговых клифах обнажаются изверженные породы — диабазовые порфириты и микродиабазы. Они образуют небольшие штоки, прорывающие сланцы и алевролиты таврической формации. Выше местность холмиста, изрезана небольшими долинами, занята виноградниками или покрыта пятнами дикой, в основном кустарниковой растительности, среди которой тут и там темнеют парковые насаждения, аллеи и рощи кипарисов. Лет десять назад их было больше. Многие из них пали под топором реформаторов ландшафта. Десятки тысяч кипарисов Южного берега, составлявших одну из характернейших черточек его пейзажа, стали жертвой ложного мнения об их вредности. На месте многих вековых аллей осталось всего лишь несколько рядов невыкорчеванных пеньков.

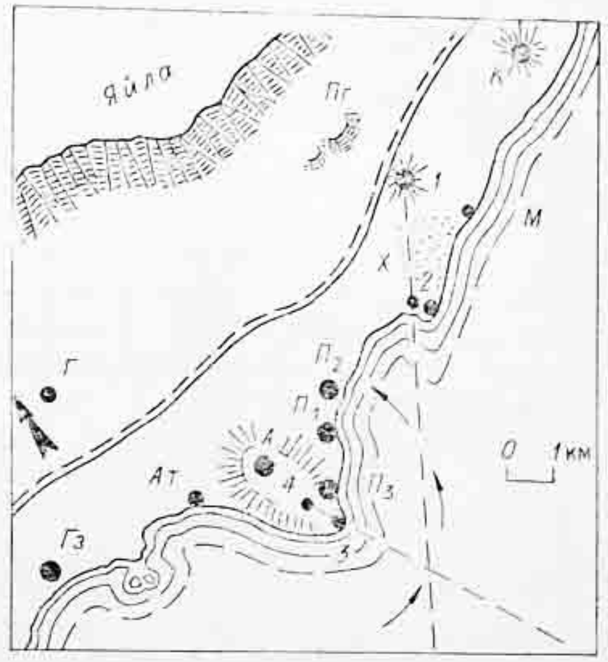


Рис. 19. Положение укреплений и других объектов на участке берега между горой Кастель и Гурзуфом.

1 — Малый Ай-Тодор и Биюк-Ламбат; *2* — Кучук-Ламбат и мыс Плака; *3* — храмик-маяк на мысу Аю-Даг; *4* — то же на склоне Аю-Дага. К — Кастель, крепость святого Прокула; Пг — известняковые скалы Парагельмена; М — кладбище семьи Кеппен в Карабахе; Х — Кучук-Ламбатский хаос; $П_1$ — нижняя часть современного Партенита на месте гавани древнего Партенита; $П_2$ — старый Партенит и места древних поселений; $П_3$ — крепость и монастырь Партенит на скале Аю-Дага; А — укрепление на вершине Аю-Дага; Ат — Артек (Кардиадриков); Г — Гелин-Кая, укрепление на скале Кизил-Таш; $Г_3$ — Гурзуф (Дженевез-Кая). Стрелки и штриховые линии на море — подход к Партениту и маячные створы; стрелка у Гелин-Кая — направление на перевал Гурзуфское Седло.

В 4,5 км от горы Кастель берег моря загроможден известняковыми глыбами и скалами. Это Кучук-Ламбатский хаос, носящий имя бывшей татарской деревеньки, находившейся возле мыса Плака, под его защитой. Хаос известен небольшим источником холодной и чистой воды Суук-Су, гротами в известняковых глыбах, сталактитами и кристаллами водяно-прозрачного кальцита в этих гротах. Когда-то на месте хаоса, поблизости от берега моря, возвышалась скала, рассыпавшаяся на глыбы во время сильнейшего землетрясения. Поле, занятое каменными нагромождениями, простирается почти на километр по берегу и километра на полтора вверх по береговому склону.

Поблизости от Кучук-Ламбатского хаоса находятся достопримечательные места: севернее — остатки средневековых поселений и храмиков, бывшее имение академика П. И. Кеппена и фамильное кладбище Кеппенов, южнее — мыс Плака и Кучук-Ламбат (ныне — Кипарисное) с остатками средневекового и эллинистического поселений. В самом хаосе имеется много площадок среди глыбовых нагромождений, где видны остатки старых жилищ, обломки средневековой керамики и одряхлевшие корявые терпентиновые деревья. Здесь, как и на многих участках берега между Кастелем и Аю-Дагом, было поселение.

2

Путь от подножия горы Кастель вдоль берега моря приводит в урочище Карабах (Черный сад). Место вполне оправдывает свое название разросшимся тенистым парком с массой экзотических деревьев и кустарников. Во второй четверти прошлого столетия в Карабахе было имение академика П. И. Кеппена. После его смерти оно перешло по наследству к его дочери А. П. Келлер. Сейчас здесь рас-

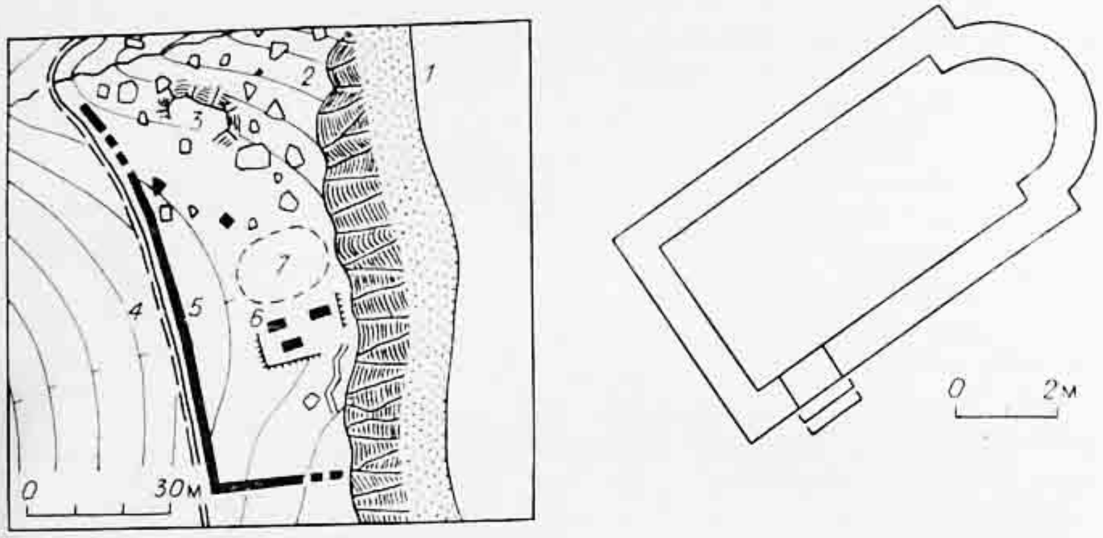


Рис. 20. Кладбище семьи Кеппен на берегу Черного моря между Карабахом и Кучук-Ламбатским хаосом.

1 — пляж; *2* — сланцевые обрывы; *3* — развалы глыб; *4* — дорога; *5* — ограда кладбища (по старой ограде храма); *6* — надгробие на могиле П. И. Кеппена; *7* — развалы однoапсидного средневекового храма (план храма — справа).

положена туристическая база «Карабах». В море выдается небольшой, покрытый парком и лесом мыс — Карабах-Бурун. На нем еще самим Кеппеном были обнаружены остатки средневекового поселения и храмика, обломки мраморной капители VI—VII вв., христианские могилы.

Южнее Карабаха, рядом с Кучук-Ламбатским хаосом, находилось имение Челике, перешедшее к другой дочери Кеппена — Н. П. Кеппен. У берега моря, над высоким сланцевым обрывом, в полутора сотнях шагах от северной границы Кучук-Ламбатского хаоса, в кипарисовой роще, насажденной академиком, сохранилось кладбище Кеппенов (рис. 20).

Правильные ряды кипарисов более чем столетнего возраста скрывают группу диабазовых надгробий, ориентированных на 73—75°. Самое крупное из них — 2,4×1,2 м — покрывает могилу Кеппена и его жены. По-немецки и по-русски на гладкой поверхности плиты высечена простая надпись:

Петр Иванович
Кеппен
родился 19 февраля 1793
умер 23 мая 1864

—•—

Александра фон Кеппен
урожденная фон Аделунг
родилась 11 марта 1802
умерла 26 августа 1872

Надгробия поменьше: Наталья Петровна Кеппен. 19.X.1832—11.X.1904; Василий Федорович (Вильгельм) Келлер. 21.VIII.1822—16.X.1887; Александра Петровна Келлер (урожденная Кеппен).

14.IX.1831—18.XII.1911. Возле полуразвалившейся каменной ограды кладбища одиноко стоит пирамидальная диабазовая глыба-кенотаф в память о Николае Кеппене, родившемся 9.XI.1837 в Петербурге и скончавшемся 13.VI.1875 в Карлсбаде.

В пяти шагах от могилы Кеппена заметен невысокий холмик строительного камня, битой черепицы и прочих культурных остатков от небольшого — 5×8 м — средневекового храма с полукруглой апсидой, ориентированного на 55° и выходившего на сланцевый обрыв берега моря. В развалах храма полным-полно обломков средневековой керамики, как всегда однообразной в главных своих чертах и неисчерпаемо различной в деталях. Ограда кладбища Кеппенов была построена на остатках ограды средневекового храма, сложенной из крупных диабазовых и известняковых глыб (см. рис. 20).

Два памятника соседствуют друг с другом, символизируя связь времен: развалины христианского храма той страны, изучению истории которой человек, чья могила находится в пяти шагах, отдал зрелые годы своей жизни.

...Путь Петра Ивановича Кеппена в археологию и историю был обычной для того времени дорогой человека с широкими знаниями и большими возможностями в науку о прошлом, которая становилась все более модной благодаря удивительным открытиям конца XVIII—первой половины XIX столетия. Нет ничего невероятного в том, что сын врача, окончивший в 1814 г. Харьковский университет, оказавшись в 1829 г. в Крыму, занялся древностями этого края, совмещая свое увлечение с обязанностями инспектора по шелководству. К 1834 г. Кеппен изъездил горную и южнобережную часть Крыма вдоль и поперек, путешествуя преимущественно верхом или в татарских тарантайках, всюду примечая и осматривая развалины крепостей, делая заметки по топонимике, вникая в быт местного населения. В 1837 г. в Санкт-Петербурге была издана его книга о древностях Южного берега и гор Таврических, написанная точным языком исследователя — скупо, расчетливо, с привлечением и использованием самых разнообразных источников и вместе с тем языком настолько поэтическим и совершенным, что за ним отчетливо виден человек большой души и широкого кругозора.

В том же 1837 г. П. И. Кеппен был избран адъюнктом Академии наук по кафедре статистики и получил задание обревизовать государственные имущества Таврической губернии, затем занял должность начальника отделения Министерства государственных имуществ и назначен членом ученого комитета, а в 1843 г., в возрасте 50 лет, избран ординарным академиком по кафедре статистики. 1845 год — Кеппен уже один из учредителей Русского географического общества; 1851-й — издает этнографическую карту России; 1857-й — исследование о числе жителей России; 1861 год — хронологический указатель материалов к истории народов России. И одновременно с этим он проводит колоссальную подготовительную работу к изданию многотомного географо-статистического словаря Российской империи, который вышел в свет в основном уже после его смерти. Кеппену принадлежат десятки статей по статистике, демографии,

Рис. 21. Петр Иванович Кеппен (1793—1864) в последние годы жизни.

этнографии, истории, филологии [1]. Среди его обширного научного наследства особое место занимает книга «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических», ставшая библиографическим раритетом.

Последние 12 лет жизни П. И. Кеппен провел в своем имении на берегу Черного моря, не прекращая научной работы. Здоровье не позволяло ему совершать длительные поездки, а без этого невозможно занятие археологией. Он все больше уходил в кабинетные изыскания. Воспоминания о встречах с древностями — с остатками крепостных стен и башен, поселений и храмов страны Дори, которую он изъездил молодым и полным сил,— не оставляли его до конца жизни. Он часто приходил на берег моря, к развалинам старых построек, подолгу возился на голом клочке каменистой земли, сажая ряды молоденьких деревцев. Именно отсюда он хотел сделать свой последний шаг — в небытие...

Преклонным старцем смотрит он с портрета (рис. 21), скептически поджав губы и прищурив глаз,— этаким салтыков-щедринским героем с определенно мизантропическим складом характера, но мы-то знаем, как гармонично сочетался в нем педантизм исследователя с романтической настроенностью души...

3

Южнее Кучук-Ламбатского хаоса в море выдается невысокий куполовидный мыс. Это мыс Плака (рис. 22). Неподалеку от него торчат остроконечные скалы и отдельные камни диабазов. Сам мыс сложен также диабазами, точнее, зеленовато-серыми и голубовато-серыми микродиабазами и диабазовыми порфиритами. Породы образуют куполовидный шток, почти целиком отпрепарированный морем. Шток внедрился в глинистые сланцы и алевролиты; при поднятии магмы осадочные породы были сильно смяты в складки, отлично видные в обрывах у северного борта мыса. Шток вытянут в северо-восточном направлении на 150 м, имеет ширину около 60 м и возвышается на 30 м над ур. м. Наивысшая точка мыса находится в 35 м от уровня моря, на куполе штока сохранилась пятиметровая покрышка метаморфизованных сланцев. Сланцы с прослоями алевритов покрывают и крутой северо-западный склон мыса (рис. 23, *б*, *в*).

Рис. 22. Мыс Плака. Вид с юго-востока, с моря. На вершине мыса — кипарисовая роща. На заднем плане — скалы Парагельмена, массив Зейтин-Коша и Бабуган-Яйлы, хребет Урага.

Удивительной особенностью мыса Плака является скорлуповатая поверхность его юго-восточного скального борта, круто спадающего в море. Некоторые думают, что это — потоки лавы, а сам мыс представляет собой якобы минимальный вулкан. Это ошибочное мнение. Скорлуповатая поверхность юго-восточного борта мысового купола объясняется наличием в диабазовом штоке концентрических трещин, возникших при застывании магмы. Положение концентрических трещин схематически показано на геологическом разрезе (рис. 23, *в*).

С разных сторон мыс выглядит по-разному. Его сравнивают с головой совы. Не спорю: сходство есть, особенно если смотреть со стороны Аю-Дага. Больше же всего он напоминает слоеную ковригу или слоеный пирог. И вот тут, кажется, кроется разгадка его названия: по-гречески πλακοῦς как раз и означает пирог, слоеную ковригу, а в том, что именно в греческом лексиконе нужно искать объяснение этому названию, сомневаться не приходится. Точно так же подходит (и вполне созвучно) πλάκα, πλάξ —плоский камень, пластина, плита; πλαγιά — склон, косогор. Нет смысла выбирать

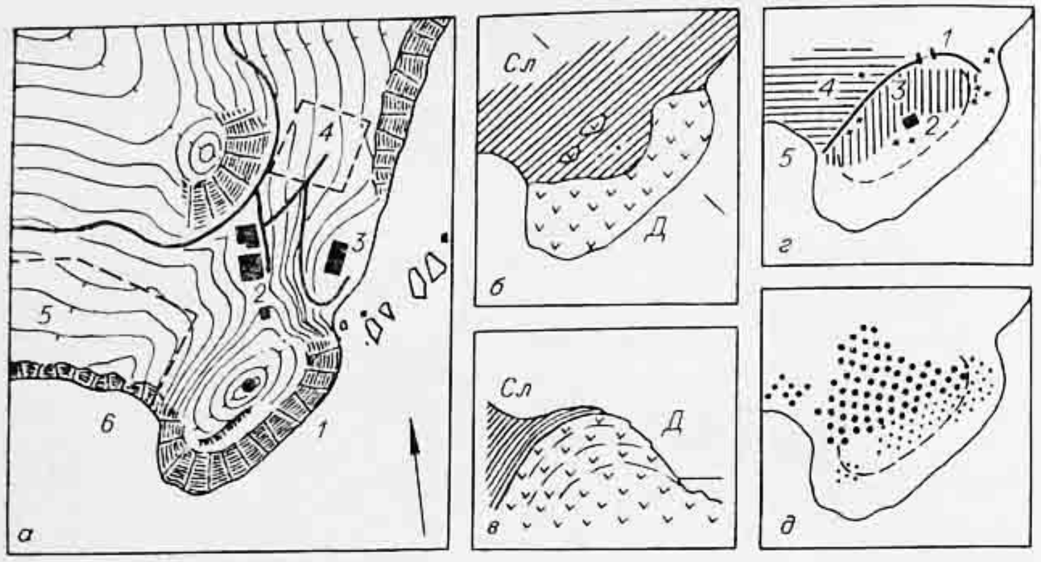


Рис. 23. Мыс Плака и Кучук-Ламбат (схемы).

а — топография места: *1* — беседка на вершине мыса, *2* —часовня Гагариных, старый дворец и окружающие постройки, *3* — новое здание санатория «Утес», *4*— пос. Утес, *5* — пос. Кипарисное, бывший Кучук-Ламбат, *6* — Кучук-Ламбатская бухта; *б*, *в*— геологический план и разрез мыса Плака: *Д* —шток микродиабазов с концентрическими трещинами, *Сл* — выходы глинистых сланцев; *г* — схематическая реконструкция: *1*— боевая стена и ворота (не сохранились), *2* — место храмовой или маячной постройки, *3* —зона внутренних построек укрепления, *4* — зона внешнего поселения, *5* — гавань, крестики— места находок эллинистической керамики; *д* — поле рассеяния средневековой керамики: кружки — сплошное развитие культурного горизонта, переполненного керамикой, точки —снос керамических обломков.

единственный вариант, поскольку особенности мыса Плака как нельзя лучше соответствуют сразу всем этим понятиям.

Вершина мыса покрыта кипарисовой рощей, деревьями можжевельника и сосны. Этот небольшой парк бывшего имения княгини Гагариной, великолепный дворец которой был построен на северной седловине, соединяющей мыс с берегом, сохранился до наших дней и ныне занят санаторием «Утес». На той же седловине находится восьмиугольная часовня, преобразованная в трансформаторную будку. На самой вершине мыса — просторная беседка с мраморным столиком, перекрывшая остатки средневековой храмовой постройки, под которой был устроен фамильный склеп Гагариных.

Спускаясь по крутому юго-западному склону мыса, попадаем в пос. Кипарисное. На его месте в прошлом располагалась грекотатарская деревенька Кучук-Ламбат, значившаяся в списке населенных пунктов Южного берега еще в период турецкого владычества. До начала XIX столетия она занимала значительный кусок берега Кучук-Ламбатской бухты, прикрытой юго-западной оконечностью мыса Плака, позднее стала оттесняться разраставшимися вокруг имениями и парками, в частности имением принцессы Мюрат (куда только не заносило отпрысков этой неаполитанской династии!).

Севернее мыса Плака, в некотором удалении от берега, возвышается коническая обрывистая горка Биюк-Кая (Большая Скала). У ее подножия проходит старая дорога, соединяющая Кучук-Ламбат с Биюк-Ламбатом (ныне — Малым Маяком) на верхнем южнобережном шоссе. Нам предстоит еще поинтересоваться окрестностями Биюк-Ламбата, разыскивая исары Южного берега.

Такова вкратце ситуация района мыса Плака.

Итак, мыс возвышен, в какой-то степени удобен для размещения на нем строений того или иного назначения, ибо имеет относительно ровную вершину, изолирован, склоны его круты и даже обрывисты, а седловина узка. Западнее мыса находится небольшая бухта с узкими пляжами, а у северо-восточной оконечности — извилина берега, занятая довольно широкой пляжевой полосой. Просто невозможно представить себе, чтобы при сочетании стольких благоприятных условий мыс Плака не был занят в прошлом каким-либо укреплением или поселением.

И откуда, собственно, происходит это странное название — Кучук-Ламбат, явно двуязычное, татаро-греческое?

4

Кучук, а фонетически более правильно *Кючюк* (в современном татарском языке *кече*, *кечек*)— малый, маленький. В крымской топонимике известны десятки самых разнообразных «кучуков». Вторая половина названия отождествляется с древнегреческим λαμπάς или новогреческим λαμπάδα — факел, светильник, в частном значении — маяк. В произношении татар это звучало как *ламбат*. Итак, Малый Маяк!

Особенности места не противоречат тому. Мыс Плака находится как раз в таком пункте (поворот берега к обширной Партенитской бухте, между ним и Аю-Дагом, включая и маленькую Кучук-Ламбатскую бухту), что именно на нем удобнее всего устроить маяк. Однако ни в ближайшем прошлом, ни в позднем средневековье маяка на мысе Плака не было. Значит, название населенного пункта Кучук-Ламбат может быть отголоском еще более ранней эпохи, отблеском давным-давно угасшего маяка.

«Мимоходом нельзя не упомянуть,— пишет П. И. Кеппен,— о Лампаде — месте, известном уже Скимну Хиосскому. По словам древних периплов, от Феодосии до Афинеона (место точно не известно, где-то в районе мыса Меганом.— **Л. Ф.**) было 200, а от последнего до Лампада 600 стадий, следовательно, от Феодосии до Лампада было всего 800 стадий, что, полагая на один градус (т. е. на 104 версты) средним числом... по 718 стадий, составило бы 116 верст. Это расстояние соответствует тому, которое находится между Феодосией и нынешним селением Кючюк-Ламбат; и если так, то название этого места, существующее уже около двух тысячелетий, конечно, было дано греками...»[2]

Переведем эти данные в современные меры длины. От Феодосии до мыса Меганом по прямой — 36 км, от мыса Меганом до Кучук-Ламбата — 60, всего — 96 км, т. е. меньше 110 км — длины градусной дуги. Однако если следовать изгибам крымского берега, то расстояния составят соответственно 48±5 и 66±6 км, т. е. в сумме от 103 до 125 км. Указанная неопределенность отражает не приблизительность измерения расстояний, а варианты каботажного курса на разном удалении от берега (ясно, что в периплах расстояния учитывались не по суше, а по морю). Принимая расстояние от Феодосии

до Кучук-Ламбата по морю в среднем в 114 км и указания Скимна о 800 стадиях, мы должны были бы получить стадию всего в 143 м, что меньше предельно минимального значения — 150 м (при максимальном до 190 м). Однако нужно учесть, что расстояния, приводимые древними мореплавателями и географами, оказываются, как правило, завышенными. Любопытно, что, избирая трассу плавания от Феодосии до Кучук-Ламбата, наиболее близко повторяющую изгибы берега, но в безопасном от него удалении (1—1,5 км), мы должны пройти 124 км. В таком случае каждая из 800 скимновских стадий составит 155 м, а это точно соответствует длине эллинистической стадии, исчисленной по меридиональному градусу [3].

О Лампадоне на Таврическом побережье сообщает, вернее сказать, не перипл Скимна Хиосского [4], а перипл Арриана Флавия. Именно там мы находим упомянутые Кеппеном расстояния: «От Пантикапея до местечка Казека, лежащего при море, четыреста двадцать стадиев; отсюда двести восемьдесят стадиев до опустевшего города Феодосии; и это был древний эллинский город, ионический, колония милетцев; упоминания о нем имеются во многих литературных памятниках. Отсюда двести стадиев до покинутого порта тавро-скифов, а отсюда до Лампады в Таврической земле шестьсот стадиев. От Лампады до порта Символа (Балаклавы.— Л. Ф.), также таврического, пятьсот двадцать стадиев. Отсюда сто восемьдесят стадиев до Херсонеса Таврической земли»[5].

Кажется, вторым после Кеппена, кто отождествил пункт Лампад древних периплов Понта Эвксинского с Ламбатом Крымского побережья, был Дюбуа де Монпере, писавший о виденных им здесь развалинах древнего города, как он полагал — резиденции тавров [6].

Находки на мысе Плака дают веское основание считать отождествление Лампада с Кучук-Ламбатом правильным, во всяком случае вероятным. На скалах мыса, в расселинах и трещинах в культурном слое, перемешанном с продуктами выветривания диабазов, среди массы керамических обломков, которые вполне могут быть отнесены к средневековью, попадается сильно фрагментированная керамика эллинистического типа (рис. 23, *г*). Таких находок немного, да и невероятно было бы ожидать в условиях крутосклонного рельефа более или менее выдержанный и богатый керамикой культурный горизонт двухтысячелетней давности. Больше надежды встретить его у основания северо-западного склона, на берегу Кучук-Ламбатской бухты, но берег этот плотно застроен, и раскопки здесь не провести без длительных переговоров с администрацией санатория.

Редкие фрагменты керамики эллинистического времени довольно выразительны. Среди них — обломки глиняных светильников, двуствольные ручки амфор, мелкие кусочки чернолаковых пелик, кухонной посуды. Этого слишком мало, чтобы досконально разобраться в истории античного поселения, но вполне достаточно, чтобы ориентировать внимание эллинистов на мыс Плака и ожидать от будущих исследований открытия здесь того самого Лампада, о котором сообщали Скимн и Арриан. Ограничимся замечанием, что мнение о том, что Лампад соответствует Кучук-Ламбату, вполне основательно, и, следовательно, история мыса начинается задолго до возникновения южнобережных исаров.

На скалистых обрывах мыса Плака не могут долгое время удержаться ни рыхлые продукты выветривания пород, ни культурные отложения. Действительно, они голы. Но на самой вершине, сложенной сланцами, и на сланцевом северо-западном склоне сохранился мощный культурный горизонт, битком набитый обломками кровельной черепицы, амфор, кувшинов, пифосов, мелкой кухонной посуды, строительным мусором, камнями от развалившихся построек. Рядом с часовней Гагариных в 1966 г. строился новый санаторный корпус, в траншеях под фундамент здания мощность культурного горизонта достигала 0,85 м. Вдоль северо-западного склона мыса проходит ряд старых троп и дорожек, пробитых целиком в культурных отложениях. В некоторых пунктах их мощность достигает полутора-двух метров, причем процентов на 20—40 они состоят из керамических обломков. Неподалеку от шоссе, спускающегося у основания северо-западного склона мыса от санатория «Утес» к Кучук-Ламбатской бухте, к пос. Кипарисное, в борту выемки в делювии сланцев помимо различной керамической мелочи обнаружены 35 обломков ленточного пифоса очень большого размера, 17 обломков рифленой амфоры, 57 обломков кровельной черепицы, кладка стены развалившейся постройки — все это на площади менее 1 кв. м. Слой с обломками керамики и строительным камнем имеет здесь мощность более 1,5 м и буквально забит керамикой.

Керамические обломки распределяются по видам гончарных изделий приблизительно следующим образом (в % от общего числа; учтено более 2000 обломков):

Кровельная черепица	46,2
Ленточные толстостенные пифосы	6,9
Гладкостенные пифосы	9,3
Рифленые амфоры, иногда ангобированные	3,2
Гладкостенные амфоры, возможно куски от амфор с зональным рифлением	13,9
Амфоры с зональным рифлением	3,7
Тонкостенные кувшины	4,6
Ручки амфор и кувшинов	0,9
Миски, тарелки, чашки, кувшинчики и пр.	11,1
Обломки поливной посуды	0,2

Таково же соотношение обломков в рыхлых отложениях на вершине мыса и на скалах восточного склона. На северо-западном склоне попадается от 2 до 15 обломков на 1 кв. м поверхности (при толщине слоя 10 см). В пересчете на весь склон и на среднюю мощность культурного горизонта в 1 м имеем до 250—300 тыс. обломков — это минимальные цифры.

Вся масса керамики относится к средневековой эпохе и сопоставима в целом и по отдельным типам продукции с керамикой Кастеля и всех без исключения исаров Южного берега (Партенит, Артек, Гурзуф, Ореанда, Ялта и Учансу-Исар, Алупка и гора Крестовая, Симеиз, Панея и гора Кошка, Кучук-Исар, Биюк-Исар, Чертов

Исар, Форос, Ласпи). Средневековая керамика рассеяна также по берегу Кучук-Ламбатской бухты и в прибрежной части пос. Кипарисное.

5

Сохранение культурного горизонта средневековья на крутом северо-западном склоне Плака объясняется тем, что весь он в свое время был занят жилыми постройками, поднимавшимися до вершины мыса ступенями. Постройки давным-давно разрушены, но основания стен — в один-два-три ряда каменной кладки — погребены под рыхлыми наносами, препятствуют полному смыву делювия и культурных остатков.

Поселение на северо-западном склоне мыса занимало площадь в несколько тысяч квадратных метров. Оно охватывало и значительную часть прилегающей лощины до берега Кучук-Ламбатской бухты. В нем было много десятков четырехстенных построек размером 3,5××5 м, сложенных из необработанных плитчатых глыб диабаза. Кладка некоторых жилищ скреплялась известковым раствором с примесью гальки и гравия, которые в большом количестве встречаются на разных уровнях культурного горизонта. В нем же рассеяны крошка гашеной извести, угли, попадаются даже обгорелые стропила построек. У основания склона открыты зольные слои с кухонными остатками, среди которых целые скопления рыбьих костей, раковин мидий, устриц, пателл: средневековое поселение было заселено людьми, занятыми морским промыслом. Впрочем, и в недавнем Кучук-Ламбате преобладали занятия рыболовецкого характера, а севернее мыса Плака, неподалеку от южной границы Кучук-Ламбатского хаоса, в урочище Чахче, находился рыбный завод.

На вершине мыса располагалась постройка, теперь перекрытая обширной бетонной платформой беседки. О конфигурации и назначении ее можно судить по некоторым остаткам. По бокам беседки сохранились камни старой кладки из диабазовых глыб на известковом растворе. Постройка была четырехстенной, вытянутой приблизительно по азимуту 55—60 . Это совпадает с ориентировкой многих средневековых храмов Южного берега. Постройку покрывала плоская черепица, обломков которой здесь очень много; перекрытие имело конструктивные или декоративные детали, выполненные из пористого травертина. По всей вероятности, на вершине мыса Плака ютился небольшой христианский храм, огонек которого мог играть в средние века роль маяка. Так было, как увидим дальше, и во многих других пунктах побережья.

Что находилось на месте этого храма в эпоху Скимна и Арриана — остается гадать. Если когда-нибудь в Лампаде действительно стоял маяк, то это могло быть только здесь — на самой высокой точке мыса.

Средневековое поселение на северо-западном склоне было укрепленным. От лощины его отделяла крепостная стена, поднимавшаяся на седловину. С трудом удается проследить ее по остаткам

диабазовой кладки от берега Кучук-Ламбатской бухты до восточного обрыва мыса (рис. 23, *г*). При общей длине оборонительного рубежа более 100 м остатки крепостной стены обозримы или только угадываются всего на 20—30 м. На седловине находились ворота крепости; их основание вскрыто при проходке коммуникационных траншей к новому зданию санатория. Исчезновение боевой стены на мысе Плака можно поставить в связь со строительством жилых домов позднесредневекового Кучук-Ламбата, развалы которых вплотную подходят к остаткам средневекового поселения на северо-западном склоне; линия стыка этих двух разновременных жилых комплексов совпадает с трассой боевой стены и современным шоссе.

По рациональности планировки исары Южного берега в большинстве своем могут служить примером. В частности, почти все они имеют эспланаду — открытое предполье, улучшавшее оборону крепостных сооружений. По-видимому, так же обстояло дело и на мысе Плака: внутреннему поселению (на северо-западном склоне) предшествовал оборонительный рубеж — открытое предполье и внешнее поселение (по берегу бухты). Впоследствии крепость была разрушена. Руины остались и от поселения на склоне. На месте внешнего поселения возник позднесредневековый Кучук-Ламбат, постройки которого поднялись по основанию склона до уровня старой крепостной стены. Камни стены пошли в дело еще раз, быть может в третий раз с момента основания на Южном берегу Лампада! И не в последний: они и сейчас используются для сооружения новых дорог и построек.

Плутая по кривым улочкам пос. Кипарисного — старого Кучук-Ламбата, вы вдруг обнаруживаете в кладке, казалось бы, вполне современных крепид целые участки, сооруженные на средневековом вяжущем растворе. На одной из подпорных стен ваше внимание привлекает мраморная купель размером 45×50×60 см с резными крестами, какими обычно украшали средневековые колонны, капители, каменные наличники, алтари и купели. На берегу бухты в считанные минуты можно набрать полные карманы керамической гальки; волны перекатывают ее много столетий, довершая разрушение.

VII

БИЮК-ЛАМБАТ, МАЛЫЙ АЙ-ТОДОР — РУИНЫ ИСАРА В ЧАЩОБЕ КОЛЮЧЕК

1

Кучук-Ламбат — не единственный маяк далекой эпохи на Южном берегу Крыма между горой Кастель и Аю-Дагом. В 6,5 км к северу от Аю-Дага и в 3,5 км юго-западнее горы Кастель, в 1,5 км от линии берега и в 420 м выше уровня моря есть в береговой полосе коническая горка, ныне безымянная (рис. 24, *4*). Она имела свое название и свою историю, связанную с историей Южного берега и его исаров.

Ее название — Ай-Тодор. Сейчас об этом помнят едва ли несколько человек, да и то потому, что по роду своих занятий они вынуждены обращаться к документам столетней давности и находить в них сведения, уже не фигурирующие на современных картах и в сегодняшних публикациях. Условимся называть эту горку Малым Ай-Тодором, чтобы не путать ее с мысом Ай-Тодор, расположенным юго-западнее Ялты. К нему нам еще придется обратиться в последующих главах.

На склоне Малого Ай-Тодора, обращенном к морю, раскинулся пос. Малый Маяк — бывшая деревня Биюк-Ламбат. Это попросту топонимический курьез: татарский Биюк-Ламбат — Большой Маяк — после топонимической реформы в Крыму превратился в Малый Маяк; в то же время, как мы знаем, Кучук-Ламбат — Малый Маяк — стал Кипарисным. Подобных метаморфоз в топонимике — сколько хотите, другой вопрос — оправданы ли они. Прежнее название населенного пункта относилось и к горке. Оба объекта соседствуют друг с другом.

Добраться до Малого Ай-Тодора очень просто: в Алуште нужно сесть в ялтинский троллейбус и через 20 минут выйти — окажешься в двух шагах от цели путешествия. Новое шоссе Алушта —

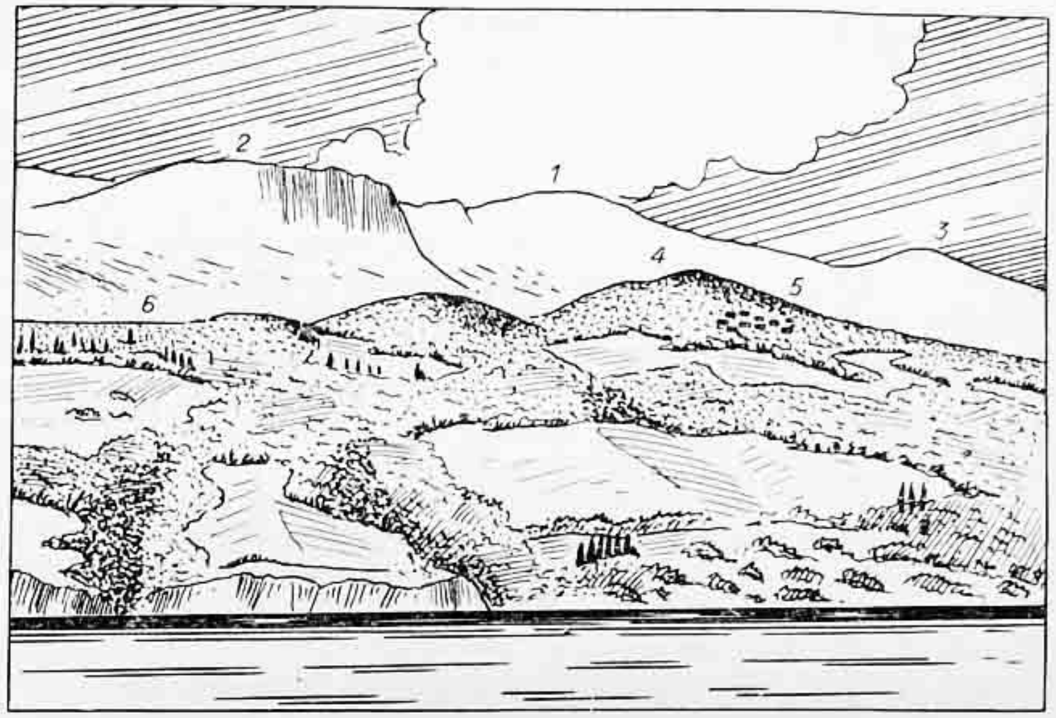


Рис. 24. Рельеф берега в районе Малого Ай-Тодора. Вид с моря.
1 — окончание Бабуган-Яйлы; *2* — скалы Парагельмена; *3* — хребет Урага; *4* — Малый Ай-Тодор; *5* — место Биюк-Ламбата (теперь — Малый Маяк); *6* — новое шоссе Алушта—Ялта. Слева — юго-запад, справа — северо-восток. Высота скал Парагельмена— 860 м над ур. м., Малого Ай-Тодора — 420 м.

Ялта срезает северо-западный склон Малого Ай-Тодора. Оно проходит в глубокой выемке через седловину, отделяющую горку от более высокой части берегового склона, поднимающегося к подножию ослепительно-белых обрывов известняковой скалы Парагельмен (рис. 24). Старое южнобережное шоссе проходило через д. Биюк-Ламбат, петляя по склонам Малого Ай-Тодора. Петли старой дороги, заросшей неприхотливыми травами и кустарниками, кое-где остались. Местами дорога погребена под новыми насыпями или срезана выемками.

Легкость, с которой достигается седловина возле Малого Ай-Тодора, всего лишь обманчивое начало. В прологе предприятия оказываются десятки метров пути через густые заросли каменного дуба, грабинника, боярышника, держидерева, шиповника, терна и других не менее колючих представителей южнобережной флоры, покрывающих склоны и вершины. Продираться через них — чистое мучение, особенно если поставлена цель разыскать в этом царстве колючек и сплетенных веток остатки древних сооружений, обмерить их и перенести на план. Приходится ползать буквально на четвереньках, держа в зубах конец мерного шнура. К царапинам и ссадинам добавляются многочисленные занозы во всех частях тела. При воспоминании о них и много дней спустя покрываешься гусиной кожей.

Постепенно на съемочном планшете начинает прорисовываться контур старой крепости. Это всегда приятно, а в данном случае — вдвойне, ибо компенсирует все неудобства ползания в кустах. К то-

му же — какой вид с вершины! Кастель, хребет Урага, Парагельмен, темный горб Аю-Дага — все как на ладони. Великолепнейший наблюдательный пункт этот Малый Ай-Тодор! Да и расположен он так, что именно возле него проходило не только старое верхнее шоссе, но и древняя дорога, которая связывала район Алушты с Партенитской долиной, Гурзуфом и Ялтой. В другом месте берегового склона для нее попросту не было места: ниже Малого Ай-Тодора раскинулся Кучук-Ламбатский хаос, выше — скала Парагельмен [1].

Вершина горки, на которой среди кустарниковой чащи прячутся развалы оборонительных стен старой крепости, сложена темно-серыми с зеленоватым оттенком очень плотными среднезернистыми диабазами. Интрузивное тело Малого Ай-Тодора имеет форму небольшого штока. Он вытянут в северо-восточном направлении, к горе Кастель. Шток прорывает породы таврической формации, которые обнажены на склонах. Диабазы на вершине горки выступают в виде трех параллельных гребней небольшой высоты. Рядом с ними и между ними склоны покрыты каменными развалами. Распадение диабазов на глыбы происходит по тектоническим трещинам, приблизительно так же, как на Кастеле, Сараусе, Ай-Йори, мысе Плака.

Рядом с Малым Ай-Тодором, чуть южнее и восточнее, имеются еще две невысокие горки, сложенные точно такими же породами: Такоца (может быть, от греческого τεῖχος — городская стена, крепость) и Трампета (τράμπα — мена, обмен; возможно, название указывает на нахождение в былые времена рядом с этой горкой торговой площадки — рынка). Такоца прорезана выемкой шоссе, в борту ее видно залегание пологопадающего силла диабазов на сильно деформированных сланцах. Между Малым Ай-Тодором, Такоцей и Трампетой раскинулась миниатюрная котловина, занятая под виноградники. Здесь и в прошлом размещались сельскохозяйственные угодья, по краям видны развалы жилищ и оград.

2

Бесполезно искать в историко-археологической литературе подробные сведения о сооружении на Малом Ай-Тодоре. Их нет. Это кажется удивительным, особенно если учесть что от проезжего пути, которым следовал вдоль Южного берега не один десяток любителей древностей, до вершины горки, как говорится, не дальше полета стрелы. Только у П. И. Кеппена находим строки, посвященные этому месту: «Не стану утверждать, что здесь находилась совершенная крепость, но в том не сомневаюсь, что стены, остатки которых доныне заметны, были воздвигнуты не без мысли о военной обороне. Гора Ай-Тодор не могла не обратить на себя внимание людей, заботившихся о расположении непрерывного ряда укреплений вдоль Южного берега Крыма. На высоте горы видны следы постройки, имевшей в длину около 13, а в ширину 9 шагов, вокруг же одной — следы стены, может быть церковной ограды, может быть и небольшого

укрепления. При подошве горы с полуденной стороны являются основания церкви, имевшей в длину (без алтарного полукружия) 9, а в ширину 6 шагов»[2]. Кеппен ссылается также на предание, согласно которому на вершине горки были монастырек или, говоря осторожнее, какая-то храмовая постройка, размеры которой — 13 на 9 шагов — им и указаны.

Впервые на Малый Ай-Тодор я попал в 1959 г., руководствуясь указанием Кеппена и желанием отыскать все те сорок «замков», о которых семьсот с лишком лет назад писал Рубрук. Было не очень много времени, и пришлось отложить съемку и изучение этого объекта до одного из очередных отпусков, но я успел убедиться в точности сообщенных Кеппеном сведений о церковной постройке на вершине и остатках оборонительных стен. Снова обратиться к Малому Ай-Тодору удалось только в 1963, затем в 1967 г.

Съемка Малого Ай-Тодора, выполненная в 1963 г., открыла на вершине и склонах горки самый настоящий исар, хотя и очень сильно разрушенный. Больше того, исар совсем не маленький, как казалось вначале. Укрепление занимало относительно плоскую вершину и верхнюю часть северо-восточного, восточного и южного склонов. Площадь, замкнутая оборонительными стенами, не превышала 3500 кв. м, так что по этому показателю исар Малого Ай-Тодора может быть отнесен к группе средних укреплений.

План крепости напоминает раковину децетворки с макушкой, обращенной к западу. Оборонительные стены делили ее на три неравные части (рис. 25).

Нижняя зона укрепления (А). Занимает северо-восточный, восточный и южный склоны и имеет площадь около 2500 кв. м. Крутизна склонов невелика, в пределах 10—20°, но ниже оборонительного пояса предполье более круто, 30—40°. На территории нижней зоны, представляющей собой основную площадь укрепления, в рельефе выступает невысокая скалистая гряда диабазов и каменных развалов, но в общем преобладают участки с относительно спокойным рельефом, удобные для размещения жилых построек, остатки которых здесь и заметны.

Верхняя зона укрепления (Б). Разумеется, только условно ее можно назвать цитаделью. Она занимает плоскую вершину горки, на которой много скальных выходов и развалов глыб. Между ними попадаются небольшие ровные площадки. С восточной стороны цитадель имела своим предпольем широкую нижнюю зону укрепления, с северо-запада и юго-запада она выходила на обрывистые склоны. Площадь цитадели около 1000 кв. м.

Восточный угол цитадели (В). Крохотная, не более 80 кв. м, храмовая площадка в соседстве со скальными выходами на самой вершине Малого Ай-Тодора.

Соотношение площадей укреплений такое: нижняя зона — 69 %, цитадель — 28,5, восточный угол цитадели — 2,5 %. Максимальная длина укрепления — 115 м, ширина — 50 м. Согласно с направлением скальных гребней крепостной многоугольник вытянут в север-северо-восточном направлении.

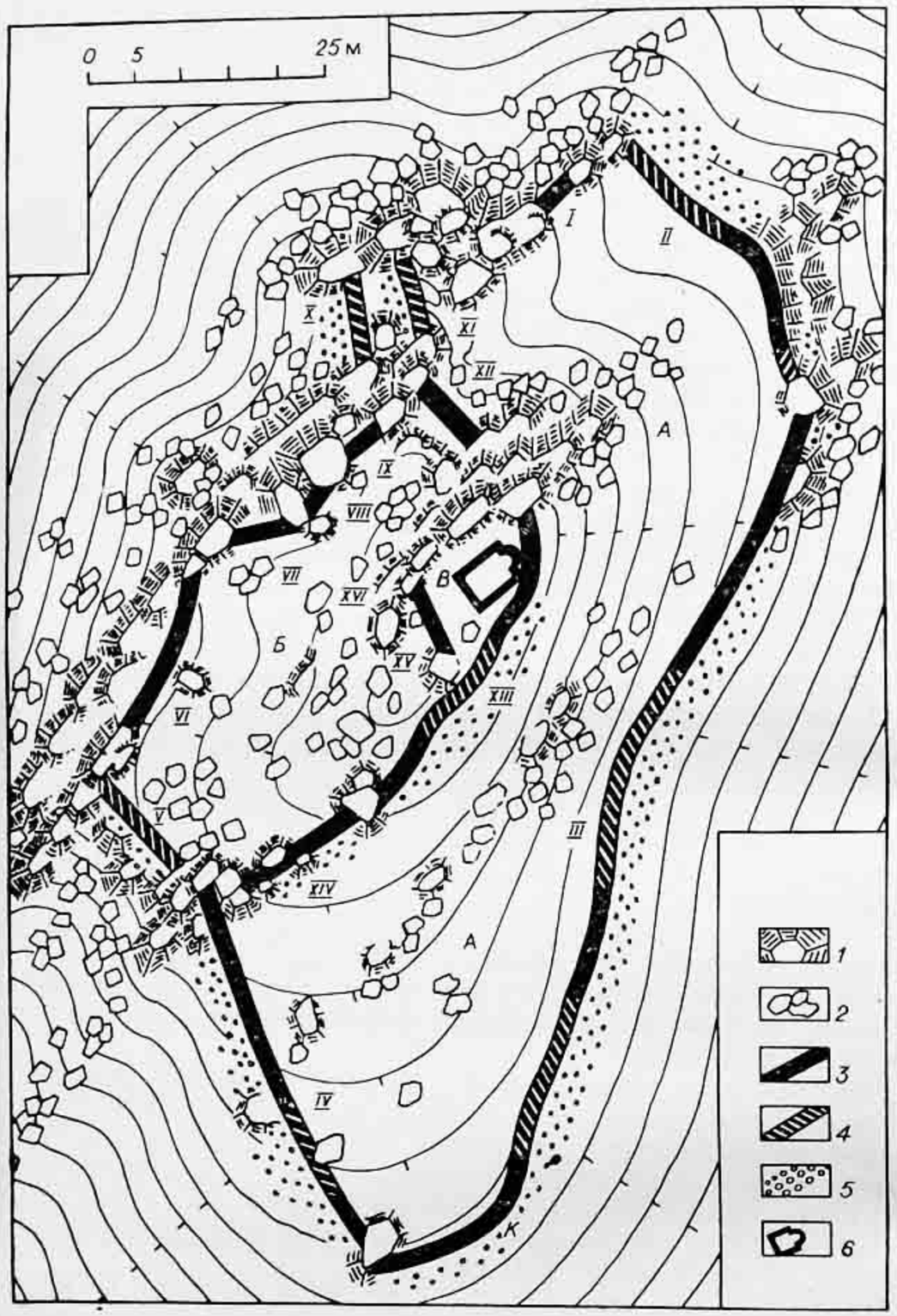


Рис. 25. План укрепления на Малом Ай-Тодоре. Съемка автора, 1963 г.
1 — скальные выходы и обрывы диабазов; *2* — глыбовые развалы; *3*— стены с сохранившимися рядами кладки; *4* — стены, почти полностью разрушенные; *5* —развалы строительного камня; *6* — храм. А — нижняя зона укрепления; Б — внутренняя зона укрепления — цитадель; В — храмовая площадка; К — предполагаемые входы в укрепление; I—XVI — куртины оборонительных стен.

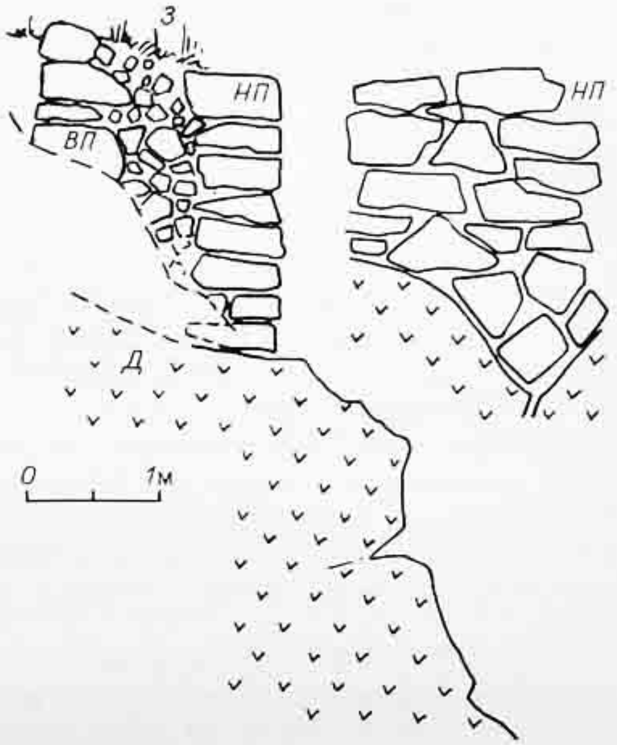


Рис. 26. Стенка во II куртине внешнего оборонительного пояса цитадели на Малом Ай-Тодоре. Справа — фас наружного панциря (НП), слева — поперечный профиль стены, опирающейся на скальный выход диабазов (Д). Структура стены (ВП — внутренний панцирь, З — междупанцирная забутовка) видна в месте обрушения.

Нижняя зона и цитадель окружены внешним оборонительным поясом. Его периметр достигает 290 м, причем из этой длины 230 м приходится на собственно оборонительные стены и 60 м — на скальные выходы и обрывы. Во внешнем поясе выделяется 11 куртин боевой стены.

I. Короткая (всего в 3 м) стенка-заклад из средних и крупных по размеру глыб, положенных без особого порядка, в северной части укрепления перегораживала тесный проход между скалами и глыбовыми развалами. Выше, над крупноглыбовым закладом, находилась, по-видимому, стена обычного профиля, выполненная из мелкого камня, но она не сохранилась; только развалы камня служат основанием для ее реконструкции.

II. Северо-восточная куртина длиной 30 м между скальными выходами. Частично основана на скальной бровке крутого склона. В северо-западной части стена разрушена почти до основания, сохранились только нижние ряды кладки и довольно мощные развалы снаружи. В центре и на юго-восточном фланге оставшаяся часть стены имеет высоту от скального основания до 2—2,5 м (по наружному панцирю) при толщине 1,8—2,0 м (рис. 26).

III. Восточно-юго-восточная куртина длиной почти 100 м. На протяжении 40 м стена разрушена, в рельефе склона она прорисовывается в виде широкого сглаженного вала, перекрытого суглинистым делювием, задернованного и заросшего кустами. На трех участках общей длиной 60 м, особенно в южной части куртины, где можно предполагать вход в укрепление (см. рис. 25, пункт К), видны наружный панцирь стены и ее структура. Фланги куртины примыкают к скальным выходам и крупным глыбам. Нигде в другом месте оборонительного периметра рельеф склонов и характер остатков стены не оставляют возможности вообразить вход в укрепление Малого Ай-Тодора. По-видимому, небольшая калитка имелась в северной части, при куртинах X и XI, но въезд на повозках здесь был невозможен из-за большой крутизны склона и хаотических каменных нагромождений.

IV. Первая западно-юго-западная куртина длиной 40 м. Стена также очень сильно разрушена. Остатки ее прослеживаются на участке в 30 м. Сохранились нижние ряды кладки в высоту по наружному панцирю до 0.5—1,0 м, иногда более. Толщина стены, структура которой видна во всех подробностях, изменяется от 1,7 до 2.2 м. Флангами куртина опирается на скальные выходы диоритов.

V. Вторая юго-западная куртина длиной 12 м. Стена здесь полностью разрушена. Она находится между скальными выходами. Сейчас только каменный развал ниже по склону указывает на то, что когда-то здесь возвышалось довольно мощное боевое сооружение.

VI. Западно-северо-западная куртина длиной 17 м. В этой части периметра стена была выложена на косогоре, над обрывами, и флангами примыкала к крупным скалам; она разрушена в среднем на 70 %. Кое-где наружный панцирь сохранился в высоту до 1,5 м. Внутренний панцирь завален камнями и перекрыт суглинистым делювием. Максимальная толщина стены в куртине VI не более 2,2 м.

VII, VIII, IX. Три короткие — длиной 5,0; 2,5; 4,0 м — северо-западные стенки между скальными выходами, далеко выступающими за фас каждой куртины. В узких проходах между скалами здесь были устроены завалы из крупных глыб, нагроможденных без особого порядка. Толщина каждого завала 2 м и больше. Возможно, над завалами возвышались стены обычного профиля, но остатки их теперь нужно искать далеко внизу.

X, XI. Еще две короткие — по 7—9 м — западные куртины, полностью разрушенные. Сохранились развалы строительного камня. Стенки перегораживали узкие проходы в скалах и находились одна над другой. Вероятно, здесь была калитка, а пространство между параллельными стенками представляло собой тамбур, небольшой захаб, оборонявшийся с соседних скал.

Между куртинами X, XI и I внешний оборонительный пояс не был защищен стенами. Здесь, в северном конце укрепления, скальная гряда с обрывами высотой в 10 м и больше сама служила надежным рубежом.

Многоугольник внутреннего оборонительного пояса цитадели примыкает к северо-западной части внешнего пояса и включает V—IX куртины стен. Дополнительно в него входили XII, XIII, XIV куртины, обращенные к северо- и юго-востоку, в сторону нижней зоны укрепления. В пределах цитадели распознаются остатки еще двух куртин — XV и XVI.

XII. Северо-восточная куртина длиной 6,5 м. Стена была выложена из крупных — 1—1,5 м — глыб поперек прохода между скальными гребнями, имела толщину всего 1—1,4 м и сохранилась в высоту до 1 м. По сути дела, здесь остался только нижний ряд крупноглыбовой кладки. Полная высота стены составляла, по-видимому, 4—5 м и достигала верха скальных гребней. Куртина XII — единственное место во внутреннем оборонительном поясе, где можно предположить вход в цитадель из северной части нижней зоны укрепления.

XIII. Первая юго-восточная куртина длиной 34 м. Стена сильно разрушена, прорисовывается в рельефе в виде сглаженного вала и мощного раската камней по склону нижней зоны укрепления. Фланги стены примыкают к скалам, а сама она трассирована по юго-восточной бровке верхней площадки горы. На флангах сохранились остатки наружного и внутреннего панцирей и забутовки между ними; толщина стены колеблется от 1,6 до 2,2 м.

XIV. Вторая юго-восточная куртина длиной 14 м. Стена сохранилась в высоту по наружному панцирю до 1 м, толщина ее примерно 1,8—1.85 м. Она примыкала к наружному оборонительному поясу в точке схождения IV и V куртин. В XIV куртине наиболее четко видны особенности кладки и зональная (панцирная) структура стены.

XV. Поперечная куртина длиной 7 м между скальными гребнями на верхней площадке горы. Стена отгораживала площадку восточного угла цитадели.

XVI. Предполагаемая куртина длиной 12—15 м. Стена здесь была выложена на невысоком скальном гребне, полностью разрушена, сохранились развалы камней. Вместе с XV куртиной XVI куртина полностью замыкала восточный угол цитадели, имевший особое значение для укрепления Малого Ай-Тодора.

Длина оборонительных рубежей Малого Ай-Тодора была следующей (в м):

Внешний оборонительный пояс цитадели	
Стены	230
Скальные выходы и обрывы	60
Внутренний оборонительный пояс цитадели	
Стены	55
Скальные выходы и глыбы	10
Ограда восточного угла цитадели	
Стены	25

Большую часть из этих 380 пог. м автору при съемке пришлось ощутить своими коленками и локтями. Если когда-нибудь на почву Малого Ай-Тодора проливалась кровь его защитников, то та жертва, во всяком случае, не была последней.

Достаточно взглянуть на план укрепления, чтобы отказаться от мысли, что это всего-навсего церковная или монастырская ограда. Во всей планировке сооружений на Малом Ай-Тодоре ясно виден оборонительный замысел, чувствуется незаурядное мастерство строителей, рационально использовавших скалы и обрывы диоритов для усиления оборонительных рубежей.

Сохранность стен на Малом Ай-Тодоре так мала, что почти невозможно судить об их полной высоте. Только по аналогии с другими южнобережными исарами, а также с помощью метода графических построений (с учетом объема строительного камня в развалах) можно установить, что минимальная высота стен составляла около 5 м. Толщина стен у основания колеблется от 1,4 до 2,4 м, но чаще в пределах 1,8—2,2 м. Для кладки использован только местный диабаз. Скалы под действием естественных процессов и благодаря

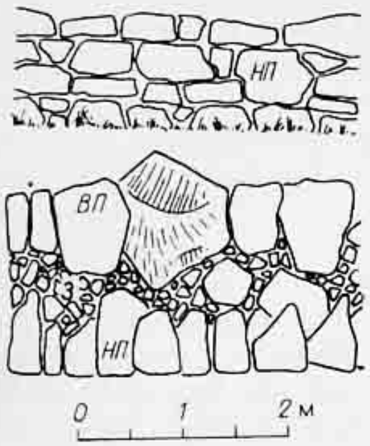


Рис. 27. Стенка в XIV куртине внутреннего оборонительного пояса цитадели на Малом Ай-Тодоре. Вверху — фас наружного панциря (НП), внизу — вид сверху на панцирную кладку.

нескольким системам тектонических трещин распадаются на глыбы разного размера, общей их особенностью является плоскопараллелепипедальная или даже плитчатая форма, как у тавритов Серауса и Ай-Йори. Примитивными средствами обработать их невозможно, но в естественных каменных развалах на склонах горы так много подходящего для кладки материала, что было бы и неразумно отбрасывать крепчайший диабаз. Очень редко в кладке встречаются плитчатые куски песчаников. Прослои песчаников залегают в толще глинистых сланцев, слагающих склоны горы.

Во многих куртинах кладка в основании стен выполнена наиболее крупными глыбами, нередко до 1—1,5 м в поперечнике. Особенно это характерно для коротких закладов в проходах между скалами. Однако общий объем крупноглыбового материала в оборонительных стенах полного профиля едва ли составлял 10 %. В основном в дело шел средний и мелкий камень, размером 0,8—0,7 м и меньше, вплоть до щебня.

В структуре стены четко выделяются три зоны: наружный панцирь, забутовка и внутренний панцирь. Кладка в обоих панцирях производилась горизонтальными рядами, глыбы укладывались, как правило, плашмя и ровной гранью к лицевой поверхности панциря. Там, где в дело шел разномерный камень, регулярность рядов кладки несколько нарушается и сама кладка приобретает полигональный рисунок. Толщина каждого из панцирей изменяется в пределах от 0,5 до 1 м и зависит в основном от размеров использованных глыб. Пространство между панцирями забутовано мелким камнем и щебнем: кое-где наружный и внутренний панцири смыкаются и зона забутовки почти не выражена (рис. 27).

Лицевые поверхности панцирей имели наклоны 80—85° навстречу друг другу при трапецеидальном поперечном профиле стен. Обрушение кладки и сползание стен по склонам привели к значительным деформациям панцирей, особенно наружного, который сейчас кое-где имеет уже обратный наклон. В свою очередь, эти деформации сами способствовали разрушению стен. Сохранность оборонительных сооружений Малого Ай-Тодора определяется приблизительно в 10—15 %, причем трудно сказать, какая причина была главнейшей — человек, штурмовавший крепость на вершине горы, или природа, довершающая разрушение.

Исар на Малом Ай-Тодоре — первая крепость Южного берега, не считая генуэзского укрепления в Алуште, в котором найден добротный вяжущий известковый раствор византийского времени. Обнаружить его было не легко, но вслед за первой находкой в изобилии посыпались следующие. Ложное впечатление «сухой кладки» при первом знакомстве с остатками оборонительных стен так велико, что возникает желание отождествить Малый Ай-Тодор с Сараусом, Ай-Йори, Кастелем, тем более, что и здесь основным строительным материалом служили местные изверженные породы, и здесь наблюдается та же структура кладки стен, и здесь сохранность стен так мала, что, казалось бы, в них и не могло быть вяжущего раствора.

Но это не так. Остатки строительной извести рассеяны на Малом Ай-Тодоре повсеместно. Нужно внимательно присмотреться к швам сохранившихся рядов кладки, развалам строительного камня и глинистым наносам, чтобы их обнаружить. Особенно много вяжущего раствора было найдено в XIV куртине. Он состоит из тонкой белой гашеной извести, к которой примешано до 40 % балласта — мелкой гальки и гравия известняков, гальки и гравия сланцев и алевролитов, песка и тонкой керамической крошки кирпично-красного и оранжевого цвета, составленной из боя черепицы и посуды. В швах кладки с раствором, все еще достаточно прочных, находятся крупные обломки черепицы и амфор, несомненно средневековых.

Выветривание стен, происходящее под действием тех же климатических факторов, что и выветривание горных пород, прежде всего затрагивает вяжущий раствор. Распадаясь на известковую крошку и составные части балластных примесей, он постепенно выпадает из кладки и рассеивается у основания сооружений. Кладка становится неустойчивой, и обрушение стен происходит тем энергичнее и тем полнее, чем меньше остается неразрушенного вяжущего вещества в панцирях стен. После обрушения панцирей разрушение захватывает внутристенную зону сооружения — забутовку. Там, где остатки стен были со временем погребены под развалами строительного камня или под наплывами глинистого делювия, разрушение приостановилось; только здесь и обнаруживается кладка, все еще сохраняющая вяжущий раствор. Под развалами камня и делювием руины как бы законсервированы на долгие времена.

Объем крепостных сооружений Малого Ай-Тодора составлял около 2500 куб. м каменной кладки; для их возведения было использовано не меньше 400 куб. м вяжущего раствора, в том числе более 200 куб. м гашеной извести. Галька и гравий доставлялись на вершину Малого Ай-Тодора с пляжей в районе Карабаха, известняки для приготовления гашеной извести — от скал Парагельмена (выходы известняков находятся не далее 300 м от Малого Ай-Тодора) или с развалов Кучук-Ламбатского хаоса. Близости выходов известняков нет ни на Сераусе, ни на Ай-Йори, ни на Кастеле, именно поэтому кладка упомянутых крепостей была выполнена без применения извести. Дальше увидим, что имеются еще по крайней мере два иса-

ра, расположенных юго-западнее Малого Ай-Тодора, в стенах которых не найдено ни кусочка гашеной извести; они находятся на значительном удалении от известковых скал.

4

На всей площади исара и за внешним оборонительным поясом рассеяны обломки черепицы и посуды. Они значительно чаще попадаются на подходах к укреплению, чем в нем самом. Этот небольшой парадокс объясняется сносом обломочного материала с Малого Ай-Тодора к его подножию: сильно разрушенные стены не в состоянии препятствовать этому. Керамика Малого Ай-Тодора имеет вполне средневековый облик и дает представление о разнообразии кровельной черепицы, пифосов, амфор, мелкой кухонной посуды. Нам не один раз придется прибегать к перечислению типов и особенностей керамических остатков в других исарах Южного берега, где их значительно больше и где они еще разнообразнее, поэтому ограничимся пока ссылкой на полнейшее сходство керамики Малого Ай-Тодора с керамикой Гурзуфа, Ореанды, Алупка-Исара, Лимена-Кале, Биюк-Исара, Чертова Исара и т. д. к юго-западу и западу вдоль Южного берега, а из уже известных нам крепостей — с керамикой Кастеля, мыса Плака. Кроме того, на Малом Ай-Тодоре найдено немного обломков лепной посуды и керамики эллинистического времени. Четко средневековый облик основной массы керамического материала и вяжущий раствор определенно византийского типа в боевых стенах, выполненных также в византийских строительных традициях,— вполне достаточное основание, чтобы считать крепость Малого Ай-Тодора средневековым сооружением.

В пределах цитадели и в буйных зарослях кустов нижней зоны разбросаны остатки сильно разрушенных построек — каменные завалы с обломками черепицы и посуды. Некоторые из завалов значительно сползли вниз по склону. В развалах камня и в почве попадаются угли — следы пожара. Среди керамического материала довольно большой процент обломков с пожарным пережогом. Жилища на Малом Ай-Тодоре покрывали весь склон нижней зоны крепостной площади и в цитадели занимали крохотные ровные площадки между развалами глыб и скалами диабаза. Их больше пяти десятков.

От храма на вершине, о котором писал П. И. Кеппен, мало что осталось. Он находился в восточном углу цитадели и был отгорожен от нее XV и XVI куртинами. Сохранились нижние ряды кладки северо-западной и северо-восточной стен этой постройки, представляющей собой апсиду, обращенную на северо-восток. Ее ориентировка — 45—47°. Апсида примыкала к северному плечу XIII куртины оборонительной стены внутреннего пояса. Постройка была сложена из диабазовых глыб на точно таком же вяжущем растворе, как и оборонительные стены. В развалах камня встречаются много клинчатых блоков и обломков травертина, кровельная черепица и бой гончарной посуды. Предельный размер храма, по данным Кеппена, 6,5×10 м (9×13 шагов), но представляется, что в действительности он был не больше 5×7,5 м.

В небольшой котловине между Малым Ай-Тодором, Трампетой и Такоцей во время плантажной вспашки под виноградники были выкорчеваны объемистые пифосы, разбитые плугами на куски. Найден и полностью сохранившийся пифос высотой больше 1,4 м, покрытый густой сеткой горизонтальных и диагональных ребер,— необычный сосуд. На виноградниках рассеяна масса обломков средневековой керамики. В прошлом здесь находились сельскохозяйственные усадьбы. Небольшая экскурсия от Малого Ай-Тодора к Кастелю, Карабаху, мысу Плака открывает поселения и усадьбы средневекового времени не только в зоне, ближайшей к берегу, но и выше, до 400—500 м над ур. м. Судя по полям рассеяния керамики, их было довольно много. Одно из них находилось на месте д. Биюк-Ламбат. В средние века здесь было греческое поселение, а несколько выше, на склоне Малого Ай-Тодора, располагались греческая церковь и кладбище, обнесенное оградой [3]. Все, что может быть привлечено к их датировке, указывает на греко-византийскую эпоху. Название *Ай-Тодор*, возможно, относилось к храмовой постройке на вершине горы, вследствие чего и сама гора, а может быть, и крепость на ней стали именоваться Ай-Тодором. Позднее церковь была построена на склоне и посвящена уже не святому Федору, а архангелу Михаилу [4]. Ее остатки в виде развалов камня и разбросанных диабазовых глыб заметны восточнее исара, у основания склона. Здесь же видны развалы каменных оград, террасы на склоне, кучи камня на месте небольших построек. Похоже, что на восточном склоне Малого Ай-Тодора находился небольшой монастырь. Место это легко найти по зарослям терновника.

Заметно определенное сходство в военно-топографической ситуации между Алуштинской котловиной и районом Малого Ай-Тодора, только в этом последнем все имеет меньший масштаб. Удобные для сельскохозяйственного использования угодья занимают компактную территорию, защищенную крепостями с флангов и в центре. На флангах находятся Кастель и крепости Аю-Дага и Партенита, в центре — крепость Малого Ай-Тодора.

5

Старое название поселения на склоне крепостной горки — Биюк-Ламбат — имеет общее происхождение с названием населенного пункта у мыса Плака — Кучук-Ламбат. Если с уверенностью можно отождествить Кучук-Ламбат с Лампадой Арриана, то не менее уверенно можно сказать, что и в описании Скимна и в перипле Понта Эвксинского Арриана Флавия речь идет об одном пункте. В действительности же есть два пункта — два Лампада, Ламбата, расположенных поблизости один от другого: Кучук-Ламбат и Биюк-Ламбат.

Существовало ли на рубеже двух эр поселение на склоне горки Малый Ай-Тодор? Возможно. Но пока нет доказательств, достаточных для того, чтобы развить предположение в уверенность. Может быть, поселение на склоне Малого Ай-Тодора возникло лишь в самом начале средневековья и было названо так же, как и значительно более раннее поселение на берегу моря. Потомки греческого населе-

ния Лампада эллинистической поры продолжали жить на Южном берегу Крыма, войдя одним из существенных компонентов в средневековый этнос южнобережья. Они и могли основать поселение, построить храм во имя святого Федора и возвести крепость на диабазовой горке, контролирующую проход вдоль Южного берега. И много столетий спустя, вплоть до XX в., здесь оставалось греческое население, исповедовавшее христианство. Оно не было вытеснено татарами; на месте старого поселения оказалась греко-русско-татарская деревенька Биюк-Ламбат.

Но почему именно *Ламбат*? Вот здесь я хотел бы обратить внимание читателя на особенности положения двух Ламбатов. Биюк-Ламбат и вершина горки Малый Ай-Тодор отстоят от Кучук-Ламбата и мыса Плака к северу, со склонением градусов на семь в западном направлении. Оба Ламбата образуют почти меридиональный створ. С моря отлично видны и Кучук-Ламбат, и расположенный выше по береговому склону Биюк-Ламбат. Линия этого створа проходит в море неподалеку от мыса Аю-Даг (см. рис. 24). Забегая вперед, скажем, что на юго-восточном склоне горы Аю-Даг есть по крайней мере два пункта, где в средние века были небольшие храмики, игравшие, по-видимому, и чисто практическую роль створных маяков.

Представим себе, что галера под мерное хлопанье весел тащится вдоль Крымского берега с юго-запада, скажем от Ялты. Ночь застала ее в пути на подходе к Гурзуфу, а до пункта назначения — Партенита — еще не одна тысяча взмахов длинными веслами. Кормчий должен держать курс норд-ост, ориентируясь по звездам (когда ночь ясна) или по чернеющему на «левой раковине» горбу Аю-Дага (если светит луна). Но в обычную для Крыма непогоду полнолуний и новолуний легко сбиться с курса и проскочить мимо Партенитской бухты. Вот тут и помогают створные маяки.

Первым открывается по левому борту створ двух Ламбатов, галера поворачивает почти строго к северу и следует новым курсом до створной линии двух маячков Аю-Дага. Это — точка поворота влево, к северо-западу, и менее чем через час якорь ложится на дно Партенитской бухты. Ошибись кормчий в выборе точки поворота — галера либо пройдет мимо мыса Плака, не попав в Партенитскую бухту, либо врежется в скалы мыса Аю-Даг. Возле них и при малом волнении на море не затихает прибой. Спастись невозможно!

Название *Ламбат* было дано поселению на склоне Малого Ай-Тодора не случайно: либо огонь на вершине горы, либо огни самого поселения служили навигационным маяком вместе с огнями Ламбата на мысе Плака [5].

Последующие татарские приставки к названиям этих двух поселений также имеют определенный смысл, причем, может быть, несколько иной, чем принято считать. Любую пару названий с *Кучук* и *Биюк* (или *Кючюк* и *Бююк*) обычно объясняют масштабом: малый и большой. Именно так переводились названия двух татарских Ламбатов — Малый Маяк и Большой Маяк. Но в татарском лексиконе есть слово *бэек* — великий и слово *биек* — высокий, высотный, верхний. Исходя из условий места, правильнее было бы переводить *Биюк-Ламбат* не как Большой Маяк, а как Верхний Маяк.

VIII

АЮ-ДАГ — ИСАР БЕЗ ЕДИНОГО ЧЕРЕПКА

Взойдя на Аюдаг и опершись о скалы,
Я созерцать люблю стремительный набег
Волн расходившихся и серебристый снег,
Что окаймляет их гремящие обвалы.

Адам Мицкевич

Прямо против Карамбиса на противоположном берегу Понта лежит огромная, круто обрывающаяся к морю и высокая гора, называемая Бараньим Лбом...

Скимн Хиосский

Едва ли найдется человек, не слыхавший об Аю-Даге. Даже если он не бывал в Крыму! Аю-Даг неотделим в воспоминаниях от Артека — этого чудесного и шумного пионерского лагеря, раскинувшегося в парках от Гурзуфа до западного подножия горы Аю-Даг.

Горбатая зеленая гора, уткнувшаяся носом в море и опоясанная неприступными скалами, памятна десяткам тысяч ребят и сотням тысяч туристов. Она — традиционно-излюбленный сюжет для поэтов, живописцев, фотографов. И это не просто дань моде: разве можно оставаться равнодушным к прелести этих мест, каждой черточкой своей олицетворяющих ландшафты Южного берега. Аю-Даг — поистине поэтический символ Тавриды!

На вершине горы, под пологом густого леса, покоятся развалины старого укрепления. Когда-то татары называли его Биюк-Кастелем — Большой Крепостью — название явно двуязычное, тюрко-латинское, второй своей частью намекающее на причастность генуэзцев к истории данного места. Но крепость эта значительно меньше, например, укрепления на горе Кастель. Вопрос о ней неотделим от проблемы исаров Южного берега, и об этой крепости мне хочется рассказать подробнее, не придерживаясь слишком строгого стиля научного очерка, но и не выходя за рамки достоверного.

1

В числе южнобережных укреплений Крыма оборонительное сооружение на вершине горы Аю-Даг привлекает к себе внимание вот уже более полутораста лет, но все еще остается во многом загадочным и детально не исследованным. Прилепившееся к самой макушке горного массива, оно представляет собой замкнутый периметр оборо-

нительной стены, огораживающей площадку размером около 220 × ×180 м. Стена сильно разрушена, однако не настолько, чтобы невозможно было разобраться в деталях всего укрепления.

Первые сведения об укреплении на Аю-Даге были сообщены П. С. Палласом и П. Сумароковым [1]. Очень короткие заметки. В 1831 г. П. Бларамбергом опубликованы наблюдения на Аю-Даге в связи с проведенными им поисками Дианина храма [2]. В 1833 г. Дюбуа де Монпере, ознакомившись с укреплением, отнес его к деятельности тавров [3]. Ну разве мог он предположить что-либо иное, если тавры занимали все его помыслы? С этого момента все, кому приходилось говорить или писать об Аю-Даге, придерживались именно такой трактовки этого памятника. За исключением П. И. Кеппена. Кеппену Аю-Даг казался вполне логическим звеном в цепи средневековых южнобережных исаров. Ему мы и обязаны наиболее подробными сведениями — целых шесть страниц точных наблюдений, сравнений, поэтических раздумий и первый план крепости, схематичный, но верно передающий основные черты морфологии всего сооружения [4].

Второй схематичный план крепости на Аю-Даге был составлен много лет спустя А. Л. Бертье-Делагардом и опубликован в 1909 г. Н. И. Репниковым вместе с кратким описанием, которое, по существу, ничего не прибавило к сведениям Кеппена [5]. Но Репников развил предположение Дюбуа де Монпере о таврах.

В 1945 и 1950 гг. Аю-Даг посетил П. Н. Шульц и отнес укрепление на вершине к позднеэллинистическому времени в рамках таврского периода в истории Крыма [6]. В беседах с автором П. Н. Шульц особенно подчеркивал мегалитический характер кладок, отсутствие в них вяжущего раствора и элементы сходства с другими крепостями, которые также принимались за таврские. В своих работах он неоднократно упоминает Аю-Даг, считая его укрепленным убежищем поздней таврской поры — I в. до н. э.— IV в. н. э.[7]

В общем упомянутые посещения привели к вполне сложившемуся мнению, хотя и неубедительному. Нет, это не умаление значения работ упомянутых исследователей. Просто было другое время: казалось вполне достаточным измерить шагами развалины, полистать и поцитировать древних авторов. Задача более или менее подробного исследования исаров не ставилась, поскольку все, связанное с ними, вроде бы было понятно. Дискуссия об их происхождении еще не родилась.

В 1959 г. и я нанес свой визит вершине Аю-Дага. Может быть, дело этим и ограничилось бы, если бы не возникла крамольная мысль, что тавры вовсе не причастны к строительству на Аю-Даге. В 1963 г., как только представился случай, я вновь обратился к этому памятнику. В тот год Аю-Дагу было отдано больше месяца. Удалось провести полуинструментальную съемку массива Аю-Даг серией замкнутых ходов протяженностью больше 30 км, съемку самого укрепления, расчистку и шурфовку в полутора десятках пунктов, сплошное обследование оборонительного периметра с массой промеров, археологические поиски между укреплением на Аю-Даге и Партенитом и т. д. Но этого оказалось мало, работу пришлось продолжить в 1965, 1966 и 1967 гг.[8] Следует добавить, что в 1963 г. О. И. Домбровским проводились раскопки на поселениях вдоль артековского подножия Аю-Дага.

2

Гора Аю-Даг высотой 565 м над ур. м. имеет в плане овальные очертания при поперечниках в 2,5 и 3,5 км. Она удлинена с юго-востока на северо-запад. Топографическое положение ее общеизвестно: между Партенитом и Гурзуфом, на берегу Черного моря (рис. 28).

Массив горы прорисовывается в виде широкого купола, снижающегося к юго-востоку. Издали он кажется морфологически довольно простым. Купол, однако, разделен на два отрога широкой и неглубокой центральной долиной, которая выходит к морю у мыса Аю-Даг, у юго-восточной оконечности массива. Используя не совсем научную терминологию, центральную долину Аю-Дага можно назвать разлогом. Ее происхождение станет понятным ниже, когда мы познакомимся с геологическим строением Аю-Дага, также достаточно хорошо известным, но главным образом специалистам, а не широкой публике.

С запада, юга и востока купол Аю-Дага ограничен скальными обрывами в десятки и сотни метров высотой. У их подножия находятся конусовидные осыпи и поля глыбовых развалов. В середине западного обрыва имеется скальный труднопроходимый кулуар — единственное место, где хотя и с риском можно подняться на верши-

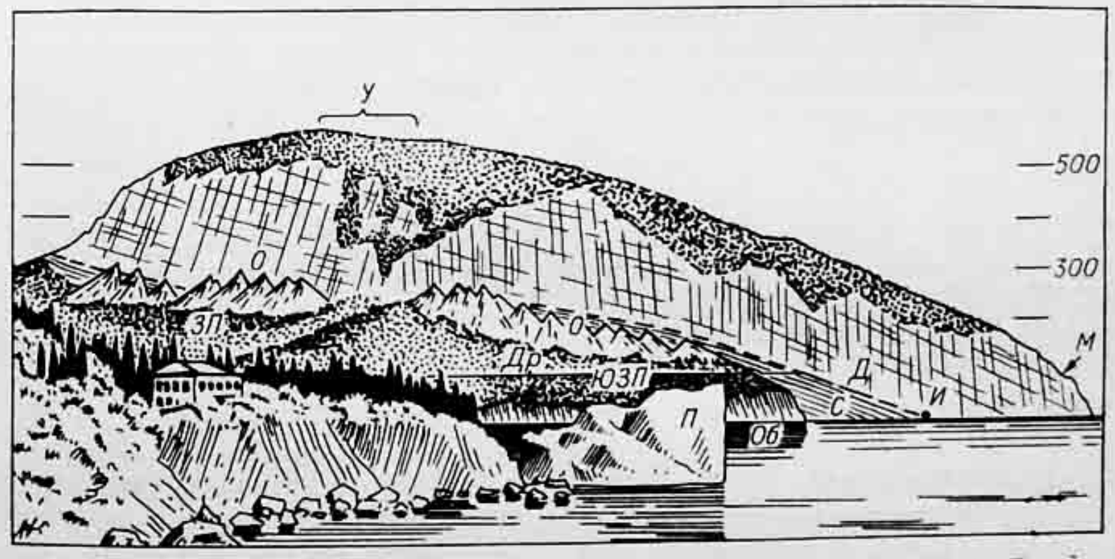


Рис. 28. Аю-Даг с юго-западной стороны (вид от Гурзуфа).

П — скала с «гротом Пушкина»; М — мыс Аю-Даг (за южной оконечностью диабазовых обрывов); У — зона на обратном скате вершины Аю-Дага, занятая верхним укреплением; О — ниже — лесистый кулуар в скалах; Д/С — контакт диабазов с глинистыми сланцами; ЗП — западное осыпи и глыбовые развалы; И — один из водоисточников в зоне контакта; Др — поселение, урочище Осман; ЮЗП — юго-западное поселение на плече Аю-Дага; Об — береговые обрывы плеча Аю-Дага. Точками показан лес. дорога к старым карьерам;

Цифры справа — высота над уровнем моря.

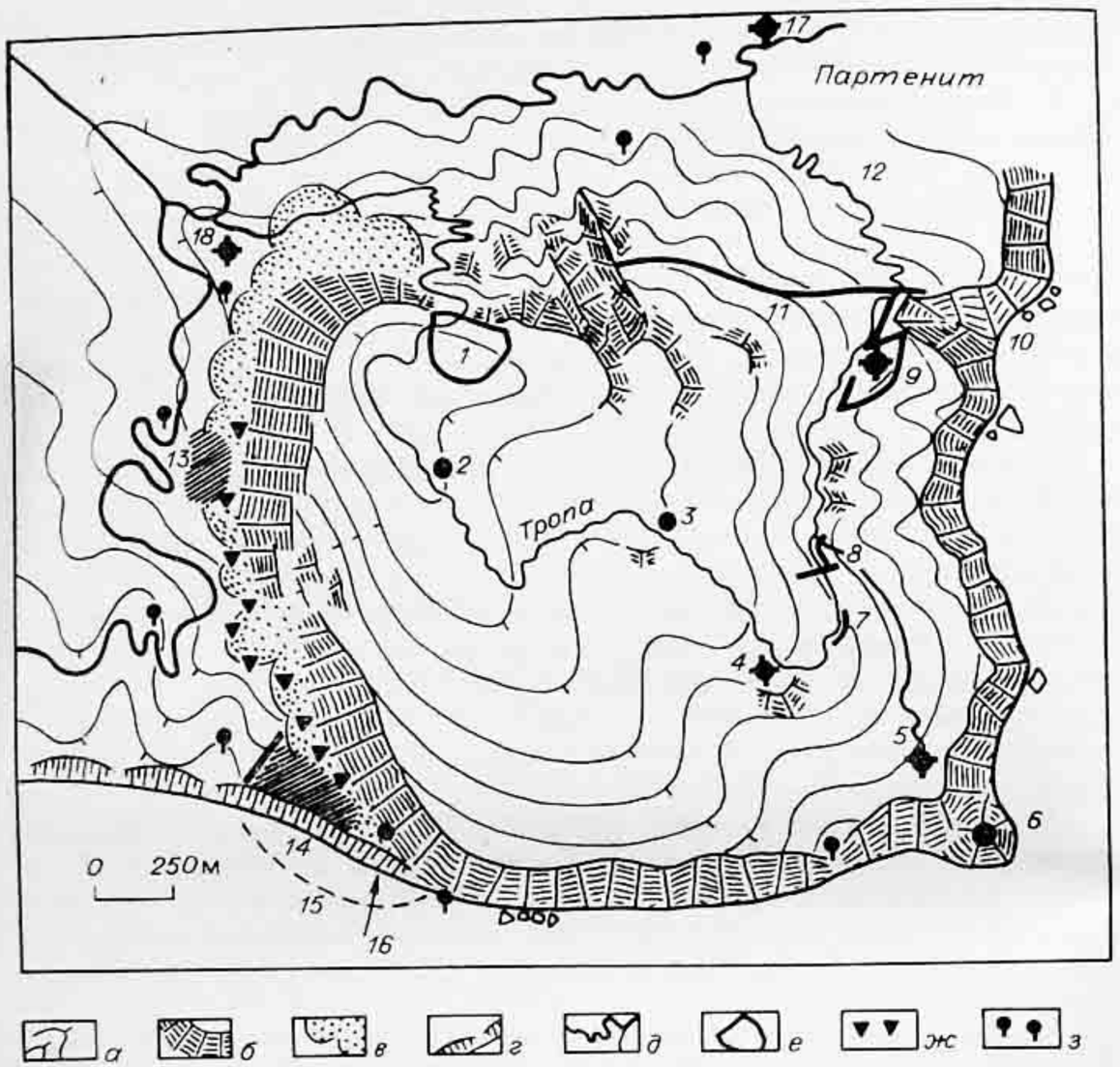


Рис. 29. Топография Аю-Дага. Съемка автора, 1963 г.

а — горизонтали; *б* — скальные обрывы диабазов; *в* — осыпи и развалы; *г* — береговые обрывы, сложенные сланцами и глинисто-щебенисто-глыбовым делювием; *д* — шоссейные дороги и тропа; *е* — укрепление на вершине и другие оборонительные сооружения; *ж* — старые каменные карьеры; *з* — водоисточники. *1* — укрепление на вершине горы; *2* — «артековская» поляна — место традиционных костров; *3* — поляна с «алтарным» камнем; *4* — остатки построек, межевых стен, храмика-маяка; *5* — брошенные строения; *6* — храмик-маяк на мысу; *7* — крепида вдоль дороги; *8* — то же и остатки поперечной стены; *9* — место, где находился монастырь (или храм Константина и Елены), и остатки оборонительных стен; *10* — скалистый кулуар; *11* — главная оборонительная стена нижнего укрепления; *12* — старая (Партенитская) дорога к укреплению; *13* — западное поселение на урочище Осман; *14* — юго-западное поселение на плече Аю-Дага; *15* — предполагаемая, разрушенная морем часть делювиального шлейфа; *16* — площадка над сланцевой кручей; *17* — трехапсидная базилика; *18* — остатки предполагаемой часовни.

ну. Бывали случаи, когда именно в этом кулуаре мало знакомые с техникой скалолазания туристы безнадежно застревали на полпути и возвращались к подножию уже с помощью горноспасателей. Кулуар виден на рис. 29.

Северный и северо-восточный склоны купола очень круты, на большом протяжении даже обрывисты; подъем на вершину здесь возможен по двум-трем маршрутам, которые обычно и используются.

В геологическом смысле Аю-Даг представляет собой интрузивное тело пород основного состава. Породы варьируют от габбро-диабазов до кварцевых диоритов (распространены мало), имеют зеленовато-серый цвет, мелкозернистую или среднезернистую структуру, массивную или порфировую (диабазовые и диоритовые порфириты) текстуру и состоят из плагиоклаза, пироксена с небольшим количеством зерен кварца, амфибола, калишпата, титаномагнетита, рутила. Условимся называть эти породы просто диабазами без разделения на петрографические варьететы.

Диабазы Аю-Дага сходны с породами Малого Ай-Тодора, мыса Плака и др. Именно для Аю-Дага и близко расположенных интрузивных тел А. Е. Лагорио высказал предположение о лакколитообразной форме интрузий, но в дальнейшем эта точка зрения не подтвердилась. Строение Аю-Дага сложно. Это куполовидное тело диабазов с корытообразным сводом, наклоненным к юго-востоку. На своде купола сохранилась покрышка метаморфизованных глинистых сланцев. Вместе с корытообразной формой свода это облегчало разрушение пород и привело в конечном итоге к образованию упомянутого разлога.

Скальные обрывы Аю-Дага неоднократно подвергались обрушениям, рождавшим мощные осыпи и каменные развалы. На этот штрих в геоморфологии обратим особое внимание, ибо, как увидим ниже, обрушения скал были причиной гибели некоторых поселений у подножия горы. Небольшие обвалы происходят каждый год. В один прекрасный, лучше сказать — несчастный, момент скалы Аю-Дага могут низринуться сокрушительными каменными лавинами.

Выветривание диабазов и пород таврической формации приводит к образованию щебенисто-глинистого элювия и довольно плодородной, хотя и маломощной почвы. Увлажнению почвы способствуют ее «скелетный» характер и щебенисто-глыбовое основание. Источником влаги служат пары воды в атмосфере, конденсирующиеся в каменных развалах. Водоисточники находятся главным образом у подножия горы, по линии контакта диабазов со сланцами (см. рис. 28, 29).

Весь купол покрыт лесом — дуб, граб, кизил, обвешанный длиннейшими лишайниками. На скалах — сосна, у подножий — густое древесно-кустарниковое разнолесье с преобладанием дуба, грабинника, ясеня, кевового дерева, рябины, клена, с подлеском из иглицы, ладанника, дикого жасмина. Это дикая растительность Аю-Дага. Со стороны Партенита и Артека — Гурзуфа в нее вклиниваются пятна садово-парковой флоры.

3

Массив Аю-Дага расположен в центре Гурзуфско-Партенитской округи, разделяя ее на две части. Местность изобилует угодьями, не слишком обширными и роскошными, но все же достаточно удобными для сельскохозяйственного использования. Недаром и в рай-

оне Гурзуфа, и в Партенитской долине находится главная масса виноградников Южного берега.

В древности сухопутная дорога проходила по Южному берегу от Малого Ай-Тодора к северной седловине Аю-Дага и далее к Гелин-Кая и на Никитский мыс. Современная автотроллейбусная магистраль на многих участках совпадает с трассой древнего пути. Иными словами, Аю-Даг «контролирует» путь по берегу.

Обратим внимание и на другую особенность его положения. Скалистые обрывы горы выдвинуты в море на 2—2,5 км, что препятствует проходу вдоль берега. Однако на практически безбухтовом берегу Аю-Даг, далеко выступающий в море, обеспечивает некоторые удобства для стоянки судов, особенно при северо-западных и северо-восточных ветрах, достигающих в осенний период силы урагана. Сопряженные с Аю-Дагом изгибы берега нельзя назвать бухтами в прямом смысле этого понятия, но при указанных выше обстоятельствах отстояться под скалами — единственная возможность не быть вынесенными в море. Не случайно северо-восточнее и юго-западнее Аю-Дага уже в древности возникли крупные приморские поселения и торговые центры — Партенит и Горзувиты.

Есть и третья особенность в положении Аю-Дага — господство по высоте над полосой прибрежья, что делает его исключительно удобным наблюдательным пунктом. С горы открывается вид на Кастель, Малый Ай-Тодор, хребет Урага, Бабуган-Яйлу, Зейтин-Кош, Парагельмен, Роман-Кош, Гурзуфское Седло, гору Авинду, Кемаль-Эгерек, Гелин-Кая, Гурзуф, Никитский мыс. Далеко на юго-западе, в туманной дымке вырисовывается мыс Ай-Тодор. Со скал Аю-Дага видны и все ближние подходы к горному массиву. Благодаря своей неповторимой в рельефе южнобережья приметности он, несомненно, имел и важное навигационное значение, о чем уже говорилось.

Старое укрепление, о котором следует рассказать, находится почти на самой вершине Аю-Дага, в северо-западной части горного купола, поблизости от начала центрального разлога. Ближний путь к нему представляет собой узкую и извилистую тропу, круто поднимающуюся по сланцам и диабазам северного склона. Тропа начинается у северо-западного подножия горы и местами пересекает мощные развалы диабазовых глыб. Каменные лавины, сорвавшись с северного обрыва, смели на своем пути густые древесно-кустарниковые заросли.

Дальний путь в укрепление начинается от окраины Партенита старой проезжей дорогой, петляющей по восточному склону горы. В створе мыса Аю-Даг дорога круто поворачивает к северо-западу, продолжая набирать высоту, затем — к юго-западу и снова к северо-западу, пересекает верховья центрального разлога, минует знаменитую артековскую поляну на вершине Аю-Дага и, попетляв по живописнейшему лесу, соединяется с упомянутой выше туристской тропой (см. рис. 29).

Взбираетесь ли вы по этой тропе или идете Партенитской дорогой, развалы старых боевых стен появляются перед вами неожиданно; они скрыты густым лесом — откровенным напоминанием торжества сил природы над творениями человеческих рук.

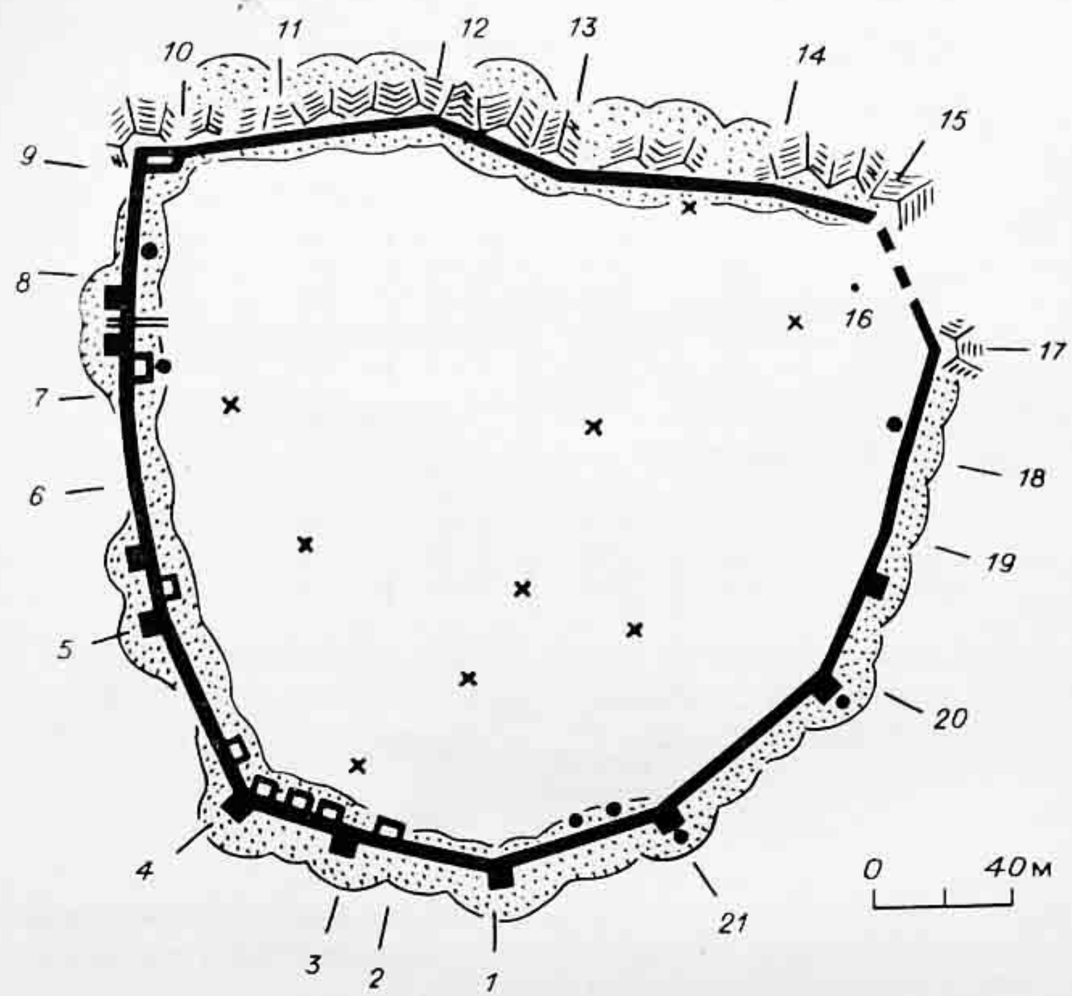


Рис. 30. План верхнего укрепления на Аю-Даге. Съемка автора, 1963 г.

а — оборонительная стена; *б* — наружные башни (в развалах); *в* — внутренние пристенные постройки; *г* — развалы строительного камня; *д* — скальные выходы диабазов и крупные глыбы; *е* — места шурфовки (крестики) и расчисток (кружочки); *ж* — место поперечной разборки оборонительной стены на западном участке. *1—21* — номера точек съемочного хода.

В плане укрепление представляет собой сложный многоугольник, по форме близкий к полуокружности, стянутой с северной стороны изломанной хордой. Его поперечники: широтный — 230 м, меридиональный — 180 м. Площадь укрепления — 3,25 га, длина оборонительного периметра — 693 м. Стало быть, укрепление Аю-Дага — совсем не маленькое по масштабам фортификационных сооружений Южного берега.

Укрепление занимает ровную площадку, наклоненную к северу и востоку. Северная хорда крепостного многоугольника совмещена с линией перегиба площадки в крутой склон горы, падающий к Партенитской долине, и проходит по скалам диабазов. С этой стороны укрепление труднодоступно. Западный, южный и восточный участки

Таблица 2

Точки съемки	Азимут, град	Длина, м	Точки съемки	Азимут, град	Длина, м
Северный участок			*Южный участок*		
9—10	71	15,0	20—21	230	63,0
10—11	83	23,0	21—1	245	45,0
11—12	86	42,0	1—2	276	28,0
12—13	113	40,0	2—3	290	15,0
13—14	95	60,0	3—4	293	31,0
14—15	110	30,0			
Восточный участок			*Западный участок*		
15—17	155	40,0	4—5	337	50,0
17—18	197	35,0	5—6	350	40,0
18—19	190	18,0	6—7	355	25,0
19—20	207	33,0	7—8	3	30,0
			8—9	9	30,0

оборонительного периметра имеют ровное предполье, заросшее лесом. Лес — и внутри укрепления. Длина боевых стен по участкам следующая (в м):

Северный	210
Восточный	126
Южный	182
Западный	175

В табл. 2 приведены расстояния и магнитные азимутальные направления между точками съемочного хода, проложенного по развалам и остаткам оборонительных стен (рис. 30).

Говоря, что укрепление находится на вершине Аю-Дага, мы допускаем неточность, не имеющую, впрочем, существенного значения: наивысшая точка горы (565 м над ур. м.) смещена ближе к северному обрыву горного купола, но поднимается над укреплением не больше чем на два десятка метров. Это незаметно за стеной леса. Сразу бросается в глаза перекрытие исаром единственно возможного пути на вершину по северному склону горы (см. рис. 29).

4

Оборонительный периметр на Аю-Даге однороден по особенностям кладки на всем протяжении стен. Мы впервые встречаем здесь сооружение, от которого остались не только нижние ряды кладки, как на Ай-Йори, Малом Ай-Тодоре, или не только развалы камней, как на Кастеле, Сераусе, но довольно значительные части стен, разрушенных до разного уровня. Это позволяет более подробно познакомиться с особенностями кладки. Высота сохранившейся части стен на разных участках периметра колеблется от 0,5 до 2,5—3 м.

На северном участке, сопряженном со скальными выходами диабазов, стена имела характер крепиды с венчающим ее парапетом; кое-где дело ограничилось возведением только парапета (рис. 31). Кладка здесь менее регулярна, чем на других участках, нередко

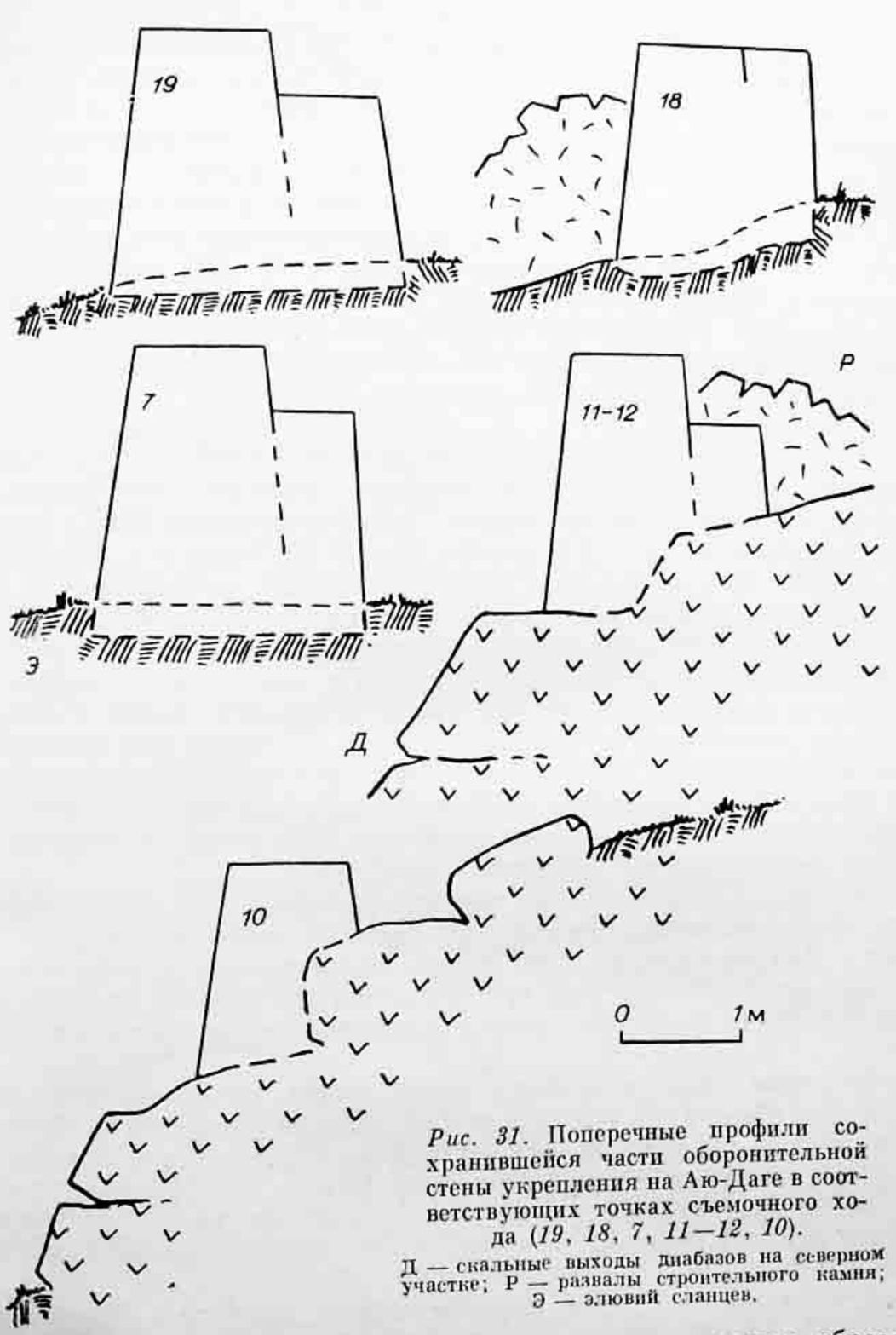


Рис. 31. Поперечные профили сохранившейся части оборонительной стены укрепления на Аю-Даге в соответствующих точках съемочного хода (*19*, *18*, *7*, *11—12*, *10*).

Д — скальные выходы диабазов на северном участке; Р — развалы строительного камня; Э — элювий сланцев.

состоит из довольно крупных глыб, уложенных главным образом в основании крепиды, но все же резко преобладает среднемерный и мелкомерный камень без малейших следов обработки.

На других участках стены полнопрофильные. Их ширина в основании 2—2,5 м. Они лишены субструкции и отлива, кладка производилась прямо на почву, а впоследствии под действием собственного веса сооружение проседало в щебенисто-глинистом элювии на глубину от 0,2 до 0,7 м.

Все стены на Аю-Даге имеют четкую панцирную структуру, состоящую из наружного панциря, обычно более мощного, зоны забутовки, внутреннего панциря, менее мощного, но кое-где не уступающего по толщине наружному. Толщина панцирей примерно 0,5—0,8 м; следовательно, на зону забутовки приходится у основания стен от 0.7 до 1.2 м; как увидим ниже, зона забутовки характеризуется более сложным строением. Лицевые плоскости панцирей имеют встречный наклон: у наружного панциря — 75—80°, у внутреннего панциря — 80—85°. Профиль стен имеет вид неравнобокой трапеции. В местах рассевшейся кладки, а это довольно обычно для сооружений на Аю-Даге, наклон панцирей существенно отличается от изначального и бывает даже обратным, тогда стена вот-вот готова рухнуть.

Оба панциря выложены из глыб диабаза длиной от 0,2 до 0,8 м. Назвать такую кладку мегалитической, конечно, неоправданно. Глыбы диабаза и без отески вполне удобны для кладки. Как и в других укреплениях (Ай-Йори, Сераус, Малый Ай-Тодор и т. д.), глыбы в панцирях стен на Аю-Даге уложены плашмя, ровной гранью наружу, горизонтальными рядами, не слишком идеальными. Из-за разнокалиберности глыб кладка зачастую похожа на полигональную. Размер глыб в панцирях по высоте кладки мало меняется.

В зоне забутовки преобладают мелкий бутовый камень и щебень диабазов; последнего не больше 10—15 % от объема междупанцирного заполнения, он представляет собой случайный материал. Полная идентичность кладки на разных уровнях от основания приводит к мысли, что все сооружение выполнено в один прием, принадлежит одному строительному периоду.

К тому же строительному периоду относится и та деталь структуры оборонительных стен Аю-Дага, которая впервые была обнаружена в Лимена-Кале, на горе Кошка в Симеизе и в других исарах Южного берега. Речь идет о третьем панцире в стенах. Он занимает промежуточное положение между наружным и внутренним панцирями.

Толщина третьего панциря почти всегда примерно такая же, как и двух обычных, — 0,5—0,7 м. Его лицевая поверхность обращена во внутрь укрепления, исключений из этого правила нет ни на Аю-Даге, ни где-либо в других местах. Кладка третьего панциря — в смысле подборки материала — выполнена не менее тщательно. Третий панцирь разделяет зону забутовки на две части, каждая толщиной 0,2—0,5 м.

Столкнувшись с этим дополнительным элементом поперечной структуры боевой стены в Лимена-Кале, я долго ломал голову над его назначением. При исследовании стен Аю-Дага удалось найти ответ на этот вопрос.

Оказывается, третий панцирь тем более четко выражен, чем выше уровень сохранившихся рядов кладки. К основанию стены он как бы растворяется в нерегулярном каменном заполнении зоны забутовки, но не всегда. В одном из пунктов западного участка оборонительного периметра, где стена разрушена почти до основания,

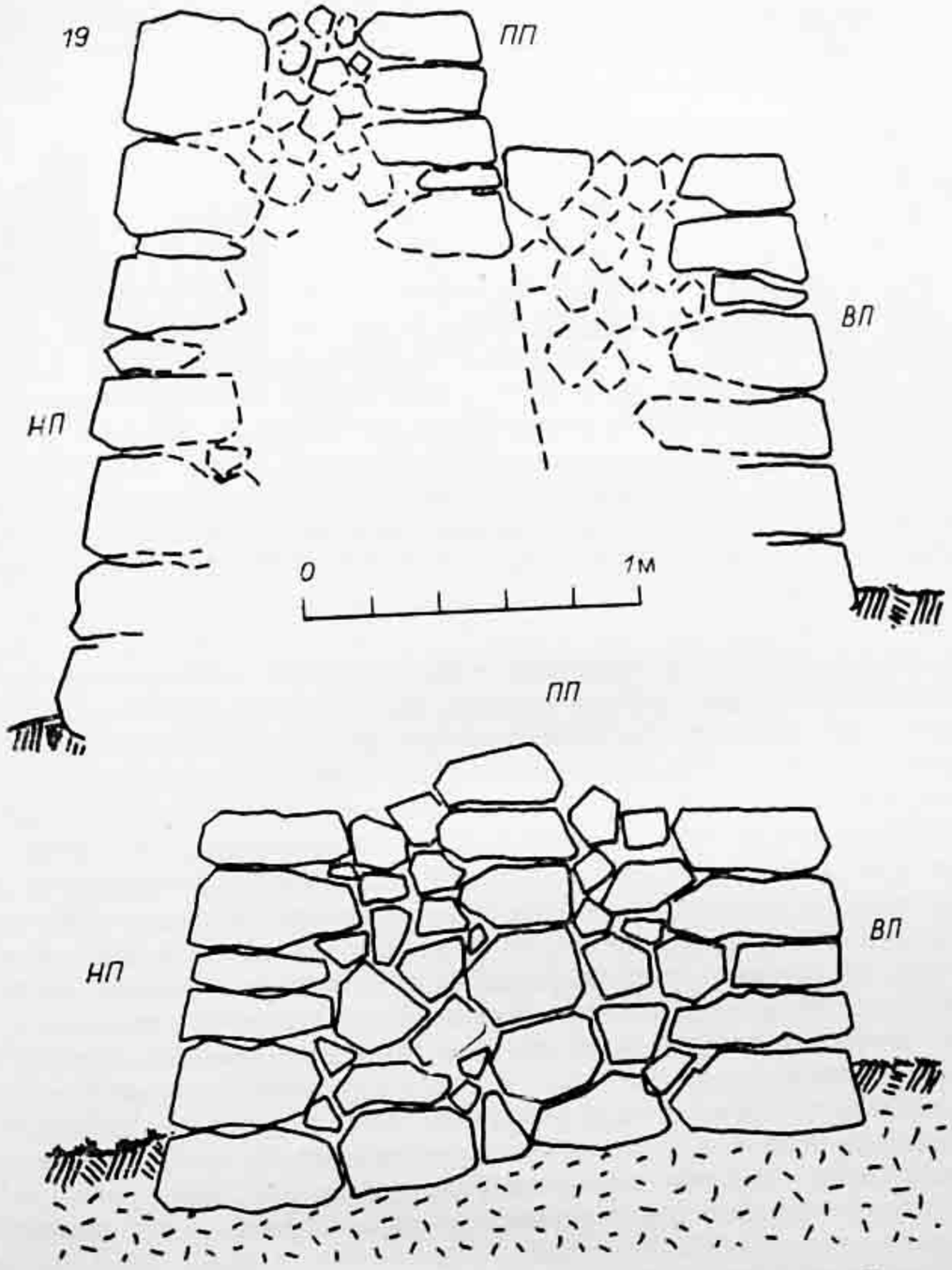


Рис. 32. Структура оборонительной стены на вершине Аю-Дага.
Вверху — на восточном участке; внизу — в месте поперечной разборки на западном участке. НП — наружный панцирь стены; ПП — панцирь парапета; ВП — внутренний панцирь стены. Под стеной — элювий сланцев.

при поперечной расчистке было установлено, что плоскость третьего панциря прослеживается до первого, нижнего, ряда кладки (рис. 32).

И еще одна особенность: при трехпанцирной структуре стены на ней не всегда различаются две зоны бутовой кладки. Нередко внутренний (т. е. обращенный во внутрь крепости) панцирь непосредственно контактирует с третьим. Если быть точным, то внутренним следовало бы назвать именно третий панцирь, а не тот, кото-

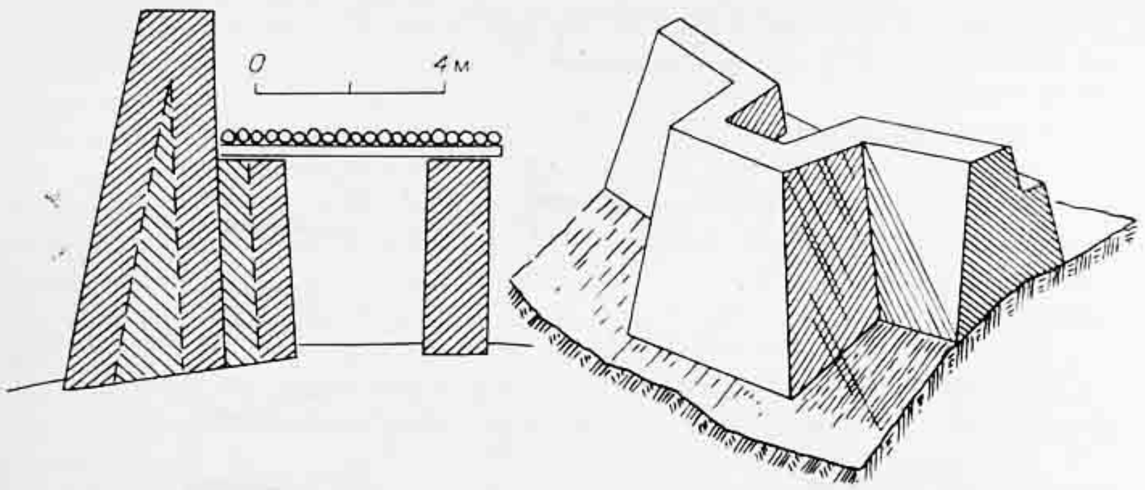


Рис. 33. Реконструкция элементов оборонительного пояса укрепления на вершине Аю-Дага. Слева — боевая стена панцирной структуры и пристенная постройка; справа — башенный выступ (архитектура парапета схематизирована).

рый обращен к крепостной территории и служит облицовкой стены. Казалось бы, можно предположить, что трехпанцирная структура стен есть результат их достройки и что в кладке отражены два строительных периода. Но три факта этому противоречат: во-первых, сплошная глыбовая кладка в основании постепенно разделяется на панцирную и бутовую выше основания; во-вторых, трехпанцирная структура свойственна стенам восточного, южного и западного участков оборонительного периметра на всем их протяжении (кому и зачем понадобилось наращивать стену с внутренней стороны укрепления по всей длине линии обороны?!), и только на северной стороне, где была крепида с парапетом или только парапет на скальных выходах диабазов, кладка была двухпанцирной; в-третьих, что особенно важно, наличие в стене трех панцирей нисколько не увеличивает ее толщину по сравнению с толщиной стен других южнобережных исаров, средняя толщина стены у основания остается в пределах $2{,}2 \pm 0{,}3$ м, т. е. имеет саженный размер (см. рис. 32). Таким образом, предположение о достройках (о двух строительных периодах) отпадает.

Найти объяснение трехпанцирной структуре боевой стены можно, если принять, что это был определенный строительный прием. Одновременно возводились сразу три панциря с тем, чтобы у навершия стены несколько раньше закончить кладку внутреннего, обращенного к укрепленной площади, и превратить его в основание боевого полка, т. е. верхней площадки. Ширина полка как раз достаточна для прохода вдоль навершия стены — 0,5—0,7 м. Третий, действительно внутренний, панцирь оказывается попросту панцирной кладкой боевого парапета (рис. 33). Такой тип кладки увеличивал прочность сооружения.

Условимся называть третий панцирь панцирем парапета. Дальше увидим, что к дополнительной панцирной кладке прибегали и

с другой целью — для сдерживания стен от оползания, однако противооползневые кладки увеличивают толщину стены и легко распознаются.

5

Вдоль боевой стены видны остатки построек, расположенных с внутренней стороны. На них обратил внимание еще П. И. Кеппен, насчитав их не меньше тринадцати [9]. Одни из них еле заметны, другие используются и сейчас в качестве охотничьих и туристских землянок. В плане они четырехугольные и имеют размеры от 2×3 до $2{,}5 \times 4{,}5$ м, т. е. представляют собой очень тесные, в большинстве своем однокамерные помещения с толщиной стен 0,7—0,9 м. Сложены эти постройки из тех же диабазовых глыб, без вяжущего материала; стенки их не имеют перевязи с кладкой внутреннего панциря боевой стены. Основанием для них служит щебенисто-суглинистый элювий. Расчистки показали, что внутри камер нет культурного горизонта, нет вымосток, нет даже обломков керамики или чего-либо другого, кроме ржавых консервных банок и бутылочных осколков самого современного облика.

Такие же пристенные постройки свойственны и другим укреплениям Южного берега. Они могли выполнять три назначения: служить помещениями для стражи (кордегардия), для уширения боевого полка оборонительной стены и тыльным контрфорсом для увеличения поперечной устойчивости стены (см. рис. 30, 33).

Никто из ранее посещавших Аю-Даг не оставил сведений о башнях в оборонительном периметре укрепления. Вроде бы их и не видели. Это казалось удивительным. Общая выпуклость оборонительного периметра и отсутствие на большом его протяжении выступающих за фас скал требовали устройства башен для фланкирования стен. И действительно, башни были. Даже не башни, а монолитные бастионы, примкнувшие к боевой стене с наружной стороны. Они располагались в точках поворота 3, 1, 21, 20, около точки 19, может быть, между точками 5—6 и 7—9 (см. рис. 30). Башенные выступы имели прямоугольные очертания и размер основания в среднем $2 \times \times 4$ м. Их кладка состояла из наружного, облицовочного панциря толщиной 0,8—1,2 м, камера заполнялась бутом. Некоторые башенные выступы были полукруглыми. Всего их насчитывается девять, они располагались как раз там, где нужно было обеспечивать фланкирование куртин. Возможно, они также выполняли роль наружных контрфорсов.

П. И. Кеппен предполагал, что ворота укрепления находились на восточном участке периметра (между точками 17—19 съемочного хода — см. рис. 30). Здесь стена сильно разрушена и нет ничего, характерного для кладки ворот. По-видимому, ворота располагались на южном участке, возле точки 3; с внутренней стороны здесь имеется несколько строений, тесно сближенных, с наружной — остатки башни. Этот комплекс своей планировкой напоминает входной тамбур. К нему примыкает наиболее ровное предполье, удобное для подъезда.

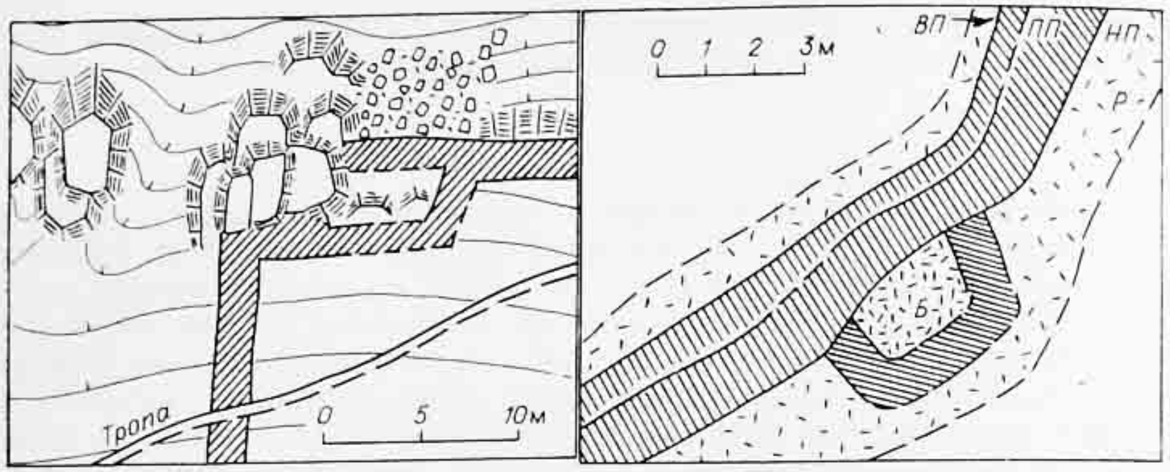


Рис. 34. Детали оборонительного пояса укрепления на вершине Аю-Дага. Слева — северо-западный угол укрепления с вероятным тамбуром для входной калитки; справа — башенный выступ в районе точки *20*.

НП — наружный панцирь стены; ПП — панцирь парапета; ВП — внутренний панцирь стены; Р — развалы строительного камня; Б — башенный выступ с забутовкой.

В северо-западном углу укрепления западная и северная куртины опираются на крупный скальный выступ диабазов, северная стена на коротком участке сдвоена и огораживает узкий тамбур, в котором была калитка (рис. 34).

Для крепости на Аю-Даге был использован исключительно местный диабаз. Транспортировка камня к любой точке оборонительного периметра осуществлялась на расстояние не более 100—300 м. В кладке обнаружены единичные глыбы и плиты песчаников и алевролитов, принесенные с северо-восточного склона горы.

Два обстоятельства помогают определить основные размеры боевой стены — значительная высота ее сохранившейся части (2,5—3 м, по крайней мере на отдельных участках) и полное сохранение развалов на месте. Средние размеры стены на всех участках периметра, кроме северного, следующие:

Ширина стены у основания	2,2 м
Полная высота стены с парапетом	4,5 м
Высота парапета над боевым полком	1,5 м
Ширина парапета по верху	0,75 м
Ширина боевого полка	0,5—0,7 м
Высота полка от основания стены	3 м
Наклон наружного панциря	80°
Наклон внутреннего панциря	85°
Наклон панциря парапета	85°
Площадь поперечного сечения стены	Около 7,5 кв. м

Теперь нетрудно вычислить общий объем сооружения. Вместе с объемом кладки пристенных строений и наружных башен он достигал 500 куб. м. Плотность кладки достигала в среднем около 85 %. При удельном весе диабазов около 3 т на 1 куб. м вес всего сооружения определяется почти в 13 тыс. т.

Для скрепления такой кладки потребовалось бы по меньшей мере 750 куб. м вяжущего раствора, в том числе 350—400 куб. м

балластового наполнителя (гравия, гальки, песка) и 350—400 куб. м гашеной извести, не считая значительного количества воды для приготовления раствора. Но в том-то и дело, что раствора в стенах укрепления на Аю-Даге нет. Ни одного кусочка!

Остается подтвердить заключение П. И. Кеппена о том, что кладка стен на Аю-Даге была выполнена без применения вяжущего раствора, даже без применения глинистого уплотнения. Поиски раствора или его остатков были проведены так тщательно, как только возможно, и безрезультатно.

В чем же дело? Почему и на Аю-Даге повторяется ситуация Ай-Йори, Серауса, Кастеля? Почему стены, по всем своим особенностям сходные с боевыми сооружениями византийской эпохи, оказываются и здесь сложенными сухой кладкой? Причина та же: отсутствие поблизости необходимых материалов. Известняков на самом Аю-Даге нет. Ближайшие точки — это Кучук-Ламбатский хаос и скалы против Адаларов и в Гурзуфе, но это слишком далеко. Доставка известняка или готовой извести с любого из этих пунктов могла производиться только по кружной Партенитской дороге. Для приготовления 750 куб. м вяжущего раствора нужно было бы завезти на вершину горы по меньшей мере 700—800 т гальки и гравия, столько же гашеной извести плюс 1,5—2 тыс. т воды. Общий объем перевозок в современном исчислении мог достичь 20—25 тыс. тонно-километров. По силам ли это было строителям укрепления? Да и была ли необходимость в таких перевозках?

6

Но самым удивительным оказывается вовсе не то, что стены на Аю-Даге были сложены насухо,— это отмечалось и на Ай-Йори, Серауссе, Кастеле. Следовательно, исар на вершине Аю-Дага по счету уже четвертый пункт, где не найдено извести. Поражает другое — полнейшее отсутствие и на ближайших подходах к укреплению, и в нем самом каких-либо культурных остатков. Была предпринята разборка развалов стен, завалов в пристенных строениях и наружных башнях, проведены шурфовка и расчистка самих пристенных строений и поверхности в ряде точек внутри укрепления. Везде под более или менее мощной почвой оказывался только «немой» элювий сланцев и алевролитов. Культурного горизонта нет! Ни одного обломка керамики, ни одного кухонного остатка!

С отсутствием культурного горизонта согласуется и тот факт, что в укреплении нет жилищ, кроме пристенных построек. Вся его трехгектарная площадь совершенно пуста и никогда не была застроена.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и рассказать о некоторых недоразумениях. В 1963 г. одна из пионервожатых лагеря Артек в письме О. И. Домбровскому сообщила о том, что в укреплении на Аю-Даге найдена пара керамических обломков. Проверить этот факт пришлось мне. Оказалось, что два обломка действительно были найдены, но они очень сильно истерты и напоминают

обломки гончарной посуды в осыпях урочища Осман (см. ниже). Похоже, что они были занесены на вершину Аю-Дага от подножия горы.

Аю-Даг — традиционный объект походов артековцев. Под руководством своих наставников они занимаются и изучением окрестностей. Наставники иногда непрочь оживить немые развалины на вершине и доставить ребятам удовольствие найти один-два черепка, а поскольку черепков на вершине нет, приходится запасаться соответствующим материалом на урочище Осман и затем рассовывать его в пазы стен на Аю-Даге. Что и говорить — медвежья услуга!

Но это полбеды. Разобраться в таких «находках» и правильно их квалифицировать можно. Хуже то, что сведения о них попадают в популярные издания. Рекомендую прочесть статью П. Анакина [10], который красочно описал одну из артековских археологических экспедиций на Аю-Даг. У него мы находим сведения и о керамике на Аю-Даге (именно в верхнем укреплении), и о тронном кресле тавров (?!), и о таврском жертвеннике (?!), и о складе металлических ядер (?!), и о могильнике, и о прочих не менее невероятных вещах. В общем, автор так заморочил голову ребятам из Артека и читателям, что диву даешься. Для П. Анакина яснее ясного, что тавры покрывали свои строения черепицей, стреляли металлическими ядрами, устраивали «носатые» надгробия. В «тронном кресле тавров» видны цилиндрические отверстия — шпуры для подрыва скал зарядами взрывчатого вещества. Это место там, где туристская тропа пересекает северную стену укрепления. Когда-то здесь пробовали взрывать скальные выходы диоритов. След «таврского жертвенника» оказывается всего лишь золой туристского костра, перемешанной с осколками бутылок. Все это могло бы просто позабавить, не будь во всем этом винегрете «сведений» яда дезинформации, смертельного для дела краеведения. Но оставим подобные домыслы на совести автора.

Можно с уверенностью сказать, что в укреплении на Аю-Даге нет жилого комплекса, что это укрепление, вероятно, никогда и не было заселено. Не парадоксально ли?

7

Оборонительные сооружения на Аю-Даге разрушены на 50—60 % и этим целиком обязаны естественным причинам. Обращает на себя внимание определенная экспозиция развалов боевых стен. Вполне естественно, что развалы северной стены находятся с наружной стороны, на крутом склоне, в направлении которого происходило обрушение крепиды парапета. На южном участке развалы незначительны и размещаются с обеих сторон стены; по мере продвижения к восточному участку внутренние развалы исчезают, но увеличиваются ширина и мощность наружных развалов. На восточном участке нагромождения строительного камня видны главным образом с наружной стороны стены, а на западном участке, между точками 5—9, они находятся исключительно с внутренней стороны, т. е. внутри

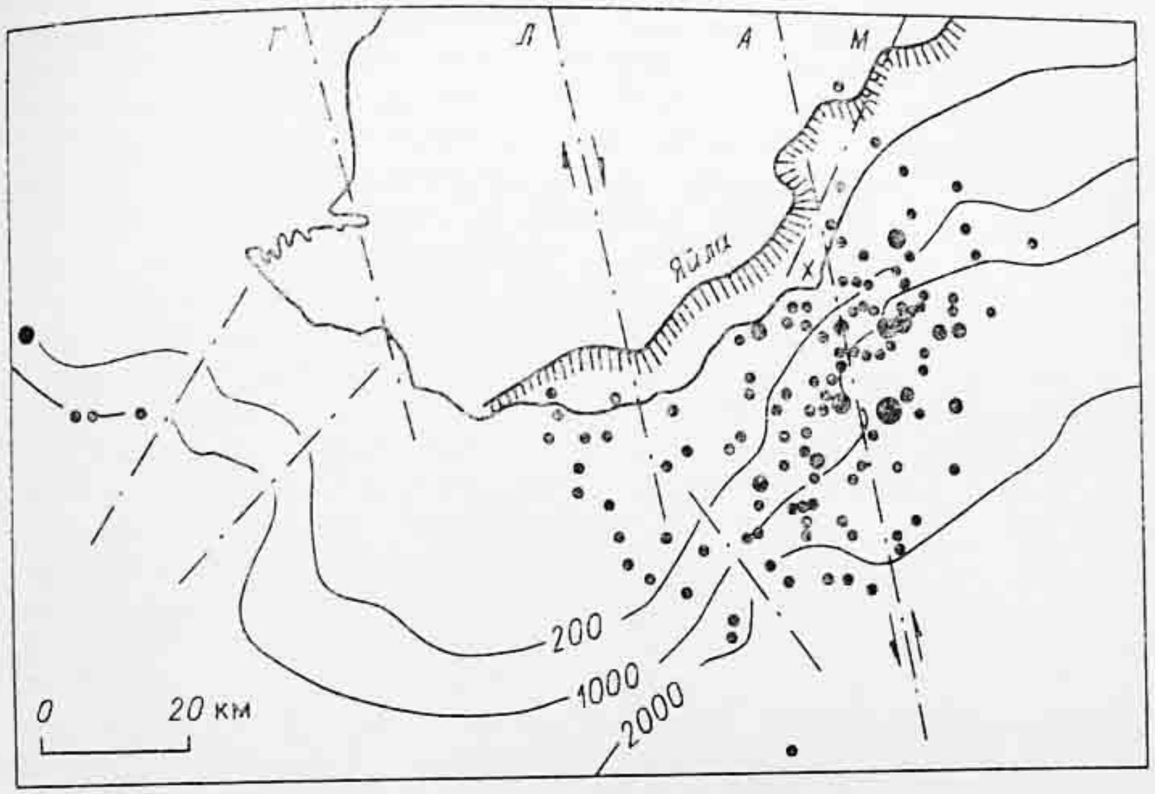


Рис. 35. Эпицентры землетрясений у Южного берега Крыма (кружками различной величины показаны эпицентры землетрясений от V до II группы интенсивности).

Крестик — Аю-Даг. Штрихпунктирные линии — глубинные разломы (А — Алуштинско-Симферопольский, Г — Гераклейский, Л — Лименский, М — Алуштинско-Мелитопольский); стрелки — направления относительного сдвижения блоков. Тонкие линии — изобаты (глубины моря, м).

укрепления, и только между точками 4—5 обрушения происходили на обе стороны. Нетрудно заметить, что в целом характерна юго-восточная ориентировка развалов.

Не могли ли быть причиной разрушения оборонительных стен ураганные ветры северо-западного направления, достигающие особенной силы на вершинах гор и перевалах? Обратим внимание на одну деталь: на вершине Аю-Дага и его склонах большинство старых дубов, ясеней, грабов на высоте от 1 до 5 м от уровня почвы сломано одной из ужасных бурь. Побеги из обломанных стволов имеют возраст 100±20 лет, как и «молодой» лес. Вывал старого леса имел катастрофический характер, он захватил не только вершину, но и склоны. Даже в центральной долине Аю-Дага сломанные бурей деревья составляют изрядный процент. Однако сломанные деревья гнездятся и на остатках стены и на ее развалах, следовательно, стена была разрушена раньше.

Наиболее вероятно, что экспозиция развалов есть следствие сейсмического толчка. В сейсмическом отношении район Аю-Дага (как и вообще район Ялты — Алушты) очень активен. Разломы северо-восточного направления, ко многим из которых приурочены диабазовые тела, пересекаются здесь с разломами меридионального направления [11]. Сдвижения блоков земной коры вдоль них разрушаются частыми сейсмическими толчками. На рис. 35 показано

размещение эпицентров крымских землетрясений, зарегистрированных с 1927 г. (начиная с катастрофических землетрясений 26 июня и 11 сентября этого года) по 1941 г. и с 1945 по 1957 г. За этот период зарегистрировано 132 толчка V—II группы интенсивности, с магнитудой 6,5—7.25 [12]. Судя, например, по горным обрушениям в районах Байдар, Качикальена, Биюк-Исара, Аю-Дага, Демерджи, Кара-Дага и в других пунктах, Крым неоднократно испытывал и более катастрофические землетрясения, чем разразившееся в сентябре 1927 г. Ниже говорится о западном и юго-западном поселениях у подножия Аю-Дага, погибших при обвалах скал. По-видимому, обвалы были вызваны именно сейсмическими толчками.

Эпицентральная область крымских (черноморских) землетрясений находится юго-восточнее мыса Аю-Даг. Сопоставляя ее положение с ориентировкой развалов боевых стен на Аю-Даге, можно думать, что разрушение стен было вызвано колоссальной силы толчком, направленным с юго-востока: обрушения обычно происходят в сторону, противоположную направлению толчка.

Судя по свидетельству П. И. Кеппена, он застал укрепление на Аю-Даге точно в таком же виде, в каком мы видим его сейчас. На развалах растут дубы в возрасте 250—400 лет, сломанные бурей не далее 100 лет назад. А это значит, что вот уже несколько столетий стены исара на Аю-Даге представляют собой руины.

8

У подножия западных обрывов горы находится урочище Осман. Это окраина территории Артека. Здесь помещается домик лесника, поблизости — поселок сотрудников Артека. Урочище, защищенное с восточной стороны скалами, представляет собой относительно ровный и пологий склон, покрытый кустарниковыми зарослями. Подножие скал закрыто каменными развалами диабазов. Когда-то здесь были карьеры, в которых диабаз дробили на щебень и из подходящих блоков готовили штучный тесаный камень. Теперь эти карьеры заброшены или используются эпизодически, по мере потребности в камне для артековского строительства.

На площади не менее 2 га, в зарослях кустов, граничащих с зоной осыпей (см. рис. 29), обнаружены руины многочисленных жилищ, в большинстве своем очень небольшого размера. Почва, развалы камня и осыпи диабазов переполнены обломками черепицы и посуды. Именно урочище Осман, где в прошлом было очень плотное поселение, является источником находок для артековской археологической коллекции. Здесь масса черепицы и боя средневековых пифосов и амфор, но вместе с ними попадаются обломки посуды эллинистического времени и лепной эпохи тавров. Артековская коллекция в 1963 г. включала ручку эллинистической амфоры с клеймом астинома (рис. 36), множество обломков остродонных амфор, не характерных для средневековья, обломки чернолаковой посуды. Все это найдено в развалах строительного камня на урочище Осман.

Место это практически еще не тронуто археологами. В 1963 г. О. И. Домбровским и автором здесь были проведены расчистки завалов в двух постройках, и оказалось, что почва и развалы камня таят в себе такое обилие культурных остатков, которое можно объяснить только тем, что поселение на урочище Осман существовало очень длительное время.

Рис. 36. Клеймо на ручке эллинистической амфоры. Ручка найдена на урочище Осман в развалах западного поселения. Коллекция Артека, 1963 г.

Оно возникло здесь не случайно. Чем мог привлечь к себе каменистый склон в опасном соседстве с грозящими обвалом скалами? Почему именно здесь, а не в гарантирующем безопасность отдалении угнездилось эллинистическое, а затем и раннесредневековое поселение? Причина этому была, и весьма существенная.

Дело в том, что все источники воды в округе Аю-Дага находятся, как говорилось, в зоне контакта диабазов со сланцами. Их несколько и на урочище Осман. Вода являлась главной притягательной силой; ради нее жители поселения мирились с заведомо опасным соседством скал и поплатились за свою непредусмотрительность. До основательных раскопок нельзя сказать, пережило ли это поселение одну или несколько катастроф, но о том, что по крайней мере одна катастрофа была, говорят полупогребенные под развалами диабазов разрушенные жилища.

Еще более выразительна картина катастрофической гибели поселения на юго-западном плече Аю-Дага. В 1963 г. его раскапывал О. И. Домбровский. Под грудами камня оказались скрыты не только черепичные обломки и основания разрушенных зданий, но и, фигурально выражаясь, страницы еще не писанной истории средневековых поселений Южного берега. Южнее урочища Осман берег прорезан небольшой балкой, наполовину заваленной глыбами диабазов, перемешанными с глиной и щебнем. Восточнее балки находится крутой склон юго-западного плеча Аю-Дага (см. рис. 29). Это древний делювиальный шлейф, состоящий из глинисто-щебенистой массы (продуктов выветривания сланцев) и диабазовых глыб, свалившихся с юго-западных обрывов Аю-Дага. Обрывы возвышаются над склоном 100—150-метровой стеной. Похоже на то, что делювиальный шлейф представляет собой результат древних катастрофических обвалов диабазовых скал. Некогда он простирался дальше в море, но постепенно был абрадирован. Береговые обрывы поднимаются на 30—50 м от уровня моря и снизу доверху сложены одними и теми же глинисто-щебенисто-глыбовыми отложениями. Абрадированная часть их простиралась в море по меньшей мере на 70—100 м. В восточном направлении они выклиниваются. Проникнуть на крутой склон юго-западного плеча Аю-Дага можно только со стороны урочища Осман, откуда к нему подходят старые дороги, заканчивающиеся у заброшенных каменных карьеров. Из них вывозился тесаный штуч-

ный камень для постройки южнобережных имений. До сих пор в заросших кустами и бурьяном карьерах можно видеть глыбы диабаза, брошенные в разной стадии обработки, с цилиндрическими шпурами для пороховых зарядов.

Главная дорога на юго-западном плече Аю-Дага проходит вдоль всего склона с северо-запада на юго-восток и заканчивается узкой тропкой на крохотной площадке над сланцевой кручей и под вздымающейся над головой стеной диабазов.

Известно, что, будучи в Гурзуфе, Пушкин совершил непродолжительную экскурсию на Аю-Даг. По немногим дошедшим до нас сведениям можно приблизительно восстановить путь этой экскурсии: от Гурзуфа, через долину Суук-Су, по берегу моря мимо урочища Артек, по старой дороге на юго-западное плечо Аю-Дага до крохотной площадки над сланцевой кручей, откуда так хорошо виден Южный берег во всем его великолепии.

Волшебный край, очей отрада!
Все живо там: холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин приютная краса,
И струй и тополей прохлада—
Все чувство путника манит,
Когда, в час утра безмятежный,
В горах, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бежит
И зеленеющая влага
Пред ним и блещет, и шумит
Вокруг утесов Аю-Дага...

Под пологом густого леса на крутом склоне юго-западного плеча прячутся остатки средневекового поселения. Среди зарослей дуба, ясеня, клена, рябины, можжевельника много одичавших корявых олив, старых фисташковых деревьев, толстых виноградных лоз, пробивающихся из-под каменных развалов. У самого начала поселения поперек склона прослеживаются развалы стены, которая защищала поселение с западной стороны.

Раскопки открыли картину неоднократного возобновления построек на одном и том же месте. Фундаменты их налегают один на другой в три-четыре слоя. Менялась и планировка строений. На всей площади поселения — в почве и развалах строительного камня, во внутренних завалах построек и в глинисто-щебенисто-глыбовом делювии, а также на нешироком глыбовом пляже под обрывами — рассеяно колоссальное количество обломков средневековой керамиды и гончарной посуды: гладкостенных и рифленых амфор, кувшинов, пифосов с рельефными валиками на плечиках, мисок, чаш, тарелок; здесь же — железные кованые гвозди, обломки индигово-синих стеклянных браслетов. В разрушенных жилищах найдены разбитые на куски глиняные чаши и тарелки с желтой, желтовато-зеленой и зеленой глазурью, с геометрическим или растительным орнаментом. Одна из разрушенных построек, судя по многочисленным кускам шлака и кованого железа, оказалась кузней. Это, по-видимому, было богатое приморское поселение; оно не раз разрушалось каменными лавинами, таков же был и его конец где-то в XIII—XIV вв.

Мы не знаем, какое название носила местность у западного подножия Аю-Дага в античную эпоху и средние века и как тогда именовались оба поселения — западное и юго-западное [13]. Не здесь ли размещались те самые Горзувиты или часть тех самых Горзувит, о которых писал Прокопий?

Вернемся к укреплению на вершине Аю-Дага. Какое отношение к нему имеет рассказанное вкратце о западном и юго-западном поселениях у подножия горы? С одной стороны, и там, на вершине, и здесь, у подножия, мы сталкиваемся со следами сейсмических катастроф, с другой — нас поражает контраст между немым, лишенным культурных остатков укреплением и поселениями у подножия, развалы которых переполнены керамикой. Выходит так, что исар на Аю-Даге был построен, но не использовался, не испытал осад.

Каким бы выгодным ни представлялось положение укрепления на вершине горы, попробуем дать трезвую оценку условиям, в которых оказались бы его защитники. Это — и отсутствие водоисточников в соседстве с укреплением, и исключительно длинный подход к нему со стороны Партенитской долины и Артека, где только и могли находиться удобные для возделывания угодья, и почти постоянные сильные ветры, и частые туманы осенью и зимой. Нет, вершина Аю-Дага — совсем не подходящее место для жилья. Отсидеться на ней за крепостными стенами — еще куда ни шло, но жить там невозможно. Однако и в оборонном отношении крепость эта сама по себе далеко не совершенна. Обратите внимание на ровное предполье с западной, южной и восточной сторон! Оно очень удобно для осадных действий. Достаточно проникнуть по отрогам горы (со стороны Партенитской долины) на вершину, и крепость окажется блокированной.

Я долго ломал голову над этой загадкой Аю-Дага. Одно время мне казалось, что укрепление было построено и заброшено, ибо строители поняли, что промахнулись с выбором места. Но ведь в других случаях они не делали таких ошибок! Четыре десятка исаров Южного берега и крепостные сооружения в Горном Крыму и предгорьях возведены с таким тщательным учетом рельефа местности и окружающих условий, что оказали бы честь самому искусному фортификатору. Нет, дело не в ошибке! Как-то О. И. Домбровский высказал предположение: а не есть ли весь этот оборонительный периметр на вершине Аю-Дага попросту загон для скота на случай военных ситуаций? Маловероятное предположение! Зачем в таком случае строить боевые стены полного профиля, и — опять же — как быть с водой, которой для скота нужно не меньше, а больше, чем для людей.

В 1965—1967 гг., когда более подробно был исследован северный склон горы, опускающийся к Партенитской долине, стало понятно, что укрепление на вершине построено не случайно. Оно действительно не использовалось, так как, по-видимому, необходимости в этом ни разу не возникло, но оно занимало точно определенное и очень ответственное место в системе обороны всего горного купола. Не тавры строили эту крепость, а жители средневекового Партенита, выполнив всю линию обороны Аю-Дага с такой простотой и изяществом, которые говорят об их совершенном военно-фортификационном искусстве в традициях византийского крепостного строительства.

IX

ПАРТЕНИТ — ПРИМОРСКИЙ УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН

А деву я умчу в далекий край
И там своей ее поставлю жрицей...

И некогда прославят песни смертных
Таврической Ифигении рок.

Еврипид

Прежде всего я должен отметить, что не только одни поэты признавали достоверность мифов.

Страбон

Шоссе Алушта — Ялта режет холмы и овраги берегового склона на высоте 300—400 м над ур. м. Минуя седловину у Малого Ай-Тодора, оно устремляется на юго-запад. Слева, по ходу, появляется темно-зеленый горб Аю-Дага на фоне ослепительно сияющего под лучами полуденного солнца моря. Далеко внизу, у самого подножия горы, в окружении зелени парков и располосованных куртинами виноградников белеют разбросанные группами здания, притнувшиеся к морю у берега отлогой бухты. С высоты верхнего шоссе здания кажутся игрушечными — это многоэтажные жилые дома и корпуса санаториев.

Там — у моря, в устье плодородной долины — раскинулся Партенит. Сейчас его называют поселком Фрунзенским, но Партенитом он именовался полторы тысячи лет, если не больше, и крымчане, особенно сторожилы, продолжают пользоваться старым названием, в котором история Крыма слилась воедино с легендами и мифами ахейского мира.

Нам предстоит совершить две экскурсии к Партениту — от вершины Аю-Дага и от мыса Плака. Это поможет разобраться в некоторых особенностях дислокации средневековых исаров. Получит объяснение и загадочное укрепление на вершине Аю-Дага.

1

Тропа от укрепления на вершине Аю-Дага до «артековской» поляны с «заветным дубом», в дупле которого всегда находится куча ребячьих записок, ведет к нескольким интересным пунктам.

Первый из них — небольшая поляна в 20 минутах ходьбы от укрепления (см. рис. 28; 29, *3*). От «артековской» поляны тропа спускается к юго-востоку, петляя среди нагромождений гигантских диа-

базовых глыб и скал, затем поворачивает к северо-востоку, пересекает пологое лесистое понижение на куполе Аю-Дага и опять поворачивает к юго-востоку, выскакивает из зарослей кустов на поляну и через несколько десятков метров снова ныряет в кусты. На упомянутой поляне торчит невысокий (не более 1 м) камень. Доводилось слышать не только от экскурсоводов, нередко склонных ко всякого рода преувеличениям, но и от лиц, специально занимающихся археологией, что камень этот не что иное, как алтарный престол, своего рода жертвенник. Это не так. Серая диабазовая глыба установлена здесь самой природой и представляет собой полускальный выход пород, кстати говоря не единственный на поляне. На самом камне нет признаков обработки, а вокруг — совершенно ровное место и никаких признаков нахождения здесь в прошлом храмовой постройки.

И все же поляна интересна в том отношении, что в небольшом слое красноцветной почвы и в глинистом элювии на диабазах рассеяны мелкие куски и крошка черепицы и гончарной посуды. Возможно, на поляне когда-то находились жилища — иначе откуда бы здесь взяться обломкам черепицы.

Примерно в 600 м к юго-востоку тропа выходит на вторую поляну, обрамленную густыми зарослями кустов. В них прослеживаются остатки межевых стенок, кладка которых напоминает татарские дувалы. Здесь же — развалы двух-трех каменных хибарок, а в верхней части гигантоглыбового хаоса диабазов, обращенного к юго-востоку, видны не очень четкие следы стен и апсиды небольшого храмика, а вокруг — обломки средневековой керамики. Именно об этом пункте и говорилось в одной из предыдущих глав как о возможном створном маяке на Аю-Даге (см. рис. 19; 29, *4*).

От второй поляны тропа поворачивает в северном направлении, спускается по крутому сланцевому склону (выходы сланцев довольно скоро сменяются выходами диабазов) и превращается в настоящую дорогу, ведущую в Партенит, правда очень старую, местами сильно размытую, но с четкими колеями, с подпорными стенками с внешней, восточной, стороны. Стенки, кое-где сложенные из очень крупных глыб, сами по себе нисколько не удивительны — обычная деталь крымских дорог самого различного времени, но в данном случае (см. рис. 29, *7*, *8*) приходишь к заключению, что и крепиды, и дорога древние. Кладка крепид сильно расселась, полотно дороги вследствие эрозии опустилось ниже базального ряда кладки, а в одном месте поперек дороги и вверх по склону протянулся ряд глыб — остатки охранной стены, преграждавшей путь на вершину горы.

Неподалеку от этого места вправо и вниз от основной Партенитской дороги отходит проезжая дорога, спускающаяся по восточному склону Аю-Дага к каким-то постройкам. Старые справочники указывают в этом месте развалины незаконченного строительством монастыря (очевидно, во второй половине прошлого столетия), здесь же начиналось строительство погранзаставы или какого-то другого комплекса зданий (см. рис. 29, *5*). Ниже находится узкая седловина, загроможденная глыбами, и дальше — мыс Аю-Даг — диабазовая скала, обрывающаяся в море.

С вершины Аю-Дага можно видеть в северной стороне Партенитскую бухту, мыс Плака, гору Кастель, в юго-западной — мористый и наибольший из двух Адаларов — скалистых островков у Гурзуфа, сам Гурзуф, Никитский мыс, мыс Ай-Тодор. Это прекрасный наблюдательный пункт, пять девятых панорамы которого составляет морской горизонт!

На крохотной площадке скалистой вершины мыса все еще видны остатки четырехугольной постройки размером около 2×4 м с толщиной стен 0,6—0,7 м (см. рис. 29, *6*). Она была сложена из средних и мелких плитчатых глыб, связанных прочным известково-галечным раствором с керамической крошкой. Кстати говоря, это одно из двух мест на Аю-Даге, где средневековая кладка была выполнена по всем правилам. Для маленькой постройки на мысе Аю-Даг потребовалось немного извести и гальки. То и другое могло быть доставлено с любого расстояния, даже по трудной горной дороге, по глыбовому бездорожью. В развалах камня попадаются обломки травертина. Скорее всего, на вершине мыса располагался храмик-маяк, составлявший один из навигационных створов на подходе к Партенитской бухте.

2

Мысленно перенесемся с Аю-Дага на мыс Плака и проделаем путь от Кучук-Ламбата до Партенита по берегу моря.

Южнее Кучук-Ламбата раскинулась парковая зона Карасана. В удалении от берега расположен старый дворец генерала Раевского (теперь санаторий «Карасан») — оригинальное сооружение в мавританском стиле. Берег у Карасана и дальше к югу, у Чокурлара (Ямы), сложен сланцами, прорезан оврагами, подвержен оползанию. В парковой зоне встречаются участки, где в почве рассеяны обломки средневековой керамики.

За Чокурларом в море выдается высокий диабазовый мыс Партенит. Взбираясь по крутому боку мыса, попадаешь к старым карьерам, из которых в недалеком прошлом население Партенита добывало диабазовый порфирит для нужд местного строительства. Трехвершинный массив мыса назывался холмом Калапоти. Между тремя вершинами зажата тесная котловина, отчасти занятая постройками старого Партенита; сланцевая и глинистая почва котловины содержит множество обломков керамид, амфор, пифосов, кухонной посуды — обычный для Южного берега набор средневековой керамики. Кое-где заметны развалы старых построек, террасы на склонах, подпорные стенки.

Поле рассеяния средневековой керамики протягивается к южной скалистой вершине мысового холма. На склоне, обращенном к долине рч. Партенит, сохранилась старая часть Партенита: тесно расположенные небольшие каменные домики, кривые улочки шириной в два шага, тупички, подпорные стенки и каменные заборы, и при всем том — кучи современного и старого строительного мусора, среди которого постоянно находишь средневековый материал. Располагавшееся здесь небольшое поселение занимало склоны холма и котло-

вину. Разнопрофильная черепица даст основание отнести его возникновение к периоду между VI и X вв. Обломки мисок и тарелок, покрытых желтой и зеленой глазурью, свидетельствуют о том, что это поселение продолжало функционировать и после XII в., а россыпи раковин указывают на занятие его населения морским промыслом, что и понятно — море находится рядом.

Рельеф места — скалистые обрывы берега, замкнутая со стороны суши котловина между тремя холмами мысового массива — удобен для создания здесь укрепления. По-видимому, оно и было здесь — небольшое укрепление типа приморского редута, с наиболее недоступной частью на скалах самого мыса, на которых заметны вырубы под основание крепостной стены и плохо сохранившиеся кладки. Греческое название *Калапоти* (от *Калаподи* — см. ниже) было татаризовано в Кала-Пот, что может быть переведено как «крепость идолов», «крепость кумирни» или что-то в этом роде — вариант названия, конечно, не случайный, намекающий на крепостное сооружение.

В приустьевой части долины рч. Партенит, бегущей с гор, от Роман-Коша, много пологих участков, издавна используемых под виноградники и занятых приморским парком. Берег моря между мысом Партенит и Аю-Дагом протянулся полосой песчано-галечного пляжа. За ним, в парковой зоне, раскинулись здания санатория, а дальше от берега — группы домов нижней части Партенита — пос. Фрунзенское. Широкое строительство ведется на южных склонах долины. Группы многоэтажных домов рационалистической архитектуры занимают также вершину холма Калапоти (рис. 37); с каждым годом плотность застройки увеличивается, а территория ее расширяется. Строительство могло бы помогать раскрытию истории Партенита при постоянном археологическом надзоре, но его нет. То, что удается увидеть во время коротких эпизодических посещений, свидетельствует о начале истории Партенита по крайней мере с раннего средневековья. В траншеях и котлованах, в шурфах для установки столбов и дорожных выемках — тут и там на склонах холма и в долине попадаются керамические обломки, развалившиеся кладки, вкопанные в землю пифосы, плиточные могилы с христианским обрядом погребения. В большинстве случаев от всего этого остаются только рассказы строителей и потерявшие свое место вещественные доказательства.

Площадь, на которой рассеяны остатки средневековой жизни, составляет несколько десятков гектаров и находится в нижней части долины и на холме Калапоти. На месте Партенита в средние века был, как видно, обширный населенный пункт, не уступавший средневековой Алуште. Он находился на берегу бухты с удобным пляжем и в долине со значительными участками ровных земель, под боком у Аю-Дага. По-видимому, жизнь Партенита и Аю-Дага, существовавших рядом, была тесно связана.

Приморская часть долины — не единственное место средоточия культурных остатков средневековья. Поднимаясь вверх по долине, находишь немало средневековых поселений хуторного типа. Цепь

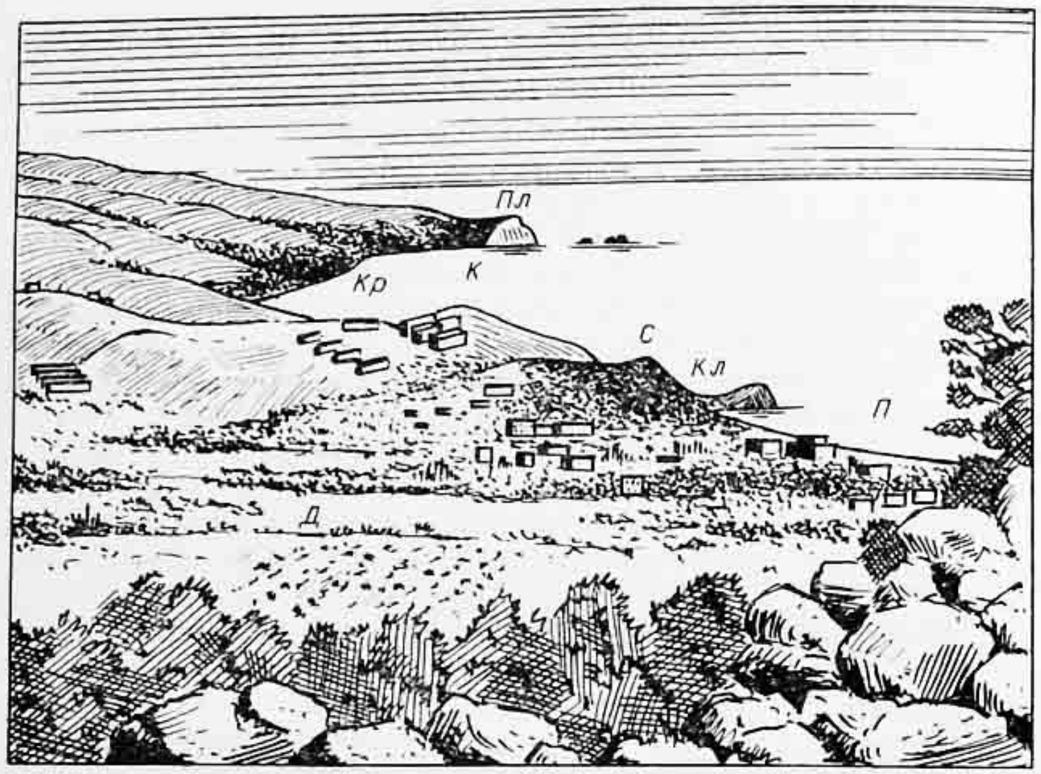


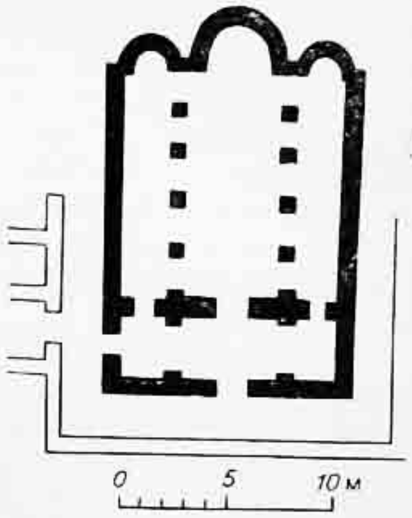
Рис. 37. Вид на Партенит и берег моря с оборонительной стены нижнего укрепления Аю-Дага.
Пл — мыс Плака; К — Кучук-Ламбат; Кр — берег у Карасана и парковая зона; Кл — мыс Калапоти (Партенитский); С — старая часть Партенита со следами средневекового укрепленного поселения; П — Партенитская бухта с пляжем и нижний Партенит; Д — долина рч. Партенит, дорога к верхнему шоссе.

их поднимается к горам. В большинстве случаев от них остались ореолы рассеяния керамического материала. Каменные кладки были разобраны для позднейших построек. По масштабам средневековья долина была густо заселена. В нижнем и верхнем Партените и в разбросанных поселениях хуторного типа могло быть до нескольких сотен жилых построек и тысячи полторы-две жителей.

3

К какому времени относится возникновение Партенита? Разумеется, не случайно уже в древности у мыса Плака возникло поселение. Но небольшая бухта возле Плака — всего лишь деталь Партенитской бухты, не имеющая к тому же больших преимуществ, например, перед берегом в устье Партенитской долины. У мыса Плака местность не так удобна для долговременных аграрных поселений, как Партенитская долина — обширная и плодородная, защищенная от сильных ветров, орошаемая речкой и с массой водоисточников. Не может быть, чтобы все эти плюсы не привлекли к ней внимание уже в период греческой колонизации! Возможно, тот самый Лампадон, который упомянут в перипле Арриана, имеет прямое отношение к Партениту, хотя о Партените ни в одном из древних источников сведений нет [1].

Рис. 38. Трехапсидная базилика Апостолов (Петра и Павла) в Партените, VIII в. Реконструирована в начале XV в. (по Н. И. Репникову).



Возникновение этого пункта и его назначение нельзя отнести к позднейшему времени, скажем к концу XVIII столетия, так как д. Партенит значилась в числе деревень Мангупского кадылыка и в XVII в. Более того, и в XIV—XV вв. этот пункт назывался так же, он обозначен в генуэзских документах. Тогда Партенит принадлежал генуэзцам [2]. В «Китаб ар Руджари» Идриси (около середины XII в.) упомянут Бертабит, который, учитывая порядок перечисления южнобережных пунктов, безоговорочно можно отождествить с Партенитом. Следовательно, уже в XII в. Партенит существовал. Как увидим ниже, он упоминается и в документах, повествующих о еще более ранних событиях.

В 1871 г. в Партените, на правой стороне долины, на окраине поселка, художником Д. М. Струковым были открыты остатки христианской базилики. Сооружение это раскопано Н. И. Репниковым. Прекрасные фотографии раскопок и деталей постройки хранятся в архиве А. Л. Бертье-Делагарда в краеведческом музее Симферополя. Базилика была сложена из тесаного камня, имела три апсиды и три нефа; боковые нефы отделялись от центрального рядами массивных квадратных в сечении столбов (по четыре с каждой стороны); имелся довольно просторный партекс с двумя наружными входами и тремя проходами в нефы (рис. 38). Мозаика пола была очень простой — из красных (кирпичных) и желтых (песчаниковых) квадратиков, уложенных в виде паркета в шахматном порядке [3]. По мнению А. Л. Якобсона, облик базилики, принадлежавшей монастырю Апостолов, носит определенно провинциально-византийский характер и ярко выраженное стремление к архитектурному аскетизму [4].

Сооружение базилики относится к концу VIII в. В предалтарной части мозаичного пола была вставлена мраморная плита с высеченной на ней греческой надписью; перевод ее: «Всечестный и божественный храм святых, славных, всехвальных и первоверховных апостолов (Петра и Павла.— **Л. Ф.**) построен от основания в древнее время иже во святых отцом нашим и архиепископом города Феодоро (Мангуп.— **Л. Ф.**) и всей Готии Иоанном исповедником. Ныне же возобновлен в настоящем его виде преосвященнейшим митрополитом города Феодоро и всей Готии владыкой Дамианом в лето шесть тысяч девятьсот тридцать шестого (1427 г.— **Л. Ф.**), индикта шестого месяца сентября в десятый день»[5].

Ссылка на исповедника Иоанна заставляет нас обратиться к житию Иоанна Готского (VIII в.), из которого известно, что этот ка-

понизированный преосвященник был родом именно из Партенита, участвовал в антихазарском восстании 787 г., был заточен в Фулах, спасся бегством за море, в Амастриду, скончался там, и его останки были привезены для захоронения на родину, в «торжище Партениты»[6]. В имении Раевских, у подножия Аю-Дага, в конце прошлого столетия была найдена беломраморная плита размером 44×27×2 см, разбитая на 15 кусков, с эпитафией, сочиненной монахом Николаем в память об игумене Партенитского монастыря Никите. Эпитафия датирована 906 г.[7]

Таким образом, и в VIII в. поселение у подножия Аю-Дага носило то же название и именовалось к тому же торжищем, следовательно, имело немаловажное значение для экономики Южного берега и, будучи расположенным у моря, безусловно, представляло собой не только торговый, но и значительный портовый пункт.

Надо полагать, базилика, построенная Иоанном Готским и «возобновленная» митрополитом Дамианом, не была первой храмовой постройкой в Партените. Если об этом ничего не говорится в упомянутой надписи, то это еще не значит, что в Партените не было храма эллинских богов. В христианской эпиграфике, как правило, нет упоминаний о культовых сооружениях языческого эллинизма. Этого мы и не вправе ожидать от нее, зная о бешеной непримиримости христианских каноников греко-византийского времени к язычеству времен до Диоклетиана и Константина.

Само название поселения говорит о том, что еще задолго до базилики Иоанна Готского в Партените был храм, и не просто храм, а посвященный Диане-девственнице (Артемиде, Ифигении), культ которой, как предполагают, был заимствован эллинами из верований варваров в богиню Деву, Орсилоху[8]. Название *Партенис* сродни словам *Парфенон*, *Парфений* и им подобным, происходящим от греческого παρθένος, или παρθενών, — девичий, в узком смысле — Дианин. Разумеется, вначале оно могло быть присвоено храму, а затем уже перешло на поселение.

Вроде бы ничто не мешало именно здесь, в Партените или на склонах Аю-Дага, предположить существование храма Ифигении и именно сюда перенести все заключительное действие мифа об Ифигении, Оресте и Пиладе[9]. Однако воздержимся от подобного соблазна и ограничимся установлением преемственности современного Партенита (пос. Фрунзенское) от средневекового Партенита и от Партенита времен греческой колонизации. В топонимике его окрестностей есть и другие элементы греческого происхождения, в частности холм Калапоти, действительно напоминающий в определенном ракурсе сапожную колодку (от греческого καλαπόδι — сапожная колодка).

Обратим внимание еще на одну деталь в положении Партенита. Предполагалось, что в Партените находилась судоверфь. Кто первый высказал эту мысль — трудно сказать, но она не невероятна. Раз Партенит являлся хотя бы в средние века известным торговым и портовым пунктом, почему бы и не быть в нем судоверфи? Удобная бухта с отлогим пляжем и низинным устьем речной долины — не так-то

часто встречается такое сочетание благоприятных условий на Южном берегу Крыма! Добавьте к этому обилие леса на горном куполе Аю-Дага. Верховья Партенитской долины доходят до подножия Роман-Коша и Бабуган-Яйлы, покрытого лесами высокоствольной — настоящей корабельной — сосны и бука не дальше чем в 7 км от Партенита.

4

Отрывочные сведения о древностях Аю-Дага в трудах путешественников XVIII—XIX столетий явились причиной невероятной путаницы по этому предмету в более поздних сочинениях. Как сейчас увидим, затруднения в локализации и отождествлении памятников старины пришлось испытать уже П. И. Кеппену.

Паллас писал о монастыре Константина и Елены, находившемся внутри укрепления на Аю-Даге, но, по мнению Кеппена, вряд ли Паллас успел побывать на самой вершине и скорее всего имел в виду какие-то руины в получасе пути до нее. На нашем плане (см. рис. 29) это соответствует двум полянам под номерами 2 и 3, но я не очень уверен, что речь идет именно об этом месте. Не очень пространное замечание Палласа — это уже начало путаницы: Кеппен искал храм Константина и Елены на вершине, куда Паллас и не собирался отсылать читателя, ибо, говоря об укреплении, он имел в виду вовсе не укрепление на вершине.

Кларк в развалинах храма (или монастыря) еще видел два столба белого и два столба зеленого мрамора. Вероятно, речь идет о круглых, без каннелюр, колоннах. Два зеленых столба по приказанию князя Потемкина были отправлены в Херсонес для строившегося там собора Владимира, а одну беломраморную колонну с рельефным крестом видел Дюбуа де Монпере, по словам которого она была перевезена князем Воронцовым в Гурзуф, а затем в Алупку.

В XIV томе «России» имеются следующие сведения о древностях Аю-Дага. Привожу текст с незначительными купюрами: «На восточном выступе Аю-Дага (скорее всего, имеется в виду северо-восточное плечо.— **Л. Ф.**), среди деревьев, покрывающих гору до самой вершины, видны остатки церкви, возле которых сохранились следы жилищ. Здесь было найдено несколько мраморных колонн и других архитектурных украшений... Полагают, что названные украшения принадлежали стоявшему здесь храму св. Константина и Елены. На полпути до вершины Аю-Дага тропа достигает остатков древней стены, местами хорошо сохранившейся, проходит через прогалину, где, вероятно, были крепостные ворота, и поднимается на выступ, следуя вдоль стены. Здесь над обрывом, обращенным к морю (прошу обратить внимание, что описание места и ситуации и в данном случае соответствует северо-восточному плечу Аю-Дага.— **Л. Ф.**), виден фундамент большого здания, может быть знаменитого храма таврской богине; от этого фундамента идет двойной ряд башен всего в числе 13, развалины которых сохранились доныне (явная путани-

ца — башен нет; видимо, использовано указание Кеппена о 13 пристенных постройках в укреплении на вершине Аю-Дага. — **Л. Ф.**). На третьем выступе горы, куда тоже направляется тропа, находятся остатки какого-то здания, судя по архитектуре не сходного с церковью, среди развалин которого было найдено много человеческих костей (думаю, что здесь говорится о храмике на мысу Аю-Дага; захоронения в полу и арконсолиях храмовых построек Южного берега — типично византийская традиция. — **Л. Ф.**)»[10].

Читатель, не побывавший на Аю-Даге и не видевший размещение на местности остатков строений средневекового времени, конечно, не заметит в этом описании неточностей. Но они в нем есть. Упомянут храм Константина и Елены и храм таврской богини, но в обоих случаях говорится об одном и том же месте. Упомянуты крепостная стена, затем двойной ряд башен, но, как я уже заметил, эти детали не имеют ничего общего с реальной ситуацией.

Что же в действительности имеется на северном и восточном склонах Аю-Дага? О нескольких пунктах восточного склона горы и о мысе уже говорилось. Сейчас нам остается пройти остаток пути от мыса Аю-Даг до Партенита и разобраться в указанных выше противоречиях и неточностях. Путь этот очень важен для расшифровки загадок Аю-Дага.

Дорога, проходящая восточным склоном Аю-Дага, в полутора километрах от мыса Аю-Дага минует обширные поляны, прижимается к скалистому невероятной крутизны кулуару и, резко поворачивая к северо-западу, сложным серпантином спускается в Партенитскую долину (рис. 29, 39). Упомянутые поляны окружены лесом и заняты группами деревьев. Здесь попадаются старые кевы и кусты мушмулы. До Партенита от полян всего 15—20 минут быстрого спуска, однако следует задержаться и с большим вниманием вглядеться в рельеф местности и группы кустов и деревьев у верховья скалистого кулуара.

Поверхность старой дороги усеяна мириадами керамических обломков; они смыты дождевыми потоками с полян. Потоки начисто испортили дорогу, кое-где она проходит в промоинах глубиной 1,5—2 м, врезанных в красноватый глинистый делювий. В бортах промоин видны тонкие слои щебня, перемешанного с керамикой, и остатки старых дорожных покрытий из камня и щебня.

Петли дороги на спуске к Партениту укреплены каменными кладками — подпорными стенками, кое-где имеющими очень старый вид. Всего этого достаточно, чтобы привлечь внимание к расположенным выше полянам как к месту, откуда происходил в прошлом и продолжается сейчас снос керамики, а также к дороге как к пути на Аю-Даг, которым пользовались в отдаленные времена.

На полянах располагалось средневековое поселение. Груды камней, обычно замаскированные наплывами глинистого делювия и зарослями кустов, занимают здесь площадь 2—3 га. Они представ-

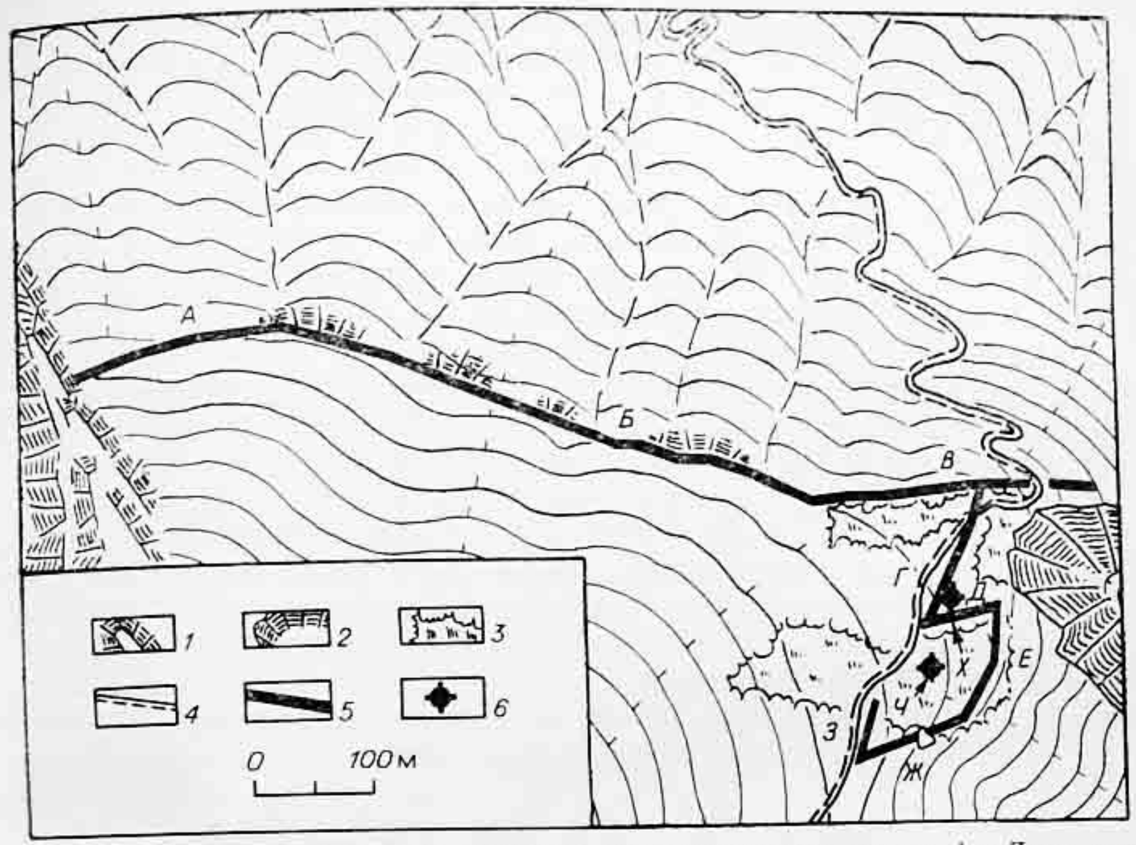


Рис. 39. План нижнего укрепления на северо-восточном склоне Аю-Дага, над Партенитом. Съемка автора, 1966 г.

1 — скальный гребень диабазов; *2* — восточный кулуар; *3* — поляны на северо-восточном плече горы; *4* — старая Партенитская дорога; *5* — оборонительные стены (А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З); *6* — развалы построек (Ч — часовня, Х — базилика, возможно, храм Елены и Константина).

ляют собой развалины жилых построек, которые надежно датируются обычным для средневековья набором обломков керамики, голубых стеклянных браслетов и коваными железными гвоздями. Это как раз то самое место, где нужно искать храм Елены и Константина. Однако я и не предполагал, что именно здесь будет разрешена загадка верхнего укрепления Аю-Дага.

Там, где Партенитская дорога начинает спуск от кулуара по северо-восточному склону горы, по краю нижней поляны прорисовывается в рельефе невысокий вал, совпадающий с перегибом склона и замаскированный густыми зарослями со значительной примесью держидерева. Дорога прорезает этот вал, и в этом месте видны диабазовые глыбы; они прослеживаются в виде цепочки вдоль вала. Справа от дороги сохранилась крупноглыбовая кладка крепостной стены. Стена выходила на бровку северного борта кулуара. Слева от дороги, через несколько десятков метров, задернованный и заросший кустами вал сменяется россыпью замшелых диабазовых глыб, далее — остатком крепостной стены, снова развалом и снова крепостной стеной — и так неоднократно на протяжении нескольких сотен метров, до диабазового скального гребня, пересекающего склон Аю-Дага в северо-западном направлении (рис. 39). Это как раз и есть нижнее укрепление Аю-Дага.

Оборонительный пояс укрепления имеет в целом широтное протяжение и длину 900 м. Его западный фланг (рис. 39, *А*) упирается в скальный гребень; западнее гребня рельеф склона горы непроходим из-за множества скал, каньонов и кулуаров, каменных полок и обрывов (см. рис. 29). Длина западного фланга около 185 м; по точкам съемки крепостной стены указаны азимуты простирания и длина: 1—2 — 68°, 40 м; 2—3 — 75°, 60 м; 3—4 — 88°, 42 м; 4—5 — 80°, 25 м; 5—6 — 85°, 18 м. Стена сильно разрушена, но во многих пунктах кладка сохранилась в высоту до 1,5—2,5 м.

Центральная часть оборонительного рубежа протягивается на 475 м при среднем простирании 105—110° (рис. 39, *Б*), причем изломы стены в плане не очень велики (от 5 до 20°), а длина отдельных куртин, непосредственно переходящих друг в друга, колеблется от 15 до 75 м. Сохранность стены в среднем около 25 %, есть много участков, где кладка поднимается от уровня развалов на 2—2,5 м, а развалы строительного камня ниже по склону занимают зону шириной 5—15 м при их мощности от 1 до 2 м.

Длина восточного фланга (рис. 39, *В*) — 255—260 м, до дороги — 210 м, среднее простирание — 80—85°, изломы стены в плане — 5—10° на участках по 25—80 м. Кладка стены здесь сохранилась хуже всего, ничего не осталось и от ворот, находившихся там, где дорога.

Девятисотметровая стена представляла собой внешний оборонительный пояс. В 50 м западнее дороги видны следы дополнительной стены длиной 140 м, азимут 205—208° (рис. 39, *Г*). Последняя замыкала узкую площадку у верховья кулуара; рядом с ней сосредоточены развалы жилых построек, скрытые лесом. Южнее находился крепостной многоугольник, наподобие внутреннего редута, составленный стенами Д (75°, 70 м), Е (в среднем 200°, 100 м) Ж (240—245°, 90—95 м), З (10°, 50 м). Площадь многоугольника около 0,7 га. Кладка стен Г, Д, Е, Ж, З скрыта под развалами камня и слоем глинистого делювия. Расчистки открывают хорошо сохранившееся основание внутреннего панциря, местами — весь массив боевой стены. Камень стены Г, видимо, вывезен, ибо развалов здесь почти нет; из-под почвы выступают только базальтовые ряды кладки с четкой панцирной структурой (см. ниже).

Общая длина стен нижнего укрепления на Аю-Даге — 1350 м. В масштабе южнобережных исаров — это одно из крупнейших, если не самое крупное фортификационное сооружение средневекового времени.

Стены нижнего укрепления сложены из необработанных диабазовых глыб размером от 1 до 0,2—0,1 м в поперечнике. Крупный материал составляет малую часть объема сооружений и находится главным образом в их основании. Преобладают глыбы с поперечником 0,3—0,6 м, т. е. среднемерные. Целиком гигантоглыбовой кладки нет (рис. 40).

Структура стен нижнего пояса обороны Аю-Дага и стен внутреннего укрепления отчетливо панцирная, как и в верхнем укреплении, на вершине горы. Везде прослеживаются два панциря: наружный, более мощный, и внутренний, менее мощный. На отдельных участках виден третий панцирь (панцирь парапета). Кладка в панцирях приблизительно горизонтально-рядовая, местами — полигональная. Крупность материала между панцирями меньше, чем в панцирях, но ненамного; щебня в забутовке почти нет. Это характерно и для верхнего укрепления и объясняется, по-видимому, тем обстоятельством, что диабазовые глыбы специально не дробились на щебень из-за трудности их обработки, а естественное разрушение диоритов такого материала почти не дает.

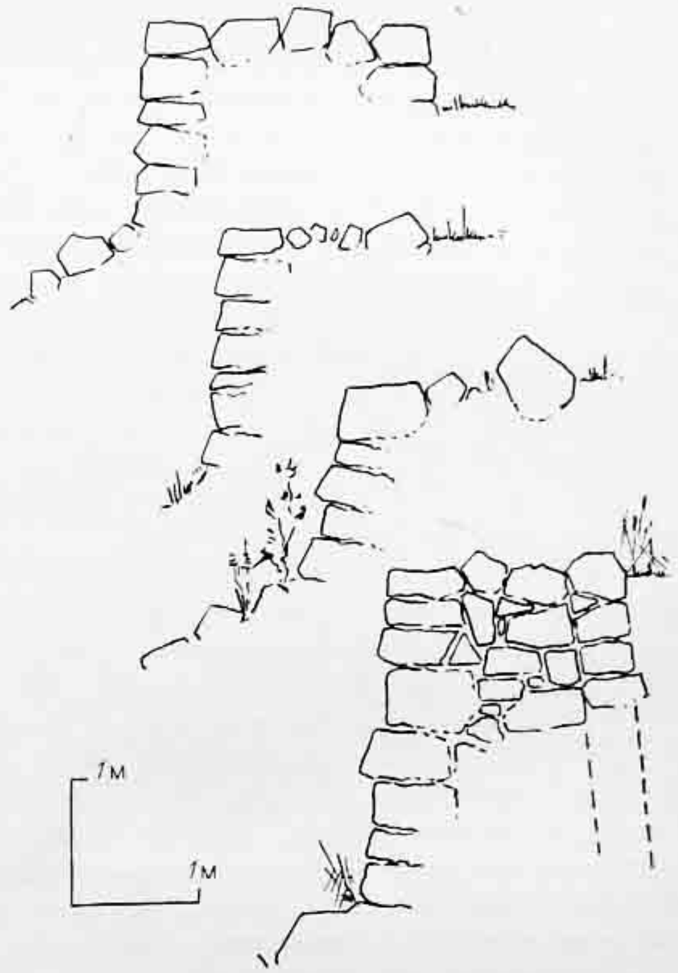


Рис. 40. Поперечные профили оборонительной стены нижнего укрепления на Аю-Даге. Характерна двухпанцирная, в некоторых пунктах — трехпанцирная кладка. Наружный панцирь на всех профилях — слева. Нижний профиль — разрез стены в борту крупной промоины на склоне.

Высота сохранившихся стен — от 0,5 до 2,5—3 м, их ширина по верхним рядам кладки — от 1,5 до 2 м, у основания (определяется геометрически) — около 2 м. В северной части стены Г (см. рис. 39), где из-под почвы выступают камни нижнего ряда панцирной кладки, ширина 2,20±0,05 м, т. е. такая же, как и в верхнем укреплении.

Кладка расселась, и первичные наклоны панцирей изменились, но там, где этих деформаций нет, поперечный профиль стен имеет трапецеидальный вид. Учитывая мощность развалов, удается определить первоначальную высоту стен от основания наружного панциря — около 6—7 м. С внутренней стороны благодаря рельефу склона высота их меньше на 1—2 м.

Кладка сооружений нижнего укрепления была выполнена без применения вяжущего раствора, по крайней мере без гравийно-галечно-известкового вяжущего раствора. Остатков его нигде нет, находки отдельных галек случайны.

Сравнение верхнего и нижнего укреплений Аю-Дага по особенностям кладки говорит об их полном сходстве. Они и принадлежат, несомненно, к одному времени, единой оборонительной системе горы.

На полянах в пределах укрепления заметны невысокие холмики — перекрытые делювием и задернованные развалы жилых построек. На открытых местах их немного. Большое число построек находилось в зоне между стенами Г и Д, западнее стены Г. Развалы их скрыты в зарослях кустов и деревьев. Большинство жилищ имело размеры менее 4×6 м. Ориентированы они были по-разному, располагались с различной плотностью и не составляли, по-видимому, хорошо распланированного жилого массива.

Приблизительно посередине многоугольника внутреннего редута находятся развалы крупного строения, они занимают площадь около 100 кв. м. В прошлом, неизвестно кем, здесь были предприняты раскопки. Сама постройка напоминает одноапсидную часовню размером 3,5×6 м, ориентированную по азимуту 120°, т. е. с склонением в 30° от востока к югу, что необычно для храмовых сооружений Южного берега.

Несколько севернее, там, где стены Г и Д образуют угол, находятся остатки крупной (не меньше 7×13 м), по-видимому трехапсидной, базилики, ориентированной по азимуту 85°, т. е. почти строго на восток (см. рис. 39, X). Возможно, это и есть тот самый храм Елены и Константина, о котором писали Паллас и Кеппен. Находиться он мог только здесь: особенности места совпадают с приблизительным его описанием. О церковном характере постройки говорят ее восточная ориентировка, обилие черепицы и небольшой процент обломков посуды, блоки пористого известкового туфа клинчатой формы, куски белого мрамора. По всей вероятности, здесь и были найдены мраморные колонны, о которых говорилось выше.

О возрасте нижнего укрепления можно судить по набору керамических обломков. Они рассеяны на подходах к укреплению, вдоль старой Партенитской дороги, на полянах внутри укрепления, в развалах построек и оборонительных стен внутреннего редута. Расчистки вдоль вала на месте стены Е (см. рис. 39) открыли мощный слой битой черепицы; обломки ее скопились у внутреннего панциря стены благодаря сносу с поверхности поляны вместе с глинистым делювием, перекрывшим развал строительного камня. Множество битой черепицы и посуды находится в восточном кулуаре и на прилегающих участках восточного склона.

Плоская керамида имеет характерные для средневековой черепицы треугольные, прямоугольные, трапециевидные боковые бортики, парные дождевые валики, грекоалфавитные ремесленные знаки. Глинистое тесто содержит значительную примесь песка, мелкой разноокрашенной щебенки, гравий и отличается не очень высоким качеством обжига. Среди обломков посуды преобладают гладкостенные и рифленые амфоры, гладкостенные кувшины, гладкостенные или ленточные пифосы, неглазурованные миски и чашки. Обломки глазурованной посуды единичны. В развалах построек помимо этого материала найдены железные кованые гвозди, обломки индиговосиних стеклянных браслетов, глиняные пряслица, совершенно изъеденный ржавчиной небольшой (3 см) железный нательный крест, выгнутый из длинной полоски.

Соотношение разных видов керамики меняется в пределах укрепления, но в целом приблизительно следующее (в % от общего числа учтенных обломков):

Кровельная черепица	49,8
Пифосы и вообще крупные сосуды	14,9
Амфоры и кувшины	22,3
Кухонная посуда	12,5
Глазурованная посуда	0,5

Число обломков на 1 кв. м поверхности (в слое до 10 см мощностью) сильно различалось на выбранных для статистического подсчета площадках — оно варьировало от 0,5 до 25 экз. Затруднительно определить какое-либо среднее значение, но можно сказать, что общая масса керамического материала в нижнем укреплении очень велика. Это несомненный признак длительности его функционирования. О том же говорит и исключительная разноформенность черепицы, что, впрочем, характерно почти для каждого исара Южного берега.

Принадлежность нижнего укрепления Аю-Дага к группе средневековых сооружений не вызывает сомнения, хотя еще предстоит разобраться в том, когда конкретно оно возникло и в какое время было разрушено и покинуто. Партенитская базилика «возобновлена» Дамианом в 1427 г., следовательно, разрушена она была в предшествующие столетия. Тогда же, надо думать, подверглось разгрому и нижнее укрепление на Аю-Даге.

6

Нижнее укрепление рационально вписывалось в рельеф северо-восточного склона горы. Наружная боевая стена находилась достаточно высоко от подножия и, протянувшись от скальных гребней до восточных обрывов, препятствовала проникновению на Аю-Даг со стороны Партенитской долины. Поперечная стенка и внутренний редут скорее всего представляли собой окружение храма и служили дополнительной преградой. Восточный склон не был удобен для штурма из-за крутизны и скалистого берегового обрыва, но на небольшом пятачке берега, в устье восточного кулуара, был вполне возможен десант, а следовательно, и штурм укрепления по кулуару.

Следы укрепления на мысе Партенит укрыты среди тесно расположенных домишек, многие из которых достались нашей эпохе в наследство еще от старой татарской деревеньки. Россыпи средневековой керамики свидетельствуют о том, что на этом месте, не слишком удобном для открытого поселения, находился небольшой береговой исар. Это был всего лишь маленький редут для охраны пляжа в устье долины рч. Партенит со стороны Кучук-Ламбата и мыса Плака. Главное укрепление с приличествующим ему храмом располагалось на северо-восточном плече Аю-Дага и было связано дорогой с портово-торговым пунктом Партенит.

Окинем взглядом все рубежи Аю-Дага. Периметр горного купола по его подножию составляет почти 10 км, из них 8,5 км — сплош-

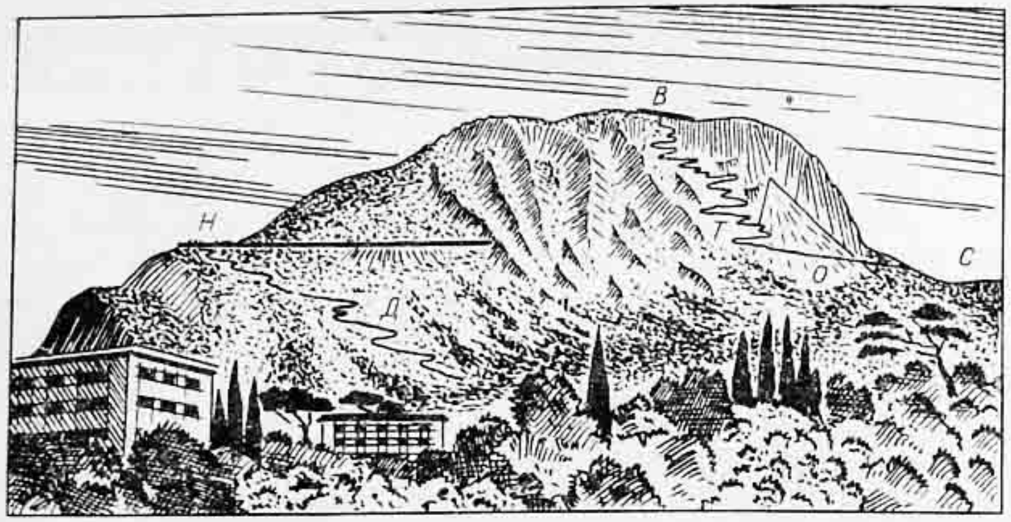


Рис. 41. Вид на Аю-Даг с северо-востока, со стороны Партенита.

В — верхнее укрепление; Н — нижнее укрепление; Д — старая Партенитская дорога; Т — туристская тропа по северному склону горы; О — крупные осыпи у подножия скал северного склона; С — северная седловина — развилка дорог на Партенит и Артек.

ная лента скалистых обрывов высотой от 50 до 150 м. Это превосходный естественный оборонительный рубеж, одолеть который невозможно. Слабым местом является западный кулуар (см. рис. 29), между урочищем Осман и юго-западным поселением, но и здесь достаточно немногих защитников, чтобы устроить настоящие Фермопилы. Сравнительно спокойный рельеф северо-восточного склона горы на участке около километра (рис. 41) — единственный проход на горный купол Аю-Дага, однако его заслоняло нижнее укрепление, замкнувшее разорванное кольцо неприступных обрывов.

Оценивая возможные пути проникновения на Аю-Даг, волей-неволей приходишь к выводу, что и верхнее укрепление, о котором говорилось в предыдущей главе, было построено на вершине не случайно. Во всяком случае, оно не являлось следствием ошибки в выборе места. Северная сторона верхнего исара вписана в 200—300-метровый разрыв в скалах северного склона. Весь исар в целом представлял собой отдельный редут, закрывавший второстепенный проход на вершину горы, которым сейчас петляет туристская тропа. Он был построен на тот самый «всякий случай», когда массив Аю-Дага должен был стать, выражаясь современным языком, единым укрепрайоном для жителей Партенита и окрестных населенных пунктов. Возводя боевые стены верхнего укрепления, средневековые фортификаторы и не предполагали развернуть в его пределах строительство емкого жилого комплекса; свою задачу в этом отношении они ограничили устройством пристенных построек-кордегардий, достаточных для размещения немногочисленного гарнизона. Но и эта мера была, по-видимому, излишней. Отсутствие культурных остатков в верхнем укреплении говорит о том, что никто не населял его сколько-нибудь продолжительное время, никто не испытал здесь «радости побед и горечи поражений».

Картину Аю-Дага как единого укрепленного района мы должны дополнить следующими сведениями, которые покажут его значение и выявят его преимущества перед другими исарами Южного берега. Площадь горного купола с его склонами разной крутизны и относительно пологими грядами и вершиной достигает 4 кв. км, или 400 га. Где еще на Южном берегу Крыма есть такой комбинированно укрепленный массив? Подобных массивов больше нет, если не считать обширных котловин — Алуштинской, Ялтинской, Ласпинской и других, которые с точки зрения обороны во многом уступают куполу Аю-Дага. На 4 кв. км здесь при необходимости можно было бы развернуть достаточное число резервных — на случай военной опасности — поселений, сосредоточить необходимые запасы и содержать стада скота на подножном корму.

Вершина Аю-Дага безводна, и проблема водоснабжения, например, отдельно взятого верхнего укрепления неразрешима. Однако центральная долина Аю-Дага, находящаяся целиком в пределах укрепленного района, собирает осадки с площади по крайней мере около 1,5 кв. км. В районе Ялты выпадает осадков около 500 мм в год, на Аю-Даге — процентов на двадцать больше из-за частых туманов, заволакивающих вершину горы.

Годовой сток по центральной долине Аю-Дага (за вычетом половины осадков на испарение с поверхности, поглощение растительностью и транспирацию) почти полмиллиона кубометров. Этим объясняются богатая растительность долины, длительно действующий водоток и небольшие источники. Источники и временные поверхностные водотоки имеются и на северо-восточном склоне горы, в черте крепостных стен нижнего укрепления. О водообильности северо-восточного склона свидетельствуют и глубокие овраги в сланцах и сланцевом делювии, и тот самый бурно идущий размыв старой Партенитской дороги, благодаря которому она превращается в глубокую ложбину, а скрытые в делювии керамические обломки разносятся до подножия горы. В таких благоприятных условиях водоснабжение укрепленного пункта или целого укрепленного района не составляет особой проблемы.

Прибавим к сказанному обилие леса на Аю-Даге (если он есть сейчас, то почему бы ему не быть и в прошлом?), наличие на склонах его купола удобных для возделывания площадок, ключевое положение горного массива на берегу, делающее его стратегически важным пунктом, соседство с ним бухтовых излучин берега. Такая совокупность условий выгодна для обороны.

7

Кратко перечислим все более или менее известное возле Аю-Дага и на нем самом, относящееся к средневековью.

1. Поселение Партенит в устье рч. Партенит, у берега моря, торговый и портовый пункт, возможно с судоверфью.

2. Небольшое укрепление на мысу Партенит, или Калапоти. Обилие средневековой керамики.

3. Нижнее укрепление на северо-восточном склоне горы, над Партенитом. Оборонительные стены, средневековая керамика.

4. Храм (возможно, Елены и Константина) в пределах нижнего укрепления и комплекс жилых построек. Средневековая керамика.

5. Крупный храм Петра и Павла или монастырь у подножия горы, на окраине Партенита, построенный не позднее VIII в.

6. Старая Партенитская дорога из долины к нижнему укреплению и дальше по восточному склону Аю-Дага, к мысу Аю-Даг и на вершину горы. Средневековая керамика, остатки крепид, небольших оборонительных стенок.

7. Храмик на мысу Аю-Даг, возможно служивший в качестве створного маяка.

8. Остатки построек и, вероятно, второго створного храмика на юго-восточном гребне Аю-Дага.

9. Керамика на одной из полян юго-восточного гребня. Не исключено, что здесь было небольшое поселение.

10. Верхнее укрепление на куполе Аю-Дага.

11. Поселение на урочище Осман. Обилие средневекового материала, изредка встречающаяся эллинистическая керамика.

12. Укрепленное поселение на юго-западном плече Аю-Дага рядом с Артеком. Мощный средневековый культурный горизонт.

13. Отдельные группы построек, по-видимому, хуторного типа между поселением на урочище Осман и юго-западным плечом. Обилие средневекового материала.

14. Часовня и, по-видимому, средневековый могильник в развилке дорог на Партенит и Артек, у северо-западного подножия Аю-Дага. Место не исследовано.

Заканчивая главу о Партените и укреплении на северном склоне Аю-Дага, мы расстаемся с этой горой, надеясь, что в недалеком будущем начнется систематическое изучение всего комплекса археологических памятников на ней самой и на ее склонах. Для нас пока ясно, что в средние века Аю-Дагу отводилась не последняя роль в размещении на Южном берегу укреплений, населенных пунктов, церковно-монастырских построек, навигационных знаков. Выявляется одновременность этого комплекса, принадлежность памятников к одной и той же социально-экономической и демографической формации. Это не значит, что в более раннее время Аю-Даг и его подножие оставались вне сферы культурного освоения Южного берега; керамика эллинистического времени на урочище Осман — это первая заявка на досредневековую историю Аю-Дага, название Партенита — вторая, название горы — третья.

И последнее — о названии горы. Принято считать, что оно происходит от татарского *аю* — медведь, медвежий. Именно так эта гора и называется сейчас — Медведь-гора. Она оправдывает свое сходство с прилегшим на берегу зверем, который уткнул морду в море. Татарское название горы, таким образом, не случайно. Но кажется, в его основе лежит не эта топонимическая метафора.

Не есть ли *Аю* искажение греческого *Айя*, как предполагал Кеппен? Очень вероятно, что в местном средневековом обиходе было

в употреблении именно это греческое название *Айя* — святая, священная, вполне оправданное тем обстоятельством, что на горе и у ее подножия находились храмы или монастыри, по-видимому, наиболее крупные из всех христианских построек Южного берега. В подтверждение этой мысли Кеппен ссылался и на витсеновскую карту Черного моря (1697 г.), на которой показана гора Ajajedoge, но оговаривал, что это название, кажется, относится к мысу Айя. Так ли? Я не видел карты Николая Витсена и не могу судить, к какому месту побережья относится упомянутое название, но очень вероятно, что Аю-Даг в прошлом именовали именно Святой горой [11].

Его исключительная заметность со стороны моря, как говорилось, имела определенное навигационное значение. На средневековых картах Черного моря вообще очень мало названий, но Аю-Даг почти всегда помечен. На портулане Табота де Марии он носит название *Каммелло* (Cammello) — верблюд. Древние периплы сообщают о Криуметопоне (бараний лоб) на берегу Таврики, или Херсонеса Таврического; кое-кто полагал, что так называлась скала у мыса Фиолент, точнее, в море против Георгиевского монастыря, но это неверно, и вот почему. О Криуметопоне в Херсонесе Таврическом говорит и Страбон буквально следующее: «После Симболон Лимен (отождествляется с Балаклавой.— **Л. Ф.**), вплоть до города Феодосии тянется таврическое побережье длиной около 1000 стадий. Побережье это каменистое, гористое и подвержено сильным бурям с севера. Перед таврическим побережьем находится мыс, далеко выдающийся в море на юг, в сторону Пафлагонии и города Амастриды, под названием Криуметопон. Против него — мыс пафлагонцев Карамбий (мыс Инджебурун на южном берегу Черного моря.— **Л. Ф.**), который делит Евксинский Понт на два моря сжатым с обеих сторон проливом. От города херсонесцев (Херсонеса.— **Л. Ф.**) Карамбий находится в 2500 стадиях, а от Криуметопона гораздо ближе. Во всяком случае, многие мореходы, которые проходили по этому проливу, говорят, что одновременно видели оба мыса на обеих сторонах. В гористой области тавров есть также гора Трапезунт (Столовая; очевидно, речь идет о Чатыр-Даге.— Л. Ф.)...»[12]

Совершенно ясно, что Криуметопон нужно помещать к востоку от Балаклавы — Симболон Лимена, на Таврическом побережье, и также ясно, что у Страбона идет речь не о какой-то маленькой скале, а о крупном элементе побережного рельефа, заметном чуть ли не с середины акватории Понта Евксинского. Криуметопоном мог быть только Аю-Даг [13].

В татарской топонимике Аю-Даг назывался также Кастелем. Это было унаследовано, видимо, то того времени, когда Партенитом и другими участками Южного берега владели генуэзцы. Было в ходу и название Биюк-Кастель, употреблявшееся для обозначения укрепления на вершине. Так же как и в случае Биюк-Ламбата, здесь возможно смысловое значение не *большая*, а *верхняя*, т. е. Верхняя крепость. Только в начале 20-х гг. прошлого столетия гора у Партенита стала именоваться преимущественно Аю-Дагом (на карте 1817 г.—«гора Кастель или Аю-Даг»), а название Кастель закрепилось за горой возле Алушты.

X

ГОРЗУВИТЫ — ГУРЗУФ ОТ ЮСТИНИАНА ДО НАШИХ ДНЕЙ

1

Первое упоминание о Гурзуфе, относящееся к VI в., находим у Прокопия в его трактате «О постройках»[1]. Но наверняка и задолго до того времени на этом месте находилось какое-то поселение, возможно группа тесно расположенных поселений, так как название *Горзувиты* дано во множественном числе. Правда, в источниках античного периода мы не находим сообщений о населенном пункте к юго-западу от Аю-Дага, или Криуметопона, но это, разумеется, ничего не значит.

Очень вероятно, что поселение к юго-западу от Аю-Дага и до времени Прокопия носило то же название — Горзувиты; во всяком случае, его мы можем принять как изначальное. В дальнейшем с ним происходили метаморфозы, при всем разнообразии которых все же улавливается определенное созвучие с названием Горзувиты, что, впрочем, не может особенно удивить.

В XII в. у Идриси место это названо Гарурой, в XIV в. в списке населенных пунктов, переданных татарами генуэзцам, значится Орзувиум, затем генуэзцы называли этот пункт Гразуи или Горзаниум. Иософат Барбаро, венецианский негоциант и дипломат, именует его Грузуи, а побывавший в нем около 1468 г. Афанасий Никитин — Ткързов («... и занесе нас Балыкаее Балаклаву, а оттудова Тъкързофу Гурзуфу и ту стоали есмя 5 дни...»)[2]. В XVII в. на картах значился залив Киурсуф, татары называли это место Гурзуф, турки — Гурзуф, прочие — Урзуф. Паллас переиначил это слово в духе немецкой фонетики — Урфуф или Юрфуф, а Пушкину, побывавшему здесь в 1822 г., этот пункт был известен как Юрзуф.

Интересуясь исторической топонимикой Крыма, я долго искал людей, знающих смысл этого названия, и перелистал множество краеведческих и иного содержания книжек по Крыму, но тщетно: мне кажется, что этимология этого названия, если и привлекала чье-то внимание, то все же осталась вопросом нерешенным.

Вполне естественно было бы поискать что-либо подходящее в греческом лексиконе, ибо по своей фонетике, набору согласных и характеру огласовки *Горзувиты* могли бы принадлежать именно к нему. Предлагаю несколько более или менее созвучных слов, имеющих, по сути дела, одно и то же значение:

γουρσουζεύω (гурзузэво)— приносить несчастье;

γουρσούζης (гурзузис), γουρσούζικος (гурзузикос)— злополучный, несчастный, приносящий несчастье, зловещий;

ογουρσούζης (гурзузис), ογουρσούζικος (гурзузикос)— злополучный, несчастный (произносится с легким придыханием);

ογουρσουζιά (гурзоузия)— несчастье, неудача.

Если наше сопоставление правильно, то с чем можно связать появление этого «несчастного» названия, необычного для южнобережной топонимики? Для геолога единственно разумным будет связать его с какими-то катастрофическими последствиями, например с оползнями, обвалами, землетрясениями. Все это очень возможно для Гурзуфа: скала, вокруг которой лепилось поселение и на которой находились постройки, неоднократно рушилась, следы обвалов видны у ее подножия; крутой сланцевый берег справа и слева от скалы подвержен оползанию; близость эпицентральной сейсмической зоны к Гурзуфу, о которой мы уже говорили, представляет для него сейсмическую опасность, как и опасность от сейсмических морских волн — цунами. Для крупных цунами Черноморский бассейн слишком мал, и за несколько сотен лет послесредневековой истории не было случая, чтобы цунами достигали в высоту 1—2 м, но ведь за это время не случилось ни одного действительно катастрофического для Южного берега землетрясения! А при более сильных сейсмических толчках, скажем в 9 баллов, и в узком Черноморском бассейне возникнут более мощные цунами, способные произвести опустошения в береговой полосе.

Так или иначе название Гурзуф может получить приемлемое геологическое объяснение, однако это не значит, что для него не могло быть тех или иных исторических поводов.

2

Если письменные источники, в которых упоминается Гурзуф, уводят нас к началу средневековья, то раскопки на скале и в некоторых пунктах гурзуфской округи дают основание начать историю этого места со значительно более отдаленного времени — с эпохи кремневых микролитов, лепных горшков и «раковинных куч». Все это засвидетельствовано на гурзуфской скале. Наверняка в эпоху тавров гурзуфская скала представляла собой достаточно надежное убежище, хотя мы так и не знаем, была ли она в то отдаленное время как-либо укреплена или же являлась естественным убежищем.

Тут и там в районе Гурзуфа попадаются обломки посуды эллинистического времени, говорящие о том, что здесь ощущалось по крайней мере влияние греческих понтийских колоний. Не исключено, что где-то возле гурзуфской скалы существовали греческие поселения, и именно они-то и назывались Горзувитами. Греков могли привлечь к этому месту и обширные угодья в Гурзуфской котловине, и небольшие бухты, где можно было подойти впритык к берегу в тихую погоду или отстояться на рейде при волнении моря.

В VI в. Горзувиты уже существовали, и, по сообщению Прокопия, Юстиниан I построил в них крепость. Считалось, что остатки этой крепости видны на гурзуфской скале, но оказалось, что они относятся к более позднему времени и являются в основном делом рук генуэзцев, а юстиниановская фортификация залегала под ними, на глубине 1—2 м, под наносами и в основании генуэзских стен.

В раннее средневековье Горзувиты играли значительную роль на Южном берегу. Об этом можно судить и по сообщению Прокопия о возведении крепости, и по остаткам построек, и по довольно обширному могильнику Суук-Су, и по находкам византийских монет. Правда, византийских монет на Южном берегу найдено немного и нет ни одного клада. Все это — случайные единичные находки главным образом в раннесредневековых могилах, но стоит обратить внимание на некоторые детали их хронологического спектра.

При раскопке могильника Суук-Су в 1907 г. Н. И. Репниковым были найдены четыре медные монеты: одна — Юстина I (518—527 гг., здесь и далее указаны годы правления), две — Юстиниана I (527—565 гг.), одна — Маврикия Тиберия (582—602 гг.)[3]. В Артеке землекоп В. Любченко в том же году нашел солид Юстиниана I константинопольской чеканки [4]. К этому нужно добавить находки Н. И. Репникова при раскопках базилики в Партените: в слое под пожарищем обнаружено 11 херсоно-византийских монет от Василия I (867—886 гг., четыре штуки) до Иоанна Цимисхия (969—976 гг.)[5]. В 1891 г. была найдена одна монета Маврикия Тиберия в погребении в Корензе (вместе с пряжкой, браслетами, бусами, обломками серег, крестиками — все это очень похоже на находки в симензском склепе)[6]. Урожайное на византийские монеты место оказалось на мысу Георгия — между Балаклавой и Херсонесом: 50 медных монет от Василия I до Василия II (976—1025 гг.) со всеми промежуточными императорами, чеканившими монеты [7]. Но наибольшее число византийских монет — около 470 штук, включая и небольшую часть позднеримских, найдено в Херсонесе и возле него, но среди них не оказалось ни одной позднее времени Василия II [8]. Обстоятельство это, разумеется, не случайно. Надо полагать, что поступление византийских монет в Крым прекратилось или почти прекратилось в конце X — начале XI в., что может быть поставлено в связь с острым внутренним кризисом в самой Византийской империи и с событиями в Херсоне (Херсонесе) — Корсуни в конце X в.— осадой и взятием города Владимиром (см. об этом в главе III, примеч. 13). К этому времени относятся следы разрушений в крепости на гурзуфской скале.

В середине XIII в. среди 40 замков-крепостей, виденных Рубруком на берегу между Херсонесом и Судаком, наверняка была постройка и на гурзуфской скале. Генуэзцы, возможно, появились в Гурзуфе еще в конце XIII — начале XIV в., но только в конце XIV в. они официально получили право владеть Гурзуфом и тогда сильно укрепили скалу, нарастив боевые стены в толщину и высоту и устроив на них бойницы для пушечного боя. Та извилина берега западнее скалы, которую с большой натяжкой можно назвать бухтой, была защищена каменным молом. Его остатки видел Паллас. Мол разрушен волнами. В тихую погоду и при низком стоянии солнца, когда освещенность дна лучше, чем в полдень, на глубине видны остатки мола.

В 1475 г. турки в числе прочих генуэзских пунктов южнобережья разгромили и Гурзуф, но, видимо, не обосновались в нем — раскопки не дают типично турецкого материала, например курительных глиняных трубок, в большом количестве найденных в Ени-кале, Феодосии, Евпатории и других пунктах турецкой оккупации. Крепость прекратила свое существование, и память о ней осталась только в татарской топонимике (Дженевез-Кая — Генуэзская скала) и в остатках стен, которые все более приходили в ветхость и обрушались.

Рядом со скалой в турецкое время раскинулась татарская деревушка Гурзуф, где было много и греческого населения. Об этом можно судить по тому, что после переселения крымских греков в конце XVIII столетия на северный берег Азовского моря (см. главу III) там возникла греческая колония Урзуф — название, принесенное греками с Южного берега.

В XIX столетии Гурзуф становится местом средоточия поместий и курортов. Вначале имение Гурзуф принадлежало князю Потемкину, затем — Ришелье, в 20-е гг. XIX столетия перешло к князю Воронцову, который заложил здесь виноградники, в 40-е гг.— к сенатору Фундуклею, а в 1881—1882 гг.— к Губонину, который превратил Гурзуф в первоклассный по тем временам курорт, построив там многочисленные гостиницы и пансионаты.

Сейчас слава Гурзуфа как черноморского курорта распространяется все шире, и этому много способствует интерес к его старой части, прилепившейся к Дженевез-Кая и представляющей собой узкие кривые улочки, старые двухэтажные домики с плоскими кровлями и эркерами, аллеи кипарисов и остатки крепости. В окружении современных курортов с модернистской архитектурой зданий и широкой планировкой все это выглядит экзотическим элементом, кусочком прошлого, вкрапленного в современность.

Кроме упоминавшихся раскопок могильника Суук-Су, в Гурзуфе почти не было археологических исследований до 1963 г. Правда, в 1951 г. А. Л. Якобсон провел небольшие раскопки между поселком Гурзуф и оградой «Артека» № 2. Была открыта часовня и часть средневекового некрополя [9].

Затем возникла идея построить на Дженевез-Кая многоэтажное современное здание — пансионат для пионервожатых Артека или

что-то в этом роде — решение в высшей степени необдуманное как в связи с явной порчей исторического памятника, так и по причине исключительной тесноты и неудобности, а в некотором отношении и опасности выбранной для строительства площадки, в чем читатель убедится ниже. Тем не менее это намерение позволило осуществить раскопки на скале на средства организации-заказчика, которые были проведены О. И. Домбровским. В 1963 г. началось рекогносцировочное обследование, в котором посчастливилось принять участие и автору. В 1965—1966 гг. О. И. Домбровский заложил в пределах цитадели Дженевез-Кая несколько траншей и пристенных раскопов, стремясь максимально опередить строителей. Одновременно с этим остатки стен крепости были одеты в леса, и началась их посильная реставрация, имеющая целью предохранить их от дальнейшего обрушения.

XI

ГЕЛИН-КАЯ — СКАЛА ЭЛЛИНОВ НА ПУТИ К ГУРЗУФСКОМУ СЕДЛУ

Созерцая эти сооружения, воздвигнутые с целью охранять уже завоеванные земли или угрожать соседям, невольно обращаешься мыслью к тем людям... которые возвели эти цитадели, укрывались и жили за этими крепостными стенами, разрушали эти крепостные стены.

Морис Дрюон

Скажу тебе, во-первых, чужестранец:
Мы — эллины,— ты это знать желал.

Софокл

Севернее Гурзуфа и к западу от Аю-Дага розовеет известняковая скала — Гелин-Кая, более известная под названием Кизил-Таш — Красный Камень (рис. 42). Она очень приметна с моря, особенно в ясную солнечную погоду, когда цветовые контрасты Южного берега особенно четки.

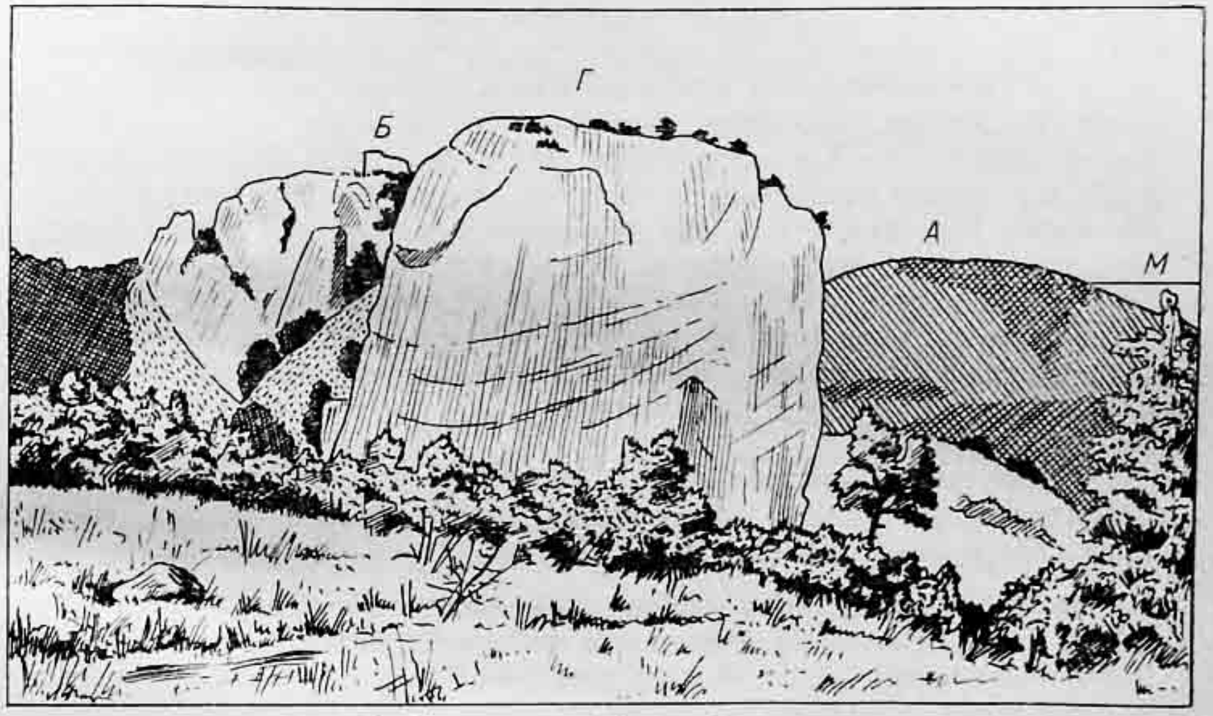


Рис. 42. Вид на скалу Гелин-Кая с запада.

А — на заднем плане — массив Аю-Даг; Б — остатки четырехугольной башни на седловине; Г — площадь укрепления Гелин-Кая; М — линия морского горизонта. Точками показаны осыпи и каменные развалы западного кулуара.

На Гелин-Кая стоит побывать по двум соображениям. Прежде всего это наиболее удобный пункт для обозрения всей Гурзуфской котловины, зажатой между Аю-Дагом и Никитским мысом и ограниченной с запада Яйлой с такими приметными вершинами, как Авинда, Кемаль-Эгерек, Роман-Кош. Гелин-Кая лежит почти в центре обширной площади, большая часть которой, выше шоссе, занята лесом, а приморская полоса — парками и виноградниками. Со скалы заметна каждая складка сланцевого склона, изрезанного множеством оврагов и гряд. Видны и все подходы к Гурзуфской котловине: через седловину севернее Аю-Дага, через Никитский мыс, через Гурзуфское Седло на Яйле.

Главное же состоит в том, что на вершине Гелин-Кая сохранились остатки боевых стен и башни одного из малых исаров. Находясь на подступах к укреплению в Гурзуфе, этот исар был связан с ним общей задачей обороны данного участка берега.

1

Отвесные обрывы скалы покрыты тонким налетом окислов железа. Они придают поверхности известняков розоватую или желтовато-бурую окраску. Сами же известняки, как и известняки Гурзуфа, представляют собой светло-серые, реже белые породы. Появление окислов есть следствие химического и физического выветривания. Породы содержат ничтожное количество разных примесей в массе образующего их карбоната кальция, в том числе окислов железа и марганца. Вода слабо растворяет известняк и почти не растворяет окислы, которые при выветривании накапливаются на поверхностях скал, расцвечивая их розовыми, желтыми и бурыми разводами, не очень бросающимися в глаза вблизи и хорошо заметными с большого расстояния. Подобные «цветные» скалы — не такая уж большая редкость для Южного берега. На фоне серых и белых утесов Яйлы и в зелени сланцевых холмов они неизменно обращают на себя внимание. Неудивительно, что и в данном случае цвет скалы послужил той контрастной приметой, которая нашла отражение в ее татарском названии: Кизил-Таш — Красный Камень.

Рядом с Гелин-Кая находилась татарская деревня Кизил-Таш, сейчас здесь разросся пос. Краснокаменка. Топонимическая реформа, проведенная в Крыму в послевоенные годы, не изменила сути прежних названий.

Этимология названия *Гелин-Кая* менее ясна. Вторая часть его, безусловно, татарская (*кая* — скала), первая, по-видимому, имеет греческое происхождение. П. И. Кеппен писал, что «на эллино-греческом γέλως значит смех или что-либо смешное, а γελάυ — смеяться, иметь веселый вид, а в отношении же к неодушевленным предметам это слово значит быть светлым или блестящим»[1]. Вряд ли это так. Скорее всего, название скалы происходит от искаженного татарами Ἑλληνίς или Ἑλλανίς — эллинский, греческий. Таким образом, в районе Гурзуфа находим две крепостные постройки, определенным образом противопоставленные друг другу в татарской топонимике: Дженевез-Кая — Генуэзская скала и Гелин-Кая — Греческая скала, к которой мы и обратимся.

2

Следуя от Алушты на юго-запад, в Гелин-Кая мы впервые встречаем фортификационное сооружение, основанное на известняковой скале. До этого все малые и большие исары были размещены либо на конгломератах (Демерджи, Пахкал-Кая), либо на песчаниках (Алушта), либо, в большинстве своем (Сераус, Ай-Йори, Кастель, Малый Ай-Тодор, Плака, Аю-Даг и Партенит), на тавритах и диоритах. Говоря «впервые», я имею в виду не порядок глав, а последовательность знакомства с исарами Южного берега: от Аю-Дага и Партенита прежде всего обращаешься к Гелин-Кая и только затем попадаешь в Гурзуф, в котором, как мы видели, крепость находится также на известняковой скале. Далее — до Ласпи, мыса Айя, Балаклавы и Караньского исара — все средневековые крепости Южного берега седлают только известняковые скалы.

Гелин-Кая представляет собой гигантский блок известняков. Он откололся от Яйлы в районе Гурзуфского Седла или Роман-Коша. Отторженец в течение длительного времени сползал по сланцевому склону, дробясь на более мелкие блоки, пока не достиг современного положения. Цепь таких блоков тянется от самого берега до горного прохода Гурзуфское Седло: у берега — это Дженевез-Кая и Пушкинская скала с двумя островками — Адаларами, выше по склону — хребет Болгатур, на середине сланцевого склона — Гелин-Кая, под Гурзуфским Седлом — крупный безымянный блок (или Вигла — см. ниже), а между ними — серия других известняковых скал и каменных россыпей.

Гелин-Кая расположена между двумя неглубокими балками и источниками превосходной воды. К северо-западу от скалы тянется узкий сланцевый хребетик с утесами известняков, служащий водоразделом балок.

Морфология Гелин-Кая передана в деталях рисунка и плана (рис. 42, 43). По инструментальным измерениям ее высота от подошвы — 72 м, высота вертикальных обрывов — до 60 м. С южной стороны обрывы имеют небольшой отрицательный наклон, нависают. На скалу ведут два противолежащих крутых кулуара с подвижными каменными осыпями. Более легкий путь пролегает по гребню северо-западного хребетика. Площадка на скале имеет длину 125 м при максимальной ширине 50 м и наклонена в сторону южного обрыва под углом 15—20°. В плане она напоминает собой раковину ископаемой палеозойской брахиоподы — спирифера. Обрывы окружают площадку почти по всему периметру: длина периметра — 310 м, общая протяженность ограничивающих обрывов — 290 м, ширина седловины, соединяющей скалу с северо-западным хребетиком,— всего 20 м. Издали Гелин-Кая похожа на колоссальных размеров барабан. Исключительная изолированность ее скальной площадки

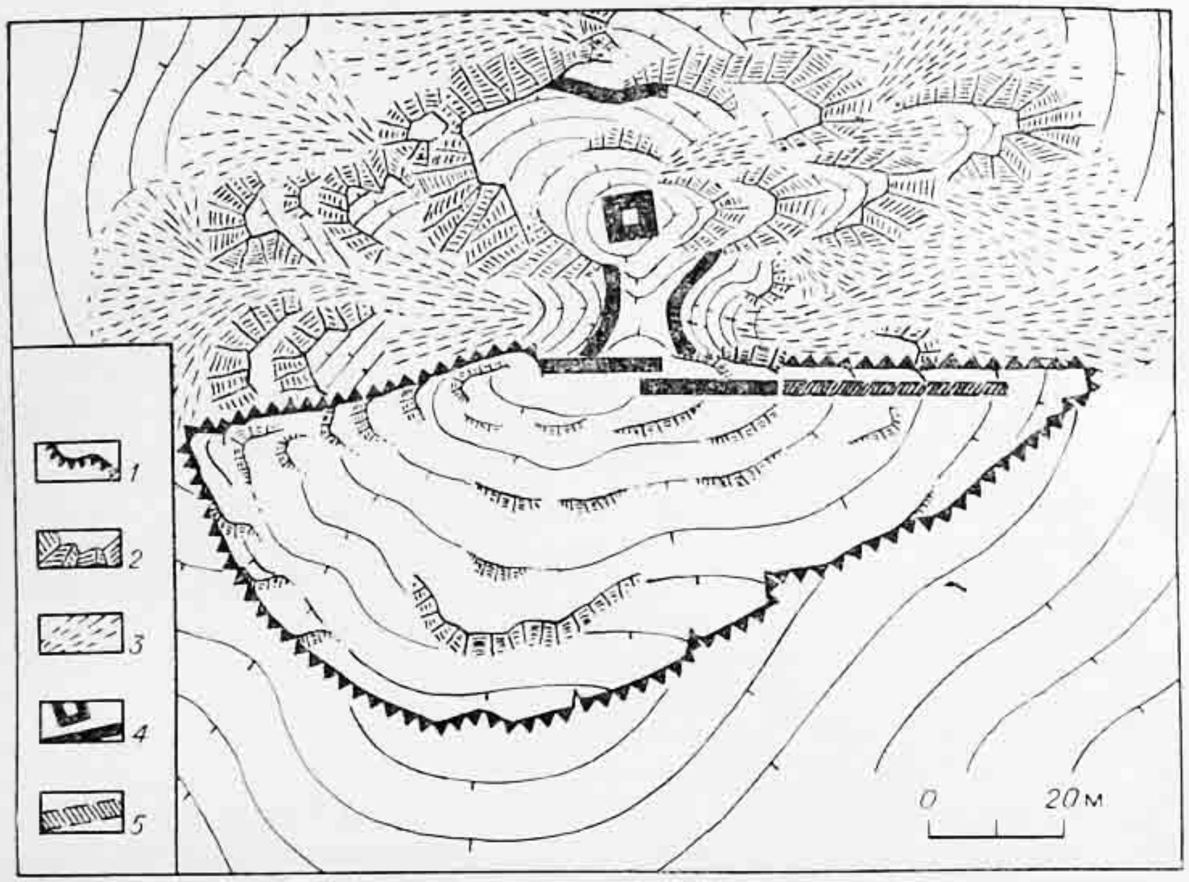


Рис. 43. План укрепления Гелин-Кая. Съемка автора, 1963 г.
1 — вертикальные и с обратным наклоном обрывы известняков высотой до 60 м; *2* — крутые обрывы и скаты; *3* — осыпи и каменные развалы западного и восточного кулуаров; *4* — оборонительные стены и башня (в соседстве с башней показаны несохранившиеся парапеты); *5* — продолжение восточной куртины оборонительной стены.

очень выгодна для устройства укрепленного пункта. Это первоклассный оборонительный и наблюдательный пункт.

За исключением нескольких древовидных можжевельников, редких кустиков шиповника и травяного покрова в понижениях, Гелин-Кая не имеет иной растительности и совершенно открыта всем ветрам, которые только мыслимы в крымскую непогоду. Нужно ли говорить, что источники воды на самой скале просто невозможны; растительность пользуется дождевой и конденсационной влагой. В небольших западинах на скалах после дождей остаются мелкие лужицы, в которых невесть откуда появляется разная водоплавающая мелюзга, но стоит только выглянуть солнцу — и эти пригоршни воды испаряются в считанные минуты.

3

Оборонительные сооружения Гелин-Кая состояли из стены, широтно расположенной над бровкой северных обрывов и поперек седловины и противостоявшей ей башни. Впервые на южнобережных исарах мы встречаем такой тип сооружения. Длина стены составляла не меньше 55 м, теперь остатки ее заметны только на участке в 30 м. Восточный фланг очень сильно разрушен, на западном фланге стена

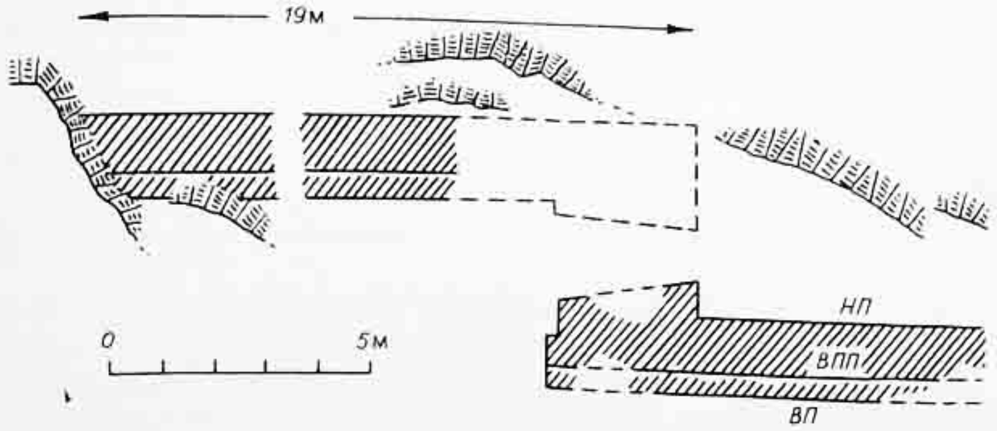


Рис. 44. Западная куртина оборонительной стены Гелин-Кая и вход (пунктир — разрушенные участки). Западная куртина показана с перерывом, для сокращения размеров чертежа.
НП — наружный панцирь стены, ВПП — внутренний панцирь парапета, ВП — внутренний панцирь стены.

местами сохранилась по наружному панцирю в высоту 2—2,5 м. На всем протяжении основанием стены служили скальные известняки, в которых заметны неглубокие вырубы для кладки базисного ряда камней. Стена доходила до западного и восточного краев скальной площадки и оканчивалась там, где крутизна и высота обрывов, обращенных к кулуарам, исключали любую возможность проникнуть в укрепление, пользуясь каменными полками и расселинами.

Западный и восточный фланги оборонительного рубежа представляли собой две самостоятельные куртины с кулисообразным стыком (рис. 44), где был вход в укрепление, довольно узкий — не шире 1 м. Более широкий вход и не был нужен, ибо ни на повозке, ни верхом на Гелин-Кая подняться невозможно.

Длина стены в западной куртине около 18 м, простирание — 89°; в восточной куртине — соответственно не менее 40 м и 94°. Однако на протяжении 25 м стена в восточной куртине разрушена полностью, если не считать отдельных камней внутреннего и наружного панцирей и обильных остатков вяжущего раствора в почве над скальной бровкой восточного кулуара. В обеих куртинах толщина стены у основания около 2—2,3 м, на уровне сохранившихся рядов кладки — 1,7—2,0 м. Внутренний и наружный панцири наклонены под углом 85—80° (имеют трапецеидальный профиль).

В 20 м севернее входа и почти точно против него, на другой стороне седловины между западным и восточным кулуарами, стояла четырехугольная башня (боннет или тамбур). Длина ее сторон — 6,5—7 м, ориентировка — 80 и 340°, т. е. близка к широтной и меридиональной. Башня выложена на скальных известняках. Лучше всего сохранился ее северо-западный угол — до 4 м в высоту; северо-восточный и юго-восточный углы — ниже, а юго-западный разрушен очень сильно. Внутренность башни теперь завалена камнями, но прежде она была полой и имела толщину стен 1,4—1,7 м. Высота ее составляла не менее 7—8 м, может быть, достигала 10 м, о чем можно судить по объему развалов камня. Вход в башню находился,

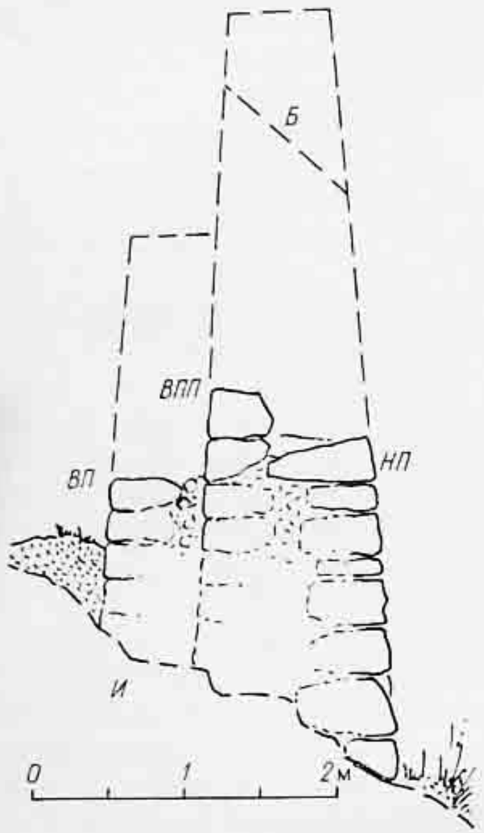


Рис. 45. Поперечный профиль оборонительной стены Гелин-Кая в западной куртине.
Пунктир — реконструкция верхней части стены. И — скальные известняки; НП — наружный панцирь стены; ВПП — внутренний панцирь парапета (третий или средний); ВП — внутренний панцирь стены; Б — бойницы (предположительно).

видимо, с южной или восточной стороны, выше сохранившихся рядов кладки, т. е. выше 2 м.

Выходы из западного и восточного кулуаров на седловину и северный подход к башне между скалами в прошлом перегораживались невысокими парапетами, замыкавшими предполье боевой стены; от параметров сохранились лишь немногие камни.

Система обороны Гелин-Кая кажется довольно совершенной, продуманной. Следует отметить, правда, правый заход куртин в районе калитки. Правый заход нарушает одну из фортификационных заповедей — поставить противника правым, незащищенным, боком к боевой стене, фланкирующей входное устройство. На Гелин-Кая атакующий противник, вырываясь из восточного кулуара или со стороны северо-западного хребетика, обращался к фланкирующей калитку восточной куртине левым, защищенным, боком. Но отдельно стоявшая башня восполняла недостаток обороны входа, обеспечивая перекрестный обстрел. Башня, несомненно, имела назначение и дозорного пункта. С нее видны подходы по обоим кулуарам и северо-западному хребетику.

Структура боевой стены на Гелин-Кая — зональная, панцирная, точно такая же, как на Аю-Даге, хотя строительный материал здесь совершенно другой — известняк. Стена сложена из нетесаных глыб длиной 0,2—1 м и более (средний размер — 0,3—0,5 м). Глыбы тщательно подобраны и, как обычно, положены почти горизонтальными рядами, длинной стороной преимущественно поперек стены. До самого основания прослеживаются три панциря (рис. 45): наружный, наиболее мощный и крупноглыбовый; средний, или панцирь боевого парапета; внутренний, или панцирь боевого полка. Толщина панцирей изменяется от 0,3 до 1 м, пространство между ними забучено мелкими камнями и щебнем.

Кладка стен башни такая же, но среднего панциря в них нет. Угловые камни сопряженных стен обычно уложены в перевязь, кое-где на них видны следы подтески глыб под квадровые блоки. Толщина панцирей в стенах башни — 0,5—0,6 м.

В том и другом сооружении кладка выполнена на известковом растворе. Он прекрасно сохранился. Его составные части — белая гашеная известь и балластные добавки, на которые приходится около половины объема. В качестве последних были использованы сланцевый и алевролитовый гравий и в меньшем количестве крупный песок. В растворе содержится небольшое количество гальки и гравия известняков. Сланцевый гравий и песок имеются в соседних балках. В укреплениях, расположенных ближе к морю, для этой цели, как правило, шел в дело морской известняковый гравий. На Гелин-Кая он мог быть доставлен только из Гурзуфа, но это длинный и трудный путь. Строители укрепления обошлись местным материалом.

В гашеной извести содержится немного мелкой керамической крошки, изготовленной в основном из красной черепицы. Встречаются также крупные обломки черепицы и гончарной посуды. Остатки вяжущего раствора рассеяны по всей площади укрепления, особенно вдоль трассы боевой стены и на широкой площади вокруг развалов башни.

Объем кладки оборонительных сооружений на Гелин-Кая составлял около 1250 куб. м (камня — 1050 куб. м, гашеной извести — 100 и балластного материала — 100 куб. м)— в общем как будто немного. Но и вода, и балластный материал доставлялись в укрепление от подножия скалы, а это дело трудное. Возможно, строители укрепления пользовались для поднятия тяжестей на вершину скалы воротом, поставленным над южным обрывом.

Если оставить в стороне укрепление в Гурзуфе, на Дженевез-Кая, где в кладке стен виден отчетливый почерк генуэзских фортификаторов, то в чертах кладки стен прочих исаров между Алуштой и Гурзуфом усматривается поразительное сходство. Характерна среднеблочная (до мелкоблочной) панцирная структура стен, приблизительно горизонтальная выкладка рядов. В ряде исаров стены имеют третий, средний, панцирь. На Аю-Даге и Гелин-Кая третий панцирь начинается прямо от основания стен. Отличают одни укрепления от других петрография строительного камня и вяжущий раствор.

Известковый вяжущий раствор применялся там, где укрепления основаны на известняковых скалах, его нет в стенах исаров на интрузивных горках. Исключение составляет Малый Ай-Тодор, поблизости от которого имеются выходы известняков Парагельмена.

4

Дожди и ветры уничтожают следы прошлого на Гелин-Кая. Голая поверхность скалы (трава и незначительные кусты в счет не идут), к тому же круто наклоненная к югу, приводит в отчаяние: в таких условиях просто невозможно сохраниться рыхлым отложениям с культурными остатками, стратификация которых могла бы рассказать об истории исара. Почва на скале либо отсутствует вообще, либо сохраняется в небольших западинах скального рельефа. Она очень маломощна. Уже на глубине 5—20 см кайло безнадежно долбит известняки, высекая искры. То, что осталось в развалах стены, башни, в западинах скальной поверхности, в осыпях кулуаров

и у подножия скалы, не отличается разнообразием и давным-давно потеряло свое место.

На Гелин-Кая было собрано всего до сотни обломков черепицы с характерными признаками средневековья: трехгранные и трапециевидные в профиле бортики, расходящиеся с низа дождевые валики, грекоалфавитные знаки. Обломки такой черепицы, сцементированные вяжущим раствором, оказались и в пазах кладки боевой стены, следовательно, стена явно средневековая.

Находки гончарной керамики можно пересчитать по пальцам. Тем не менее они выразительны. Это главным образом обломки чашек, мисок, кувшинов, кувшинчиков, амфор с оранжевым и красным черепком, типичных для средневековья. Мелкая посуда — гладкостенная: амфоры и кувшины с эллиптическими и плоскими ручками, плоскодонные и круглодонные, с ангобом, с зональным или сплошным тонким рифлением и т. д. Весь этот материал, вместе с кровельной черепицей, датируется VI—VIII вв. Найдены также небольшие обломки глиняных мисок и чаш с желтой и зеленой глазурью на внутренней поверхности — единственное, что можно отнести ко времени позднее XII в., но здесь же попадаются и куски пифосов, подобных пифосам Гурзуфа, относимым ко времени до X в.

В зачистке у входа в исар найдены куски пористого известкового туфа; здесь же, а также в развалах стены и в западинах скального рельефа в большом количестве рассеяны плитки песчаника, которые использовались для покрытия боевого полка и парапета стены и башни, а может быть, что менее вероятно, и для настилки полов в жилищах, и для устройства кровель. В развалах башни обнаружен кусок белого среднезернистого проконнесского мрамора от верхней части небольшой колонны (диаметром 25—30 см) с гладким стволом, без каннелюр. Подобного вида колонны типичны для средневековых базилик V—VI вв. Вот, пожалуй, и все находки.

Западины на скальной поверхности Гелин-Кая представляют собой наполовину естественные формы микрорельефа. Однако их часто правильная форма (приблизительно четырехугольные площадки типа ступеней на скальном косогоре) приводит к мысли, что дело здесь не обошлось без вмешательства человека. Расчистка почвы сразу же подтвердила это: на площадках находились черепица, плитки песчаника, обломки посуды, остатки золы, россыпи мелких угольков и куски обугленных бревен и жердей, служивших стропилами. Это все, что осталось на Гелин-Кая. Такую же картину разрушения жилого комплекса и исчезновения его остатков постоянно видишь и в других укреплениях, особенно на Ай-Николе, Биюк-Исаре, Учансу-Исаре. Однако Гелин-Кая не повезло в этом отношении больше всего.

5

Гелин-Кая и Гурзуф... В каких отношениях друг с другом находились эти два укрепления? Входили ли они в единую систему обороны Гурзуфской котловины подобно тому, что мы предполагаем

для укреплений котловины Алуштинской? Или, быть может, нужно согласиться с мнением О. И. Домбровского [2], который видит в них крепости, противостоящие друг другу и отражавшие тем самым некую двойственную военно-историческую ситуацию на Южном берегу в период зрелого средневековья, т. е. после XII—XIII вв.?

Попробуем сравнить некоторые факты.

Датирующий материал Гелин-Кая типичен для южнобережных исаров и в целом указывает на период до X в. Встречаются в нем и элементы, свойственные более позднему времени (в частности, обломки поливной посуды), но их немного. Нельзя отрицать, что исар действовал в период зрелого средневековья, во время генуэзской колонизации Южного берега. Такой элемент фортификационной системы, как отдельно стоящая башня четырехугольной формы, скорее всего является генуэзским. Можно думать, что башня была построена позднее оборонительной стены Гелин-Кая. Турки, выбив генуэзские гарнизоны из береговых пунктов, в том числе и из Гурзуфа, не оставили следов своего пребывания на Гелин-Кая, как нет их и в крепости на Дженевез-Кая. Несомненно, в конце XV в. сооружения на Гелин-Кая были разрушены и дальше не использовались.

Итак, в генуэзский период скала продолжала служить укрепленным пунктом. Однако главная масса керамических остатков и структура оборонительной стены этого небольшого исара позволяют отнести время его действия в основном к VI—X вв., т. е. к греко-византийской эпохе.

Подтверждение этого можно найти и в самом названии скалы — *Гелин-Кая*, бытовавшем в татарской топонимике. Оно отражает тот факт, что в представлении пришлого татарского населения скала и укрепление на ней ассоциировались с греками или вызывали воспоминания о греках, конечно византийских, ибо следов пребывания греков более ранних на Гелин-Кая нет. Будь укрепление построено только в XII—XIII вв., просто невероятно было бы такое название — в любой его этимологической трактовке.

Гелин-Кая и Дженевез-Кая! В этих названиях как будто бы и в самом деле одна крепость противопоставлена другой: крепость греческая — крепости генуэзской. Однако название *Дженевез-Кая* должно было появиться не ранее начала или середины XIV в., когда генуэзцы основали в Гурзуфе консульство и разместили в крепости небольшой гарнизон. К этому времени многие постройки на Гелин-Кая находились уже в развалинах. Можно думать, что противопоставление в татарской топонимике этих двух крепостей не имеет определенного военного смысла, названия возникли не синхронно. *Гелин-Кая* — это память о прошлом небольшой крепости на известняковом барабане в центре Гурзуфской котловины, *Дженевез-Кая* — это констатация принадлежности приморской крепости генуэзцам в более позднее время.

Укрепление на Гелин-Кая имеет незначительные размеры. Рядом с ним есть источники, но сама скала безводна. За оборонительной стеной здесь мог размещаться очень небольшой гарнизон. При осаде его жизнестойкость оказалась бы непродолжительной.

Незначительная масса культурных остатков на скале — не только следствие их смыва дождевыми водами, но и результат того, что население исара было малочисленным и непостоянным. Для постоянного жительства скала неудобна. Самым отчаянным любителям ветра и солнца в конце концов станет невмоготу пребывать на верхотуре каменного столба и ежедневно карабкаться по его скалистым кулуарам за водой и обратно.

Мог ли исар на Гелин-Кая при всем этом быть серьезным противовесом крепости в Гурзуфе? Конечно, нет. Больше оснований считать Гелин-Кая аванпостом гурзуфского укрепления в заключительный момент истории этого маленького исара. Поблизости от него был в прошлом и есть сейчас самый короткий путь из Гурзуфа в горы и предгорья: через понижение в Яйле между массивами гор Авинда и Роман-Кош, Гурзуфское Седло. Рядом с Гелин-Кая проходила в прошлом и проходит сейчас основная транспортная магистраль Южного берега, следовательно, исар стоял на скрещении дорог, выполняя роль передового дозорного укрепления. С этой целью эпозодически могли использовать его и генуэзцы.

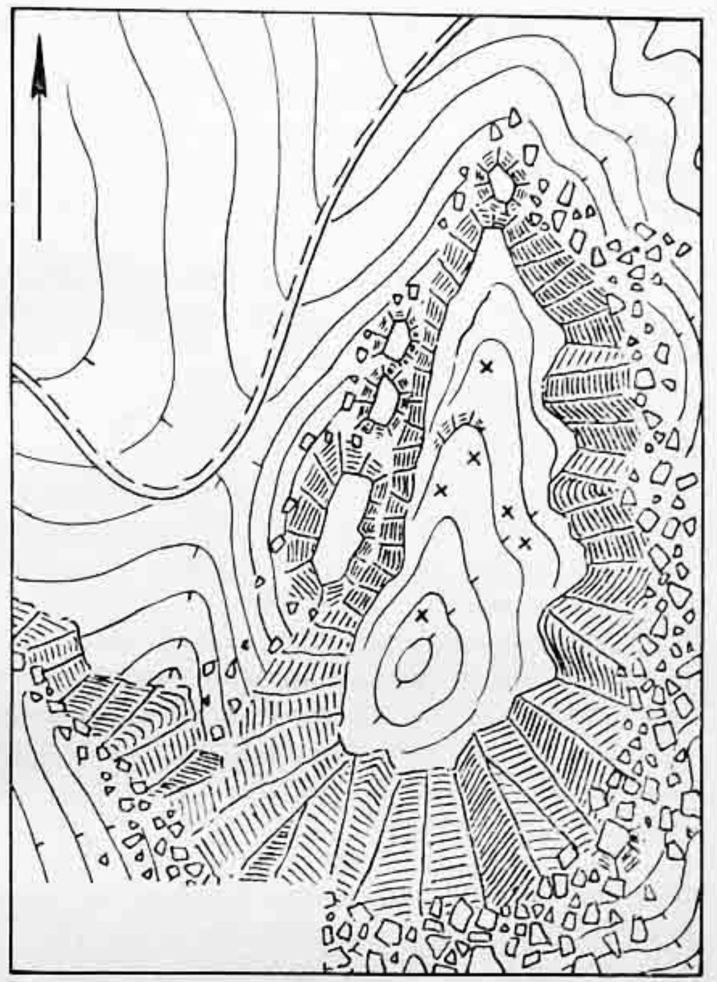
6

К северо-западу от Гелия-Кая, в непосредственной близости к Гурзуфскому Седлу, в густой зелени соснового бора, покрывающего склоны у подножия Яйлы, с большого расстояния заметна еще одна известняковая скала. Она хорошо видна в солнечный день в виде широкого белого конуса на фоне зелени склонов, но вечерние тени и непогода обычно скрывают ее в блекнущей дали. Рядом с ней на Гурзуфское Седло проходит старая горная дорога. В поисках средневековых развалин нельзя миновать этот пункт: здесь на подступах к Гурзуфской котловине со стороны перевала могла быть еще одна крепость. В действительности так оно и было.

Лента старой, проложенной в прошлом веке дороги на Гурзуфское Седло петляет по расчлененному сланцевому рельефу, покрытому буковыми и сосновыми лесами, обходит скалы и каменные россыпи, ныряет в тенистые балки с источниками кристально чистой воды. И вот что удивительно: на всем протяжении пути тут и там попадаются обломки керамики тысячелетней давности, как если бы именно здесь проходила и средневековая дорога. Будто бы именно по этим косогорам многие сотни лет назад спускались и поднимались повозки, груженные изделиями гончаров и черепичников. Будто бы не раз эти повозки заваливались на бок на дорожных косогорах, дробя драгоценный груз.

Современная дорога на Гурзуфское Седло проходит на несколько десятков метров выше скалы, видной от Гелин-Кая, а рядом с ней едва заметен давным-давно заброшенный путь, с двух сторон обрезанный косогорами и уже никуда не ведущий. Известняковый массив скалы вытянут с севера на юг метров на 200—300 и имеет ширину больше 150 м. Крупные обрывы ограничивают его со всех сторон, поднимаясь над сланцевыми склонами, поросшими сосновым

Рис. 46. Примерный план известняковой скалы на подступах к Гурзуфскому Седлу. Крестиками обозначены места, где видны остатки построек. Слева, у западного обрыва,— глубокая расселина между отдельно стоящими глыбами и скальным массивом.



лесом. В глубине соседних балок — сумрачное царство букового леса. Топография этого места показана на рис. 46.

Подняться на верхнюю площадку скалы, представляющую собой наклоненное к северо-востоку плато с наивысшей точкой в южном окончании, можно по каменным полкам западных обрывов северного мыса. В точках, отмеченных на плане крестиками, обнаружены остатки четырехстенных построек, таких же маленьких, как и постройки в Гурзуфе и в большинстве средневековых исаров Южного берега. В развалах камня рядом с ними и на всей поверхности плато рассеяна средневековая керамика. Больше всего ее попадается вдоль восточного края плато, куда дождевые воды сносят рыхлый материал и культурные остатки. Насчитано шесть построек, но их было во много раз больше, о чем можно судить по западинам в рельефе, представляющим собой перекрытые делювием и задернованные вырубы в скальной поверхности. На высшей точке плато, представляющей собой что-то вроде скалистого бугра с редкими соснами, находилась одна из наиболее крупных построек. Развалов камня здесь нет, но на поверхности известняков сохранились следы вырубa северо-восточной ориентировки. Возможно, здесь был храм.

Обойдя периметр плато, не найдешь сколько-нибудь выразительных остатков боевых сооружений. Только в центре западного обрыва и на очень коротких участках поблизости от северной оконечности скального массива заметна кладка. По-видимому, здесь были парапеты. Возводить оборонительные стены на краю окружающих плато обрывов не было надобности: скала являлась достаточно неприступным оборонительным пунктом.

С вершины скалы открывается панорама Гурзуфской котловины как бы с птичьего полета: Гелин-Кая находится в обманчивой близости (по азимуту 113°), за ней — горб Аю-Дага (105°), слева — Партенит (88°), прямо у моря — Гурзуф (150°). Возможно, именно это место в прошлом носило название урочище Вигла — очень важная памятка прошлого, так как по-гречески это означает «стража, караул».

Таким образом, от Гурзуфа до перевала через Яйлу, на самом коротком пути в предгорья, находилось по крайней мере два средневековых исара.

7

Еще час пути — и дорога приводит к короткому и узкому каньону, разрезающему южный обрыв Яйлы. Сосновые и буковые леса остаются ниже, здесь же — редкие кусты и каменистая поверхность, покрытая травой. Чем выше по каньону, тем шире он становится. Его верховья представляют собой обширную карстовую чашу. Справа поднимается Роман-Кош — голые известняковые скалы, слева Яйла простирается к Авинде и Кемель-Эгереку, прямо — небольшое понижение, которое вместе с выводящим к нему каньоном и называется Гурзуфским Седлом. В прошлом оно носило другое название — Демир-Капу (Железные Ворота).

Разумеется, никаких железных ворот здесь не было. Это всего лишь метафора, сравнение тесного горного прохода, удобного для защиты, с боевым заслоном на пути. На Гурзуфском седле в прошлом находилась стена, подобная стенам на Караби-Яйле и седловинах Северного Демерджи. Сложенная из бутового камня без вяжущего раствора, она не сохранилась, ее камни были использованы для подмостки дороги. Лет десять тому назад О. И. Домбровский предпринял попытку найти эту стенку, поиски ее долгое время оставались безуспешными, пока однажды — это было осенью — он не обратил внимание на полоску зелени на фоне выгоревшего травяного покрова. Расчистка открыла развал камней под слоем глинистого грунта — все, что осталось от стены. Благодаря лучшему увлажнению грунта над каменными развалами трава здесь продолжает оставаться зеленой и в сухое время года [3].

Стена на Гурзуфском Седле представляла собой линию обороны, за которой следовали опорные пункты на известняковых скалах уже в пределах берегового склона и ниже — центральное укрепление на берегу моря, в Гурзуфе. Несколько в ином масштабе и с другими деталями здесь повторена фортификационная ситуация Алуштинской котловины: линии незамкнутых стен на перевалах, периферийные опорные пункты южнее этих стен и центральные укрепления у моря. Вроде бы все на своих местах, и все же остается сомнение в том, действительно ли перевальные стены на всех горных проходах и, в частности, на Гурзуфском Седле были боевыми, а если да, то защищали ли они Южный берег или, напротив, были обращены против него [4]?

XII

ПАЛЕОКАСТРОН — ПЯТНАДЦАТЬ НА ТРИДЦАТЬ ШАГОВ

Всегда твержу: если хотите увидеть прекрасное место, спросите, которое место здесь самое древнее. Умели эти незапамятные люди выбирать самые лучшие места.

Николай Рерих

Из Гурзуфа в Ялту ведет цепь укреплений. Но прежде чем мы достигнем Ялты, придется задержаться приблизительно на полдороге и посетить два места: Никитский мыс и самый миниатюрный исар — Палеокастрон.

Прежде всего — Палеокастрон.

Его название никак не определяет тот масштаб, в который вписан замысел его строителей. Если почтенный возраст развалин и соответствует παλαιός (старый, древний), то κάστρον (крепость) более подходит к крепости приличного размера, укрепленному городу, а не к тем 200—250 кв. м площади, с которыми нам предстоит иметь дело.

От Палеокастрона мало что осталось, хотя, казалось бы, он находится в такой ситуации, что мог бы сохраниться и лучше. Пока этот исар не исчез совсем, не следует пренебрегать возможностью забраться на его скалистые кручи.

1

Исар со столь звучным названием, сохранившимся в памяти людей, находится на участке Южного берега между Массандрой и Никитой, в 7 км к северо-востоку от Ялты. Приблизительно на таком же расстоянии от него к северо-западу, на краю Никитской Яйлы, огораживающей часть Ялтинской котловины, возвышается гора Авинда (1500 м над ур. м.). Склон Южного берега, также в основном сланцевый, как и на других участках, спускается здесь от обрывов Яйлы к морю серией известняковых уступов (рис. 47). Каждый из них откололся от Яйлы и сполз по сланцам. Гигантские блоки известняков, как правило, круто и даже вертикально накло-

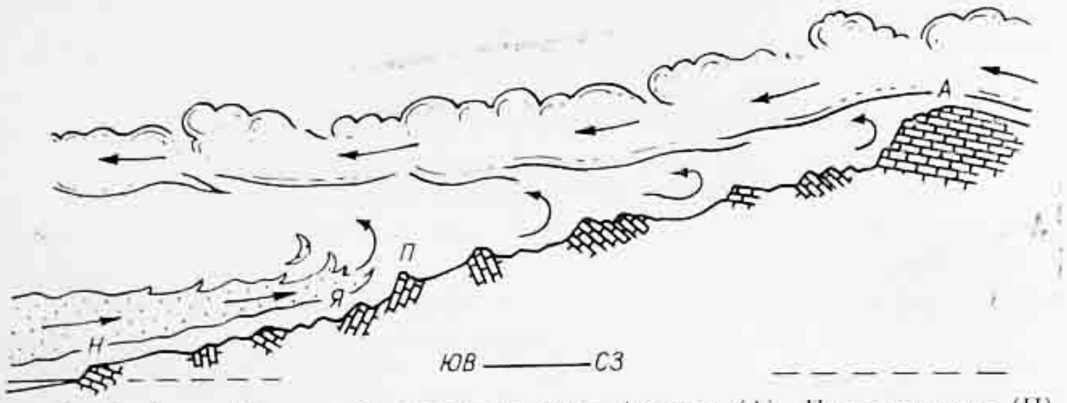


Рис. 47. Профиль Южного берега через гору Авинду (А), Палеокастрон (П), Ялтинское шоссе (Я), Никитский мыс (Н). Показано залегание известняков Яйлы и оползневых блоков, вмятых в сланцы таврической формации. Над профилем — движение воздушных потоков (схема).

нены. Углы падения слоев в них колеблются от 40 до 90°, а в некоторых оползневых ступенях породы находятся в перевернутом залегании. Известняки разбиты трещинами и торчат иззубренными краями из толщи подстилающих сланцев и мощных накоплений суглинисто-щебенистого делювия. Блоки известняков вмяты своей колоссальной тяжестью в сланцы. При медленном оползании они деформировали последние, поэтому складчатость в сланцах — обычно прихотливая по форме — есть не только результат присущих тавр-

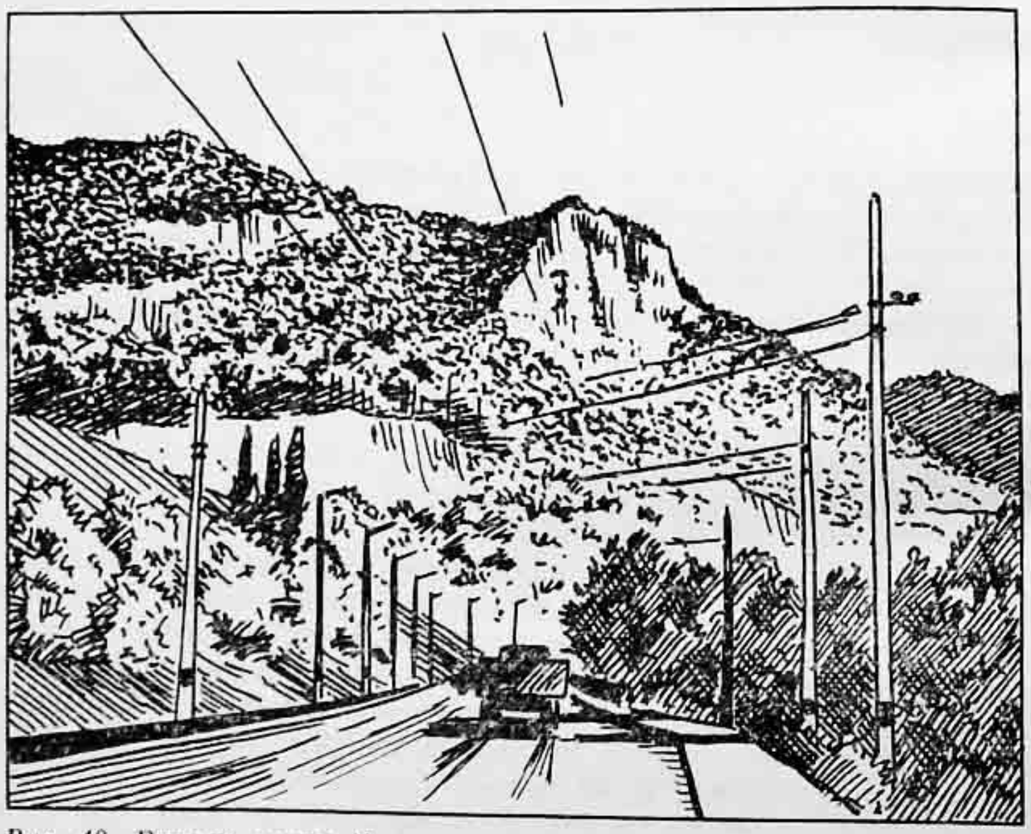


Рис. 48. Вид на скалы Палеокастрона с запада, с Ялтинского шоссе. Укрепление расположено на вершине, против седловины.

рической формации тектонических деформаций, но и отчасти следствие недавнего смятия.

Палеокастрон легче всего найти с Ялтинского шоссе. Он торчит над ним в виде белого зубца (рис. 48). Однако стоит начать подъем к нему, обходя справа или слева ступени гигантской оползневой лестницы, как видимость сразу же сокращается до двух-трех десятков шагов: сосновый бор с густым частоколом стволов и сплошной завесой крон скрывает все, что находится где-то выше по склону. Исчезает гора Авинда, не видно обрывов Никитской Яйлы. Даже от неба остаются маленькие голубые или серые клочья.

Чтобы не проскочить мимо Палеокастрона и не оказаться на более высокой ступени оползневого рельефа, нужно все время прижиматься к скалам и каменным россыпям. Они и выведут прямехонько на гребень известнякового зубца. Путь по камням к тому же легче подъема по крутому склону, засыпанному толстым слоем скользкой хвои.

2

Морфология скалы, на которой приютился Палеокастрон, видна на плане и разрезах (рис. 49, 50). П. И. Кеппен очень кратко описал этот исар, довольно точно оценил его размеры, но допустил

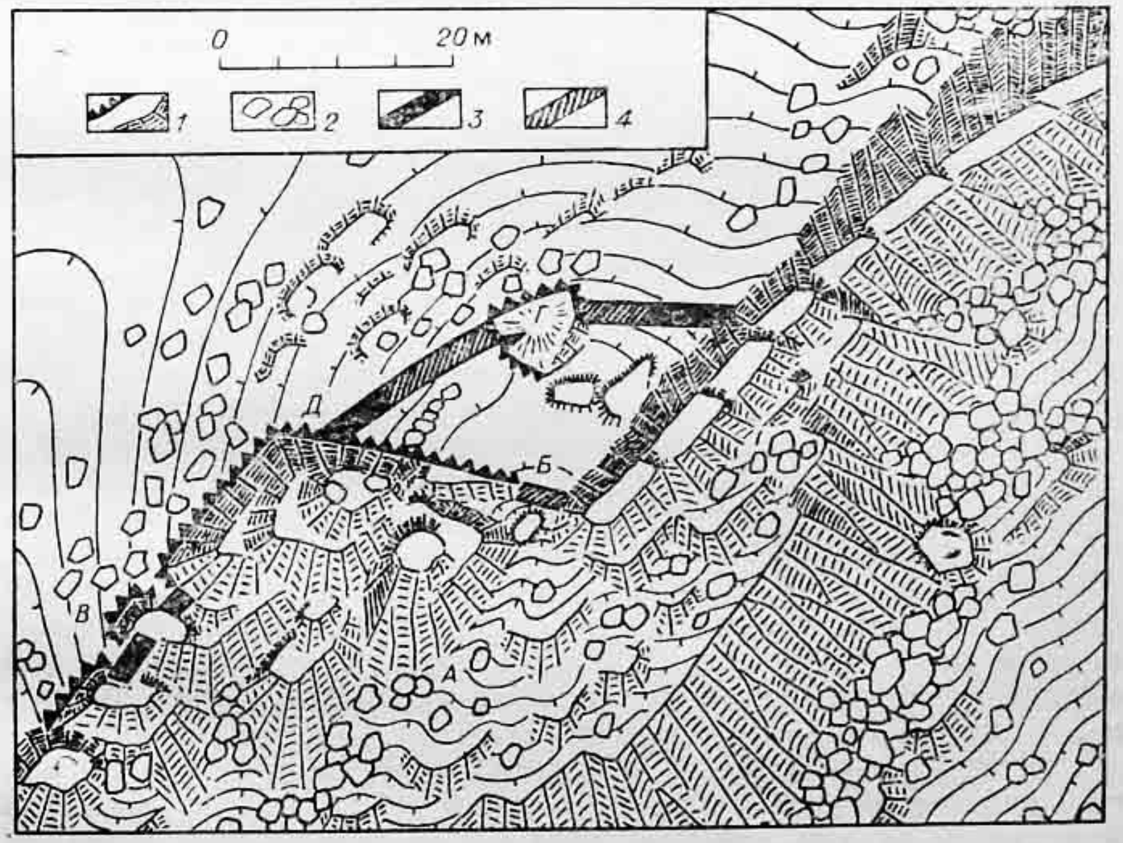


Рис. 49. План укрепления Палеокастрон. Съемка автора, 1963 г.

1 — скальные обрывы известняков; *2* — крупноглыбовые развалы; *3* — участки сохранившейся кладки боевой стены; *4* — участки, где стена полностью разрушена. А — южный скальный карниз; Б — проход между скальными гребнями; В — заклады расселин; Г — отдельно стоящая скала известняков; Д — место калитки в западной куртине.

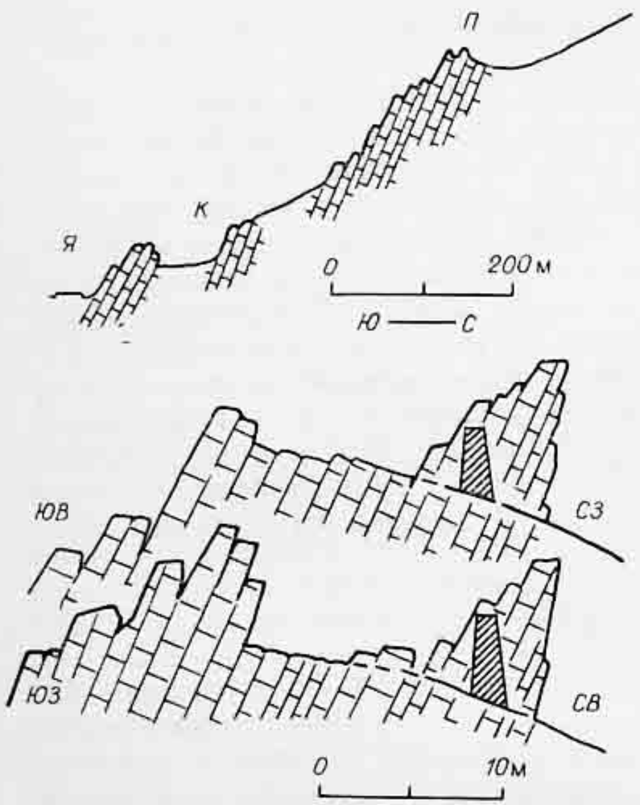


Рис. 50. Палеокастрон. Вверху — положение Палеокастрона (П) над Ялтинским шоссе (Я) и карьером (К); внизу — два профиля через площадку укрепления. Заштрихованные участки — проекция оборонительной стены на скосы отдельного скального зубца.

одну ошибку: он полагал, что оборонительный периметр исара имеет ромбовидную форму — и это правильно — и состоит из четырех коротких куртин боевой стены, а вот это как раз неверно. В действительности на Палеокастроне были только две короткие куртины боевой стены. С двух других сторон исар был надежно защищен скальными гребнями, ниже которых находятся обрывы. Эти-то скальные гребни Кеппен и принял за третью и четвертую куртины (см. рис. 49).

Пологий и короткий тыльный скат скалы, обращенный к северу, переходит в неширокую седловину, за которой склон вновь повышается к следующей по высоте ступени рельефа. Обрывы Палеокастрона в сторону моря достигают высоты 50—100 м. Их подножия завалены каменными нагромождениями. Настоящий хаос!

Взобраться на вершину можно не только справа или слева, обходя скалу по неглубоким кулуарам — промоинам в сланцах, но и по крутому карнизу на южных обрывах (рис. 49, А). Этот путь требует ловкости и навыка в скалолазании, но щедро вознаграждает за все страхи и переживания живописностью окружающей обстановки.

Верх скалы представляет собой крохотную ровную площадку. От южных обрывов она отгорожена гребнями известняков высотой 2,5—6 м, шириной по верху от 1,5 до 7 м, которые выглядят прямо-таки настоящими парапетами или даже боевыми стенами полного профиля. Гребни сходятся под углом 110—120°, соответствующим углу пересечения двух систем тектонических трещин в известняках. Спутать их с искусственно выложенными стенами нетрудно, и ошибка Кеппена вполне понятна.

В точке схождения гребней имеется узкий и короткий проход, соединяющий верхнюю площадку скалы с ее южными обрывами и карнизом на них. Некогда проход был перегорожен коротким (4—5 м) и нешироким (около 1 м) парапетом из необработанных глыб, положенных на известковом растворе. От кладки парапета (рис. 49, Б) сохранился нижний ряд камней, но и то не полностью.

Подобные же заклады-парапеты обнаружены в двух расселинах северо-западной скальной стенки Палеокастрона (рис. 49, В). Здесь они сохранились лучше. Их длина в сумме около 7 м, высота сохранившейся части кладки — 0,8—1,3 м. Они также сложены из необработанных глыб двухпанцирной кладкой без заметной средней зоны забутовки и также, по-видимому, на известковом растворе, от которого, однако, ничего не осталось, кроме гальки.

Главный оборонительный пояс Палеокастрона обращен к северу, в сторону седловины. Именно с этой стороны исар и был уязвим. В 15—20 м от прохода Б между скальными гребнями площадка отгораживалась от северной седловины дугообразной в плане стеной. Стена состояла из двух куртин длиной 17 и 13 м, примыкавших к вертикальным северным скосам скальных гребней, а в центре рубежа опиравшихся на вертикальные же бока отдельно стоящего крупного скального зубца, форма и размеры которого видны на рис. 49. Лучшего бастиона, фланкирующего обе куртины, трудно придумать! Вместе с ним длина северного рубежа обороны Палеокастрона равна 38 м, тогда как протяженность скальных гребней на южной и юго-восточной сторонах укрепления более 50 м. В целом территория Палеокастрона в плане имеет действительно вид ромба с диагоналями 33—35 и 14—15 м.

Оборонительная стена северного рубежа очень сильно разрушена. Нижние ряды кладки — в один — три камня — еще видны в западной части западной куртины и в восточной части восточной куртины, но и они, видимо, скоро исчезнут. Кладка сохранилась на участках длиной 5—7 м, но и здесь заметны главным образом камни наружного панциря. Кое-где они поднимаются на высоту 1 м над современной почвой и развалами. Панцирь сложен бутовым камнем и, как обычно, горизонтальными рядами. Незначительные «клочки» внутреннего панциря и остатки забутовки между ним и наружным панцирем позволяют более или менее точно определить толщину стены — 1,5—1,6 м у основания. Если принять во внимание объем развалов, то можно представить и высоту стены: она едва ли превышала 5—6 м.

Общий объем кладки стены, включая заклады-парапеты в пунктах Б и В, составлял не больше 250 куб. м; все оборонительные сооружения Палеокастрона могли быть возведены в очень короткий срок. Для скрепления кладки требовалось 40 куб. м вяжущего раствора. В остатках стены он подвергся почти полному разрушению и исчез практически совсем, но крошка гашеной извести, галька и гравий часто попадаются в почве и в развалах камня, подтверждая замечания Кеппена о том, что стены Палеокастрона были «большей частью кладены на известке», т. е. на том самом галечно-гравийно-известковом растворе, который, как впоследствии выяснилось, типичен для большинства средневековых укреплений Южного берега.

Вход в укрепление помещался на западном фланге западной куртины (рис. 49, Д). Он был не шире калитки. С наружной стороны к нему вела лестничная выкладка в несколько ступеней,

заметная еще и до сих пор. Куртины северной стены и вход прекрасно защищались со скальных гребней и центральной глыбы, но само укрепление едва ли могло служить надежным убежищем, ибо при своих ничтожных размерах оно, конечно, не способно было противостоять серьезному натиску противника.

Площадка на вершине скалы наклонена к северу, в сторону седловины. Благодаря этому, а также в силу полного разрушения стены снос рыхлого материала с нее происходит беспрепятственно, и на ней почти ничего не сохранилось, за исключением тонкого слоя почвы. Культурный горизонт смыт. Кое-где его еще можно найти в небольших западинах и расселинах скального основания. Нет на Палеокастроне и остатков жилых построек. Впрочем, при малой площади укрепления речь могла бы идти, скажем, всего о двух-трех хибарках, с трудом умещавшихся между зубцами скал и боевой стеной.

Все это объясняет тот прискорбный для археолога факт, что как сам Палеокастрон, так и ближние подходы к нему крайне бедны культурными остатками. Такие остатки встречаются даже несколько чаще за пределами укрепления, чем в нем самом. Это в основном обломки керамики с красным и оранжевым черепком — амфор, тонкостенных кувшинов, кувшинчиков, чашек, мисок. Приблизительно из двух сотен обломков, собранных на Палеокастроне, на их долю приходится 15—20 %. Единственно, что стоит подчеркнуть, это подобие керамики Палеокастрона и других исаров. Полное подобие!

То же относится и к кровельной черепице (приблизительно 80—85 % от общего числа обломков в сборах). На трех фрагментах черепицы сохранились ремесленные знаки с греческими буквами В и К. Как ни удивительно, наибольшее число обломков керамики было подобрано на полках и карнизе южных обрывов, где они оказались благодаря дружным усилиям посетителей Палеокастрона, с удовольствием швыряющих остатки средневекового реквизита со стометровой высоты. В том, что эти остатки относятся к средневековью, сомнений нет. Не найдено ни одного обломка, который можно было бы отнести к античности. Нет здесь и обломков лепной посуды.

Набор керамики в сочетании с такими признаками, как пантирная кладка боевой стены и известковый раствор, служит достаточно веским основанием, чтобы отнести Палеокастрон к группе средневековых исаров.

Можно ли считать, что этот средневековый исар возник здесь на руинах более раннего укрепления или убежища? Вряд ли. Если предположить, что название «Старая крепость» осталось от греков юстиниановой поры, то это значит, что уже в VI в. Палеокастрон был достаточно стар и вполне мог начать свою историю в античное время. Но беда в том, что этот довод слишком шаток, ибо совершенно неясно, когда родилось название исара — при Юстиниане, ближе к X в., или, быть может, в позднем средневековье.

Как и в отношении Ай-Йори, Малого Ай-Тодора, Гелин-Кая, в положении Палеокастрона обнаруживается все та же особенность — его близость к современной дороге. Палеокастрон буквально нависает над Ялтинским шоссе. Если бы и сейчас для этой дороги нужно было организовать наблюдательный пункт, то лучшего места не найти. Старый путь от Гурзуфа в Ялту проходил либо по этой же трассе, либо где-то поблизости. С вершины Палеокастрона весь он виден как на ладони. Скорее всего Палеокастрон — это укрепление-сателлит. Он слишком миниатюрен даже в сравнении с самыми маленькими укреплениями Южного берега, чтобы быть независимым опорным пунктом. Он должен был входить в какую-то систему укреплений. По этому поводу возникают три предположения.

Первое. Палеокастрон вместе с Гелин-Кая входил в систему обороны Гурзуфа, блокируя проход между двумя соседними котловинами — Гурзуфской и Ялтинской — и путь по склону со стороны Никитской Яйлы и горы Авинда.

Второе. Палеокастрон вместе с Учансу-Исаром входил в систему обороны Ялтинской котловины — предположение, в такой же степени вероятное, как и первое.

Третье. Центральным укреплением для Палеокастрона было указанное еще П. И. Кеппеном Рускофиль-Кале на Никитском мысу. Оно находится по отношению к Палеокастрону приблизительно в таком же положении, как Гурзуф по отношению к Гелин-Кая.

Третье предположение, как нам кажется, ближе всего к истине. Рускофиль-Кале на Никитском мысу! Это место очень заманчиво для организации на нем крепости. Прежде всего тем, что оно находится почти в центре 11-километрового участка берега между Гурзуфом и Ялтой. Пропуск в 11 км в цепи южнобережных исаров — это слишком много, чтобы можно было согласиться с тем, что Палеокастрон был единственным исаром между Гурзуфом и Ялтой.

С иззубренных гребней Палеокастрона взгляд охватывает побережье от Аю-Дага — на северо-востоке до мыса Ай-Тодор — на юго-западе. Почти 25 км берега. Широта панорамы вначале поражает. Однако куда более обширные горизонты открываются с Ай-Петри, с Эклези-Буруна на Чатыр-Даге и с других гор и скал Южного берега. Ведь ради удовольствия обозреть ландшафт с одной возвышенной точки вряд ли стоило забираться именно на Палеокастрон, тем более что и жалкие остатки исара — каких-то 5 % кладки, две сотни обломков керамики — не вызывают восторга. А что касается скал и каменных хаосов, то, например, скалы и каменные развалины над Маласом или Форосом впечатляют куда сильнее.

Иное мнение сложится, если побывать на Палеокастроне не в обычный летний день, а осенью, скажем в конце октября — в ноябре. С моря ползет туман, погода сумеречная, моросит дождь, скрывающий дали и набрасывающий сероватую вуаль на горки среднего и дальнего плана. Вы становитесь свидетелем очень ин-

тересного явления, которое можно наблюдать и в других местах, например в Алуште и на Кастеле, в Гурзуфе и на Аю-Даге, но с Палеокастрона оно выглядит более эффективно. И вот почему.

Зубец Палеокастрона по высоте находится приблизительно на одной трети от уровня моря до вершины горы Авинда и верхней кромки обрывов Никитской Яйлы. Расстояние от него до берега моря — две пятых, а до Яйлы — три пятых, иными словами, он расположен приблизительно в центре берегового сланцевого склона.

Осенние туманы, гонимые к берегу и на берег южным ветром, вначале не распространяются выше 400—500 м. Передняя кромка туманного покрова, разлохмаченная встречными потоками воздуха, тает, не достигая Палеокастрона, и остается почти на одном уровне с ним и поблизости. Проходит час-другой. Напор тумана с моря усиливается. Постепенно он поднимается выше и уходит дальше к Яйле, а Палеокастрон какое-то время плывет над ним, как одинокая скала среди необозримого моря белесых клубов.

В это время с обрывов Никитской Яйлы ураганный северный ветер сметает сизые тучи. С огромной скоростью они мчатся в сторону моря, снижаясь с 1,5-километровой высоты до 1 км, затем еще ниже. С вершины скалы наблюдаешь, как в длительное противоборство вступают два воздушных потока: нижний — южный, тихий, но напористый, и верхний — северный, достигающий силы урагана, настоящий Борей. В тесном промежутке между двумя слоями облачности торчит зубец Палеокастрона — и вы на нем, ухватившиеся за ствол сосны.

Еще час-полтора — выше ползет передняя кромка морского тумана, ниже спускаются северные тучи, и, наконец, мир тонет во влажных клубах. Он перестает быть реальностью. Остаешься наедине с десятком ближайших сосен и кучей камней старой крепости — с тем немногим, что только и попадает в поле зрения. Только сосны и камни.

XIII

РУСКОФИЛЬ-КАЛЕ — ЗАГАДКА НИКИТСКОГО МЫСА

Ты должен перенять науку у зеркал —
Того не отражать, чего не увидал.

Низами

В этой главе будет рассказано о месте, которое, несомненно, имеет прямое отношение к средним векам Таврики и, очень вероятно, заключает остатки одного из исаров. Но место это, к сожалению, все еще до конца не исследовано, хотя прошло уже почти полтора столетия с того момента, как оно обратило на себя внимание искателей древностей. Речь пойдет о Рускофиль-Кале — пункте с довольно странным названием.

...Совсем немного времени нужно, чтобы спуститься с Палеокастрона к Никитскому ботаническому саду и переключиться на поиски Рускофиль-Кале. По свидетельству Кеппена, оно должно быть именно на Никитском мысу, или — как его еще называют — на мысу Мартьян. Однако нужно затратить по крайней мере несколько дней, чтобы разобраться в местной ситуации и найти кое-какие остатки, похожие на древности. Без раскопок (а провести их на Никитском мысу нельзя) не просто квалифицировать невыразительные развалины и ответить на вопрос о возможной связи Палеокастрона с этим пунктом и о назначении его сооружений.

1

Никитский мыс лежит в 7 км восточнее Ялты и в 4,5 км к югу — юго-западу от Гурзуфа. Берег здесь выдается в море широкой дугой. Именно ее называют мысом, но определение это в известной мере условно. Изгиб берега обеспечивает обзор прибрежья от Аю-Дага до мыса Ай-Тодор, при этом видны подходы с моря к Гурзуфу и Ялте. Такое положение удобно во многом и прежде всего для каботажной навигации. Кроме того, Никитский мыс естественно разделяет ялтинский и гурзуфский участки берега. Хорошо выраженная в рельефе водораздельная гряда поднимается от него к Палео-

кастрону и далее к Никитской Яйле. Западнее мыса вдоль берега тянутся галечные пляжи, на которые возможна высадка в спокойную погоду.

Сам мыс и значительный участок берега сложены верхнеюрскими слоистыми известняками. Пласты пород четко видны на поверхности берегового клифа высотой 20—40 м. Под клифом галечно-булыжные пляжики чередуются с зонами глыбового бенча. В штормовую погоду волны разбиваются о подножие скал, перекатываются через глыбовые нагромождения и вытачивают в скалах волноприбойные ниши. Нависающие над нишами массы известняка время от времени обрушиваются и дают новый материал для глыбовых нагромождений на литорали. Слоистые известняки Никитского мыса падают под углом 15—30° к северо-западу. Подобно Палеокастрону, мыс представляет собой один из оползших к самому берегу моря блоков пород Никитской Яйлы. Он разбит продольными (по отношению к берегу) разломами и имеет ступенчатый рельеф поверхности. Между понижающимися ступенями громоздятся каменные развалы. Берег прорезан поперечными оврагами, и рельеф его отличается сложностью и разнообразием микроформ.

Западнее Никитского мыса к его водораздельной гряде примыкает широкая долина бурного, но лишь эпизодически действующего водотока. На значительном протяжении он устроен так, что служит ливнеотводом, предохраняющим территорию ботанического сада от разрушения почв поверхностными потоками во время ливней.

Территория ботанического сада — с его приморским, нижним и верхним парками, розариями, питомниками технических и плодовых культур — раскинулась западнее мыса и водораздельной гряды. Организованный по представлению Ришелье (1811 г.), трудами выдающегося ботаника Христиана Христиановича Стевена (с 1812 г.), ботанический сад за 160 лет своей истории превратился в неповторимый по красоте и неисчерпаемый по разнообразию субтропической флоры уголок Южного берега с сотнями видов дикоросов, плодовых, технических, декоративных культур. Своей обширностью и флористическим богатством он поражает воображение самого искушенного посетителя. Можно бродить по нему часами и даже днями, открывая все новые и новые чудеса.

Сад окружен обширными урочищами с типично крымской дикой растительностью (см. главу I), к которой относится и растительность самого Никитского мыса. Именно она рисует нам геоботаническую обстановку Южного берега в близком и далеком прошлом. Все здесь — сам мыс, его склоны, овраги, каменные развалы — покрыто смешанными зарослями, в которых преобладают пушистый дуб и мягкий древовидный можжевельник. На долю первого приходится около 35 %, на долю второго — 30 %, но распределение их неравномерное: кое-где преобладает дуб, местами встречаются рощи почти одного можжевельника. Очень немного длиннохвойной крымской сосны (3 %), тут и там разбросаны заросли грабинника (5—10 %), колючего можжевельника (10 %), мелкоплодного земляничника (10—15 %). Последний расселен преимущественно на каменистых склонах и крупноглыбовых развалах. В подлеске преобладают иглица, ясенец и молодая поросль тех же древесных пород. Темная зелень можжевеловых деревьев чередуется с буреющими кронами дуба и контрастно расцвечена розовыми гладкокорыми, прихотливо ветвящимися стволами земляничника. Среди можжевеловых деревьев попадаются экземпляры с диаметром стволов 50—70 см, растущие на развалах полускрытых наносами построек. Возраст этих деревьев насчитывает не одну сотню лет.

Никитский мыс входит в территорию ботанического сада и объявлен заповедником древовидного можжевельника. Благодаря строгому надзору его не уродуют ржавые пятна россыпей консервных банок и серо-черные мазки кострищ, все гуще покрывающих другие участки берега.

2

«Крымский сборник» П. И. Кеппена стал настоящей библиографической редкостью. Это дает мне право полностью процитировать текст его раздела, посвященного Рускофиль-Кале, тем более что он не очень длинен. Попробуем также провести анализ заключенной в нем информации и сопоставить результаты наблюдений, отделенных друг от друга промежутком времени почти в полтора столетия.

Вот что написано Кеппеном о Рускофиль-Кале:

«Убедившись в том, что укрепления Южного берега были расположены в систематическом порядке... я с высоты Паликастра (Палеокастрона.— Л. Ф.) ... предугадывал существование крепостных развалин на мысу Никитском. Татары, однако же, меня уверяли, что там крепости не было, а есть следы прежде бывшего монастыря. По прибытии на место (к востоку от земель казенного сада, в даче Мартианской), я увидел на высоте остатки стен, а внизу у моря — сквозную пещеру, называемую Хале-Хоба (по-турецки: Кале-Коба), т. е. крепостная пещера. Это название оправдало мою догадку, когда же я обратился к старым и новым планам Никитской дачи, то увидел, что на них развалины, здесь находящиеся, именуются Рускофиль-Кале; тут же показана гора Рускофлея и овраг Рускофулей. Татары, как я впоследствии имел случай слышать, дают этому месту название Рускофулей и Ускруфиль-Кале»[1].

Кеппен точно оценивает размеры Хале-Хоба, хорошо видимой с моря: высота над морем — примерно 10 саженей, длина пещеры — 19, ширина — 8 саженей, высота самой пещеры — 4 аршина. Замечу, что эта пещера представляет собой карстовое образование в известняках и никогда не имела выхода на стенку берегового клифа; при обрушении известняков карстовая полость оказалась вскрытой и получила два входа, по обе стороны загораживающего ее призматического блока.

В разделе о Рускофиль-Кале Кеппен высказывает также предположение, что это название может быть связано с Фуллами, местоположение которых оставалось тогда неизвестным.

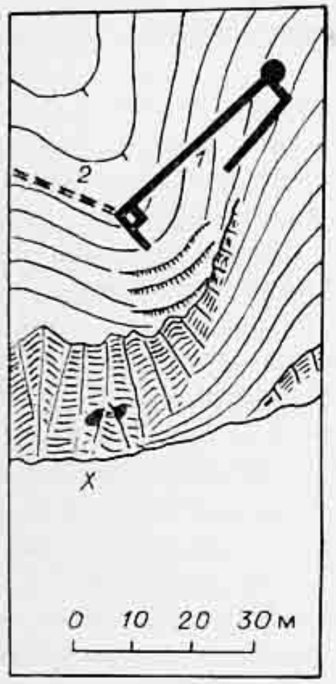


Рис. 51. План Рускофиль-Кале на Никитском мысу, по А. Л. Бертье-Делагарду.

1 — стены, показанные Бертье-Делагардом; *2* — стена, дополненная автором (см. рис. 52). X — пещера Хале-Хоба (Кале-Коба) в обрыве Никитского мыса.

В одной из работ А. Л. Бертье-Делагард писал о Рускофиль-Кале: «...общий смысл этих стеночек ничего в себе церковного не заключает, и, конечно, прав Кеппен, видевший здесь крепостицу, а не монастырь. Тонкие и невысокие, судя по остаткам, стенки ограждали очень небольшое пространство, около пятидесяти квадратных сажен площади. На концах длинной стены с севера были жилья, а может быть, и маленькие башни... Внутри, за стеной, приметны слабые следы жилья и находятся обломки сосудов и греческой большой плоской кровельной черепицы»[2]. В этой же работе приведен небольшой план Рускофиль-Кале (рис. 51).

Это все, что когда-либо писалось о древностях Никитского мыса, если не считать кратких упоминаний приведенных Кеппеном сведений в других источниках [3].

Из контекста в «Крымском сборнике» следует, что и в первой половине XIX в. ситуация на Никитском мысу была не слишком ясной; в противном случае, верный своему обыкновению не упускать ни малейшей возможности разобраться в характере древностей, П. И. Кеппен не говорил бы просто об «остатках стен», а дал бы их обстоятельное описание. Это первое.

Второе — это мнение местных татар, которые считали, что на Никитском мысу была не крепость, а монастырь. Средневековые церкви или монастырьки находились и в других пунктах на берегу между Гурзуфом и Ялтой. Приблизительно на полпути от Никитского мыса к Гурзуфу раскинулся пос. Даниловка, в прошлом Ай-Даниль — монастырек с примыкавшим к нему поселением. Остатки средневековых храмов известны также на территории Магарача и Массандры. Монастырь мог быть и на Никитском мысу.

Кстати сказать, Никитским мыс стали называть только с конца XVIII столетия; Мартьян или Мартиан — более раннее его название, употребляемое и сейчас. Оно близко к древнегреческому μάρτος, μάρτυρος (свидетель), что в новогреческом (точнее, в «Новом завете») приобрело значение «ученик Христа, мученик». В таком случае название мыса может говорить об определенно церковном характере построек на нем, вопреки категорическому утверждению Бертье-Делагарда, что этого не может быть. Однако в противоречие с этим входит татарское же название (по крайней мере вторая его часть)— *Рускофиль-Кале*, отнесенное к постройкам на мысу, и название пещеры — *Хале-Хоба* (*Кале-Коба*). Они свидетельствуют в пользу укрепления.

Решение нужно искать где-то между первым и вторым мнениями. Вероятно, в средние века на Никитском мысу находился монастырь, достаточно хорошо защищенный оборонительными стенами и представлявший собой, в сущности, небольшую специализированную крепостицу. С таким типом укреплений, обычных в предгорьях и нередких на Южном берегу, мы уже познакомились на Ай-Йори и Демерджи и еще не раз столкнемся в дальнейшем.

Присмотримся к названию *Рускофиль-Кале* и его топонимическому семейству. Гора Рускофлея, овраг Рускофулей — тот самый овраг, который находится западнее Никитского мыса, имеет периодически действующий водоток и занят ботаническим садом. Этимологию этих названий не проясняет татарский язык. Более вероятно их греческое происхождение, скажем, от ῥόος, ῥοῦς — течение, поток, вода, река и φύλαξ, φύλακος — страж, хранитель, или φυλακή — стража, охрана, караул. Такое толкование вполне подходит к местности с довольно крупным водотоком и небольшой крепостью или укрепленным монастырьком.

Есть и другой вариант толкования, предложенный Бертье-Делагардом. Используя почти то же значение для ῥοῦς (овраг, толчея, поток), во второй составляющей названия *Рускофиль* он ссылается на местных греков, у которых φωλιά или φουλιά означало гнездо, берлогу, логовище. Что-то вроде «Овражной берлоги», «Овражного логовища»[4]. Остается гадать, в соответствии с какой чертой местности могло родиться именно такое название, ибо если овраг здесь налицо, то под логовищем только в иносказательном смысле можно подразумевать какой-либо оборонительный пункт. Не думаю, чтобы под этим названием подразумевалась пещера Хале-Хоба, хотя именно пещера вполне подходит под понятие логовища, берлоги. Какая может быть связь между пещерой и расположенным намного западнее оврагом?

3

Над приморским и нижним парками Никитского ботанического сада, на склоне водораздельной гряды, устроена полукруглая видовая площадка, к которой несколькими крутыми поворотами ведет дорога (рис. 52). К востоку от площадки начинается территория заповедной можжевеловой рощи. Нужно пройти 300 м в восточном направлении по лесной дорожке, затем спуститься по склону Никитского мыса к морю по одной из троп — и через сотню или немногим более метров попадаешь на край крутого склона, падающего к узкому пляжу. Здесь и есть все то, что осталось от Рускофиль-Кале.

Обследование бровки крутого склона открывает угловое сопряжение двух стен. Сохранились нижние ряды кладки. Первая стена имеет простирание 25°, толщину до 1,4 м, в некоторых пунктах больше, и прослеживается на 8—9 м, теряясь в задернованном развале. Ее строение двухпанцирное, кладка выполнена средними по

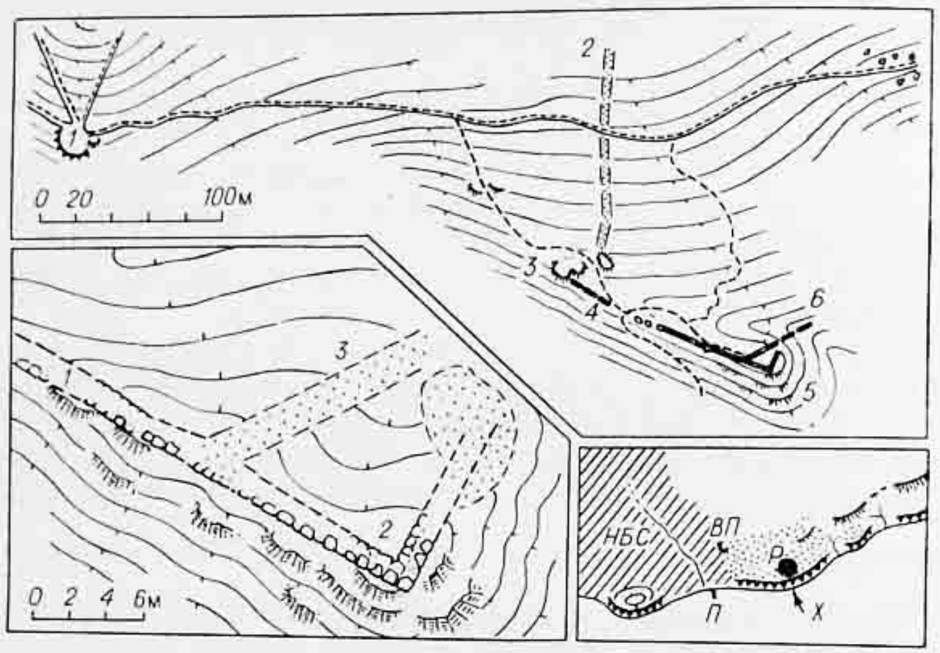


Рис. 52. Рускофиль-Кале. Съемка автора, 1966 г.

Внизу справа — берег в районе Никитского мыса (схема): Р — Рускофиль-Кале; Х — Хале-Хоба в береговом клифе; П — шпрс; ВП — видовая площадка; НБС — территория Никитского ботанического сада (штриховка); точки — территория заповедника «Можжевеловая роща». Вверху — общий план: *1* — видовая площадка; *2* — развал меридиональной оборонительной стены; *3* — скалы известняков; *4* — участки южной стены, трассируемые неуверенно; *5* — ортогональное сопряжение двух стен; *6* — развалы стены, соответствующей длинной стороне прямоугольника на плане А. Л. Бертье-Делагарда. Внизу слева — деталь: *1* — южная стена; *2* — угол ортогонального сопряжения двух стен (схематически прорисованы панцири там, где они видны); *3* — развал северо-восточного простирания.

размеру параллелепипедальными и бесформенными глыбами известняка, скрепленными известняковым раствором с галькой и гравием. Вторая стена подходит к первой под прямым углом, сложена с ней в перевязь и следует вдоль бровки склона в западно-северо-западном направлении, по азимуту 295—300°. На протяжении 25—30 м она прослеживается вполне четко, хотя от нее сохранились также только нижние ряды камней. Ее строение такое же, как и первой, толщина от 1,3 до 1,7 м, структура двухпанцирная, кладка на известняковом растворе. Далее в северо-западном направлении вдоль бровки склона сохранились лишь отдельные крупные глыбы наружного панциря, и в рельефе едва заметен невысокий и не очень широкий вал задернованного и перекрытого делювием строительного камня. Длина второй стены — 130 м. Ее северо-западный фланг подходит к крупным выходам известняка, между которыми, вероятно, был вход в огороженное пространство. От скал вверх по склону, почти строго в северном направлении, на протяжении более 120 м прослежен развал камней, то обнаженных или заросших иглицей, то плотно задернованных. В том месте, где вал пересекает лесная дорожка, в ее полотне заметно два ряда камней — остатки двух панцирей, составляющих стену толщиной до 1,5 м.

Это все, что может быть принято за остатки оборонительных сооружений Рускофиль-Кале. Здесь нет ни хорошо сохранившихся стен, ни крупных развалов камня, как во многих других исарах Южного берега. По-видимому, камни Рускофиль-Кале — его оборонительных стен и жилищ — были вывезены для окрестных построек.

На территории можжевеловой рощи, в разных пунктах, но главным образом к востоку от меридионального вала, рассеяны небольшие каменные кучи, как правило задернованные. Поиски вдоль склона, на 300—400 м к западу и к востоку от меридионального вала, не открывают других оборонительных сооружений. Похоже, что крепость Никитского мыса не имела замкнутого периметра.

Но вот что еще странно: план Бертье-Делагарда (см. рис. 51) и то, что удается разыскать на месте (см. рис. 52), не могут быть приведены в соответствие. В самом деле, на плане Бертье-Делагарда показан вытянутый крепостной прямоугольник размером не больше 8×35 м, весьма странно (для крепостных сооружений) спускающийся с возвышенной точки мыса по крутому склону. Если это крепостица, как пишет Бертье-Делагард, то кому пришло в голову располагать ее столь невыгодным для обороны образом, оставляя в северо-западном предполье местность более высокую, чем огороженное пространство? В Крыму — на Южном берегу, в Первой и Второй грядах гор — нет ни одной средневековой крепости или даже укрепленного дозорного пункта, спланированного так непредусмотрительно. Только что мы видели Палеокастрон — миниатюрный дозорный пункт, но даже он, в сравнении с этим сооружением на Никитском мысу, представляет собой пример хорошо спланированного исара.

На нашем плане этого прямоугольника нет, но ему соответствует одна из стен, все еще заметная по развалам. Она спускается в балку, и на ее продолжении должна была бы находиться круглая башня, показанная на плане Бертье-Делагарда, однако остатков ее найти не удалось. Принимая за исходную точку для сравнения угловое сооружение над крутым скатом мыса, все же можно как-то сопоставить оба плана. Ясно, что прямоугольник 8×35 м был всего лишь небольшой частью обнесенной стенами площади. Скорее всего, именно в этом прямоугольнике как раз и находились церковные или монастырские постройки, ориентированные в северо-восточном направлении, в соответствии с традицией обращать апсиды храмовых сооружений на летний восход. На остальной площади склона располагалось поселение, защищенное оборонительными стенами, по-видимому, только с двух сторон — с юга и запада.

Загадку Никитского мыса могли бы решить раскопки и расчистки развалов строительного камня. Заманчиво заложить обширный раскоп в самой южной точке, где сопрягаются стены разных направлений. Дело это, однако, невыполнимое: территория заповедника неприкосновенна. К тому, что было известно об этом месте, можно добавить немного. Здесь есть остатки двухпанцирных стен с кладкой на типично средневековом вяжущем растворе. Здесь видны кучи камней на месте рухнувших жилищ. На Никитском мысу, в границах загадочного Рускофиль-Кале, попадаются, но не так часто и не в такой массе, как в других исарах, обломки средневековой керамики. Наконец, название места и пещеры обнадеживает. Остается надеяться на то, что со временем дирекция ботанического сада даст разрешение на раскопки Рускофиль-Кале и примет этот исар как неотъемлемую принадлежность заповедника.

XIV

УЧАНСУ-ИСАР — КРЕПОСТЬ ЛЕТЯЩЕЙ ВОДЫ

От Керсона до Джалиты, в Комапских владениях, 30 миль.

Аль-Идриси

О, боже мой, какой простор,
Какие блещущие дали.
Под мною звезд певучих хор,
Над мною мир, где нет печали...
Неугасимая заря,
Неугасимый свет повсюду.
Я жив. Я буду жить. Я буду.

Сергей Найденов

Южный берег — чудесный венец Крымского полуострова; Ялта, без сомнения, самый яркий бриллиант в этом венце.

Ялта хороша в любое время года, даже в разгар курортного сезона, когда ее солнечные улицы и овеваемый морскими бризами бульвар-набережная полны бестолкового шума и толчеи. Стоит хотя бы раз побывать в этом городе у моря — в этом Лиссе волшебника Грина,— и вас будет тянуть к нему постоянно, как в некий Эдем, Эдем, однако, не мифический, не несбыточный, а вполне реальный, заселенный (и даже перенаселенный) живыми людьми, проникнутый солнцем, напоенный запахами моря, которое то хлещет живописным прибоем в бетонную стену портового мола, то, как бездонной глубины зеркало, отражает россыпи огней ночного города.

Однако перейдем к делу.

...От Палеокастрона и Никитского ботанического сада шоссе шуршит мимо Массандры с ее всемирно известными винными подвалами и спускается в обширную котловину Южного берега, образованную долинами двух речек и с трех сторон обрамленную горами. Речки эти — Гува (ныне Быстрая) и Учан-Су (ныне Водопадная). Горы эти — на севере массив Никитской Яйлы, на северо-западе и западе обрывы известняков Ай-Петринской Яйлы, на юго-западе лесистый хребет с не очень большими, но все же приметными вершинами Пендикюль и Могаби, спускающийся к морю, к Ореанде и Гаспре. Рельеф котловины холмист. Чем ближе к горному обрамлению, тем больше он изрезан оврагами и балками, в которых после дождей журчат притоки Гувы и Учан-Су, а большую часть времени нет ни капли воды. В центре котловины, в черте самого города Ялты, поднимается метров на 150 над уровнем моря приметный холм Дарсан. Совсем недавно его покрывали сосны. Теперь он лыс и увенчан колоннадой-периптером.

Близ моря, в северо-восточной части Ялты, заметен еще один холм — Поликуров — с кипарисовой рощей старого кладбища. На этом кладбище покоились многие из славных, связавших свою судьбу с городом у моря. Любители посещать некрополи теперь найдут здесь кипарисы, свалку металлолома и пять охраняемых надгробий-памятников: Е. М. Григоруку, художнику-пейзажисту Ф. А. Васильеву, украинскому поэту Степану Руданскому, русскому композитору В. С. Калинникову и писателю С. А. Найденову. Сланцево-известняковая гряда тянется от Поликурова холма к Массандре. В разных местах Ялтинской котловины разбросаны другие холмы, сложенные обычными для Южного берега сланцами и песчаниками.

Горы, окружающие котловину с трех сторон, поднимаются на 1000—1200 м над ур. м. и прекрасно защищают ее от холодных северных ветров. Именно этой особенности и экспозиции рельефа котловина обязана своим исключительно мягким климатом. Для человека, привыкшего к условиям Заполярья, даже декабрь — февраль — крымская зима — кажутся в Ялте чуть ли не летним сезоном с очень теплой погодой и обманчивой зеленью декоративных субтропических растений, которые неплохо себя чувствуют в открытом грунте. Вот некоторые данные о климате Ялты и Ялтинской котловины по многолетним наблюдениям [1]:

Среднегодовая температура	+13,4 °С
Среднемесячная температура февраля	+3,5 °С
Среднемесячная температура июля и августа	+24,2 °С
Среднегодовое количество осадков	508 мм
Среднегодовое число дней с осадками	74
Среднегодовое число пасмурных дней	54
Среднегодовое число полностью ясных дней	81
Число дней со снежным покровом	Исключение
Среднегодовая влажность	64 %

Не правда ли — райский уголок!

Те же горы, обращенные к морю скалистыми обрывами верхнеюрских известняков, надежно защищали Ялтинскую котловину, надо думать, не только от леденящего дыхания Борея. Грозным заслоном стояли они на путях вторжения на Южный берег. Путей этих в котловину в прошлом было несколько. Они функционируют и сейчас. От Алушты и Гурзуфа дорога проходила мимо Палеокастрона, переваливая через отрог Никитской Яйлы — Яламах-Сыр. Ныне это — основная транспортная магистраль Южного берега. От Симеиза, Алупки, Гаспры, Ореанды, т. е. с юго-запада, старая дорога лежала в узких дефиле Гаспринского хребта, распадающегося на серию поперечных к линии берега сланцево-известняковых гряд. Сейчас здесь две дороги, и одна из них (старое верхнее шоссе Ялта — Симеиз) почти везде идет по средневековому пути. Третий путь в Ялтинскую котловину вел с северо-запада, из-за гор, через Гаспра-Богаз неподалеку от Ай-Петри. В прошлом столетии через Ай-Петринскую Яйлу было проложено шоссе с головоломным спуском; долгое время оно было очень оживленным, теперь движение по нему небольшое. Наконец, четвертый путь вел также из-за гор,

через горный проход Ай-Василь-Богаз в верховьях каньона Ай-Василь-Дере. Сейчас им пользуются редкие туристы. В Ялтинскую котловину можно было спуститься и по отрогам Никитской Яйлы, следуя, например, от урочища Алабач мимо Гурзуфского Седла и горы Кемаль-Эгерек. В настоящее время здесь вьется шоссе от Ялты и Массандры к горному ресторану «Красный Камень».

Итак, в котловину Ялты ведет немало путей, но все они либо пересекают нагорье, либо проходят в таких дефиле гористого рельефа Южного берега, которые вполне могли быть приспособлены для обороны. Общая площадь Ялтинской котловины больше 20 кв. км. Правда, часть этой площади приходится на лесистые холмисто-овражистые склоны, примыкающие к подножию обрывов Яйлы, но все же в котловине много вполне удобных угодий — «тучных земель», по выражению Кеппена. Особенно в низовьях долин Гувы и Учан-Су, которые к морю становятся шире и ровнее.

Берег в районе Ялты образует широкую излучину. Назвать ее заливом или бухтой, конечно, нельзя: излучина слишком открыта. Однако в ее пределах все же есть небольшая бухточка, ограниченная с северо-востока скалистым мысом Иоанна — береговой оконечностью отрога Яламах-Сыр. На берегу этой бухты в прошлом и возникло поселение, в конце концов превратившееся в современную Ялту. Порт и мол, строительство которых было начато еще А. Л. Бертье-Делагардом, поглотили эту бухточку целиком.

Отметим еще одну деталь к ландшафтной картине Ялтинской котловины: значительная ее площадь, главным образом по периферии и склонам горного обрамления, покрыта буковыми и грабовыми лесами и лесами корабельной сосны. В прошлом леса доходили почти до моря.

Уже эта маленькая ландшафтная зарисовка показывает те особенности и достоинства Ялтинской котловины, сочетание которых делает ее привлекательной в самых разнообразных отношениях, не исключая и чисто утилитарных.

1

Трудно себе представить, чтобы в древности и в средние века район Ялты не был заселен и укреплен должным образом. Конечно, удивительно, что на обширной площади Ялтинской котловины сохранилась только одна развалина — маленькое укрепление Учансу-Исар, находящееся к тому же вдали от берега моря, у подножия гор. В чем тут дело?

По аналогии с другими участками Южного берега, где малые исары соседствуют со значительными укреплениями, представлявшими собой центральные опорные пункты, разумно было бы предположить, что и в Ялтинской котловине, по крайней мере в средние века, где-то у берега моря, в черте современной Ялты была своя центральная крепость. В том, что она исчезла, а руины Учансу-Исара сохраняются и доныне, нет ничего удивительного: строительство

Ялты в прошлом и текущем столетиях, охватившее значительную часть котловины, добавим — наиболее удобную, прибрежную часть, практически полностью смело зримые остатки ранних поселений и укреплений, тяготевших к берегу моря. Добавим, что в любых военно-исторических пертурбациях, которых было более чем достаточно в многовековой истории Крыма и его Южного берега, прежде всего и основательнее всего доставалось не каким-то второстепенным крепостицам, периферийным укрепленным пунктам, блок-постам, а главным узлам обороны.

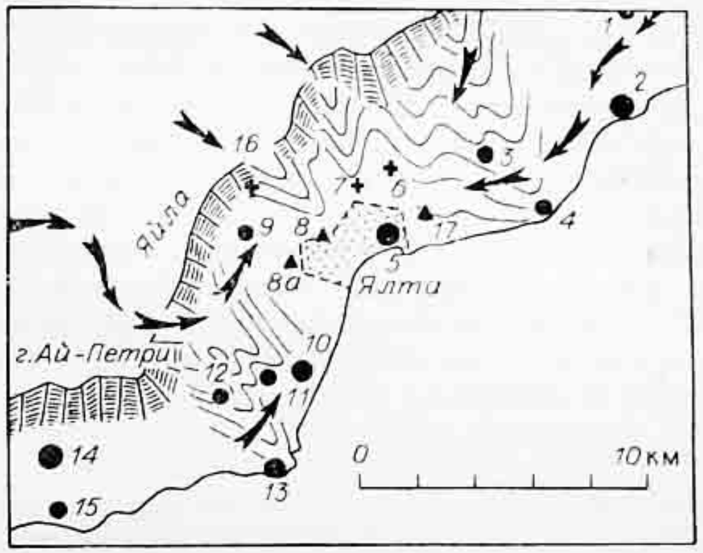


Рис. 53. Средневековые объекты на подходах к Ялтинской котловине и в ней самой.

1 — Гелин-Кая; *2* — Гурзуф (Дженевез-Кая); *3* — Палеокастрон; *4* — Русокофиль-Кале; *5* — укрепление в Ялте (не сохранилось); *6* — монастырек (возможно, св. Иоанна); *7* — место, где находилась церковь Ай-Василь; *8* — гончарная мастерская в Кипарисном; *8а* — то же на обводной дороге; *9* — Учансу-Исар; *10* — Ореанда; *11* — Хачла-Каясы; *12* — Гаспра-Исар; *13* — римский Харакс и рядом безымянный исар; *14* — Алупка-Исар (гора Крестовая); *15* — несохранившийся исар на месте Воронцовского дворца; *16* — Иографова пещера; *17* — остатки стен и построек между Поликуровым холмом и Массандрой. Контур, покрытый точками,— территория современной Ялты. Черные кружки — исары (крупные и мелкие), крестики — храмы, треугольники — другие объекты, стрелки — пути в Ялтинскую котловину.

Словом, ситуация в районе Ялты такова, что, попав сюда, мы вынуждены направить внимание на безусловно интересный, но, вполне очевидно, второстепенный памятник — Учансу-Исар. Однако прежде чем обратиться к нему, поищем древности в других местах котловины. Правда, других крепостей мы здесь не найдем, но зато обнаружатся многие иные археологические памятники, в том числе и времен исаров (рис. 53).

Название *Ялта*, как обычно считают, происходит от греческого γιαλός — берег, материк. Быть может, именно так должны были воскликнуть греческие мореходы еще две с лишним тысячи лет назад, впервые увидавшие гористый Крымский берег и широкий амфитеатр, спускающийся к морю [2]. Возможно, Ялта — одна из греческих факторий на берегу моря — возникла уже в эпоху греческой колонизации Северного Причерноморья одновременно с Херсонесом, Феодосией, Пантикапеем, т. е. около VI—V вв. до н. э. Правда, у древних авторов нет упоминаний о Ялте. Либо фактория была очень небольшой, либо ее вовсе не существовало, и она рисуется только нашим воображением. Впрочем, Ялта не упоминается и у авторов римского времени, но доподлинно известно, что тогда здесь уже были поселения: на окраине пос. Чехово (бывшая Аутка) найден рассеянный клад римских монет (см. главу XVIII). Молчание греческих и римских источников отнюдь не означает, что на месте Ялты ничего не было в те далекие времена.

История Ялтинской котловины начинается задолго до греков-колонистов и римлян-завоевателей. Береговая полоса близ Ялты была заселена с древнейших времен. Об этом можно судить по находкам кремневых орудий как в районе самой Ялты, так и на Ай-Петринской и Никитской Яйле. На голой поверхности Яйлы осколки кремня хорошо заметны и попадаются очень часто. Неолитические и энеолитические стоянки обнаруживаются как у берега моря, так и в горах, причем если у берега моря и вообще в пределах котловины их остатки перекрыты наносами и разыскиваются по большей части случайно, то на наклоненном к северу плато Яйлы достаточно побродить несколько часов, чтобы набрать пригоршню кусочков кремня, кремневых микролитов и наконечников стрел. Дело в том, что с поверхности Яйлы смываются рыхлые наносы, здесь зачастую почти нет почвы, все это и облегчает поиски остатков минувших культур. Таковы особенности не только окрестностей Ялты, но и всего нагорья от Форосской Яйлы и Ласпинской Яйлы на западе до Караби-Яйлы на северо-востоке — везде на нагорье разбросаны неолитические стоянки и рассеяны остатки кремневой индустрии.

В I тыс. до н. э. Ялтинская котловина была довольно плотно заселена. Известна находка топора-кельта, предположительно отнесенного к первой половине I тыс. до н. э.[3] Ко второй половине того же тысячелетия относятся многочисленные таврские могильники с каменными ящиками. В пределах Ялтинской котловины они были найдены у Ливадии, поблизости от Аутки, возле Ай-Василя, в самой Ялте (бывший Мордвиновский сад в долине Гувы), в Массандре и Магараче [4]. В общей сложности известно много десятков каменных ящиков. Разыскать их сейчас практически уже невозможно. А сколько таврских могильников вообще не найдено? Заселение Ялтинской котловины в таврскую пору подтверждается частыми находками обломков лепной керамики.

К тому же времени, к I тыс. до н. э., относится и проникновение в Ялтинскую котловину эллинских влияний (если не самих эллинов), а позднее, в первых веках нашей эры,— и римских влияний, засвидетельствованных находками монет, керамики, статуэток, надгробий [5].

Еще в прошлом столетии в Ялте был основан историко-археологический музей. С течением времени в его экспозициях и фондах трудами многих любителей древностей и археологов были сосредоточены богатые коллекции предметов материальных культур разных эпох. Большой вклад в развитие Ялтинского музея внес А. Л. Бертье-Делагард, свои последние годы живший в Ялте. Это имя хорошо известно. Но кому известны те «рядовые» сотрудники музея, которые заботились о разыскании и сохранении древностей Ялты! Среди них незаурядной фигурой была Елизавета Ивановна Виснеовская. Всю жизнь она посвятила любимому делу. Исходив окрестности Ялты в радиусе многих километров, она разыскала множество мест, где сохранились следы прошлого — от неолита до средневековья; даже отдельные находки керамики, рассеянные на широкой площади Ялтинской котловины, ею брались на строжайший учет и каталогизировались. До последних своих дней, а умерла она в 1942 г. в оккупированной немцами Ялте, Виснеовская хлопотала о сохранении богатейших коллекций музея. Увы, музей был сожжен оккупантами, и большинство коллекций его погибло. Пройдет еще много лет, прежде чем новыми находками удастся возместить нанесенный войной урон.

Многое в коллекциях Ялтинского музея относилось к первобытной эпохе и античности, но еще больше было предметов средневекового времени — эпохи исаров, оставившей в здешней земле поистине неизгладимый след.

2

До недавнего времени история средневековой Ялты казалась покрытой мраком неизвестности. Сведения о ней были скудны. Только в XII в. это место упоминается в письменных источниках под сходно звучащим названием: например, у Абу Абдаллах Мухаммед аль-Идриси в «Книге Рожера» говорится о Галите, или Джалите, в Куманской земле. Известно также, что в XIV—XV вв. Галита входила в Готскую епархию, подчиненную константинопольскому патриарху, но находилась во владениях генуэзцев (капитанство Готия). В Каллите, или Эталите, или Гиалите, генуэзцы держали небольшой гарнизон, администрацию и, по-видимому, назначали сюда консула.

По сведениям П. Сумарокова, в конце XIV в. Ялта была разрушена сильнейшим землетрясением, покинута жителями и возобновлена лишь через 70 лет. Тогда ее население составляли в основном греки, в меньшей мере армяне. Кеппен сомневался в достоверности рассказа Сумарокова о разрушении Ялты землетрясением, но с геологической точки зрения — это очень вероятное событие. Возможно, катастрофичность происшедшего в рассказе несколько преувеличена, но вымысла в нем нет, хотя источник, из которого Сумароков черпал сведения, остается неизвестным. Судя по крупным горным обвалам в разных местах Крыма и в том числе на Южном берегу, полуостров в XIV в. действительно испытал сейсмическую катастрофу. Более чем вероятно, что именно она вызвала крупные обрушения скал в пещерном монастыре Качи-Кальен и в других пунктах.

В конце XV в. Ялтой завладели турки. Она вошла в состав Мангупского кадылака, но населяли ее преимущественно христиане — греки и армяне. В Ялтинской котловине было несколько церквей и, вероятно, небольших монастырей. К их числу принадлежала, например, церковь Ай-Василь между окраиной современной Ялты и д. Васильевской у р. Гува. Это была небольшая одноапсидная постройка зального типа, заложенная задолго до XV в. Надпись на камне в церкви Ай-Василь датирована 801 г. н. э.[6] Один из правых боковых притоков р. Гувы (от греческого γοῦβα — углубление, впадина, яма, что хорошо подходит к этой речке, вырывающейся из узкого ущелья Ай-Василь-Дере) в прошлом назывался Панагией —

от греческого παναγία или παναγιά (богородица, богоматерь; может быть, также «всех святых»). Это тоже указывает на нахождение здесь средневекового христианского храма.

В конце XVII в. в Ялте числилось четыре церкви — Иоанна, Николая, святой Параскевы, Феодора Тирона; кроме того, были церкви Успения в Нижней Аутке, в Верхней Аутке, Преображения Господня в Марсанде (Массандре) и там же — разоренная церковь Рождества Христова, две церкви — Иоанна и Анны и Иоанна Крестителя — в с. Магарач [7]. Все эти архитектурно-однотипные постройки ведут свое начало чуть ли не с раннего средневековья и доживают, как видим, до конца XVIII в. Остатки некоторых из них сохраняются под слоями наносов до нашего времени. На месте некоторых церквей возникали монастыри с ограниченным штатом монашеской братии и послушников. Так, в 55 минутах ходьбы от Ялты находился монастырь святого Иоанна (с упомянутой церковью Иоанна). Место, где он стоял, до недавнего времени не было известно, но в 1967 г., по-видимому, именно этот монастырь был случайно обнаружен и раскопан симферопольскими археологами в присутствии автора; с ним мы познакомимся ниже.

К средневековью относится и храм в Иографовой пещере в обрыве Яйлы над Ялтинской котловиной. В нем сохранялся престольный (алтарный) камень. Здесь найдены осколки стеклянных лампад, куски разбитых чаш с полихромной глазурью. Полагают, что в Иографовой пещере совершались богослужения еще во времена турецкого владычества.

Разумеется, все эти христианские храмы интересуют нас не столько сами по себе, хотя при раскопках они дают неоценимый для истории материал, сколько из-за того, что их многочисленность служит неоспоримым указанием на большую населенность Ялтинской котловины в эпоху средневековья: не только близ моря, но и вдали от него были, вероятно, разбросаны средневековые поселения. Множество храмовых пунктов косвенно свидетельствует о развитой экономике средневекового населения Ялтинской котловины, об известном материальном достатке.

Тем удивительнее кажется то состояние, в котором пребывала Ялта в XVIII и в начале XIX столетия. Захват побережья турками, видимо, положил конец благополучию местных жителей. Причины этого могли быть различными — от религиозной вражды (что вряд ли имело повсеместный характер, принимая во внимание веротерпимость турок в своих владениях) до нарушения внешних и внутренних экономических связей населения. Так или иначе, но в XVIII столетии Ялта представляла собой небольшой населенный пункт. После Кучук-Кайнарджийского мира турки, по сведению Сумарокова, учинили расправу над греко-христианским населением Ялты, и к концу столетия она совершенно запустела. В 1800 г. на склоне Поликурова холма, обращенном к морю, насчитывалось всего 13 неказистых избушек, где размещалась часть балаклавского греческого пехотного батальона, принимавшего участие в русско-турецкой войне на стороне русских войск. Строительство курортной Ялты началось в основном с 1837 г., после прокладки шоссе Алушта — Ялта. В 1854 г. союзный англо-французский десант разграбил нарождавшийся городок, но уже с 1860 г. Ялта снова стала бурно отстраиваться, превращаясь в фешенебельный курорт. Последняя трагедия Ялты относится к 1941—1944 гг. Грудами серых развалин, взорванная и сожженная, лежала Ялта у берега моря. Казалось бы, буря войны стерла этот город с лица земли. Но прошло совсем немного времени, и на месте разрушенной Ялты вырос новый чарующий город. Сколько раз за многовековую историю Ялта испытывала удары судьбы! И все это на площади в несколько квадратных километров. Где же тут уцелеть каким-то руинам старых крепостных построек!

3

Город у моря отстраивается каждый год все шире и шире, захватывая новые площади прибрежной части горного амфитеатра. В котлованах под фундаменты зданий, в коммуникационных траншеях, при прокладке дорог, при перестройке старых кварталов — словом, всюду лопата и кирка, отбойный молоток и ковш экскаватора наталкиваются на остатки построек, слои керамики, погребения. В начале 60-х гг. таких находок было сделано множество. К сожалению, не все они стали известны даже сотрудникам Ялтинского музея, и дело обстояло бы еще хуже, если бы не вездесущие ребята — юные любители археологии. Благодаря их поискам стало известно, что довольно обширное поселение находилось в северной части города, неподалеку от нового автотроллейбусного вокзала и молокозавода. Здесь под старыми домишками, пошедшими на снос, были найдены вкопанные в грунт средневековые пифосы, обломки амфор, кувшинов, мисок, плитовые могилы, основания стен жилищ. Поселение, по-видимому, захватывало и склон холма Дарсан, неподалеку от армянской церкви. Здесь при устройстве подпорных стенок и насыпных террас был вскрыт мощный культурный горизонт со средневековой керамикой. Такие же находки делались и в юго-западной части Ялты, и на Поликуровом холме.

На левом склоне речки Учан-Су, западнее холма Дарсан, в пос. Кипарисное на окраине Ялты, в парке санатория при проходке коммуникационной траншеи был вскрыт мощный слой обломков круглодонных амфор с оранжевым черепком. Судя по тому что многие из обломков носили следы пережога или были деформированы еще при изготовлении сосудов, можно заключить, что весь слой представляет собой не что иное, как свалку ремесленного брака. Здесь находилась, видимо, очень крупная амфорная мастерская, производившая продукцию одного типа.

Новая обводная дорога, проходящая за чертой Ялты, неподалеку от остановки Ливадия-2 и старого шоссе от Аутки (Чехово) к са-

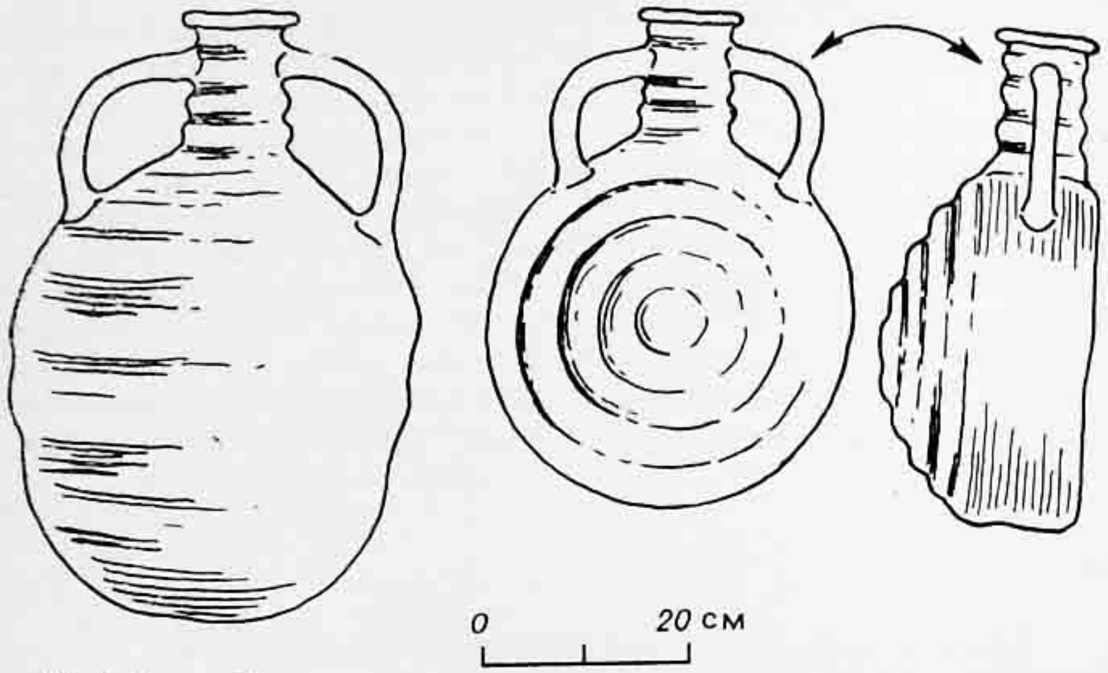


Рис. 54. Амфора и баклага — стандартизованная продукция гончарной мастерской VIII—X вв. на западной окраине Ялты (обводная дорога). Из сборов Е. А. Паршиной, 1967 г.

наторию «Исар», прорезала мощный слой обломков точно таких же круглодонных амфор и керамических баклаг (рис. 54). Здесь находилась вторая крупная гончарная мастерская с обжигательными печами, дававшая массовую и стандартизованную продукцию. По мнению Е. А. Паршиной, которая занималась этим местонахождением керамики, амфоры такого типа относятся, скорее всего, к VIII—X вв. Крупные обломки дали возможность собрать несколько целых амфор и баклаг.

О положении гончарных мастерских можно судить по полям рассеяния однотипной керамики — будь то обломки кровельной черепицы или гончарных сосудов. Ориентируясь на этот признак, можно говорить о гончарных и черепичных мастерских в районе Массандры и Магарача, между Ялтой и Ливадией. Их было, вероятно, много, следовательно, велик был спрос на предметы керамического производства, а это значит, что Ялтинская котловина в средние века относилась к весьма населенным участкам Южного берега. Об этом согласно свидетельствуют и храмы, и ремесленные мастерские.

Продвигаясь от Ялты к Массандре через Поликуров холм и по гряде, которая тянется от него в северо-восточном направлении, замечаешь, что на этой окраине Ялтинской котловины размещалась масса средневековых построек. На гребне гряды до сих пор сохранились развалы довольно мощной стены (до 1,5 м толщиной) протяжением 150—200 м.

Развалы построек и межевые стены видны также на склонах и вершине горы над д. Васильевской (Ай-Василь), а в долине р. Гувы встречаются поля рассеяния средневековой и античной керамики. Как видим, нельзя сказать, что в Ялте нет древностей!

Одна из интересных находок была сделана в Верхней Массандре, неподалеку от винзавода № 2 и старых винных подвалов. В боковом притоке Гувы возвышается поросшая сосной терраса, целиком сложенная известняковым туфом — травертином. Мощность отложений туфа достигает 20 м. В средние века здесь проводились разработки этого материала для изготовления арочных клинчатых и прямоугольных блоков для построек; карьер находился на левой стороне каньона и представлял собой двухступенчатую вертикальную стенку. Выше этого места в каньоне шумит так называемый Массандровский водопад.

Уже несколько лет назад ребята из Верхней Массандры обнаружили в верхней части карьера пещеру и основательно очистили ее от праха столетий. Пещера эта оказалась небольшой катакомбой (рис. 55). Коридор-дромос высотой 1,3—1,4 м и шириной 0,4—0,5 м, пробитый в толще травертина по азимуту 99° (почти на восток), тянется всего на 10 м. В первой трети дромоса — небольшое уширение, своего рода вестибюль; справа — боковой ход, такой же низкий и тесный. Этот ход делает петлю и пересекает основной дромос, уходя на несколько метров влево, и заканчивается уширенным тупичком. В стенках основного дромоса и бокового хода пробито приблизительно три десятка невысоких и неглубоких ниш с четко намеченными полочками. На них ставили урны с прахом, т. е. ката-

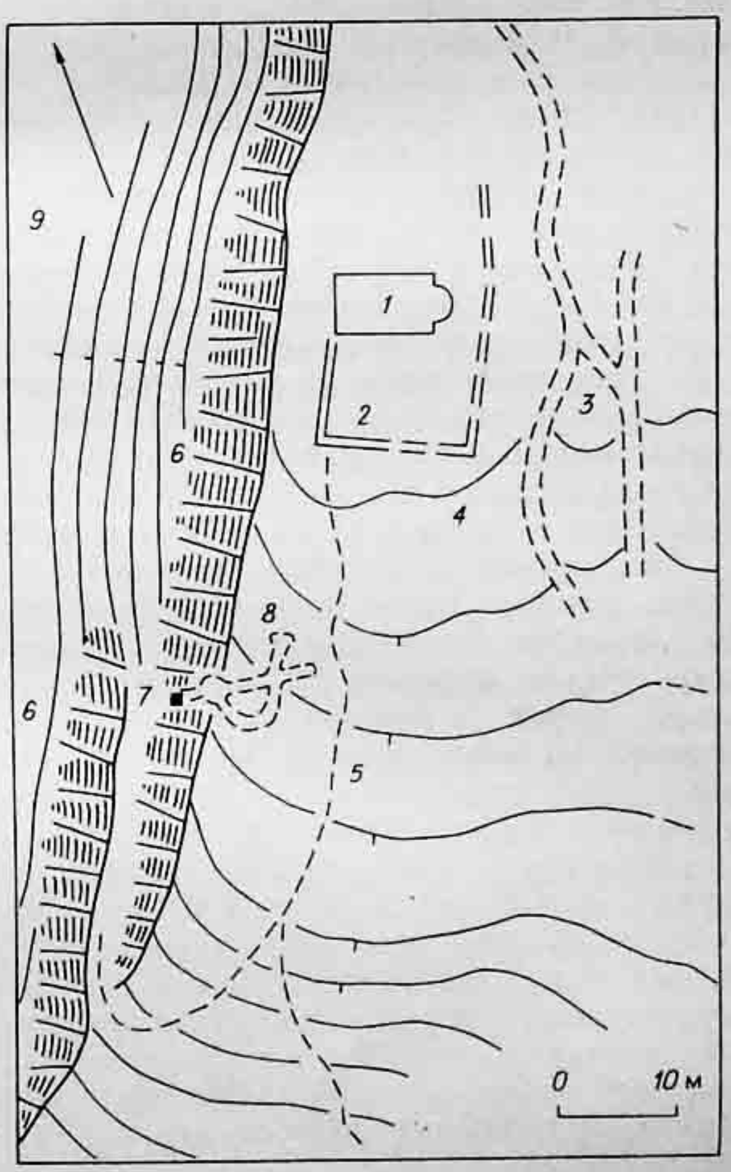


Рис. 55. Участок туфовой террасы в Верхней Массандре (схема).

1 — храм с аркосолием; *2* — каменная ограда храма; *3* — промоины по старым дорогам; *4* — поле развалов построек (весь комплекс, возможно, монастырского содержания); *5* — тропа; *6* — каньон, врезанный в туфовую террасу; *7* — средневековый туфовый карьер; *8* — катакомбный колумбарий рубежа античности и средневековья; *9* — средневековая керамика в каньоне, снесенная с поверхности террасы.

комба представляла собой колумбарий. Она была выбита в стенке каньона еще до того времени, когда здесь началась разработка травертина. По-видимому, уже тогда она была очищена от своего реквизита (в тонком слое наносов на полу дромоса найдены мелкие пережженные осколки костей, кусочки керамических сосудов), так что датировать ее точно невозможно. Однако известно, что такого типа катакомбные колубарии были характерны для начального этапа развития христианства. На этом основании катакомбу Верхней Массандры можно отнести к первым векам нашей эры. Ниже туфовой террасы, на пологом склоне, распаханном под табачное поле, попадается множество обломков лепной керамики и гончарной керамики эллинистического типа. Здесь находилось поселение рубежа античности и средневековья, которому и мог принадлежать катакомбный колумбарий.

Прямо над ним, на поверхности туфовой террасы и в нескольких шагах от бровки карьера, один из юных любителей археологии Ялты, лазая по кустам в поисках находок и приключений, споткнулся о камень необычной формы, оказавшийся алтарным престолом. Об этой находке стало известно в Симферополе, и в 1967 г. отряд О. И. Домбровского провел здесь охранные раскопки.

Храм был небольшим — 4,5×8 м, одноапсидным, обычного зального типа. Необычна лишь его ориентировка — 110—111° (восток, 20° склонения к югу), что объяснялось, по-видимому, рельефом местности: именно в этом направлении в склоне долины над туфовой террасой имеется седловина, в которой по утрам всходит солнце. Храм был сложен из туфовых блоков, его стены имели внутри три пары декоративных пилястр. Сохранились алтарная преграда из тонких плит известняка и алтарный камень. Вдоль стен из камня на всю длину помещения, до алтарной преграды, были выложены скамейки. Вход находился в южной продольной стене, поблизости от юго-западного угла постройки. Внутри храм был расписан фресками по известковой штукатурке. От росписи остались незначительные фрагменты в нижней части апсиды и алтарного камня.

В северной продольной стене О. И. Домбровским обнаружена ниша, которая могла быть только аркосолием — склепом. Склеп был перекрыт каменными плитами. В аркосолии оказалось девять разрозненных костяков и один целый, верхний; в тесном каменном ящике склепа погребения производились последовательно, на протяжении по меньшей мере 200 лет. Невозможно себе представить, как в такой тесноте — 1,9×0,7×0,5 м — уместилось такое число — язык не поворачивается сказать — «скелетов».

К храму примыкала ограда (см. рис. 55). За ее пределами, в зарослях кустов, видны развалы небольших построек, а рядом — несколько довольно глубоких промоин в поверхности террасы на месте старых дорог, которые подходили к храму с юга. Похоже, что в средние века здесь был небольшой монастырек. Фрагменты керамики с глазурью, найденные в храме, говорят о позднем средневековье, хотя керамика, которой был крыт храм, исключительно разнообразна и, видимо, разновременна.

О монастыре святого Иоанна в 55 минутах пути от Ялты писал Сумароков [8]. Место, где найден храм в Верхней Массандре, действительно находится в 50—60 минутах ходьбы от портовой части Ялты. Очень вероятно, что здесь и был монастырь святого Иоанна.

5

Для того чтобы только перечислить все древности в окрестностях Ялты или коротенько рассказать обо всех находках, которые когда-либо делались здесь археологами, любителями археологии или просто местными жителями, потребуются сотни страниц... Ниточка фактов и сопоставлений ведет по крайней мере в глубь двух с половиной тысячелетий истории Ялтинской котловины, т. е. к моменту античной греческой колонизации Северного Причерноморья и Таврики. В средние века окрестности Ялты были, повторяю, густонаселенным районом Южного берега.

Какой бы участок Южного берега ни привлекал наше внимание, везде мы находим средневековые исары, расположенные друг от друга на расстоянии в несколько километров. Они устраивались и на периферии широких котловин, орошаемых горными речками, и в центре этих котловин, поблизости от берега моря. Это и система исаров окрестностей Алушты, и укрепления района Партенита, и небольшие крепости Гурзуфской котловины. Совершенно ясно, что такую же ситуацию следует ожидать и в горном амфитеатре Ялты.

Крупное укрепление могло быть только на территории самой Ялты, поблизости от берега. В этом отношении обращает на себя внимание холм Дарсан. На его склонах, у подножия, действительно находилось поселение, но вершина холма не была застроена. Здесь не обнаружено ни остатков построек, ни развалов крепостных стен. В северо-восточной части Ялты привлекают внимание мыс Иоанна и Поликуров холм. Это наиболее удобное место для размещения крепости. По-видимому, центральный исар средневековой Джалиты находился именно здесь, но разыскать его остатки в плотной застройке припортовой части города — дело практически невозможное. Впрочем, на Поликуровом холме и вдоль гряды, которая тянется от него к Массандре, как говорилось, есть остатки жилищ со средневековой керамикой и развалы стен, кладка которых напоминает кладку боевых стен исаров.

В первой половине прошлого столетия, когда территория Ялты была еще недостаточно плотно застроена, поблизости от моря виднелись развалины средневековой Джалиты. Дюбуа писал об остатках средневекового города с церковью, монастырем и укреплениями [9], по-видимому, на мысе Иоанна. В перечне древностей Южного берега Н. И. Репников также отметил мыс с церковью Иоанна Предтечи, где в прошлом находились средневековое поселение и укрепление [10]. Как указывал Сумароков, Ялта была защищена крепостью — и при греках и при генуэзцах. Крепость эта находилась, видимо, там, где в средние века была церковь Иоанна Предтечи, якобы случайно взорванная во время русско-турецкой войны, как об этом сообщает

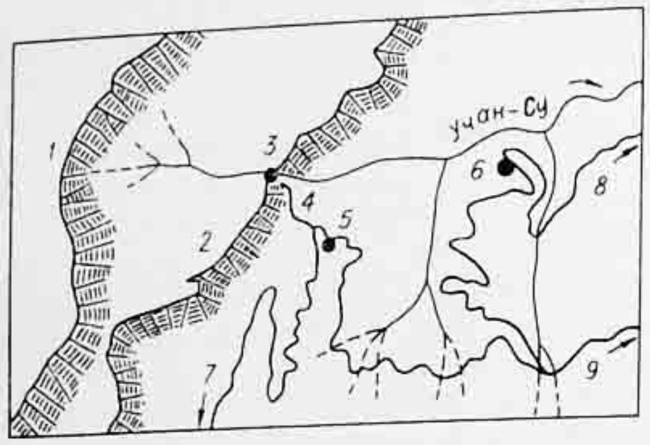


Рис. 56. Учансу-Исар.

1, 2 — верхняя и нижняя ступени Яйлы — известняковые скалы; *3* — водопад Учан-Су; *4* — дорога к водопаду; *5* — придорожный ресторан «Учансу»; *6* — укрепление Учансу-Исар и санаторий «Исар»; *7* — шоссе к Ай-Петринскому перевалу; *8* — старое шоссе к пос. Чехово (б. Аутка); *9* — основное шоссе к Ялте.

Паллас. Много позднее на этом месте был выстроен большой собор, посвященный тому же святому. Сейчас от него осталась одна колокольня, а в слое наносов на небольшой площадке возле колокольни открыты остатки мозаичного пола, основания стен и апсиды. Ориентировка этой постройки совершенно необычна для христианских церквей XIX — начала XX столетий — на север — северо-восток, на вершину горы Авинда на Никитской Яйле. Видимо, так располагалась средневековая церковь базиличного типа, на остатках которой — «свято место пусто не бывает» — был воздвигнут собор в дореволюционной Ялте. Тут, полагаем, и следует искать остатки крепости Джалиты.

Ситуация Алуштинской котловины с далеко вынесенными на ее периферию исарами наталкивает на мысль, что и в Ялтинской котловине дело обстояло таким образом — центральное укрепление у моря и второстепенные исары на периферии. В Палеокастроне и Рускофиль-Кале можно видеть часть этих второстепенных исаров. Укрепления находились и юго-западнее Ялты (исар в Ореанде и др.), прикрывая подходы к ней с этой стороны. Руины одного из них сохранились у подножия Яйлы западнее Ялты.

Не далее как в 5 км по прямой к западу от самой Ялты и берега моря, неподалеку от известняковых скал, защищающих котловину с севера и запада от вторжений холодных ветров (а в прошлом защищавших ее и от вторжений кочевников), под пологом соснового бора прячется небольшая крепостица, пережившая все невзгоды бурной истории Южного берега. Это — Учансу-Исар (рис. 56).

Укрепление названо так по имени речки, протекающей с запада на восток поблизости от руин. Речка начинается небольшим ручейком между верхним и нижним уступами обрывов Яйлы и низвергается со скал нижнего уступа водопадом Учан-Су. От водопада до развалин укрепления расстояние не более 1 км. Две сотни метров пути приводят далее на край леса, к подножию скал. Не очень мощная струя воды, с шумом летящая с головокружительной высоты,— всего лишь капля Ниагары, Игуасу или Виктории, но как она оживляет застывший в дикой красоте пейзаж скал и дремучих зарослей!

Татарское название крепости переводится как Летящая (летучая) вода. Лет полтораста назад татары называли это место также *Исар-Тепе* (Крепостной холм), имея в виду саму скалу известняков, на которой было возведено укрепление, а ялтинские греки — *Кремисто-Неро*, что имеет близкий смысл к татарскому Учан-Су (κρεμαστός — висящая, висячая и νερό — вода). Этим не исчерпывались варианты названия крепости. Лет сто-полтораста назад было в ходу и смешанное греко-татарское название — *Зиго-Исар* (от ионического στγή или дорического στγά — молчание, тишина). Что-то вроде Тихой крепости! Удивительно точно и поэтично.

Приведенные названия — Учансу-Исар, Зиго-Исар, а также Кастрон (ялтинские греки называли это укрепление и так), конечно, не являются начальными. Пожалуй, лишь Кремисто-Неро можно отнести не только к греко-византийской эпохе, но и к более ранней.

Обращают на себя внимание две особенности в положении Учансу-Исара. Первая — его близость к водопаду и речке, вторая — его соседство с одним из перевальных путей. Речка Учан-Су и водопад были одним из основных водоисточников для Ялтинской котловины не только в далеком прошлом, но и в недавнее время, до того, как несколько лет назад через массив Яйлы пробили тоннель для снабжения Ялты водой из верховьев Бельбека. Очень возможно, что крепость и защищала подходы к этому водоисточнику. Вместе с тем Учансу-Исар находится буквально на обочине дороги, ведущей из Ялтинской котловины к Ай-Петринскому перевалу, Гаспра-Богазу. В далеком прошлом путь из Ялты в верховья Бельбека и далее по Бельбеку к Мангупу пролегал здесь же, поблизости от современного шоссе, которое кое-где и проведено прямо по старой дороге.

Остатки Учансу-Исара отыскиваются на торчком стоящей известняковой скале. Скала прекрасно видна с большого расстояния, но в нескольких десятках метров ее можно не заметить за стеной соснового бора. На 25—40 м она возвышается над окружающими небольшими полянами и зданиями санатория «Исар», разместившимися вдали от сутолоки курортной Ялты. Горная здравница возникла здесь лет семьдесят назад, когда в соседстве со старыми развалинами был выстроен климатолечебный пансионат. В ту пору на скале почти в полную высоту стояли боевые стены и посетителя встречали крепостные ворота — высокие и узкие, с полукруглой аркой. Сильное разрушение Учансу-Исара началось позднее.

Крепостная скала — одна из громадных глыб верхнеюрских известняков Яйлы, оставшаяся на сланцевом склоне правого борта рч. Учан-Су. В плане она имеет приблизительно квадратную форму и ориентирована по отношению к меридиану диагонально. Размер ее широтной и меридиональной диагоналей — 70 и 55 м, длина сторон основания, которое служит своеобразным пьедесталом для наиболее высокой средней части,— 45—55 м, в сумме периметр основания равен 200 м (рис. 57).

Средняя часть скалы вытянута с юга на север на 45 м и в плане имеет форму неправильного треугольника с вершиной, обращенной к северу, и с основанием около 35 м. Она-то и составляет территорию укрепления общей площадью 900—950 кв. м. Со всех сторон средняя часть скалы ограничена вертикальными и нависающими обрывами высотой от 5—8 м в основании треугольника и до 40 м в его северной

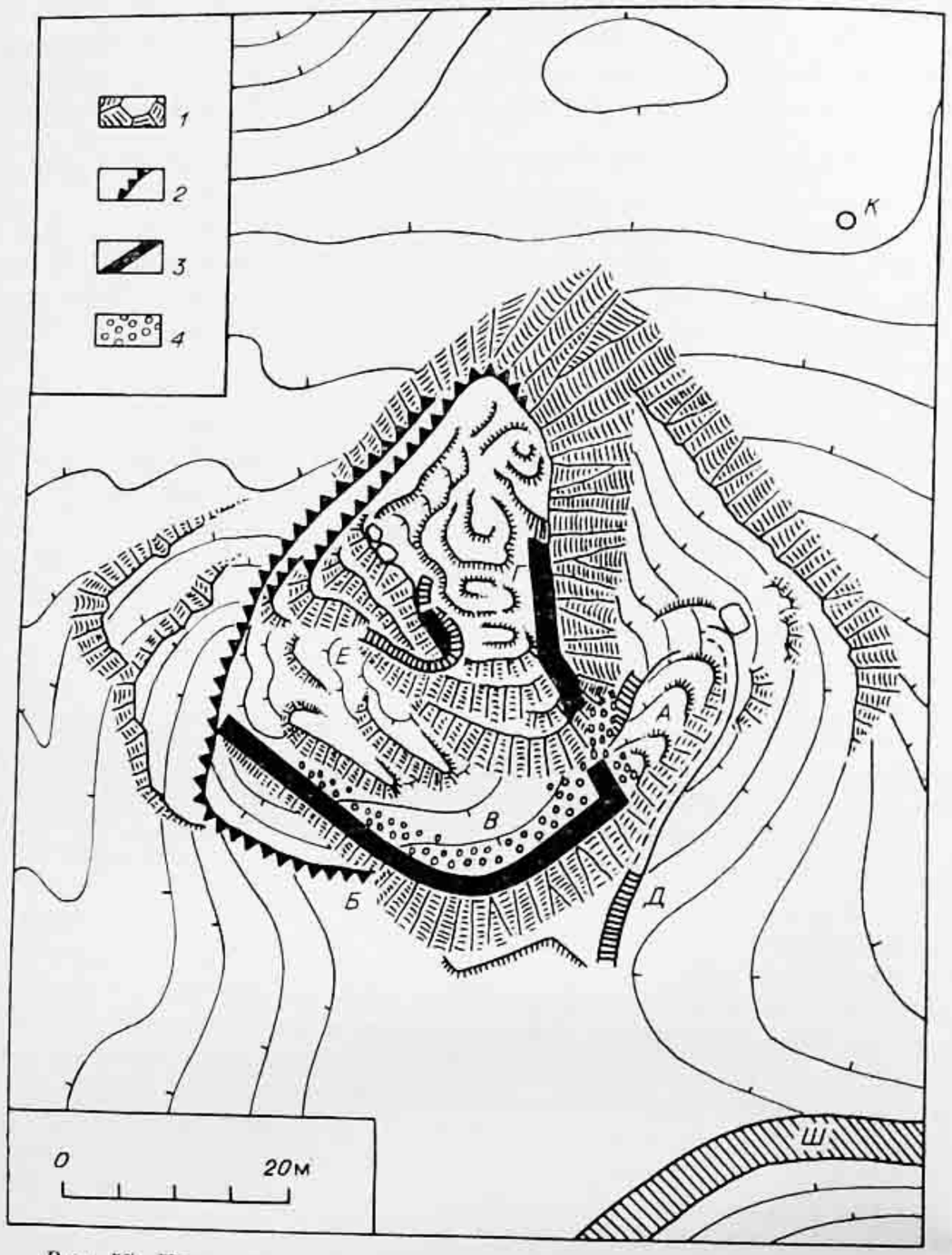


Рис. 57. План укрепления Учансу-Исара. Съемка автора, 1963 г.

1 — скальные обрывы; *2* — скалы с отрицательным наклоном, нависающие; *3* — оборонительные стены; *4* — развалы камня; А — вход в укрепление, ворота разрушены; Б — западное прясло южной стены; В — поворот и восточное прясло южной стены; Г — меридиональная куртина на обрыве; Д — современная лестница в начале дороги и старая дорога ко входу в укрепление; Е — лестничный выруб в скальном косогоре; К — колодец; Ш — шоссе к пос. Чехово (б. Аутка).

вершине. Периметр неприступных обрывов — 140—150 м, длина оборонительных рубежей исара — 115—120 м, из них 65 м усиливалось боевыми стенами и 50—55 м приходилось на неприступные обрывы, главным образом с северо-западной стороны, штурмовать которые было совершенно бесполезно.

Поверхность скалы в целом круто наклонена к югу. В северной оконечности, на самой вершине, находится относительно ровная терраса 15×22 м, ниже — вторая терраса 30×10 м, отделенная от первой скальным косогором со ступенчатым микрорельефом, характерным для грубослоистых трещиноватых известняков. В общем, из 900—950 кв. м площади укрепления на эти две более или менее ровные террасы приходится не более 600 кв. м, но приблизительно половина этой небольшой площади занята неровностями рельефа. Как говорится, не разгуляешься!

С южной стороны на скалу взбирается неширокая дорога. Сейчас она начинается лестницей, но это — позднейшая реконструкция. В прошлом колесные повозки и всадники поднимались по пандусу прямо от основания скалы, делали поворот налево и оказывались перед воротами крепости. К воротам вела небольшая лестничка, остатки которой еще видны. Противник должен был проходить перед фасом укрепления, защищенным левым боком; это нарушало одну из заповедей фортификационного строительства. Однако, сосредоточившись на площадке перед воротами, противник неизбежно попадал под перекрестный обстрел, вынужденно подставляя свой незащищенный правый бок под меридиональную куртину, тянувшуюся от ворот в северном направлении по скальному косогору и краю обрывов восточного оборонительного рубежа. Возможно, привратная терраса площадью около 250 кв. м, имеющая в плане треугольную форму и наклоненная круто к северо-восточным обрывам, в прошлом имела дополнительный оборонительный пояс в виде парапета. Остатки его прослеживаются от ворот укрепления до поворота дороги. Планировка боевых стен Учансу-Исара предельно проста и экономична (см. рис. 57).

Вход в укрепление сейчас полностью разрушен. Осталась лишь груда камней, завалivших верхнюю часть входной лестнички. По рельефу основания под грудой завала и остатками стены совершенно точно устанавливается, что ширина ворот не превышала 1,5 м. При Кеппене вход еще был цел и представлял собой «арку вышиною слишком в три сажени»[11], изображенную, кстати, на титульном листе «Крымского сборника» (рис. 58, справа). Высота входа, по-видимому, завышена — вряд ли она была более 3—3,5 м. На упомянутом рисунке вход помещен несколько ближе к углу стены, чем в действительности (в 3,5—4 м от угла). В развалах камня много туфовых блоков, из которых была сложена арка ворот. На рис. 59 дана реконструкция входа в Учансу-Исар и всего оборонительного пояса.

Прямой угол боевой стены юго-восточнее ворот сохранился в высоту на 4—4,5 м. Он опирается на скальное основание и выложен из необработанного мелкого и среднего камня, хорошо подобранного по форме и скрепленного прекрасно сохранившимся вяжущим раствором. Наряду с местным известняком в кладке угла использованы плитчатые камни песчаника, подчеркивающие горизонтальность рядов кладки, но их немного. Толщина стен, сопряженных в прямом углу, всего 1,5 м, чем эти стены и отличаются от стен других исаров.

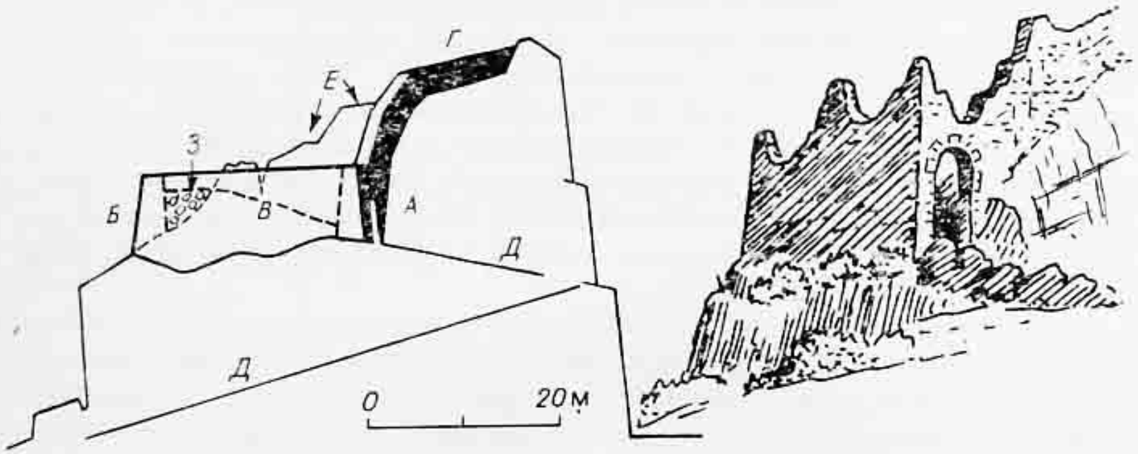


Рис. 58. Профиль скалы с Учансу-Исаром и контур оборонительных стен. Вид с юго-востока. Справа — вход в Учансу-Исар (меридиональная куртина с воротами, прямой угол и восточное прясло южной стены), как он выглядел в начале XIX в. (по рисунку Чернецова на титульном листе «Крымского сборника» П. И. Кеппена, 1837 г.).

З—каменный завал за стеной на нижней площадке укрепления. Остальные буквенные обозначения те же, что и на рис. 57.

От прямого угла до западного фланга стена вначале простирается в юго-западном направлении, затем плавно разворачивается к северо-западу и имеет общую длину 42—43 м. Она выходит к неприступным западным обрывам, высота которых достигает 15—20 м. В зоне четвертьокружного поворота стена сильно обрушена и продолжает разрушаться. Высота сохранившейся ее части колеблется от 3 до 6 м. Стена выложена на крутом скальном косогоре, ниже которого

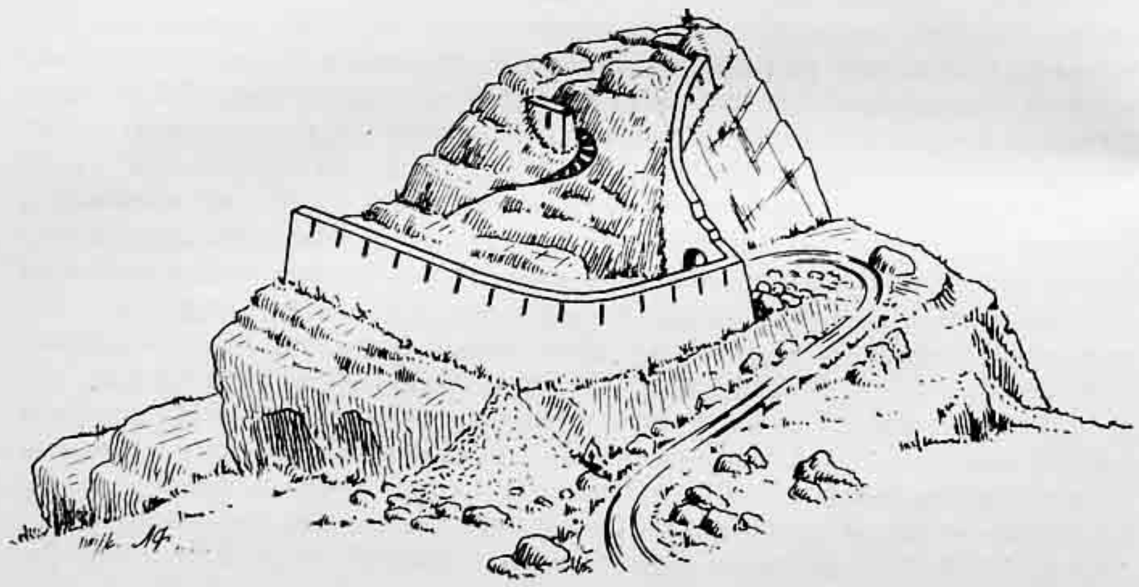


Рис. 59. Оборонительные стены Учансу-Исара. Вид с юга; реконструкция. На скальном косогоре между нижней и верхней площадками показана вырубная лестничка. На переднем плане, под четвертьокружным поворотом боевой стены — современная осыпь строительного камня.

находятся обрывы высотой до 10 м, дополнительно усиливающие неприступность юго-западной куртины. Толщина стены на уровне сохранившихся рядов кладки — 0,8—0,9 м, у основания — 1,4—1,5 м. Плоскости ее наружного и внутреннего панцирей наклонены под углом около 85°. Боевой полок, парапет и бойницы не сохранились, однако Кеппен упоминал «узкие длинные просветы» — амбразуры, которые находились, вероятно, в 6—7 м от основания стены.

После знакомства с другими исарами Южного берега удивительно малой кажется толщина стены Учансу-Исара. Возможно, объяснение можно найти в том, что она выполняла главным образом роль крепиды, которая сдерживала от сползания каменную забутовку. С помощью этой забутовки была выровнена поверхность скалы и устроена искусственная терраса до уровня боевого парапета. Защитники укрепления могли спокойно разгуливать за относительно невысоким — около 1,5 м — парапетом, имея с наружной стороны запас высоты над головами противника в несколько саженей. Забутовка как бы соединяла в единый монолит относительно маломощную крепиду и скалу, благодаря чему увеличивалась прочность всего сооружения.

От ворот укрепления вверх по скале, по краю обрыва, огораживающего привратную террасу, поднималась стена того же профиля. Постепенно она переходила в парапет, венчавший гребень обрыва. Длина восточной меридиональной куртины составляла всего 18 м, из них на парапет приходилось 10—11 м. Он сохранился в высоту на 0,5—1 м и первоначально вряд ли превышал 1,5 м, толщина его равнялась 0,7—0,9 м. Северным флангом парапет примыкал к скальному уступу на верхней площадке укрепления.

Остатки очень короткого парапета до сих пор заметны и на юго-западной бровке верхней террасы, в том месте, где с нижней террасы на верхнюю в скальном косогоре вырублена каменная лестница шириной в одну ступню. Другие стороны верхней террасы и без оборонительных устройств были достаточно неприступными. Если все укрепления представляли значительные трудности для штурма, то верхняя терраса его служила как бы миниатюрной цитаделью.

Этим исчерпывались оборонительные сооружения Учансу-Исара, очень экономичные в своем объеме, превосходно вписанные в сложный рельеф крепостной скалы, гармонично дополнявшие ее естественные оборонительные рубежи. В общей сложности объем кладки не превышал 400 куб. м, из них на камень приходилось 340—350 куб. м, известковый раствор — 25—30 куб. м и столько же на гравий и гальку в качестве балластных примесей.

Кладка стены и парапетов единообразна. Строители Учансу-Исара использовали в основном местный известняк в виде бутового камня мелкого и среднего размера (длина 0,2—0,5 м), подобранного по форме и пригнанного без подтесок. Редко в кладке попадаются глыбы длиной 0,8—1 м, но только в основании стены. Камни уложены нечеткими горизонтальными рядами и в целом очень плотно; объем пазов и швов, заполненных раствором, не превосходит 10—15 %. Наряду с бутовым известняком использован плитчатый песчаник на

всех уровнях кладки и кое-где горизонтальными рядами, обеспечивающими большую устойчивость сооружения.

Структура стены и парапетов — четко двухпанцирная. Это общая черта всех исаров Южного берега. Толщина панцирей — 0,3—0,5 м и более, при этом наружный панцирь всегда несколько мощнее внутреннего. Между панцирями с регулярной кладкой пространство забучено мелким камнем и щебнем.

Для скрепления кладки по всей толщине стены и парапетов — и в панцирях и в зоне забутовки — был использован вяжущий раствор из чисто-белой гашеной извести тонкого помола. В качестве наполнителя применены мелкая галька и гравий в количестве 30—60 %, а также тонкая керамическая крошка — около 5 %, иногда больше. В пазах кладки, залитых вяжущим раствором, много обломков гончарной посуды (в том числе ручек амфор и кувшинов) и кровельной черепицы. Вяжущий раствор лучше всего сохранился в зоне забутовки между панцирями и в глубине панцирей. Близ поверхности наружного панциря он сильно выветрился. Вследствие этого наружный панцирь находится в неустойчивом равновесии, кое-где изменил наклон на обратный, местами уже обрушился и повсеместно готов вот-вот рухнуть совершенно. Вцепившиеся в распатанные временем камни плети плюща — совсем не то, что нужно стенам Учансу-Исара, чтобы предохранить их от дальнейшего и полного разрушения.

6

Жилых построек или хотя бы заметных их развалов внутри Учансу-Исара не сохранилось. Возможно, незначительные их остатки скрыты под завалом на нижней террасе укрепления. Поверхность верхней террасы не только лишена каких-либо каменных развалов, но даже и почвы — это безрадостная голая скала с жалкими пучками травы и редкими кустиками, торчащими из трещин. Как раз благодаря отсутствию развалов, наносов и почвы сразу же обращаешь внимание на вырубы в скальной поверхности верхней террасы, служившие основанием для тесных жилищ. Объем жилого комплекса на крепостной скале был очень небольшим, соответственно малой площади укрепления. Из тех 900—950 кв. м, которые составляют всю площадь Учансу-Исара, лишь 300—350 кв. м могло быть использовано для возведения построек, а это значит, что число их не превышало 10—15.

Именно поэтому количество керамических остатков в укреплении невелико. Вместе с тем они настолько характерны, что позволяют уверенно считать само укрепление средневековым в широких пределах — от раннего средневековья до зрелого и позднего. Это обломки гончарной посуды с красным и оранжевым черепком (ангобированные и без ангоба, гладкостенные и рифленые амфоры и кувшины с округлыми и уплощенными донышками; гладкостенные и ленточные пифосы, судя по толщине стенок, достаточно емкие; мелкая кухонная посуда и т. д.), обломки кровельной черепицы с разно-

образными профилями бортиков, дождевыми валиками и грекоалфавитными знаками [12].

Обломки посуды (амфорные ручки и ручки кувшинов) и черепиц рассованы строителями крепостных стен в пазы кладки на всех уровнях, и если вяжущий раствор в пазах сохранился, то извлечь их оттуда не просто. Именно эти «визитные карточки» каменщиков представляют самый надежный датирующий материал. Расчистка на нижней площадке, где только и мог сохраниться культурный слой Учансу-Исара, почти ничего не прибавляет к коллекции керамических обломков, замурованных в кладке. Остается только добавить, что в расчистках попалось несколько обломков посуды с желтой глазурью (поливой) и совершенно не встречено лепной керамики.

7

Маленькая крепость на отшибе! Исар, прячущийся в складках горного рельефа!

Можно думать, что именно благодаря этому его стены сохранились лучше, чем в других укреплениях Южного берега, а бурные события истории не захлестывали верховья Учан-Су и волны пришельцев не разбивались у подножия крепости и не обрушивали ее боевых сооружений! Удивительно, не правда ли? Но так, вероятно, и было.

Представим себе обратное — осаду крепости летящей воды. Что после этого можно было ожидать на месте Учансу-Исара? Скорее всего — сплошные развалины. В самом деле, мог ли этот исар выдержать серьезную осаду? Нет и нет! Прежде всего, он абсолютно безводен; поблизости, правда, есть обильные источники воды, но все они легко блокируются. Кроме того, на буквально микроскопических площадках исара негде развернуться хотя бы полусотне защитников. Наконец, при всей кажущейся неприступности вся постройка могла быть засыпана градом стрел и пращных камней со склона, подходящего к крепости с юго-востока и юга. И уж конечно, если бы крепость когда-либо пережила осаду и штурм, то ее не особенно мощные стены были бы разбиты вдребезги и до основания, как это, может быть, и произошло в Ялте и еще кое-где на Южном берегу. Однако даже сейчас стены Учансу-Исара сохранились по крайней мере наполовину, а полтораста лет назад, как говорилось, на них еще были видны бойницы и в совершенной целости находились ворота. В т. XIV «России» на с. 144 помещена фотография Учансу-Исара, сделанная, по-видимому, после 1900 г. или, может быть, несколько раньше. На ней виден и прямой угол возле ворот, и южный край меридиональной стены, примыкавший к воротам.

Нет, никто не разбивал стен крепости таранами. На них не видно характерных брешей и следов последующих реставраций. Стены рушатся сами по себе. Вначале выветривается известковый раствор в наружном панцире и в верхней части стены. Достаточно малейшего толчка, чтобы ставшая неустойчивой кладка такого панциря превратилась в каменную россыпь. Затем разрушения захватывают внутреннюю часть стены и внутренний панцирь, появляются сквозные

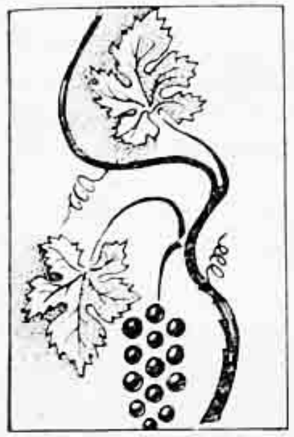
бреши, пробитые неумолимым временем и безжалостными силами природы.

«Мрачный лес, отсюда вверх покрывающий скалы гор,— писал П. И. Кеппен,— ни к чему ныне уже не ведущие ворота, столькими веками пережившие своих строителей, шум ручья, который серебристою струею летит с отвесной скалы для того, чтобы скрыться во тьме лесной... все это наводит на вас какое-то необыкновенное уныние, являющее вам всю суетность дум человеческих и всего более ничтожность земных прихотей, которых утоление столь часто есть верх мнимого блаженства»[13].

Проникнутые торжественностью окружающей природы, печальным видом руин, вы переноситесь мыслями в далекое прошлое, к тем, кто некогда строил этот исар, кто коротал в нем долгие дни и ночи, кто вслушивался в шум водопада и шелест деревьев, ища в привычных звуках нотки опасности. Вам хочется найти в кучах камней нечто большее, чем только звонкие черепки,— хоть что-нибудь, что раскрыло бы перед вами судьбы ушедших поколений. Но руины молчат. Кое-что прояснив в истории прошлого, они не в состоянии открыть перед вами двери в духовный и материальный мир тех, кто сотни лет назад взбирался по склонам этой игрушечной крепостной горки. Быть может, и они с надеждой заглядывали в будущее: «Я жив. Я буду жить. Я буду». Может быть!

XV

ОРЕАНДА — СКАЛЫ И ВИНОГРАДНИКИ



Дорога от Ялты, через Ливадию в Ореанду, ведет к мысу Ай-Тодор. Расстояние между ними по прямой 7,5 км. Береговая полоса имеет здесь юго-западное направление и представляет собой холмистый и крутой склон, сплошь покрытый лесом и усеянный скалами.

Еще почти два столетия тому назад П. С. Паллас упоминал Ореанду (Ургенду) как укрепление на скалистом бугре, с оборонительными стенами из дикого камня, с обломками черепицы и битых горшков. П. И. Кеппен повторил эти сведения, но лишь мимоходом, не добавив ничего нового. Сравнительно недавно, лет сорок-пятьдесят тому назад, в руинах средневековой Ореанды собирала керамику Е. И. Виснеовская, и кое-что из ее находок осталось в фондах Ялтинского музея. Вот и все. Ни в современных публикациях, ни в отчетах, хранящихся в архиве ОАСА, я не нашел ни строчки об укреплении в Ореанде, когда в 1963 г. обратился к этому месту в поисках средневековых исаров.

Часто случается, что вещи далекие привлекают больше внимания, а то, что находится в двух шагах, долгое время ждет своего часа и остается в тени. Так случилось и с Ореандой. Впервые она была нанесена на план автором в 1963 г. К тому же году относятся и все те небольшие открытия, о которых рассказано в этой главе. В 1967 г. разведочные раскопки были проведены в Ореанде О. И. Домбровским. Тогда же раскопан маленький храм на средневековом могильнике, найденный годом раньше при проходке коммуникационной траншеи в развилке дорог, поблизости от остановки «Ореанда». В 1968 г. один молодой любитель археологии из Ялты на свой страх и риск раскопал несколько средневековых могил в пределах самого исара, наткнулся на громадных размеров пифос, бросил раскоп и хотел было стушеваться, справедливо догадываясь о грядущем возмездии со стороны археологов, но был уличен и притянут к ответу. На месте его начинаний был заложен второй раскоп, вскрывший ку-

сочек боевой стены и внутренний могильник исара [1]. Так обнаружились остатки исара и двух средневековых могильников. Кроме того, над Ореандой давно был известен таврский могильник с еще в прошлом разграбленными каменными ящиками, открытый неизвестно кем и когда.

Все эти памятники прошлого, сосредоточенные на небольшой площади, составили довольно выразительный и типичный для археологии Южного берега ансамбль. Прежде чем обратим свой взгляд на памятники прошлого Ореанды, познакомимся с некоторыми особенностями ландшафта этого места.

1

Старое верхнее шоссе Ялта — Гаспра, минуя Ливадию, проходит в узком дефиле между конической горкой слева и обрывистыми скалами известняков справа. Здесь находится автобусная остановка «Ореанда». Сама же Ореанда лежит ниже шоссе, ближе к морю. Несколько дальше этого места, единственно удобного для дороги, верхнее шоссе отпочковывает затейливый серпантин нижнего шоссе, огибающего миниатюрную котловину, раскинувшуюся юго-западнее Ореанды (рис. 60). Назовем ее Ореандской котловиной. Она хорошо защищена холмами и скалами от ветров и прямо-таки перенасыщена солнцем. На ее склонах раскинулись одни из лучших виноградников Южного берега.

Если побродить между куртинами виноградных лоз, то можно скоро убедиться в том, что в прошлом эти места были обжиты, заселены довольно плотно: тут и там попадаются обломки черепицы, глиняных сосудов, остатки построек.

Коническая горка слева от дефиле Ореанды носит название Крестовой в память о некогда стоявшем на ее вершине символе христианской веры. Но Крестовых гор, Крестовых скал, Ставри-Кая и т. п. в Крыму немало. Во-первых, на Южном берегу более известна Крестовая гора над Алупкой, на которой нам еще предстоит побывать, обследуя Алупка-Исар; во-вторых, в самой Ореандской котловине есть еще одна Крестовая горка, заслуживающая это название в большей степени. Поэтому будет удобнее, если Крестовую горку Ореанды мы условимся называть просто Ореандой.

Вершина конической горки Ореанды возвышается на 200 м над ур. м. и только на 25—30 м — над седловиной. Ее западный и южный склоны круты, но не обрывисты. Они переходят в склоны Ореандской котловины. С северной и восточной сторон горка ограничена скалистыми обрывами, у подножия которых раскинулись обширные поля каменных развалов, не менее значительных, чем, например, под Палеокастроном. Особенно много скал и каменных развалов между горкой и берегом моря. Обычно здесь проводят состязания скалолазы, приводящие в трепет и восхищение немногочисленную публику.

Конус горки, видимый издали с западных направлений, представляется довольно гладким (рис. 61). До самой вершины он покрыт лесом, скрывающим неровности рельефа. Стоит проникнуть,

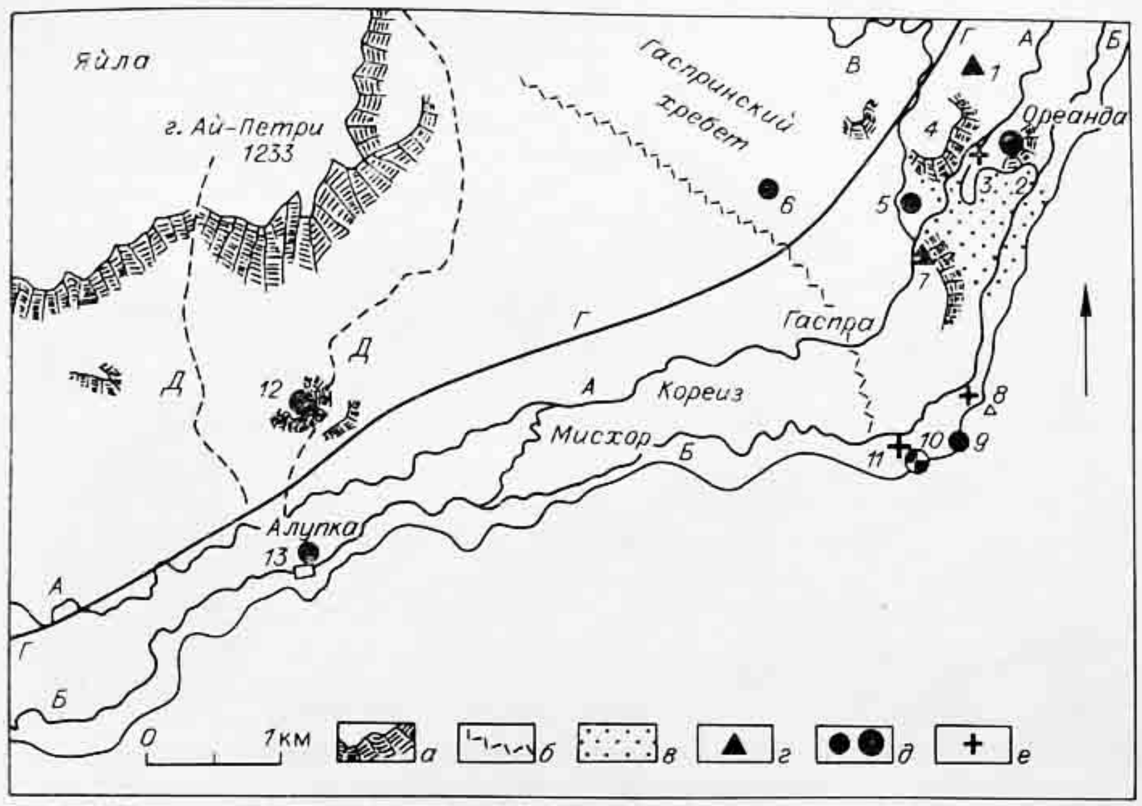


Рис. 60. Исары и другие объекты между Алупкой и Ореандой.

а — обрывы Яйлы; *б* — юго-западное ограничение Гаспринского хребта; *в* — Ореандская котловина; *г* — таврские могильники; *д* — средневековые исары; *е* — средневековые могильники. *1* — могильник над Верхней Ореандой; *2* — исар на Крестовой горе Ореанды; *3* — могильник в развилке дорог; *4* — гора Ай-Никола; *5* — исар на Хачла-Каясы; *6* — Гаспра-Исар; *7* — могильник у Гаспры; *8* — мыс Дакокнари-Топрах; *9* — безымянный исар у Ласточкина гнезда; *10* — римская крепость Харакс; *11* — могильник у Харакса; *12* — Алупка-Исар (на Крестовой горе над Алупкой); *13* — исар на месте Воронцовского дворца (не сохранился). А — старое верхнее шоссе; Б — старое нижнее шоссе; В — подъем к Ай-Петринскому перевалу; Г — новая автомагистраль; Д — старые дороги к горным проходам.

однако, под эту лесную покрышку, как тотчас попадаешь в лабиринт глыбовых нагромождений и скал. Сравнивая горку с конусом, нужно иметь в виду, что такой вид она имеет только с западной и юго-западной сторон. Со стороны Ливадии ее вообще трудно заметить за кронами придорожных деревьев, а с моря она представляется в виде обычной для Южного берега обрывистой скалы.

Растительность скалисто-каменистой вершины — кева и древовидный можжевельник. Попадаются можжевельники с диаметром стволов 60—90 см. Их возраст — около 500—700 лет; возможно, некоторые деревья еще более старые. На склонах, обращенных к Ореандской котловине,— заросли каменного дуба, ясеня, грабинника с неизменным подлеском колючих кустов и прежде всего иглицы.

Геология этих мест обычна для южнобережья. Склон от подножия Яйлы и до моря сложен сланцами таврической формации, на них громоздятся гигантские блоки верхнеюрских известняков. Они вытянуты в меридиональные и северо-западного простирания гряды (хребет Пендикюль, система гряд Гаспринского хребта) и опускаются к морю ступенями.

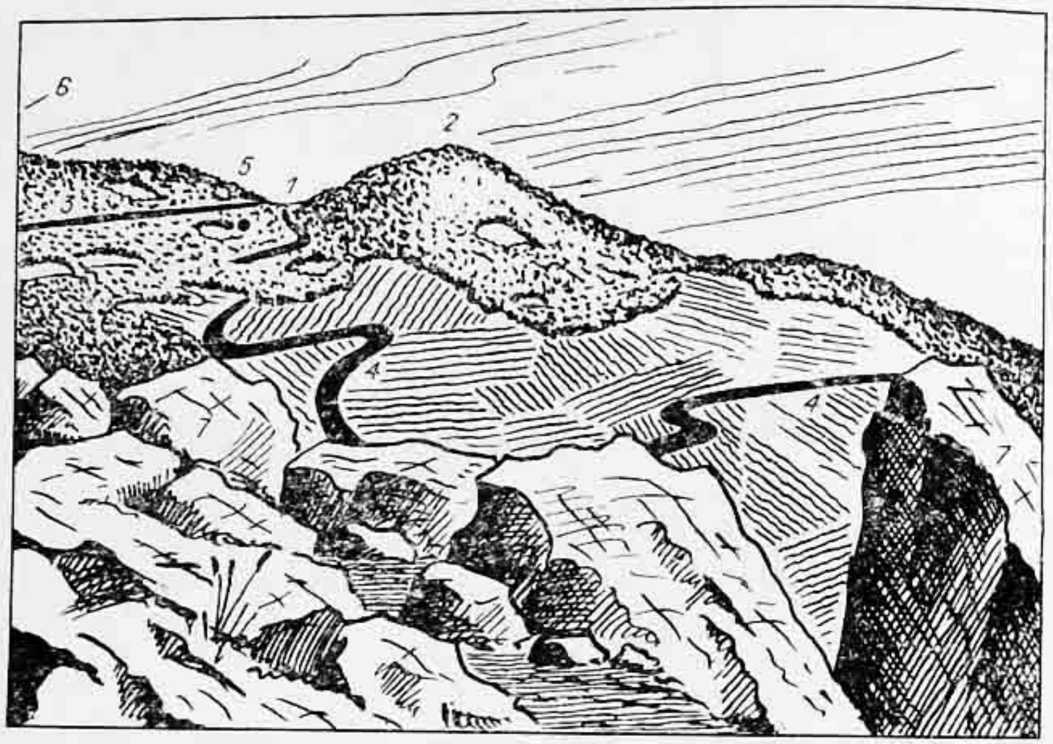


Рис. 61. Гора Крестовая в Ореанде. Вид с вершины Хачла-Каясы.
1 — седловина; *2* — вершина горы Крестовой с укреплением; *3* — старое верхнее шоссе; *4* — спуск к мысу Ай-Тодор (к нижнему шоссе); *5* — место часовни и могильника в развилке дорог; *6* — направление на таврский могильник; *7* — скалистый край Хачла-Каясы.

Горка Ореанды сложена известняками, которые от ветхости и вследствие многочисленных трещин разваливаются на глыбы; слоистость известняков в этом блоке имеет вертикальное положение. Не будет преувеличением сказать, что вся гора представляет собой хаотическое нагромождение каменных глыб, поражающих своей величиной. Дело здесь, надо полагать, не обошлось без вмешательства землетрясения, сокрушившего трещиноватую скалу, однако катастрофа эта разразилась задолго до того, как на горе появились крепостные стены. Впрочем, и в дальнейшем подземные толчки вызывали обрушения в Ореанде. Были они и в 1927 г.

Котловина Ореанды огорожена полукольцом скал и холмов. Обилие солнца, защищенность от холодных северных ветров и наличие богатых красноземов создали благоприятные условия, которые обеспечивают эффективное использование каждого ее квадратного метра под виноградники. Виноградарство в Ореанде имеет многовековую историю. Оно процветало и приносило значительный доход в бытность Ореанды императорским имением. Богатые виноградники имели здесь генуэзцы. Несомненно, и в период раннего средневековья в этих местах уже было развито виноградарство.

2

«Орианда, Юрьянда, Урьянда суть изменения одного и того же названия в устах татарских,— читаем мы у Кеппена. — Граф П. О. Потоцкий, в хранящемся в Венской придворной библиотеке

атласе Анконца Бенинказы 1480 г., после мыса Ай-Тодор нашел место Gorian, которое, вероятно, есть не что иное, как наша Орианда»[2].

Ссылка на атлас 1480 г., в котором Горнан и по положению и по звучанию действительно соответствует Ореанде, важна: она позволяет рассматривать данный элемент топонимики как определенно средневековый. Фонетика и корневая основа этого названия снова заставляют нас обратиться к греческому лексикону. При этом нужно учесть, что во времена Кеппена писалось *Орианда*, сейчас — *Ореанда*, что, по всей вероятности, неправильно, если ориентироваться на *Гориан* Бенинказы, но и тому и другому варианту могут быть даны толкования.

Обычно название Ореанды производят от ὄριον — граница, предел. Поскольку это слово произносится с густым придыханием, фонетически оно близко к *Гориан*. Положение Ореанды в системе гряд и скал Гаспринского хребта, отделяющего Ялтинскую котловину (вместе с Ливадией) от участка берега между Мисхором, Гаспрой, Корензом, Алупкой, вполне соответствует такому толкованию. Это действительно граница между двумя крупными территориями, и именно на ней находился значительный укрепленный пункт.

Второе толкование исходит из ὄρος (с легким придыханием) — гора (откуда и название горных нимф — ореад). В самом деле, гористый рельеф окружения Ореандской котловины, обилие скал и каменных хаосов, водораздельных гряд и глубоких балок между ними — разве этого не достаточно, чтобы окрестить данное место таким образом? Если и сейчас местность на периферии котловины выглядит довольно-таки дикой, то в прошлом эта черта ее была, безусловно, еще более выразительна. Почему бы не предположить в таком случае, что в воображении обитателей плодородной котловины ее стражами должны были стать доброжелательные ореанды?

Третий вариант менее вероятен, но он возникает из той особенности названия, что его окончание трудно произвести, используя и ὄριον и ὄρος. Не составное ли слово *Ореанда*? Не происходит ли оно от греческих ὥρατος, ὥριος (спелый, зрелый) и ἄνδηρα (грядка)? Что-то в смысле «цветущая или спелая грядка или виноградник». Разумеется, это вольное, но не невероятное толкование. Оно могло бы как нельзя лучше отразить всю прелесть Ореандской котловины, однако не будем на нем настаивать, ибо и первые два толкования вполне удовлетворительны.

3

Через две сотни шагов от остановки «Ореанда» прямехонько попадаешь на вершину Крестовой горы и тотчас убеждаешься, что стремился сюда не напрасно: здесь находится один из средневековых исаров Южного берега Крыма — один из типичных исаров.

При взгляде на план (рис. 62, 63) невольно сравниваешь укрепление Ореанды с круглодонной амфорой, положенной на бок. Гор-

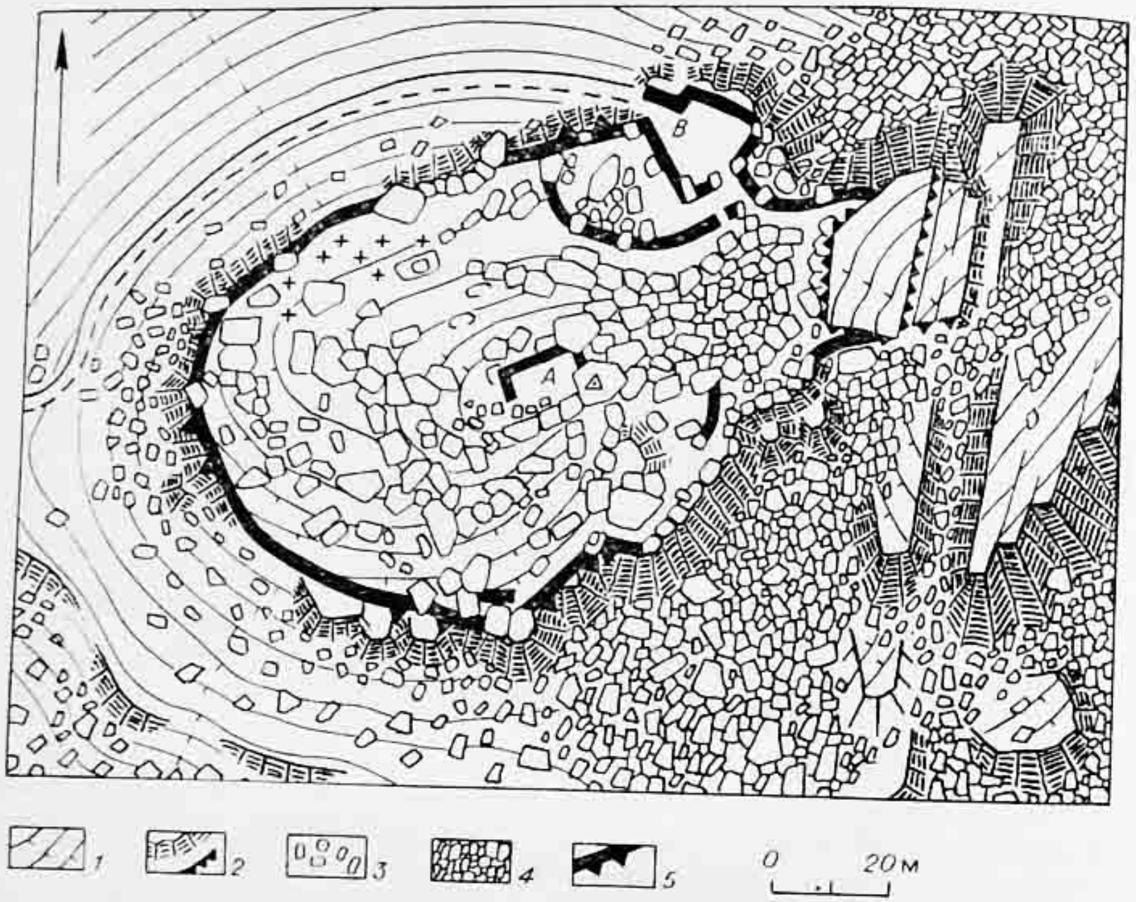


Рис. 62. План исара на Крестовой горе в Ореанде. Съемка автора, 1963 и 1968 гг.

1 — горизонтали (схематическая прорисовка рельефа); *2* — вертикальные и с обратным наклоном обрывы известняков; *3* — каменные россыпи и развалы; *4* — мощные каменные развалы; *5* — оборонительные стены и заклады расселин. А — постройка на вершине горы (храм); В — ворота (см. рис. 64). Крестики — зона позднего могильника.

лышко амфоры повернуто к востоку. Одна из ее ручек — это остатки оборонительных стен в районе входа в укрепление. Вторая ручка отбита. В общем площадь укрепления по форме близка к неправильному овалу, имеющему поперечники в 135 и 70 м; она составляет около 1 га, причем больше половины ее занято каменным завалом.

С северо-востока, востока и юго-востока укрепление ограничивают скальные обрывы глубиной (или высотой — все зависит от того, с какой точки на них смотреть) 5—50 м и даже больше. В восточном окончании укрепление выходит на скальный блок известняков, голая поверхность которого кое-где проткнута стволами древовидных можжевельников, вырастающих из трещин, казалось бы, абсолютно безжизненного камня. Эта поверхность круто наклонена к западу. К скальному блоку ведет узкий проход (рис. 64, Г) среди глыбовых нагромождений, спускающихся с вершины горы. Сама вершина занимает в пределах укрепления почти центральное положение (см. рис. 62, 63).

В западном окончании укрепления, обращенном к дорожному дефиле, склон горы также обрывист, но высота обрывов здесь не превосходит 5 м. Крутизна северного, западного и юго-западного склонов ниже оборонительного периметра достигает 30—35°.

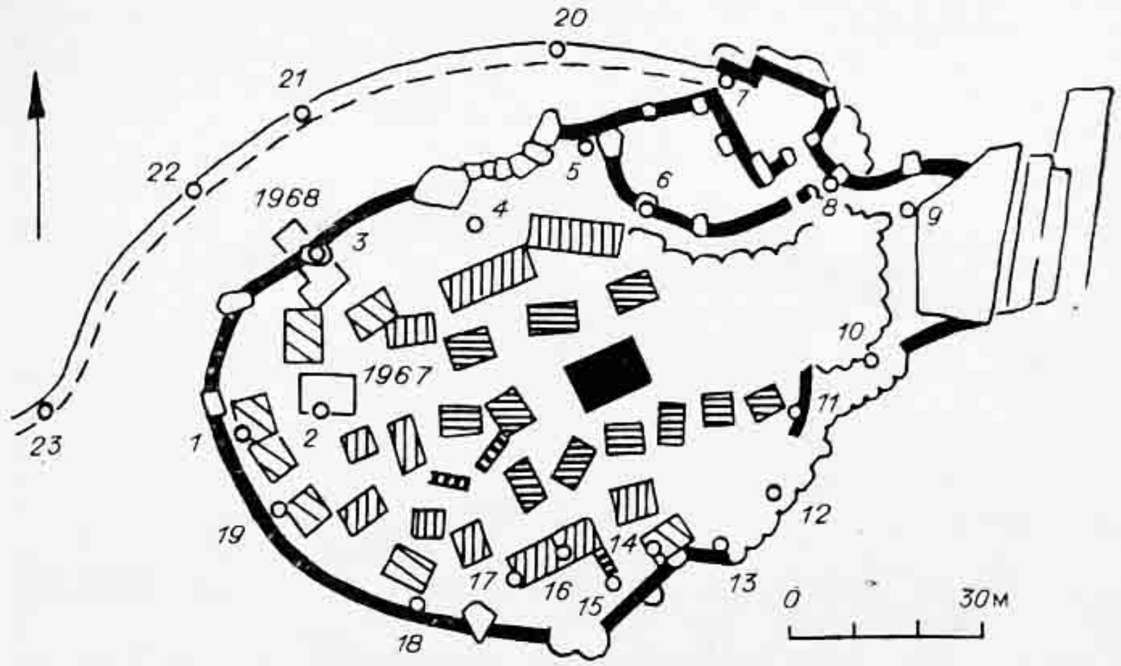


Рис. 63. Схема оборонительного периметра и жилого комплекса исара на Крестовой горе в Ореанде.

1—23 — точки съемочного хода. Черные линии — оборонительные стены. Черный прямоугольник — постройка на вершине горы. Прямоугольники с разной штриховкой — ровные площадки среди скал и глыб, расположенные на разной высоте. Отмечены раскоп 1967 и 1968 гг.

В 1963 г. была проведена полуинструментальная съемка укрепления. Для съемочного хода избраны наиболее приметные точки, которые легко найти на местности. На рис. 63 показано отношение съемочного хода к оборонительному периметру укрепления. В табл. 3 приведены расстояния и азимутальные (магнитные) направления между точками.

Общая длина рубежей исара равна 380 м, из них 240 м были обнесены оборонительными стенами и 140 м приходились на бровки скальных обрывов и не имели оборонительных сооружений. В лучшем случае над обрывами были нагромождены глыбы, которые служили и предохранительным парапетом, и средством для отражения штурма.

В районе точки 7 (см. рис. 64) находились главные ворота на проезжей дороге. Здесь практически ничего не осталось, кроме разрозненных камней панцирной кладки и едва заметных колей в скальной поверхности обнаженного в полотне дороги известняка. К юго-востоку от ворот тянулась стена толщиной около 2 м и длиной до 20 м. Севернее шла вторая, наружная, стена, состоявшая из двух коротких куртин с угловым сопряжением. Между глыбами каменного хаоса прослеживаются остатки ряда коротких стен-парапетов (см. рис. 64, *8*); здесь находились вторые ворота шириной около 2 м. Между первыми и вторыми воротами заключена ровная площадка (см. рис. 64, А) размером около 100 кв. м, прекрасно простреливаемая с окружающих стен. Она представляла собой тамбур или протейхизму.

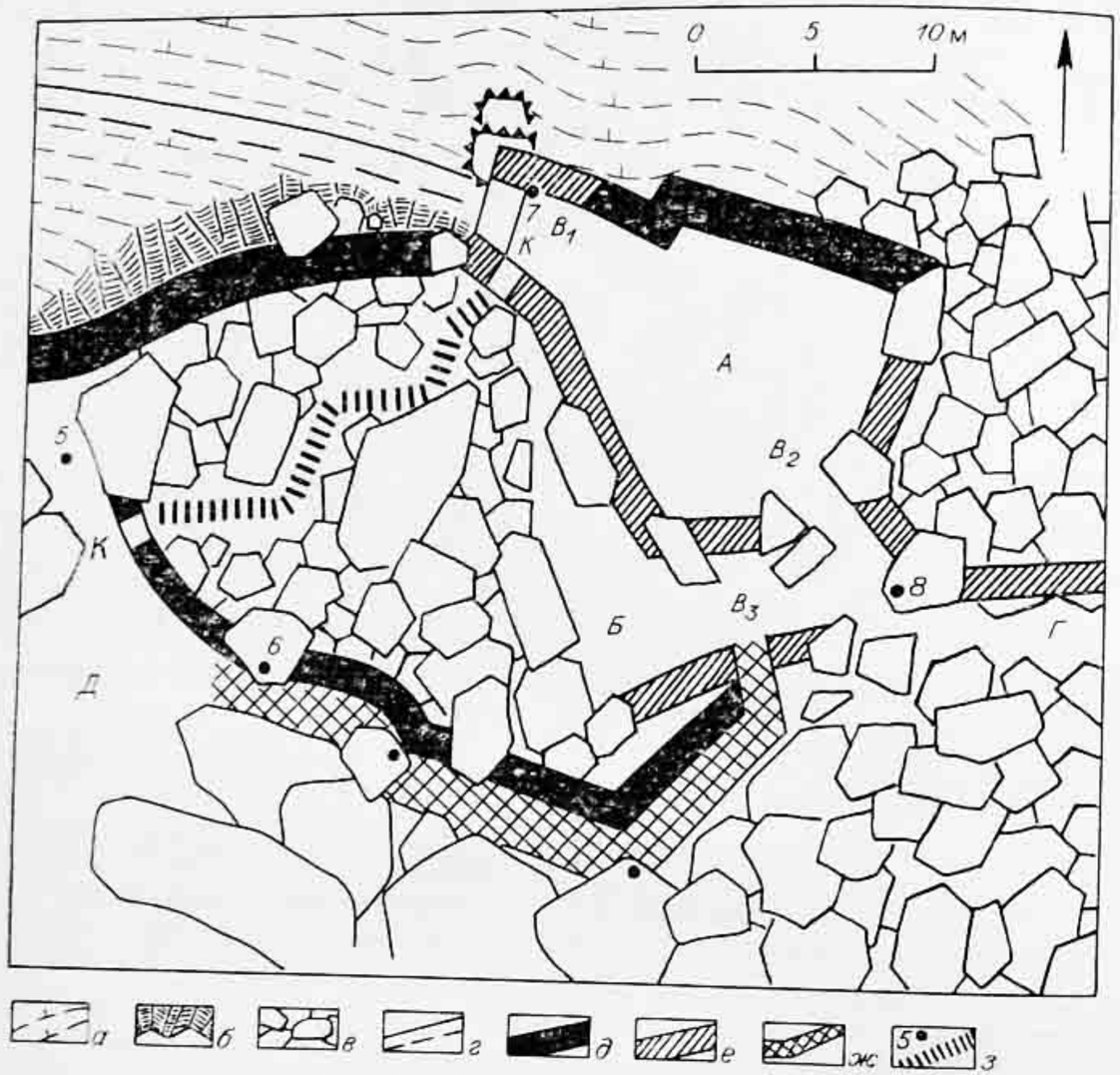


Рис. 64. Вход в исар Ореанды.

а — горизонтали (условно); *б* — скальные уступы; *в* — гигантоглыбовые развалы; *г* — дорога; *д* — оборонительные стены; *е* — стены, почти полностью разрушенные; *ж* — пандус; *з* — лестничка. Цифрами обозначены точки съемочного хода. А — насыпная терраса; Б — ровная площадка; $В_1$, $В_2$, $В_3$ — ворота; Г — проход к восточному краю исара; Д — верхняя терраса; К — калитка.

От оборонительных сооружений в районе ворот осталось едва ли 5 % кладки, поэтому многие детали входного устройства угадываются с трудом. Особенно это касается планировки сооружений возле вторых ворот. Вполне надежно прослеживается внешняя (северная) стена площадки А. Расчистки в нескольких точках открыли крупноглыбовое основание этой стены на крутом косогоре и несколько рядов мелкоглыбовой кладки ее наружного панциря. В значительной своей части площадка А представляет собой искусственную (насыпную) террасу.

От вторых ворот по краю глыбовых нагромождений поднимается в укрепление довольно широкий (местами до 2—3 м) пандус длиной около 30 м. Он выходит на площадку Д в пределах самого укрепления. Нижняя часть пандуса была защищена стеной (сохранился нижний ряд гигантоглыбовой кладки): остатки парапета видны по краю

Таблица 3

Точки съемки	Азимут, град	Расстояние, м	Точки съемки	Азимут, град	Расстояние, м
1—2	73,5	12,5	15—16	302	8,0
2—3	0	23,0	16—17	247	8,3
3—4	79	24,0	17—18	255	16,0
4—5	59	21,0	18—19	307	24,5
5—6	136	12,0	19—1	332	12,5
6—7	32	23,0			
7—8	135	23,5	*Старая дорога*		
8—9	104	13,0			
9—10	193	24,5	7—20	281	26,0
10—11	241	14,5	20—21	258	40,0
11—12	200	13,5	21—22	233	20,0
12—13	224	10,0	22—23	216	40,0
13—14	270	10,3	23—24	290	
14—15	236	9,5	Далее — выход на верхнее шоссе		

верхней его части, а также возле точки *6* и между точками *6* и *5*. Толщина парапета около 1,5—1,8 м. Парапет нависал над спускающимися к площадке Б гигантоглыбовыми развалами, в которых, от точки 7 к точке *5* были выложены марши каменной лестницы. Возле последней в верхнем парапете имелась калитка. Площадка Д возвышается над площадками А и Б на 7—10 м. Зона каменных развалов между парапетом пандуса и нижней стеной служила в качестве второй протейхизмы, усиливавшей оборону входа.

Основной оборонительный пояс исара начинается от точки 7. Между ней и точкой *5* по краю глыбовых развалов и над скальными ступенями на склоне горы видны остатки стены длиной 26 м и толщиной у основания 1,8—2,5 м. Стена начиналась у первых ворот и ограничивала вторую протейхизму с северной стороны. Ее кладка сохранилась главным образом в расселинах. Вместе с ней длина оборонительных стен входного устройства превышала 140 м.

Между точками *5* и *4* (см. рис. 63) найдены остатки гигантоглыбового основания полностью разрушенной стены, длина которой составляла около 17 м. Западным флангом стена примыкала к крупной глыбе. Полное ее разрушение нельзя объяснить естественными причинами: склон горы в этом месте не очень крут, чтобы можно было подозревать оползни, и не слишком каменист, чтобы можно было предполагать обвалы как причину разрушения.

Далее между точками *4—3—1* оборонительная стена состояла из трех коротких куртин (15+9+11 = 35 м), располагавшихся на линии перегиба склона и по бровкам небольших скальных ступеней. Раскаты строительного камня спускаются по склону горы до самой дороги. Похоже, что и здесь оборонительные сооружения разрушены намеренно. Однако под наносами сохранилась кладка стены до 3 м по вертикали. Именно в этом месте, у точки *3*, стена была вскрыта в 1968 г. раскопом.

Между точками *1—19—18* и далее к востоку стена делает плавный поворот, имеет длину около 65 м и флангом примыкает к крупному скальному выходу известняков. Этот скальный выход, служивший фланкирующим «бастионом», заметен на склоне горы издали, в виде небольшой проплешины среди зарослей (см. рис. 61). На юго-западном участке периметра, особенно между точками *19—18*, стена имеет наилучшую сохранность, но и здесь осталось не больше 30—35 % от первоначального объема кладки.

Северо-восточнее скального бастиона, в районе точек *15—14—13*, имеются остатки двух коротких (15+7 = 22 м) парапетов, нависавших над обрывами. Далее точки 13 весь юго-восточный участок оборонительного периметра (между точками *13—12—11—10*) проходил по краю обрывов между глыбовыми развалами. В каменных завалах были устроены тесные проходы, нередко перекрытые крупными плитами, с естественными амбразурами между хаотически нагроможденными глыбами, с лестничными переходами от площадки к площадке, расположенными на разной высоте. Предполье юго-восточного участка представляет собой нагромождение глыб, перебраться через которые даже в спокойной обстановке — дело совсем не простое.

Восточнее точки *10* сохранились остатки парапета, закрывавшего выход из узкого кулуара, сбоку от крупного скального блока. Остатки такого же парапета имеются и чуть севернее точки *9*, где можно было проникнуть в укрепление, обходя скалы блока по каменным развалам северо-восточного склона горы.

Этим исчерпываются оборонительные сооружения исара в Ореанде. Их общая длина невелика. Если принять стандартные размеры полнопрофильных стен и парапетов, то получим общий объем кладки сооружений в Ореанде около 2000 куб. м. При достаточном количестве строительного материала под руками эта работа могла быть выполнена в очень короткий срок ограниченным числом каменщиков.

Устройство обороны Ореанды типично для средневековых исаров Южного берега. Прежде всего обращают на себя внимание исключительная экономичность оборонительных сооружений. Они устроены только там, где это было крайне необходимо по условиям рельефа, и в таком сочетании друг с другом, которое обеспечивало наилучшую защиту. Описывая исары Южного берега от Алушты до Ореанды, мы уже видели, что строители тщательно учитывали естественные оборонительные «ресурсы» рельефа, используя малейшую возможность для сокращения объема работ: стены полного профиля заменяли парапетами или вообще не возводили, когда можно было положиться на непреступность скал и обрывов.

Другая черта — отсутствие в оборонительном периметре башен. При общей криволинейно-замкнутой конфигурации периметра, не имеющего входящих углов, это может показаться минусом, но стоит обратить внимание на то, как органически сплетены куртины стен и парапетов между скальными выступами. Эти выступы играли роль бастионов и обеспечивали фланкирование почти всех оборонительных рубежей. Какие башни могли быть прочнее и надежнее скал?

Остатки стен Ореанды незначительны. Было бы трудно составить по ним четкое представление о том, каковы структура стен и особенности кладки, если бы не два-три пункта в оборонительном периметре, где кладка сохранилась на высоту до нескольких метров.

Толщина полнопрофильных стен у основания обычно не больше 2,3 м, парапетов — 1,5—1.8 м. В поперечном сечении стены имели трапецеидальный профиль с приблизительно одинаковым наклоном плоскостей наружного и внутреннего панцирей. Наибольшей высоты они достигали, по всей вероятности, на северо-западном, северном и южном рубежах. Парапеты поднимались над прилегающими с внутренней стороны укрепления площадками всего на 1,5—2 м, тогда как полнопрофильные стены имели высоту 6—7 м.

Кое-где заметна трехзонная структура стен. Как полнопрофильные стены, так и парапеты имели наружный и внутренний панцири и забутовку. На юго-восточном рубеже в остатках полнопрофильной стены заметна кладка третьего панциря (рис. 65). Для кладки использован местный известняк, практически не обработанный. Размеры камня разные — от 0,1 до 2 м, причем наиболее крупные камни либо уложены в основание стен и парапетов, либо использованы для завала расселин, открывающих доступ в укрепление. На северо-западном и юго-восточном рубежах местами сохранились только один-два нижних ряда кладки в виде нагромождения гигантских глыб, служивших основанием полнопрофильных стен.

В остатках стен и развалах, в наносах, перекрывающих развалы в почве и старых мусорных свалках, на вершине горы и на скальных прощадках внутри исара — словом, всюду рассеяно колоссальное количество гальки и гравия, гашеной извести и довольно крупных кусков известково-гравийно-галечного вяжущего раствора. В соседстве с остатками стен их так много, что почва и рыхлые отложения зачастую на треть состоят именно из них. Все сооружения Ореанды были выложены на вяжущем растворе. Такой раствор хорошо сохраняется в забутовке. Возле точки *1*, где произо-

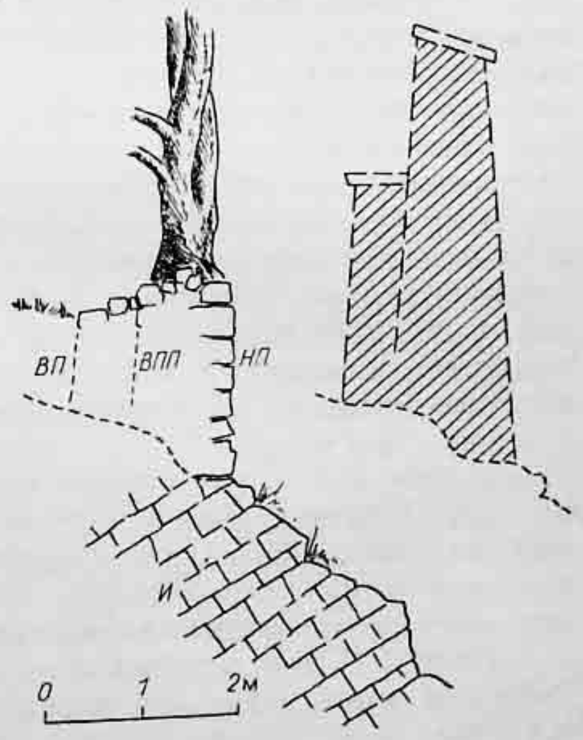


Рис. 65. Поперечный профиль оборонительной стены Ореанды на южном участке, между точками *18* и *19* (см. рис. 63).

И — скальные выходы известняков; ВП — внутренний панцирь стены; ВПП — внутренний панцирь парапета (четкий уступ); НП — наружный панцирь стены. Показан ствол древовидного можжевельника. Справа — полный профиль стены (реконструкция).

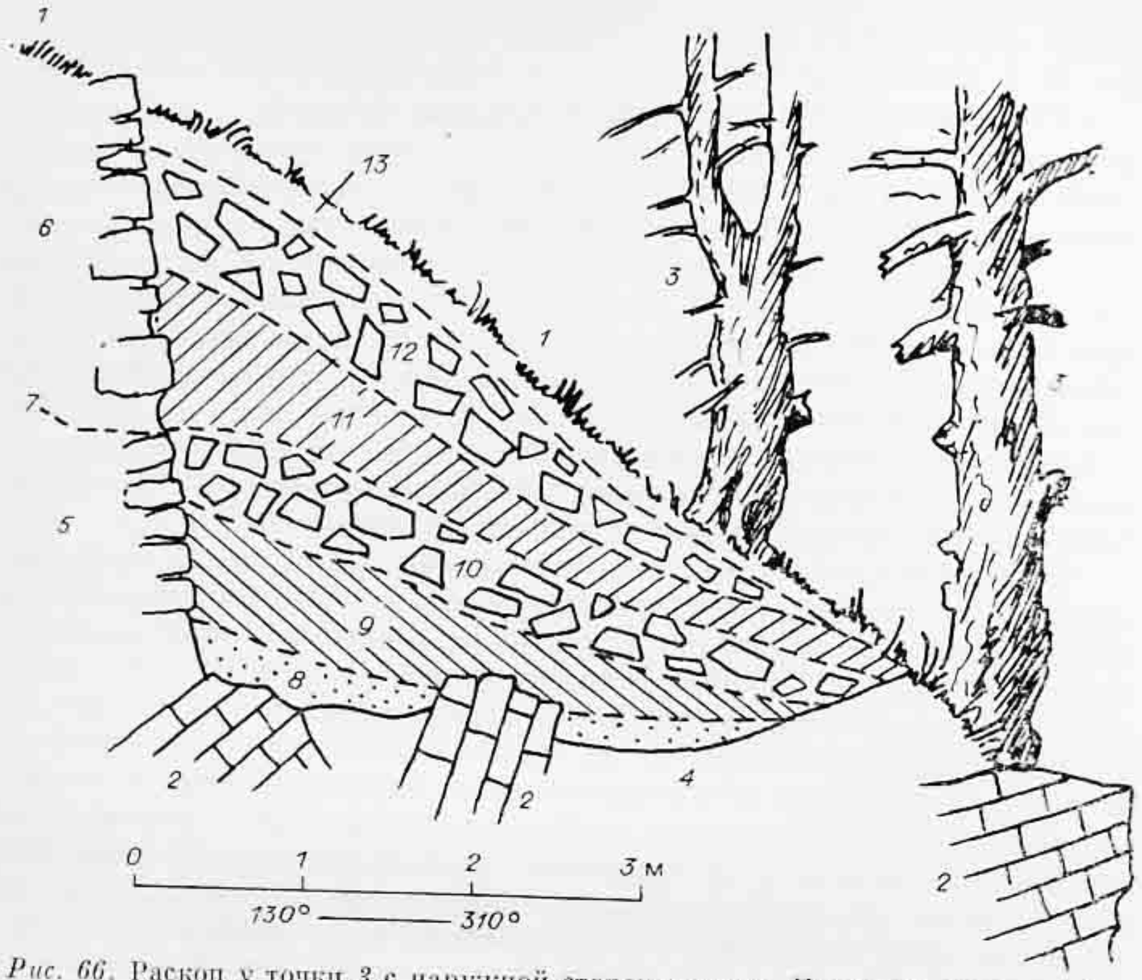


Рис. 66. Раскоп у точки *3* с наружной стороны стены. Показана стратиграфия отложений в борту траншеи. Обозначения см. в тексте.

шло обрушение нижней части наружного панциря стены и обнажилась забутовка, вяжущий раствор оказался настолько прочным, что, не имея под руками геологического молотка, я долго дубасил обломком песчаника, прежде чем сумел отколоть небольшой кусок раствора для исследования. Его состав оказался следующим: белая гашеная известь тонкого помола — 55 %, известняковая галька размером 1—3 см — 13, известняковый гравий размером 2—10 мм — 24, такой же гравий алевролитов и сланцев — 6, тонкая оранжевая и красная керамическая крошка — не более 2 %. Здесь же в пазах найдены залитые раствором крупные обломки типично средневековой кровельной черепицы. Такой же раствор найден у входа в укрепление, в остатках северо-западной куртины, в юго-западной куртине, в некоторых закладах расселин на юго-восточном участке и в ряде других мест.

Но вся ли система обороны исара единственна, как это кажется на первый взгляд? Не возводили ли его боевые стены повторно? Есть ли в них следы разрушений и реставраций? Ответ на это дает раскоп у точки *3* (см. рис. 63), где из-под почвы на крутом склоне выглядывало всего лишь несколько камней наружного панциря.

На рис. 66 показана стратиграфия рыхлых отложений, вскрытых траншеей перед остатками погребенной стены в районе точки *3*.

Картина наслоений оказалась неожиданно интересной. Крутая поверхность склона (*1*) имеет в основании гигантоглыбовый завал известняков (*2*) и, как и повсюду на крепостной горе, покрыта мощным древовидным можжевельником (*3*). Некоторые его экземпляры имеют диаметр у основания ствола до 0,75 м; корневая система разветвляется близ современной поверхности, а это значит, что по крайней мере 500 лет (вероятнее всего, даже больше) поверхность склона в этом месте практически оставалась на таком же, как и сейчас, уровне.

Дно траншеи (*4*) вскрыло часть громадных глыб известняка (*2*), щели между которыми, по-видимому, были забучены мелким камнем еще до возведения стены. Траншея обнажила наружный панцирь стены, погребенной наносами. Высота сохранившейся ее части около 3—3,5 м. В основании стены кладка выполнена на известковом растворе с галькой и гравием (*5*), выше — на красноватой глине (*6*). Таким образом, несомненны два периода в строительстве стены (по вертикали). При этом ранняя стена (осталось около 1 м по наружному панцирю) была сложена более основательно, на известковом растворе, хотя в основном из менее крупных камней; при сооружении поздней строители не употребляли известковый раствор, а ограничились укладкой камня на глину. Линия *7* на рис. 66 соответствует стыку ранней и поздней кладки; нижние камни поздней стены кое-где легли на слой красноватой глины, а не на камни ранней кладки. В борту траншеи четко видна наклонно-слоистая структура завала. Каждый слой выклинивается к скальному уступу, через который шел постоянный снос обломков и рыхлых продуктов выветривания.

Нижний слой (*8*) — щебенисто-глинистый, красновато-коричневый, почти без керамических обломков. Он отложился до возведения ранней стены. Возможно, это слой искусственного происхождения, связанный с выравниванием площади перед сооружением стены. Выше залегает щебенисто-глинистый серый слой с известковой крошкой и обломками черепицы (*9*). Он закрывает сохранившуюся часть наружного панциря ранней стены и соответствует времени до ее разрушения. Наряду с обломками черепицы слой *9* содержал мелкие фрагменты гончарной керамики, в частности мелкорифленых амфор с тонкими наклонными (заглаженными) рифами. Такие амфоры характерны для раннего средневековья, возможно для VI в.

Слой *10* представляет собой развал строительного камня ранней стены, перемешанного с щебенисто-глинистым материалом, содержащим изрядное количество извести, гальки и гравия. Несомненно, он синхронен времени разрушения ранней стены. Его перекрывает слой (*11*), щебенисто-глинистый, красновато-коричневый, с редкими камнями, обломками черепицы, амфор, пифосов. Частично он сформировался до возведения поздней стены, частью же — после. Поверх него залегает второй развал строительного камня (*12*), смешанного с делювием и обломками керамики; в этом слое, соответствующем времени разрушения поздней стены, нет извести и балластного гравия. Второй развал камня прикрыт современным щебенисто-глинистым делювием и почвой (*13*).

Еще более выразительна картина многослойности культурных отложений с тыльной стороны оборонительной стены у точки *3* (рис. 67). Траншеей вскрыта вся стена, имеющая ширину на уровне сохранившегося ряда кладки 3—3,2 м. Стык между ранней (*5*) и поздней (*6*) кладками у внутреннего панциря находится значительно выше, чем у нижнего (линия *7*). В основании разреза вскрыт слой красноватой щебенистой глины (*8*) с обломками черепицы, пифосов, амфор, кувшинов, мелких костных остатков. В него был вкопан гладкостенный пифос (*9*) диаметром 0,98 м, высотой 1,60—1,65 м, заполненный глиной, камнем, известью, галькой, мелким углем, обломками керамики (рис. 68, 69). У внутреннего панциря ранней стены на поверхности слоя *8* обнаружено скопление пращных боллов — известняковых булыжников круглой и эллипсоидальной формы диаметром 7—10 см, более 200 шт. (*10*). Такие же скопления боллов обнаружены у внутреннего панциря в районе точек *1* и *19* (см. рис. 63) и в других пунктах оборонительного периметра. Запасы пращных боллов в укреплении были, надо полагать, велики и не полностью использованы по назначению. Время, когда эти булыжники летели на голову противника, штурмовавшего Ореанду, соответствует золисто-углистому слою *11*, залегающему на уровне венчика пифоса *9* и скопления боллов *10*. Этот слой пожара обнаружен и в других пунктах исара, в частности в постройке А (см. рис. 62). В слое 11 найден железный, изъеденный ржавчиной наконечник стрелы (см. рис. 69). Ранняя стена подвергалась разрушению в это время.

Слой пожара, пифос и скопление боллов перекрыты развалом камня с глиной, щебнем, керамикой (*12*). По-видимому, отложения накопились частично еще в то время, когда

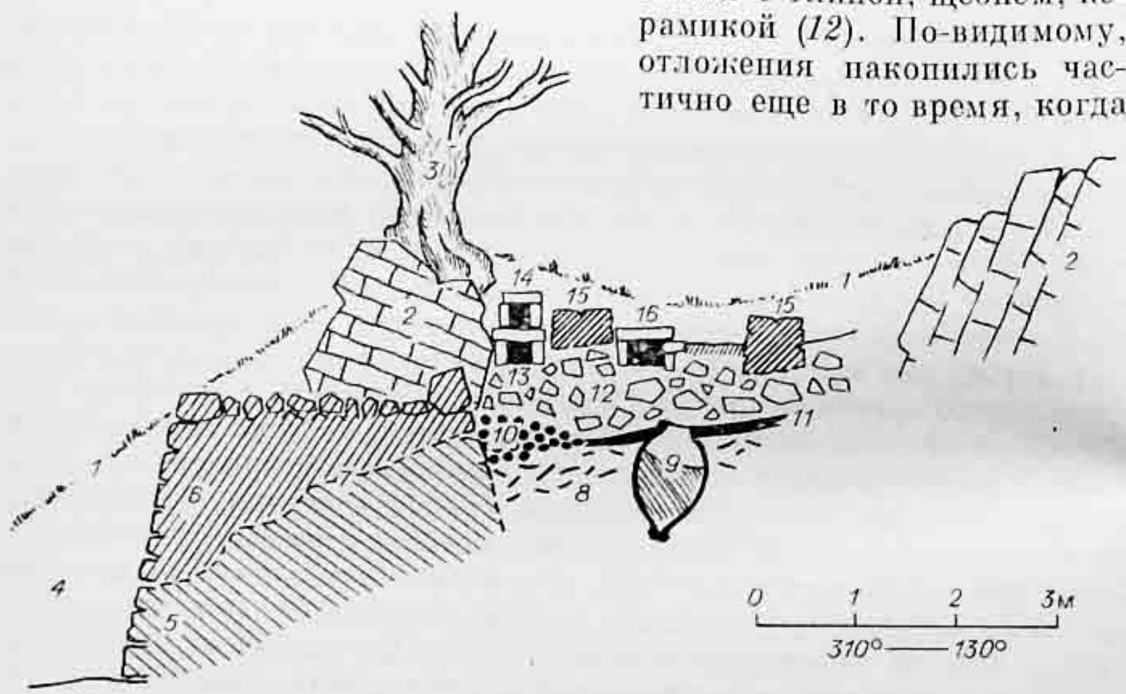


Рис. 67. Раскоп у точки *3* с тыльной стороны стены. Показана стратиграфия отложений в борту траншеи. Обозначения см. в тексте (*1—4* — то же, что и на рис. 66).

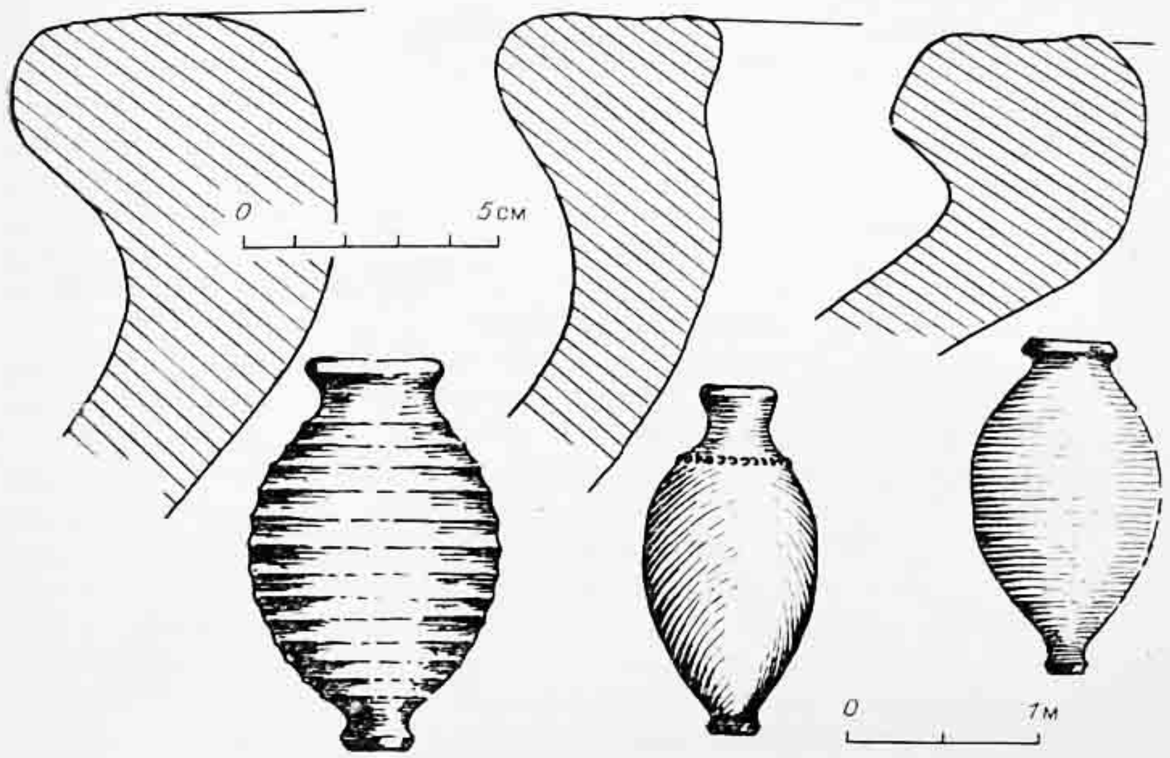


Рис. 68. Средневековые пифосы Ореанды (вверху — профили их венчиков). Слева — ленточный (реконструирован по обломкам); в середине — гладкостенный, с налепным валиком с пальцевыми вмятинами (реконструирован по обломкам и по аналогии с пифосами Гурзуфа); справа — гладкостенный пифос из раскопа возле точки *3*.

поздняя стена была цела, но есть основание считать слой *12* соответствующим времени разрушения поздней стены. Можно полагать, что он соответствует слою *12* с фронтальной стороны стены (см. рис. 66).

В слой *12* вошла базисная кладка стен небольшой постройки (*15*), рядом с которой был устроен плитчатый короб-водосток (*13*), позднее использованный для детского погребения. Еще позднее над ним провели второй плитчатый короб-водосток (*14*). Внутри постройки, в ее полу, обнаружена плитовая могила (*16*) с четырьмя костями. Уже одно это говорит в пользу того, что постройка *15* была не чем иным, как небольшой часовней. Юго-западнее ее, на небольшой площадке между гигантскими каменными глыбами, в 1968 г. вскрыто еще несколько могил (см. рис. 62). Следы ранее раскопанных могил заметны также между точками *3—4—6* (см. рис. 63)— на наиболее ровном участке крепостной площади.

Становится ясно, что в пределах исара находился довольно обширный некрополь, появившийся здесь уже после того, как исар потерял свое оборонительное значение, т. е. после разрушения поздней стены. К сожалению, малочисленные и ординарные находки в могилах не имеют датирующего значения. Трудно ориентироваться и на керамику в описанных выше слоях. Например, пифос *9* и керамика слоя *8* (см. рис. 67) датируются временем не позднее X в. В слое *8* найдена белоглиняная чашечка с зеленой поливой на внутрен-

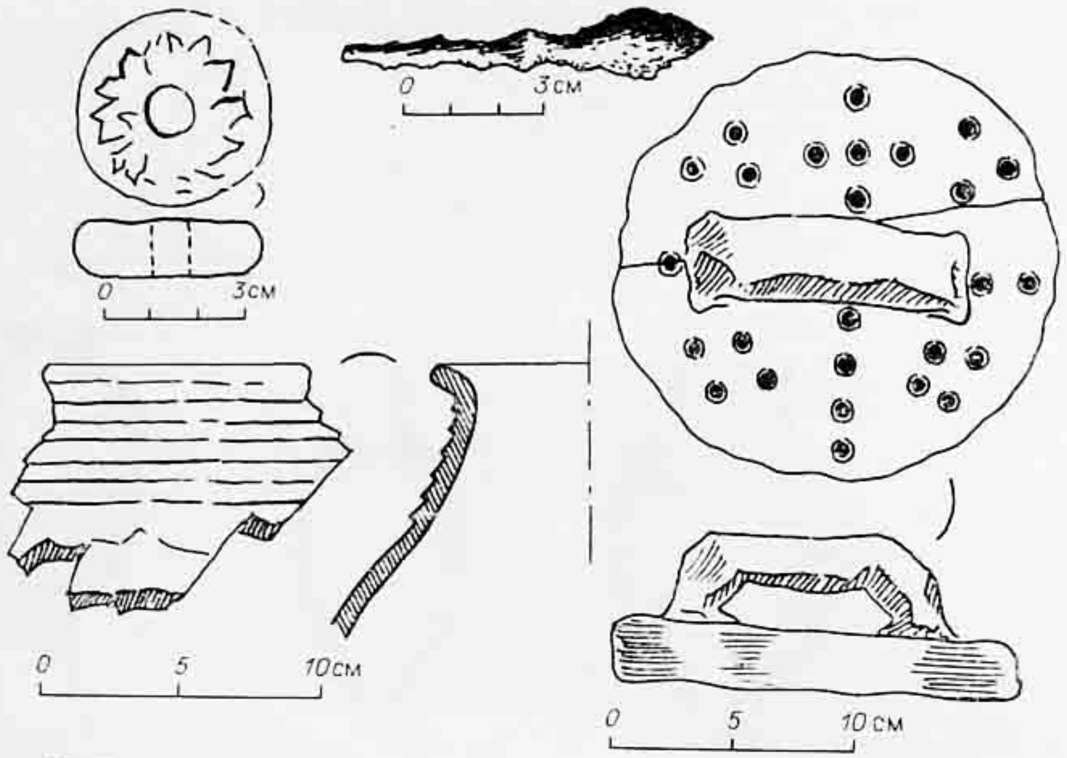


Рис. 69. Находки в раскопе у точки *3*: глиняное пряслице (в пифосе); обломок венчика широкогорлого кувшина (в пифосе); железный наконечник стрелы (в слое пожара); глиняная крышка от небольшого пифоса (найденная в нем) с ручкой и стилизованным изображением креста (продавленные палочкой отверстия), выполненным до прикрепления ручки.

ней поверхности — посуда IX в. константинопольского производства[3]. Однако в слое *12* оказались смешанными поздняя керамика (X—XIII вв.) и разнопрофильная черепица с обломками амфор VI—VIII вв.[4] По всей вероятности, некрополь в укреплении возник не ранее XIII в., а может быть, и позднее. Будущие работы в Ореанде покажут — когда.

Пока ясно, что боевые стены исара были возведены между VI и IX—Хвв. и сооружены очень тщательно, с применением известкового раствора. Затем они подверглись разрушению, в исаре полыхал пожар. В X—XIII вв. в местах старых брешей были сложены новые стены, на глиняной связке, а потом исар был покинут, возможно, после повторного разрушения, и стал прибежищем мертвых.

5

Было бы невозможно судить о плотности и планировке жилого комплекса Ореанды по тем немногим, давным-давно растасканным на разные нужды кучам камней, которые и видны-то были только в одной части укрепления — на северной площадке, если бы не одна характерная особенность рельефа горы внутри укрепления — выровненные скальные площадки.

Такие площадки находятся среди гигантоглыбовых нагромождений, покрывающих горку до самой вершины. В плане их размер

от 3 × 5 до 5 × 10 м (на рис. 63 они показаны заштрихованными прямоугольниками). На этих площадках, явно расчищенных руками человека, почти нет почвы и глинистых наносов — все это смыто дождевыми водами. Только в ложбинах скального основания сохранились остатки культурного горизонта, а по краю некоторых площадок — нижние ряды кладки стен жилых построек. Жилища находились именно здесь, зажатые со всех сторон глыбами высотой 3—5 м. Нередко эти глыбы, на которых видны следы подтески, служили стенами построек. Между площадками, расположенными на разной высоте, были устроены тесные проходы и каменные лестнички. Некоторые из них видны и сейчас.

В общей сложности насчитано три десятка подобных оснований жилых построек, и, думаю, вообще их было ненамного больше. Суммарная площадь их равна 1000—1200 кв. м. Если учесть толщину стен, то размер полезной площади жилого комплекса Ореанды определится не более чем в 750—900 кв. м. Примем условно средневековую норму жилой площади 3—4 кв. м на человека. Значит, общая численность населения исара была не больше 200—300 чел., но и эта величина указывает на немалое значение средневековой Ореанды.

На вершине горки находится самая крупная выровненная площадка (см. рис. 62, А), с южной и восточной сторон защищенная вертикально стоящими глыбами высотой 2,5—3 м. Располагаются эти глыбы вполне естественно, и тем не менее площадка, ограниченная ими, есть дело рук человеческих. На ее западной и северной сторонах сохранилась кладка стен, сопряженных под прямым углом и ориентированных по азимутам 335 и 65°. При этом азимут в 65° соответствует ориентировке одной из групп средневековых храмов. Возможно, здесь находился храм. Однако на восточной стороне, огороженной глыбами, нет и следов апсиды, хотя куски травертина здесь не редки. Размер постройки по внешнему обводу — 8 × 13 м, толщина западной и северной стен — 1—1,2 м, площадь внутреннего помещения — 84 кв. м. Все это также близко к размерам христианских храмов Южного берега периода средневековья. Даже вход находился там, где ему положено быть в храмах,— в западной стене.

В нетолстом слое наносов, полному смыву которых препятствуют остатки стен, заключены масса битой черепицы, обломки посуды, куски травертина, изъеденные ржавчиной четырехгранные железные гвозди от стропил, кусочки угля, галька и гравий от вяжущего раствора. Стены постройки А были сложены из необработанного или чуть-чуть отесанного камня кладкой в два панциря, горизонтальными рядами. На остатках стен угнездились древовидные можжевельники.

Тесные каменные хибарки лепились по глыбово-каменистым склонам горы, располагаясь друг над другом. Ни особой планировки (в условиях глыбового рельефа она была просто невозможна), ни какой-либо их группировки в Ореанде не было. В культурных остатках нет и намека на сколько-нибудь заметное социальное расслоение населения этого исара. Оно было более или менее однородным по

своему достатку и не очень богатым. Как и везде на Южном берегу в эпоху средневековья!

В 1967 г. в районе точек *1*, *2*, *19* (см. рис. 63) раскопом были вскрыты улочка шириной чуть больше метра и основания стен тесных жилищ, сложенных из дикого камня даже без извести. Если бы не множество обломков типичной средневековой керамики, переполнявших эти постройки, пожалуй, ничто не мешало бы посчитать их за примитивное сооружение какой-то очень отдаленной эпохи. Основания разрушенных жилищ налегали друг на друга в несколько слоев.

6

Укрепление в Ореанде предельно насыщено керамикой. Там, где склоны горки покрыты глыбовыми развалами, культурные остатки часто битком набиты в щели между глыбами. На ровных участках, перекрытых суглинистыми наносами, каждая пригоршня суглинка дает то обломок черепицы, то ручку амфоры или кусок от стены пифоса. Такое количество керамики могло бы сделать честь и значительно более крупному укрепленному поселению. В этом отношении Ореанда сопоставима с Панеей в Симензе, Кучук-Исаром на берегу моря за Симензом и Бюк-Исаром, расположенным под Кучук-Исаром. Обилие керамики свойственно далеко не всем исарам Южного берега, прежде всего тем из них, которые находились поблизости от старых дорог, рядом с удобными в аграрном смысле площадями и благодаря этому представляли собой длительно действовавшие укрепленные поселения.

Керамика Ореанды типична для всех южнобережных исаров. Она однородна с керамикой, находимой в Кастеле, Гурзуфе, в исарах Алупки, Симеиза или на поселениях Фороса и Ласпи.

Среди керамики Ореанды преобладает кровельная черепица, которая здесь исключительно разнообразна [5]. Состав ее теста обычно песчанисто-глинистый с неизменной примесью мелкощебенистого и гравелистого материала (от 10 до 50 %), сохранившего или изменившего свой цвет при обжиге. Степень обжига черепиц различная, по большей части слабая или средняя; изредка попадаются обломки сильно пережженной черепицы. Не всегда можно точно сказать, производственный ли это брак или следствие бушевавших в укреплении пожаров. При ремесленном пережоге перекаленные (черного цвета) зоны находятся у отформованных поверхностей керамиды, если же пережог возник при пожаре, то перекаленные зоны окружают обломок черепицы со всех сторон. В Ореанде попадаются и те, и другие обломки.

По цвету черепка черепица Ореанды полихромна: оранжевая, кирпично-красная, малиновая, коричневая, желтая. По форме это главным образом плоские керамиды с двумя боковыми бортиками, невысоким верхним бортиком, суженным или прямым лотком, парными параллельными и четвертьокружными дождевыми валиками, греко-алфавитными знаками или без них (один знак на 50—100 обломков). Обычны знаки в виде букв В, П, К, Σ, встречаются также

крестообразный и круглый (возможно, О) знаки. Профили бортиков так разнообразны, что можно составить непрерывный ряд от треугольного до трапецеидального и прямоугольного сечений (рис. 70). Для двух десятков реконструированных по обломкам керамид Ореанды получено соотношение ширины к длине 2 : 3 при длине в пределах 30—50 см, чаще 35—40 см. Толщина керамиды — 1,5—3 см, высота бортиков — 2—6 см. Незначительный процент приходится на обломки цилиндроконических калиптеров из того же теста. Здесь, как и в других укреплениях Южного берега, обломки калиптеров всегда редки.

Разнообразие керамид Ореанды, надо полагать, есть следствие продолжительности функционирования исара, т. е. следствие хронологических различий и множественности ремесленных мастерских, поставлявших кровельную продукцию как для этого исара, так и для других пунктов Южного берега.

Полихронность черепицы Ореанды может быть оценена сопоставлением с датированной черепицей Херсонеса, среди которой для нее находятся аналоги и в черепице VI—VII вв., и в черепице IX—X вв., и даже в значительно более поздней. Понятно, не может быть речи о точном датировании каждого обломка. В лучшем случае можно сказать, что главная масса черепицы Ореанды относится к периоду до XIII в. включительно, а вся она, несомненно, средневековая.

Что касается числа и положения керамических мастерских, то здесь нужно принять во внимание следующее. Прежде всего, уже длительность функционирования исара в Ореанде говорит о том, что керамика поступила из многих черепичных мастерских. Их устраивали поблизости от местонахождений элювиально-сланцевой глины достаточно высокого качества или глинистых красноземов. В соседстве с Ореандой, особенно у Гаспры, таких местонахождений очень много, но в каждом из них запасы глины невелики. По мере исчерпания сырья мастерские передислоцировали. Видимо, поэтому обжигательные печи относятся на Южном берегу к числу наиболее распространенных археологических объектов; каждой из них соответствуют скопления боя черепицы одного или нескольких типов, изготовлявшихся в мастерской в разное время.

Обломки гончарной посуды в Ореанде относятся по большей части к амфорам и кувшинам. Максимальное их число принадлежит гладкостенным амфорам с оранжевым черепком или сосудам с зональным (в два-три пояса) мелким параллельно-бороздчатым рифлением. Сосуды со сплошным рифлением были редки в обиходе населения Ореанды. Ручки амфор и кувшинов обычно плоскоэллиптические и овальные в сечении; сложнопрофильных ручек нет, как не встречается и ручек с клеймами или граффити. Некоторый процент составляют обломки гладкостенных амфор и кувшинов с желтым и зеленовато-желтым ангобом. Толщина стенок таких сосудов 6—7, 6—9, 9—10, 8—13, 10—16, 14—17 мм. Подавляющая масса амфор и все кувшины плоскодонные, но попадались и обломки рифленых амфор, сходных с амфорами VI—VII вв.

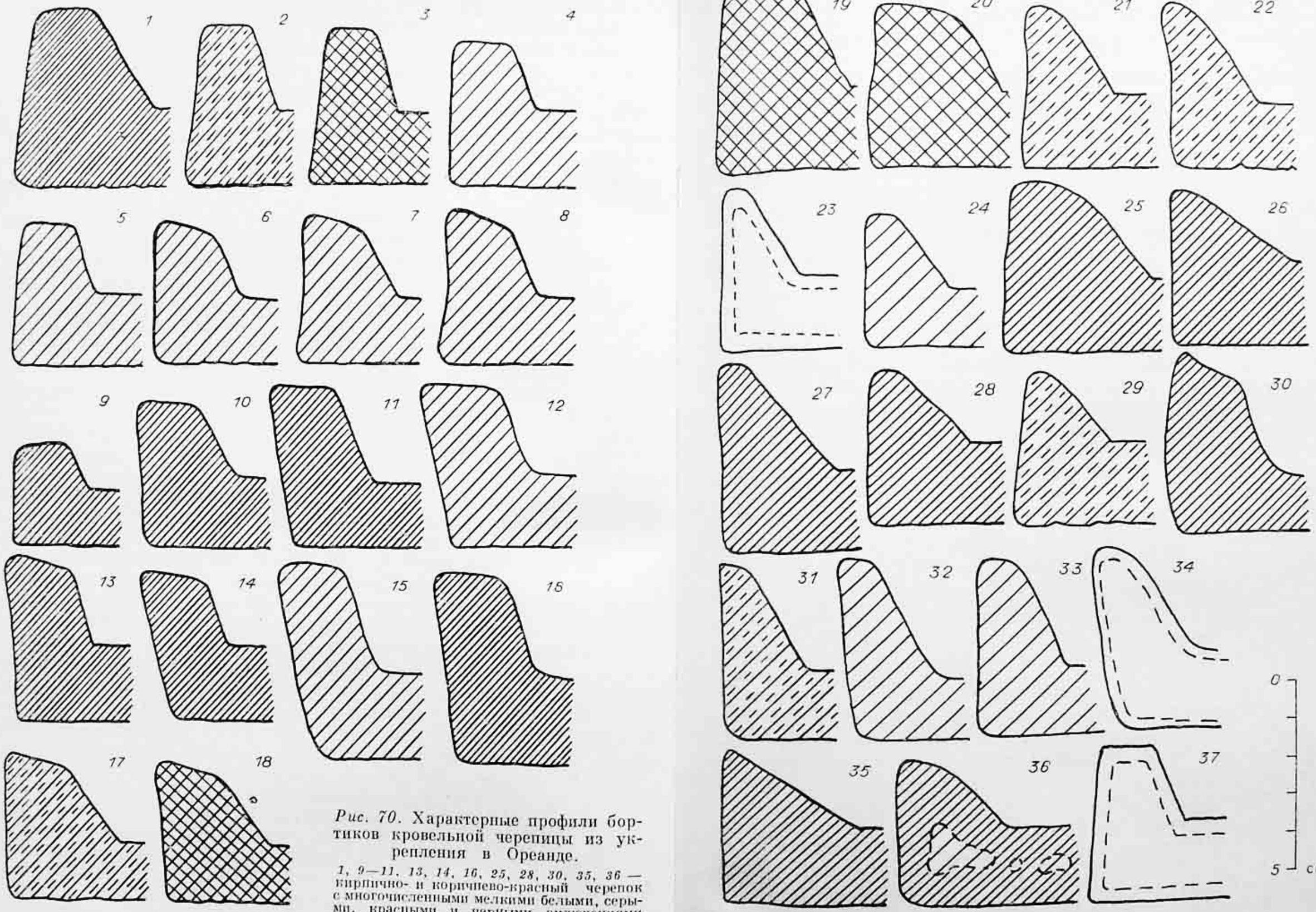


Рис. 70. Характерные профили бортиков кровельной черепицы из укрепления в Ореанде.

1, 9—11, 13, 14, 16, 25, 28, 30, 35, 36 — кирпично- и коричнево-красный черепок с многочисленными мелкими белыми, серыми, красными и черными включениями (мелкой щебенки, известняков, сланцев, песчаников); *4—8, 12, 15, 24, 32, 33* — оранжевый и оранжево-красный черепок с красными, серыми и белыми включениями; *2, 17, 21, 22, 29, 31* — светло-коричневый черепок с коричневатыми и красноватыми включениями; *3, 18—20* — коричневый черепок с коричневыми и черными включениями; *23, 34, 37* — малиновый черепок с черными включениями; черные (пережженные) периферические зоны.

Другая большая группа керамики представлена фрагментами пифосов. Они также, по-видимому, исходили из разных мастерских, о чем можно судить, например, по виду и составу глиняного теста.

1. Светло-коричневое, с белыми и коричневыми песчанистыми включениями, микропористое; толщина стенок 23—26 мм.

2. Светло-коричневое, с белыми и коричневыми включениями, плотное; толщина стенок 23—27 мм.

3. Светло-коричневое, почти без включений, плотное; толщина стенок 18—21 мм.

4. Оранжево-красное, с белыми и желтыми включениями, плотное; толщина стенок 23—26 мм.

5. Оранжево-красное, с белыми, серыми и красными включениями, с серой наружной зоной; толщина стенок 23—24 мм.

6. Оранжево-красное, без включений, микропористое; толщина стенок 16—18 мм.

Большинство пифосов относилось к типу гладкостенных с массивными утолщенными и чуть отогнутыми венчиками, с диаметром горловины от 20 до 65 см. Принимая во внимание обычные пропорции таких сосудов, можно определить максимальные размеры пифосов Ореанды: 1,8—2,2 м в высоту и 1,2—1,5 м в ширину. Гладкостенный пифос с массивным венчиком и широкой горловиной (см. рис. 68), вскрытый у точки *3* в 1968 г., не самый крупный, но и он имел высоту около 1,65 м и ширину почти 1 м. Колоссальные сосуды изготовляли на гончарном круге в один прием или ленточным способом. Обломки ленточных пифосов встречаются редко. Некоторые пифосы имели накладные глиняные валики в зоне покатых плечиков; на валиках заметны пальцевые вмятины с папиллярными узорами, как если бы только вчера гончар оставил на них дактилоскопическую карту. Такие пифосы найдены также на Кастеле и в Гурзуфе.

Соотношение разных типов керамики Ореанды в процентах от общего числа учтенных обломков приблизительно следующее (расчет *А*):

Черепица	73,0
Амфоры и кувшины без ангоба	10,6
То же с ангобом	7,5
Пифосы	8,6
Тонкостенная столовая и кухонная посуда	0,3

Если исходить из среднего количества обломков, которое дает то или иное керамическое изделие, то получим такое процентное отношение между условно-целыми единицами керамической продукции (расчет *Б*)[6]:

Черепица	96,2
Амфоры и кувшины всех видов	3,1
Пифосы	0,55
Мелкая тонкостенная посуда	0,15

К определению действительного соотношения условно-целых единиц керамической продукции можно также подойти, исходя из среднего веса изделий каждого типа (расчет *В*)[7]. Получим следующие результаты (в %):

Черепица	94,1
Амфоры и кувшины всех типов	5,1
Пифосы	0,8
Мелкая тонкостенная посуда	Очень мало

Расчет по способам *Б* и *В* дает близкие и прямо-таки удивительные величины: оказывается, чуть ли не единственным массовым видом керамики является кровельная черепица. Насколько реальны полученные цифры и не кроется ли в расчетах какая-либо ошибка? Проверим это, используя тот же статистический материал, относящийся ко всему времени функционирования укрепленного поселения, которое не обязательно должно быть известно.

Примем, что средняя жилая постройка Ореанды имела площадь черепичной кровли 25—30 кв. м. Это нетрудно определить по размерам площадок, о которых говорилось выше. Площадь средней черепицы 10—12 кв. дм; следовательно, для одной кровли необходимо было около 250 черепиц. Примем за исходные также цифры расчета *В* и получим, что в одном жилище Ореанды под кровлей в 250 черепиц могло быть всего 14 амфор или кувшинов и только 2 пифоса. Соотношения получаются вполне реальными [8].

Из других находок в Ореанде уже упоминались кованые железные гвозди, куски травертина — обычного строительного материала для сооружения сводов и апсид. Остается указать еще на мелкие обломки чаш и тарелок с зеленой и желтой поливой, кусочки индигово-синих стеклянных браслетов.

В развалах стен, на месте разрушенных жилищ и вообще по всей площади укрепления рассеяны плитки серого песчаника. Для Крестовой горы в Ореанде, сложенной исключительно известняками, это чужеродный материал. На двух скальных площадках в юго-восточной части укрепления обнаружены вымостки из таких плиток. По-видимому, плитки песчаника использовались для настилки полов, а на оборонительных стенах — для подмостки боевого полка и перекрытия парапетов. И в других исарах плитчатый песчаник или алевролит попадается часто. Расчищая пристенные наплывы суглинистого делювия, тут и там сталкиваешься с кучами пращных камней, заранее сложенных на боевых площадках.

В западной части укрепления, под развалами стены, сохранились многометровые глинисто-зольные мусорные свалки, битком набитые обломками посуды, черепицы, кухонными остатками. Этот мусор дает представление о меню жителей Ореанды: мясо (крупный и мелкий скот), рыба (особенно много камбалы), устрицы, пателла. Тут же находим виноградные зернышки. Современные виноградники Ореандской котловины разбиты, как видим, на средневековых плантациях.

Топографическое положение, особенности оборонительных сооружений, черты жилого комплекса, вид отдельных жилищ, керамика — все это свидетельствует о том, что исар Ореанды представляет собой еще один памятник средневековой истории Южного берега, памятник весьма характерный. Крепость в Ореанде — это морфотип средневековых исаров. Она была укрепленным поселением, вмещающим по нормам мирного времени две-три сотни человек, а в смутные времена в ней могла найти убежище раза в два-три большая масса народу. Керамика, рассеянная в пределах самой Ореандской котловины, осталась от открытых неукрепленных по-

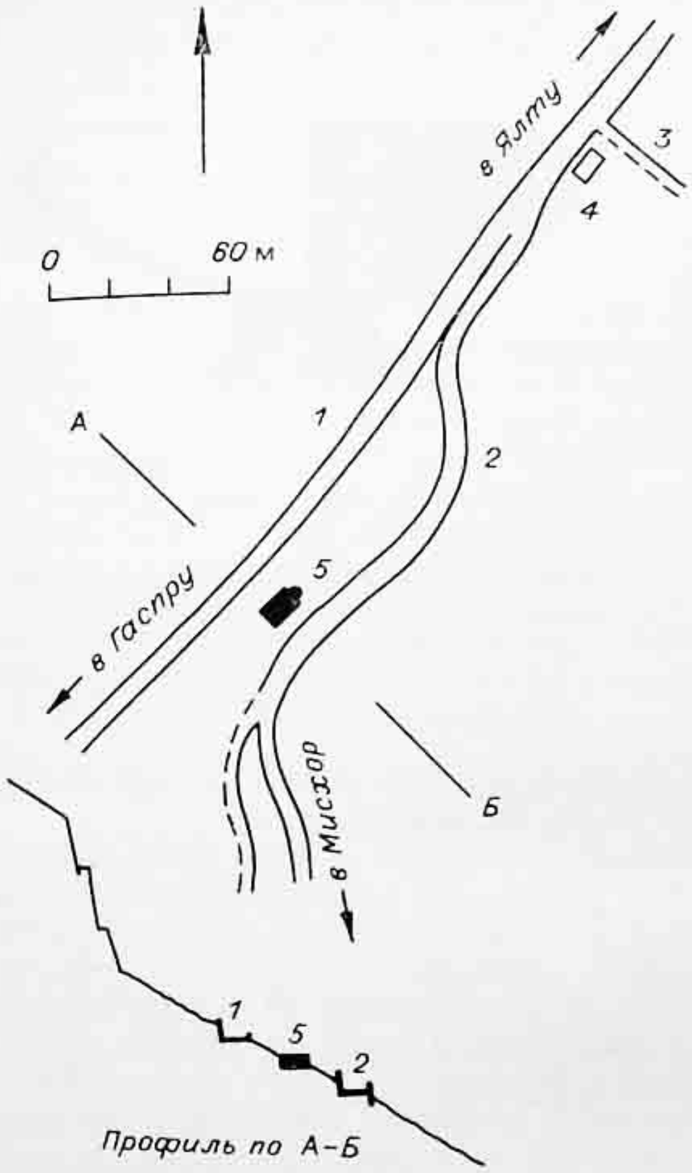
селений, жители которых надеялись на защиту стен исара и скрывались за ними.

Положение исара возле узкой седловины, через которую проходила средневековая дорога, раскрывает его значение как придорожного укрепления, блокировавшего проход между Ливадией и Гаспрой. Единственно возможная трасса средневековой дороги (без сомнения, и дороги античного времени) шла именно через седловину. Этот путь действовал задолго до того, как здесь же в прошлом столетии было построено шоссе. В 1965 г. на шоссе между Ливадией и Верхней Ореандой прорыли глубокую траншею для прокладки водопровода. Кое-где траншея вскрыла серию настланных друг на друга дорожных покрытий — от современного асфальтового до каменных покрытий прошлого столетия. Под ними оказался скальный грунт или суглинисто-щебнистый делювий с обломками средневековой черепицы и посуды. Местами в скале были заметны неглубокие колеи, протертые колесами повозок, скрипевших в далеком прошлом мимо исара в Ореанде.

До 1967 г. оставалось загадкой, где же находится средневековый могильник Ореанды. По правде сказать, поиски его и не предпринимались, ибо казалось, что в тесноте давным-давно распаханной под виноградники котловины сохраниться он не мог. Меньше всего можно было надеяться найти его на гористой периферии котловины. И уж наверняка никто не предполагал, что он в конце концов отыщется — притом совершенно случайно — на крутом косогоре в узкой развилке двух шоссе юго-западнее остановки «Ореанда», в каких-нибудь двухстах шагах от нее (рис. 71). Впрочем, земля Крыма таит в себе столько неожиданностей, что, право, не стоит удивляться случайной находке еще нескольких могил или еще одного старого храма. Если и есть тут что-либо удивительное, так это те условия, в которых расположен средневековый некрополь.

Представьте себе крутой, в 25—30°, каменистый склон под восточными скалами горы Ай-Никола, густо заросший грабинником, каменным дубом, держидеревом. В верхней части его проходит старое верхнее шоссе, чуть ниже — нижнее шоссе. В 170 м от остановки «Ореанда» ширина этой тесной дорожной развилки едва ли больше 35 м (рис. 71). Точно посередине развилки обнаружены остатки небольшой одноапсидной кладбищенской часовни, а рядом — могилы. Часть могильника была уничтожена еще в середине прошлого столетия при прокладке шоссе, но очень вероятно, что и с самого начала он находился в развилке двух средневековых дорог. Исар Ореанды отстоит от могильника всего на четверть километра, и связь этих двух объектов не подлежит сомнению.

До лета 1967 г. тысячи ног протоптали по косогору дорожной развилки узкую тропинку. Никто и не подозревал, что на глубине чуть больше полуметра, под делювиальными наносами скрыты почти тысячелетние древности. Затем здесь появились землекопы, прорыли траншею и наткнулись на человеческие кости. Это стало известно одному из жителей Верхней Ореанды — Х. Э. Чепою, бескорыстному любителю древностей, и вскоре слух о находке достиг Симферополя.



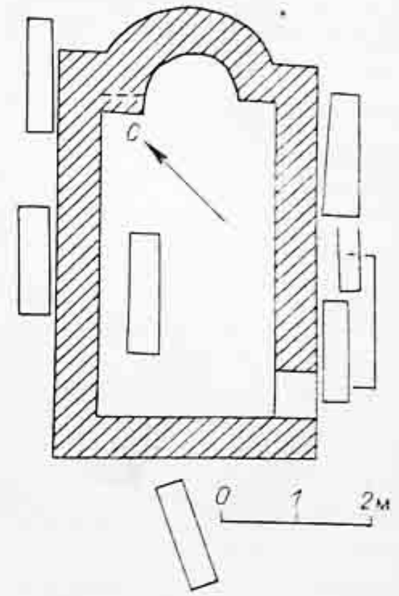


Рис. 72. План храма на средневековом могильнике в развилке дорог у Верхней Ореанды. Показаны контуры плиточных могил.

Рис. 71. Развилка дорог. *1* — верхнее шоссе; *2* — спуск к нижнему шоссе; *3* — спуск к винным подвалам Верхней Ореанды и к исару на Крестовой горе; *4* — автобусная остановка; *5* — часовня на средневековом могильнике.

На место прибыли археологи, и впервые за всю историю Ореанды здесь начались официальные раскопки, продолжавшиеся около месяца.

То, что было открыто, не отличает этот средневековой могильник от других, например в Демерджи. Сложенная из дикого камня на превосходном известковом растворе (со сланцевым песком), одноапсидная часовня в плане 3,5 × 5 м (рис. 72) однотипна с часовней на могильнике Демерджи. Она имела травертиновый свод, была крыта такой же плоской керамикой, как в исаре Ореанды, стены ее покрывал слой известковой штукатурки, а пол был вымощен песчаниковыми плитками. Необычной оказалась ориентировка часовни — 40±2° на северо-восток, однако этому можно найти объяснение: апсида ее обращена к седловине у Крестовой горы, над которой разгорается летняя заря. Восточно-северо-восточный сектор горизонта загорожен конусом Крестовой горы.

Выстроенная на крутом косогоре, часовня была деформирована оползанием грунта. Деформации подверглись также могилы, обложенные и перекрытые песчаниковыми плитами. Они были устрое-

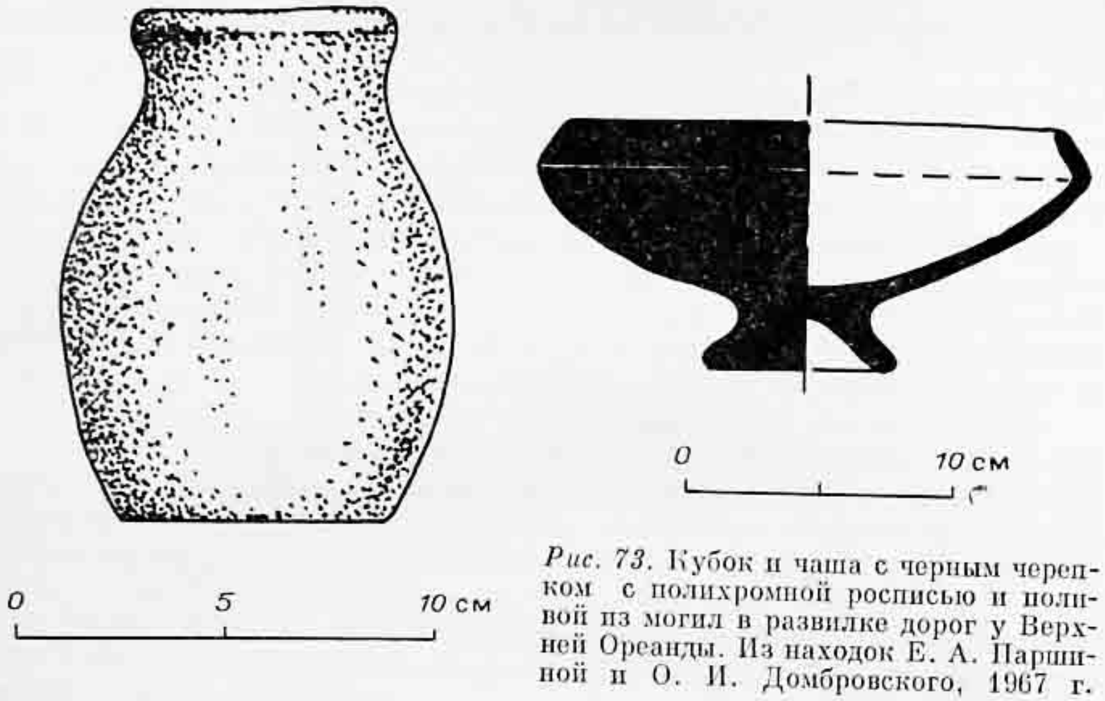


Рис. 73. Кубок и чаша с черным черепком с полихромной росписью и поливой из могил в развилке дорог у Верхней Ореанды. Из находок Е. А. Паршиной и О. И. Домбровского, 1967 г.

ны возле стен часовни, с наружной стороны, и имели одинаковую с ней ориентировку. Одна из могил находилась в полу.

Среди боя кровельной черепицы в часовне и рядом с ней собрано множество обломков амфор и кувшинов, а также поливной керамики. Как и в Демерджи, в могилах лежали ритуальные поливные чаши с полихромной росписью в виде стилизованных растительных орнаментов, а в одной из могил обнаружен небольшой черноглиняный кубок, по форме, размерам и типу теста похожий на таврские кубки, но изготовленный на гончарном круге (рис. 73). Всего этого слишком мало для окончательных суждений о времени некрополя, большая часть которого все еще скрыта под наносами.

В 1968 г. был открыт, как уже сказано, внутренний некрополь в исаре Ореанды, однако и в нем раскопано всего несколько могил, в сущности одинаковых с могилами в развилке дорог. Оба некрополя относятся к позднему этапу истории исара, но, быть может, придорожный возник значительно раньше, еще до первого разгрома исара.

7

К какому же времени следует отнести возникновение исара в Ореанде?

В одной из пещер Крестовой горы еще А. С. Уваров находил керамику VI—VII вв. н. э.[9] Среди многих тысяч обломков, собранных на площади исара, только единичные более или менее уверенно можно отнести к керамике раннего средневековья. О них мы уже упоминали, говоря о раскопе возле точки *3*. Очень мало обломков ленточных пифосов, круглодонных и остродонных амфор. Подавляющая масса керамического материала принадлежит черепице и сосудам IX—X вв. и более поздним.

Наиболее ранняя кладка оборонительных стен в Ореанде, по всей вероятности, раннесредневековая, однако и в более отдаленную эпоху, античную, на Крестовой горе было убежище или даже укрепленное убежище. Никаких сооружений того времени здесь не осталось, осторожнее сказать — не найдено, но свидетельством тому, что они были, служит лепная керамика.

В ялтинском архиве Е. И. Виспеовской есть записи о находках лепной керамики и кремневых осколков на берегу моря возле Ореанды. Речь идет, по всей вероятности, о прибрежных стоянках эпохи энеолита, культуры «раковинных куч». По сведениям Н. И. Репникова [10], одна из этих стоянок находилась на берегу, в гроте под Мачтовой скалой. Прослойки битых раковин залегают в делювии береговых обрезов. Дальше мы увидим, что энеолитические стоянки существовали во многих пунктах Южного берега, вплоть до залива Ласпи, где горизонт культуры «раковинных куч» то выходит на поверхность, прикрытый лишь тонким слоем почвы, то лежит глубоко под отложениями с античной и средневековой керамикой. Пока не ясно, была ли в то время освоена сама Крестовая гора в Ореанде или энеолитические стоянки располагались у самого моря, но не вызывает сомнений, что в I тыс. до н. э., в таврскую эпоху, на Крестовой горе находилось убежище.

Этому есть прямые и косвенные доказательства. Тавры на этой горе, бесспорно, жили. Среди массы средневековой керамики не очень часто, но и не слишком редко, чтобы быть случайными, попадаются обломки лепной черноглиняной посуды. Пока не удалось найти самостоятельного горизонта с лепной керамикой, но это можно отнести на счет и плохих условий сохранения рыхлых отложений на Крестовой горе, и недостаточно тщательных поисков. Черноглиняная посуда — гончарная и даже лепная — была в ходу и в средние века. Но в данном случае, в Ореанде, среди черноглиняных обломков попадалась и керамика с примитивным орнаментом (прорезной, зубчатый, дырочный, штриховкой), не свойственным изделиям средневековым.

Изобилуя небольшими гротами и расселинами между глыбами в каменных хаосах, гора была удобна для кострища. Мы не можем сказать, имело ли это убежище оборонительные сооружения. Если таковые и были, то при перестройках в средние века они оказались полностью стертыми с поверхности горы. Быть может, убежище и не было укреплено. Дюбуа де Монпере считал, что в Ореанде находятся остатки как раз таврского укрепления, но его мнение касалось тех сооружений, которые сейчас надежно датируются средними веками.

С остатками лепной керамики на Крестовой горе гармонируют таврские могильники с каменными ящиками. В отчете Н. И. Лыжина [11] есть указание на два таврских могильника — в Нижней и Верхней Ореанде. Первый из них разыскать сейчас уже нельзя, второй сохранился, но погребения в нем давным-давно разграблены. Могильник расположен над Верхней Ореандой, в полукилометре севернее горы Ай-Никола. О нем упоминали также Ф. И. Шмит и Н. И. Репников.

Рис. 74. Один из каменных ящиков таврского могильника над Верхней Ореандой. Верхняя плита сдвинута и разбита, ящик разграблен. Длина его продольной плиты — 1,9 м.

Могильник тавров занимает водораздельную гряду, которая тянется почти строго с юга на север от Верхней Ореанды к новой автостраде и отделена от горы Ай-Никола глубокой балкой, поросшей лесом и кустами (см. рис. 60). От Крестовой горы до могильника — каких-нибудь 400—500 м. Каменные ящики занимают участок гряды в 350—400 м. Коренные породы гряды — сланцы, кое-где есть выходы известняков. Рядом, на горе Ай-Никола, на другой стороне балки имеются обнажения слоистых известняков, откуда тавры и доставляли каменные плиты для устройства ящиков. Всего на могильнике сейчас можно насчитать больше 50 ящиков — однотипных, но разного размера. Каждый из них состоит из четырех плит, поставленных на ребро и вкопанных в землю, и покрыт пятой плитой. Толщина плит более или менее стандартна — 20—25 см, редко до 40 см. Поверхность их сохраняет рельеф слоев породы и, следовательно, говорит в пользу того, что плиты не были отесаны. Толщина их соответствует толщине слоев известняка в коренном залегании. Продольные плиты значительно длиннее и выступают на 15—50 см за торцы поперечных плит (рис. 74). Внутренние габариты (длина, ширина, глубина) наименьших ящиков — 1,2×0,7×0,6 м, наибольших — 2,4×1,2×1,2 м. Размер некоторых покровных плит достигает 2,5×1,5 м при толщине 0,3 м, что соответствует весу 2,5 т; вес же большинства плит, пошедших на сооружение ящиков, обычно от 0,5 до 1,5 т. Каменные ящики расположены цепочкой вдоль гряды, друг за другом, с интервалами в 5—15 м, или группами по 3—6 штук. Простирание цепочки 340—350°, ориентировка ящиков (по длинным продольным плитам) широтная или близка к ней (270—300°).

Несколько ящиков вычищено, и в старых, уже задернованных кучах суглинка попадаются мелкие обломки лепной посуды. На остальных ящиках покровные плиты сдвинуты и частью разбиты, сами ящики заполнены грунтом почти доверху, но надежды найти в них ненарушенные захоронения практически нет. Это следы грабительских раскопок.

Такой тип каменных ящиков (цельноплитовых, с выступающими концами продольных плит) считается классическим для таврской поры — VI—V вв. до н. э.[12] Не станем обсуждать здесь эту датировку, но то, что эти погребальные сооружения относятся к I тыс. до н. э., сомнений нет.

Итак, предыстория средневекового исара на Крестовой горе в Ореанде начиналась с таврского убежища, поблизости от которого находился и некрополь. Место для убежища было выбрано таврами не без серьезных оснований: не очень далеко от моря, не очень высоко в горах и все же на труднодоступной каменистой и скалистой вершине, рядом с удобной для прохода седловиной, под защитой высоких скал крутобокой горы Ай-Никола и — что самое главное — в нескольких десятках шагов от источников воды. Водоисточники находятся в балке между горой Ай-Никола и грядой с таврским могильником. И сейчас Ореанда снабжается водой из них.

Вполне понятно, что и точное время возникновения таврского убежища, и этапы его истории остаются неизвестными. Античная же керамика эллинистического и римского происхождения в Ореанде не найдена. Возможно, раннесредневековый исар возник на Крестовой горе не сразу вслед за таврским убежищем, а спустя некоторое время. Поблизости от него, на мысу Ай-Тодор, в I—III вв. н. э. обосновались римские легионеры. Надо думать, что по крайней мере в эти три столетия гора была покинута: не могли же легионеры из Харакса (о нем будет рассказано дальше) допустить существование под боком у своей крепости убежища тавров!

Время гибели средневекового исара пока определяется предположительно. Возможно, это XIII—XIV вв. В общей массе керамических находок в Ореанде встречаются обломки поливных сосудов, но их немного: один на сто-двести других. Причин этого по крайней мере три. Первая. Ореанду посещает множество народа, и цветные черепки становятся сувенирами. Когда-то в исаре их было, несомненно, значительно больше, о чем можно судить по большим сборам поливной керамики, проведенным Е. И. Виснеовской. Вторая причина. Поливная посуда была дороже и потому менее употребительна, чем обычная. В X—XII вв. поливные изделия являлись в основном предметом импорта из-за моря — из Константинополя — и в Крыму встречались довольно редко. Но в XIII и особенно в XIV в. они изготовлялись и в Крыму — в Херсонесе и в восточной части полуострова — в Кафе и Солхате. На Южном берегу и в Горном Крыму поливная посуда, видимо, не производилась. Третья и не бесспорная причина. По-видимому, ко времени массового распространения поливной керамики (XIV в.) исар в Ореанде, как и многие дру-

гие исары Южного берега, находился в преддверии своей гибели.

Итак, от стен исара в Ореанде осталось очень мало. При всем том не видно и мощных развалов строительного камня. Это можно объяснить тем, что камень пошел в дело в сравнительно недалекие времена, но считать, что стены исара разрушены именно с этой целью, мы не можем, ибо примеры такого варварского отношения к древностям не известны ни из истории XVIII—XIX столетий, ни из непосредственно предшествующей. Скорее всего, исар был разрушен задолго до того, и раскоп у точки *3* не только подтверждает это, но и показывает, что разгрому он подвергался по крайней мере дважды. Такая печальная участь постигла исар, конечно же, из-за его особого положения: он был затвором на средневековой дороге.

Еще и еще раз бросим взгляд на руины крепостных стен и построек Ореанды и снова хотя бы приблизительно прикинем в уме возраст толстенных древовидных можжевельников, проникающих корнями в эти руины. Им пять—семь столетий. Значит, по меньшей мере 500—700 лет тому назад все в исаре было в таком же разрушенном состоянии, как и сейчас. Значит, в XIII—XIV вв. и, вероятно, уже при генуэзцах крепость Ореанды лежала в виде груды камней.

XVI

ХАЧЛА-КАЯСЫ

Небесный круг, ты — наш извечный супостат!
Нас обездоливать, нас истязать ты рад.
Где б ни коснуть, земля, в твоих глубинах— всюду
Лежит захваченный у нас бесценный клад.

Омар Хайям

Шоссе, минуя подножие горы Ай-Никола, петляет по сланцевому косогору и, прежде чем выбраться к пос. Строитель и к Гаспре, прижимается к одинокой крутобокой скале, возвышающейся над Ореандской котловиной. Скала эта, расположенная в западном секторе котловины, оканчивает одну из гряд Гаспринского хребта. Если смотреть на нее сбоку, например с северо-востока, от Ореанды, она очень похожа на конусовидный клык, торчащий из густых древесно-кустарниковых зарослей, сплошным ковром покрывающих сланцево-известняковые гряды (рис. 75). Скала красива и приметна,

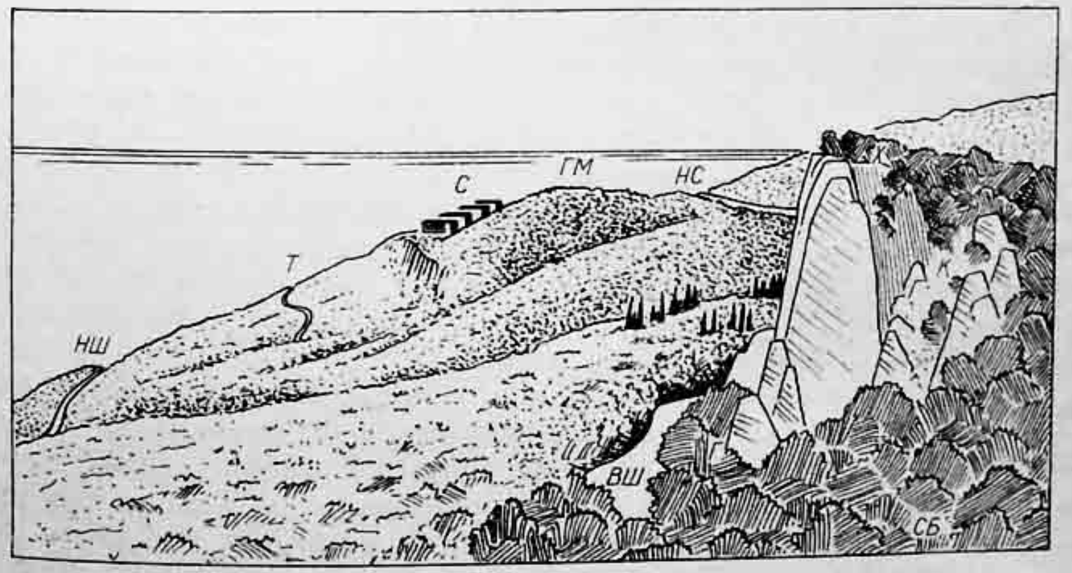


Рис. 75. Скала Хачла-Каясы. Вид с севера, с обрывов горы Ай-Никола.
Х — место храма на вершине Хачла-Каясы; К — северный кулуар; Г — место грота в северном кулуаре и грота у северо-восточного подножия скалы; СБ — северная балка между Хачла-Каясы и Ай-Никола, поросшая лесом; ВШ — старое верхнее шоссе у подножия скалы; НС — старое шоссе и новый автодорожный спуск к Гаспре; ГМ — Гаспринский могильник с каменными ящиками; С — пос. Строитель (стройгородок); Т — «царская тропа»; НШ — нижнее старое шоссе. Показан морской горизонт.

особенно по утрам, когда солнечные лучи высвечивают ее ярким золотом на фоне темной зелени сосен и можжевельников.

На старых — конца прошлого столетия — картах скала эта названа *Хач-ла-Коясы*, что является искажением татарского *Хачлы-Каясы* — Крестовая скалка. На современных картах у нее нет названия. Один старожил на вопрос, как называется этот каменный клык, ответил: «Скала Алима». По одной из легенд, жил некогда разбойник Алим, и в пещере на Хачла-Каясы было его убежище.

Оба названия преданы забвению. Каменный обелиск стоит безымянным на обочине шоссе, по которому проносятся тысячи машин и сотни тысяч туристов. Но он не привлекает к себе внимания. Пожалуй, никому и не приходит в голову, что на высоте полусотни метров над дорогой, на краю обрыва, приютился один из маленьких ясаров средневековой Таврики со всеми атрибутами, непременными для сооружений этого рода. Всего в километре от крупного укрепления на Крестовой горе в Ореанде! Мало того, всего в 30 м от одной из главных дорог Южного берега!

Ни Хачла-Каясы, ни Скала Алима, разумеется, не таят в себе отголоска средневековой топонимики. Впрочем, в названии Крестовая скала есть намек на дотатарскую историю места. Похоже на то, что именно Хачла-Каясы исстари и была Крестовой горой Ореанды, а та Крестовая, что находится подле дорожной седловины, в прошлом имела какое-то другое название. Возможно, в средние века Хачла-Каясы именовали Ай-Николой, а нынешняя Ай-Никола носила иное название или была безымянной. Далее увидим, что эти топонимические изменения действительно могли быть.

1

Хачла-Каясы представляет собой один из известняковых блоков несколько меньшего масштаба, чем блоки горы Крестовой и горы Ай-Никола. Он вытянут с юга на север с небольшим склонением к востоку, имеет длину около 150 м при ширине 60—70 м. Блок представляет собой водораздельную гряду между двумя глубокими лесистыми балками, расположенными севернее и южнее. Северная балка отделяет Хачла-Каясы от Ай-Николы, южная пролегает между скалой и следующей к югу грядой известняков, на которой расположен пос. Строитель. Северная балка интересна во многих отношениях. О ней — особый рассказ.

Блок известняков Хачла-Каясы в рельефе асимметричен (рис. 76). В западном направлении он тянется узкой каменистой грядой, поросшей можжевельником, восточная его сторона представляет собой почти вертикальный обрыв, максимальная высота над проходящим внизу шоссе равна 52 м. Крутизна обрыва достигает 75—80°, в некоторых местах он нависает. Скала с восточной стороны неприступна. В северном окончании, там, где у ее подножия находится небольшой грот (см. рис. 79, 80), по скальной стенке поднимается узкая — шириной в одну ступню — полка. Она выводит в небольшой кулуар, видимый с дороги. Сказать «выводит» — значит обнадежить: мне не известно, чтобы кто-нибудь прошел по этой полке от подножия до вершины. Легкий путь ведет на вершину Хачла-Каясы со стороны нового шоссейного спуска к пос. Строитель и к Гаспре от расположенной выше автомагистрали. Этот спуск устроен по трассе старого шоссе, которое начиналось от верхнего шоссе южнее Хачла-Каясы и, пересекая гряды Гаспринского хребта, поднималось к Ай-Петринскому перевалу. В прошлом это был наикратчайший путь от Гаспры к перевалу через Яйлу. Сейчас от старого шоссе остались немногие петли. По-видимому, дорога к перевалу проходила здесь и в средневековье, на что указывают находки средневековой керамики. От нового спуска нужно свернуть влево, к востоку, и полторы сотни шагов по каменистой тропе приведут к краю обрыва. Тропа проложена вдоль гребня водораздельной гряды, поросшей сосной, дубом, древовидным можжевельником, грабинником.

Рис. 76. Профиль через скалу Хачла-Каясы.

Сл — глинистые сланцы таврической формации; И — верхнеюрские известняки; Д — мощные накопления делювия у подножия скалы; Ш — старое верхнее шоссе; НШ — направление на новый шоссейный спуск с южнобережной автомагистрали в Гаспру; С — оборонительная стена и бастион на скале.

От подножия скалы в северном и южном окончаниях поднимаются два кулуара, очень крутых, скалистых, покрытых осыпями щебня и развалами глыб (рис. 75, 77). Наклон кулуаров около 35—40°, каменные полки облегчают подъем, однако не настолько, чтобы он показался легкой прогулкой. На ум приходит сравнение с Гелин-Кая, морфологию которой Хачла-Каясы повторяет в основных деталях.

Верхнеюрские известняки на Хачла-Каясы грубослоисты и залегают вертикально. Простирание пластов совпадает с удлинением скалы (северо-северо-восточное). Породы разбиты продольными и поперечными трещинами. Там, где сеть трещин была особенно густой, разрушение блока привело к образованию противолежащих кулуаров.

Вершинная площадка относительно ровна и камениста. На ней почти нет рыхлых наносов и почвы, и все же здесь растут древовидные можжевельники, возраст которых 300—500 лет. Длина площадки от южной до северной оконечности — около 90 м, максимальная ширина в средней части — не больше 28 м, общая площадь — 1500—1600 кв. м (см. рис. 77). Поверхность слабо и сту-

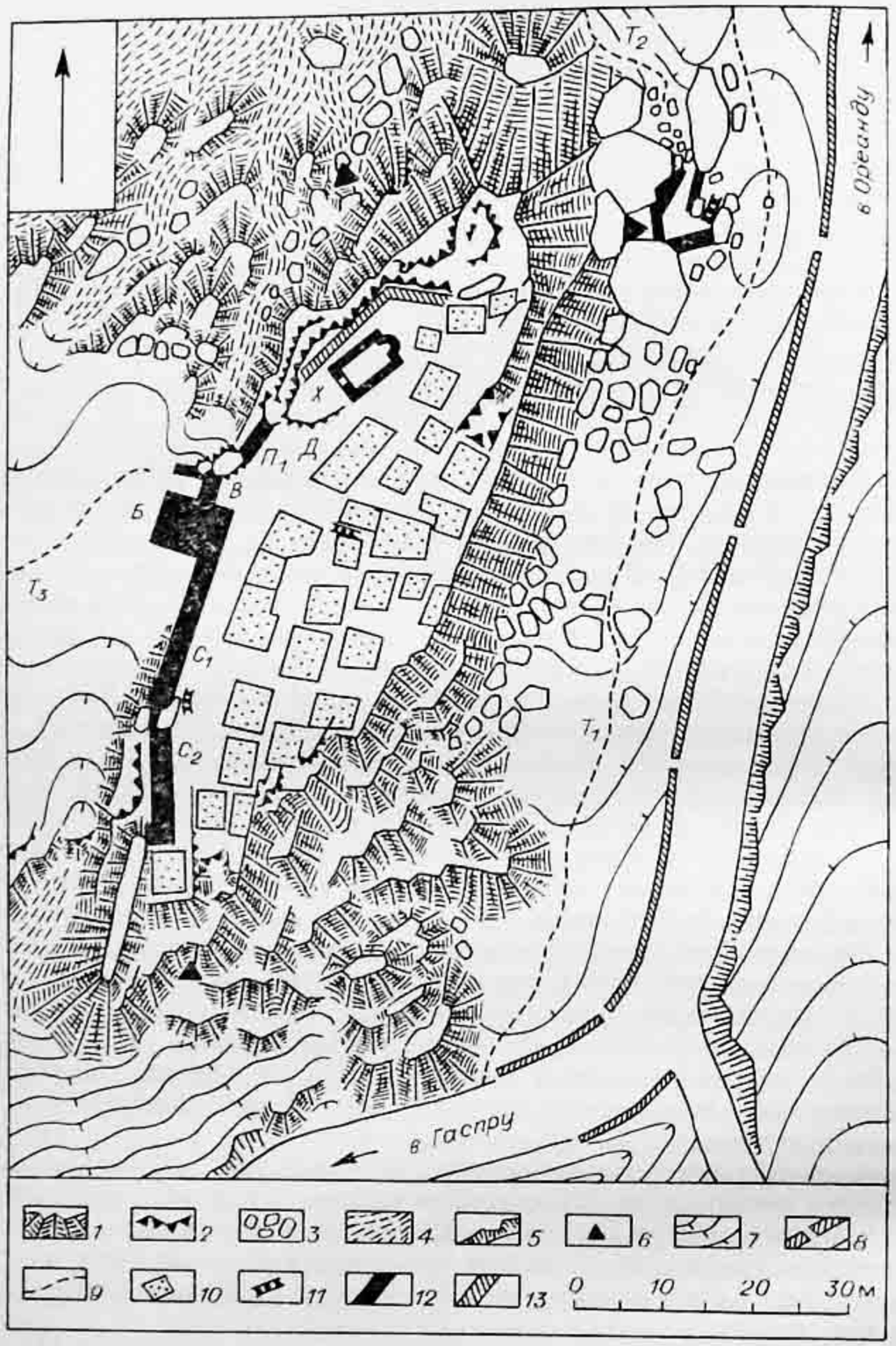


Рис. 77. План укрепления на скале Хачла-Каясы. Сьемка автора, 1963 и 1967 гг.

1 — скальные обрывы известняка; *2* — скальные уступы; *3* — крупные глыбы известняков; *4* — осыпи щебня и развалы глыб в кулуарах; *5* — откосы шоссе; *6* — небольшие гроты; *7* — горизонтали (схематическая прорисовка рельефа); *8* — старое верхнее шоссе с каменными парапетами; *9* — тропы ($Т_1$ — на гору Ай-Никола, $Т_2$ — в северный кулуар Хачла-Каясы, $Т_3$ — от укрепления по гребню гряды к седловине и древней дороге на перевал); *10* — ровные, вырубные площадки на скальной поверхности Хачла-Каясы; *11* — лестнички; *12* — сохранившиеся кладки; *13* — предполагаемые кладки. Х — одноапсидный храм; $С_1$ и $С_2$ — стены; Б — бастион; В — ворота; Д — вырубная дорога; $П_1$ — парапет.

пенчато наклонена к западу, в сторону седловины между вершинами кулуаров. Периметр вершинной площадки равен 185 м:

Над фронтальным, восточным, обрывом	95
Над обрывом к северному кулуару	40
Над обрывом к южному кулуару	25
На ровной седловине между кулуарами	25

Легко представить себе, насколько Хачла-Каясы удобна для обороны: 86 % периметра вершинной площадки приходится на неприступные обрывы и только 14 % — на ровное предполье на седловине. Достаточно было возвести боевую стену длиной 25—30 м, чтобы надежно перекрыть доступ на скалу. Так оно и было.

Чтобы закончить характеристику рельефа и строения скалы Хачла-Каясы, отметим, что у ее основания, между восточным обрывом и старым верхним шоссе, расположена неглубокая ровная лощина, заполненная мощными отложениями глинистого делювия и навалами известняковых глыб. Лощина начинается у южного окончания скалы, где ее восточный обрыв падает к шоссе серией каменных ступеней (результат катастрофических обрушений), и заканчивается у северного мыса Хачла-Каясы, но не имеет выхода в северную балку (см. рис. 76, 77). Это бессточное понижение напоминает карстовую воронку и все же, по-видимому, имеет сток воды под поверхностью, заполняющей понижение глыбовых и глинистых отложений. На восточной обочине шоссе обнажены глинистые сланцы и покрывающий их глинисто-щебенистый делювий. Выходы глинистых сланцев находятся также у южной и северной оконечностей скалы, которая своей колоссальной массой вмята в пластичные породы таврической формации.

2

Площадка на скале отсечена от ровной седловины между вершинами южного и северного кулуаров оборонительной стеной. Это явилось для меня неожиданностью, ибо никогда не приходилось читать или слышать, что на Хачла-Каясы есть нечто вроде исара. Обследуя район Гаспры и Ореанды после знакомства с укреплением на Крестовой горе, я не очень рассчитывал найти на Хачла-Каясы, Ай-Никола или Каракули-Кая, находящейся западнее двух первых, что-либо подобное. Все эти скалы слишком близки к Ореанде, чтобы можно было как-то понять и оправдать тесное соседство двух или трех исаров. (Впоследствии я узнал, что исар на Хачла-Каясы был известен еще Е. И. Виснеовской.)

Одним словом, начав подъем по северному кулуару Хачла-Каясы, я тут же убедился, что на вершине скалы есть какой-то средневековый памятник, ибо на каждом шагу в осыпях и развалах камня попадались куски средневековой керамики, а измерив весь кулуар четырьмя конечностями, я в конце концов уперся лбом в развалы боевой стены.

Стена эта отгораживала скалу от седловины. Ее южная куртина была возведена на бровке обрыва над южным кулуаром. В этом

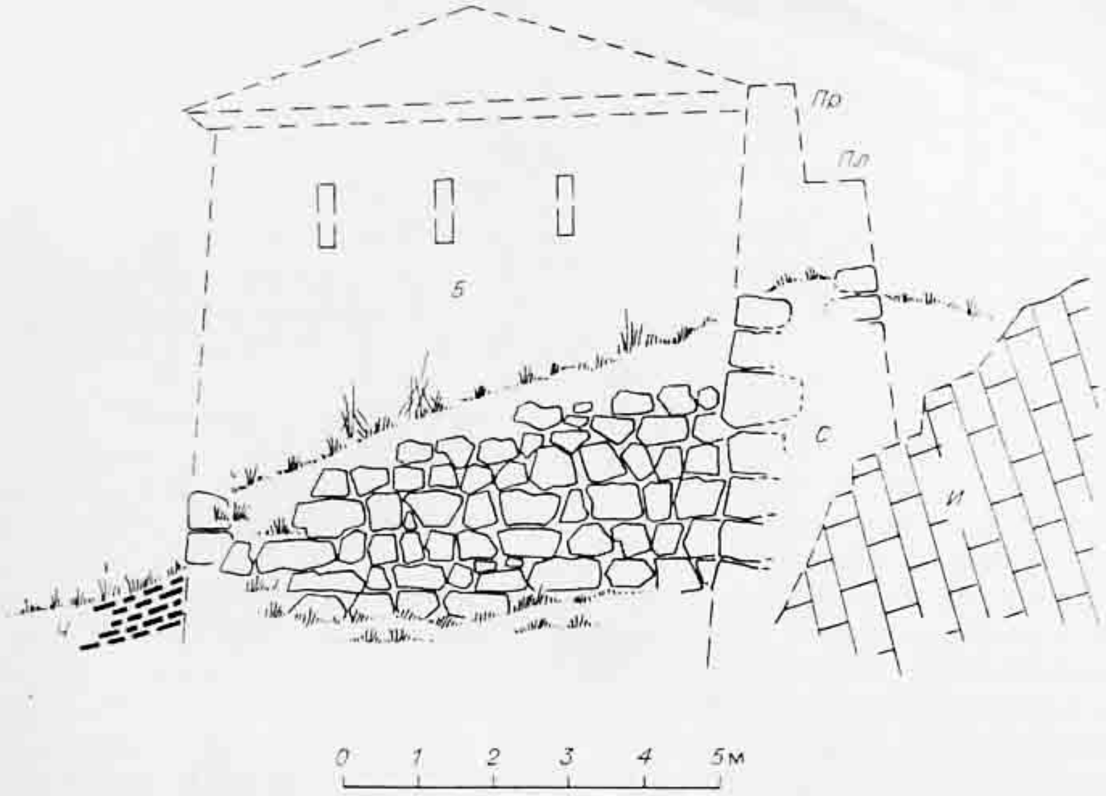


Рис. 78. Сохранившаяся часть бастиона (Б) на скале Хачла-Каясы и поперечный разрез боевой стены (С) в первой куртине.

И — скальные известняки; Ч — место расчистки у основания бастиона, где обнаружен слой жженой черепицы; Пр — парапет на стене; Пл — боевой полок на стене. Прорисована сохранившаяся кладка южной боковой стены бастиона. Штриховые линии — реконструкция.

месте (см. рис. 77) поверхность известняков стесана двумя-тремя ступенями, чтобы уменьшить наклон поверхности под основанием стены. Кладка почти не сохранилась. Отдельные камни и ступенчатые вырубы — вот и все следы южной куртины, длина которой составляла примерно 12—13 м.

Севернее находятся остатки второй, главной, куртины между обрывами южного и северного кулуаров. Стена в главной куртине (см. рис. 77) имела длину около 23 м. Она сохранилась довольно хорошо, ибо значительная часть кладки оказалась погребенной под слоем глинистого делювия. Конструктивная высота стены — 6—8 м, толщина на уровне основания — около 2,5 м, профиль — трапецеидальный, кладка — четкая панцирная.

В северном окончании главной куртины был заметен широкий развал камней. Небольшие расчистки открыли здесь основание четырехугольного бастиона размером 6×7,5 м, представлявшего собой монолитное сооружение, облицованное панцирной кладкой. Тело бастиона — единое целое вместе со стеной главной куртины. У основания кладки бастиона обнаружен мощный слой, целиком состоящий из керамиды, раздробленной и обожженной. Скорее всего, бастион имел второй этаж с черепичной кровлей, остатки которой залегают в слое у основания кладки. Возможно, верхнее строение

бастиона, реконструкция которого дана на рис. 78, было разрушено во время пожара.

Бастион прикрывал неширокий вход в укрепление, дополнительно огражденный коротким парапетом. Вход и парапет разрушены очень сильно, но все же надежно реконструируются. Между северным скосом бастиона и парапетом ко входу вела короткая лестница (или пандус). Вход представлял собой калитку шириной метра в полтора и был перекрыт арочным сводом из клинчатых блоков травертина. Куски травертина попадаются тут же, среди каменных развалов.

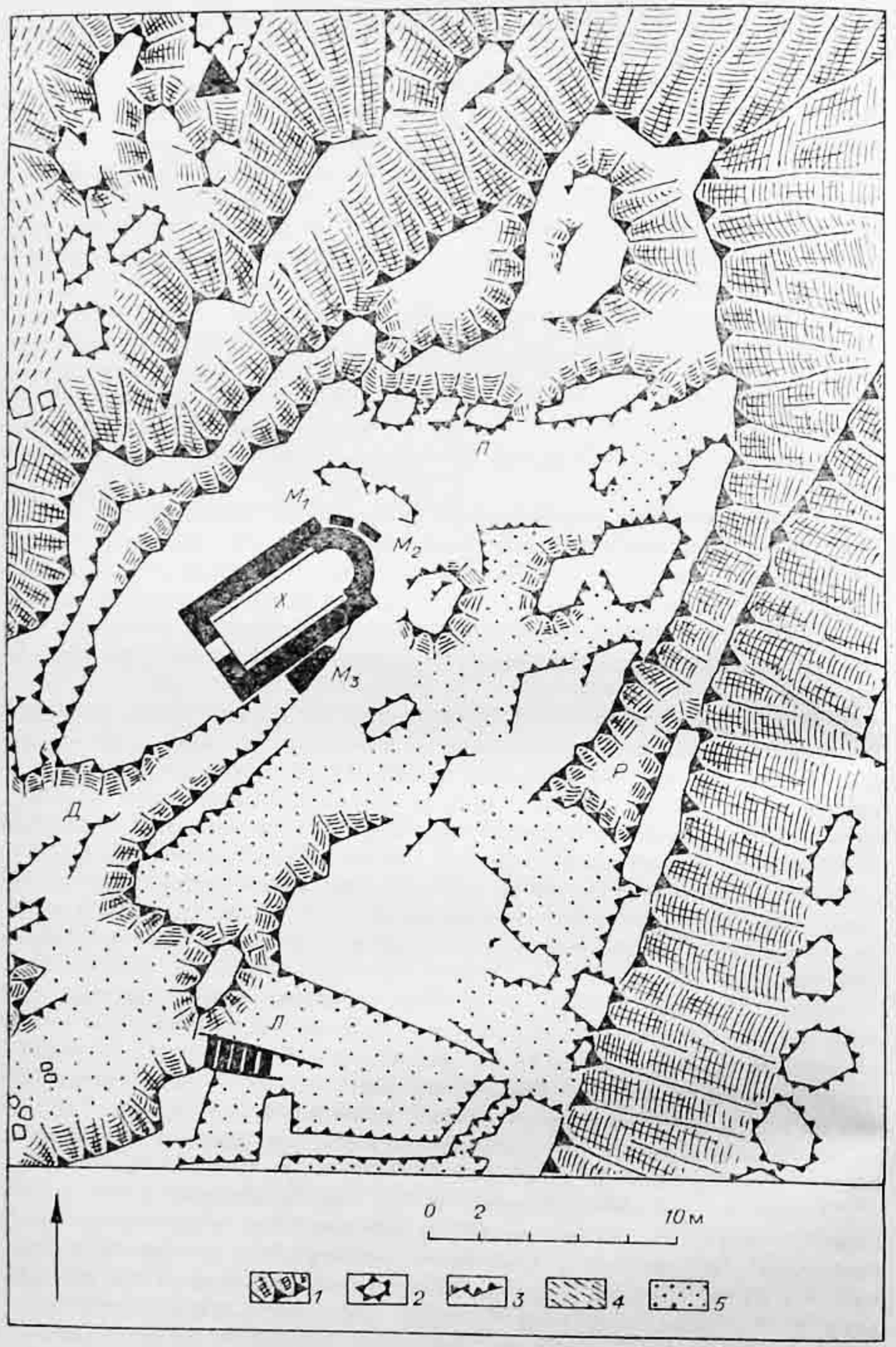
По кромке обрыва над северным кулуаром прослеживаются остатки парапета. Они хорошо заметны поблизости от входа (см. рис. 77, $П_1$) и в северной части укрепления. В последнем пункте положение парапета фиксируется цепочкой глыб, уложенных на бровке скального уступа, под которым находится несколько более или менее ровных небольших площадок, висящих над крутыми обрывами.

В общем длина укрепленных рубежей на Хачла-Каясы достигала 75 м, т. е. значительно превосходила ширину штурмоопасного предполья — седловины. Сооружение на седловине — стена полного профиля и бастион — имело менее мощные крылья, но все же усиливало неприступность обрывов над южным и северным кулуарами. Объем кладки всех сооружений составлял не больше 750 куб. м.

Кладка оборонительных сооружений на Хачла-Каясы выполнена преимущественно из мелкого и среднего бутового камня, выломанного тут же, на вершине скалы. Небольшой процент приходится на крупные глыбы, главным образом в наружном панцире стены, в основании парапетов, в облицовочном панцире бастиона. В развалах строительного камня очень много плиток песчаника, но в кладке стены их почти нет. Скорее всего плитки песчаника использовали для покрытия боевого полка в навершии стены и боевого парапета, чтобы предохранить кладку от просачивания дождевой воды.

Весь комплекс сооружений был возведен единовременно. Об этом можно судить, в частности, по перевязи между кладкой стены в главной куртине и кладкой флангового бастиона. Особенности рисунка кладки стены, парапетов, бастиона на Хачла-Каясы ничем не отличают этот исар от других южнобережных исаров. Сходство подчеркивается и другими деталями — профилем и размерами стены, планировкой и т. д.

Сходство распространяется и на тип вяжущего раствора — гашеная известь с балластными примесями. Все сооружение было возведено с применением вяжущего раствора. Он прекрасно сохранился в стене главной куртины. Наружный панцирь стены неподалеку от бастиона разрушен. В месте обрушения обнаружена забутовка — щебень и мелкий камень известняков, накрепко схваченные известью. Состав раствора следующий: известь — до 45 %, галька и гравий (преимущественно известняковые)— 43, мелкий



гравий и крупный песок (преимущественно алевролитового и сланцевого состава)— 9,5, мелкая керамическая крошка — 2,5 %. Остатки гашеной извести, галька и гравий рассеяны в развалах строительного камня на месте всех оборонительных сооружений. На Хачла-Каясы, как и в других исарах, в пазах панцирной клетки строители оставили визитные карточки — все те же обломки керамиды, амфор и кувшинов, амфорные ручки. Время, разрушившее многие средневековые постройки, не в состоянии было начисто смести их следы, которые запечатлены то кучами камней, то россыпью черепичных обломков или вкраплениями морской гальки в почве и рыхлых глинистых наносах, прикрывающих руины. При всем небольшом объеме оборонительных сооружений на Хачла-Каясы, для их возведения потребовалось кубометров сто вяжущего раствора, в том числе больше 50 куб. м гальки, гравия, песка, а это не так мало. Пройдет еще не одна сотня лет, прежде чем ветер и вода полностью очистят поверхность скалы от всего этого строительного мусора тысячелетней давности.

3

Впрочем, строительного мусора осталось не так-то уж и много. Большая часть тех полутора тысяч квадратных метров, которые составляют крепостную площадь,— это лысая скальная поверхность, кое-где прикрытая тоненькими слоями красноцветной глины и почвы. И вода и ветер поработали здесь на совесть!

Это обстоятельство делает зримой любопытную картину вырубов в скальной поверхности. На первый взгляд они кажутся вполне естественными углублениями, но стоит присмотреться внимательнее, и то тут, то там начинаешь замечать четкие следы вылома камня, следы подтески уступов, карнизов, нависающих над пропастью балконов и огораживающих их монолитных, вырубленных в скале парапетов. Вырубы в скале имеют в плане более или менее прямоугольные очертания. Они невелики — по большей части около 4×6 м — и неглубоки — 0,2—0,9 м. Всего таких площадок насчитывается три десятка, они занимают две трети площади укрепления — около 1000 кв. м. Вследствие наклона поверхности скалы в западном направлении, к седловине, вырубные площадки находятся на разных уровнях, поднимаясь к восточному обрыву. Некоторые из них открываются прямо на обрыв в виде балконов или отделены от него неширокими парапетами, в которых прорублены не очень правильных форм амбразуры (рис. 77, 79).

←

Рис. 79. Северная часть укрепления на скале Хачла-Каясы.

1 — скальные обрывы; *2* — крупные глыбы и отдельные скальные выступы известняков *3* — скальные уступы; *4* — осыпи щебня и развалы глыб; *5* — ровные вырубные площадки (места жилых построек). Г — грот (щель между блоками известняка); К — северный кулуар; П — остатки основания парапета; Х — одноапсидный храм; M_1 и M_2 — детские погребения; M_3 — могила в расселине с костяками взрослых; Д — вырубная дорога от ворот к храму; Л — вырубная лестничка с нижней террасы на верхнюю; Р — расселина и узкий крутой карниз на скальном обрыве.

На каждой площадке ютилась маленькая постройка, которую только с учетом средневековой непритязательности можно назвать жилищем. Скорее это были какие-то конурки, кельи, кое-где оборудованные вырубными скамьями, небольшими нишами, узкими щелеобразными переходами между соседними помещениями и каменными лестничками, ведущими с одного уровня заселенной площади на другой.

В двух-трех пунктах сохранилось что-то похожее на кладку стен этих конурок, повсюду разбросаны куски разбитой керамиды — все, что осталось от культурного слоя. Только с тыльной стороны боевой стены в главной куртине мощность наносов превосходит 0,5—1 м; здесь сосредоточено много керамики, во всех отношениях сходной с керамикой Ореанды. Поблизости от боевой стены видны и отдельные камни от развалившихся стен построек, однако расчистки не открывают в этом месте ничего примечательного.

Еще одна деталь: от входа в укрепление к северной оконечности скалы проходила узкая дорога (рис. 77; 79, Д). Она была проложена в естественном понижении скальной поверхности, на месте заваленной камнем расселины. Кое-где для ее устройства пришлось рубить камень. Куда она вела — это мы увидим дальше.

В отличие от некоторых других исаров на Хачла-Каясы не было построек, примкнувших к боевой стене. Вдоль нее был свободный проход, он начинался у ворот и заканчивался на площадках-балконах над южным контрфорсом скалы. Вместе с дорогой к северной оконечности скалы южный проход отделяет зону построек от боевых сооружений.

4

В скале Хачла-Каясы есть два грота. Один из них находится в восточной стенке северного кулуара (см. рис. 77, 79). Крупные блоки известняков рухнули здесь по откосу, но не рассыпались в мелкие глыбы, а остались прислоненными к скале. Между ними и скалой тянется узкая щель, более чем наполовину заваленная камнем. Щель эта до конца не прослежена. Возможно, в прошлом здесь был ход на верх скалы, на крохотные ровные площадки в северном ее окончании. В каменном завале щели и глинистых наносах много обломков средневековой керамики.

Второй грот менее таинствен и целиком доступен для обозрения, но именно он привлекает к себе внимание интересными деталями. Он находится у северо-восточного подножия скалы. Своим происхождением, как и первый грот, он обязан обрушению скалы. Крупные блоки известняков рухнули к основанию скалы, два из них были перекрыты третьим, благодаря чему и образовался грот. Его длина не более 5 м. Задняя стенка — ровная поверхность известняков самой скалы, боковые стенки — скосы двух колоссальных блоков, потолок — неровная поверхность верхнего блока,

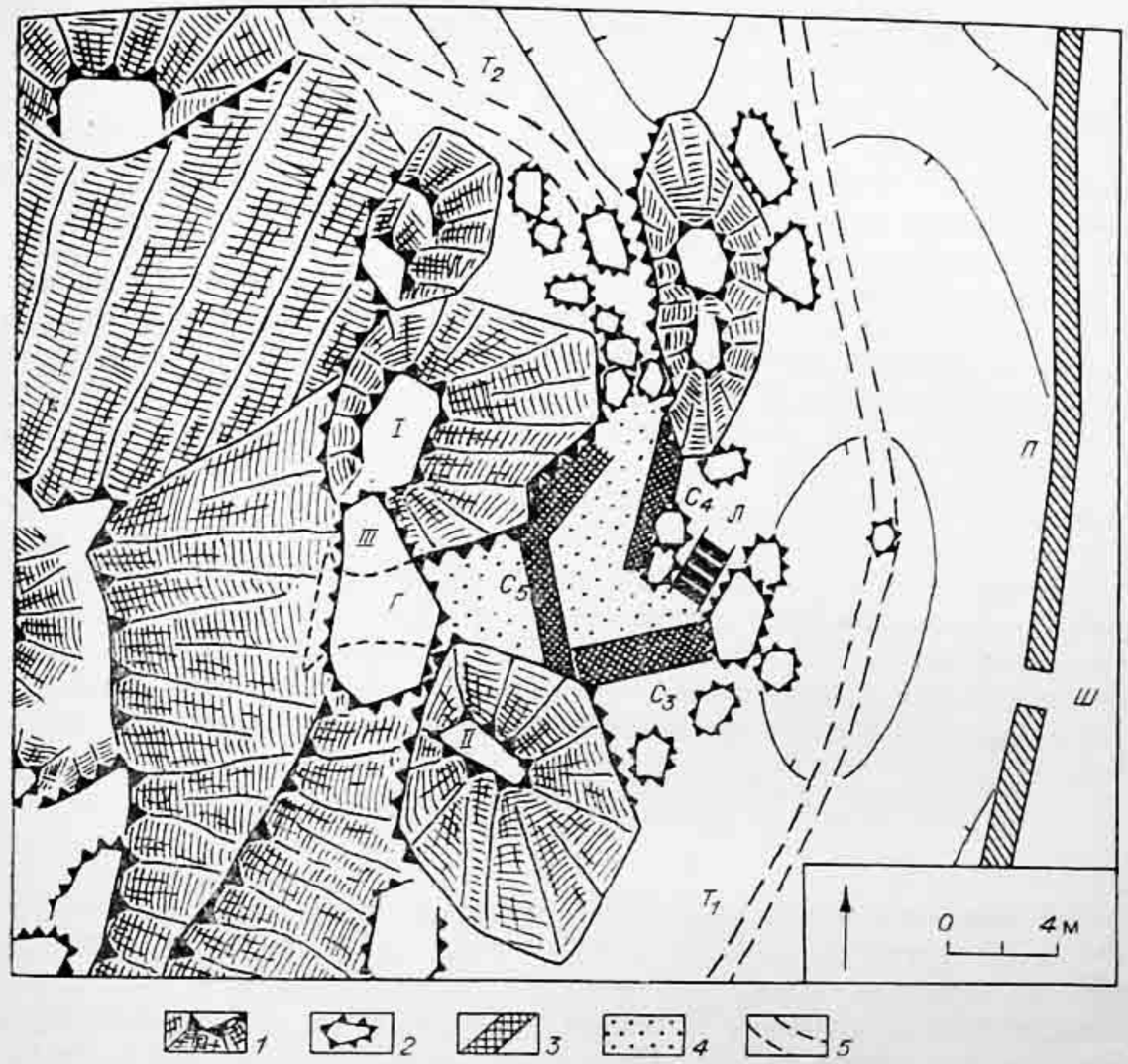


Рис. 80. Грот у северо-восточного подножия скалы Хачла-Каясы (деталь общего плана).

1 — скальные обрывы; *2* — крупные глыбы; *3* — кладки стен C_3, C_4, C_5; *4* — насыпная терраса перед гротом; *5* — тропы. III — старое верхнее шоссе под скалой; П — его каменные парапеты; Г — грот между обрушенными блоками известняка (I, II, III; контур грота в плане показан пунктиром под блоком III, плоскость которого дана без штриховой прорисовки).

который заклинился между двумя первыми (рис. 80). В каменных развалах у подножия крупных скал подобного рода гроты — не редкость. Необычное заключено в пространстве перед гротом.

Перед входом в него устроена насыпная терраса размером около 6×8 м и высотой до 2 м. С южной стороны терраса укреплена подпорной стеной, выложенной из крупных глыб. Толщина стены — 2 м, кладка — панцирная. Очень похоже, что это — основание оборонительной стены. С восточной стороны на террасу ведет выложенная из глыб, сильно разрушенная лестница, и здесь же видны остатки второй стены (рис. 80, C_4), которая замыкалась крупным известняковым блоком и вместе с южной стеной огораживала террасу перед гротом. В северном направлении между блоками известняка тянется узкая щель. Через нее проходит тропа в северный кулуар Хачла-Каясы.

В каменной насыпи террасы перед гротом прослеживается кладка еще одной стены (рис. 80, C_5), которая загораживала вход в грот, разделяя насыпную террасу на две части.

Планировка всего сооружения напоминает крепостной вход с тамбуром и кордегардией (в качестве которой использовали грот) перед главной площадью укрепления. Но дело в том, что эта площадь находится на 50 с лишним метров выше, на вершине скалы, и никакими сооружениями оборонительного назначения с комплексом стен у грота не связана. Назначение этого комплекса остается загадкой. Очень вероятно, что здесь, непосредственно у дороги, помещался небольшой блокпост Хачла-Каясы. Дорога проходила в прошлом тут же, между трассой нынешнего шоссе и основанием скалы. Не исключено, что в гроте помещалась дорожная стража. Возможно также, что в гроте была придорожная часовня. Одно другого не исключает.

Кажется, именно эти два грота Хачла-Каясы (и небольшой третий в южном окончании скалы — см. рис. 77) и послужили основанием для возникновения легенды о разбойнике Алиме. Своим средневековым содержанием они великолепно вписываются в дотатарскую историю Крыма и, безусловно, связаны с исаром на верху скалы.

5

В северной части крепостной площади было заметно углубление в поверхности. Из-под слоя наносов здесь выступали редкие камни. Поместив их на план, нетрудно было догадаться, что это — остатки стен и апсиды небольшого разрушенного храма, ориентированного на северо-восток. Постройка находилась в двух шагах от бровки обрыва над северным кулуаром, а рядом с ней проходила дорога от входа к северной оконечности крепостной площади. Внешние габариты храма — 4,2×7 м, ориентировка апсиды — 56°. Словом, все было достаточно ясно. К тому же масса керамических обломков давала четкое представление о том, что здесь находился средневековый христианский храм точно такого же типа, как в других пунктах Южного берега. При всех своих незначительных размерах, он мог быть виден с большого расстояния — от Ореанды, с горы Ай-Никола, даже с моря. Храм увенчивал скалистый клык Хачла-Каясы. Его находка сделала понятным и само название скалы в татарском варианте: *Хачла-Каясы* — Крестовая скала.

Осенью 1967 г., четыре года спустя после съемок на Хачла-Каясы, я решил показать этот маленький исар О. И. Домбровскому, который тем летом проводил археологические разведки в Ореанде.

Раскопками храма установлено, что от него сохранились незначительные основания стен и апсиды, выложенные на скалистом основании и на подбутовке неровностей рельефа. Толщина продольных стен — 0,65—0,70 м, но с внутренней стороны они расширены на 20 см невысокими каменными скамьями, составляющими единое

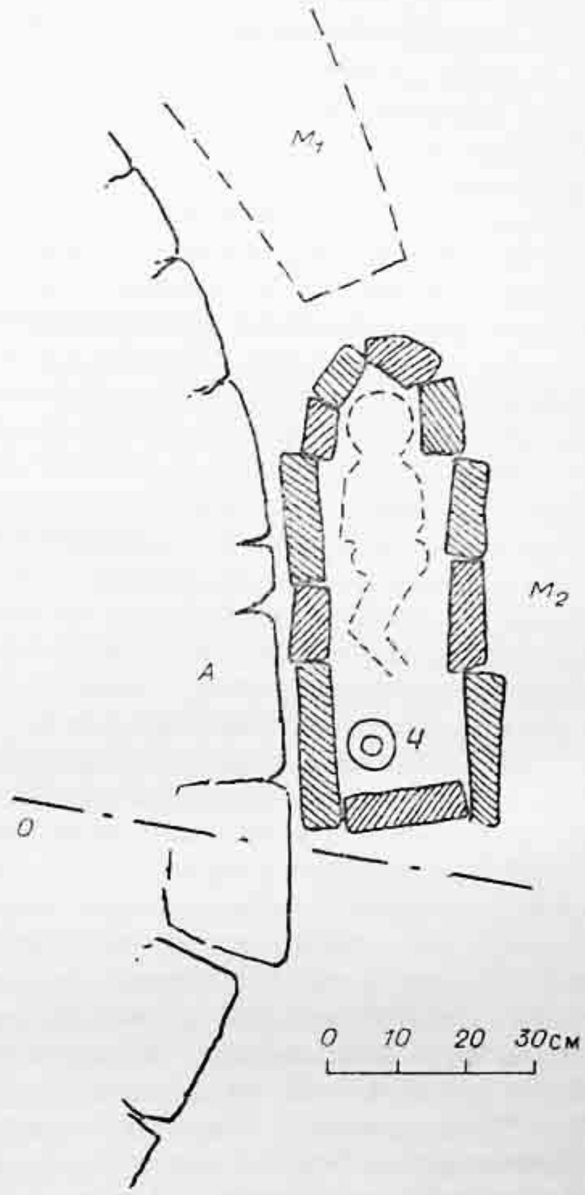


Рис. 81. Детские погребения с наружной стороны апсиды (А) храма на Хачла-Каясы.

О — ось апсиды, ориентированная на северо-восток — 56°; M_1 — детское погребение в углублении, разрушенное; M_2 — детское погребение (положение костяка показано пунктиром) в могиле с каменной обкладкой в виде саркофага; Ч — раздавленная глиняная чаша.

целое с основанием стен, как в храме Массандры. Внутренние габариты помещения — 2,5×5,2 м, дугообразная апсида небольшая, внутренние предапсидные углы едва выступают. Вход в храм находился в западной (юго-западной) стене, посередине. Кладка стен выполнена мелким и средним бутовым камнем в два соприкасающихся панциря и скреплена прочным известково-галечно-гравийным раствором, небольшой примесью песка и керамической толченки. Стены нефа и апсиды были оштукатурены и расписаны фресками. Роспись не сохранилась, о ней можно судить только по кусочкам извести с соломенной сечкой и следами красочного слоя. Постройка была крыта разнопрофильной керамидой и имела туфовый свод. На уровне пола, в прошлом крытого плитками тонкослоистого песчаника, оказалось много обломков керамиды, красноглиняных сосудов. Здесь же найдено несколько мелких кусочков от поливных чаш; в известково-щебенистой вымостке пола попадаются кусочки угля.

Во время расчистки апсиды было нарушено детское погребение (рис. 81, M_1). Могила представляла собой естественное углубление в камнях, перекрытое плитами песчаника. Вторая детская могила (рис. 81, M_2) оказалась рядом, приблизительно на оси апсиды, с ее внешней стороны. Она была устроена следующим образом. На ровной поверхности скалы из небольших камней известняка и песчаника выложено нечто похожее по форме на саркофаг размером 25×60 см (внутренние габариты). Это сооружение было перекрыто нетолстой плитой песчаника и находилось под глиняной засыпкой и в глиняном слое, перекрывавшем скальную поверхность.

Погребенный лежал на спине с чуть согнутыми вправо ногами и сложенными на груди ручонками. Костяк оказался сильно нарушенным корнями можжевельника, проросшими через могилу. Судя по росту (35—37 см), исключительной тонкости косточек, четкости черепных швов, в могиле M_2 был погребен новорожденный или ребенок не старше полугода. То же — в могиле M_1. В обоих случаях погребенные были положены головой на запад. В ногах погребенного в могиле M_2 стояла маленькая глиняная чашка, совершенно раздробленная под давлением грунта.

Наличие детских погребений возле храма и их положение с внешней стороны апсиды, возможно, связаны со средневековым ритуалом освящения храмовой постройки.

При расчистке юго-восточной стены храма с внешней стороны была открыта щель, обложенная камнем на известковом растворе и перекрытая крупной песчаниковой плитой, разбитой на четыре куска. Здесь оказалась могила с погребениями взрослых (см. рис. 79, M_3). Она была устроена в естественной клиновидной расселине, выклинивающейся в северо-восточном направлении. Как раз по этой расселине проходит дорога от входа в укрепление к северному окончанию крепостной площади.

Погребальная камера могилы M_3 имеет длину 1,9 м, ширину 0,5—0,75, глубину 0,6—0,8 м. Покровная плита находилась под слоем наносов мощностью 0,8 м. Под ней оказалось 11 скелетов. Почти все они были беспорядочно перемешаны и засыпаны легким слоем мелкозема, просочившегося сквозь щели в покровной плите. Погребения совершали на протяжении длительного времени. Об этом можно судить по разной сохранности костяков вообще и черепов в частности. Два черепа из самых ранних погребений совершенно фрагментированы, пять сильно повреждены, фактура кости имеет характерный для очень старых погребений тонкопористый вид. Четыре черепа находились сверху, принадлежали поздним захоронениям и имеют хорошую сохранность. С большей долей вероятности устанавливается, что все 11 костяков принадлежали мужчинам в возрасте от 30 до 60 лет. Травм на костях не обнаружено. Следует отметить и то обстоятельство, что в могиле не оказалось ни украшений, ни каких-либо предметов обихода или ритуальных, ни оружия. Найдено несколько обломков поливной чаши, но они могли попасть под покровную плиту и случайно, вместе с мелкоземом. Не вдаваясь в краниологические подробности, замечу, что большинство сохранившихся черепов очень выразительны, насколько это определение можно применить к тому, что остается от человеческой головы. Они принадлежали довольно горбоносым субъектам ростом (судя по размеру костяков) 1,65—1,85 м.

Описывать все эти подробности, как, видимо, и читать, не составляет особого удовольствия. Но на основании целого ряда приведенных особенностей самой крепости, ее храма и погребений рядом с храмом можно подойти к более или менее точной квалификации укрепления на Хачла-Каясы. Скорее всего, на скале находился укрепленный монастырь, а не просто рядовой средневековой исар. В самом деле, «бытовая неудобность» скалы исключает размещение

на ней обычного укрепленного поселения. Укрепление имеет храм, а это скорее могло быть свойственно укрепленному монастырю, чем крепости любого другого назначения. Захоронения внутри средневековых исаров встречаются не очень часто и исключительно в тех случаях, если исар представлял собой укрепленный монастырь или просто монастырь, обнесенный невысокой стеной. Погребения взрослых на Хачла-Каясы — исключительно мужские и подчеркнуто бедные, да и сам склеп находится под боком у храма. Все эти детали вполне достаточны, чтобы предпочесть вывод об укрепленном монастыре любому другому.

В ближайших окрестностях Хачла-Каясы, в зарослях кустов и под пологом леса разбросаны остатки небольших усадеб, видны старые крепиды, арыки, тропы. Они есть и у южной оконечности скалы, но особенно много средневековых руин и рассеянной в почве и на поверхности керамики в северной лесистой балке, отделяющей Хачла-Каясы от Ай-Николы. Поднимаясь по этой балке от старого верхнего шоссе к новому автодорожному спуску в Гаспру, то и дело натыкаешься на эти остатки, и начинает складываться мнение, что эта балка в прошлом была плотно занята жилыми постройками, земледельческими террасами, межевыми стенами и крепидами, что здесь была своя система связывающих усадьбы дорог и даже своя система водоснабжения, от которой кое-где остались обложенные камнем арыки. Поселение в балке, по-видимому, одно из средневековых поселений Ореандской котловины. Место для него было выбрано с учетом защищенности балки от ветров и наличия воды, источники которой находятся тут же.

По борту северной балки на гору Ай-Никола серией крутых поворотов вьется серпантин построенной в прошлом дороги. Здесь сохранились прекрасно выложенные из дикого камня крепиды. Дорога оканчивается на вершине горы Ай-Никола, неподалеку от крутых скал, над которыми среди глубоких расселин, поросших сосной, можжевельником и мелкоплодным земляничником, много естественных балконов. Здесь же видны остатки подпорных стен и каменная лестница, выложенная тесаными плитами.

Не принадлежат ли средневековью и эти сооружения: и эта дорога на гору, и эти крепиды вдоль нее, и эта каменная лестница? Увы, нет. Сколько ни ищи, не найдешь ни одного кусочка средневековой керамики. Не только здесь, но и на всей куполовидной поверхности горы Ай-Никола. Все это относится ко времени не старше прошлого столетия, когда под горой Ай-Никола находились дворянские поместья, а в самой Ореанде — поместья членов царской фамилии. Тогда и была сооружена дорога на Ай-Николу.

Как ни удивительно, но на Ай-Николе до сих пор не удается разыскать какие-либо средневековые развалины. Остается совершенной загадкой, почему эта гора носит такое специфически средневеково-христианское название. Пусть не исар, пусть не какое-то укрепленное поселение, но хоть церквушка-то должна была быть на этой горе? Впрочем, если бы остатки крепости, поселения или храма на Ай-Николе все же отыскались, то это явилось бы не меньшей загадкой, ибо нахождение их на этой куполовидной и обширной,

с трех сторон открытой горе трудно оправдать какими-либо соображениями.

Вот здесь на память и приходят могильник и храм, открытые в 1967 г. у основания Ай-Николы, в развилке верхнего и нижнего шоссе. Не связано ли название горы с этим кладбищенским храмом? Это очень соблазнительное предположение, но тем не менее и от него следует отказаться. Можно привести десятки примеров из топонимики Крыма, свидетельствующих о том, что названия скалам, горкам и горам давались не по объектам, находившимся под ними, а по объектам на самих этих скалах, горках и горах: Эклези-Бурун, Ай-Йори, Гелин-Кая, Палеокастрон, Панея, Ай-Юри, Ильяс-Кая и множество других подобных названий.

Распутать загадку названия горы Ай-Никола не составит труда, если сделать одно простое, правда бездоказательное, но не невероятное предположение — о том, что в средневековом прошлом это название прилагали вовсе не к куполовидной горе над дорожным дефиле Ореанды, а к Хачла-Каясы. Впоследствии татары стали именовать эту маленькую скалистую Ай-Николу *Хачла-Каясы* — Крестовой скалой, а название *Ай-Никола* переместилось на куполовидную сосново-можжевеловую гору, хотя серьезных оснований для этого перемещения, кажется, и не было. С вероятными топонимическими перемещениями нам придется столкнуться и юго-западнее современной Хачла-Каясы — на мысу Ай-Тодор.

Хотя мы и оговорились, что такое предположение бездоказательно, однако некоторые косвенные соображения подкрепляют его. В самом деле, более чем вероятно, что на скалистой Хачла-Каясы в средние века находился укрепленный монастырь. Скала расположена в узле дорог: под ней проходила основная продольная дорога Южного берега, по трассе которой было устроено и старое верхнее шоссе; юго-западнее Хачла-Каясы, по пути в горы, к Ай-Петринскому перевалу поднималась поперечная дорога; даже современный автодорожный спуск устроен отчасти по ее трассе. В средние века этот путь имел немаловажное значение, соединяя Южный берег с предгорьями. Следовательно, положение исара в этом дорожном узле было оправдано необходимостью контроля, но, находясь в исключительной близости от большого исара в Ореанде, вряд ли он имел самостоятельное значение. О том, что этот исар мог в какой-то мере противостоять исару в Ореанде или конкурировать с ним, не может быть и речи, так же, как для известных уже нам парных исаров Ай-Йори и Сераус, Гелин-Кая и Дженевез-Кая.

Маленькая крепость на Хачла-Каясы могла быть либо периферийным дорожным блокпостом большой крепости Ореанды, либо укрепленным монастырем, находившимся по отношению к Ореанде «на выселках», но занимавшим очень выгодное положение. В этом монастыре была церковь (что маловероятно для блокпоста) святого Николая, с остатками которой читатель познакомился несколькими страницами выше. Прямых доказательств, что церковь называлась именно так, нет. Но в греко-византийском христианском пантеоне святых святой Николай был непременным покровителем мореходов и странников.

XVII

ГАСПРА-ИСАР — ВЗОРВАННАЯ СКАЛА

... Для настоящего прошедших предметов есть у нас память или воспоминание...

Аврелий Августин

То, что я оплакиваю, может и не стоит спасать, но тем не менее расставаться с этим горько.

Джон Стейнбек

Так получилось, что в 1963 г. я отложил свой визит на Гаспра-Исар из-за более срочных, как тогда казалось, дел. И опоздал всего на две-три недели. Скала, на которой находилось это маленькое укрепление, была взорвана, рассыпалась на миллиарды кусков, чтобы стать сырьем для цементного завода, выстроенного на окраине Гаспры. Стоит ли говорить о той досаде, которую я испытываю по сей день, вспоминая Гаспра-Исар и свою непростительную оплошность...

Попробуем воссоздать картину этого исара, хотя бы в общих чертах, пользуясь различными источниками и тем немногим, что удалось найти на месте взорванной скалы.

1

Исар находился на крайней к западу гряде Гаспринского хребта. Хребет этот, как говорилось, разделяет прибрежную полосу поперек, изолируя Ореандскую котловину от протяженного участка берега между Гаспрой и Симеизом, включающего районы Кореиза, Мисхора, Алупки. Гряды Гаспринского хребта ступенчато спускаются к морю, к мысу Ай-Тодор, и увенчаны целым рядом известняковых скал. Основу этих гряд составляют блоки известняков, зажатые в зоне крупного меридионального разлома,— блоки, подобные известняковому клыку Хачла-Каясы и горе Крестовой в Ореанде. Рядом со скалами известняков в бортах и днищах оврагов, между грядами и на водоразделах, на самих грядах обнаруживаются сланцы, алевролиты и песчаники таврической формации, так сказать геологический фундамент южнобережной полосы.

Скала Гаспра-Исара на несколько десятков метров вздымалась над покрытыми густым и путаным лесом склонами западной гряды; вершину ее увенчивали сосны и древовидные можжевельники. С нее

просматривалось все побережье к западу, вплоть до Симеиза; обзор на восток и северо-восток был не столь обширным из-за слишком пересеченного рельефа Гаспринского хребта, но все же были видны Хачла-Каясы и гора Крестовая в Ореанде. На севере открывалась широкая панорама Ай-Петринской Яйлы с Гаспра-Богазом. Обзор в южном секторе, как и в восточном, был не очень хорош из-за тех же скал и гряд, покрытых лесом; мыс Ай-Тодор, противолежащий Гаспра-Исару, попадал в «мертвое пространство» (обратим внимание на эту деталь!), но море было обозримо до далекого горизонта.

Подобно другим малым укреплениям Южного берега, Гаспра-Исар соседствовал с одной из старых дорог. Конкретнее — он прикрывал путь с перевала Гаспра-Богаз, находящегося северо-восточнее вершины Ай-Петри. Дороги к Гаспра-Богазу шли и со стороны Алупки, мимо Алупка-Исара, и от Ореанды, где преградой на пути стоял укрепленный монастырек на Хачла-Каясы, и от Ай-Тодора и Гаспры, мимо Гаспра-Исара, который представлял собой наблюдательный пункт и блокпост, по малости своей, вероятно, имевший подчиненное значение: это была крепость-сателлит.

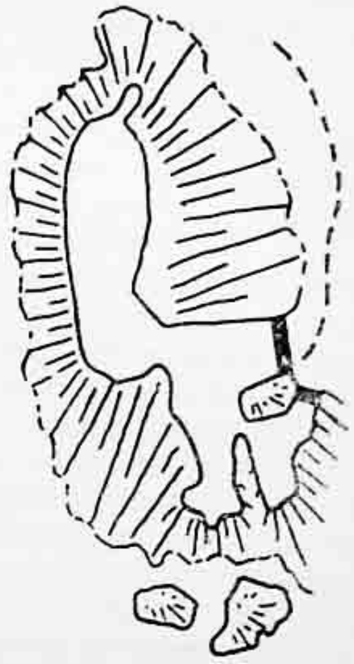
Расстояние от Гаспра-Исара до значительного укрепления над Алупкой намного больше, чем от него до укрепления в Ореанде. Разумнее предположить поэтому его ореандскую ориентацию. Вероятно, он входил в систему обороны Ореандской котловины. Однако Гаспра-Исар был столь же близок и к мысу Ай-Тодор, рядом с которым сохранился след еще одного укрепления. Превосходный обзор с Гаспра-Исара к западу и северу и совершенно неудовлетворительная видимость с него восточного и южного секторов береговой полосы больше говорят о том, что это небольшое укрепление было «глазом» Ореанды или безымянного исара у Ай-Тодора.

Название *Гаспра* встречается в генуэзских и турецких документах. Оно относилось и относится сейчас к поселку под западным боком Гаспринского хребта, раскинувшемуся вдоль верхнего шоссе почти в створе мыса Ай-Тодор. Фонетически *Гаспра* соответствует или близко греческое слово ασπρα — деньги, но каков его топонимический смысл? Наверное, от такого сопоставления нужно отказаться. Иное дело ασπρος — белый. Правда, в том месте, где расположен поселок, нет ничего примечательно белого, но до того, как была взорвана скала Гаспра-Исара, она сама сияла ослепительной белизной и была видна даже от Симеиза. Не относилось ли название *Гаспра* первоначально именно к этой скале и к укреплению на ней? Не перенесено ли оно только впоследствии с исара на более поздний поселок, который и сейчас называется Гаспрой? Так, наверное, и было.

2

Очень немногое о Гаспра-Исаре находим мы у Кеппена. «К северо-западу от Ай-Тодорского мыса,— пишет он,— и вправо от тропы, которая из Гаспры, Хуреиза, Мысхора и других береговых селе-

Рис. 82. Схематический план Гаспра-Исара, по П. И. Кеппену, 1837 г. Показаны обрывы скалы, две стены и трона.



лений ведет через Яйлу, за горы, лежит весьма малое, но достопримечательное укрепление, известное под названием Исар-Кая или Гаспра-Исар. Тут за исключением стены, длиною шагов в двадцать, все укрепление есть дело природы. Вообразите себе поляну, имеющую в длину не более 40, а в ширину до 8 шагов; перед нею как бы небольшой двор с двумя боковыми отделениями, и все это место —внутри скал, которых отвесные стены в вышину по две с половиной сажени, — и вы будете иметь некоторое понятие об этом затворе. Вход в оный, находящийся с восточной стороны, был перегорожен стенками, из коих одна, где существовали ворота, имела не более 13, а другая только 5—6 шагов в длину»[1].

Вот и все — плюс приблизительный план, который воспроизведен на рис. 82. В общем ситуация удивительно напоминает Палеокастрон: то же положение на скале, та же малость размеров, те же барьеры из скал.

В 1961—1962 гг. на Гаспра-Исаре производил разведочные раскопки О. И. Домбровский. Главные выводы его и заключения нашли отражение в популярном сборнике [2]. Они сводятся к следующему.

На Гаспра-Исаре Домбровским обнаружен горизонт с лепной керамикой, предположительно отнесенный к эпохе поздней бронзы — раннего железа. Следовательно, в I тыс. до н. э. на скале могло быть одно из таврских убежищ. Это гармонирует с известным поблизости от Гаспры, на спуске к мысу Ай-Тодор, могильником из каменных ящиков. Однако то ли из-за малости убежища, то ли в силу неблагоприятных природных факторов горизонт с лепной керамикой оказался не очень мощным и не повсеместным. Кстати говоря, то же самое мы видели и еще увидим и в некоторых других укреплениях.

Довольно мощные рыхлые отложения на скале изобиловали керамикой и черепицей VIII—X и XII—XIV вв., которые и определяют время Гаспра-Исара. Типичное средневековое укрепление! Раскопом были вскрыты остатки здания последнего периода его жизни (XII—XIV вв.). В здании находились кухня-кладовая, два помещения с нарами и одно помещение с благоустроенным очагом. К зданию примыкал открытый навес, за его стенами помещалась небольшая железоделательная мастерская, о чем говорят остатки круглой горновой печи, куски шлака, печины и кричного железа, наконечники стрел и оселки для их заточки.

В расселине, рассекавшей скалу Гаспра-Исара надвое, обнаружены остатки еще двух построек, пещерная кладовая с пифосами и следы двух горновых печей. На площадке укрепления, защищенной с южной и восточной сторон боевыми стенами, находилась выдолбленная в скале цистерна для воды. К числу датирующих находок относится монета XII в.

О. И. Домбровский полагает, что в XIV в. Гаспра-Исар не функционировал, а в XV в. снова некоторое время использовался в качестве убежища или дозорного пункта. Возникновение укрепления (с минимумом необходимых для защиты боевых стен) относится к раннему средневековью.

На юго-западном склоне, под Гаспра-Исаром, были открыты сельскохозяйственные усадьбы того же времени, разбросанные на значительной площади и в известной мере изолированные друг от друга, а еще ниже — остатки компактного поселения VIII—X вв. Большинство этих объектов попало в зону современного карьера и было уничтожено.

Судя по этим данным, обстановка на Гаспра-Исаре была обычной для южнобережных укреплений. Только ли с VIII в. началась его средневековая история или много раньше (скажем, с IV—VI вв.)? Насколько крупным было на этой скале таврское убежище? Пока очевидно, что Гаспра-Исар с его боевыми стенами и жилыми постройками, с мощным горизонтом обломков гончарной посуды и черепицы являлся памятником средневековья. Его небольшие боевые стены были сложены, как и стены других исаров, на известковом растворе типичной панцирной кладкой. Об этом не пишет Кеппен, об этом не упоминает и Домбровский, но в развалах глыб карьера, образованного взрывом на месте крепостной скалы, удалось найти немало культурных остатков Гаспра-Исара, в частности два куска крепостной панцирной стены, сложенной на превосходно сохранившемся известковом растворе с обычной для него мелкой галькой и тонкой керамической крошкой.

3

В хаосе каменного карьера, на месте, где прежде возвышалась скала Гаспра-Исара, в 1963 г., спустя несколько дней после массовых взрывов, было собрано множество керамических обломков. Их было так много, что оставалось только удивляться, как на маленькой площади помещались все эти груды черепков! Взятые для подсчетов несколько сотен обломков — лишь ничтожная доля той битой керамики, которая оказалась рассеянной взрывами, перемешанной с глыбами и щебнем известняков и в конце концов вместе с известняками пошла на перемол в мельницах цементного завода.

Не станем останавливаться на деталях, сошлемся просто на полнейшее сходство наборов керамики Гаспра-Исара и, например, Ореанды. Повторяются не только типы гончарной продукции, но и многочисленные разновидности одних и тех же по назначению изделий, со всеми особенностями их формы, размеров, состава теста, характера обжига и т. п.

Соотношение по видам было следующим (в % от общего числа обломков):

Кровельная черепица	67,5
Пифосы и вообще толстостенные сосуды	9,5
Неангобированные амфоры и кувшины	14,3
Ангобированные амфоры и кувшины	8,0
Мелкая кухонная посуда	0,7

Разумеется, этих данных совершенно недостаточно для сколько-нибудь полного представления о гончарном реквизите Гаспра-Исара, так как в каменных развалах карьера легче всего было найти крупные обломки керамиды и пифосов, труднее — амфор и кувшинов, тогда как бой кухонной посуды оказывался, как правило, глубоко под поверхностью развалов. Все же обратим внимание на близость приведенных цифр к тому, что получено для Ореанды. Сходство становится еще заметнее в расчете на условно-целые единицы гончарных изделий (в % от общего числа единиц, без мелкой посуды):

Кровельная черепица	95,1
Амфоры и кувшины, в сумме	4,2
Пифосы и вообще толстостенные сосуды	0,7

И для Гаспра-Исара соотношение получается таким, что на среднюю жилую постройку с кровлей из 250 черепиц могло приходиться в общей сложности до 11 амфор и кувшинов и не более 2 пифосов.

Возможно, многое из гончарной продукции, в частности черепица, производилось поблизости от укрепления и соседствующих с ним поселений и разбросанных усадеб. Между Гаспрой и Алупкой найдены остатки гончарных печей, положение которых именно здесь объясняется наличием в данном районе подходящего для черепичного производства сырья — железистых глин и суглинков типа terra rosa и черных сланцевых глин [3].

В моем распоряжении на карьере были считанные часы — между двумя отпалками подрывных зарядов. Очень вежливо и не менее настойчиво десятник команды подрывников дал понять, что пора убираться подобру-поздорову. Он, разумеется, понимает, как важны все эти битые горшки для науки, но ему не хотелось бы оплакивать безвременную кончину посетителя карьера...

В 1965 г. на карьере нельзя было найти и того малого, что было здесь двумя годами раньше. Вместо маленькой скалы появился удивительно большой развал камней. Поблизости от верхнего шоссе выросли обширные корпуса цементного завода. Старая тропинка, некогда пересекавшая Гаспринский хребет чуть ниже Гаспра-Исара, превратилась в широкую ленту автомагистрали. Все это новое вписалось в рельеф холмов и гряд и почти стушевало воспоминания о маленьком Гаспра-Исаре, теперь уже исчезнувшем без следа.

4

Спускаясь по западной гряде Гаспринского хребта к морю, пересекаем старое верхнее шоссе и выходим к новому пос. Строитель. Возле него шоссе делает крутой поворот к северо-востоку,

к скале Хачла-Каясы, до которой рукой подать. Возле поворота, с обращенной к морю стороны шоссе находится небольшой бугор. К Ореандской котловине он круто обрывается известняковыми скалами. Вершина бугра — плоская и не очень обширная — заросла обычной для этих мест растительностью с преобладанием дуба и можжевельника. Рядом — старая известковая печь.

На плоской вершине бугра расположен таврский могильник из каменных ящиков, получивший название Гаспринского. Четыре ящика на могильнике были раскопаны еще в 1863 г. Н. Чекалевым [4]. Он обнаружил в них только разрозненные кости, две раковины каури и несколько медных колец. Каменные ящики были ограблены уже в древности. В 1875 г. В. И. Сизов вскрыл еще один ящик Гаспринского могильника, увы, также ограбленный; в его земляном заполнении он нашел три обломка железных удил, куски бронзовых спиралей, бронзовые бляшки, пару человеческих зубов, раковину каури [5]. В том же году А. С. Уваров раскопал еще семь каменных ящиков и с тем же успехом: в малом числе найдены бронзовые кольца, бляшки, браслеты, булавки, гривы, пронизки, пастовые и стеклянные бусы, раковины каури, кости овцы, клык кабана [6].

С этого момента Гаспринский могильник не возбуждал особого интереса, тем более что внимание археологов было поглощено раскопками других аналогичных, но менее разграбленных могильников, в частности в Байдарской долине.

Забвение продолжалось три четверти столетия, когда в 1950 г. сотрудница Тавро-Скифской экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР Х. И. Крис вскрыла на Гаспринском могильнике еще пять каменных ящиков. Впрочем, и на этот раз без особого успеха. В числе находок оказались все те же бронзовые кольца, брошки, пронизки, бляшки плюс листовидный железный и трехлопастной втульчатый бронзовый наконечники стрел. На стенках одного из ящиков прослеживались следы краски, но нельзя было установить, ни что здесь было изображено, ни к какому времени относится роспись [7].

Еще Н. Чекалев отмечал, что на Гаспринском могильнике — 40 каменных ящиков. Х. И. Крис предположительно увеличила это число до 50. Мне удалось насчитать 43, но, по-видимому, это только часть погребений, и многие из них еще скрыты под наносами.

Каждый ящик состоит из пяти плит — четырех, поставленных вертикально (две продольные и две поперечные), и пятой — покровной. Продольные плиты длиннее поперечных и выступают за их торцы на 5—30 см. Толщина плит колеблется от 15 до 35 см и соответствует средней толщине слоев в известняках ближайших отложений, откуда и доставлялся материал для устройства ящиков. Размеры каменных ящиков от 0,8×0,9 до 1,5×1,2 м при глубине 0,7×1,5 м. Длинными сторонами ящики ориентированы главным образом на северо-восток. Многие из них располагаются рядами или тесными группами. Для Гаспринского могильника характерны те же особенности, что и для таврского могильника над Ореандой, за исключением более кучного расположения ящиков и иной их ориентировки (на

могильнике над Ореандой ящики вытянуты вдоль гребня сланцевой гряды и ориентированы широтно или на северо-запад — 270—310°).

Относимые к культуре тавров могильники с каменными ящиками, подобные Гаспринскому, далеки от нашей темы о средневековых укреплениях Южного берега. Казалось бы, достаточно констатировать возможную связь отмеченного выше культурного горизонта с лепной керамикой на Гаспра-Исаре и Гаспринского могильника (т. е. сонахождение вероятного таврского убежища с таврским же могильником) и больше не останавливаться на месте этого упокоения тавров.

Но дело в том, что со времени работ Тавро-Скифской экспедиции стало распространяться мнение — в печати и устно, что коль скоро укрепления Южного берега (если не все, то многие из них) соседствуют с таврскими могильниками, значит, эти укрепления — таврские, со всеми их боевыми сооружениями, дошедшими до нас в полуразвалившемся состоянии или в виде полных руин. Конечно, это не выдвигалось в качестве решающего доказательства принадлежности исаров к культуре тавров. Приводились и другие. Но могильники сыграли немаловажную роль в развитии таврской концепции, подкупая исследователей мнимой комплексностью археологических памятников. Именно поэтому мы не можем пройти мимо них. Конечно, следует специально обсудить причины сонахождения или близкого соседства памятников разных эпох. Таврские могильники и средневековые исары располагаются рядом друг с другом, хотя в самих исарах нет ни одного лепного черепка. Почему это так — станет ясно, если прикинуть в уме: а много ли вообще на Южном берегу места. Отложим, однако, этот разговор до заключительных глав.

XVIII

ХАРАКС — ЦИТАДЕЛЬ РИМСКИХ ЛЕГИОНЕРОВ

Эйя, гребцы, пусть нам эхо отдаст наше гулкое: Эй-я!
Дышит нам далями Кор, позовем его нашим: Эй-я!
Светлое море у нас под кормою заненится: Эй-я!
Гулкими стонами нам побережье откликнется: Эй-я!

Песня гребцов

Зачем говорить о гениохах, о племени тавров, боспорцах и живущих вокруг Понта и Меотиды народах, которые раньше не признавали даже собственного владыки, а теперь держатся в подчинении тремя тысячами гоплитов, и сорок военных кораблей поддерживают мир на несудоходном прежде и суровом море...

Иосиф Флавий (из речи Агриппы)

От Гаспры, спускаясь вниз по склону, попадаем прямо на мыс Ай-Тодор. Если смотреть на него сбоку, от Алупки или Симеиза, он несколько напоминает когтистую лапу, вцепившуюся в край моря. На карте — это небольшая извилина, примечательная главным образом тем, что направление берега резко изменяется здесь с широтного на северо-восточное. В ясный день, особенно если горизонт не задернут дымкой испарений, с Ай-Тодора четко видны Никитский мыс и Аю-Даг и даже горы в районе Судака (в 90 км!). В западном направлении обзор ограничен Лименским хребтом и горой Кошка у Симеиза, т. е. не простирается далее 8 км.

Как наблюдательный и сигнальный пункт мыс Ай-Тодор не оставляет желать лучшего. Недаром на нем установлен маяк, бросающий в ночь искры зеленого света. В далеком прошлом на этом мысу находилась крепость Харакс, построенная римскими легионерами!

Некогда крепость считалась средневековым исаром. Подчеркиваю: средневековым! Только позднее было установлено ее римское происхождение, но одновременно с этим родилось мнение, что еще до римского Харакса на мысу Ай-Тодор было таврское укрепление.

В 1959 г. мне хотелось разобраться во всем этом, увидеть таврские сооружения, сравнить их и боевые стены римского периода со стенами средневековых исаров Южного берега. Тут-то и закрался червь сомнения: да было ли здесь, на Ай-Тодоре, таврское укрепление? Когда я поделился этим сомнением с П. Н. Шульцем, вспыхнул жесточайший спор. В итоге дискуссии было решено безотлагательно провести раскоп той самой стены Харакс, которая считалась таврской. Место для этого было выбрано не без колебаний, но в конце концов единодушно — в центре оборонительного периметра, где наружный панцирь стены был открыт и возвышался над поверхностью на 2,5—3 м, а с внутренней стороны стена была перекрыта глинистыми наносами [1].

К тому, что было известно о Харакса раньше, раскопки добавили кое-что новое, о чем и будет рассказано в этой главе.

1

Мыс Ай-Тодор представляет собой окончание Гаспринского хребта. Колоссальный блок грубослоистых известняков, наклоненный на 20—40° к северу, определяет его рельеф: скалистый дугообразный берег, отороченный развалами глыб, в которых почти всегда кипит прибой, относительно ровная верхушка мыса и обращенный к северу разной крутизны склон, переходящий в седловину. За седловиной проходит нижнее южнобережное шоссе — не более чем в 250 м от береговых обрывов. Представление о рельефе Ай-Тодора дают рис. 83, 84.

Известняки Ай-Тодора — превосходный строительный материал. Их можно выломать из скалы в виде параллелепипедальных плоских глыб почти любого размера, которые нет надобности отесывать, чтобы использовать в кладке того или иного сооружения. Выходы известняков закрыты наносами делювия — типичного для этих мест краснозема. В некоторых местах, особенно у низа северного склона, обращенного к седловине, мощность наносов достигает нескольких метров, но в других пунктах, особенно ближе к вершине мыса, они смыты дождевыми водами, и скальные породы обнажены на поверхности. Результаты смыва делювия со склонов хорошо прослеживаются осенью, после коротких обильных ливней.

Геология мыса и его рельеф не являются чем-то исключительным для Южного берега. В окружающей ситуации особое внимание обращает на себя разве только то, что мыс Ай-Тодор, пожалуй, единственное место между Ореандой и Алупкой, где можно было бы устроить береговое укрепление.

Подходы к мысу, седловина, его склон и часть вершинной площадки покрыты лесом — дуб, древовидный можжевельник, дикая

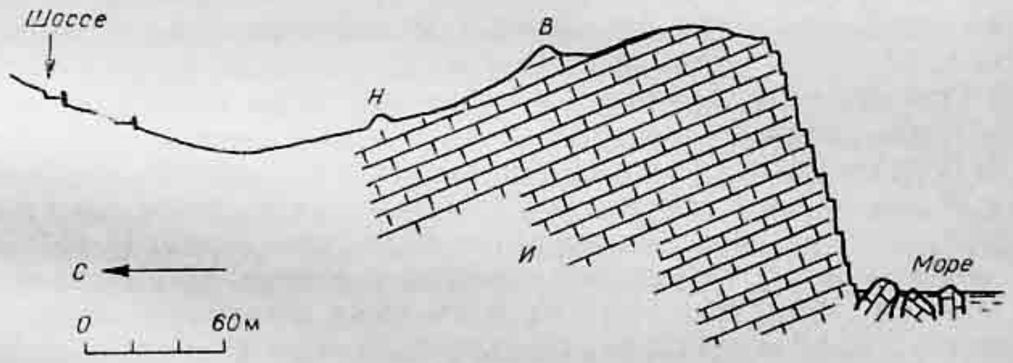
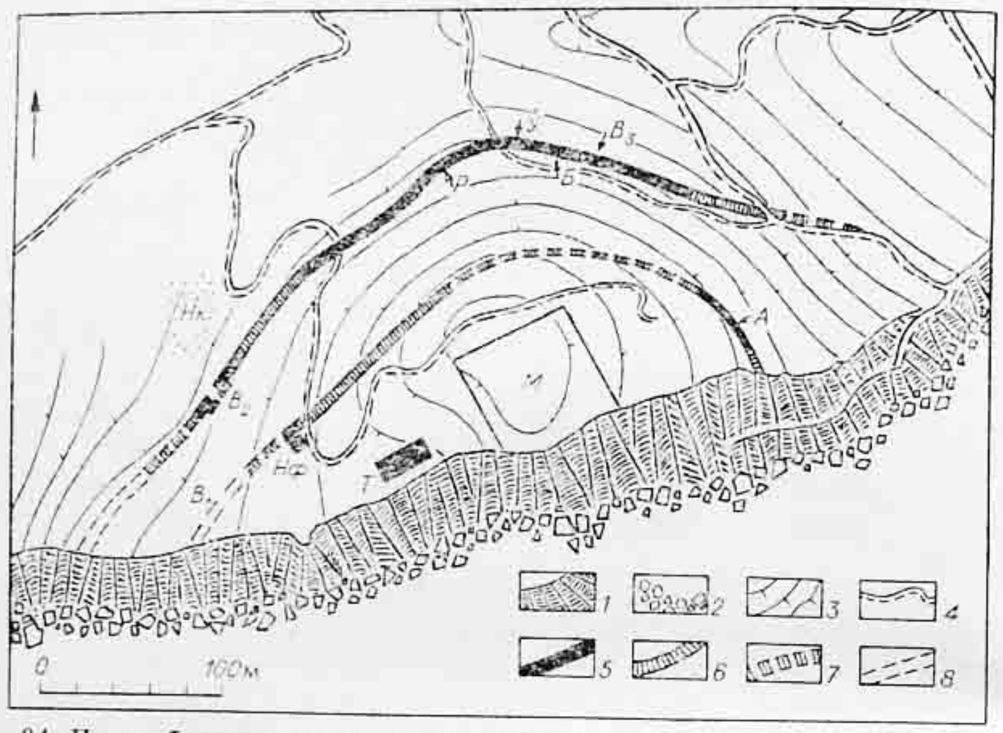


Рис. 83. Поперечный профиль мыса Ай-Тодор с двумя поясами оборонительных стен Харакса.

В — верхняя стена; Н — нижняя стена; И — наклоненные к северу верхнеюрские грубослоистые известняки, которыми сложен блок мыса.


Нк
М
Ба
Б
А
У
Ба
Б
Ба
Ба
Ба
Ба
Т
Нф
Ба
Ба
Ба
Ба

в пределах цитадели, значительный участок некрополя за наружной стеной укрепления. Открытие этого некрополя (обряд трупосожжения и захоронения праха в амфорах) — новое в археологии Ай-Тодора [6].

В связи с находкой нимфея в пределах цитадели вспоминается указание Кеппена, что при прокладке первого южнобережного шоссе между Алуштой и Ялтой на северной седловине горы Кастель были найдены остатки водопровода из гончарных труб [7]. Остатки такого же водопровода системы «сифон», устроенного из керамических труб, обнаружены и в предполье Харакса. Предполагают, что этот водопровод подавал воду в Харакс от источников, находящихся у подножия Ай-Петри, т. е. со значительного расстояния. Находки в некрополе вне стен укрепления позволили В. Д. Блаватскому отнести его к послеримскому времени — к первой половине IV в. н. э. Тогда крепость еще продолжала служить убежищем для небогатого окрестного населения.

Но одновременно со взглядом о принадлежности Харакса к римскому времени и причастности римских легионеров к их строительству стало кристаллизоваться мнение, что одна из его стен — нижняя — должна быть отнесена к эпохе тавров. Основанием для этого мнения послужили крупноглыбовая кладка стены и отсутствие в ней вяжущего раствора. Как увидим ниже, мнимое отсутствие! Нижняя стена именовалась «мегалитической», «циклопической». По поводу римского происхождения верхней стены Харакса сомнений не возникло. Мнения в этом вопросе были единодушны, хотя и в верхней стене известковый раствор, подобный тому, который был обнаружен в термах и других постройках цитадели, не отмечался.

Впервые на мегалитический характер нижней стены Харакса, сложенной как будто бы насухо, обратил внимание М. И. Ростовцев. Именно он и предположил, что первоначально на месте Харакса находилось таврское укрепление. Этот взгляд не изменился и после работ В. Д. Блаватского. Напротив, он стал традиционным и нашел развитие в исследованиях П. Н. Шульца, который посчитал, что «на мысу Ай-Тодор, судя по найденным здесь обломкам античной керамики, примерно в IV—II вв. до н. э. возникает таврское укрепление, самое крупное из известных нам»[8]. Этот категорический взгляд нашел отражение и в других работах. Например, А. М. Лесков в числе укреплений Южного берега, которые квалифицируются как таврские, ошибочно указывает и Ай-Тодор (т. е. Харакс)[9].

Однако находки доримских предметов на Ай-Тодоре были очень малочисленными, а сами предметы — отнюдь не типично таврскими. Это — фрагменты эллинистических остродонных красноглиняных амфор и краснофигурных сосудов. Найдено и некоторое число обломков лепной керамики, но оказалось, что лепные чашки имеются и в погребальном инвентаре наружного некрополя, наряду с амфорами, похожими на римские.

Пожалуй, единственно вескими аргументами в пользу принадлежности нижней стены Харакса к таврскому строительному периоду являлись ее мегалитичность и отсутствие в ней вяжущего раствора. В этом отношении сказывалась традиция относить все маломальски тяжеловесное и относительно примитивное (увы, это оказалось не так) к строительной деятельности тавров. Нельзя отрицать значение подобной аргументации, но все эти доводы довольно шатки и неопределенны. Находки доримской эллинистической керамики и обломков лепных горшков, конечно, говорят о том, что на Ай-Тодоре и в доримское время существовало поселение, но они еще не означают, что поселение это было обязательно таврским и, тем более, что нижняя стена Харакса построена в доримское время.

Иного взгляда придерживался Н. В. Дьяков. Не только Харакс, но и большинство южнобережных исаров он рассматривал в качестве звеньев римского таврического лимеса. Это — другая крайность во взглядах.

Возвращаясь к указанию П. И. Кеппена на средневековую крепость на Ай-Тодоре, нужно отметить, что остатков средневековья на ее территории очень мало. На это обратили внимание и М. И. Ростовцев, и В. Д. Блаватский, и это было подтверждено позднее.

Итак, Ай-Тодор ставит ряд задач и для античной, и для средневековой археологии.

2

Прежде чем говорить о сооружениях на Ай-Тодоре, приведем некоторые сведения о монетах из Харакса. Они помогут определить вполне достоверные хронологические рамки крепости. При этом придется коснуться и находок монет в других пунктах Крымского побережья. В отношении монет — этого наиболее надежного датировочного материала — Хараксу, нужно сказать, повезло. Причина такого «везения»— долголетние тщательные раскопки, да и сам характер памятника.

В. Д. Блаватский дал перечень монет, найденных в наружном некрополе, и краткий обзор ранее известного нумизматического материала [10]. Подробные сведения о нем мы находим в работе В. В. Кропоткина [11]. Большинство находок относится ко времени раскопок М. И. Ростовцева и сделано на территории собственно укрепления. Около 80 римских серебряных монет из Харакса образуют почти непрерывный «спектр»— от 68—69 гг. н. э. (монеты Гальбы и Виттелия) и примерно до середины III в. н. э. (монеты Гордиана III, 238—244 гг. н. э.).

Серия монет Харакса начинается как раз с тех лет, когда римские легионы вторглись в Северное Причерноморье и Таврику. В 68—69 гг. они оккупировали и мыс Ай-Тодор. Конец «нумизматического спектра», который приходится на время Гордиана III, и дает основание считать, что уже во второй половине III в. н. э. укрепление Харакс было покинуто легионерами.

Около 25 монет из наружного некрополя относятся к периоду от 286 г. н. э. (эпохи Максимиана и Фоформа) до 340 г. н. э. (эпохи Константина I, Константина II и Констанция II). Только три моне-

ты из некрополя связывают эту серию с серией монет из самого Харакса — это одна монета императора Траяна и две монеты императора Гордиана III.

Таким образом, между нумизматическими сериями из укрепления и некрополя имеется четкий разрыв во времени — от Гордиана III до Максимиана и Фофорса, т. е. с некоторым округлением дат — от 245 до 285 г. н. э.

Монеты времени императорского Рима встречались и в других пунктах Южного берега. В могильнике Суук-Су возле Гурзуфа в 1903—1907 гг. Н. И. Репников в грунтовых и подбойных могилах нашел медные монеты Феодосия II (408—450 гг.), Фофорса, Аркадия, римскую провинциальную монету приблизительно III в. н. э. У северного склона Аю-Дага, в погребении на склоне холма в 1902 г. найдена золотая монета императора Максимиана (305—310 гг.). В 1947 г. у подножия Аю-Дага найдены боспорские монеты и бронзовая провинциальная монета императора Антонина Пия (138—161 гг.). Но все это — случайный и немногочисленный материал [12]. Десятки и сотни римских медных и серебряных монет найдены в Севастополе, Инкермане, Балаклаве, Симферополе, Керчи. Однако особое значение имеет находка ялтинской серии монет.

Мы вынуждены обратиться к ней потому, что, во-первых, место находки очень близко к Харакcу, во-вторых, «спектр» ялтинской серии повторяет особенности «спектра» нумизматической серии Харакса и его послеримского наружного некрополя.

В 1905 г. при плантажных работах у д. Верхняя Аутка (ныне Чехово) было собрано большое число боспорских, херсонесских и римских серебряных монет (последних — до 58 % от всего количества). А. Л. Бертье-Делагард определил из этих сборов 1078 экз. Вся серия охватывает время от 69 г. н. э. до 337 г. н. э.— от Веспасиана до Константина I. Таким образом, начало серии монет Харакса и серии монет Верхней Аутки приходится, по существу, на один и тот же год, а конец серии из Аутки близко совпадает с концом серии монет из наружного некрополя Харакса. В серии Верхней Аутки оказалось не очень много монет 69—192 гг.— от Веспасиана до Коммода включительно и 260—337 гг.— от Галлиена до Константина I. Наибольшее число монет приходится на 192—260 гг.— от Пертинакса до Мариниана включительно. Особенно много монет Каракаллы, Геты, Элагабала, Александра Севера, Гордиана III, Филиппа Араба, Филиппа Младшего, Траяна Деция, Требония Галла и Валериана — непрерывно от 211 до 253 г.[13]

А. Л. Бертье-Делагард предполагал, что здесь, в окрестностях Ялты, находилось святилище или капище местного (таврского) населения, которое и жертвовало своим богам (или богине Деве) римское серебро — денарии и антонианы. Эта догадка — не хуже любой другой, но ее трудно проверить. Надо обратить внимание на следующее: если бы скопление монет у Верхней Аутки действительно имело ритуальное происхождение, то трудно было бы рассчитывать на полноту серии; скорее всего, подбор монет был бы случайным с массой хронологических лакун. Однако серия Верхней Аутки очень

полна, монеты чеканены чуть ли ни при 40 императорах; максимальное количество монет, как говорилось, приходится на 211—253 гг., а это совпадает с одним из максимумов (доказанных другими находками) поступления римских монет в Восточную Европу. Можно думать, что все монеты первоначально находились в одном кладе, зарытом во время очередной смуты в Северном Причерноморье и Таврике. При плантажной вспашке клад этот был разрушен, и монеты оказались в рассеянном состоянии. Приблизительно так же был разрушен клад боспорских монет возле Судака.

Разрыв между монетными сериями Харакса и его наружного некрополя округленно приходится на 245—285 гг. н. э. Этому соответствует резкое сокращение числа монет того же периода в серии Верхней Аутки. Может быть, это было связано с постепенным свертыванием и уходом римских гарнизонов из Таврики и Северного Причерноморья, происходившим в середине III в. н. э. Имеется основание сопоставить этот пробел с вторжением готов в Северное Причерноморье и Таврику (третья четверть III в. н. э.).

Окончание обеих монетных серий, падающее приблизительно на 340 год, разумеется, не случайно. Около этого времени (в 332 г. н. э.) прекратилась и чеканка монет на Боспоре [14], что произошло лет за 35 до вторжения в Северное Причерноморье гуннов и разгрома ими Боспорского царства. Может быть, около 340 г. н. э. Таврика испытала какое-то неизвестное нам значительное потрясение? Не было ли это окончательным ее захватом готами? Или волна других кочевых племен на короткое время захлестнула тучные земли Северного Причерноморья?

Именно с середины IV в. начиналась раннесредневековая история Таврики, многие события которой до сих пор туманны или попросту неизвестны.

Интересно сопоставить приведенные сведения о сериях монет Харакса и Аутки с особенностями самой богатой серии боспорских монет из района Судака (клад из более чем тысячи монет в амфоре). В 1959 г. они находились в ОАСА, тогда же были очищены мной от патины, шифрованы и сгруппированы по годам чеканки (годам правления боспорских базилевсов). В табл. 4 приведены общие сведения обо всей серии монет Судака.

Все монеты серии Судака — бронзовые статеры числом 1001 (после 1959 г. на месте находки клада было собрано еще десятка два-три монет, но они не нарушают общей картины), охватывающие период от 238 до 291 г. н. э. Монета Гордиана III явно случайна, монет Иненфимея — всего четыре, поэтому серия фактически начинается с первого года правления Рискупорида V (242 г. н. э.), что близко совпадает с годом окончания серии монет самого Харакса. Монеты Рискупорида V представлены всеми годами его правления (240—257 гг. н. э., кроме 240 и 241 гг.), но после 252 г. число их резко сокращается. 253 годом помечена только одна монета Рискупорида, и к этому же году относятся пять монет узурпатора Фарсанза. Возникает вопрос: правильно ли считать Рискупорида 253—257 гг. Рискупоридом V?

После пробела, приходящегося на 258—260 гг., Судакский клад содержит 588 монет всех годов правления Рискупорида VI (261—267 гг. н. э.), но установлена одна монета 275 г. н. э. (572 г. боспорской эры, помеченная соответственно ВОФ и надписью «Базилевс Рискупорид» — ошибки в дешифровке нет), принадлежавшая неизвестному Рискупориду. Возможно, это подделка, подобная одной из подделок 275 г. н. э., отмеченной А. Н. Зографом (Античные монеты — табл. 50, № 15).

После пробела 268—274 гг. н. э. в кладе имеются монеты Савромата IV и Тейрана, далее — пробел и затем идут монеты Фофорса, причем на 291 г. приходится

Таблица 4

Базилевс	Год чеканки: боспорской эры	Год чеканки: нашей эры	Число монет
Гордиан III (римская)	—	238	1
Инепфимей	535	238	4
Пробел 239—241 гг. н. э.			
Рискупорид	539	242	2
	540	243	1
	541	244	1
	542	245	7
	543	246	7
	544	247	9
	545	248	26
	546	249	45
	547	250	42
	548	251	58
	549	252	36
Фарсанз	550	253	5
Рискупорид	550	253	1
	551	254	6
	552	255	8
	553	256	1
	554	257	1
Пробел 258—260 гг. н. э.			
Рискупорид	558	261	15
	559	262	55
	560	263	89
	561	264	109
	562	265	68
	563	266	139
	564	267	113
Пробел 268—274 гг. н. э.			
Рискупорид	572	275	1
Савромат	572	275	44
Тейран	572	275	5
	573	276	24
	574	277	4
	575	278	9
Пробел 279—285 гг. н. э.			
Фофорс	583	286	13
	584	287	6
	585	288	6
	586	289	23
	587	290	17
	588	291	1

только одна, и можно думать, что Судакский клад был зарыт в амфоре именно в этом году.

Заметим, что серия монет наружного некрополя Харакса начинается с 286 г. н. э., т. е. после пробела 279—285 гг. в серии монет Судакского клада.

3

Суммируя все имеющиеся у нас данные по истории мыса Ай-Тодор, его историю в общих чертах можно нарисовать в такой последовательности.

До I в. н. э. на мысу, возможно, находилось поселение, не исключено, что укрепленное, населенное таврами или имевшее смешанный греко-таврский состав обитателей. Хотя А. В. Арциховский уверенно заявляет, что «в данной части Крыма древние греки не селились совершенно»[15], нельзя согласиться с этим, принимая во внимание, конечно, не столько найденные в Харакссе обломки эллинистической керамики, сколько происхождение самого названия *Харакс*, о чем будет сказано ниже.

В 68 или 69 г. н. э., как раз в то время, когда в Палестине иудеи подняли восстание против римского владычества и смута охватила другие провинции Римской империи, по-видимому, немногочисленный десант моряков Равеннской эскадры, существовавшей в то время еще на общественный счет, высадился на скалистый берег Ай-Тодора. Тем самым был оккупирован наиболее удобный пункт между Херсонесом и Феодосией для контроля за каботажем и, возможно, сухопутной дорогой по Южному берегу. Было ли это при Нероне, который, по мнению Гая Светония Транквилла, не хотел и не надеялся расширять и увеличивать державу и подумывал вывести войска даже из Британии и только Понтийское и Альпийское царства превратил в римские провинции [16], было ли это при Гальбе, которому судьба отпустила менее года императорской власти, или при Отоне, или при Вителлии, или, наконец, при Веспасиане — мы не знаем. Находки монет Гальбы и Вителлия мало помогают в решении этой неясности, так как быть в обращении их монеты могли и после 68—69 гг. В конце концов это и неважно.

Важно другое. Во-первых, то, что римляне не игнорировали Южный берег, именно в центре его они устроили свою крепость. Очевидно, к этому их вынуждали какие-то обстоятельства. У Тацита мы находим, что однажды часть римских судов при возвращении с Боспора жестокой бурей была отнесена к берегам Таврики, тавры захватили и убили людей вспомогательного отряда и начальника когорты. Иосиф Флавий писал, что римляне были вынуждены держать на берегах Понта 3000 легионеров и 40 военных кораблей для борьбы с пиратскими действиями местного населения. Очевидно, что крепость на морском пути из Херсонеса в Феодосию и на Боспор была жизненно необходима римлянам.

Во-вторых, в Харакссе был найден алтарь бенефициариев — дорожной стражи, посвященный Юпитеру, а это значит, что крепость, несомненно, была связана сухопутной дорогой с главным центром римской оккупации Таврики — с Херсонесом. И в этом отношении положение Харакса было очень удобно [17].

Наконец, в-третьих, ни раскопки, ни просто обследование территории Харакса и его крепостных сооружений не говорят о каких-либо серьезных военных потрясениях на Ай-Тодоре ни до или в момент высадки десанта, ни в течение длительного периода существования Харакса. В крепости нет сколько-нибудь значительных следов пожаров, столь обычных для многих южнобережных исаров. Захват Ай-Тодора десантом Равеннской эскадры, вероятно, был акцией быстротечной, прошедшей без серьезного столкновения с местным населением, а господство римлян на Южном берегу если и не было полным, подавляющим, то все же удерживало окрестное население от широких военных выступлений (но не от пиратства!).

После моряков Равеннской эскадры в Харакссе надолго обосновываются солдаты I Италийского, а затем XI Клавдиева легионов, обосновываются почти на два столетия, прочно обзаводятся хозяйст-

вом, семьями. Об этом свидетельствуют и хозяйственные постройки, и разнообразный хозяйственный инвентарь, и нередкие находки женских украшений.

Около 245 г. н. э. легионеры оставили Харакс, возможно, в связи с общей для того времени тенденцией стягивания провинциальных легионов к главным рубежам империи ввиду угрозы нашествий варваров и первых столкновений с ними. Жизнь на Хараксе, однако, не замерла. Может быть, осталась часть солдат, пустивших глубокие корни на Южном берегу. Обряд трупосожжения и захоронения праха в амфорах (наружный послеримский некрополь) несвойствен ритуалам местного (таврского) и более позднего пришлого (аланского, сарматского, готского) населения и был воспринят или унаследован от римских традиций [18]. Жизнь на Ай-Тодоре замерла только к середине IV в., но не угасла полностью и в средние века, о чем рассказывают немногие обломки средневековой посуды, рассеянные и на площади Харакса, и за его нижней стеной. Они нигде не скапливаются в виде самостоятельного «средневекового» культурного слоя, обычно смешаны с обломками римских амфор и черепицы, но это смешение — не следствие синхронности разных культур, а всего лишь результат сползания глинистых наносов по склону Ай-Тодорского мыса. Движение делювия привело в соприкосновение обломки прошлых эпох — и древние находки, и позеленевшие винтовочные гильзы минувшей войны, и фотокассеты современных туристов.

В обрисованной смене событий, как видим, не оказалось места для средневекового укрепления на Ай-Тодоре, точнее говоря, на том мысу, который сейчас носит это название (в следующей главе, посвященной безымянному исару, мы увидим, что эта оговорка имеет определенный смысл). Значит, Кеппен был неправ, считая Ай-Тодорскую крепость сооружением византийской эпохи. Он и не предполагал, как много неизвестный ему Харакс даст для понимания истории Таврики.

4

Итак, Харакс — римское укрепление I—III вв. н. э., возникшее, как предполагают, на месте более раннего таврского убежища. О последнем предположении речь далее, а сейчас — несколько строк о происхождении самого названия.

Римское происхождение крепости прежде всего толкает на поиски корневой основы в латинском лексиконе, но в нем кроме hara (хлев) и chara (корнеплодное растение, что-то вроде дикой репы) мы ничего не находим. Ни та, ни другая основа, кажется, не подходят к данному случаю. Обратимся к древнегреческому лексикону. Известно, что в древности еще два греческих пункта имели то же название — города в Сузиане и Фессалии. Страбон упоминает еще два Харакса — город на о. Кири (современная Корсика) и город-порт карфагенян на берегу Большого Сирта [19].

В греческом языке мы и отыскиваем этимологию *Харакса*: *χαράκωμα* — место, укрепленное палисадом, частоколом, валом; *χάραξ* — виноградная тычина, подпорка лозы, заостренный кол, свая, но также и палисад, укрепление, оплот. Явное сходство между *Харакены* и *χαρακώμα* и полное созвучие между *Харакс* и *χάραξ*, причем оба варианта вполне отвечают боевой сущности самого места.

Несмотря на то, что у Помпония Мелы еще не приведено сведений о Хараксе и вообще этот пункт не упомянут, можно предположить, что само название *Харакс*, а следовательно, и укрепление или укрепленное поселение возникло еще до римской оккупации Ай-Тодора и принадлежало грекам эллинистической поры. Это согласуется с находками на территории Харакса фрагментов эллинистической керамики. Римские легионеры вполне могли довольствоваться ранее бытовавшим названием места и не придумывать нового, что, впрочем, они и делали повсюду — от Британских островов и Иберийского полуострова до Малой Азии и Палестины.

В какой-то мере с названием крепости созвучно и древнегреческое *χαρᾶς* (подводный камень и морской утес). Этот вариант толкования подкупает соответствием названия рельефу местности, действительно представляющей собой утесистый, скалистый мыс, выдвинутый в море.

Не станем останавливаться здесь на толковании названия самого мыса — *Ай-Тодор*. Об этом речь пойдет в следующей главе. А пока обратимся к некогда грозным стенам Харакса, построенным, несомненно, теми, для кого устройство укреплений было, по всей вероятности, не в новинку.

5

Оборонительные сооружения Харакса состояли из нижней и верхней стен, возведенных соответственно почти у основания и в самом верху обращенного на север склона. Обе они протягивались от скальных обрывов на западе до скальных обрывов на востоке, образуя две концентрических дуги (см. рис. 83, 84).

Верхняя стена имела общую длину 380 м, она отгораживала наиболее возвышенную плосковершинную площадку мыса величиной 2 га. Здесь и был сосредоточен почти весь жилой и административно-бытовой комплекс укрепления. Название «цитадель» не очень подходит по существу и по времени к данной части укрепления, однако в дальнейшем мы будем именовать ее именно так. Западный фланг верхней стены на протяжении 80 м полностью разрушен, но по особенностям микрорельефа скальной поверхности можно более или менее уверенно восстановить ее трассу. Далее к северо-востоку, на участке длиной 110 м, стена прорисовывается в рельефе в виде широкого вала, перекрытого рыхлыми наносами, задернованного и заросшего дубом и можжевельником. Кое-где из-под наносов выступают ряды двухпанцирной кладки с промежуточной забутовкой. Стена сложена из мелких и средних по крупности глыб необработанного известняка и имеет толщину от 1,8 до 2,4 м. Еще дальше, на участке длиной 110—115 м, верхняя стена изменяет простирание с северо-

восточного на широтное и затем восточно-юго-восточное и представляет собой тот же перекрытый наносами и задернованный вал с отдельными выходами аналогичной кладки. На 60 м восточного фланга видна поперечная структура стены, ее толщина здесь в среднем 2 м (±0,3 м), структура — двухпанцирная с внутренней забутовкой; кладка — из мелкого и среднего необработанного камня приблизительно горизонтальными рядами. Наружный панцирь имеет наклон 80—85°, также наклонен и внутренний панцирь, почти везде целиком скрытый под наносами. И панцири, и забутовка сложены на вяжущем растворе.

Замечено, что крупность использованного для кладки верхней стены каменного материала возрастает от ее восточного фланга к западному. Это согласуется с размером каменных обломков на площадке цитадели, где и добывался строительный материал. Верхняя стена Харакса, которая никем и никогда не квалифицировалась иначе, как римская, удивительно похожа по поперечному профилю, размерам и структуре кладки на стены средневековых исаров. Точнее говоря, повторяет их почти во всех деталях.

Судя по плану М. И. Ростовцева и профилю сохранившегося вала, верхняя стена на западном фланге имела ворота, которые не сохранились. На упомянутом плане верхняя стена показана на западном фланге более мощной, чем на восточном, и это, по-видимому, было именно так: крутизна склона уменьшается в западном направлении, а это равноценно увеличению уязвимости оборонительного сооружения и требует соответствующей компенсации наращиванием мощности каменной кладки.

Пространство между верхней и нижней стенами имеет протяженность по дуге около 480 м при ширине от 40 до 80 м, в среднем — 50 м. Его площадь около 2,5 га; таким образом, вся площадь укрепления равна 4,5 га. Некоторые средневековые укрепления Южного берега в этом отношении куда значительнее римского Харакса! На западном фланге междустенное пространство представляет собой относительно пологий, в центре и на восточном фланге — крутой склон общей северной экспозиции, не представляющий особых удобств для размещения каких-либо построек, которых здесь почти и не обнаружено. В. Д. Блаватский определял это пространство как стратегический пустырь. Можно сказать, что оно до некоторой степени напоминает перибол. Верхняя стена играет роль основной, а нижняя — роль протейхизмы, передовой боевой преграды.

Нижняя стена, которая и явилась предметом дискуссии, была возведена почти у основания северного склона, но все же на несколько метров выше прилегающей седловины. Полная ее длина равнялась 550 м; в сумме протяженность оборонительных поясов Харакса составляла 930 м. Оба фланга нижней стены полностью разрушены, причем разрушения эти нужно отнести в основном к двум последним столетиям: каменные блоки пошли на строительство окрестных зданий. Остатки стены прослеживаются на участке длиной 420—430 м и местами имеют весьма внушительный вид. На западном фланге, в 120 м от берегового обрыва, заметны остатки ворот (нижние ряды

кладки), конфигурация которых, видимо, была характерна для римских укреплений (небольшой тамбур, входящий внутрь линии обороны). Северо-восточнее ворот, на протяжении 40 м, сохранились базисные ряды гигантоглыбовой кладки наружного панциря нижней стены, еще дальше на 110 м к северо-востоку и затем на 110 м к востоко-юго-востоку ее остатки выступают то в виде вала, то рядами правильно положенных камней; именно здесь нижняя стена наиболее доступна для изучения.

В начале восточного фланга на плане М. И. Ростовцева в нижней стене были показаны вторые ворота и внутренняя прямоугольная башня, но сейчас ничего этого уже нет.

Знакомство с этим оборонительным сооружением Харакса поражает гигантоглыбовостью кладки и кажущейся ее монолитностью. Стена воспринимается как поистине мегалитическая (даже похожая на таврскую), однопанцирная. Но стоит подробнее присмотреться к тому, что от нее осталось, и эти впечатления в значительной мере рассеиваются.

В 4—5 м от лицевой плоскости мегалитической кладки нижней стены, на поверхности перекрытого наносами вала или в каменных развалах прослеживается цепочка глыб, параллельная стене. Здесь и без раскопок видно, что это остатки внутреннего панциря и что стена имела не каких-нибудь 2—2,5 м толщины, а целых 4 или 5 м. Особенно хорошо заметна кладка внутреннего панциря в средней части нижнего оборонительного пояса; на протяжении 30—50 м он сохранился в высоту до 1,5—2 м, будучи закрыт наносами. Именно здесь и был проведен поперечный раскоп, подтвердивший предварительное заключение о мощности стены и сложной ее структуре.

В поперечном разрезе выделяются три зоны (рис. 85, 86): мощный наружный панцирь, очень мощная зона забутовки, внутренний панцирь. Наружный панцирь сложен из гигантских параллелепипедальных глыб известняка, выломанных тут же, поблизости от трассы стены, в периболе. Расстояние, с которого их передвигали для укладки в панцирь, обычно не больше 10 м. Размеры глыб: длина — 0,5—2 м, высота — 0,3—0,8 м, ширина почти такая же, как высота. Форма глыб плитообразная, некоторые из них похожи на квадраты. Природа предоставила в распоряжение строителей неисчерпаемый запас слоистых известняков Ай-Тодора. Отеска глыб не проводилась. Блоки уложены вдоль, реже поперек панциря, но всегда плашмя и правильными горизонтальными рядами. Ряды кладки на лицевой поверхности панциря отклоняются от плоскости основания неширокими ступенями, что дает наклон панциря 82—85°. В ту же сторону и под тем же углом наклонена внутренняя поверхность наружного панциря, что хорошо видно там, где в недавнее время производилась выборка камня (см. рис. 86). Вес большинства глыб (вычислено по объему) колеблется в пределах 0,8—1,3 т, наиболее крупных достигает 2,5—3 т.

Такова же кладка стены у разрушенных ворот в западной части оборонительного пояса. Однако на значительных участках наружный панцирь вовсе не производит впечатления мегалитического, хотя и

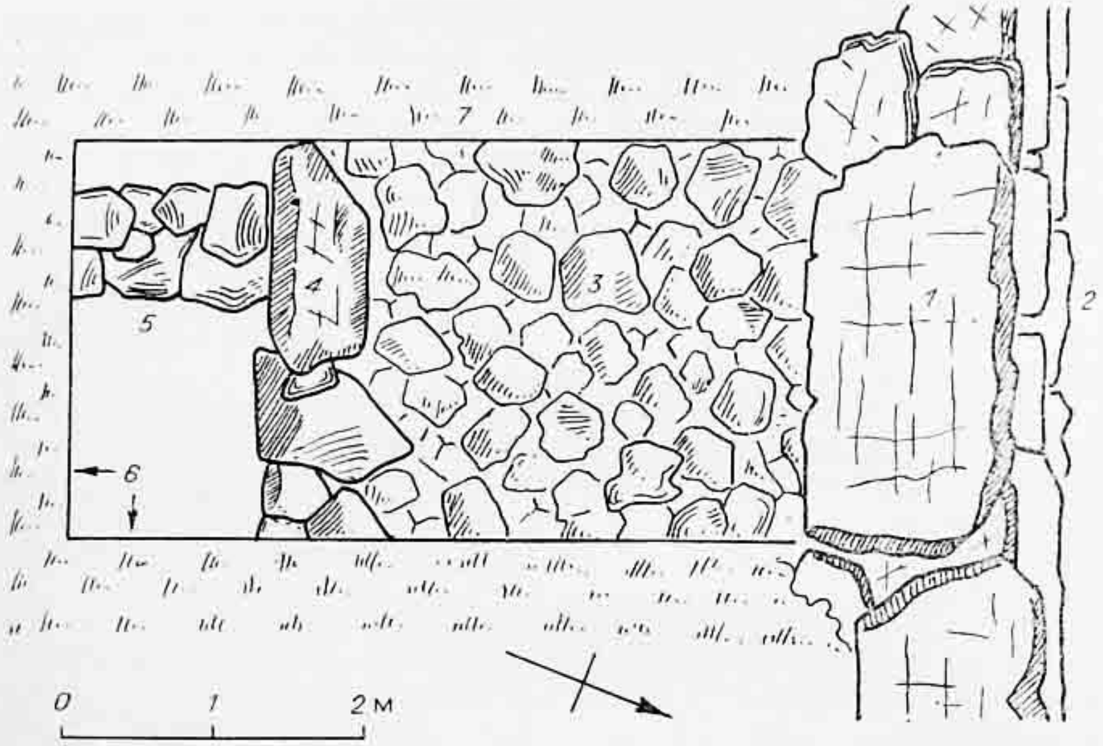


Рис. 85. План раскопа нижней стены Харакса, 1963 г.

1 — верхние ряды гигантоглыбового наружного панциря; *2* — лицевая плоскость наружного панциря; *3* — разномерная забутовка на глинистом и суглинистом уплотнении; *4* — крупноглыбовая кладка внутреннего панциря; *5* — поперечная стенка послеримской постройки; *6* — контур раскопа и расчистки; *7* — дернина и почва.

сложен из довольно крупных камней. В целом блоки крупнее 1,5 м составляют в нем 20 %, по 0,5—1 м (крупные)— 35, по 0,3—0,5 м (средние)— 40 и по 0,3—0,1 м (мелкие)— 5 % от объема всего панциря.

В 5,2 м от лицевой поверхности наружного панциря раскопом вскрыта лицевая поверхность внутреннего панциря, сложенного из разномерного камня, с преобладанием среднего и мелкого. Тип кладки в общем такой же, как и в наружном панцире, но если он имеет толщину 1,2—1,5 м, то внутренний панцирь обычно не толще 1 м. Лицевая плоскость его наклонена под углом 75—77°, поперечный профиль стены имеет трапецеидальный вид (см. рис. 86).

Между панцирями, в зоне шириной 2,8—3 м, кладка состоит из бутового камня мелкого размера (вплоть до щебня; здесь же попадаются и крупные глыбы), наваленного в беспорядке, но очень плотно.

Толщина стены у основания в целом составляла 5,5 м. Отсутствие развалов (камень был использован в современном строительстве) не позволяет точно определить ее первоначальную высоту; по трапецеидальности поперечного профиля можно судить, что она была не больше 7 м.

Когда стали известны эти детали строения нижней стены, было высказано предположение, что первоначально мегалитическая однопанцирная нижняя стена была достроена в период римской оккупа-

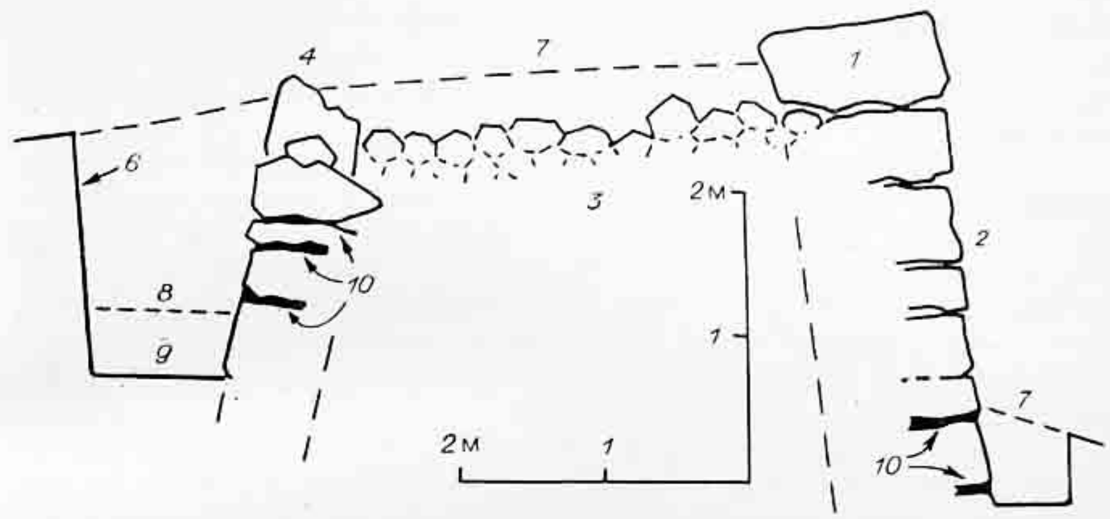


Рис. 86. Поперечный профиль нижней стены Харакса.

1—7 — то же, что на рис. 85; *8* — нижний уровень культурных отложений; граница слоев Г и Д; *9* — суглинок со щебнем слоя Д; *10* — швы кладки наружного и внутреннего панцирей, в которых сохранился известково-песчаный вяжущий раствор. Штриховыми линиями показаны внутренние поверхности обоих панцирей.

ции и приобрела внутренний панцирь и забутовку. Против этого взгляда можно возразить самым решительным образом. Гигантоглыбовый наружный панцирь имеет значительный наклон внутрь и, следовательно, никогда не был самостоятельным сооружением: такая стена была бы просто неустойчива, так как центр тяжести ее смещен внутрь (см. рис. 86). Наружный и внутренний панцири и забутовка наращивались в высоту одновременно. Это — типичный для римского строительного искусства способ кладки [20].

Принципиально структура верхней и нижней стен Харакса одинакова, но нижняя стена в два раза толще верхней; это вполне соответствует ее положению в первом поясе обороны. Панцирный способ кладки стен очень экономичен, быстр и практиковался не только в римском, но и в византийском фортификационном строительстве [21]. Даже стены терм в Хараксе по характеру кладки не отличаются, например, от панцирей верхней оборонительной стены и вообще не имеют вида регулярной кладки из тесаного камня в античных и некоторых позднесредневековых сооружениях Крыма.

Ни в работе В. Д. Блаватского, ни в материалах М. И. Ростовцева мы не находим указаний на вяжущий раствор в нижней стене. Мнение о том, что эта стена была сложена насухо, опровергнуто в первый же день раскопок 1963 г., когда на Хараксе был обнаружен известковый раствор в швах гигантоглыбовой кладки нижней стены, приблизительно в центре оборонительного пояса — там, где стена делает плавный поворот к востоку и затем на юго-восток. Здесь помещался палаточный городок солдат строительного батальона. Они откопали наружный панцирь стены из-под наносов и устроили умывальник, вода из которого очистила кусок кладки. Между глыбами оказался прекрасно сохранившийся известковый раствор! Он залегал в кладке настолько далеко от лицевой поверх-

ности наружного панциря, насколько можно было протиснуть руку в тесные щели между глыбами. Даже в 0,6—0,7 м от поверхности швы кладки были забиты сохранившимися перемычками раствора.

Затем такой же раствор был обнаружен в наружном панцире в зоне раскопа 1963 г., а по мере углубления раскопа по внутреннему панцирю — и в нем, особенно в нижних его рядах. Здесь раствор был предохранен от выветривания суглинистыми наносами, законсервировавшими остатки стены. Остатки известкового раствора найдены по крайней мере еще в пяти пунктах нижней стены, в частности в середине восточной куртины и около разрушенных ворот на западном фланге.

Везде вяжущий раствор по составу однотипен: чисто-белая гашеная известь тонкого помола с 45—55 % примеси крупного морского песка и незначительным количеством керамической крошки розового и оранжевого цвета, приготовленной из боя римских амфор и черепиц. Обломки их, зацементированные раствором, найдены в швах кладки. Морской песок имеет сланцево-алевролитовый состав. Он образуется при разрушении пород таврической формации, обнаженных в обрывах берега, чуть западнее мыса Ай-Тодор. Отсутствие в растворе гальки и гравия резко отличает его от вяжущих растворов в стенах средневековых исаров. Кстати говоря, у подножия мыса на крупноглыбовой или скалистой литорали практически нет галечных и гравийных накоплений.

При раскопке терм была найдена вымостка пола из известкового раствора с обильной галькой; такой тип раствора применялся в римское время ограниченно, главным образом для устройства полов [22]. По-видимому, не только местные условия (отсутствие галечного и гравийного материала поблизости от стен Харакса), но и сложившиеся строительные традиции определили тип вяжущего раствора в сооружениях Харакса. Римские известковые растворы первых веков нашей эры в оборонительных и бытовых сооружениях Европы и Средиземноморья, как правило, в качестве балластного наполнителя содержат морской или (чаще) речной песок в пропорциях, близких к тому, что дает раствор Харакса [23]. Витрувий приводит рецептуру составления римских вяжущих растворов [24]: на одну часть извести — три части горного песка или две части речного или морского песка; если добавить к песку треть битой и просеянной черепицы, то раствор становится еще лучше; для штукатурных работ известь приготавливалась из мягкого, для кладки — из твердого известняка.

Я сравнил вяжущий раствор из нижней стены с вяжущим раствором из верхней стены и терм. Каких-либо отличий между ними нет, за исключением несколько большего количества керамической крошки в растворе, использованном для кладки терм; ряды кладки в стенах терм к тому же прослоены тонкими розовыми керамическими плитами — плинфой. Это практиковалось и в более позднее время, например в некоторых средневековых сооружениях Херсонеса, в армянском монастыре XIV в. Сурб-Хач и др.

Можно, конечно, предположить, что появление вяжущего раствора в нижней стене Харакса обязано реставрации или достройке (наращиванием забутовки и внутреннего панциря), скажем, первоначально таврской гигантоглыбовой монолитной стены в римское время, но подобное предположение ничем обосновать нельзя.

Поразительно то, что в забутовке нижней стены известкового раствора нет, бутовая кладка выполнена на глинистом наполнителе. Противоречит ли это взгляду, что нижняя стена целиком относится к периоду римской оккупации Ай-Тодора? Отнюдь нет! В представлении римлян вяжущий раствор, пишет Огюст Шуази, «был исключительно вяжущим элементом; им никогда не приходило в голову использовать его для передачи давления и распределения его между камнями кладки. Применяя его в кладке заполнения, они придавали ему только одно значение, значение пластической среды, скрепляющей щебень в искусственный монолит»[25]. Римскому строительному искусству не было чуждо использование в качестве пластической связки и глинистого материала, особенно в панцирных сооружениях, в которых сочеталось использование известкового раствора в кладке панцирей (облицовки) и глинистой массы в бутовой кладке средней зоны. Доказательство этого мы видим, например, в верхней стене Харакса, которая, как говорилось, никогда и никем не рассматривалась иначе, как типично римская. В забутовке этой стены также использована суглинистая масса, на что обратил внимание еще В. Д. Блаватский [26]. (Правда, Блаватский считал, что и оба панциря верхней стены Харакса сложены на глинистом или суглинистом уплотнении, но это — неверно. В панцирях верхней стены известковый раствор сохранился даже лучше, чем в нижней стене, особенно на восточном фланге оборонительного пояса.)

Остается сделать вывод, что обе стены Харакса не только по структуре, но и по типу использованных вяжущих масс аналогичны. При их возведении экономично использован прием панцирной кладки на известковом растворе с бутовой кладкой на глинистом водонепроницаемом уплотнении. Глина препятствовала проникновению в кладку воды, тем самым обеспечивалась долговечность сооружений.

6

Обратимся теперь к культурным остаткам в раскопе 1963 г. у внутреннего панциря нижней стены. Часть сделанных здесь находок подлила масла в огонь дискуссии о происхождении нижней стены. При этом сами находки не были большой новостью (подобный же ассортимент культурных остатков обнаружен во время раскопок Ростовцева и Блаватского), обратило на себя внимание их положение в наносах, закрывавших внутренний панцирь нижней стены.

Стратиграфия наносов оказалась такой (сверху вниз):

А — почва и подпочвенный перегнойно-суглинистый слой толщиной 0,15—0,20 м, с единичными обломками раннесредневековой и римской керамики и черепицы

Б — коричневый суглинок со щебнем и глыбами известняка (обрушение внутрен-

него панциря стены), толщиной 0,40—0,45 м, с теми же смешанными керамическими остатками

В — коричневый суглинок со щебнем, толщиной 0,40—0,50 м. В верхней половине слоя — обломок ручного жернова, два железных кованых гвоздя, свинцовое кольцо-грузильце, керамическая крошка. В нижней половине слоя — обломки римских амфор, пифосов, краснолаковой посуды, черноглиняной лепной посуды (!), известняковые боллы, кости животных

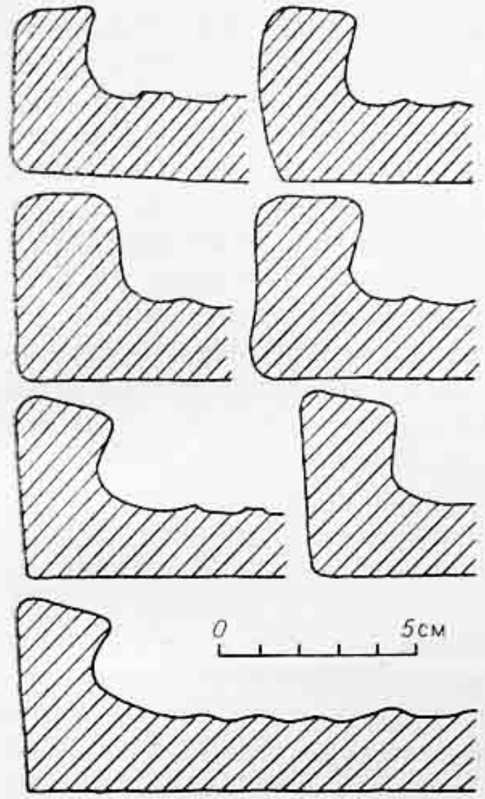
Г — коричневато-серый и пепельного цвета зольный слой, толщиной 0,20 м, с костями и зубами овец, коров, лошадей, собак, птиц, с чешуей и костями рыб, раковинами устриц, с обломками типично римской посуды и кровельной черепицы, известняковыми боллами, массой мелких углей, с сильнофрагментированными черноглиняными лепными горшками

Д — коричневый известковистый суглинок со щебнем, без культурных остатков, толщиной 0,4 м и больше

Внутренний панцирь нижней стены уходит глубже слоя Д, но не больше, чем на 0,5 м, и опирается на скальное основание. Слой Г представляет собой зольно-мусорную свалку, несомненно, римского времени и находится, скорее всего, в автохтонном (неперемещенном) положении. Более высокие слои являются наплывами делювия, закрывшими внутренний панцирь нижней стены (может быть, за исключением нижней части слоя В); это объясняет смешение в них преобладающей римской керамики с малочисленными обломками средневековой. Кстати, и свинцовое кольцо, найденное в верхней части слоя В, относится к IX—X вв. или к более позднему времени [27]. Смешение римской и средневековой керамики в верхней части слоя В, в слое Б и в почве неудивительно: интенсивное движение делювия по склонам Ай-Тодора приводило к перемешиванию культурных остатков разных эпох.

Иное дело — смешение в нижней части слоя В и в слое Г типично римской керамики с обломками лепных горшков. Можно предположить, что и в этом повинно движение делювия, однако возможно, что и тот и другой комплексы обломков синхронны. Нигде на территории Харакса не обнаружено самостоятельного горизонта с лепной керамикой.

Кровельная черепица римского производства резко отличается от средневековой. В большинстве своем совершенно плоские керамиды в изломе имеют светло-розовый или (реже) светло-желтый цвет, изготовлены из тонкой, хорошо отмученной глины формированием в более или менее стандартных матрицах и превосходно обожжены (до звонкого черепка). Вместо обычных для средневековых керамид парных дождевых валиков на римских керамидах имеются параллельные желобки. Прекрасно отформованные продольные бортики не слишком разнообразны и почти всегда несколько скошены внутрь (рис. 87). Именно на таких фрагментах стояли штемпеля Равеннской эскадры и обоих упомянутых выше легионов [28]. В нескольких пунктах Южного берега, о чем речь далее, среди керамического материала средневековых исаров найдены обломки черепицы, похожей на римскую. Вполне возможно, а по мнению В. Н. Дьякова, несомненно, что Харакс не был на Южном берегу единственным пунктом, занятым легионерами.



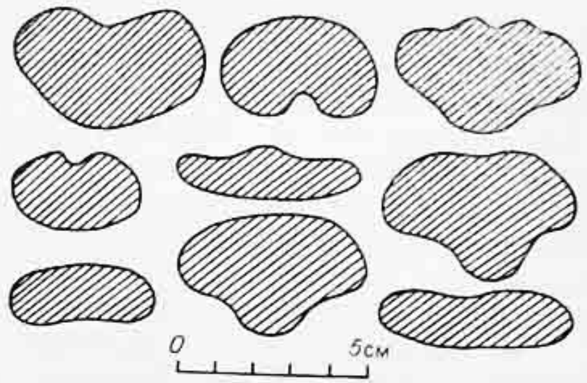


Рис. 88. Характерные поперечные сечения ручек амфор римского производства из Харакса. На всех рисунках наружная сторона ручки — вверху.

Рис. 87. Характерные профили бортиков светло-розовой и светло-желтой кровельной черепицы римского производства из Харакса. Находки в раскопе 1963 г.

Харакс прямо-таки поражает обилием обломков амфор из тонкой, слегка песчанистой глины с желтым, розовым, коричневатым черепком очень хорошего обжига, с широкобороздчатым рифлением или гладкостенных, со сложнопрофилированными ручками (рис. 88). Вместе с этим материалом встречаются обломки тонкостенной посуды с красным черепком и односторонним или двусторонним красным, коричневым, реже черным лаковым покрытием. Соотношение между различными группами керамики в пределах Харакса приблизительно следующее (в % от числа учтенных обломков):

Черепица средневекового времени	6,2
Посуда средневекового времени	4,1
Черепица римского производства	30,5
Амфоры римского производства	52,5
Краснолаковая и другая римская посуда	2,0
Черноглиняная лепная посуда	5,2

Каково же происхождение лепной посуды, обломки которой подмешаны в слоях с типично римскими культурными остатками? Имеет ли она отношение к культуре тавров, и если да, то почему оказалась в слоях римского времени? Может быть, это вовсе и не предметы таврского производства?

Лепная посуда — горшки, небольшие кубки, миски — изготовлена из черной и серой глины, с толщиной стенок от 8 до 11 мм, как правило, слабо обожжена, не орнаментирована и не имеет лощения. Глина такого сорта обычна в округе Ай-Тодора и представляет собой элювий глинистых сланцев с тонкой сланцевой щебенкой, листочками слюды, значительной примесью песчанистого материала. Лепная посуда местного производства встречается от античности

до позднего средневековья, составляя некоторую часть в общей продукции керамики. Далеко не всегда ее можно дифференцировать по времени и отличить средневековые лепные сосуды от типично таврских лепных корчаг, горшков, кубков и мисок. В наружном некрополе Харакса, датируемом концом III — первой половиной IV в. н. э., «римоподобные» амфоры с прахом нередко были прикрыты черно- и сероглиняными лепными горшками. Могильник этот, безусловно, не таврский: тавры не знали подобного обряда погребения. Значит, лепные чашки здесь не имеют к ним отношения.

Может быть, лепная керамика не имеет отношения к культуре тавров и в других местах Харакса? Не будем идти так далеко и поставим вопрос иначе: не является ли лепная керамика Харакса всего лишь низкосортной кухонной посудой местного производства и, безусловно, римского времени, использовавшейся как самим гарнизоном крепости, так, возможно, и местным населением, привлеченным легионерами к строительству укрепления? Я склоняюсь именно к этому мнению.

В 1965 г. мне снова довелось побывать на Ай-Тодоре, как раз в то время, когда на его склонах для местных линий водопровода и других надобностей было прокопано несколько сотен метров узких траншей глубиной от 0.2 до 1,5 м и почти везде до скального основания. Траншеи эти были проведены и в пределах цитадели, и в перибол, и по площади наружного некрополя. Повсюду они вскрыли делювий с обломками римской черепицы и посуды, изредка встречались обломки средневековой керамики и лепной, но даже самые глубокие траншеи, проведенные по западинам скального рельефа, где могли бы сохраниться самые древние отложения, не вскрыли таврского горизонта. Его нет на территории Харакса или он так и остается ненайденным.

Если исходить из концепции первоначально таврского укрепленного поселения на Ай-Тодоре, существовавшего якобы очень длительное время, то следовало бы ожидать, что тавры «намусорят» куда основательнее, чем римские легионеры, стоявшие здесь каких-нибудь 200 лет. Слой с римской черепицей и обломками амфор должен был лечь на четко выраженный слой с лепной таврской керамикой. Должен был! Но не лег, ибо тавры на Ай-Тодоре вряд ли жили.

Не стоит целиком снимать вопрос о предримском поселении на Ай-Тодоре, но решение его до сих пор исходило из шатких фактов и убеждений. Возможно, предримское поселение здесь существовало и было укреплено каким-то образом (недаром же появилось название «Харакс»!), но никаких следов его пока так и не найдено.

Важно прежде всего не то, были или нет тавры на Ай-Тодоре, даже не то, может ли быть отнесена нижняя стена Харакса к эпохе тавров (доказательства ее целиком римского происхождения более основательны). В ситуации Ай-Тодора прежде всего обращает на себя внимание полнейшее отсутствие остатков средневековой крепости. И это на мысу, наиболее удобном (и в тактическом, и в стратегическом отношении) для устройства крепости, на мысу, который связывает два плеча южного побережья — западное до Ласпи и северо-восточное до Алушты и Судака! Чем это объяснить?

XIX

БЕЗЫМЯННЫЙ ИСАР — В ДВУХ ШАГАХ ОТ БЕЗДНЫ

Проблема южнобережных исаров соприкасается с разнообразными вопросами. Для ее более или менее ясного понимания зачастую приходится обращаться к материалам, довольно далеким от самой проблемы. Впрочем, это только кажущаяся отдаленность.

В самом деле, разумно ли было бы занять позицию человека, скрупулезно описывающего оборонительные сооружения, не сделав попытки найти что-то типическое не только в самих сооружениях, но и в окружающей их обстановке? Такой подход вылился бы в конце концов в некий формальный свод сведений, текстуально повторяющий графические материалы по исарам, которые и сами по себе достаточно выразительны: в текстовое дублирование планов, профилей, рисунков, фотографий и т. д. Конечно, и такой свод представил бы определенную ценность, но тщетно было бы искать в нем ответы на вопросы, как и почему именно в этом, а не в другом месте была сооружена та или иная крепостная постройка, как она связана с соседними укреплениями, в каком отношении находится к другим памятникам древности, в какой обстановке существовали ее защитники и т. п.

Но если нас интересуют только сохранившиеся оборонительные сооружения, т. е. формально главное направление в теме об исарах, то в округе Ай-Тодора нам больше ничего не остается делать: здесь нет крепостных стен, кроме стен Харакса, да и они, строго говоря, далеко не средневековые! Казалось бы, после посещения Харакса наше внимание тотчас должно переключиться на более западные участки побережья, на район Алупки и т. д.

Однако где же в районе Ай-Тодора собственно средневековое укрепление? Не могло же так случиться, что наиболее удобный проход в Ореандскую котловину с запада, вдоль берега моря, не был

защищен? Бесспорно, и в средние века старая римская дорога проходила к Ореанде, к укреплению на Крестовой горе мимо Ай-Тодора и, наверное, по трассе нынешнего нижнего шоссе! Не могло же так быть, что поворотный мыс Южного берега — мыс Ай-Тодор — в послеримское время не привлек ничьего внимания и остался незаселенным и неукрепленным? Впрочем, могло быть и так. Ведь в самом Хараксе почти нет средневековых культурных остатков, а римская крепость в средние века находилась, пожалуй, точно в таких же развалинах, как и сейчас. Но подождем с выводами...

1

Строго говоря, мыс Ай-Тодор представляет собой не один, а целых три мыса. В отношении геологического строения все они равноценны, точнее, сложены одними и теми же верхнеюрскими известняками, довольно круто наклоненными к северу и к северо-северо-западу. Ай-Тодором называется самый большой из них, юго-западный. Возле него линия берега как раз и поворачивает в среднем на 65—70°, меняя юго-западное направление на западное. На этом мысу и находятся остатки крепости Харакс.

Второй мыс, всего в полукилометре от Ай-Тодора, отделен от него миниатюрной бухточкой, берег которой сплошь завален глыбами известняков. На северо-восточной оконечности второго мыса (рис. 89) прилепилось чудо экзотической архитектуры, сви-

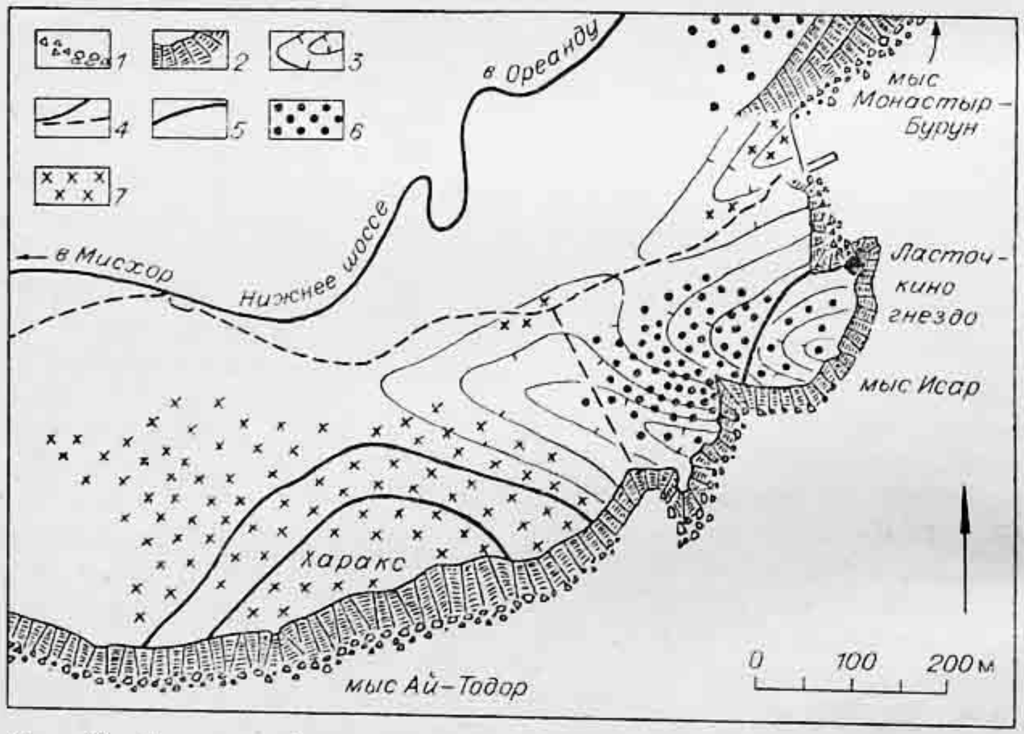


Рис. 89. Берег в районе Ласточкина гнезда. Съемка автора, 1963 г.
1 — каменные нагромождения у линии берега; *2* — скальные обрывы известняков; *3* — горизонтали (схематическая прорисовка деталей рельефа); *4* — шоссе, главные дороги и аллеи санаториев; *5* — крепостные стены Харакса и предполагаемое положение крепостной стены средневекового времени на мысу Исар; *6* — ореолы рассеяния средневековой керамики; *7* — ореол рассеяния и отдельные «пятна» римской керамики.

детельство человеческого безумия и место паломничества туристов — Ласточкино гнездо — бывшая дача барона Штейнгеля. Широкой платформой постройка опирается на узкий скальный гребень и почти на четверть своей площади с каждой стороны висит над кипящей прибоем бездной. Произошло это потому, что часть скалы во время землетрясения обрушилась в море, и постройка ждет лишь очередного семи-восьмибалльного толчка, чтобы рухнуть с высоты в несколько десятков метров. Предпринимаются попытки укрепить основание Ласточкина гнезда высокими подпорными стенками.

В 400 м к северо-востоку от второго мыса в море выдается третий мыс, высотой не уступающий Ай-Тодору. Сейчас он чаще именуется мысом Парус — по названию одноименной скалы, торчащей в море против его оконечности. Здания санатория «Парус» дополнили совершенно новыми чертами картину диких скал, неба и моря.

Между Ласточкиным гнездом и мысом Парус зажата вторая бухточка с каменисто-глыбовыми берегами и крохотным галечно-булыжным пляжем. Здесь же находится пирс для швартовки прогулочных катеров. Эта бухточка в несколько раз обширнее первой и, вероятно, уже в римское время использовалась для стоянки и разгрузки кораблей: по ее берегам часто попадаются обломки гончарной посуды римского времени, главным образом амфор со сложнопрофилированными ручками, точно таких же, как в самом Хараксе, до которого от этого места немногим более 700 м.

Если тщательно обследовать внешне совершенно безнадежные в отношении древностей, лишенные растительности и почвы скальные поверхности второго и третьего мысов и их склоны, обращенные к упомянутым бухточкам и к проходящей севернее дороге, то обнаружатся довольно интересные вещи, которые и помогут разрешить загадку Ай-Тодора: было или не было здесь укрепление в средние века.

Но прежде стоит еще раз полистать страницы кеппеновского «Крымского сборника». В то время, когда П. И. Кеппен предпринял обследование южнобережных древностей и древностей предгорного Крыма, строительство дворцов, поместий и дач и освоение площадей Южного берега, в частности в районе мыса Ай-Тодор, практически только начиналось и шло не особенно бурными темпами. Тут и там еще сохранялись следы древних построек, теперь исчезнувшие в ряде мест совершенно. Еще были живы и находились в постоянном обиходе десятки и сотни старых татарских и греческих названий, из которых до нашего времени дошла лишь малая часть. Все это вошло к работу Кеппена и сделало ее поистине неисчерпаемым источником сведений о прошлом Южного берега.

Вот что конкретно сообщает он об округе Ай-Тодора. Самый юго-западный и наибольший мыс, как и сейчас, назывался Ай-Тодорским, а самый северный мыс — теперь Парус — носил названия Дакакнали, Дакакнари-Топрах, Монастыр-Бурун, т. е. Монастырский мыс [1]. На его поверхности сохранились остатки греческой церкви, искать которые сейчас — дело совершенно безнадежное: ведь мыс давным-давно перекопан, застроен.

Средний и самый маленький выступ берега в мысовой тропце (с позднее построенным Ласточкиным гнездом) именовался Лиман-Бурупом, Утеки-Бурупом или Исаром. Первое название очень точно отражает его положение в соседстве с бухточкой. Мыс гавани! Второе связано с тем, что к югу от мыса, в море, на значительной глубине, издавна были известны устричные банки. Устричный мыс! Наконец, третье название также не случайно и прямо указывает на то, что на поверхности второго мыса лет полтораста назад или более еще сохранялись остатки какого-то укрепления, что и дало повод татарскому населению окрестить его Исаром.

Относительно этого места Кеппен пишет: «Тут была какая-то постройка, только не церковь, как заключить можно по направлению стен. Удивительно, что беломраморные столбики, здесь лежащие и имеющие в поперечнике от 6 до 7 вершков при полутора аршинах длины, доныне не снесены с места»[2].

Никаких боевых стен на мысу Исар Кеппен уже не видел, а сейчас исчезли и остатки упомянутой им постройки вместе с беломраморными столбиками. Из того малого, что известно о данном месте, выбирать не приходится, и, конечно, непростительно было бы игнорировать тот вариант названия мыса, который прямиком ведет нас к решению вопроса о средневековом укреплении в районе Ай-Тодора.

Чем же еще подтверждается догадка об исаре на мысу Исар, или только одно название и осталось в качестве полустертой топонимической информации о былом крепостном сооружении?

2

На поверхности мыса Парус, или Монастыр-Буруи, удается найти не очень много обломков средневековой гончарной посуды и непременной черепицы. Они рассеяны на большой площади, встречаются спорадически, но все же значительно чаще, чем на Ай-Тодоре, в пределах крепостных стен Харакса и поблизости от них. Помимо церквушки, на Монастыр-Буруне могло находиться и небольшое поселение, а может быть, и действительно средневековый монастырек с жилыми и хозяйственными постройками. Будь здесь только церквушка или часовня, скорее можно было ожидать, что местные татары окрестили бы мыс Эклези-Буруном или Кильсе-Буруном, т. е. Церковным Мысом, подобно Эклези-Буруну на Чатыр-Даге или Кильсе-Буруну на Форосской Яйле.

Оставим, однако, это примечательное место и обратимся к среднему мысу, находки на котором, оказывается, вполне оправдывают его название — Исар.

Голая скалистая площадка мыса невелика — каких-нибудь 50×100 м. В южной части она застроена современными зданиями. В северной части на ней почти нет почвы и кое-где торчат редкие кустики и пучки травы; известняки обнажаются прямо на поверхности. Небольшие и неглубокие ложбинки (карры), промытые водой, забиты красноземом, обломками гончарной посуды и черепицы, но

и здесь культурных остатков не очень много. Спускаясь по юго-западному склону мыса, попадаем в сплошной ореол рассеяния обломков средневековой керамики, снесенных с верхней площадки мыса вместе с делювием. Приблизительная площадь этого ореола равна 150×200 м, или 3 га. Количество обломков не поддается точному исчислению. Можно применить статистический способ подсчета. Оказывается, что в среднем на квадратный метр площади ореола рассеяния приходится около пяти обломков, следовательно, во всем ореоле их что-то около 150 тыс. Добавим к этому, что из них учтены только те, которые видны на поверхности рыхлых делювиальных отложений и почвы, тогда как большинство обломков, безусловно, скрыто в делювии, и общее число их в ореоле рассеяния может исчисляться многими сотнями тысяч.

Очень важна одна деталь: в пределах ореола рассеяния, наряду с относительно свежими керамическими фрагментами, обычны сильно истертые и раздробленные. Вместе с позицией ореола это указывает на снос обломков именно с поверхности мыса Исар.

И еще одна деталь: ореолы рассеяния средневековой керамики и керамики римского времени Харакса (см. рис. 89) не только не перекрывают друг друга, но практически и не соприкасаются (незначительным количеством обломков средневековой керамики в Хараксе можно пренебречь, ибо там она совершенно растворяется в массе римского материала; точно так же в ореоле рассеяния средневековой керамики на склоне мыса Исар доля римского материала совершенно ничтожна — и это всего в 200 м от стен Харакса!).

Состав обломков на склоне мыса Исар полностью повторяет пифосно-амфорно-черепичный состав керамики Ореанды и других средневековых укреплений Южного берега. Соотношение разных видов здесь следующее (в % от общего числа учтенных обломков):

Кровельная черепица	71,6
Толстостенные сосуды, главным образом пифосы	6,3
Различные амфоры и кувшины	20,5
Тонкостенная малоемкая посуда, кухонная	0,4
Керамика с глазурью (поливной)	1,2

О. И. Домбровский высказал предположение, что объект на мысу Исар относится к X—XIV вв.[3] Заметный процент фрагментов глазурованной керамики подтверждает это мнение, но среди обломков черепицы значительная часть приходится на ранние типы, по крайней мере до X в., а это значит, что мыс Исар был заселен уже в раннем средневековье.

3

Естественно возникал вопрос — где же, собственно говоря, само укрепление? Что от него осталось? Располагалось ли оно на самом деле на мысу Исар или название этого места не отвечает его историческому прошлому? Эти вопросы долго преследовали меня. Все факты в пользу крепостной постройки средневекового времени на мысу Исар казались хотя и интересными, но все же спорными.

Начнем с того, что, по логике вещей, между Ореандой и Алупкой (а этот участок Южного берега достаточно протяженный) должно было бы находиться по крайней мере еще одно средневековое укрепление. Заключение это, безусловно, является косвенным доказательством.

Далее, где бы в Крыму — на Южном ли берегу или в предгорьях — мы ни встречались с названиями *Исар*, *Исарлы*, *Исарчик* и т. п., везде они оправдываются наличием остатков больших или маленьких крепостей преимущественно средневекового времени. Конечно, и применительно к мысу Исар надо было ожидать то же самое. Однако возможно и то, что это название было дано месту лишь потому, что на нем сохранялась какая-то группа построек или их развалины, которые не могли быть точно распознаны татарами и были ошибочно приняты за развалины какой-то крепости. Хотя такая ошибка маловероятна, но полностью исключать ее нельзя. Следовательно, и этот факт является косвенным доказательством.

Что касается рассеяния керамического материала, то в этом отношении мыс Исар сопоставим с массой других южнобережных укреплений. Обилие керамического материала может быть истолковано по-разному, и для этого совсем не обязательно наличие крепости. Можно, наконец, предположить, что обилие керамики попросту указывает на обширное средневековое поселение.

И все же две вещи помогают разобраться в вопросе: была ли крепость на мысу Исар или нет.

Первое — это известняковые боллы, попадающиеся в ореоле рассеяния керамики. Эти пращные камни представляют собой непременные атрибуты южнобережных укреплений. Маловероятно, что они относятся здесь — на мысу Исар — к культурным остаткам поселения открытого типа. Нахождение их в подобных поселениях пока не известно.

Второе — это очень небольшие остатки крепостной стены, затерявшиеся среди современных дорожек, лестничек, крепид, устроенных на склоне мыса Исар, на пути к Ласточкину гнезду и к зданиям санатория. Их легко пропустить или посчитать за кладки недавнего времени, тем более что даже вяжущий раствор в них удивительно напоминает современный лишь с тем отличием, что в древнем растворе всегда обнаруживается заметная примесь красной и оранжевой керамической крошки, которой нет в современных известково-галечных и известково-гравийных растворах. Остатки панциря крепостной стены, выложенной из среднемерного известнякового необработанного камня, найдены, в частности, на юго-западном склоне мыса, в нескольких десятках метров от берега моря. Стена укрепления проходила, по-видимому, от края до края вершинной площадки мыса и простиралась в длину на 120—130 м, отсекая участок площадью 0,8 га. На всем своем протяжении она была выложена на скальном основании и достаточно высоко над седловиной между мысом и верхним шоссе. В 1953 и 1956 гг. нижние ряды кладки боевой стены еще сохранялись и на ее северном фланге, неподалеку от Ласточкина гнезда, но в 1963 г. найти их было уже невозможно: старая кладка

была разобрана и камни использованы для устройства подпорных стенок.

На этом следовало бы закончить раздел о безымянном Исаре, но следует коснуться двух топонимических вопросов, которые связаны с историей этого места.

4

От Ореанды верхнее шоссе, минуя пос. Строитель, появившийся на местности всего с десяток лет назад, проходит через старые населенные пункты — Гаспру, Кореиз, Мисхор, Алупку, в приведенной последовательности. Ай-Тодор с остатками римского Харакса и мыс Исар с вероятным средневековым укреплением противостоят Гаспре, расположенной над ними и чуть к западу. Однако весь участок берега между Ай-Тодором и Мисхором на нижнем шоссе также именуется Мисхором. Впрочем, и в прошлом эта местность носила то же название.

В двух упомянутых названиях — Кореиз и Мисхор — есть нечто общее. Оба они, несомненно, греческого происхождения и восходят по крайней мере к греко-византийскому времени, если не к эпохе эллинизма. Во всяком случае, оба названия бытовали уже в генуэзское время, т. е. в XIII—XV вв., а Кореиз упоминался в документах VIII в. как торжище Курсаиты, если только правильно отождествление его с Кореизом.

Кореиз — в настоящем звучании, *Хреиз*, *Хориз*, *Хуреиз* — как это произносилось лет сто-полтораста назад, безусловно, происходит от греческого χωρεῖόν — деревня или в общем от χώρα, χώρη — место, местность, страна, земля, область, поле, деревня, укрепленное место, крепостица и т. п. Менее вероятно, что к нему имеет отношение χωρίς — далеко, врозь, особо и т. п. Кое-кто склонен думать, что название *Кореиз* происходит от χορός — место для пляски, или от χορεία — хоровод, хороводная пляска, или от χορεύω, χορεύειν — плясать, веселиться (особенно после соответствующих возлияний в честь Диониса), но я не берусь судить, насколько эти варианты вероятны.

В татарской топонимике был не Мисхор, а Мысхор (так его упоминает Кеппен), у Палласа — Миссохор и Мюсхор, в генуэзских документах конца XIV столетия — Misicori. Слово это, наверно, составное, и одним из его элементов является, конечно, χώρα, χώρη, что и роднит его с Кореизом. В одном из путеводителей по Крыму [4] мне попалась такая этимология Мисхора: *Меси-хора* — средний город, *Миси-хора* — половина города, но я не могу придумать объяснения ни «середине», ни «половине». Думается, что начало слова *Мисхор* происходит от греческого μῖσος — вражда, ненависть, отвращение. Возможно, в этом была закреплена память раннесредневековых или более ранних обитателей Южного берега о каком-то враждебном месте, враждебном поселении или враждебном укреплении.

Не исключено, что название *Мисхор* первоначально относилось к Ай-Тодору, точнее говоря, к остаткам Харакса на этом мысу. Ведь Харакс для местного населения побережья в римское время представлял собой действительно враждебное укрепление. Память об этом могла перейти к следующим поколениям и в греко-византийское время закрепиться в соответствующем названии. Развалины Харакса, в которых только воображение все еще ловило стук фригийских сандалий и звон римского меча, продолжали оставаться табу. Может быть, именно поэтому на месте Харакса, удобного во всех отношениях для устройства крепости, в средние века не возникло сколько-нибудь значительное поселение и не выросли новые боевые стены. Когда в них появилась необходимость, был выбран соседний мысок, меньший по площади и менее высокий, но не перечеркнутый табу. Возможно, предпочтение мысу Исар было отдано и в связи с его соседством с маленькой гаванью, но это уже другая сторона дела.

Итак, римский Харакс как раз и мог быть в начале средневековья Мисхором — враждебной крепостью, лежавшей в развалинах, или попросту враждебным местом. Но когда и почему за этим мысом закрепилось название *Ай-Тодор* — явно более позднее, греко-византийское с недвусмысленно христианским содержанием? Такое название требует, чтобы на мысу находились по крайней мере какие-нибудь остатки христианской храмовой постройки. Их, однако, здесь нет — ни в пределах стен Харакса, ни в ближайшем соседстве с ними. Поверхность мыса неоднократно обследовалась, и было бы просто невероятно, чтобы несколько пар внимательных глаз исследователей не остановились на развалах христианской базилики.

Вспомним, однако, что Кеппен писал об остатках греко-византийской церквушки (или монастырька) на северо-восточной оконечности мысовой троицы — на Монастыр-Буруне. Этот мыс — наиболее высокий из трех. И в море он выдается значительно дальше, чем два других. Но трехмысовое деление берега в данном пункте не столь уж резко: выгиб берега между Ореандой и Мисхором вполне можно посчитать за один мыс, несколько осложненный в деталях рельефа.

Очень вероятно, что первоначально название *Ай-Тодор* относилось не только к церквушке (или монастырьку) на северо-восточном мысу, но и ко всей мысовой группе. Впоследствии, может быть в XIII в. или еще позднее, оно как бы съехало в юго-западном направлении и закрепилось за западным мысом, тогда как два других мыса — средний и северо-восточный — получили от татар новые названия. Схематически это представлено в табл. 5.

Таких примеров топонимических изменений в Крыму немало, они могли бы представить собой заманчивую цель специальных исследований.

Таблица 5

Время	Трехмысовая группа берега		
	Западный мыс и западнее	Средний мыс	Северо-восточный мыс
Доримское	Возможно, греко-таврское поселение и укрепление	—	—
Римское, I—III вв.	Крепость Харакс или Харакены	—	—
Раннее средневековье, до X в.	Незначительное поселение, некрополь, название Мисхор	Укрепление, название не известно	Церковь или монастырек Ай-Тодор
	Возможно, вся мысовая группа в это время носила название Ай-Тодор		
После XIII в.	Ай-Тодор и далее к западу Мисхор	Лиман-Бурун, Утеки-Бурун, Исар Ласточкино гнездо	Дакакнали, Дакакнари-Топрах, Монастыр-Бурун
Наше время	Ай-Тодор		Парус

XX

ЛИМЕНА-КАЛЕ (ГОРА КОШКА) — АПОГЕЙ ДИСКУССИИ О ТАВРАХ

Мнение — людям великое зло,
драгоценен лишь опыт;
Многие судят меж тем,
мнения больше держась.

Феогнид

Укрепление на горе Кошка — Лимена-Кале — находится чуть ли не в самом центре проблемы исаров Южного берега.

Мое первое знакомство с этим укреплением состоялось еще в 1953 г., затем в 1956 и 1959 гг. я побывал на нем уже со специальной целью, а в 1963 г. довольно продолжительное время занимался его оборонительными сооружениями и жилыми постройками. Оно привлекало меня и в более поздние годы. Лимена-Кале расположено в столь любопытном археологическом окружении, что одно это могло бы служить основанием рассмотреть его подробнее. Мои предшественники — если не все, то по крайней мере из числа современников — немало сделали, чтобы вычеркнуть это укрепление из числа средневековых исаров и отнести его к более раннему времени — к эпохе тавров. Однако те находки и открытия, которые мне довелось сделать, вступили в резкое противоречие с указанной точкой зрения и вызвали бурную дискуссию. Она была даже более жестокой, чем споры, возникшие на Хараксе. Можно сказать, что Лимена-Кале стало апогеем спора о том, к какой формации принадлежат южнобережные укрепления.

Все это и явилось основанием для более подробного рассмотрения Лимена-Кале. Должен заметить, что эта возможность представилась лишь благодаря хорошей сохранности самого укрепления — лучшей, чем сохранность других крепостей Южного берега Крыма.

1

Лимена-Кале находится над Симеизом. Этот район попал в поле зрения археологов еще в начале прошлого века и даже в более раннее время. Сведения о нем — в большинстве своем очень краткие — рассеяны по многим публикациям, но многие из них не являются оригинальными, а повторяют и переповторяют то, что было опубликовано исследователями. Систематизация этих сведений оказалась бы, наверное, трудоемким делом и все же не дала бы достаточного материала для законченного историко-археологического очерка. Дело в том, что длительных, подробных археологических исследований в Симеизе не было, хотя он заслуживает того в полной мере.

В районе Симеиза находится целый комплекс археологических объектов. Это прежде всего укрепление на горе Кошка. (Под таким именем оно вошло в историко-археологическую литературу, ранее же было известно под названием Лимена-Кале, которое я и сохраняю.) Далее — своеобразное укрепление на приморской скале Панея, описанию которого я посвящаю следующую главу *. Наконец, на Лименском хребте, на так называемой Обсерваторской горке, находится могильник из каменных ящиков. Кроме того, по обе стороны от Лименского хребта, в долине Лименки и в Симеизской котловине, встречаются остатки поселений, фиксируемые по пятнам дробленого керамического материала. Все эти памятники находятся в санаторно-курортной зоне, привлекают внимание отдыхающих и туристов со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Относительно сведений о Лимена-Кале следует прежде всего сослаться все на ту же работу П. И. Кеппена [1]. В ней это укрепление описано на нескольких страницах и представлено в виде схематического плана, в общих чертах отражающего топографию места. Кеппен считал Лимена-Кале принадлежащим к цепи раннесредневековых укреплений. Более поздние упоминания его в работах А. Фабра, Дюбуа де Монпере и других ничего не прибавили к сведениям Кеппена. В конце прошлого столетия, однако, на Лименском хребте, к северу от Лимена-Кале, были открыты каменные ящики. Эпизодические раскопки на этом могильнике послужили основанием отнести его к эпохе тавров. Благодаря этому и Лимена-Кале стало пониматься как таврское укрепление.

Это мнение лишь в незначительной степени было поколеблено упоминавшейся работой В. Н. Дьякова [2], который отнес гору Кошка к одному из опорных пунктов римского таврического лимеса. Но отсутствие культурного материала римского времени в окрестностях Симеиза исключает точку зрения В. Н. Дьякова.

Могильник на Обсерваторской горке явился единственным объектом кратковременных археологических работ в начале нашего столетия. Только в 1949 г. Е. В. Веймарн, руководивший одним из отрядов Тавро-Скифской экспедиции, провел на горе Кошка, в пределах Лимена-Кале, археологическую рекогносцировку, а в 1950 и 1955 гг. начальник этой экспедиции П. Н. Шульц занялся топографической съемкой могильника и укрепления, осуществил разведочные раскопки нескольких жилых построек и пришел к твердому выводу, что оборонительные сооружения, сложенные из рваного камня, без применения связующего раствора являются, несомненно,

* Глава эта в бумагах Л. В. Фирсова отсутствует. (*Ред.*)

таврскими [3]. Это мнение опиралось на многочисленные находки лепной посуды, в какой-то мере сопоставимой с посудой кизил-кобинского типа. Фрагменты лепной посуды стали, фигурально выражаясь, той питательной средой, на которой взросла гипотеза о принадлежности Лимена-Кале, а равно и других укреплений Южного берега к культуре тавров. Гора Кошка с ее археологическими атрибутами превратилась в базис всей концепции культуры южнобережных тавров [4].

Но если обратиться к отчетам Тавро-Скифской экспедиции, то мы найдем в них упоминания и о культурных остатках средневековья в Лимена-Кале. (Подробнее об этом будет сказано ниже.) К сожалению, они не привлекли к себе должного внимания, быть может, в силу того простого обстоятельства, что не соответствовали целям экспедиции.

В 1959 г., как писалось в предыдущей главе *, мной было показано, что Алупка-Исар — вовсе не таврское, а раннесредневековое укрепление. Тогда же были получены неоспоримые данные и в пользу раннесредневекового происхождения Лимена-Кале, но П. Н. Шульц, вполне естественно, занял позицию непримиримого оппонента. В 1963 г. в Лимена-Кале автором была проведена подробная съемка оборонительных сооружений. Совместно с отрядом О. И. Домбровского удалось расчистить и раскопать некоторые жилые постройки, и выводы 1959 г. подтвердились. Тогда же на стенах укрепления состоялся консилиум, результатами которого я могу быть доволен, ибо позиция моего оппонента, участвовавшего в этом консилиуме, была основательно поколеблена, в чем признался и он сам, но, разумеется, не до конца.

2

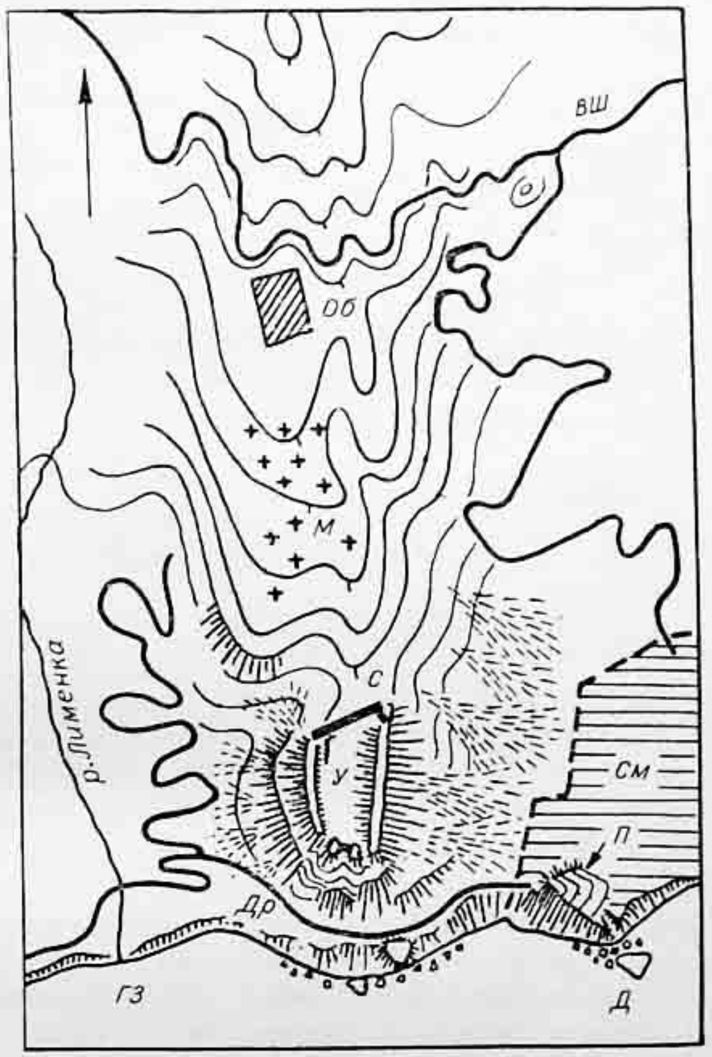
Неширокая полоса Южного берега Крыма, зажатая между морем и обрывами Яйлы, в районе Симеиза становится еще у́же — 3—4 км. В рельефе скал и холмов, прихотливых небольших долин, оврагов и впадин здесь выделяются поперечная гряда или хребет, тянущийся от Яйлы до моря. К востоку от него в небольшой котловине эрозионного происхождения раскинулся сам Симеиз, к западу — долина р. Лименки (рис. 90), по имени которой поперечная гряда получила название Лименского хребта.

Хребет этот невысок и сильно снижается к берегу моря. Он представляет собой линейно вытянутый блок верхнеюрских известняков, зажатый в зоне крупного меридионального разлома, к которому приурочены и выходы небольших диоритовых штоков (Лименская группа диоритовых тел). Грубослоистые светло-серые верхнеюрские известняки имеют меридиональное направление и круто падают главным образом в восточную сторону. Углы падения слоев достигают 50—60°. Кое-где пласты известняков стоят вертикально

* Глава, посвященная Алупка-Исару, в бумагах Л. В. Фирсова отсутствует. (*Ред.*)

Рис. 90. Положение Лимена-Кале на горе Кошка.

ВШ — верхнее шоссе из Алупки к Байдарским Воротам; Об — территория Симеизской обсерватории; М — могильник из каменных ящиков на Обсерваторской горке; С — седловина между Обсерваторской горкой и горой Кошка; У — территория укрепления Лимена-Кале, черной линией показана северная оборонительная стена, слева — западная, справа — восточная скальная гряда; См — территория Симеиза; П — скала Панея с раннесредневековым укреплением; Д — скала Диво; Др — дорога из Симеиза в Кацивели; ГЗ — Голубой залив (Лименская бухта).



или даже опрокинуты. К западу и к востоку от хребта рельеф обязан причудливым формам эрозии и денудации сланцев и алевролитов таврической формации и представляет собой в основном сочетание равномерных холмов, гряд, оврагов и долин.

Как и в других пунктах берега, выветривание известняков приводит к образованию красноземов, площадь которых в пределах Симеизской котловины значительна благодаря широкому распространению мелких и крупных известняковых блоков — отторженцев, осложняющих картину побережья.

Лименский хребет заканчивается у моря горой Кошка, профиль которой, особенно если смотреть на нее в вечернее время, когда она темным контуром рисуется на фоне закатного неба, действительно напоминает кошку — грозу мышиных нор, изготовившуюся к прыжку. Высота горы над уровнем моря немногим более 250 м. Эта отметка относится к скальной гряде, которая есть лишь один из элементов рельефа горы.

Верхняя часть горы представляет собой две скальных гряды, вытянутые меридионально. Восточная гряда наиболее значительна, западная уступает ей и по протяженности и по высоте. Между грядами, рельеф которых образуют круто наклоненные слоистые известняки, находится довольно ровная площадь (именуемая далее плато), ее происхождение легко разгадать по характерным элементам рельефа: это опущенная между восточной и западной скальными грядами часть известнякового блока, как бы дно небольшого грабена.

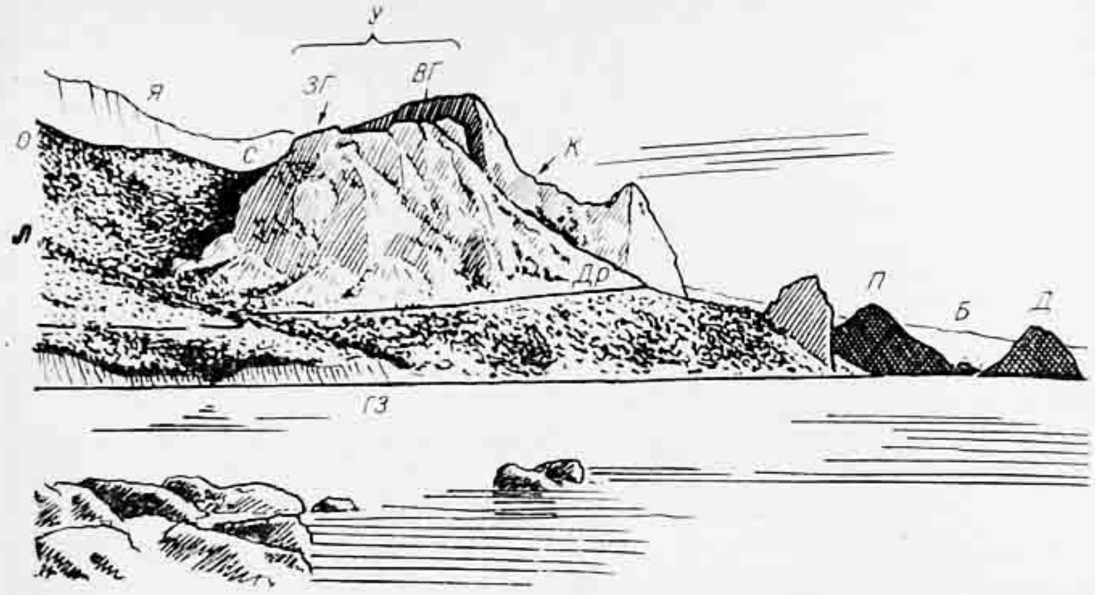


Рис. 91. Вид горы Кошка с запада, со стороны Кацивели.

Я — обрывы Ай-Петринской Яйлы на заднем плане; О — южный склон Обсерваторской горки; Л — Лименская долина; С — седловина между Обсерваторской горкой и горой Кошка; ЗГ, ВГ — западная и восточная скальные гряды горы Кошка; У — укрепление на горе Кошка; К — южный кулуар; П — скала Панея; Д — скала Диво; ГЗ — берег Голубого залива; Б — на заднем плане берег к востоку от Симеиза; Др — дорога из Симеиза в Кацивели. Точками показаны лес и кустарниковые заросли.

Восточный и западный борты горы Кошка — головоломные скальные обрывы, подножия которых завалены каменными осыпями. Они настолько неприступны, что попытка забраться по ним на вершину горы и на плато — дело совершенно безнадежное и опасное, во всяком случае для человека, не обладающего навыками и хладнокровием альпиниста. Южный склон горы крут и скалист, но в нем есть довольно значительный кулуар (рис. 91), имеющий выход на плато. В северном направлении плато горы круто переходит в борт небольшого разлога, отделяющего гору Кошка от Обсерваторской горки на Лименском хребте и впадающего слева в долину рч. Лименки. Гора Кошка и Обсерваторская горка соединены узким гребнем с понижением — седловиной. Здесь раньше проходила проезжая дорога — ровесница укрепления. Этой дорогой пользовались для подъема к плато горы Кошка вплоть до 1965 г., затем она и седловина были прорезаны глубокой выемкой новой автомагистрали.

Известняки горы Кошка разбиты субширотными и меридиональными тектоническими трещинами. По ним происходят распадение и просадка массива на более мелкие блоки и ступени, осложняющие и без того сложный скалистый рельеф. Вместе со слоистостью тектонические трещины обеспечивают распадение известняков на блоки плитообразной или вообще параллелепипедальной или прямоугольной формы.

Скалы горы Кошка катастрофически нависают над западной окраиной Симеиза. Здания санаториев и жилые дома предусмотрительно отведены от них на приличное расстояние. С южной стороны гору Кошка огибает нижнее шоссе, заканчивающееся в Кацивели, на западном берегу Голубого залива, которым долина рч. Лименки выходит в море [5].

Подъем на гору Кошка возможен по четырем маршрутам, три из которых ведут на северную седловину.

1. Проще всего спуститься с верхнего шоссе прямо к югу, через Симеизскую обсерваторию, площадки радиотелескопов и территорию могильника из каменных ящиков; вы попадаете старой дорогой на северную седловину горы Кошка и вскоре начинаете спотыкаться о груду камней — это и есть вход в укрепление. После проведения новой автомагистрали, которая режет седловину выемкой, а склоны Обсерваторской горки обходит по колоссальным каменным насыпям, путь на вершину горы Кошка стал еще проще, если не считать за препятствие крутой борт выемки.

2. Из Симеиза короткий путь (если только так можно назвать карабканье под углом 35—40°) пролегает по глыбовым и щебенистым осыпям. Вначале, особенно в жаркий день, он кажется крайне утомительным. Страдающие одышкой рискуют застрять здесь на первой трети подъема. Со временем продолжительность восхождения сокращается с часа до 15 минут.

3. Очень приятная дорога на вершину горы Кошка, в Лимена-Кале ведет из Симеиза по нижнему шоссе, в обход южного склона горы, далее — по левому борту Лименской долины, мимо скалистых обрывов и каменных россыпей до устья западного разлога. Подъем по дну этого разлога выводит на северную седловину или на северный склон плато горы Кошка. Путь этот не очень крут. Богатая растительность защищает от палящих лучей солнца. По дороге попадаются объекты для наблюдений и сопоставлений.

4. Наконец, для любителей острых ощущений можно рекомендовать подъем по южному склону горы, через южный кулуар. Подъем выведет к двум кулуарам, больший из которых — с углом наклона местами до 45—50° — и есть южный. Вверх он становится все у́же и у́же и приводит на южный край плато. Меньший кулуар отходит чуть влево. Он также скалист, завален крутыми осыпями и достигает плато немного северо-западнее южного кулуара.

3

Название *гора Кошка* появилось не ранее второй половины прошлого столетия. До этого в татарской топонимике массив горы носил имя укрепления на его вершине — *Лимена-Кале*. И в данном случае это название имеет смешанное, греко-татарское, происхождение и означает «Крепость у залива» или «Крепость у гавани»: от греческого ἄχτην — залив, гавань, пристань и т. п. Несомненно, в названиях *Лименская долина*, река *Лименка*, *Лимена* звучит отголосок далекой эллинистической эпохи, когда район Симеиза был заселен, по-видимому, наравне с другими участками Южного берега Крыма. Лименский залив, теперь называемый Голубым заливом, представляет собой не очень вдающуюся в берег и широкую бухту, которая могла дать лишь относительные гарантии безопасности судам в штормовое

время. С новейшей историей этих мест связаны героические эпизоды Великой Отечественной войны: в период оккупации Крыма фашистами по Лименской долине с гор спускались партизанские отряды, и в темные ночи новолуний у скал южного подножия горы Кошка десантные катера принимали на борт раненых бойцов армии народных мстителей, чтобы переправить их в порты Кавказского побережья.

Лимена-Кале — также не первоначальное название горы. Первый вариант сохранился, наверное, в названии Симеиза. И он относится к эллинистическому времени, что дает повод считать район Симеиза заселенным с древнейшей эпохи. Раскопки на Панее подтверждают это мнение.

Можно предложить два равноценных толкования названия *Симеиз*. Первое из них стало уже традиционным в краеведческой литературе и происходит это слово от греческого σημάδι, σημεῖουτο — признак, примета, знак, символический знак, рубеж, предел и т. п. В самом деле, гора Кошка очень приметна и могла служить отличным навигационным ориентиром на побережье, подобно Аю-Дагу. Это толкование становится очень вероятным, если принять его в сочетании с названием залива — *Лимена*.

Однако нельзя обойти вниманием сходство слова *Симеиз* с греческим ἀνάντα — крутой, вздернутый, крутобокий и т. п. Быть может, то обстоятельство, что в рельефе места слишком выразительны крутизна скал, вздернутость горба горы, крутобокость Симеизской котловины, и послужило основанием для подобного названия. Насколько мне известно, такое толкование предлагается впервые и подлежит проверке лингвистами.

4

Южная оконечность Лименского хребта — гора Кошка — представляет собой наиболее труднодоступную его часть. Поэтому не удивительно, что для устройства укрепленного пункта была выбрана именно она. Территория укрепления раскинулась на плато горы, между восточной и западной скальными грядами (рис. 92). Рельеф его поверхности таков: у основания восточной скальной гряды протягивается полоса каменных развалов, образующих крутой склон, почти лишенный растительности. В горизонтальной проекции размер этой полосы около 35×160 м, или 0,55 га (рис. 93). Приблизительно в центре проходит внутренняя, третья, скальная гряда высотой от 3 до 7 м, рассеченная продольной — с юга на север — щелью. Расселина эта сужается в южном направлении и почти выходит к южным обрывам горы. Она со всех сторон обставлена гигантскими известняковыми блоками, в которых имеются поперечные расселины-проходы, частично завалепные глыбами, как и сама расселина, к тому же густо заросшая деревьями и кустами. Западнее внутренней гряды, между ней и западной скальной грядой, находится собственно плато размером 35×175 м, или около 0,6 га. Плато вытянуто с юга на север и благодаря просадке массива горы по меридиональным тектоническим трещинам имеет ступенчатый рельеф: невысокие и неширокие

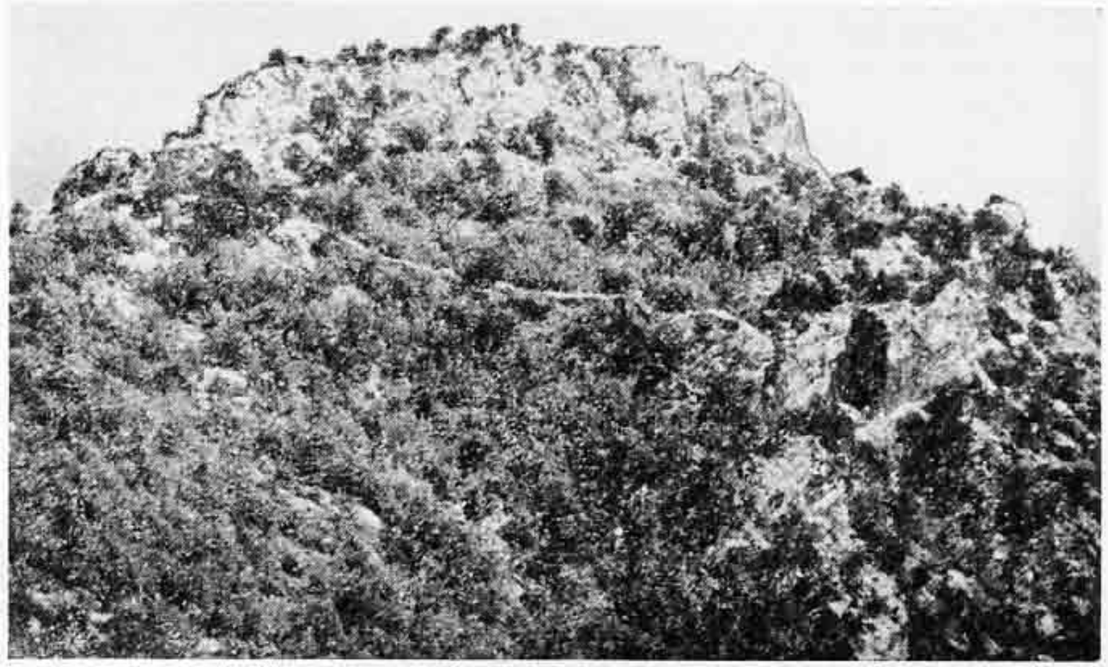


Рис. 92. Вид на плато горы Кошка с северной стороны. На заднем плане — внутренние обрывы восточной скальной гряды, ниже — крутой склон с осыпями и каменными развалами, еще ниже — заросшее деревьями и кустарниками плато. Северная оборонительная стенка четко прорисовывается в виде тонкой белой линии, слева — вход в укрепление, справа — западная скальная гряда. Под стеной — крутой северный склон разлога, спускающегося к Лименской долине.

ступени-террасы спускаются от центральной скальной гряды к западной. Большая часть плато покрыта густой растительностью — древовидным можжевельником, ясенем, грабовником, дубняком.

Таким образом, общая площадь между восточной и западной скальными грядами на горе Кошка — не более 70×175 м, или около 1,2 га; средняя высота плато над уровнем моря — 220 м.

Между Лимена-Кале и соседними укреплениями — отличная визуальная связь. Прямо под горой Кошка находится скала Панея (см. рис. 91). Сама скала и крепостная постройка на ней видны во всех подробностях с вершины восточной скальной гряды — со второй караульной площадки (см. ниже). В 4,5 км к западу от Лименского хребта вздымаются скалы Биюк-Исара, а против них, на берегу моря, виден Кикенеизский мыс (или мыс Святой Троицы) с Кучук-Исаром на нем. В 6 км к востоко-северо-востоку, у подножия Ай-Петри, выступает гора Крестовая с Алупка-Исаром, еще дальше в том же направлении — карьер на Гаспра-Исаре и на берегу моря— мыс Ай-Тодор с остатками Харакса. Далее полоса берега закрыта Гаспринским хребтом.

Между Лимена-Кале и этими укреплениями — соседними к западу и к востоко-северо-востоку от него — других крепостных сооружений нет. Полоса берега обследована здесь очень подробно, замечено много скал и горок, на которых могли бы находиться крепостные постройки (например, Шан-Кая, Бака и др.), но остатков их не

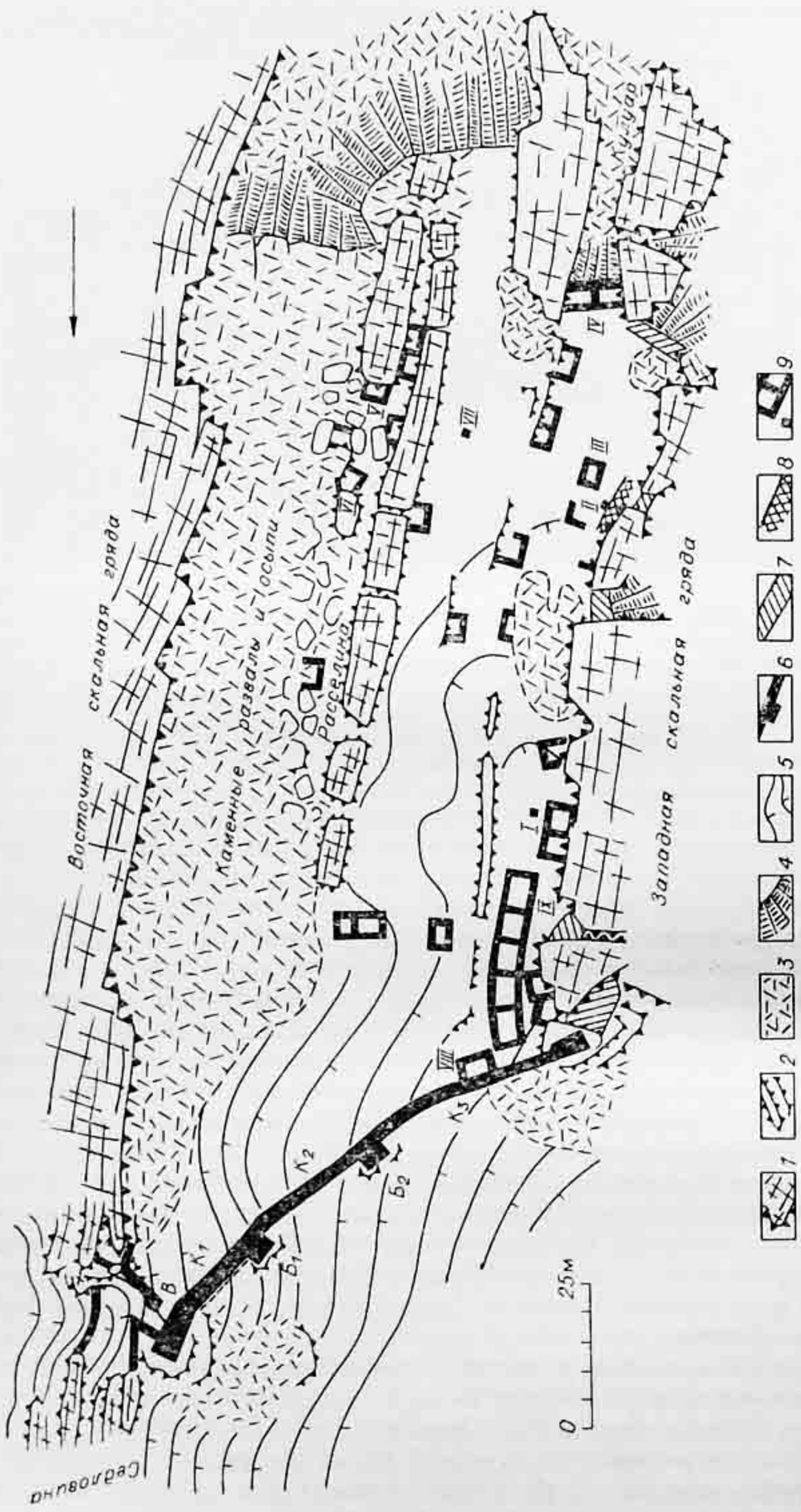


Рис. 93. План укрепления Лимена-Кале.

1 — скальные гряды известняков; *2* — небольшие скальные гребни и уступы известняков; *3* — мощные осыпи и развалы гигантских глыб; *4* — очень крутые склоны; *5* — горизонтали (схематическая прорисовка рельефа); *6* — оборонительные стены и башни; *7* — заклады и завалы расселин; *8* — вымостка; *9* — остатки кладок жилых построек и положение в разведочных шурфах. В — ворота; $К_1$, $К_2$, $К_3$ — три куртины северной стены; $Б_1$, $Б_2$ — две башни северной стены. I—IX — шурфы разведочных раскопок и расчисток.

обнаружено. Полагаю, что их отсутствие объясняется тем, что между Алушка-Исаром и Биюк-Исаром единственным удобным проходом через Яйлу был Эски-Богаз, а он находится чуть западнее Лименского хребта, и для контроля и наблюдения за ним было вполне достаточно двух укреплений — Биюк-Исара и Лимена-Кале.

5

Лимена-Кале имеет четыре рубежа обороны — восточный, северный, западный и южный, далеко не равноценные в тактическом отношении. К их описанию мы и перейдем.

В о с т о ч н ы й р у б е ж о б о р о н ы. Почти на всем протяжении восточная скальная гряда горы Кошка, нависающая над Симеизом, совершенно неприступна из-за крутизны обрывов — 60—80°. В ней нет сквозных — до основания — расселин или кулуаров, по которым можно было бы вскарабкаться на плато. Таким образом, восточный рубеж укрепления в достаточной мере защищен естественным образом и не нуждался в дополнительных оборонительных сооружениях.

Только с приближением к северной седловине восточная скальная гряда снижается, разбивается расселинами, подножие ее закрывают мощные глыбовые и щебенистые осыпи известняков, по которым можно подняться в укрепление. Однако длина этого участка не превышает 15—20 м. В северной части восточной гряды находится небольшая ровная площадка, она постепенно сужается к югу — от 4 до 0,5 м и поднимается в том же направлении на несколько метров по высоте. С восточной стороны площадка огорожена естественным парапетом — гребнем известняков длиной 16 м и высотой над площадкой от 0,3 до 1,3 м. В гребне имеются небольшие расселины, преднамеренно заложенные глыбами (рис. 93, 94). Северная сторона площадки защищена скальными выходами, между ними сохранились остатки парапета, возведенного на гребне обрыва. Длина парапета составляла 2,6 м, ширина — 0,5—0,95 м, простирание — 285°. Западным плечом парапет опирался на глыбу размером 1,4×1,7×1,2 м, которая служила упором и для второго парапета длиной не более 3 м, шириной в среднем 0,7 м и простиранием 187°. Оба парапета составляют между собой приблизительно прямой угол. Судя по нижним рядам кладки, они были сложены так же, как и панцири северной оборонительной стены. В швах кладки найдены крошка извести и мелкая известняковая галька, рассеянная по всей площадке.

Площадка эта имела назначение наблюдательного пункта. С нее просматриваются седловина и Обсерваторская горка, подъем к седловине с запада и востока, прибрежье и сам берег моря в Симеизе. Караульная площадка значительно возвышается над входом в укрепление и контролирует подход к нему.

Недалеко от входа в укрепление, вдоль подножия западных обрывов восточной скальной гряды, проходит тропа, вначале по осыпям, затем по узкому скальному карнизу. Карниз поднимается на вершину гряды. В наиболее возвышенной точке гряды имеется кро-

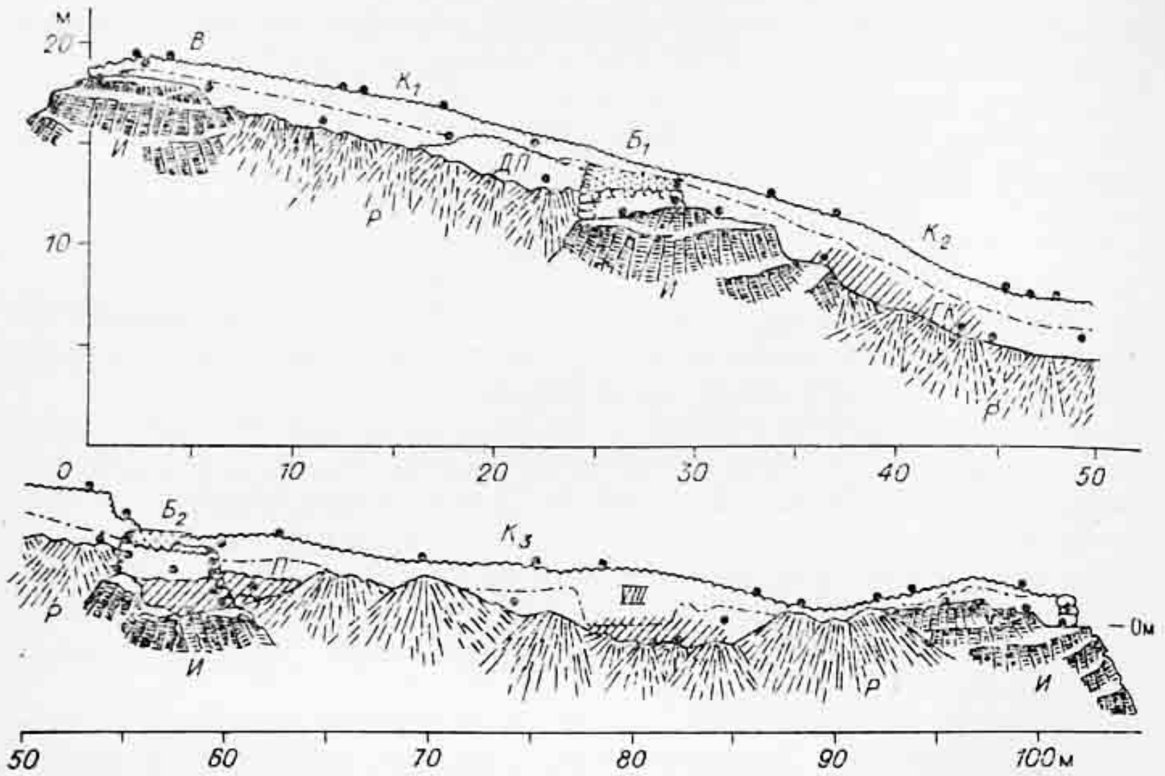


Рис. 94. Продольный профиль северной стены.

В — привратный бастион; $К_1$, $К_2$, $К_3$ — три куртины; $Б_1$, $Б_2$ — две наружные башни; ДП — дополнительный противооползневой панцирь; ГК — крупноглыбовая кладка (заштриховано); II — остатки пандуса у второй башни; И — скальные выходы известняков; Р — развалы и осыпи; VIII — контур раскопа пристенного строения с внутренней стороны в пункте VIII. Штрихпунктирная линия — уровень почвы с внутренней стороны стены; черные кружки — часть пунктов, где обнаружены известково-галечный раствор и его остатки.

шечная ровная площадка с невысокой и тесной пещеркой (гротом), прикрытой крупными глыбами. Здесь в суглинистом элювии и в щебне, заполняющем узкие расселины и трещины в скалах, найдены мелкие обломки гончарной керамики с красным черепком, однотипной с керамикой жилого комплекса (см. ниже). По-видимому, именно этот пункт упомянут П. И. Кеппеном [6] как место, где некогда был поставлен крест. Не исключено, что в далеком прошлом здесь располагался второй наблюдательный пункт, сектор обзора с которого составляет более 330° и включает также всю площадь укрепления.

Северный рубеж обороны. Общая длина оборонительного рубежа в более доступной, северной, части укрепления свыше 120 м, считая скальные «бастионы» восточной и западной гряд. Древняя проезжая дорога в укрепление спускалась по Лименскому хребту, через Обсерваторскую горку и по узкому гребню северной седловины. Она заканчивалась у входа в укрепление напротив северной оконечности восточной скальной гряды. Как раз в створе этого пути и находилась первая караульная площадка. Кое-где в скальных выходах известняков на седловине заметны парные борозды-колеи.

В табл. 6 приведены магнитные азимуты, расстояния и высотные отметки между точками съемки северной оборонительной стены,

начинающейся возле караульной площадки. Поскольку расстояния между точками съемки, промаркированными по лицевой плоскости внутреннего панциря стены, даны в горизонтальной проекции, действительная длина стены несколько больше указанной: в проекции расстояние между точками 1—23 составляет 111 м, с учетом рельефа — 115 м. Разница не так велика. Высотные отметки даны для видимого основания наружного панциря стены, причем за нуль высоты принято основание панциря в точке 23 на западном фланге.

Среднее простирание северной стены 230°, т. е. юго-западное, поэтому принятые ниже названия «восточный фланг» и «западный фланг» в какой-то мере условны. Средний продольный уклон основания стены равен 10° (от входа в укрепление до бастиона на западном фланге), местные наклоны достигают 20—30° и более.

Таблица 6

Номера точек съемки	Магнитный азимут, град	Расстояние, м	Превышение, м	Примечания
1			19,5	
	307	7,1±0,7		
2			17,0	
	272	2,1		Ворота
9			16,8	
5			18,0	
	190	2,9		Бастион
3			18,1	
	203	3,7		
9			16,8	
	222	6,0		
12			15,3	
	213	3,9		
13			14,4	Аппарель
	225	10,8		
14			11,8	Первая башня
	215	6,2		
15			10,1	
	236	3,6		
16			7,5	
	235	6,1		
17			5,2	
	236	11,4		
18			4,2	Вторая башня
	233	7,6		
19			2,5	
	241	7,0		
20			1,7	
	243	6,5		
21			0,5	Пристройка
	258	19,5		
22			1,1	
	262	5,6		
23			0,0	Бастион

Ниже описание северного рубежа для удобства расчленено на несколько разделов.

Вход в укрепление. Находится на восточном фланге северной стены. К настоящему времени он почти полностью разрушен, во всяком случае, таково было первое впечатление. Однако П. И. Кеппен уверенно помещал вход в укрепление именно на восточном фланге стены. П. Н. Шульц в 1950 г. подтвердил это заключение. В 1963 г. отряд О. И. Домбровского предпринял расчистку каменного завала на месте входа; были вскрыты сохранившиеся нижние ряды кладки. Произведенная мной съемка позволила восстановить конфигурацию ворот в плане (рис. 95).

Северная стена на восточном фланге начиналась трапециевидным уширением, представлявшим собой своеобразный бастион, который прикрывал ворота. Длина этого бастиона около 6,5 м, ширина в точ-

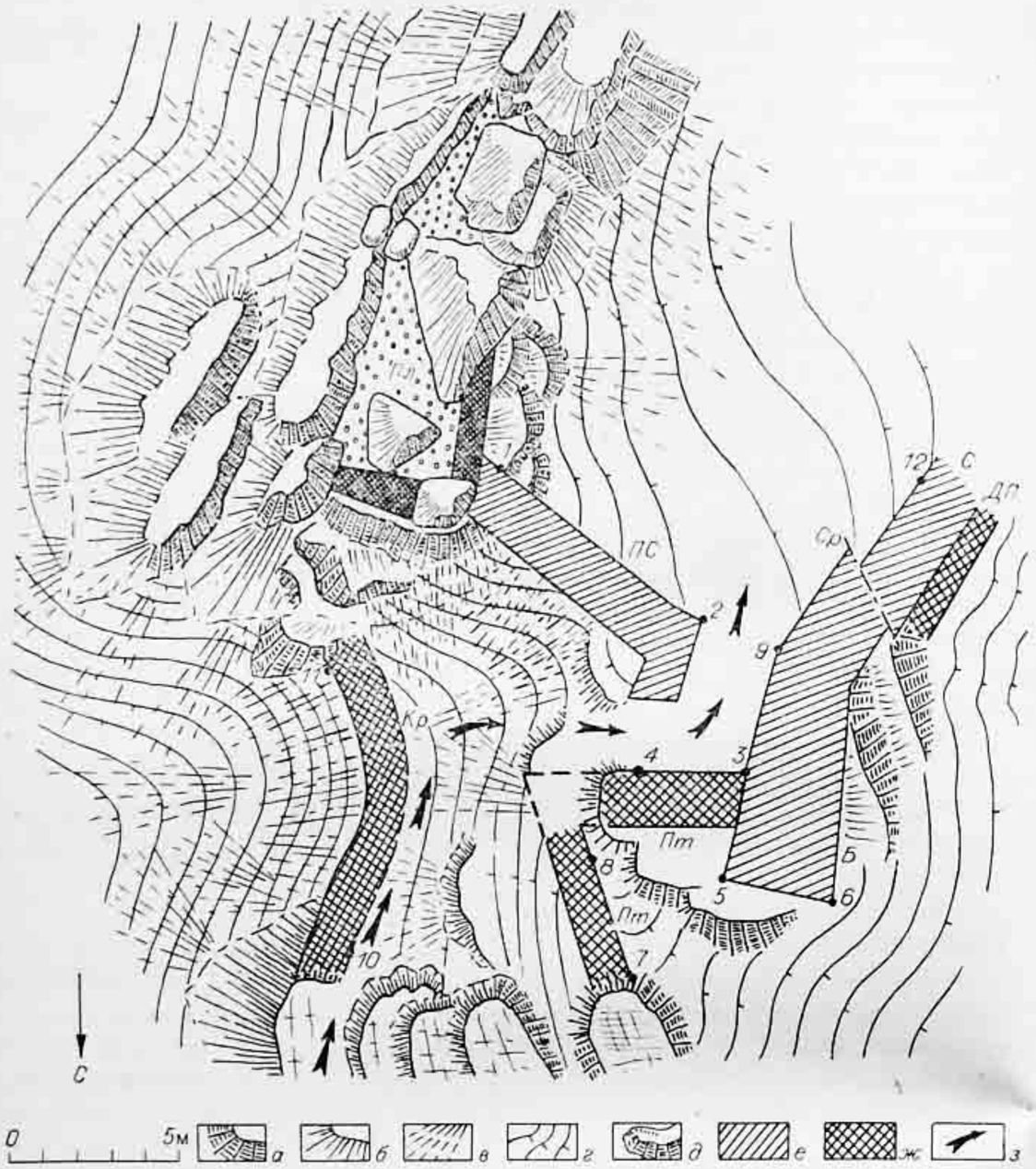


Рис. 95. Входное устройство Лимена-Кале. Плановая схема с обратной ориентировкой (север — внизу).

а — крупные скальные поверхности известняков; *б* — более пологие скальные поверхности известняков; *в* — осыпи и развалы глыб; *г* — горизонтали (схематическая прорисовка рельефа); *д* — отдельные скальные гребни и глыбы известняков; *е* — оборонительные стены; *ж* — парапеты, крепиды, дополнительные панцири; *з* — путь в укрепление. *1—12* — точки съемки. Пл — караульная площадка; ПС — поперечная стена; С — северная оборонительная стена; ДП — дополнительный панцирь; Ср — срез стены; Б — бастион; Пт — парапет; Кр — крепида-парапет.

ке 9 — при сочленении со стеной — 2,2, в точках 5, 6 — на конце бастиона — 3,1 м. Бастион был выложен мелко- и среднеблочным камнем, не подвергавшимся дополнительной обработке; его структура аналогична структуре стены, в которую он непосредственно переходит. Простирание бастиона почти меридиональное.

Приблизительно от средней части бастиона к востоку отходила стенка шириной 1,5 м, делавшая поворот под острым углом к северо-северо-западу. От нее остался лишь нижний ряд кладки, но все же можно судить, что она представляла собой привратный парапет, выложенный несколько позднее (кладка парапета, кажется, не имеет перевязи с панцирем бастиона), но с соблюдением тех же строительных традиций (панцирная кладка, забутовка, известково-галечный раствор).

Сами ворота находились между фланговым бастионом и поперечной к нему стеной, которая опиралась на скальное основание и доходила до уровня первой караульной площадки. Ширина этой стены около 1,6 м, длина — 7,5 м, ориентировка — юго-восточная; в настоящее время сохранилось от одного до пяти рядов кладки панцирей. Стена имела короткий пилон, противостоявший фланговому бастиону. Ширина ворот — 2,3 м, длина — 2,5 м. В каменном завале найдены крупные куски известкового туфа, использовавшегося в арочном своде ворот.

В 9—10 м к востоку от ворот крутой склон горы, падающий в сторону Симеиза, был перегорожен дугообразной в плане крепидой из средних и крупных известняковых глыб (см. рис. 93). Флангами она опиралась на скалы известняков. На северном фланге крепиды сохранились остатки парапета. Рельеф местности здесь таков, что именно над крепидой только и возможно было проложить дорогу к воротам укрепления.

Следует обратить внимание на важную особенность: планировка входного устройства была выполнена с соблюдением традиционного условия времен тавров — принудительного разворота противника незащищенным правым боком к фланкирующему привратному бастиону.

Три куртины северной стены. Северная стена Лимена-Кале состоит из трех куртин, разделенных двумя башнями (см. рис. 93).

Первая куртина тянется от привратного бастиона до первой наружной башни, между точками съемки 9, 12—14. Она прекрасно фланкируется с обоих концов. Ее длина около 21 м, толщина стены у основания — в среднем 2,5, на уровне сохранившихся рядов кладки — 1,8—2,0, высота с наружной стороны — 1,5—3,5, с внутренней — 1—2,5 м (рис. 96, *а*, *б*). В структуре стены четко выделяются три панциря: наружный, внутренний и панцирь парапета, между которыми находится забутовка из мелких обломков известняка и щебня. Характер кладки хорошо виден на фотографии (рис. 97). Развалы стены со стороны, обращенной к внутренней стороне крепости, менее мощны, чем с внешней, причем раскаты камня по склону занимают большую площадь. Учитывая объем развалов и морфометрию сохранившейся части стены, высоту первой куртины в первоначальном ее виде можно определить примерно в 6 м. Местами стена в первой куртине расселась и имеет обратный наклон наружного панциря. Обрушение стены было направлено главным образом наружу.

В точке 13, в 7 км к северо-востоку от первой башни, к внутреннему панцирю стены примыкает неширокая (до 1 м) поперечная клад-

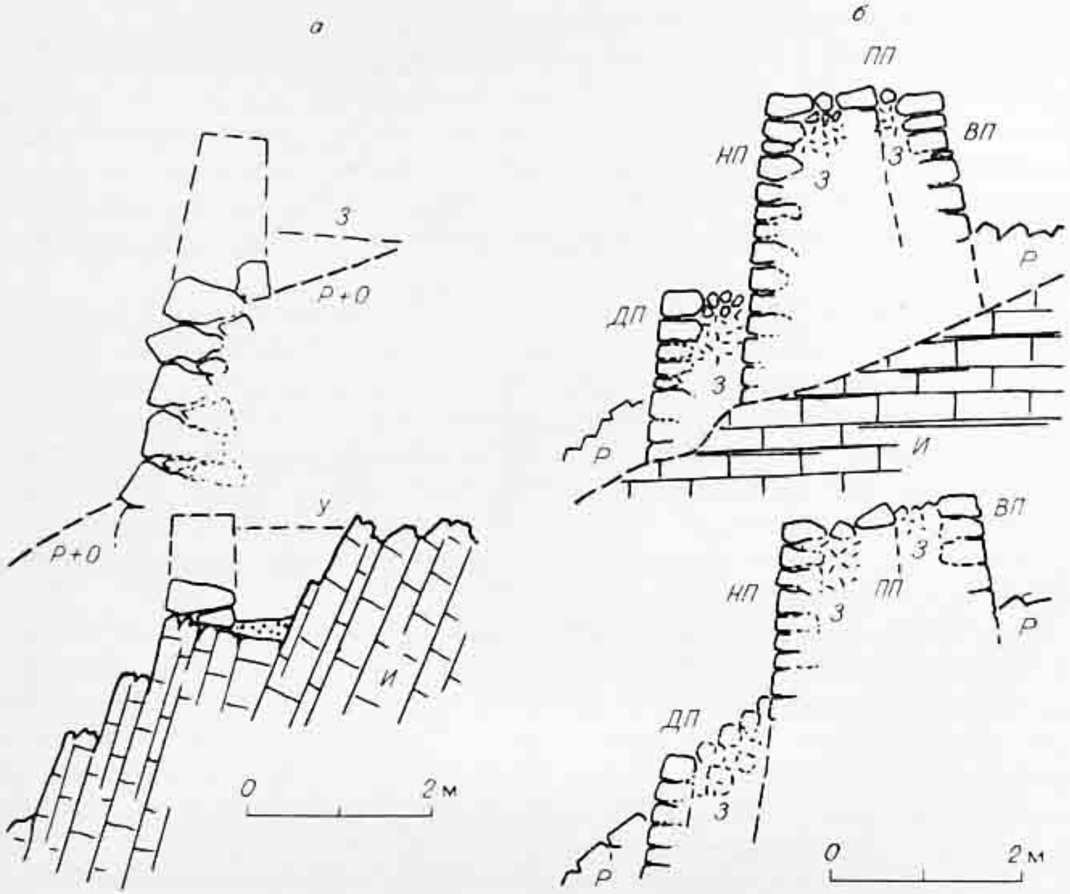


Рис. 96. Поперечные профили стены-парапета перед входом в Лимена-Кале и стен крепости.

а — вверху — разрез в средней части стены, имеющей отчетливый характер крепиды, внизу — поблизости от точки *10* (см. рис. 95); *б* — вверху — разрез северной стены в точке съемки *12*, внизу — то же в точке съемки *13*.
И — скальные грубослоистые известняки; Р — развалы; Р + О — развалы и осыпи; У — предполагаемый уровень полотна дороги; ДП — дополнительный противооползневый панцирь; НП — наружный панцирь стены; ВП — внутренний панцирь стены; ПП — следы панциря парапета; З — зоны забутовки.

ка, представляющая собой, по-видимому, остатки лестницы или аппарели до уровня боевого полка (рис. 98).

Основание стены на первой куртине выложено на крутом склоне, тогда как фланги ее опираются на мысовидные скальные выступы — под основанием привратного бастиона и первой башни. Между точками 9—12 (см. рис. 95) стена разрезана плоскостью сдвига северо-западного простирания, и ее юго-западная часть смещена вниз по склону и в горизонтальной проекции на 0,65 м. Этот сдвиг есть следствие оползания, и произошел он еще в период функционирования укрепления, что доказывается наличием с внешней стороны стены дополнительного противооползневого панциря мощностью 0,8—1,2 м. Он начинается в месте среза стены, примыкает к северо-восточному скосу первой башни и не имеет с башней перевязи: наружный панцирь боковой стены башни четко прослеживается в зоне дополнительного противооползневого панциря. Кладка этого панциря имеет такие же особенности, что и кладка стены; в нем также обнаружен известково-галечный вяжущий раствор. Положение дополни-

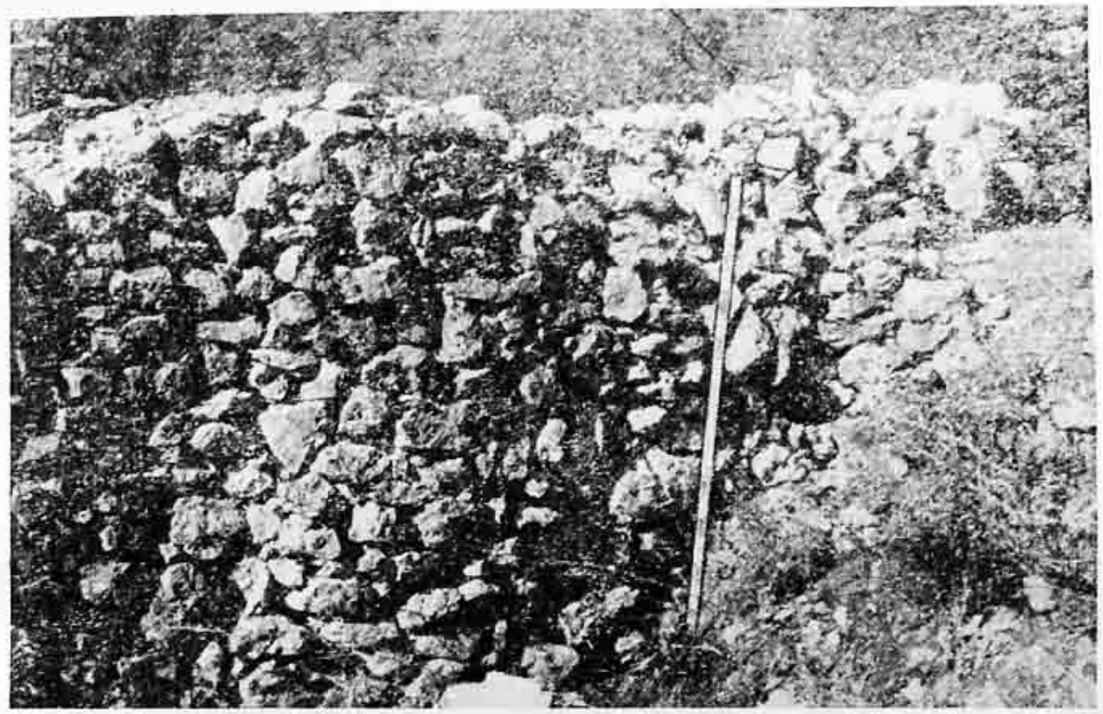


Рис. 97. Кладка наружного панциря северной стены. Для масштаба — рейка длиной 2 м.

тельного панциря позволяет рассматривать его как элемент реставрации оползавшей стены, сооруженный в пределах того же строительного периода, когда была возведена и сама оборонительная стена.

Вторая куртина северной стены заключена между точками 14—18 (см. рис. 93, 94) и имеет длину 27,3 м; разница в высоте основания

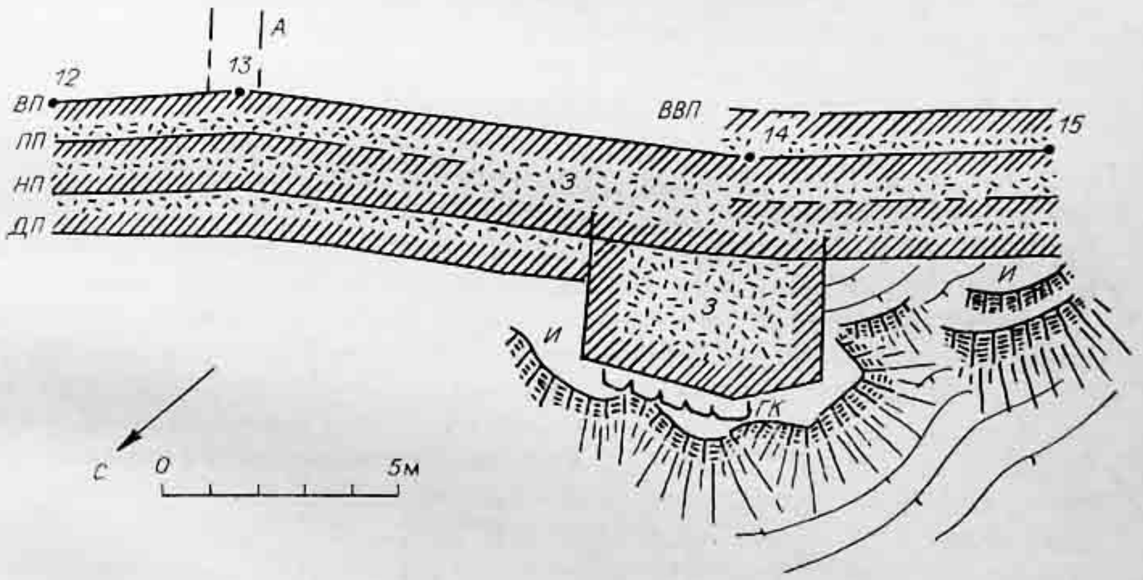


Рис. 98. Северная стена в районе первой башни (план).

А — остатки кладки лестницы или аппарели; ВВП — второй внутренний панцирь; ГК — крупноглыбовая кладка; *12—15* — точки съемки стены. Остальные обозначения те же, что и на рис. 96.

на ее западном и восточном флангах составляет 7,6 м, продольный уклон основания — в среднем 15°, поперечное падение основания (по склону) — 25—40°. Ширина оборонительной стены у основания достигает 2,5—2,8 м, на уровне сохранившихся рядов кладки — 2,2—2,3, высота — 1,2—3,6 м. Судя по мощности развалов, вторая куртина также имела полную высоту не более 6—7 м. Структура стен и ее поперечный профиль во второй куртине аналогичны элементам первой куртины. Неровности рельефа основания были заполнены при возведении стены крупноглыбовой кладкой. Наружный противооползневый панцирь здесь не устраивался, и, видимо, вследствие его отсутствия стена сильно деформирована последующими оползнями и в средней части куртины имеет обратный наклон.

С внутренней стороны к оборонительной стене во второй куртине примыкает дополнительная кладка, состоящая из одинарного панциря и забутовки (рис. 99). Кладка сохранилась в высоту до 0,5—1,3 м и увеличивает толщину стены на 0,75—0,9 м. Этот второй, внутренний, панцирь прослеживается на протяжении 16 м, между точками съемки 14—17; далее к юго-западу он, вероятно, доходил до траверза второй башни, до точки 18 (рис. 100), но в соседстве с ней разрушен до основания. Второй, внутренний, панцирь был отмечен в 1950 г. П. Н. Шульцем и определен им как пандус или контрфорс. Полагаю, что таковым он быть не мог. Мало вероятно, но не исключе-

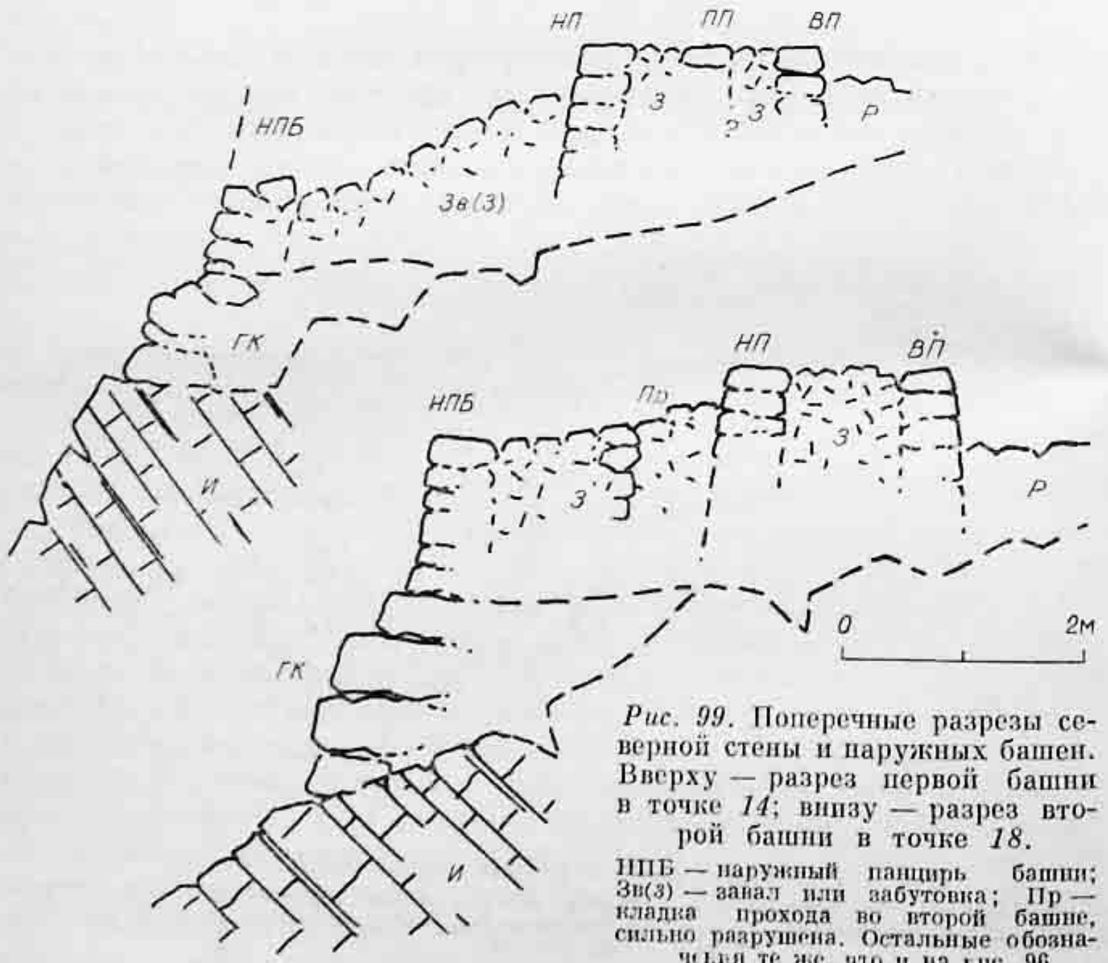


Рис. 99. Поперечные разрезы северной стены и наружных башен. Вверху — разрез первой башни в точке *14*; внизу — разрез второй башни в точке *18*.

НПБ — наружный панцирь башни; Зв(з) — завал или забутовка; Пр — кладка прохода во второй башне, сильно разрушена. Остальные обозначения те же, что и на рис. 96.

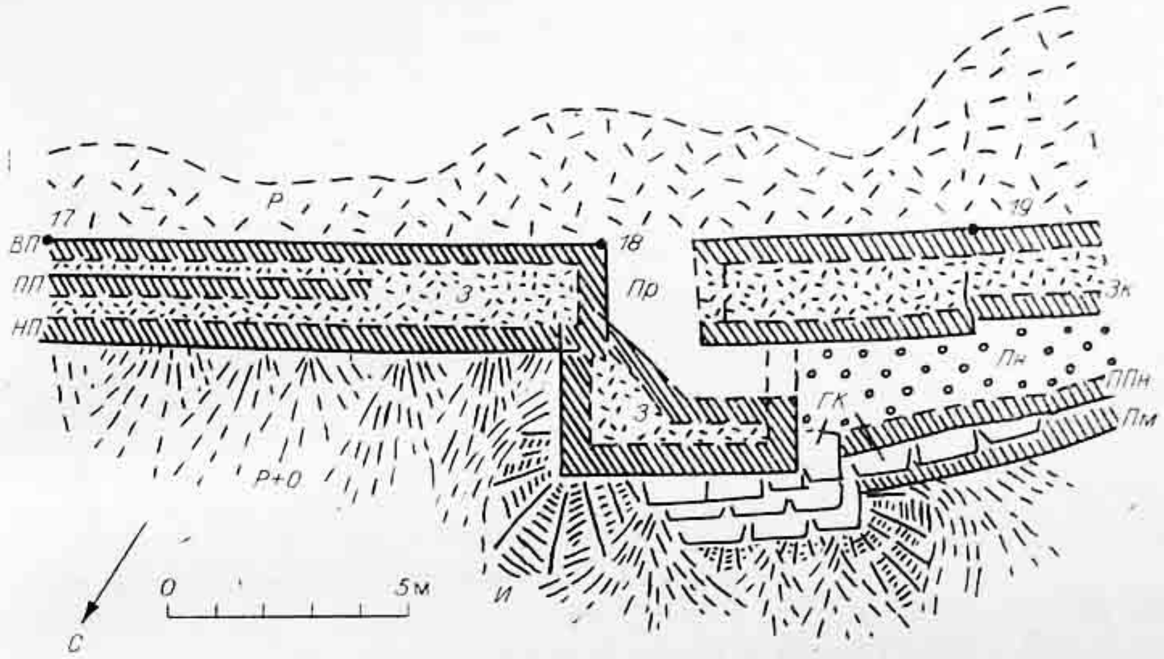


Рис. 100. Северная стена и вторая башня.

17—19 — точки съемки. Зк — заклад бреши или обвала наружного панциря; Пр — проход в башне; Пн — пандус; ППн — панцирь пандуса; Пм — среднеблочная подмостка крупноглыбовой субструкции пандуса; Р — развалы с внутренней стороны стены. Остальные обозначения те же, что и на рис. 96.

но, что эта деталь имела отношение к какому-либо продольному лестничному подъему. Однако, скорее всего, наращивание толщины стены было мерой для увеличения ее поперечной устойчивости против опрокидывания внутрь при возможном сползании основания стены по склону. Трудно судить, насколько позднее стены возведена эта дополнительная кладка. Тем не менее характер использованного каменного материала и самой кладки, как и наличие во втором дополнительном панцире однотипного вяжущего раствора, является косвенным доказательством его принадлежности к тому же строительному периоду, что и сама стена и противооползневый панцирь с наружной стороны первой куртины.

От второй башни и до западного фланга протянулась третья куртина длиной более 40 м. Она возведена на относительно ровном основании; имевшиеся в нем понижения были выровнены крупноглыбовыми завалами и крупноглыбовой кладкой. Морфометрия и структура стены в третьей куртине остаются прежними. Стена сохранилась в высоту 1—3,5 м, а мощность развалов такова, что именно здесь стена, кажется, достигала наибольшей высоты — 7—8 м. Предполагалось, что в 10 м от западного фланга находилась наружная башня, но это не подтвердилось. В данном пункте стена очень сильно разрушена; конусовидный развал большой мощности ошибочно был принят за развал башни. Основание третьей куртины наиболее устойчивое, во всяком случае каких-либо дополнительных противооползневых кладок в третьей куртине не обнаружено.

Северная оборонительная стена заканчивается на западном фланге небольшим уширением (в плане 2,7 ÷ 3,0×5,0 м), выло-

женным на скальном основании (см. рис. 93). Здесь сохранились только нижние ряды кладки, поэтому трудно судить об архитектуре и назначении данного фланговой «бастиона», структура которого, кажется, ничем не отличается от структуры самой стены.

Оригинальны на западном фланге следующие детали. Оборонительная стена отделяется от неприступных скальных выходов северной оконечности западной скальной гряды глубокой расселиной, выходящей на плато. Расселина была завалена гигантскими глыбами отчасти вследствие обрушения своих стенок, отчасти преднамеренно и с восточной стороны перегорожена стенкой толщиной до 1 м, сложенной из крупных и средних по размеру глыб. В соседстве с этой стенкой находятся остатки жилых построек (см. рис. 93). Под завалом расселины имелся узкий лаз, выводивший из укрепления к подножию скал западной гряды; здесь можно проникнуть внутрь укрепления и в настоящее время.

Д в е б а ш н и. В точке 14 с наружной стороны северной стены сохранились остатки башни, несколько неправильной четырехугольной конфигурации в плане (с пятым тупым углом на фасе; см. рис. 98). Размер башни 2,0 ÷ 2,6 м × 5,2 м, ширина ее на траверзе тупого угла около 3,2, высота сохранившейся части — 0,9—1,4 м. Башня опирается на скальное основание, западины и неровности

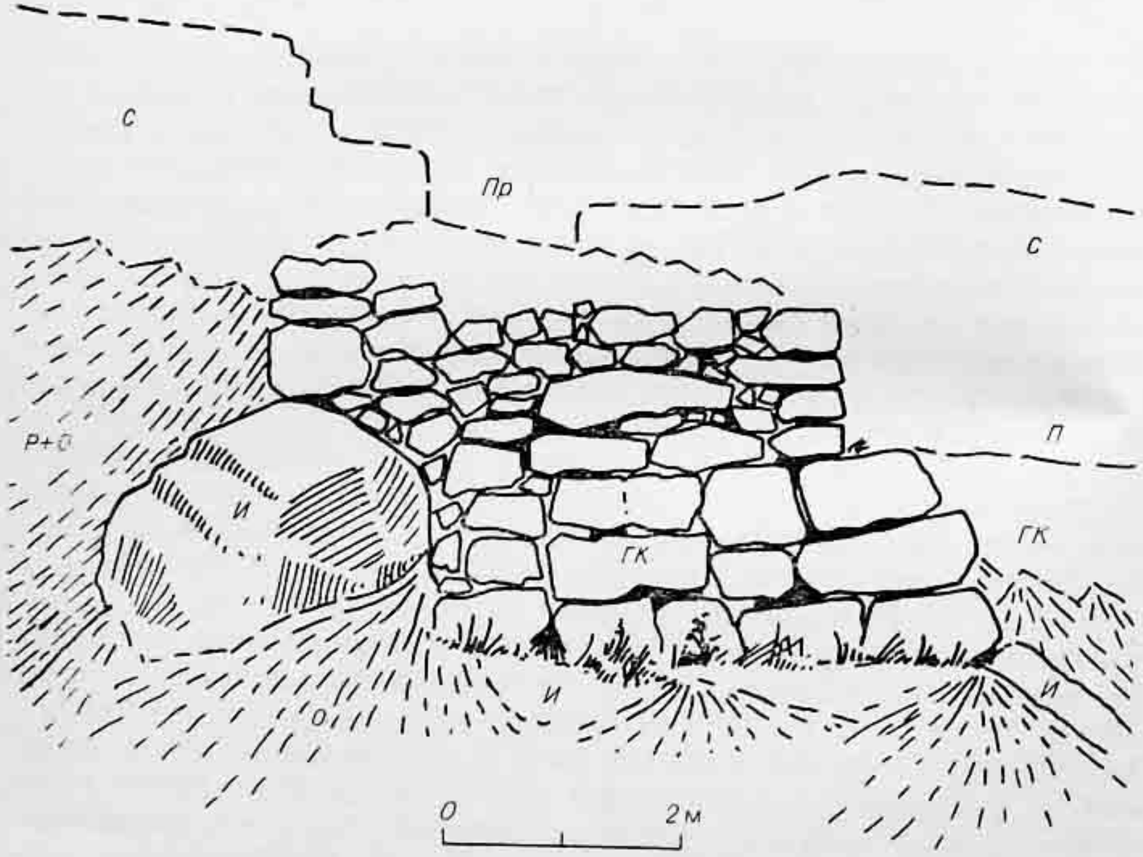


Рис. 101. Кладка фаса второй башни.

С — контур сохранившейся части стены на заднем плане; Пр — проход в башне; Р + О — развалы и осыпи; О — осыпи; И — скальные выходы известняков; ГК — крупноглыбовая кладка в основании башни и в основании пандуса; П — уровень поверхности пандуса. Черным показаны швы кладки, в которых сохранился известково-галечный раствор или его остатки.

которого заложены несколькими рядами крупных глыб до уровня, выше которого кладка мелко- и среднеблочная, из необработанного камня. Ярус крупноглыбовой кладки несколько выступает за лицевую поверхность наружного панциря башни (на 0,4—0,5 м) и имеет высоту примерно 0,6—1,0 м. Внутренняя часть башни завалена разномерным бутовым материалом и первоначально также не имела камеры, поэтому правильнее квалифицировать такое устройство как бастион. Линия сопряжения башенного выступа со стеной показывает, что наружный панцирь стены не прерывается, но имеет перевязь с панцирной кладкой боковых стен выступа. Проход на выступ находился выше сохранившихся рядов кладки.

На траверзе точки 18, в 47 м от ворот и в 21 м от первой башни, к северной стене примыкает вторая четырехугольная башня, также опирающаяся на скальное основание. В нижней части ее кладка выполнена из гигантских и очень крупных плитообразных и квадратообразных глыб известняка. Ярус гигантоглыбовой кладки имеет в высоту до 1,5 м. Выше кладка выполнена из мелких и средних глыб, довольно большие глыбы залегают в углах башни. Размеры башни в плане 2,6 × 4,7 м. Небольшая расчистка внутреннего завала показала, что вторая башня, вероятно, имела узкий проход и вылазную калитку с юго-западной стороны (см. рис. 100), к которой подходил широкий (1,5—2 м) и длинный (до 6—7 м), но пологий пандус; основанием пандуса служила также крупноглыбовая кладка (рис. 101). Впрочем, я не совсем уверен в том, что детали прохода в башне и примыкающего пандуса переданы мной на иллюстрациях с исчерпывающей полнотой. Проход через стену в башню несомненно был, так как в точке 18 сохранились остатки угла и поперечной (по отношению к направлению оборонительной стены) панцирной кладки. Также несомненно, что вторая башня была возведена одновременно со стеной, о чем свидетельствует перевязь между кладкой наружного панциря самой стены и наружного панциря северо-восточного скоса башни.

Форма башни, ее положение, характер кладки детально представлены на рис. 101, 102. На рис. 103 дана реконструкция второй башни и участка оборонительной стены в том виде, какой представляется автору наиболее обоснованным для южнобережных укреплений.

Собственно говоря, на северном рубеже обороны сосредоточен основной объем фортификационных сооружений и следовало бы дать их об-

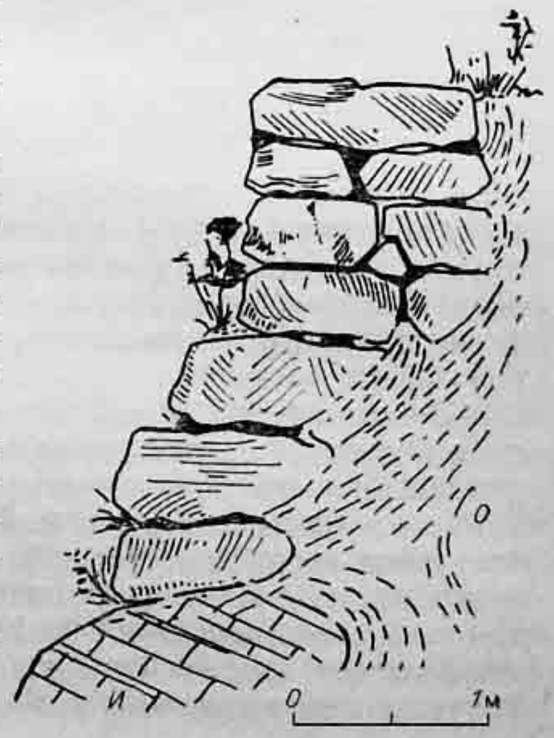


Рис. 102. Кладка западного угла второй башни.

Обозначения те же, что и на рис. 101.

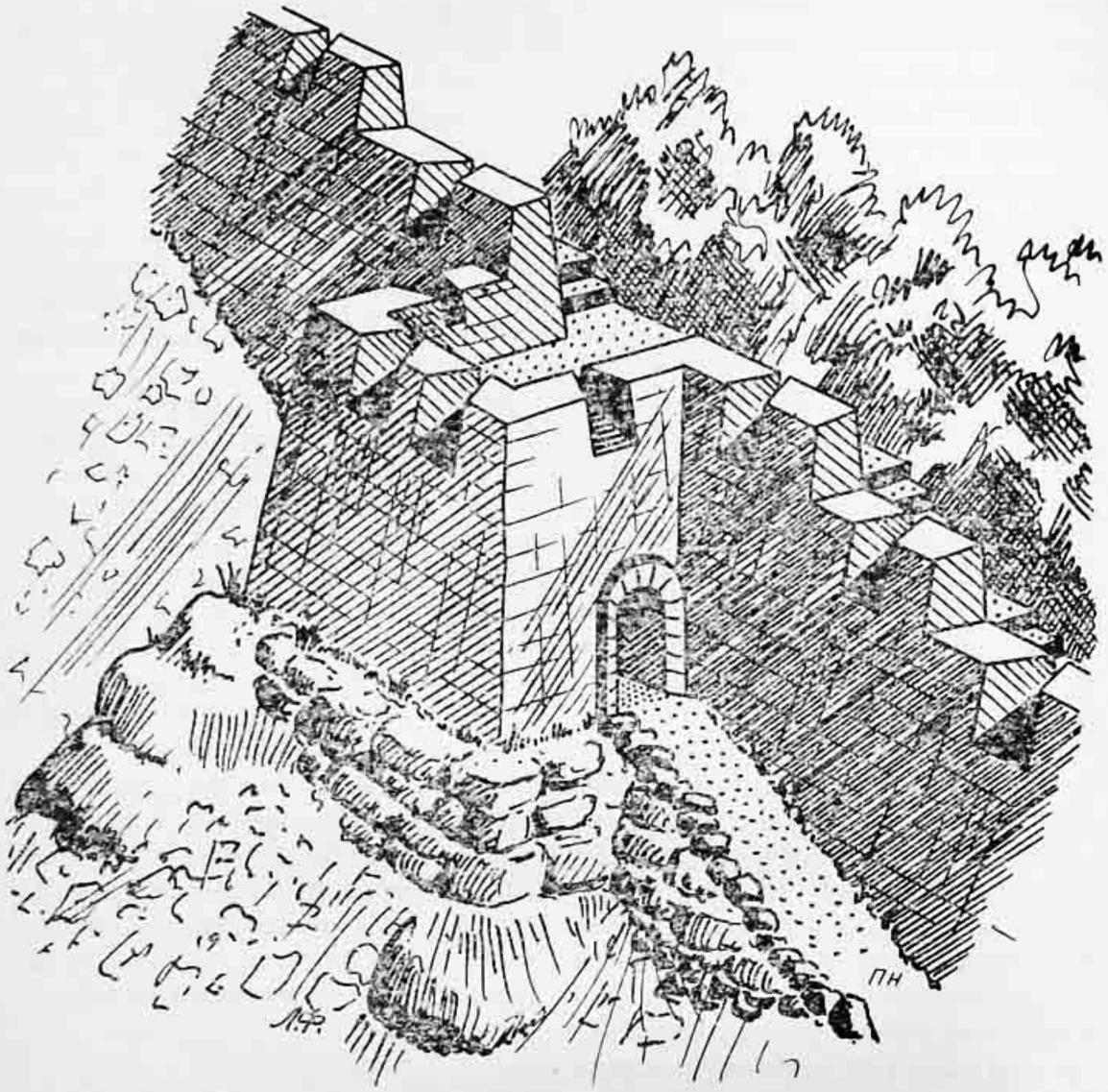


Рис. 103. Реконструкция северной стены и второй башни.
Пн — пандус. Конфигурация и размещение бойниц даны в условной прорисовке.

щую характеристику — особенностей кладки, строительных приемов и т. д. Однако это уместнее сделать после краткого обзора западного и южного рубежей обороны укрепления, поскольку общая характеристика должна содержать материал для ответа и на некоторые общие вопросы.

З а п а д н ы й р у б е ж о б о р о н ы. Западная скальная гряда известняков, ограничивающая плато горы, имеет протяженность около 175 м, возвышается над плато на 2—10 м и круто обрывается в сторону Лименской долины. В целом она не менее неприступна, чем восточная гряда (см. рис. 91, 93), но имеет несколько поперечных расселин, которые могли быть использованы в качестве проходов. Беглое ознакомление П. И. Кеппена с укреплением привело его к ошибочному заключению, что западный рубеж представляет собой искусственно выложенную оборонительную стену, аналогичную се-

верной стене укрепления. Естественное происхождение западной скальной гряды не вызывает сомнений. Местами эта гряда дала обрушения внутрь укрепления, и гигантоглыбовые развалы перекрыли остатки жилых построек, как, например, между пунктами разведочных раскопок I и II (см. ниже; рис. 93).

В западной гряде имеется по крайней мере пять поперечных расселин, которые были перегорожены крупноглыбовыми завалами и дополнительными стенками.

1. В северной части гряды, на западном фланге северной оборонительной стены, как отмечалось, глубокая расселина была завалена глыбами известняков и выход ее на плато перегорожен стенкой, в соседстве с жилыми постройками.

2. В 10—15 м южнее (возле жилых построек пункта IX, см. рис. 93) узкая расселина также была заложена крупноглыбовой кладкой и мелкими блоками известняка. Здесь обнаружены остатки вяжущего раствора.

3. В 85—90 м к югу от северного окончания скальной гряды довольно широкий проход завален глыбами и перегорожен средне- и мелкоблочной стенкой толщиной 1—1,3 м, выложенной на вяжущем известковом растворе. Стенка сохранилась очень плохо.

4. В 110 м к югу от северного окончания гряды, рядом с пунктом III (см. рис. 93), узкий проход в скальном гребне имел средне- и мелкоблочное перекрытие на известковом растворе. По-видимому, здесь же имелась дополнительная кладка, усиливавшая скальный парапет, высота которого не превышала 2,5 м над уровнем примыкающего участка плато.

5. Наконец, в 135 м от северного окончания скальной гряды, на стыке с южным рубежом обороны, широкий проход между гребнями известняка, наиболее доступный для проникновения на плато от юго-западного подножия горы, был перегорожен средне- и мелкоблочной стеной шириной не менее 1,5 м и длиной до 10 м. От нее остались лишь незначительные следы. В почве здесь присутствуют известковая крошка и гравийно-галечный материал — остатки вяжущего раствора.

В общем глыбовые завалы расселин весьма хаотичны и представляют собой непреодолимую преграду. Наличие здесь остатков стенок, выложенных на известковом растворе, позволяет считать, что усиление западного рубежа обороны производилось одновременно с возведением северной стены укрепления. Суммарная длина закладов не превышает 20 м.

Ю ж н ы й р у б е ж о б о р о н ы. Находится между южными окончаниями западной и восточной скальных гряд и имеет протяженность около 80 м. Плато горы здесь перегорожено отдельными скальными блоками известняков с крутыми и вертикальными стенками и круто обрывается в сторону моря (см. рис. 93). Южный склон горы, с уклоном в среднем около 40°, представляет собой хаотическое нагромождение небольших скал, гигантоглыбовых развалов и осыпей и доступен лишь для энтузиастов скалолазания. Поэтому не удивительно, что здесь оборонительные сооружения не обнаружены, за исклю-

чением одного пункта. Этим пунктом является выход на плато из южного кулуара. Он находится между вертикально возвышающимися известняковыми блоками внушительных размеров. Путь в кулуар от подножия горы проходит по осыпям и развалам и заканчивается крутым и узким проходом, ширина которого не превышает 8—12 м.

Крутой склон плато перегорожен здесь стеной. Она представляла собой крепиду высотой, вероятно, не более 2,5—3,0 м, сложенную из средних и крупных необработанных блоков известняка. Мощность крепиды достигала 1,2—1,5 м, возможно, несколько больше. Очень вероятно, что крепида увенчивалась парапетом или даже стеной полного профиля с парапетом, причем верхняя часть ее имела высоту не менее 2,5 м, так как служила одновременно стеной для двух жилых построек (см. рис. 93, пункт IV). Южная стена довольно хорошо сохранилась в западной и средней частях, тогда как ее восточный фланг полностью разрушен, а на поверхности обнажено скальное основание кулуара.

Особенности кладки оборонительных сооружений. Прежде всего обращает на себя внимание трапецеидальность и геометрическая правильность поперечного профиля северной оборонительной стены и близость ее размеров к параметрам стен других южнобережных укреплений. Максимальная ширина стены у основания не превышает, как правило, 2,5—2,7 м при ширине по верху, на уровне сохранившихся рядов кладки, около 1,8—2,2 м. Панцири стены наклонены друг к другу, наружный — несколько положе, чем обращенный к крепости, что в условиях довольно крутого склона под основанием стены обеспечивает ее поперечную устойчивость.

Для возведения северной стены и стен на других рубежах укрепления использован исключительно местный материал. Это необработанный, но довольно хорошо подобранный известняковый бутовый камень. По размеру использованного камня сооружения на горе Кошка могут быть отнесены в целом к мелко- и среднеблочным. Приблизительное представление о размерах камня дают следующие цифры. Объем камня с максимальным поперечником до 0,2 м составляет 30 %, 0,2—0.5 м —40, 0,5—1,0 м — 20, более 1,0 м — 5 %. При этом учтен и объем забутовки в стенах.

Структура северной стены, как и других сооружений, панцирная. Панцири наружной и противоположной сторон мощностью от 0,5 до 0,7 м и более в общем однотипны, но для наружного панциря использован в среднем несколько более крупный материал, чем для внутреннего (рис. 104). Панцири представляют собой как бы однослойную облицовку стены. Между ними находится забутовка, состоящая из более мелкого камня и щебня. Подобная структура свойственна стенам всех южнобережных укреплений в полосе от Алушты до Ласпи.

Кладка панцирей выполнена тщательно, с хорошей подгонкой блоков друг к другу, с учетом их формы и размеров. Камни уложены более или менее правильными горизонтальными рядами, которые наиболее заметны в тех участках стены, где она меньше всего деформирована последующими оползаниями. Поскольку основание северной стены опускается от восточного фланга к западному на 18 м, горизонтальные ряды кладки панцирей как бы поднимаются над основаниями в западном направлении.

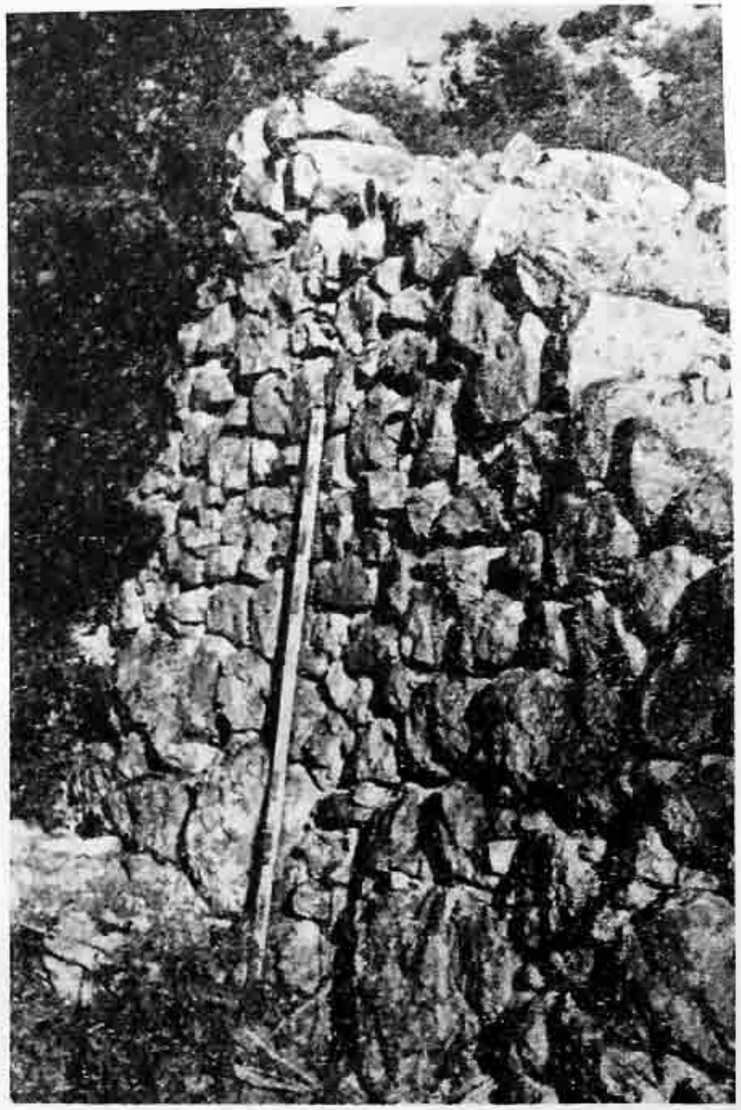


Рис. 101. Третья куртина северной стены в районе точки *21*, вид наружного панциря. Внизу — крупноглыбовая кладка, в средней и верхней частях — мелко- и среднеблочная кладка. В основании стены — крупноглыбовый завал желоба в скальном основании.

Особо следует отметить наличие третьего панциря, проходящего приблизительно по осевой плоскости стены и обращенного лицевой поверхностью вовнутрь стены. Он достаточно хорошо сохранился там, где остатки стены имеют высоту от основания 2 м и более. При трехпанцирной структуре в стене выделяются и две зоны забутовки, причем внутренняя зона менее мощная. Кладка третьего, внутреннего, панциря однотипна с кладкой наружного и внутреннего панциря. Я отождествляю его с внутренним панцирем парапета стены, который возводился, несомненно, одновременно со всем

монолитом оборонительного сооружения. Такое же трехпанцирное строение, как мы видели, имеют оборонительные стены и в других укреплениях, причем на Аю-Даге удалось установить, что третий панцирь начинается буквально от основания стены.

Как отмечалось, южная стена имеет несколько иное строение и представляет собой крепиду, над которой, очевидно, возвышалась стена-парапет высотой не менее 2,5 м. В отличие от северной стены она выполнена из более крупных каменных блоков и является однопанцирным сооружением, выложенным довольно четко выдержанными горизонтальными рядами.

Особенностью использованного для строительных сооружений материала является отсутствие следов его обработки. В общей сложности не более десятка раз мне довелось наблюдать незначительные следы подтески каменных блоков. Использование естественного камня, обладающего достаточно удобной для кладки формой, характерно для всех южнобережных укреплений.

6

Развернулась дискуссия о гигантоглыбовой кладке. Когда обмеры северной стены, исследование ее кладки и кладки башен, находки известкового вяжущего раствора показали, что Лимена-Кале во многом подобно другим раннесредневековым укреплениям Южного берега Крыма и даже однотипно с ними, стало очевидно, что тавры не причастны к его строительству, во всяком случае в том его объеме, в котором оно сохранилось к настоящему времени. Единственно, в чем могло бы проявиться таврское участие, это небольшие зоны гигантоглыбовой кладки в отдельных участках северной стены, гигантоглыбовые завалы расселин в западной скальной гряде и крупноглыбовая кладка южной стены-крепиды. Рассмотрим вопрос о гигантоглыбовой кладке несколько подробнее.

Зоны гигантоглыбовой кладки обнаружены в следующих пунктах.

1. В средней части второй куртины северной стены на участках длиной 3 и 4 м, при высоте от основания до 1—1,5 м. Плитообразные и квадрообразные глыбы размером от 0,5 до 1,3 м уложены в основание стены горизонтальными и в общем регулярными рядами. Гигантоглыбовая кладка выравнивает западины рельефа в основании стены. Лицевая поверхность наружного панциря в зоне этой кладки очень неровная, как бы ступенчатая, со средним наклоном около 70°, что создает впечатление отлива или упора.

2. В основании первой башни. Здесь гигантоглыбовая кладка еще более регулярна (см. рис. 99). Стоит лишь отметить, что в рисунке кладки основания и самой башни нет принципиальных отличий. Гигантоглыбовое основание в плане повторяет очертания башни, глыбы уложены горизонтальными рядами, углы основания хорошо проработаны и имеют перевязь.

3. В основании второй башни (см. рис. 101). Здесь кладка образует прочную платформу башни.

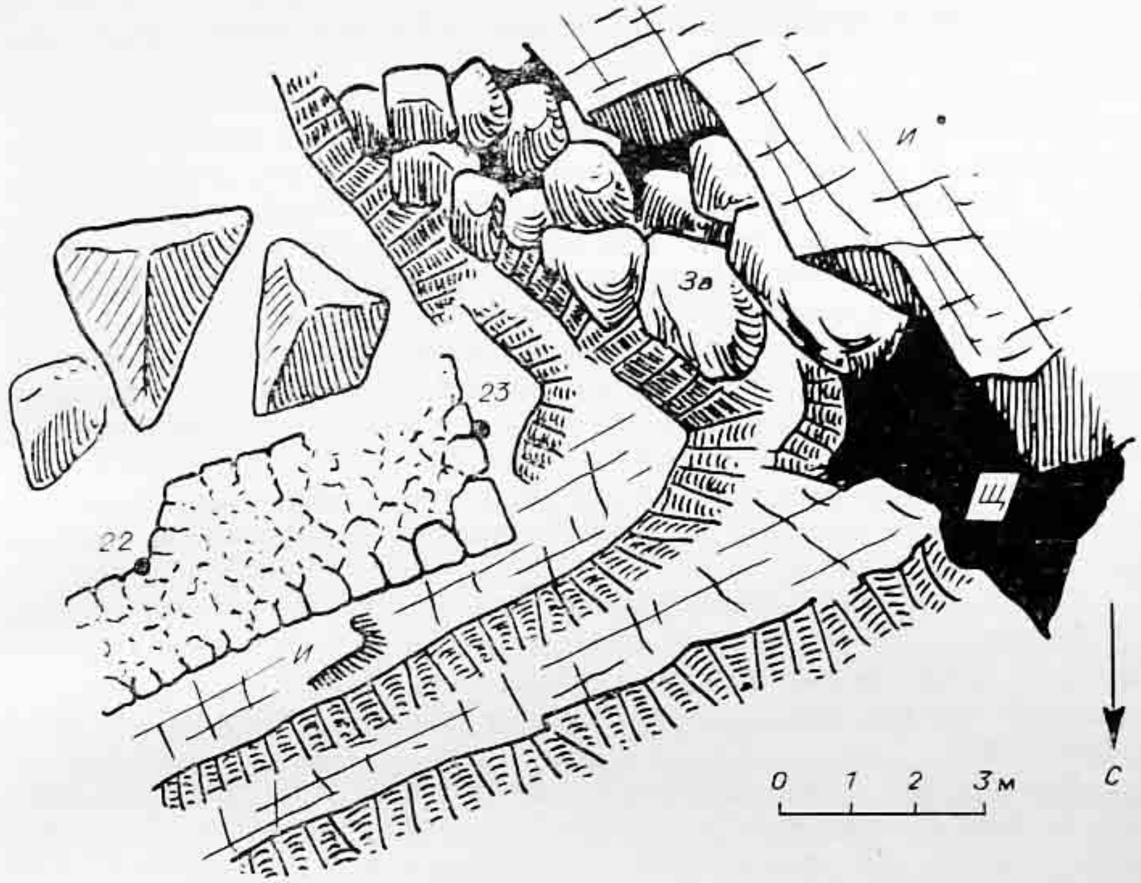


Рис. 105. Западный фланг северной стены (третья куртина).

22, 23 — точки съемки. И — скальные выходы известняков северного окончания западной скальной гряды; Щ — глубокая щель; Зв — завал щели. Ориентировка схемы — обратная (север — внизу).

4. В основании пандуса к калитке второй башни (см. рис. 98, 99). Это основание может быть ошибочно принято за остатки ранней гигантоглыбовой стены несколько иного направления, чем направление мелко- и среднеблочной северной стены. Гигантоглыбовая кладка и в данном пункте выравнивает западину в рельефе. Ниже видна мелко- и среднеблочная кладка обычного типа. Вместе с основанием башни пандус представляет собой единое и, безусловно, синхронное сооружение.

5. В средней части третьей куртины северной стены. Зона гигантоглыбовой кладки тянется здесь на 6 м, высота ее — 1,2—1,5 м (см. рис. 94, 104). Она покоится на гигантоглыбовом завале крупного желоба в склоне; этот завал прослеживается с тыльной стороны стены, в пределах пристенной постройки (пункт VIII, см. ниже). Наклон лицевого панциря в зоне этой кладки около 70°, выше — около 80°, направления кладок совпадают.

6. На других участках северной стены, на разных уровнях (фланговые бастионы, противооползневый панцирь, подпорная стена-парапет против входа в укрепление и др.). Спорадически встречающиеся глыбы известняка достигают 0,8—1,2 м и даже 1,5 м.

7. В глубокой расселине у западного флангового бастиона северной стены. Расселина перекрыта мощным завалом из гигантских

глыб (рис. 105), сброшенных с соседних скальных выходов известняков.

8. В трех пунктах западной скальной гряды. Как уже отмечалось, заклады расселин выполнены здесь из очень крупных глыб, но имеется и кладка обычного типа.

9. В южной стене-крепиде. Крупность глыб здесь относительна. Квалифицировать кладку южной стены как мегалитическую нельзя. Доставка материала к месту возведения южной стены не требовала больших усилий, поскольку материал этот находится буквально над головой или в нескольких шагах. При крутом уклоне верхней части кулуара мелко- и среднеблочная стена не смогла бы выполнить назначение крепиды; следовательно, возведение стены из крупных глыб диктовалось условиями места.

В общем гигантоглыбовая кладка в северной стене составляет не более 5 %, а в целом во всем укреплении, учитывая и завалы расселин, — около 15 %.

Особое внимание нужно обратить на следующие обстоятельства.

Гигантоглыбовая кладка находится там и только там, где поблизости имеются развалы подходящего по размеру материала или скальные выходы известняков, главным образом с тыльной стороны укрепления.

Все участки гигантоглыбовой кладки имеют отчетливо выраженное назначение выровнять западины рельефа или уменьшить крутизну склона под основанием северной стены и под основаниями башен, создать противооползневые контрфорсы-крепиды или перегородить узкие расселины в скальных грядах. Поэтому участки гигантоглыбовой кладки и гигантоглыбовых завалов очень локальны, а в целом использование крупного материала весьма экономно.

По своему характеру кладка в гигантоглыбовых зонах подобна кладке в панцирях северной стены и в целом регулярна (горизонтальные ряды, хорошая подборка глыб, некоторая квадрообразность кладки, четкая проработка углов).

Гигантоглыбовость материала в подобных зонах, разумеется, относительна. Далеко не всегда и панцири северной стены, и стены других сооружений могут быть отнесены к разряду мелко- или среднеблочных; блоки размером 0,5—1 м и крупнее составляют в них по меньшей мере до 10 % объема.

Я не могу найти ни одного пункта, в котором планировка гигантоглыбовой кладки существенно отличалась бы от планировки северной стены и сооружений на других рубежах обороны плато. Зоны этой кладки органически сливаются с мелко- и среднеблочными сооружениями.

Представим себе на минуту, что северная стена действительно была выложена на развалах какой-то более ранней, скажем таврской, циклопической стены. При этом нужно будет дать приемлемое объяснение по крайней мере следующим моментам.

1. Почему эта ранняя циклопическая стена, несомненно значительно более устойчивая, чем стена из мелких и средних блоков, так полно развалилась или была разрушена за время, видимо,

много меньше (от поздней таврской поры до момента строительства раннесредневекового укрепления), чем время разрушения мелко- и среднеблочных стен (с момента их строительства до настоящего времени)? А ведь и в современном виде они представляют собой весьма внушительное сооружение!

2. Куда делись развалы этой ранней циклопической стены? Ни в ближайшем соседстве, ни даже по склону мы не находим таких раскатов глыб, которые могли бы указать на былое существование громадной оборонительной стены полного профиля. Нельзя всерьез полагать, что циклопическую таврскую стену преднамеренно и методически растаскивали по глыбам от верха и до основания и оставили от нее лишь жалкие остатки с единственной целью — обеспечить археологов наших дней хотя бы крупицей информации о «раннем строительном периоде»!

7

Еще в 1959 г. мной был обнаружен известково-галечный раствор в северной оборонительной стене укрепления на горе Кошка, о чем тогда же было сообщено П. Н. Шульцу. Эта находка не являлась полной неожиданностью. О признаках известкового раствора в стене укрепления писал еще П. И. Кеппен [7]. Много позднее известковый раствор наблюдал здесь сотрудник Симеизской обсерватории В. А. Алибицкий. Однако в отчете экспедиции 1950 г. П. Н. Шульц подчеркивал, что «сейчас ни в одном из сохранившихся участков стен никакого раствора не видно»[8]. Но это — глубочайшее заблуждение, в чем убедился и сам П. Н. Шульц летом 1963 г.

Открытие автором летом 1959 г. известково-галечного вяжущего раствора на стенах Алупка-Исара на горе Крестовой послужило толчком для его тщательных поисков и в укреплении на горе Кошка. Оказалось, что присутствие в северной стене гашеной извести, морской гальки и гравия бросалось в глаза буквально на каждом шагу.

В описании укрепления на скале Панея (см. след. главу)* я попытался осветить причины плохой сохранности известково-галечных и известково-гравийных растворов в стенах южнобережных укреплений. Повторю: причиной являются сильно действующие факторы физического выветривания. Именно поэтому большинство кладок южнобережных укреплений производит впечатление «сухих». Однако почти всегда в глубине панцирей стен и в забутовке находятся хотя бы небольшие участки кладки, прочно сцементированной известковым раствором; во всяком случае, повсеместны и обильны известковая крошка, известняковая, алевролитовая и сланцевая галька и гравий того же состава. Они переполняют развалы стен, почву в соседстве с развалами и служат неоспоримым свидетельством того, что стены эти были сложены не «сухой» кладкой. Нужно находиться под очень сильным впечатлением кажущейся «сухости»

---

* Главы этой в бумагах Л. В. Фирсова не оказалось. (*Ред.*)

кладки или во власти гипотезы о древности южнобережных укреплений, чтобы не заметить подобных фактов.

Точно так же обстоит дело и в Лимена-Кале на горе Кошка.

Ниже указаны пункты находок известкового раствора (или его ясных признаков) в этом укреплении.

1. Остатки стен караульной площадки и на поверхности самой площадки — крошка извести, известняковые галька и гравий.

2. Панцири и забутовка привратной стены — те же самые остатки и участки хорошо сохранившегося прочного раствора.

3. Панцири и забутовка привратного бастиона — такие же остатки. Во время расчистки ворот и бастиона найдены целые куски прочного раствора, использованные для лабораторного исследования.

4. Привратный парапет — такие же остатки.

5. Первая куртина северной стены — раствор и его остатки обнаружены по всей куртине, как и в противооползневом панцире, и на участках крупно- и гигантоглыбовой кладки в основании стены, и по всей высоте стены.

6. Первая башня — крупноглыбовый ярус и ярус обычной кладки.

7. Вся куртина северной стены, включая дополнительный (второй) внутренний панцирь.

8. Вторая башня — крупноглыбовый ярус, панцири и забутовка самой башни (см. рис. 101, 102), развалы пандуса. В швах кладки башни после их зачистки были обнаружены многочисленные «перемычки» неразрушенного или слабо разрушенного раствора, образцы которого взяты для исследования.

9. Третья куртина северной стены и фланговый западный бастион. Только на коротком, сильно рассевшемся участке стены между точками 20, 21 известковая крошка и галька попадаются исключительно редко, однако в почве ниже по склону они обильны. Очевидно, остатки раствора были выдуты из швов кладки. Из кладки флангового бастиона взяты образцы сохранившегося прочного раствора.

10. Отдельные заклады расселин западной скальной гряды. В швах кладки и в осыпях под закладами крошка извести, галька и гравий весьма обильны.

Далее укажу пункты, в которых раствор не был обнаружен или поиски его давали сомнительные результаты.

1. Привратная крепида — между точками 10, 11. Возможно, в крупноглыбовой кладке крепиды известково-галечный раствор просто не сохранился, его остатки были сметены вниз по крутому склону с осыпями известняков. Галька и гравий в этих осыпях встречаются, но судить о том, происходят ли они из крепиды или из развалов входного устройства, не берусь. Парапет над крепидой, несомненно, был выложен на растворе, о чем свидетельствуют его остатки в швах кладки в точке 10.

2. Крупноглыбовые завалы некоторой части расселин западной скальной гряды. Думается, что его использование здесь было излишне, ибо и без того глыбы так прочно заклинены в расселинах, что выдолбить их оттуда можно только с помощью взрывчатки.

3. Южная стена-парапет. Здесь были предприняты особенно тщательные поиски раствора, так как П. Н. Шульц, соглашаясь в конце концов с нетаврским характером северной стены, все же южную стену продолжал относить к таврскому строительному периоду. Поиски раствора оказались безрезультатными, но это отнюдь не подтверждает мнение оппонента. Дело в том, что именно в этом месте происходит очень интенсивный снос обломочного материала в сторону южного кулуара, а достаточно крупные и открытые швы кладки южной стены легко продуваются ветрами и промываются ливневыми водами. Раствор здесь просто-напросто не мог сохраниться. Ниже по кулуару в осыпях известняков все же изредка попадаются галька и гравий. Надо полагать, что они происходят как раз из южной стены.

4. Стены жилых построек. Известковый раствор в них не был найден ни разу. Это обстоятельство следует отметить особо.

Таким образом, сооружения северного оборонительного рубежа, очень вероятно и южной стены и наверняка отдельные заклады в западной скальной гряде, были выложены на известковом растворе, который находится и в ярусах гигантоглыбовой кладки. В совокупности с другими особенностями кладки этот факт противоречит версии о принадлежности оборонительных сооружений таврскому строительному периоду.

Несколько слов о типе раствора. Это — чисто-белая тонкая и довольно прочная гашеная известь, содержащая от 30 до 70 %, в среднем 40—50 % гальки и гравия. Последние имеют эллипсоидальную форму (галька и гравий пляжей) с гладкой поверхностью, исключительно известковые. Очень редко встречаются сланцевый и алевролитовый гравий. Размер балластных включений колеблется от 3 мм до 3—4 см, редко крупнее, в среднем 10—20 мм. Галька и гравий подобной формы и таких же размеров неисчерпаемы на литорали Симеизской бухты, откуда они, очевидно, и доставлялись в укрепление, но, вероятно, кружным путем, через Обсерваторскую горку и территорию могильника. В известковом растворе присутствует и керамическая крошка красного, оранжевого и малинового цвета (главным образом от черепицы, а также от гончарной посуды), но количество ее не превышает 2—3 %. Изредка в растворе встречаются более крупные обломки черепицы и гончарной посуды.

Наконец, ориентировочные подсчеты показывают, что общий объем крепостных сооружений Лимена-Кале, по-видимому, был не меньше 1500—1600 куб. м; при плотности кладки в панцирях и в забутовке 85 % должно было быть употреблено до 250 куб. м раствора. Известь могла быть приготовлена на месте, не менее 100—150 куб. м гальки и гравия доставлено от берега на высоту более 200 м с расстояния более 3 км по кружной дороге. К этому нужно добавить доставку воды для приготовления раствора. В общей сложности объем перевозок мог составить около 2000 тонно-километров.

Для суждения о времени возведения оборонительных стен на горе Кошка желательно было выяснить и даты жилых комплексов. Дело в том, что предыдущими раскопками жилые комплексы были вскрыты и оконтурены в малой степени, но безоговорочно причислены к таврскому периоду. Мнение свелось чуть ли не к тому, что несколько (не более пяти) раскопанных жилых построек могли быть приняты в качестве морфотипа таврского жилищного строительства. Однако так ли это?

В 1963 г., одновременно с моими обследованиями оборонительных сооружений укрепления, отрядом О. И. Домбровского в согласованно намеченных пунктах (пункты I—VII, см. ниже) были проведены раскопки и расчистки с повторными обследованиями и доделками. Новые материалы по жилым комплексам позволяют сделать по крайней мере два вывода: 1) культурный горизонт с лепной керамикой, относимой к таврскому периоду, действительно имеется на площади укрепления; 2) жилой комплекс в доступном для обследования объеме является средневековым.

Второй вывод также составил предмет жаркой дискуссии. Это, естественно, вызывает необходимость детального и беспристрастного описания всего добытого раскопками материала, выполненного по полевым дневникам.

П у н к т I (рис. 93, 106, 107). В северо-западной части укрепления, в 35 м к югу от западного окончания северной оборонительной стены, к скальному гребню известняков примкнута серия четырехугольных построек, одна из которых, двухкамерная, была расчищена и частично раскопана.

Постройка ориентирована меридионально, в соответствии с направлением скальной гряды. Ее габариты — 5,9×12,7 м, толщина стен — 0,7—1,0 м, площадь северной камеры — не менее 22 кв. м, площадь южной камеры — около 21 кв. м. Западная часть камер завалена осыпями. Стены постройки сохранились в высоту на 0,5—1,2 м, высота средней поперечной стенки достигает 1,4 м. Они сложены из средних (0,2—0,5 м) и крупных (0,5—1,2 м) глыб известняка, имеющих плитообразную и квадрообразную форму, обязанную естественной расчлененности скальных монолитов (по слоистости и ортогональным тектоническим трещинам). Неоспоримых следов подтески глыб я не обнаружил; в подтеске, по-видимому, не было необходимости при естественной форме глыб. Глыбы и блоки уложены в стенах весьма плотно и хорошо подогнаны друг к другу, так что общий объем швов и пазов в кладке не превышает 10—15 %. Следов вяжущего раствора не оказалось. Швы и пазы плотно забиты суглинистой красновато-коричневой массой, в которой найдены мельчайшие остроугольные обломки гончарной керамики и столь же мелкие и сильно истертые обломки лепной черно- и сероглиняной посуды. Возможно, эта масса имела назначение если не вяжущего раствора (кладка стен постройки и без того устойчива), то наверняка герметизирующего материала. Не исключено, конечно,

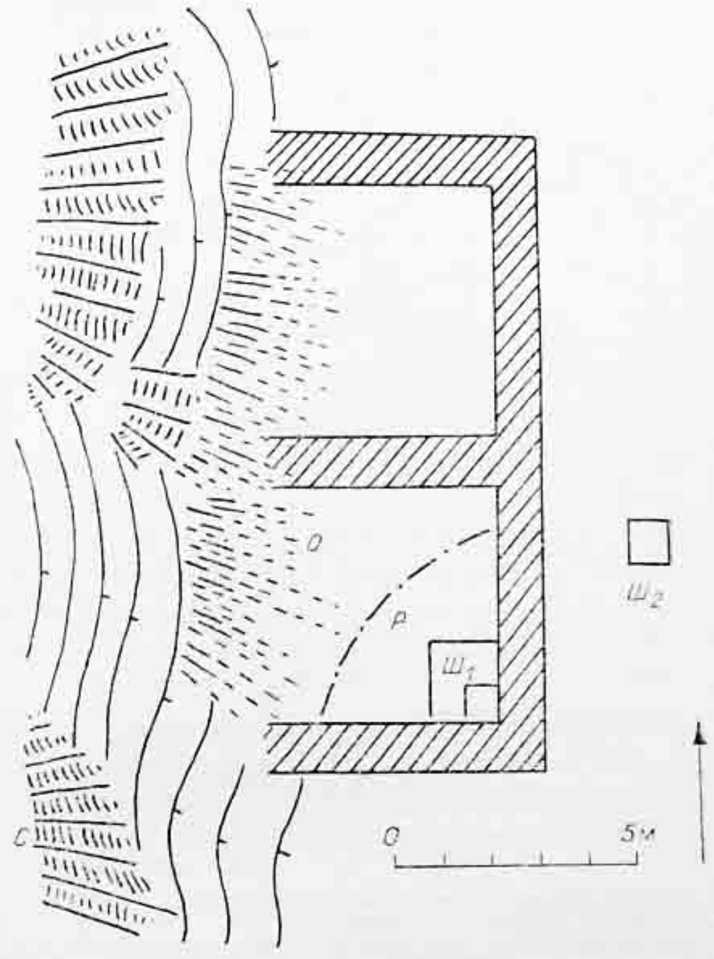


Рис. 106. План двухкамерной жилой постройки в пункте I.
С — скальные выходы известняков; О — осыпи; Р — зона расчистки завала; $Ш_1$ — площадь шурфа в юго-восточном углу постройки; $Ш_2$ — шурф рядом с постройкой. Стены постройки заштрихованы.

что суглинок в швах кладки отчасти естественного происхождения.

Обращает на себя внимание система кладки известняковых блоков. Они уложены то плашмя, то торчком, вдоль или поперек, часто в два слоя по ширине стены. Поэтому кладка имеет характер некоторой регулярности при довольно четкой горизонтальности налегающих друг на друга рядов.

Расчистка юго-восточного угла южной камеры и заложенный здесь шурф показали следующее.

От основания стены камера заполнена слоем щебня с суглинком и перегнойным материалом, мощность его достигает 0,3 м. В этом слое А (см. рис. 107) найдены обломки красно- и оранжевоглиняной посуды, красно-, оранжево- и коричневоглиняной черепицы с профилями и размерами бортиков, обычными для средневековой черепицы, и несколько мелких обломков мисок с желто-зеленой поливой.

Основания стен постройки и слой А налегают на слой Б мощностью 0,2—0,35 м, состоящий из темно-коричневого песчанистого суглинка с небольшим количеством мелкого щебня и многочисленными обломками лепной посуды, редкими мелкими обломками костей животных и раковинами пателл. Из слоя Б в границах шурфа было извлечено более 50 обломков лепной посуды, в основном черно- или сероглиняной, с комковатым песчанистым тестом, плохо обожженной. Они сильно истерты и размыты (углы и грани расколов закруглены или притуплены). В том же слое Б найдено несколько обломков гончарной керамики с красным черепком. Нижний ряд кладки стен постройки перекрывает слой Б, что проверено подкопом под основание продольной стены.

Слой Б перекрывает щебнисто-суглинистый материал, вскрытый шурфом на глубину до 0,3 м, в котором присутствует мелкая и немногочисленная крошка черноглиняной лепной керамики. Этот нижний слой В, в сущности, немой.

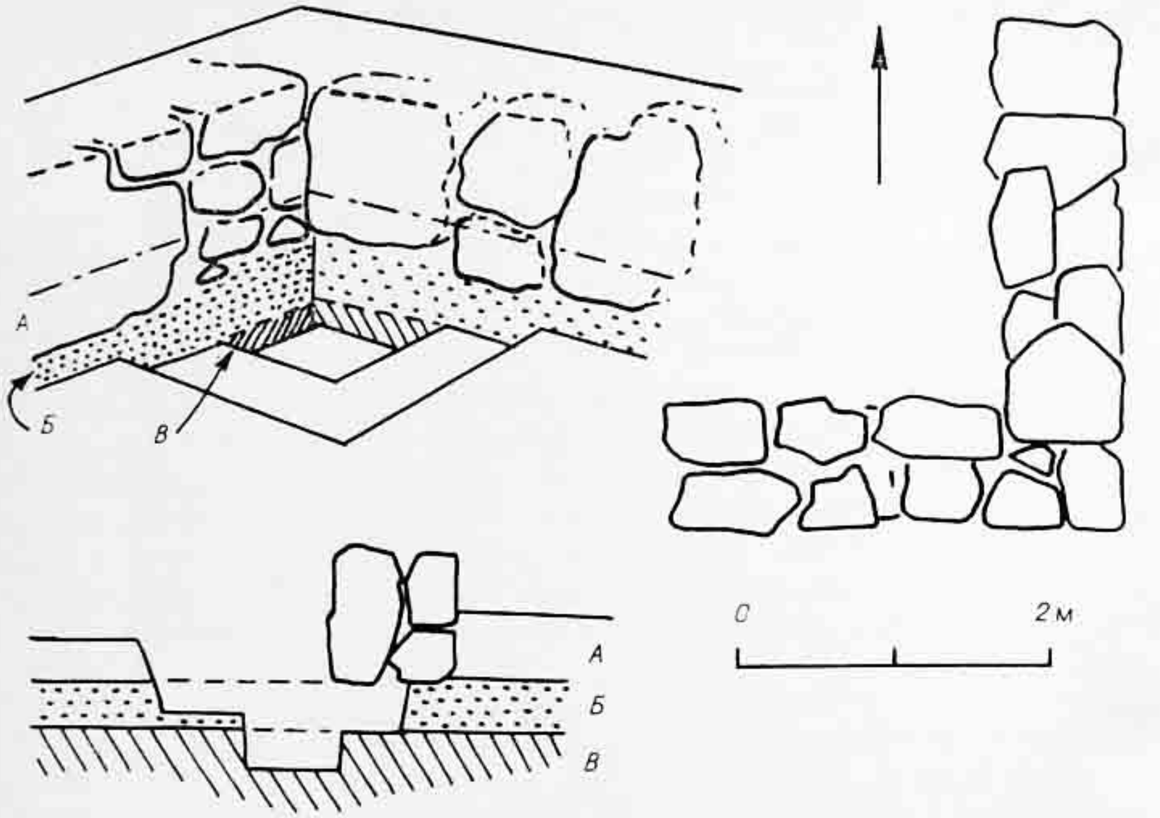


Рис. 107. Пункт I.

Вверху слева — юго-восточный угол постройки и шурф в пункте I; внизу слева — разрез шурфа и подкопа под основание продольной стены, справа — план юго-восточного угла и характер кладки стен. А — слой со средневековой керамикой; Б — слой с обломками лепной посуды; В — щебенисто-суглинистый слой без культурных остатков.

Таким образом, стены постройки возведены на слое Б с лепной керамикой. Поверхность этого слоя в пределах жилой камеры несколько уплотнена. Сама камера заполнена слоем А с гончарной керамикой и черепицей, относящимися, несомненно, к средневековью. По-видимому, для герметизации постройки строителями был использован суглинистый материал слоя Б, что и объясняет нахождение в швах кладки мелких истертых обломков лепной посуды.

Обращает на себя внимание еще одна деталь, которая, вероятно, типична для жилого комплекса Лимена-Кале. В 1 м к востоку от продольной стены постройки мной был пройден шурф сечением 0,8×0,8 м и глубиной 0,75—0,8 м. Он вскрыл (сверху вниз): тонкий почвенный слой; суглинистый слой мощностью 0,1—0,15 м с редкими мелкими обломками лепной керамики, также сильно истертыми; суглинисто-щебнистый слой без культурных остатков. Таким образом, слой Б с лепной керамикой продолжается и за пределами жилой постройки и почти выходит на поверхность, но его мощность сокращена, что обусловлено, по-видимому, его смывом или выдуванием. В пределах постройки он был защищен от уничтожения остатками стен и сохранился полностью. Эта же особенность отмечена в ряде других пунктов, и ниже я к ней не буду возвращаться.

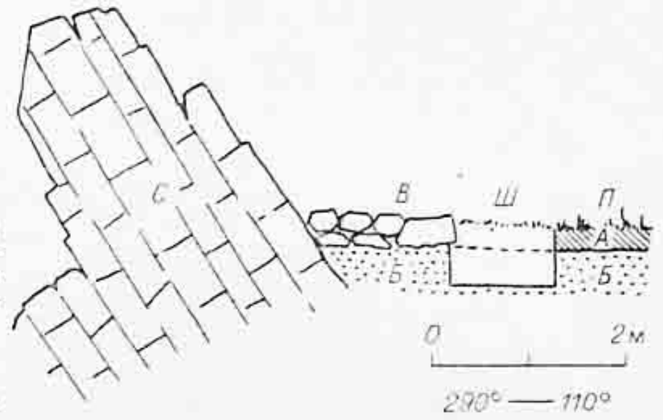


Рис. 108. Стратиграфия шурфа и рельеф в районе пункта II.

С — скальные выходы грубослоистых известняков; В — остатки вымостки из известняковых глыб; П — тонкий слой почвы; А — слой со средневековыми остатками; Б — слой с лепной керамикой; Ш — контур шурфа и подкопа под вымостку.

Пункт II (рис. 93, 108). В соседстве с западной скальной грядой открыта глыбово-плитчатая вымостка шириной 1,4 м и толщиной 0,3 м. Она тянется вдоль основания гряды по крайней мере на 10—12 м. Возможно, что это — нижние ряды кладки мощной стены выложенной с тыльной стороны скальной гряды. Здесь мы заложили шурф с небольшим подкопом под вымостку; было установлено следующее.

Почва, очень маломощная, находится на уровне сохранившегося ряда кладки. Ниже и до основания вымостки залегает щебнисто-суглинистый слой А мощностью до 0,25 м. Еще ниже вскрыт на глубину до 0,4 м щебнистый с суглинком слой Б, на котором покоится нижний ряд кладки вымостки.

В слое А найдено два десятка обломков черепицы с разными профилями бортиков, неодинаковым тестом (тонкое, песчанистое, комковатое; оранжевое, коричневое, красное) и обжигом (от слабого до сильного); пращное ядро — эллиптическая галька известняка с поперечником 4,5—5 см; более 20 мелких обломков тонкостенных гончарных сосудов с оранжево-красным черепком; обломок дна и стенки небольшой чашки с двусторонней темно-зеленой поливой; 12 раковин устриц размером 3—7 см; пять раковин мидий размером 3—5 см; несколько мелких раковин пателл; обломки костей животных и рыб; около двух десятков чешуй камбалы; четыре железных кованых гвоздя с четырехгранным сечением и широкими шляпками (гвозди сильно окислены).

В щебне слоя Б найдено более 40 обломков лепной серо- и черноглиняной посуды. На одном небольшом обломке хорошо заметен рельефный валик. Все обломки лепной посуды сильно фрагментированы и истерты.

Таким образом, основание вымостки перекрывает слой Б с лепной керамикой, тогда как слой А с остатками явно средневекового облика примыкает к ее боковой поверхности. Особенно выразительна в слое А черепица, которая по разнообразию и сумме признаков совершенно идентична средневековой черепице из других южнобережных укреплений *. Присутствие в слое А поливной посуды указывает, возможно, на время не ранее XII в., скорее XIII—XIV вв.

* Подробнее о средневековом черепке см. гл. XV. (*Ред.*)

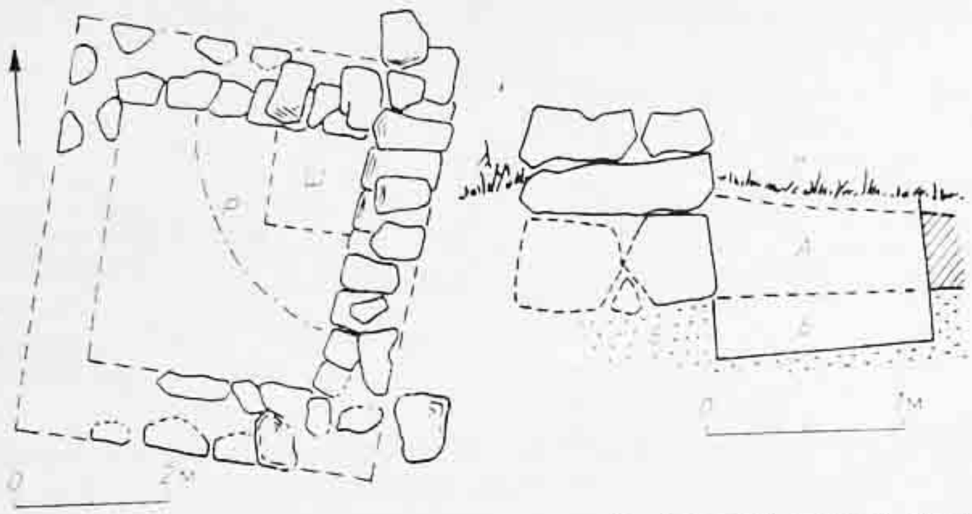


Рис. 109. План (слева) и разрез стены и шурфа (справа) жилой постройки в пункте III.

П — почвенный слой; А — слой со средневековой керамикой; Б — слой с лепной керамикой; Р — зона расчистки северо-восточного угла; Ш — шурф.

Пункт III (рис. 93, 109). Поблизости от начала южного кулуара и южной стены крепиды на поверхности плато хорошо прорисовываются нижние ряды кладки четырехугольной жилой постройки, ориентированной приблизительно меридионально по азимуту 14°. Внешние размеры постройки в плане 5,2×4,6—4,9 м, толщина стен в среднем 0,85 м (от 0,75 до 1,00 м). Лучше всего сохранился северо-восточный угол, почти до основания разрушены северо-западный и юго-восточный углы и полностью разрушена юго-западная часть. В северо-восточном углу расчищен завал и пройден шурф размером 1,2×1,2 м, глубиной 0,7—0,9 м, опущенный ниже подошвы кладки угла на 0,3 м.

Стены постройки сложены из необработанных известняковых глыб среднего размера, параллелепипедальной, часто квадрообразной формы, хорошо подогнанных друг к другу. Глыбы сложены в виде двух панцирей, поставлены стоймя или уложены плашмя, те и другие чередуются. Стены в северо-восточном углу сохранились в высоту до 1,0—1,1 м от основания. Каких-либо следов вяжущего раствора не обнаружено, но швы заполнены суглинистым материалом.

Расчистка и шурф вскрыли тонкий почвенный слой, под которым залегал суглинисто-щебенистый слой А мощностью 0,4—0,5 м, незначительно окрашенный перегнойным материалом; ниже — слой Б мощностью не менее 0,3 м, состоящий из щебенисто-суглинистого материала. Граница слоев А и Б находилась точно на уровне основания кладки стен постройки.

В почвенном слое встречены немногочисленные фрагменты средневековой керамики и крошки черепицы.

В слое А найдены донышко от округлой чашки со следами желтой и зеленой поливы (тесто тонкое, черепок желтовато-коричневый, обжиг хороший); обломок тонкостенной чашки с темно-зеленой по краю и желтой на внутренней поверхности поливой, с бороздчатым орнаментом и бороздчатым рифлением края (черепок оранжево-

красный, обжиг хороший); несколько мелких фрагментов круглодонной чашки со светлой зеленовато-желтой поливой на внутренней поверхности, с плоским краем, усложненным двумя бороздками (тесто тонкое, черепок желтовато-коричневый, обжиг хороший), возможно, данные фрагменты и отмеченное выше донышко принадлежат к одной чашке; десяток мелких обломков тонкостенных (3,5—4,5 мм) кувшинчиков (обжиг хороший, черепок тонкий, оранжево-красный); обломок тонкостенной амфоры с круглой дырочкой (очевидно, для скрепления разбитого сосуда; тесто тонкое, черепок светло-оранжевый, обжиг хороший); несколько мелких фрагментов соленов и бортиков песчанистой кровельной черепицы с красным черепком и один обломок ноздреватой черепицы с оранжевым черепком (вид теста, форма и размеры бортиков и наличие дождевых валиков ясно указывают на средневековую эпоху). В целом находки в слое А могут быть датированы довольно поздним временем, вплоть до XII в.

В слое Б обнаружены разрозненные обломки лепной посуды, в том числе пять фрагментов стенок лепных сосудов толщиной 7—8 мм с темно-серым и черным тестом плохого обжига; один обломок стенки лепного сосуда с красновато-оранжевой поверхностью и лощением на сером плохо обожженном тесте.

Налегание нижнего ряда кладки постройки на слой Б с лепной керамикой и здесь проверено подкопом боковой стенки шурфа.

Пункт IV (см. рис. 93). Фаланстера жилых построек на плато заканчивается у входа в южный кулуар возле крепиды. Хотя эта стена имела, несомненно, оборонительный характер, с внутренней стороны к ней примыкала двухкамерная постройка, от которой сохранились только нижние ряды кладки. Довольно крутой уклон поверхности в сторону кулуара препятствовал сохранению здесь обломочного материала. Поэтому культурный горизонт в пределах постройки и в соседстве с ней уничтожен практически полностью и на поверхности обнажается скальное основание. В незначительных накоплениях щебня найдена только одна бусина из слоистой пасты. По характеру кладки стен и размерам жилых камер данная постройка однотипна с другими. Она расчищалась в 1950 г. П. Н. Шульцем, и из нее был получен средневековый материал.

Пункт V (рис. 93, 110, 111). В центральной расселине среди гигантских известковых глыб, расположенных стоймя или наваленных в беспорядке, хорошо заметны остатки обособленных или примыкающих друг к другу четырехугольных построек описанного выше типа. Сама расселина представляет собой как бы улочку меридионального направления, зажатую между глыбами и скальными гребнями, возвышающимися над ней на 2—5 м и более. Постройки примыкают к крутым и вертикальным стенкам, оставляя узкий извилистый проход. В южной части расселины постройки перегораживают ее целиком. Здесь было выбрано два пункта для разведочных расчисток и раскопок — пункты V и VI.

В пункте V постройка примыкает к вертикальной скальной глыбе известняка, которая возвышается над ней на 6,5 м и составляет

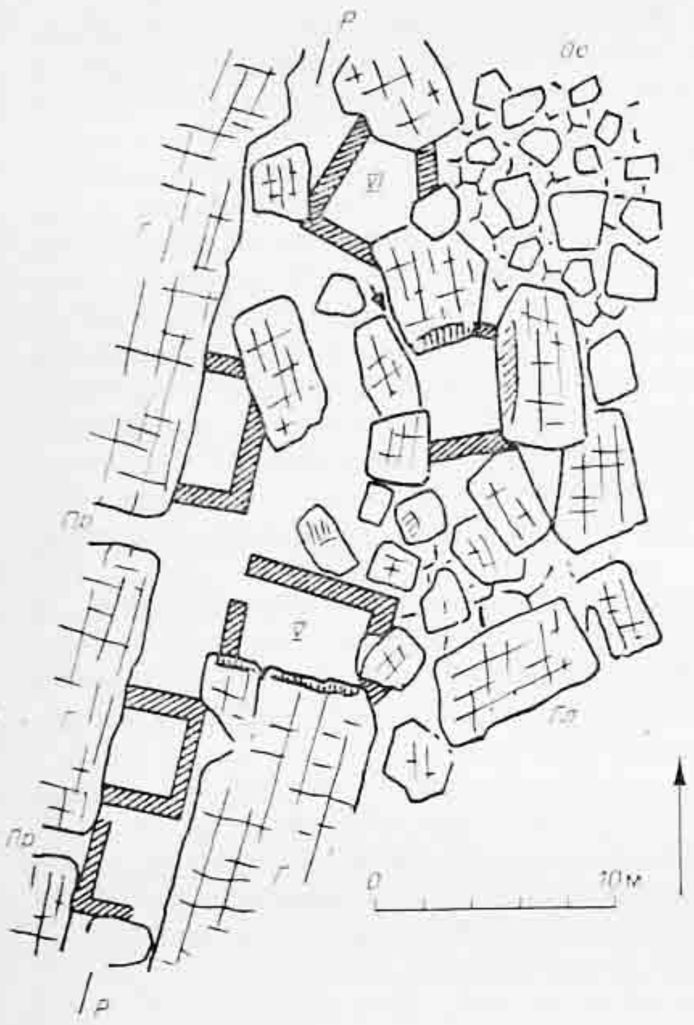


Рис. 110. План одного из участков центральной расселины в плато горы Кошка с комплексом жилых построек.

Г — скальная гряда известняков; Пр — щелевидные проходы в скальной гряде; Гл — гигантоглыбовые развалы; Р — Р — простирание расселины; Ос — глыбовая осыпь западного подножия восточной скальной гряды горы Кошка. V и VI — пункты расчисток и раскопок; остатки кладки стен построек заштрихованы.

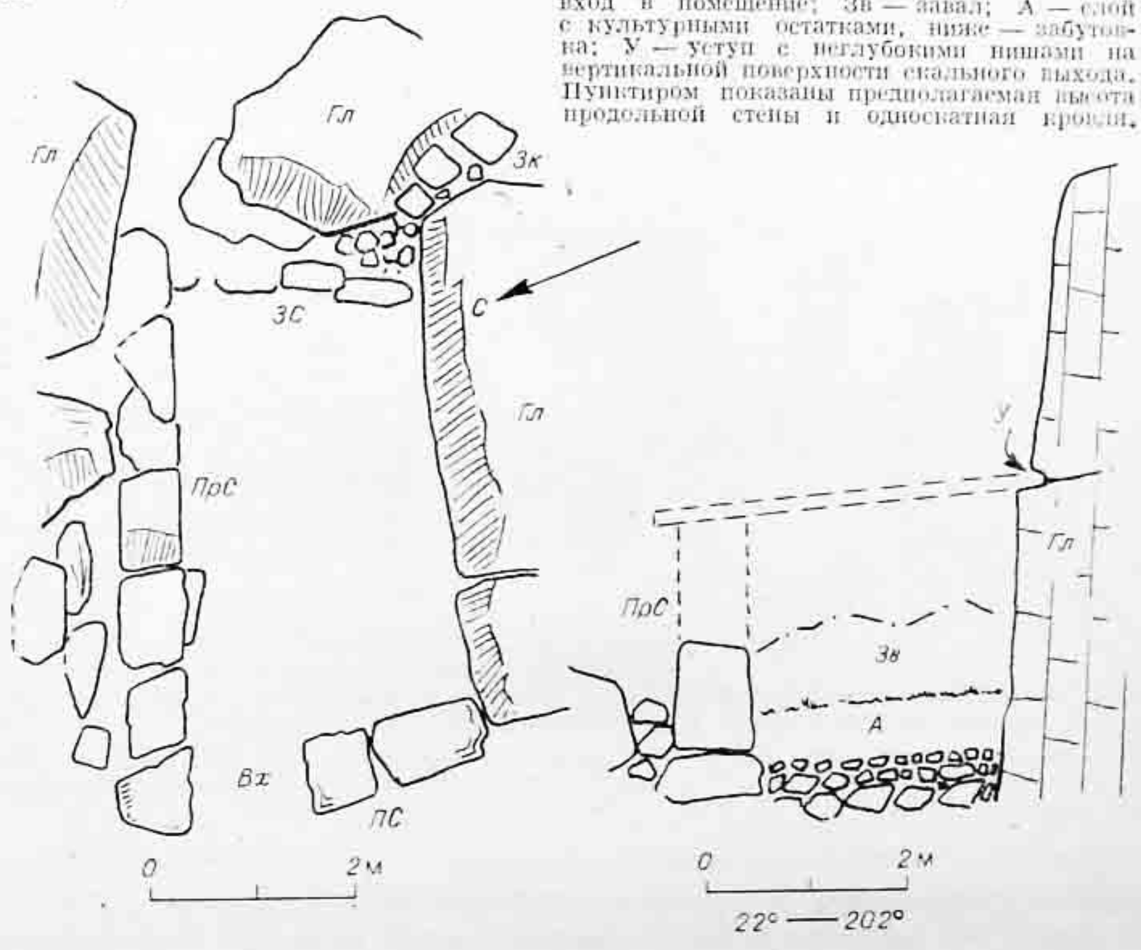
ее южную стену. Сохранились незначительные (не выше 0.5—0,6 м) остатки восточной (задней) стены, прислоненной к нагромождению гигантских глыб; между глыбами был устроен плотный завал. Западная (передняя) стена имела вход шириной около 1.0—1,2 м, обращенный к центру расселины. Северная (продольная) стена постройки сохранилась в высоту от основания до 1,5 м, она ориентирована по азимуту 292°. В плане постройка представляет собой несколько скошенный четырехугольник и имеет размеры в среднем 3,25×5,75 м, толщина стен около 0,7 м (от 0,6 до 0,85 м), размер жилого пространства 2,65×4,35 м, или 11,5 кв. м.

Стены сложены из средних и крупных — до 1 м — квадрообразных необработанных глыб известняка, уложенных и плашмя, и торчком с хорошей подгонкой друг к другу. Крупные щели между глыбами заложены мелкими камнями. Толщина стен определяется размерами глыб при однорядовой в плане кладке. Признаков вяжущего раствора нет, но швы кладки и здесь забиты суглинистым материалом.

Расчистка завала внутри постройки показала, что ниже уровня завала залегает глыбово-щебенисто-суглинистый слой мощностью до 0,5 м, основанный на слое щебенистой и мелкоглыбовой забутовки толщиной 0,5—0,6 м, выравнивающей западины рельефа в основании. Поверхность этой забутовки может быть принята за пол помещения, располагающийся на уровне основания стен, местами выше его на 0,2—0,3 м. В глыбово-щебенисто-суглинистом слое выше уровня забутовки найдены следующие остатки: более 40 фрагментов неорнаментированной черноглиняной слабо обожженной лепной

Рис. 111. План (слева) и разрез (справа) жилой постройки в пункте V.

Гл — гигантские глыбы известняков; ПрС — продольная стена постройки; Пс — передняя стена постройки; ЗС — задняя стена постройки; Зк — заклад щели между глыбами; Вх — вход в помещение; Зв — завал; А — слой с культурными остатками, ниже — забутовка; У — уступ с неглубокими нишами на вертикальной поверхности скального выхода. Пунктиром показаны предполагаемая высота продольной стены и односкатная кровля.



посуды; пять обломков гончарной посуды хорошего обжига с оранжевым черепком — явно средневекового облика; фрагмент стенки горла и плоской ручки амфоры с песчанистым оранжево-красным черепком хорошего обжига; фрагмент стенки гончарного сосуда с неглубоким зональным рифлением, черепок оранжевый, песчанистый, обжиг хороший; осколки мелких костей животных; несколько небольших раковин пателл.

Лепная и гончарная керамика в этом слое перемешана, но обломки лепной керамики отчетливо концентрируются к низу слоя и находятся даже в слое забутовки. Это — единственный случай, когда не удалось достаточно четко расчленить культурные отложения средневекового слоя А и предположительно таврского слоя Б. Возможно, смешение культурных остатков было результатом смешения разнородных слоев при обрушении постройки.

Пункт VI (рис. 93, 112). Севернее пункта V, в 20 м от него был выбран пункт VI для расчистки и раскопки второго жилого строения в центральной расселине плато. Эта постройка зажата между гигантскими глыбами известняков, одна из которых составляет ее северную стену, две другие — частично восточную и южную стены (юго-восточный угол). В плане постройка представляется в

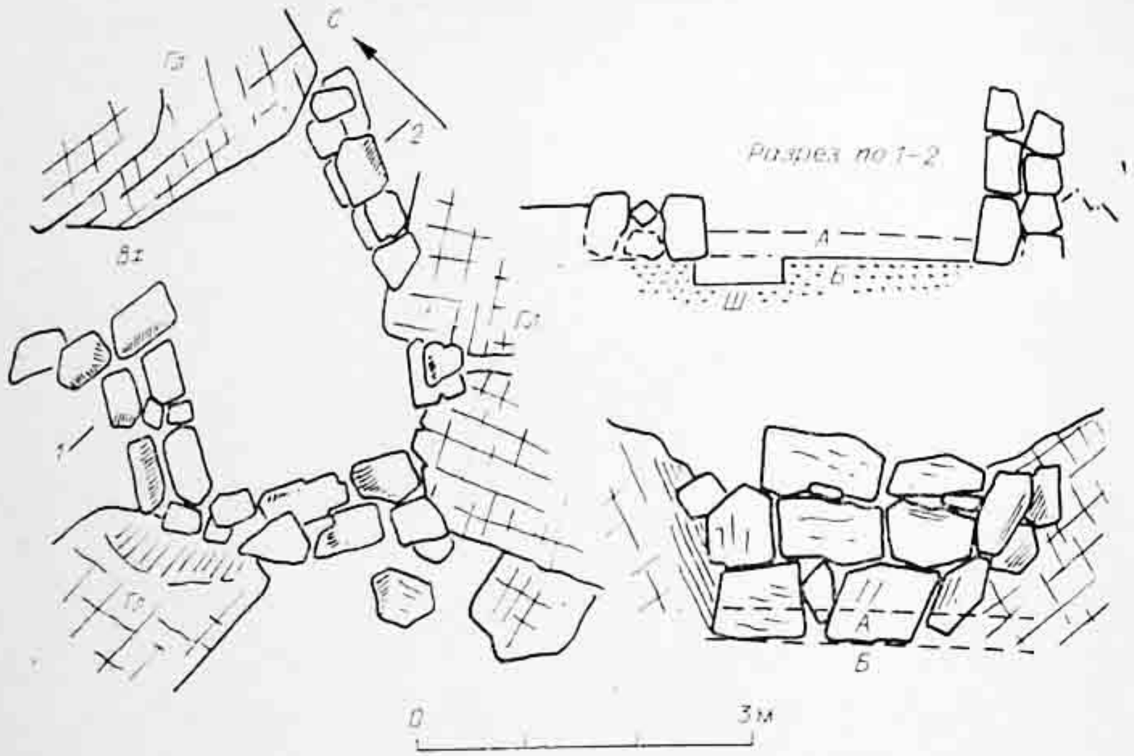


Рис. 112. План (слева), разрез (справа вверху) и внутренняя поверхность восточной стенки (справа внизу) жилой постройки в пункте VI.

Гл — гигантские глыбы известняков; Вх — предполагаемый вход; А — слой с фрагментами средневековой керамики; Б — слой с фрагментами лепной керамики; Ш — контур шурфа и подкопа по слою Б под основание стены постройки.

виде неправильного четырехугольника размером в среднем 3,5×4 м; толщина ее стен — 0,6—0,8, размер жилой камеры — в среднем 2,15×3,15 м, или около 6,8 кв. м. Постройка ориентирована по азимуту 32°. Северный угол ее, примыкающий к гигантской глыбе известняка, развален, но именно здесь можно предполагать вход в помещение.

Кладка стен такая же, как, например, в постройке пункта III и других. Высота сохранившихся стен — 0,5—1,5 м. Использованные для кладки глыбы имеют квадрообразную форму. Следов вяжущего раствора не обнаружено, щели кладки забиты суглинистым материалом и мелким щебнем.

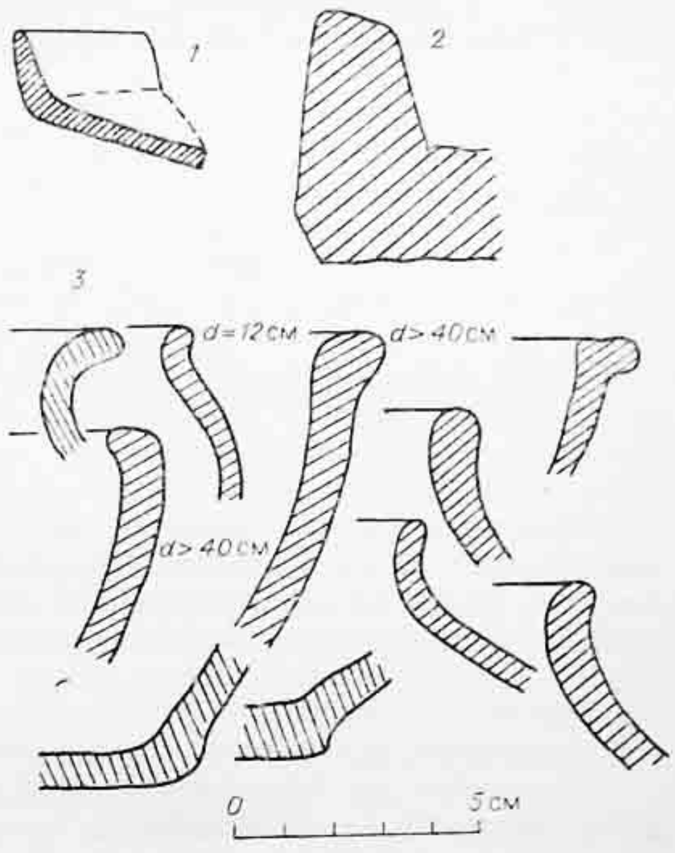
Расчистка завала и раскоп внутри помещения установили, что основание стен и здесь покоится на суглинисто-щебенистом слое Б с лепной керамикой. Верхняя часть этого слоя уплотнена и представляет собой подобие пола. Мощность слоя Б не менее 0,2 м. Стена постройки основана на слое Б, что проверено подкопом.

От уровня «пола» и выше на 0,2—0,3 м жилая камера заполнена суглинисто-щебенистым слоем А с фрагментами средневековой керамики и черепицы. Слой А прикрывался завалом из камней (обрушение стен постройки).

В слое А найдены фрагменты миски с двусторонней светлой, желтовато-зеленой, местами коричневой поливой и других гончарных сосудов, а также обломки средневековой кровельной черепицы

Рис. 113. Фрагменты керамики из раскопа жилой постройки в пункте VI.

1 — венчик поливной чашки (или миски) из слоя А; *2* — профиль бортика кровельной черепицы из слоя А; *3* — профили венчиков и донышек лепных сосудов из слоя Б.



с характерным профилем бортиков и черепка (рис. 113, 2), подобной кровельной черепице Панеи.

В слое Б собрано более 200 обломков лепных кувшинов, мисок и чашек серо- и черноглиняных, неорнаментированных, без лощения (рис. 113). Обломки лепной керамики, хотя и многочисленны, но разрозненны, хаотически перемешаны на разных уровнях слоя с суглинками, щебнем и зольным веществом.

П у н к т VII (см. рис. 93). На террасовидной площадке, к западу от центрального скального гребня известняков, ограничивающего расселину с комплексом жилых построек, был пройден шурф размером 1,0×1,0 м, глубиной до 0,8 м. Ниже тонкой суглинисто-перегнойной почвы залегает суглинок со щебнем известняков, количество которого уменьшается по направлению вниз. Мощность этого слоя около 0,2—0,3 м. Суглинок окрашен гумусовыми кислотами. Ниже и до основания шурфа вскрыт коричневатый суглинистый мелкозем с редким щебнем известняков. Аномальное залегание щебенистого слоя на довольно мощном слое представляет собой остаточный продукт смыва слоя мелкозема (остаточная концентрация крупного материала).

Поиски культурных остатков при проходке шурфа не увенчались успехом. Возможно, культурный горизонт здесь смыт. А может быть, он был незначительным или вообще отсутствовал. Последнее согласуется с отсутствием поблизости следов построек.

П у н к т VIII (см. рис. 93, 94). Между западным окончанием северной оборонительной стены и траверзом второй башни к внутренней стороне стены примыкает четырехугольная постройка размером 6,5×4,5 м с толщиной стен 0,7—0,8 м и площадью жилой камеры около 19 кв. м. Стены этого сооружения сохранились в высоту до 0,5—1,1 м и по характеру использованного материала и кладке подобны стенам описанных построек. Исследование их сочленения с оборонительной стеной показало, что между тыльным панцирем ее и постройкой перевязи нет. Нижние ряды кладки покоятся

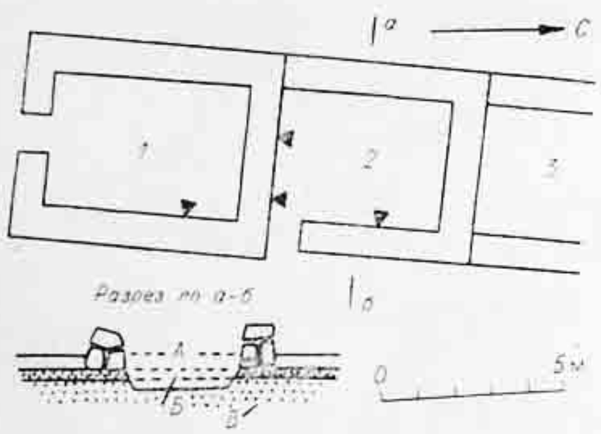


Рис. 114. Ситуация в пункте IX — «двухкамерное» строение, раскопанное в 1950—1955 гг.

1 — южная камера; *2* — северная камера; *3* — следующая к северу камера, точнее, целый ряд камер. Треугольниками обозначены места подкопов под основания стен постройки. Внизу — разрез северной камеры. А — слой со средневековыми остатками, переброшенный в отвал; Б — слой с фрагментами лепной керамики; В — суглинисто-щебенистый делювий без культурных остатков. Пол постройки находился на границе слоев А и Б.

на крупноглыбовом завале с мелкоблочной забутовкой; завал перекрывает желоб в скальном основании. По этому же завалу проходит и основание оборонительной стены, которая имеет ординарный профиль и два яруса кладки, отмеченные выше. Под нижним рядом кладки южной (продольной) стены постройки находится суглинисто-щебенистый материал, в нем присутствуют мелкие и сильно истертые обломки серо- и черноглиняной лепной посуды.

Постройка эта была раскопана П. Н. Шульцем в 1950 г. и очищена вплоть до уровня глыбового завала желоба, по крайней мере на 0,5—0,7 м ниже основания кладки стен, поэтому суглинисто-щебенистый слой под южной стеной постройки в настоящее время доступен для обследования. Однако в выбросах старого раскопа встречаются многочисленные обломки гончарной посуды и кровельной черепицы средневекового облика. Нет сомнения, что стратиграфия в данном пункте была такой же, как и в пунктах III, VI и других, иначе говоря, постройка была возведена на слое с лепной керамикой и сама содержала в пределах камеры слой с гончарной керамикой и черепицей. Слой с лепной керамикой под основанием постройки представляет собой наплыв делювия, сползшего по склону к основанию оборонительной стены уже после ее возведения, но до сооружения четырехугольного строения. Поскольку поперечные стены постройки примыкают к тыльному панцирю оборонительной стены как в зоне крупноглыбовой, так и в зоне мелкоглыбовой кладки, нет сомнения, что сооружение в пункте VIII было возведено несколько позднее оборонительной стены, и, безусловно, должно быть отнесено к средневековью.

Пункт IX (рис. 93, 114). Следует также уточнить ситуацию в районе двухкамерной жилой постройки, раскопанной П. Н. Шульцем в 1955 г. и определенной им как таврское жилище полуземляночного типа. Точнее говоря, раскоп этого жилища проводился сотрудником Тавто-Скифской экспедиции А. Н. Щегловым. Именно здесь для сведения туристов было вывешено объявление, утверждающее таврскую принадлежность данной постройки.

Двухкамерная постройка в пункте IX расположена в северной части укрепления, в 20 м к югу от западного окончания северной оборонительной стены. Она была раскопана весьма досконально,

а позднее дружные усилия туристов и природы привели ее в весьма плачевное состояние.

Постройка имеет меридиональную ориентировку; размеры северного помещения по внешнему обводу 5,5 × 5,0 м, толщина стен — 0,8—1,0 м, внутренние размеры 4,5×3,2 м, площадь помещения — 14,5 кв. м; размеры южного помещения по внешнему обводу 7,2 × ×5,5 м, толщина стен — 0,7—1,0 м, внутренние размеры 5,3×3,7 м, площадь помещения — 19,5 кв. м. Вход в северное помещение — в юго-восточном углу, в южное помещение — в центре южной стены; между собой помещения, по-видимому, не сообщались, так что постройка в целом представляла собой два примыкающих друг к другу однокамерных строения. Стены их сохранились в высоту до 0,5—1,2 м от основания. По своей кладке эти строения совершенно идентичны постройкам в других пунктах: стены сложены из средних и крупных плитообразных и квадрообразных блоков известняка без следов подтески, но хорошо подогнанных друг к другу, уложенных плашмя или торчком, в один или в два ряда по ширине стены, вдоль стены или поперек.

Старый раскоп был заглублен на 0,3—0,7 м ниже основания стен. Судя по отчету П. Н. Шульца, таврский материал из раскопа оказался довольно скромным.

Проведенная мной зачистка основания стен и подкопы под них в четырех точках показали, что стены покоятся на плотном суглинисто-щебенистом и суглинистом слое толщиной около 0,2 м с обломками лепной керамики; слой этот отождествляется со слоем Б в других пунктах. Обломки лепной керамики сильно фрагментированы и истерты. В одном из подкопов в слое Б вместе с обломками лепной керамики найдено два обломка раннесредневековой черепицы. Ниже слоя Б находится суглинисто-щебенистый материал (слой В) без культурных остатков.

В выбросах старого раскопа множество мелких обломков средневековой гончарной посуды и кровельной черепицы; по всей вероятности, они находились в слое А, заполнявшем жилые камеры до основания кладки стен. По свидетельству А. Н. Щеглова, из культурного горизонта, заполнявшего жилые камеры, было извлечено колоссальное количество средневековой керамики и особенно черепицы.

Таким образом, ситуация в пункте IX в общих и частных чертах такая же, как и в других жилых комплексах. По-видимому, раскопом 1950—1955 гг. синхронный постройке слой А с обильным средневековым материалом был полностью переброшен в отвалы, а сам раскоп переуглублен ниже действительного пола постройки; он прорезал слой Б с лепной керамикой, хорошо сохранившийся под постройкой, и даже углубился в стерильный слой. Таким образом, совершенно ясно, что слой Б с лепной керамикой не может быть синхронным постройке. Неверно и представление о том, что сама постройка является жилищем полуземляночного типа.

И последнее замечание. Жилище оказалось, как отмечалось выше, не двухкамерным. К югу от него в зарослях кустарников

четко прослеживаются остатки стен еще по крайней мере трех примыкающих друг к другу построек. Все они выходят к пункту VIII, где заканчиваются пристенной постройкой, а в юго-западном направлении примыкают к пункту I и органически сливаются со всеми жилыми комплексами.

Итак, раскопки и расчистки на плато Лимена-Кале дают основание считать, что на территории укрепления имеется маломощный культурный слой с лепной керамикой, на который налегают основания четырехугольных построек. Слой с лепной керамикой перекрыт слоем с остатками гончарной посуды и средневековой кровельной черепицы.

Являются ли разведанные жилища действительно средневековыми, тогда как жилища более ранней, скажем таврской, эпохи остались неразведанными и невскрытыми? Сравнение морфологии и положения разведанных жилищ с особенностями всего комплекса жилых построек дает основание утверждать, что весь комплекс на плато является единообразным, а вскрытые жилища представляются для него вполне типичными и, пожалуй, единственно возможными. Конечно, нельзя исключить, что где-нибудь на плато горы остались нераскрытыми и остатки более ранних построек, синхронных культурному слою Б с лепной керамикой, но они не обнаружены ни в 1963 г., ни, можно смело утверждать, в 1950 и 1955 гг., и то, что считалось типично таврским, не имеет к таврам отношения.

В общей сложности на план было нанесено более 30 построек, выступающих на поверхность кладки. Все они четырехугольные, размером в среднем 4×5 м, с площадью жилых помещений от 9 до 20 кв. м. Некоторые постройки расположены обособленно, но вполне закономерно, большинство же их примыкают друг к другу, образуя сплошные ряды, особенно поблизости от западной скальной гряды (см. рис. 93). При этом ориентировка построек субмеридиональная, что объясняется рельефом плато, в котором уступы террасовидных площадок и узкие невысокие вертикальные скальные гребни вытянуты с юга на север, в соответствии с тектоникой массива горы.

Вполне определенно можно говорить по крайней мере о двух рядах построек, идущих от третьей куртины северной оборонительной стены к южной стене-парапету. Остатки третьего ряда находятся с западной стороны центральной скальной гряды. Наконец, в расселине центральной гряды расположен четвертый, менее регулярный, но не менее плотный ряд построек, наиболее защищенных от сквозных ветров, часто достигающих на плато большой силы. В общей сложности жилые комплексы укрепления могли насчитывать до полусотни однородных жилищ, а может быть, и больше.

В кладках стен построек наблюдается большое однообразие. Всюду использованы постелистые плитообразные и квадрообразные блоки, не требовавшие дополнительной обработки. Размер их в большинстве случаев 0,5—0,7 м, но достигает и 1—1,2 м. Кладка по типу приближается к кордонной: стены имеют толщину 0,8—1,0 м. Вымостки в жилых помещениях отсутствуют. Нет ни малейших следов вяжущего раствора, но стены, по-видимому, были герметизированы суглинистым материалом. Входы располагались с западной, восточной и южной сторон и, вероятно, никогда не были обращены на север.

При наличии на плато неисчерпаемого строительного материала строителями жилых комплексов был все же избран весьма экономичный тип сооружений и наиболее экономичный способ кладки стен, подсказанный, быть может, самой природой. Имеется в виду расположение в некоторых рядах кладки известняковых блоков вертикально и вдоль стен, подобно тому, как вертикально возвышаются скальные гребни на плато. Прочность стен обеспечивалась чередованием таких рядов с рядами квадроподобной кладки и чередованием в пределах каждого ряда глыб и блоков с ортогональной укладкой.

Отсутствие известкового вяжущего раствора в стенах жилых сооружений, конечно, может поставить под сомнение их синхронность с оборонительными сооружениями. Но функциональное различие построек не могло не отразиться на строительной технике. В частности, и в Алупка-Исаре известковый вяжущий раствор был использован в оборонительных стенах и практически не применялся при кладке жилищ. То же самое наблюдается и в ряде других южнобережных укреплений.

Только в отдельных случаях можно составить представление о высоте жилых построек по мощности развалов стен или по явным следам подтески на скальных поверхностях для устройства односкатных кровель, как, например, в пункте V (см. рис. 111). Высота построек 2—2,5 м была, по-видимому, оптимальной.

Тот материал, который дают разведочные раскопки, свидетельствует о невысоком достатке жителей укрепления, а относительная маломощность средневекового культурного слоя говорит о сравнительно небольшой продолжительности использования Лимена-Кале как поселения. Иными словами, складывается впечатление, что укрепление использовалось эпизодически. Уже тот факт, что на плато горы Кошка нет водоисточников и воду нужно было доставлять со стороны Лименской долины либо со стороны Симеиза, т. е. в каждом случае с весьма ощутимого расстояния, исключает постоянное функционирование поселения в Лимена-Кале. Во всех деталях жилых комплексов, при всей продуманности их планировки, заметен отпечаток поспешности, временности. Это и миниатюрность построек, и незначительность культурного слоя, и скромность остатков. Контрастной чертой являются лишь находки поливной керамики, которая относится к более дорогим атрибутам домашнего обихода, но таких находок немного.

Вернее всего, Лимена-Кале служило убежищем для окрестного населения Лименской долины и Симеиза только в моменты военной опасности, тогда как в мирное время это население предпочитало жить в более благоприятных условиях, поближе к сельскохозяйственным угодьям [9].

Теперь обратимся к тому объекту, который послужил основанием для отнесения Лимена-Кале к эпохе тавров — к могильнику с каменными ящиками на южном склоне Обсерваторской горки. Он находится между территорией Симеизской обсерватории и северной седловиной горы Кошка.

Впервые в 1890 г. на этом могильнике провел зачистку шести каменных ящиков Н. И. Лыжин, обнаружив всего 20 каменных ящиков. Он определил их длину — 1,75 м, глубину и ширину — 1,25 м. обнаружил в них обломки лепной посуды, а в одном ящике — череп [10]. В 1904 г. небольшие раскопки каменных ящиков были проведены здесь А. Л. Бертье-Делагардом, но и он имел дело с ранее ограбленными погребальными сооружениями [11]. В 1907 г. А. М. Васнецов предпринял новую попытку раскопок, увы, с тем же успехом. Он заметил, что каменные ящики ориентированы меридионально (что характерно для верхней группы погребальных сооружений) и возвышаются над современной поверхностью на 0,7 м. В ящиках были найдены немногочисленные бронзовые браслеты, восьмеркообразные бляшки, кольца, спиралевидные пронизки, раковины каури [12]. А. М. Васнецов предположил, что могильник генетически связан с укреплением на горе Кошка; с того времени этот взгляд получил признание в качестве подтверждения концепции о культуре южнобережных тавров.

Только в 1950 г. территория могильника и каменные ящики были положены на план съемкой, проводившейся Тавро-Скифской экспедицией П. Н. Шульца, но больших раскопок здесь в это время не проводилось [13]. Были обнаружены три группы каменных ящиков. Верхняя (северная) группа занимает площадь около 40×65 м и распадается на две близко расположенные подгруппы — западную и восточную. В западной подгруппе обнаружено девять каменных ящиков исключительно меридиональной ориентировки, в восточной подгруппе — 18 каменных ящиков с меридиональной, северо-западной и в единичных случаях широтной ориентировкой. Средняя группа состоит всего из шести каменных ящиков с северо-восточной ориентировкой, занимающих площадь 5×30 м, расположенную в 40 м к юго-западу от северной группы. Нижняя (южная) группа находится в 120 м к юго-западу от северной, занимает площадь 10×45 м и включает каменные ящики с широтной и отчасти северо-западной ориентировкой; в ней открыто 10 погребальных сооружений. Всего на могильнике обнаружено 43 каменных ящика, каждый из которых состоял из пяти плит: двух продольных, двух поперечных вертикальных и одной покровной плиты. Покровные плиты почти все разбиты и смещены теми безвестными любителями древностей, которым мы обязаны полным ограблением могильника.

Внутренние размеры каменных ящиков следующие: длина — от 0,65 до 1,45 м, наиболее часто — 1,0—1,3, ширина — от 0,60 до 1,25, наиболее часто — 0,9—1,0, глубина — в пределах 0,8 — 1,4 м. Толщина известковых плит, из которых сложены каменные

ящики, неодинакова — от 0,15 до 0,45 м, наиболее часто — около 0,3 м. Материал для их постройки добывался на самой Обсерваторской горке, на южном склоне который имеются скальные выходы слоистых известняков.

По крайней мере у восьми каменных ящиков обнаружены прямоугольные оградки из небольших вертикально поставленных плит. По измерениям П. Н. Шульца, размер этих оградок в плане удивительно стандартен: 4,10×4,03; 3,7×3,4; 4,00×3,99; 4,00×3,96; 4,00×3,07; 4,08×3,06; 4,07×2,08 м. Вряд ли это случайно. Можно предполагать, что хозяева могильника пользовались определенной системой мер длины, близкой к саженной, аршинной, локтевой. Если размеры самих каменных ящиков не могли быть слишком стандартизованы из-за неодинаковых габаритов крупных известняковых плит, шедших на их постройку, то при устройстве оградок из мелких плит это оказывалось вполне возможно. Этот любопытный факт наталкивает на мысль, что либо тавры пользовались определенной системой мер длины — если могильник правильно квалифицируется, как таврский, либо принадлежность могильника определяется неправильно. Впрочем, последнее предположение, слишком дисгармонирующее с общепринятой точкой зрения, отпадает.

П. Н. Шульц считает могильник безусловно таврским и, вслед за А. М. Васнецовым, связывает его с укреплением на горе Кошка, видя в этих объектах синхронный археологический комплекс — укрепление, поселение в нем и могильник по соседству. Сопоставляя то немногое, что дали эпизодические раскопки этого могильника, с материалами по другим могильникам с каменными ящиками на Южном берегу, А. М. Лесков считает его характерным для средних этапов развития таврской культуры [14].

Зарегистрированные в 1950 г. 43 каменных ящика, конечно, только часть погребальных сооружений. Показательно в этом отношении случайное вскрытие ранее не известного каменного ящика в 1963 г. при планировке площадки под павильон астрофизической обсерватории. Ящик был разрушен. К тому же он был разграблен в древности, и в нем уцелела только лепная сероглиняная корчага, по-видимому, с тремя ручками и незамысловатым налепным орнаментом. Обломки этого сосуда переданы в ОАСА. Возможно, еще много каменных ящиков скрыто под почвой, но питать надежды, что среди них могут оказаться каменные ящики с ненарушенными погребениями, неограбленные, не приходится.

Сопоставление лепной посуды из могильника и из Лимена-Кале действительно дает основание считать, что и здесь и там мы имеем дело с одной и той же культурой. Однако это вовсе не значит, что укрепление Лимена-Кале и жилые постройки в нем синхронны каменным ящикам могильника. Могильник относится ко времени культурного горизонта Б с лепной керамикой в Лимена-Кале, о котором подробно говорилось выше.

Лимена-Кале выгодно отличается от многих других южнобережных укреплений тем, что относительно ровной рельеф плато и защищенность его скальными грядами и северной оборонительной стеной способствовали сохранению культурных слоев. Поэтому будущие широкие раскопки, необходимость в которых очевидна, обещают быть результативными. Не приходится сомневаться и в том, что эти раскопки могут дать новые сведения об истории Лимена-Кале. Тем не менее уже сейчас вполне правомерно прийти к некоторым существенным заключениям, исходя из достоверного материала и не особенно вдаваясь в детализацию отдельных положений, что можно будет сделать впоследствии.

Лимена-Кале занимает вполне закономерное положение в цепи южнобережных укреплений — между Алупка-Исаром и Биюк-Исаром. В тактическом отношении его позиция очень выгодна: он находится на поперечном хребте, неподалеку от горного прохода Эски-Богаз, над самым берегом моря с двумя отлогими бухтами — Симеизской бухтой и Лименским (Голубым) заливом. Этим четко определяются и его назначение и его значимость.

Лимена-Кале — одно из наиболее крупных и хорошо защищенных укреплений Южного берега. Скальный рельеф оборонительных рубежей позволил с большой экономичностью и тем не менее весьма эффективно усилить эту природную крепость фортификационными сооружениями, что, впрочем, характерно почти для всех исаров. Сооружения эти выполнены в одних и тех же традициях крепостного строительства. В этом убеждают поразительная однородность морфометрии оборонительных стен, особенности их кладки, применение однотипных вяжущих растворов. Все оборонительные сооружения Лимена-Кале относятся к раннесредневековой эпохе.

Этому соответствуют раннесредневековые жилые комплексы в укреплении, надежно датируемые характерными культурными остатками — гончарной посудой и кровельной черепицей. Я не характеризую их подробно в данной главе совсем не потому, что их мало или они невыразительны,— напротив, они многочисленны и типичны. В главе о Панее им будет, как сказано, дана соответствующая характеристика *. Здесь же замечу лишь то, что раннесредневековый керамический материал Лимена-Кале во всех отношениях повторяют датирующие остатки Панеи, Ореанды, Алупка-Исара, Биюк-Исара, Кучук-Исара и других исаров Южного берега.

Нет ни одного достоверного указания на причастность тавров к строительству как оборонительных сооружений Лимена-Кале, так и выявленных там жилых комплексов. Вместе с тем неоспорим вывод, что укрепление на горе Кошка существовало задолго до раннего средневековья, и это засвидетельствовано культурным горизонтом Б с лепной керамикой. Имело ли это таврское укрепление оборонительные стены или оно представляло собой попросту естественное убежище — остается неясным. Свидетельством таврского этапа в истории

* См. примеч. на с. 315. (*Ред.*)

Таблица 7

Элементы сходства укрепления на горе Кошка с другими	Панея	Крестовая и Алупка	Крестовая и Ореанда	Хапхал-Кая	Учан-Су-Нерю	Ак-Дар	Малый Ак-Дар
Стратегичность положения	x	x	x	x	x	x	x
Хорошая приспособленность к рельефу	x	x	x	x	x	x	x
Поперечный профиль стен	x	x	x	x	x	x	x
Размеры стен	x	x	x	x	x	x	x
Характер кладки стен	x	x	x	x	x	x	x
Структура стен	x	x	x	x	x	x	x
Панцирь парапета	x	?	x	?	x	x	?
Наружные башни	?	—	—	x	—	x	—
Отдельные элементы гигантоглыбовой кладки	x	x	x	—	—	x	x
Известково-галечный вяжущий раствор	x	x	x	x	x	—	x
Характер внутреннего жилого комплекса	x	x	x	x	?	—	x
Пристенные постройки	?	x	?	?	x	x	x
Лепная керамика в предшествующем слое	?	x	x	—	—	—	—
Гончарная керамика	x	x	x	x	x	—	x
Поливная керамика	?	—	—	—	—	—	?
Кровельная черепица	x	x	x	x	x	—	x

Примечание. x — полное сходство; — не отмечалось; ? — возможно, но достоверных данных нет.

горы Кошка является и могильник с каменными ящиками на Обсерваторской горке, с лепной керамикой того же типа, что и в горизонте Б. Его соседство с раннесредневековым Лимена-Кале оказалось, конечно, не случайным, но эти объекты относятся к разным эпохам. Как и в целом ряде других пунктов Южного берега, для сооружения раннесредневековой крепости в районе Симеиза было выбрано то единственно недоступное место, которое служило убежищем и в таврскую пору.

В заключение сравним Лимена-Кале с другими южнобережными укреплениями. При этом, правда, трудно избежать некоторых повторений, но они не помешают...

Наряду с отмеченными отличиями укрепление на горе Кошка имеет и много общих черт с другими южнобережными укреплениями Крыма, которые можно отнести по сумме признаков к раннесредневековой строительной формации.

Прежде всего, оно занимает стратегически важное положение на хребте, разделяющем два участка южнобережной полосы. В этом оно сходно с целой серией укреплений — от крепости на горе Сераус (к северо-западу от Алушты) до Биюк-Исара (над пос. Оползневое). Место для укрепления Лимена-Кале было выбрано основательно, с большим знанием дела.

В табл. 6, 7 отмечены характерные элементы укрепления на горе Кошка, повторяющиеся в столь же четкой форме в других укреплени-

ях, из которых для сравнения выбраны наиболее известные или достаточно хорошо сохранившиеся.

Следует еще раз подчеркнуть исключительную однородность кладки и морфометрии оборонительных стен всех укреплений данной группы. В этом отношении между ними и второй (верхней) римской крепостной стеной Харакса (Ай-Тодор) также усматривается большое сходство, и можно полагать, что эта стена к началу строительства южнобережных укреплений достаточно хорошо сохранилась и могла служить в качестве морфотипа.

Группа южнобережных укреплений вместе с укреплением на горе Кошка характеризуется широким использованием известково-галечных и известково-гравийных вяжущих растворов в оборонительных сооружениях. То же самое мы наблюдаем и в раннесредневековых кладках Херсонеса. И в данном случае можно довольно уверенно предполагать, что строители этих укреплений восприняли обычаи и приемы римских фортификаторов I—III вв. н. э. Разница, например, между вяжущими растворами раннесредневекового времени и римскими состоит лишь в том, что в римских растворах в качестве балластного материала использовался преимущественно песок, однако встречаются и известково-галечные и известково-гравийные растворы римского времени.

Далее, обращаясь к структуре стен, нетрудно подметить экономичность и рациональность их кладки (система возведения панцирей с забутовкой между ними). Я не могу привести подобных примеров из области эллинистических укреплений Крыма; в большинстве своем их оборонительные стены по структуре монолитны и однородны, сложены по системе квадровой или кордонной кладки, часто рустованной, с хорошей обработкой блоков.

Следовательно, более чем вероятно, что прототипом для южнобережных раннесредневековых укреплений или примером строительных приемов могли служить крепостные сооружения римского периода и, что еще более вероятно, крепостные сооружения Византии.

Что касается жилых комплексов в южнобережных укреплениях, то сходство между ними очень выразительно. Оно касается как общей планировки построек, так и размеров их и способа кладки стен. Нельзя не подчеркнуть тот факт, что в жилых постройках, всегда синхронных оборонительным сооружениям или несколько более поздних, использование известковых вяжущих растворов не практиковалось, за редким исключением, и, следовательно, в этом отношении действовали какие-то ранние местные традиции или здравый экономический расчет. Действительно, нужно ли было применять вяжущий раствор при небольших размерах построек, при небольшой их высоте, достаточной толщине стен и хорошей естественной форме используемого глыбового материала? Даже по прошествии веков стены многих построек сохранились в высоту до 1—2 м.

Из группы южнобережных укреплений как бы выпадает укрепление на горе Аю-Даг, в стенах которого не обнаружено вяжущего раствора и в пределах которого отсутствует жилой комплекс. Однако укрепление на Аю-Даге, по-видимому, не было завершено и не использовалось.

Сходство укрепления на горе Кошка с другими подчеркивается идентичностью керамического материала — гончарной посуды и кровельной черепицы, комплекс которых определенно датируется в пределах VI—X вв. Автор мог лично убедиться в том, что ассортимент кровельной черепицы южнобережных укреплений совершенно тождествен типам раннесредневековой черепицы Херсонеса и резко отличается от эллинистической черепицы, как и от немногих типов черепицы римского периода и от довольно большого и разнообразного ассортимента позднесредневековой черепицы — как в Херсонесе, так и в других местах Крыма.

То же касается и фрагментов гончарной керамики. Правда, на горе Кошка в пределах жилых построек нередки фрагменты поливной керамики XII—XIII вв. и, возможно, более поздней. Поэтому вопрос о продолжительности функционирования укрепления в данном случае решается несколько иначе, чем для других укреплений. О. И. Домбровский высказал предположение, что если данное укрепление и возникло, например, одновременно с находящимся ниже укреплением на скале Панея, то существовало дольше, вплоть до XIV—XV вв. Не оспаривая возможности функционирования южнобережных укреплений и в XII в. и даже в XIII в., о чем имеются исторические свидетельства, можно все же возразить против тезиса об неодновременности укреплений на горе Кошка и на скале Панея. В склепе в соседстве с последними были найдены, например, гладкие и витые индигово-синие стеклянные браслеты, характерные для XII—XIII вв.

Оборонительные сооружения на горе Кошка и комплекс жилых построек, как говорилось, однотипны с соответствующими сооружениями в других укреплениях южнобережной полосы и надежно датируются раннесредневековым или вообще средневековым (вплоть до XII—XIII вв.) временем.

Вместе с тем мы не можем рассматривать укрепление на горе Кошка и ему подобные в других пунктах в качестве постоянно действовавших в течение продолжительного времени поселений, поскольку они малоудобны для постоянного жительства, носят отчетливые следы поспешности сооружения и временности использования, содержат не очень мощные культурные слои средневекового времени. В течение многих веков эти укрепления использовались эпизодически и, видимо, служили убежищем для окрестного населения лишь в моменты военной опасности.

Следует также подчеркнуть, что известная таврская (я бы сказал даже — таврско-скифская) ориентация взглядов в крымской археологии в 40—50-е гг. имела своим последствием не просто ошибочную квалификацию исторических памятников южнобережной полосы, но полнейшую дезориентацию относительно определения материального содержания и топографии таврской культуры. С виду стройная гипотеза периодизации таврской культуры с соответствующим разнесением исторических памятников по периодам не выдерживает критики. По сути дела, о культуре тавров сейчас известно ничуть не больше, чем до начала работ Тавро-Скифской экспедиции. Разу-

меется, я имею в виду лишь южнобережную полосу Крыма, на которой, смею утверждать, пока не найдено памятников таврского строительства — ни фортификационного, ни бытового. Достоверно известны лишь могильники с характерными и в общих чертах однотипными каменными ящиками и в большинстве случаев маломощные слои с лепной керамикой (или вообще находки лепной керамики), к которым пока невозможно привязать какие-либо определенные сооружения. Мы вправе заключить, что исследования материальной культуры тавров далеки от завершения и должны быть продолжены со всей тщательностью и с учетом исследований последнего времени.

Не могу закончить эту главу, как бы она ни была длинна, не выразив восторга от красоты пейзажей Южного берега, обозреваемых со скальных гряд горы Кошка, от очаровательного сочетания скал, зарослей и полянок на плато самой горы, от необычных ощущений, возникающих на пути по крутым кулуарам, наконец, от самой встречи с этим удивительным созданием природы, дополненным человеческим трудом прошлых эпох и наших дней. Пожалуй, только Биюк-Исар, с которым нам еще придется познакомиться, вызывает не меньшей силы ощущения.

Особенно удивительны ночи на вершине горы в пору метеорных потоков. Недаром Лименский хребет был выбран для Симеизской обсерватории!

Утром, покидая гору, вы скажете ей: «До свидания», даже если не очень будете уверены в том, что это свидание когда-нибудь состоится.

XXI

БИЮК-ИСАР — КАМЕННЫЕ БАСТИОНЫ КИКИНЕИЗА

Глянь! Небо там внизу — то моря гладь,
на ней,
Как молнией сражен, лежит утес летучий,
Крыла раскинувши во весь их взмах могучий,
Подобный радуге обширностью своей...

Адам Мицкевич

Всякое имя бывает или общеупотребительное, или глосса, или метафора, или сочиненное, или укороченное, или измененное.

Аристотель

1

Лименский хребет — не очень высокая, но выразительная гряда известняковых скал, опускающаяся к морю поперек берегового склона. Он разделяет не только небольшую Симеизскую котловину и зеленую Лименскую долину. По ту и другую сторону его — Южный берег, тот же и все же не тот. От Алушты до Симеиза — сплошная полоса санаториев, курортов, пансионатов, курортных городков и поселков, садов и парков, тесно жмущихся к морю. Между Симеизом и Ласпи — обилие виноградников, плантации лаванды, розовые плантации, фруктовые сады, расположенные в основном выше санаторно-курортной зоны, а еще выше — у самого подножия Яйлы — сосновые и буковые леса. Все это, конечно, есть и западнее Лименского хребта, но берег между Симеизом и Ласпи менее шумен, а до прокладки новой автострады вообще производил впечатление пустынного места. Здесь есть санатории и курорты, но они сгруппированы в основном в трех пунктах — Кастрополе, Меласе, Форосе — и не сливаются в сплошную зону архитектурно-декоративного великолепия. Протяженные участки берегового склона покрыты зарослями низкорослого корявого дуба, грабинника, можжевельника, мелкоплодного земляничника. Ближе к подножию ослепительно-белых обрывов Яйлы сплошным ковром расстилаются широколиственные леса. Между Симеизом и Ласпи есть и свои восхитительные декоративные парки, но они представляют собой в общем-то небольшие пятна более темной зелени среди присущей Южному берегу дикой растительности.

Добавим к этому, что если от Алушты до Симеиза ширина южнобережного склона колеблется от 3 до 6—7 км, то западнее Лименского хребта от берега моря до обрывов Яйлы — рукой подать:

обычно около 2 км и даже меньше. При всем том основные черты рельефа здесь те же, а это значит, что в значительно более тесном соседстве друг с другом находятся и море, и скалы, и леса. Если пройти от Ялты до Ай-Петринского перевала пешком, то потратишь часов пять, прежде чем доберешься до гребня Яйлы, а вот от Меласа до горного прохода Шайтан-Мердвень потребуется всего час времени, и впечатления от этого пути останутся не менее, а более памятными.

Конечно, пустынность берега к западу от Лименского хребта и его «дикость» весьма относительны, но в сравнении с тем, что творится весной, летом и осенью между Алуштой и Симеизом, особенно в Ялте, здесь самая настоящая пустыня: населенность берега между Симеизом и Ласпи даже в разгар курортного сезона едва ли достигает 5 % от числа приезжих и местных жителей в одной только Ялте. Конечно же, в этом есть своя прелесть.

На этом ныне полупустынном берегу в прошлом были свои поселения и крепости. Его обжитость в средние века не уступала теперешней, плотность населения была даже больше.

...Покидая Лимена-Кале, в последний раз окидывая взглядом панораму Южного берега с вершины горы Кошка, замечаем километрах в пяти в западном направлении, со склонением на 20—25° к северу, группу скал. Они прилепились к верхней трети берегового склона, почти под самой стеной Яйлы, поднявшейся здесь в высоту на 200—300 м. Ниже этой группы скал проходит старое Севастопольское шоссе, по обе стороны раскинулось селение Оползневое, бывшее Кикинеиз. Еще ниже разворачивается широкая лента новой автомагистрали. Наконец, на уровне моря сланцевый берег выступает к югу в виде небольшого мыса — Кикинеизского. Он представляет собой почти самую южную оконечность Крымского полуострова: меньше чем на километр уступает в этом мысам Форос и Сарыч, находящимся от него в 13 и 16 км западнее.

На скалах над Оползневым и на Кикинеизском мысу открыты остатки средневековых укреплений — двух первых исаров после Лимена-Кале: Биюк-Исара и Кучук-Исара. Расстояние между ними меньше 3 км в горизонтальной проекции карты и примерно 600 м по высоте.

Красота и величавая мощь скал над Кикинеизом — а ниже я постараюсь дать читателю геометрическую оценку этой мощи — с давних пор приводили в восторг путешествующих по Крыму. В 1820 г. И. М. Муравьев-Апостол с благоговейным трепетом пробирался у их подножия и оставил нам свидетельство своего восхищения — красочное описание скал Кикинеиза [1]. Пятью годами позже здесь был Адам Мицкевич; скалы вдохновили его на один из крымских сонетов, строфы которого взяты эпиграфом к этой главе [2].

В те же годы мимо Кикинеиза проезжал А. С. Пушкин, расставшись с очаровательным семейством Раевских в не менее очаровательном Гурзуфе и держа путь к Георгиевскому монастырю. Правда, то ли ему не повезло в смысле погоды, то ли душа его была настроена совсем на иной лад — только скалы Кикинеиза не тронули его своим

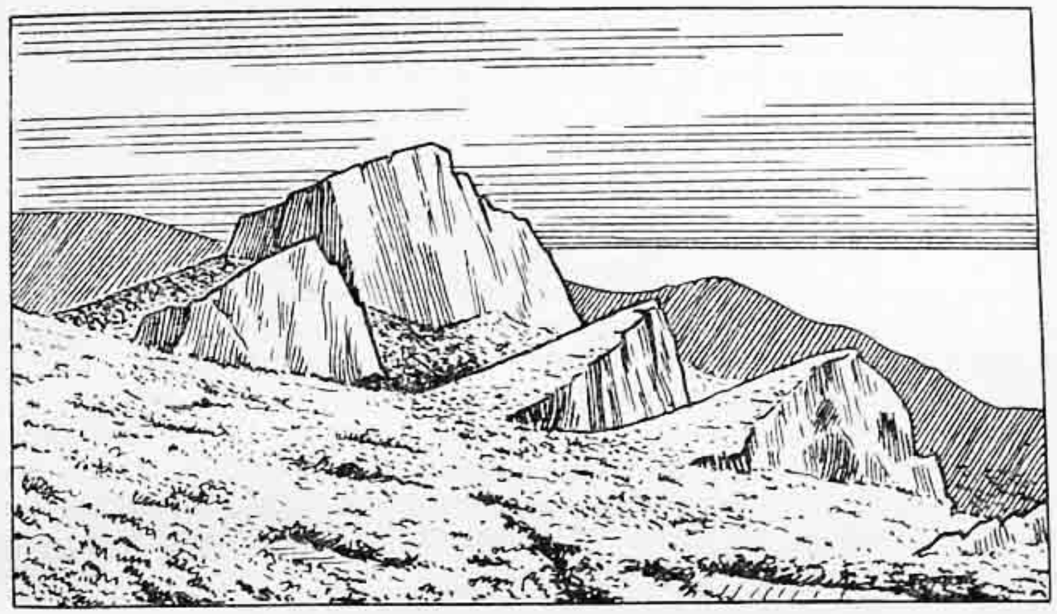


Рис. 115. Вид на скалы Кикинеиза с запада. На заднем плане — Лименский хребет и за ним — море. Дальняя скала — Биюк-Исар, ближе — отчленившийся от Биюк-Исара утес и два следующих к юго-западу клиновидных утеса. На переднем плане — сланцевый склон, покрытый лесом.

великолепием. Вот что писал он Дельвигу: «Я объехал полуденный берег, и путешествие М. (Муравьева-Апостола.— Л. Ф.) оживило во мне много воспоминаний, но страшный переход его по скалам Кикинеиза не оставил ни малейшего следа в моей памяти»[3]. Очень возможно! Нужно учесть, что осенью, а именно в это время года Пушкин проезжал Южным берегом от Гурзуфа к горному проходу Шайтан-Мердвень, часто случается, что низкие облака, оставляя открытым небо над большей частью берегового склона, задергивают туманным пологом обрывы Яйлы и их лесистые подножия. Тогда скалы Кикинеиза не видны. Они погружены в клубы тумана, нижняя кромка которого держится чуть выше д. Кикинеиз (ныне Оползневое).

Скалы Кикинеиза. Их несколько. Самая крупная из них и устрашающая своими обрывами — та, что находится на восточном фланге гряды утесов (рис. 115). Это — Биюк-Исар, или просто Исар, как значится на старых топографических картах. Обходишь ее кругом, то путаясь в зарослях кизила и грабинника, то перескакивая с глыбы на глыбу в каменных хаосах,— и всюду над головой только вертикальные стены. Кажется, нет ни малейшей лазейки на вершину Биюк-Исара.

«Находящаяся от Лимена на северо-запад скала Биюк-Исар,— писал Кеппен,— от коей до Кикинеиза 50 минут пути, названием своим свидетельствует о существовавшем здесь укреплении. Тщетно я во время бури искал всхода на верх этой скалы, обращенной скатами на север и на вершине своей имеющей несколько деревьев. Вокруг нее я видел много черепков жженой глины, дребезги горшечные и куски черепицы...»[4]

Так было и в 1963 г. Безрезультатно я высматривал подходящую расселину для подъема наверх и, карабкаясь по узкому скальному карнизу на свой страх и риск, буквально был сдут порывом ветра с шестиметровой высоты. К счастью, внизу оказался северный склон, покрытый травяными и моховыми кочками. Будь это на южном каменистом склоне — было бы хуже. Два года спустя мне удалось-таки найти лазейку на вершину Биюк-Исара, она казалась единственной. Каково же было мое удивление, когда однажды, примостившись на самом верху Исара, над пропастью, я обнаружил в двух шагах от себя полдюжины шустрых мальчишек, с любопытством разглядывавших мой полевой инструментарий. Оказывается, они, как ящерицы, проскользнули по скалам чуть правее того места, где я пикировал два года назад и где теперь болтался мой капроновый шнур. Наверняка и 130 лет назад мальчишки Кикинеиза знали дорогу на Биюк-Исар и могли бы оказать неоценимую услугу любознательному Кеппену. Поистине крепость Биюк-Исар самая неприступная из всех южнобережных крепостей.

2

Название скалы *Биюк-Исар* — татарское. Именно так называли ее татары Кикинеиза, что должно было обозначать «Большая крепость», а может быть, и «Верхняя крепость» (вспомним, что у моря против этого места находится мыс и на нем — Кучук-Исар, или «Малая крепость»). Но это, разумеется, не первоназвание. Татары здесь, как и вообще по всему Южному берегу, появились относительно поздно, а то, что мы находим на Биюк-Исаре и у подножия скалы,— те самые черепки «жженой глины, дребезги горшечные и куски черепицы» — относятся к значительно более раннему периоду и представляют собой обычный набор керамики, характерной для средневековых исаров Южного берега. В прошлом скала могла иметь и другое название.

В наших догадках мы должны обратиться к прежнему названию селения Оползневого, с которым соседствует и над которым возвышается скала Биюк-Исара — Кикинеиз. На разных картах и в разных изданиях мы находим: *Кикинеиз*, *Кикенеис*, *Кекенеиз* и т. д.— самое произвольное обращение с гласными, но наиболее старой и часто встречающейся формой является *Кикинеиз*. Деревня Кикинеис существовала уже в XVI—XVII вв. и упоминалась в числе прочих деревень Мангупского кадылыка. Но возникла она, бесспорно, еще раньше. В начале прошлого века и утесы над деревней обычно именовали скалами Кикинеиза, а не Биюк-Исаром. Последнее название относилось только к восточной скале.

В своей основе название *Кикинеиз*, безусловно, греческое. Любопытно, что население д. Кикинеиз в прошлом представляло собой не вполне чистый татарский тип, а этаких татаро-греческих метисов. Смешение это началось, по всей вероятности, отнюдь не в конце XVIII столетия, с расселения по Южному берегу новых контингентов архипелажных греков, а раньше. Скорее всего, шло отатариванне более раннего греческого населения, а не огречивание появившегося в XV—XVI вв. татарского. Уже в ту пору явно не тюркоязычный Кикинеиз существовал как населенный пункт. Что же означает это название? Кеппен производил его от старогреческого κιρκος — круг или кольцо. Это же слово означает в старогреческом и ястреба, коршуна. Кеппен полагал, что в самом названии был закреплен факт существования в прошлом укрепления, замыкавшего ряд известняковых утесов,— своего рода оборонительного кольца. В принципе, по-видимому, так оно и было: вначале название было дано укреплению, а впоследствии оно перешло на возникшее ниже неукрепленное поселение. Может быть, и то и другое — укрепление на скалах и неукрепленное поселение ниже скал — возникли и развивались одновременно и первое представляло собой убежище на случай военной опасности для населения второго.

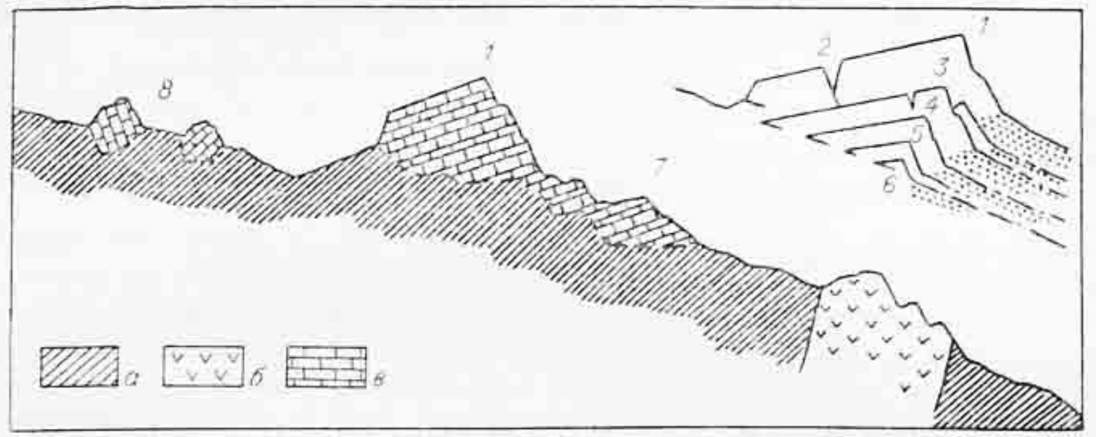


Рис. 116. Схематический геологический профиль Южного берега в районе Биюк-Исара.

а — глинистые сланцы и песчаники — флишоидная толща; *б* — диабазы и микродиабазы; *в* — известняки. Справа в углу — схема распадения оползшей «ленты» известняков на отдельные утесы. *1* — Биюк-Исар; *2* — его сателлит; *3*, *4* — два юго-западнее расположенных клиновидных утеса (см. рис. 115); *5*, *6* — клиновидные утесы еще меньшего размера; *7* — пьедестал Биюк-Исара; *8* — скалы известняков, отчленившиеся от Биюк-Исара при его скольжении вниз по склону.

Но, блуждая среди скал и каменных хаосов Биюк-Исара, лишь с большим трудом в зарослях грабинника, дуба, можжевельника, кизила удается проследить остатки кладок, часто похожих на сравнительно молодые кладки межевых стен, и с большой неуверенностью наметить сложный по форме многоугольник из скал и этих стен. Он охватывает значительную площадь, но часть его сторон так и остается плодом воображения или результатом более или менее смелой дорисовки (рис. 117). Приходит и еще одно сомнение в правильности подобного толкования названия *Кикинеиз*: невероятно, чтобы скрытый между скалами, замаскированный зарослями и каменными нагромождениями интерьер, практически невидимый с расстояния в несколько сотен шагов, мог быть воспринят наблюдателем в виде некоего подобия кольца. Откуда ни смотришь на скалы Кикинеиза — в голову не приходит сравнение с кругом, кольцом. Все что угодно — только не это!

А. Л. Бертье-Делагард писал, что *Кикинеиз* означает «Курчавая»[5]. Действительно, в старогреческом есть слово κίκιννος — кудри, локоны. В таком случае смысл названия — что-то вроде «Курчавые скалы». Но почему «курчавые»?

В старогреческом (впрочем, и в новогреческом) мы находим и κίκος — лебедь и κίκνειος — лебединый. Не в этом ли скрыта загадка названия Кикинеиза? В самом деле, взгляните на скалы с запада, юга или востока, особенно в солнечный день, когда обрывы известняков прямо-таки ослепительно сияют незапятнанной белизной... Может быть, действительно эти скалы некогда сравнивали с плывущими над зеленью холмов лебедями. Ведь и в сонете Мицкевича скалы Кикинеиза сравниваются с птицей (в оригинале — Птахгора).

Это — предположение, но оно кажется вероятным. Нельзя же думать, что в прошлом все названия мест давались по принципу наибольшего рационализма и не содержали изюминки поэтического сравнения! Вспомним хотя бы некий город Кикнос (Лебедь) у одного из береговых изгибов Кавказского побережья Понта Эвксинского, о котором писал Помпоний Мела [6].

3

Представьте себе обычный для Южного берега Крыма покатый к морю склон, сложенный глинистыми сланцами с прослоями песчаников. Близ поверхности эти породы разрушены до состояния глины и щебня. Мощный чехол делювия покрывает изрезанный оврагами и грядами рельеф. Кое-где продукты выветривания пород содраны дождевыми потоками и обнажаются черные сланцы.

В 1,5 км севернее Оползневого горизонт загорожен 200—300-метровой стеной Яйлы, а рядом с поселком, в 30 минутах ходу от него, возвышается группа известняковых утесов. Они расположены цепочкой в северо-восточном направлении. Крайний из утесов — Биюк-Исар — представляет собой наиболее крупный блок размером в плане 350×150 м, с крутыми и вертикальными скалами, окружающими его со всех сторон. С южной стороны высота скал достигает 100 м и более, с северной она уменьшается до 20—30 м. Поверхность этого блока наклонена к северу под углом 20—25° и имеет площадь больше 1,5 га; ее профиль — ступенчатый.

Чуть западнее находится второй блок, меньшего размера, некогда составлявший с Биюк-Исаром одно целое, но отставший от него в процессе движения каменных громад по сланцевому склону. В 300 и 500 м к юго-западу от Биюк-Исара расположены третий и четвертый известняковые утесы, похожие на грандиозные клинья или корабельные носы. Каждый из них имеет наклоненное к северо-западу ступенчатое плато, плавно переходящее в рельеф прилегающей части склона. Цепочка утесов протягивается и дальше на юго-запад, но каждый из последующих каменных мысов уменьшается в высоте, и, наконец, в рельефе остается заметным только скалистый уступ, а еще

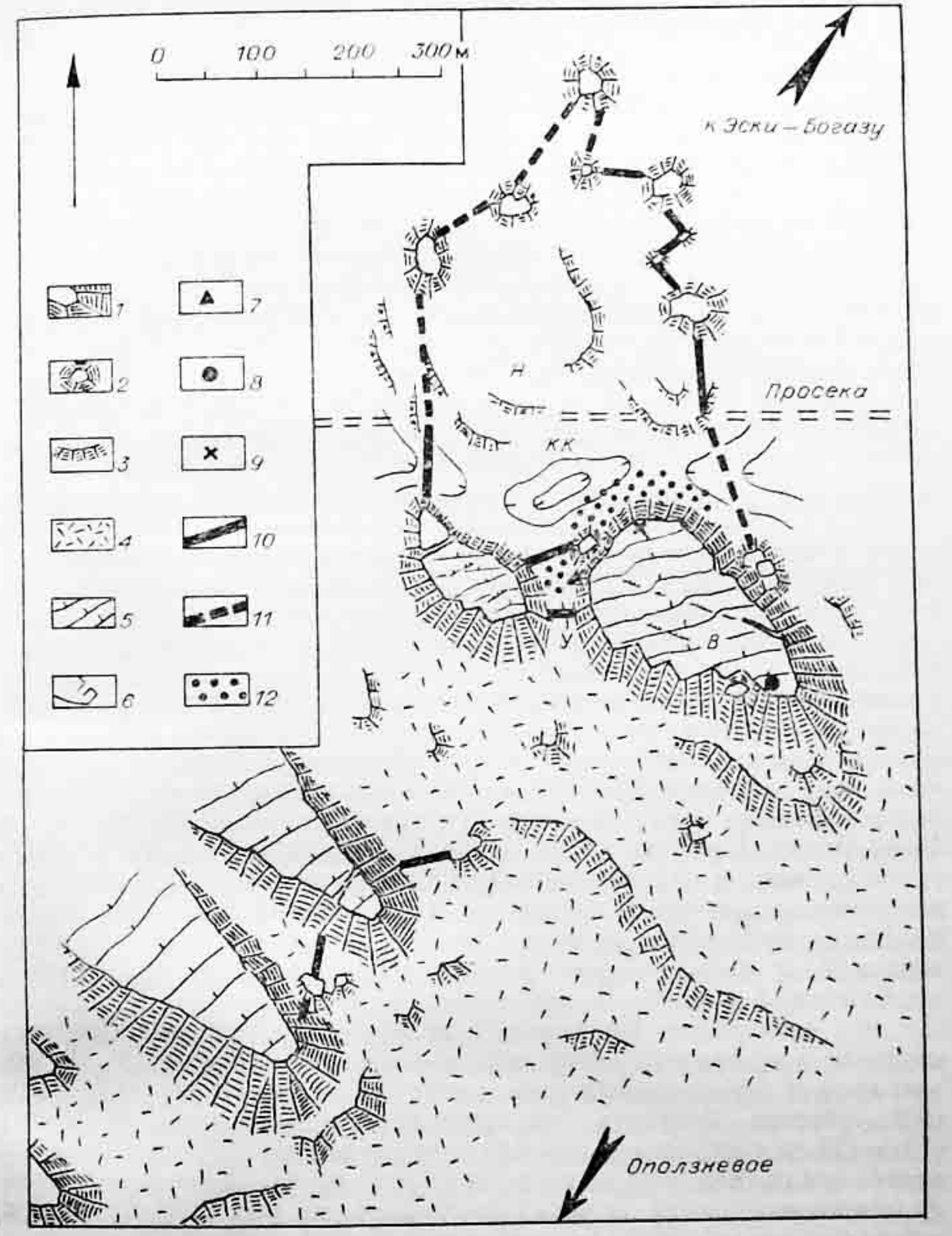


Рис. 117. Топография скал Кикинеиза и Биюк-Исара. Съемка автора, 1963 и 1966 гг. (использованы и другие материалы).

1 — известняковые утесы — оползневые блоки; *2* — небольшие скалы; *3* — скальные уступы; *4* — каменные хаосы; *5* — горизонтали (схематическая прорисовка рельефа); *6* — крупные расселины в утесах; *7* — грот-цистерна в западном обрыве Биюк-Исара; *8* — остатки храмика на вершине Биюк-Исара; *9* — место подъема на Биюк-Исар; *10* — остатки стен нижней кладки; *11* — предполагаемые стены; *12* — зона развалов нижнего поселения на северном склоне. Н — нижняя площадь; КК — карстовая котловина; В — верхняя площадь (плато); У — нижняя укрепленная площадка.

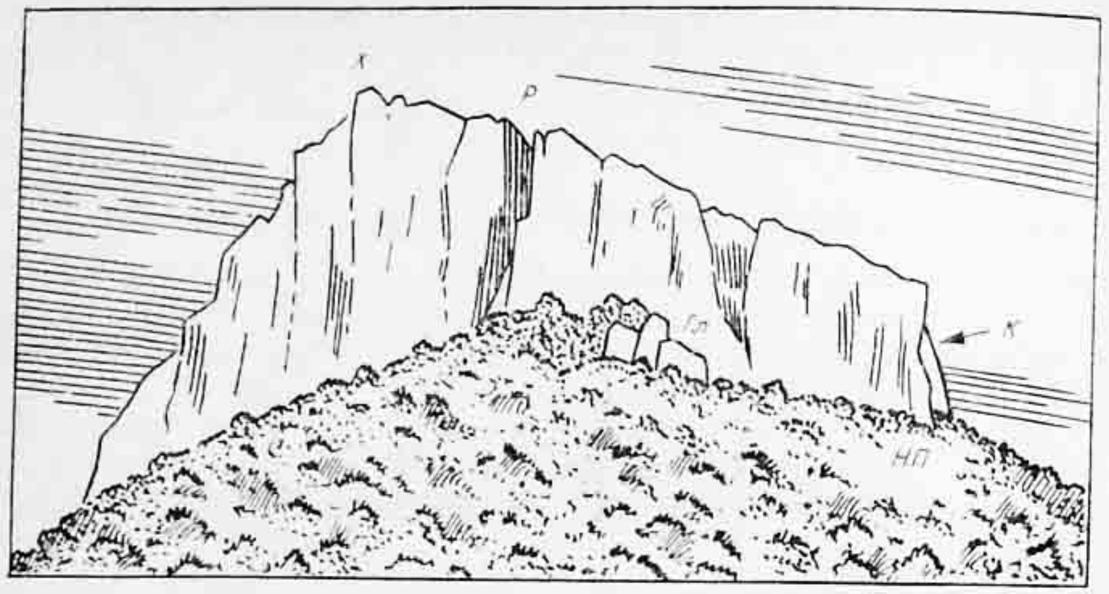


Рис. 118. Вид на утес Биюк-Исар с северо-востока. На переднем плане — склон, покрытый густым лесом и зарослями кустов.

Х — место остатков маленького храма на вершине плато; Р — восточная расселина; Гл — гигантские глыбы известняков у подножия обрывов; К — место карниза, по которому можно подняться на плато; НП — остатки нижнего поселения на северном склоне.

дальше — каменные развалы. Длина всей цепочки утесов от Биюк-Исара до крайнего юго-западного — около 1,3 км (рис. 117).

Склон под утесами завален глыбами. Нагромождения их занимают зону шириной 300—500 м. Среди каменных хаосов торчат отдельные скалы, много скалистых уступов, особенно на подходе к Биюк-Исару. Севернее Биюк-Исара находится небольшая замкнутая котловина, и на замыкающих ее холмах торчит группа известняковых зубцов, когда-то составлявших с Биюк-Исаром одно целое. Южнее Биюк-Исара глинистые сланцы и песчаники прорезаны мощным штоком микродиабазов (см. рис. 116)— еще одно дополнение к геологической обстановке местности.

Вся цепь утесов Кикинеиза в не очень далеком геологическом прошлом представляла собой сплошной лентообразный блок. Он отчленился от верхнеюрских известняков Яйлы и сполз по сланцевому склону берега. Двигаясь, эта лента дробилась на меньшие блоки. Дальнейшее разрушение привело к образованию шлейфа каменных хаосов и к полной изоляции утесов друг от друга. Соотношение между ними схематически показано на профиле (см. рис. 116). Природа и здесь, как настоящий художник, нашла новый вариант грандиозной картины останцово-оползневого рельефа, создав неповторимый натюрморт из каменных громад. Обойдите скалы Кикинеиза вокруг — и вы не найдете двух точек, с которых эти громады представлялись бы одинаковыми, похожими по сочетанию форм и размеров, по освещенности, по вписанности в окружающий рельеф. Особенно многообразен сам Биюк-Исар, который имеет вид то пирамиды, то корабельного носа, то плоского айсберга (рис. 115, 118).

Севернее Биюк-Исара и второго утеса прослеживаются остатки стен, замыкавших группу скал. В большинстве пунктов остались развалы. Кое-где еще можно установить, что толщина стен у основания была не больше полутора метров. Количество камня в развалах дает основание считать, что высота стен едва достигала 2—3 м. И еще одна особенность этих стен обращает на себя внимание — однородность кладки из дикого камня, без вяжущего раствора.

Едва ли эти сооружения были боевыми. Они больше похожи на межевые дувалы или ограды обширных загонов для скота, чем на оборонительные стены даже самого маленького из исаров на Южном берегу. Площадь, которую они замыкают, имеет вид неправильного многоугольника размером 400×300 м, вытянутого в северном направлении. С южной стороны этот «загон» прикрыт Биюк-Исаром и вторым утесом (см. рис. 117). Условно его, конечно, можно назвать укреплением, однако совершенно ясно, что серьезного оборонительного значения этот «загон» иметь не мог.

Между западными обрывами Биюк-Исара и вторым утесом находится тесный проход в скалах. К нему ведет путь по каменным развалам. Это единственное место, где были настоящие оборонительные стены, защищавшие проход с севера и юга. С южной стороны сохранилось нагромождение глыб короткой стены, с северной — мощный развал камней и остатки второй стены, сложенной из дикого камня на известковом растворе. Здесь замечаешь все признаки полнопрофильного боевого сооружения: ширина стены у основания — больше 2 м, кладка — двухпанцирная и даже трехпанцирная, высота (если судить по развалам)— больше 6 м. Северная стена простиралась от отдельно стоящей скалы у северо-западного обрыва Биюк-Исара до скосов второго утеса и вместе с короткой южной стеной замыкала небольшую — всего в четверть гектара — площадку, которая и являлась нижним укреплением Биюк-Исара, предназначенным не столько для защиты самого по себе прохода в скалах, сколько для обороны святая святых каждого крепостного сооружения — водоисточника. Он находился именно здесь.

Под северными обрывами Биюк-Исара заросший кизилом и грабинником склон, спускающийся к замкнутой котловине, покрыт развалами жилых построек. Их было в этом месте много десятков. Жилища развалились до основания. Строительные камни перемешались с обломками известняков, падавшими сверху, и вся эта мешанина камней и глинистого мелкозема битком набита обломками керамики. Здесь мы снова видим типичный для средневековья керамический набор: пифосы, амфоры, плоскодонные кувшины, неорнаментированные миски, кровельную черепицу, которой больше всего. Последняя разнообразна и вместе с тем однотипна, как и всюду в южнобережных исарах. Она подавляет своим числом все другие остатки.

Биюк-Исар закрывает северный склон от солнца. В самую ужасную жару июля — августа здесь царят полутень и прохлада. Невысокие утесы не грозят ужасными обвалами. Но не только это

послужило основанием для выбора средневековым населением Биюк-Исара именно северного склона с целью устройства жилищ. Имелись соображения и другого порядка. И главное из них—вода и путь на вершину каменного бастиона.

Замкнутая котловина под северным склоном (см. рис. 117), не имеющая видимого стока по поверхности, представляет собой карстовое образование. Дно ее покрыто глинистыми наносами. После обильных дождей котловина наполняется водой и образуется небольшое озерко, по краям которого растут тростник и кусты влаголюбивой ивы. Постепенно вода испаряется и уходит вниз, через наносы, но влага в почве сохраняется и в жаркие месяцы. Жилища на северном склоне находились прямо над этим периодически возникавшим водохранилищем, а рядом, в западном обрыве Биюк-Исара, был и другой водоисточник, снабжавший укрепление превосходной водой. К нему мы обратимся ниже.

Другое обстоятельство, определившее место поселения,— путь на вершину Биюк-Исара. В восточных обрывах этого утеса есть приметная расселина (см. рис. 118). У нее — вертикальные стенки и крутое дно, покрытое осыпями и каменными развалами. Расселина доходит до плато Биюк-Исара, но вскарабкаться по ней без крючьев, веревки и надежного напарника невозможно. Узкие щели и кулуары кое-где рассекают и грандиозные южные обрывы утеса, однако и здесь нет прохода на плато. Единственное место, где можно подняться на утес,— это двадцатиметровые северные обрывы, точка, отмеченная на нашем плане крестом (см. рис. 117), непосредственно над зоной развалившихся построек нижнего поселения.

Но кроме нижнего поселения было и другое поселение на Биюк-Исаре — верхнее. Разыскивая проход на вершину утеса, залезая в каждую обнадеживающую щель и карабкаясь по осыпям щебня, мелкозема и каменным развалам, снесенным с плато утеса, на каждом шагу видишь десятки и сотни обломков гончарной посуды и черепицы. Они падали сверху. Возле некоторых расселин находятся конусы выноса глинисто-щебенистого материала, наполовину перемешанного с культурными остатками.

Наконец, обходя северные обрывы, наталкиваешься на изрезанную щелями и гребнями скалу, на которой видны крутые узкие полки, где приютились низкорослые корявые кусты. Карабкаясь по каменным полкам, в конце концов оказываешься перед двухметровым уступом, выше которого короткий крутой кулуар выходит прямо на наклоненное плато Биюк-Исара. Остается либо захлестнуть шнур за торчащий над двухметровым уступом кустик, либо рискнуть подтянуться на руках и проползти несколько метров по шероховатой скале, цепляясь за малейшую неровность...

Плато Биюк-Исара обширно, не меньше 200×100 м. Но бог мой, что это за рельеф! Его наклоненная к северу поверхность кажется невероятно крутой при действительной средней крутизне 20—25°. Впечатление невероятной крутизны усиливается эшелонами ступеней и уступов. Вся поверхность перекрыта плотной дерниной и густой травой, но нога ощущает развалы камней под почвой или

проваливается в щели между глыбами и в настоящие расселины, чуть-чуть прикрытые наносами. Между эшелонированными по высоте уступами и ступенями, образованными в результате оседания плато по системам трещин в известняках, торчат невысокие кусты, и среди них — великолепный боярышник с мясистыми и ароматными оранжевыми ягодами величиной с добрую черешню.

Глядя на плато Биюк-Исара, невольно вспоминаешь наклонную площадь на Гелин-Кая — те же небольшие углубления в поверхности, отчасти вырубленные намеренно, но в большинстве своем природные, обязанные ступенчатому микрорельефу. На площади более 1,5 га их насчитывается до сотни. Все они, как и остальная часть плато, закрыты слоем наносов, дерниной и густым травяным покровом. Рыхлая, сдобренная перегноем почва изрыта миллионами нор. Здесь настоящее царство землероек и наверняка масса змей, которые должны чувствовать себя превосходно в подобной изоляции и при таком обилии грызунов. Вездесущие землеройки перекопали и почву, и подпочву и добрались до тех отложений, которые сохранили следы истории Биюк-Исара. Возле каждой норки в выбросах мелкозема встречаешь пригоршни мелких обломков керамики — от черноглиняных лепных до покрытой желтой и зеленой поливой продукции зрелого и позднего средневековья. В каждом понижении поверхности Биюк-Исара под слоем наносов толщиной от 20 см до 1 м скрыты остатки жилищ со всеми атрибутами все той же материальной культуры средневековья с ее амфорами и черепицами. Если бы не эти выбросы из нор, трудно было бы поверить, что на 25-градусном скате утеса было плотное поселение, что и сейчас мусор истории все еще остается под почвой. Две-три зачистки открывают развалы маленьких прямоугольных каменных хибарок, громоздившихся друг над другом по ступеням плато. Точь-в-точь таких же, как на горе Кошка, на скале Панея и везде, где нам довелось побывать, разыскивая исары Южного берега.

На самой верхотуре утеса, на площадке размером не больше палаточного тента, над пропастью в сто с лишним метров глубиной в прошлом была церковь (или часовенка), обращенная полукруглой апсидой на северо-восток (см. рис. 117). Сохранились отдельные камни от основания стен храма толщиной 65—80 см, клинчатые блоки травертина, россыпи мелкой гальки и гравия, остатки гашеной извести с красноватой керамической крошкой, обломки черепицы и незамысловатой посуды. Тут же во время топографических съемок Южного берега был поставлен небольшой триангуляционный знак с зацементированным репером. Куски средневекового галечно-известкового раствора перемешаны с кусками галечно-цементного бетона совсем иной эпохи.

Периметр плато Биюк-Исара — больше 650 м. Где ни выходишь на его край — везде головоломные обрывы под ногами. Сколько ни ищи, на самом Биюк-Исаре нет ни одного оборонительного сооружения. Да и зачем было строить четырех-шестиметровые стены, если, куда бы ни сунулся штурмующий противник, его повсюду встречали вертикальные стены, вздымавшиеся над головой на многие десятки

метров? Единственно, что могло беспокоить защитников Биюк-Исара,— это как бы ненароком самим не свалиться с отвесного края.

Биюк-Исар — исполинский каменный бастион, созданный природой. Он не имеет себе равных по недоступности среди укреплений ни на Южном берегу, ни в предгорьях и Горном Крыму. Это настоящая крепость, хотя и без боевых стен.

Огороженный многоугольник севернее Биюк-Исара служил всего-навсего хозяйственной территорией, в ее пределах размещался средневековый Кикинеиз — то самое нижнее поселение, остатки которого рассеяны по северному склону. Здесь и была сосредоточена жизнь населения, тогда как жилой массив на наклонном плато утеса играл роль резервного поселения. Оно использовалось эпизодически, хотя и неоднократно и в сумме продолжительное время. Об этом говорит большая масса керамики на плато. Ее не меньше, чем керамических остатков в зоне нижнего поселения.

Для датировки Биюк-Исара находим все тот же не очень выразительный и не очень точно хронологически определенный материал (посуду и черепицу), который преследует нас от самой Алушты. В нем нет существенных отличий от керамики Аю-Дага и Кастеля, Ореанды и Алупка-Исара, Лимена-Кале и Панеи. Наряду с обломками гончарной посуды на Биюк-Исаре встречается множество мелких обломков черной и серой лепной посуды; это — кубки и горшки таврской культуры и сосуды, изготовленные более тщательно, на гончарном круге, но недостаточно обожженные. В целом черноглиняной керамики около 5 % от массы обломков гончарных амфор, кувшинов, мисок с красным и оранжевым черепком. Среди множества обломков черепицы находим все типы черепицы Панеи, Ореанды и др., за единственным, пожалуй, исключением: на Биюк-Исаре нет черепицы с розовым и желтым черепком, напоминающей по форме римскую.

На Биюк-Исаре значительно чаще, чем где-либо, попадаются обломки глазурованной посуды; их много на плато и значительно меньше в зоне нижнего поселения. Может быть, на плато располагалась более привилегированная, более зажиточная часть населения Биюк-Исара? Но этому факту можно найти и другое объяснение: возможно, остатки на плато относятся к более позднему времени — к заключительному этапу истории Биюк-Исара, когда его население в силу каких-то причин вынуждено было довольствоваться верхним жильем, тогда как нижнее поселение пришло в запустение. Было ли это следствием осады или просто нижнее поселение разрушилось при обвалах скал и сотрясениях почвы — этот вопрос останется без ответа. О позднем средневековье вкупе с обломками поливной керамики рассказывают кусочки индигово-синего стекла от браслетов, подобных браслетам из склепа у Панеи в Симеизе, из раскопов на юго-западном поселении Аю-Дага (над Артеком), на рыночной площади в Керчи, у церкви Иоанна Предтечи [7].

Узкая расселина на восточной стороне Биюк-Исара обнадеживающе завлекает перспективой попасть на вершину скалы, но заводит в опасный тупик, из которого только один выход — вниз. Расселина доходит до самого верха. В наклонной поверхности Биюк-Исара на ее продолжении четко обозначен уступ, вплоть до западного обрыва — один из многих ступенчатых уступов, образованных при оседании известнякового блока по тектоническим трещинам западно-северо-западного (300°) направления. По-видимому, в блоке имеются скрытые расселины, совпадающие с этими трещинами; они завалены обрушенными глыбами либо затянуты мелкоземом и задернованы.

Обходя Биюк-Исар вдоль подножия, на западной стороне, в пределах той тесной площади, которая собственно и представляла собой нижнее укрепление, неожиданно открываешь узкий грот (рис. 119). Его вход — это щель высотой 2,3 м и шириной менее 1 м. Отверстие грота находится на линии крутопадающей трещины, рассекающей западный обрыв снизу доверху; среднее простирание грота 120°. Если мысленно продолжить это направление через массив Биюк-Исара, то оно совпадет с направлением восточной расселины. И грот и расселина находятся на одном и том же тектоническом шве, но прямой связи между ними нет.

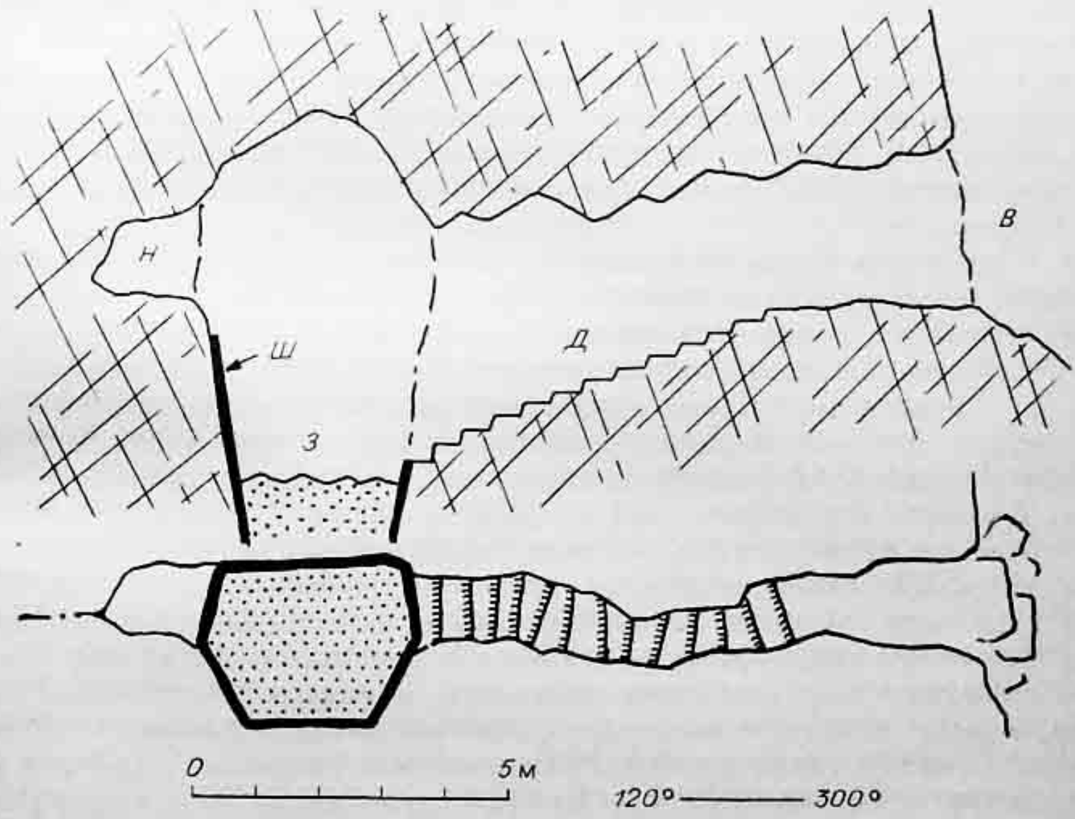


Рис. 119. Грот Биюк-Исара с водяной цистерной. Вверху — профиль, внизу — план.

В — вход; Д — коридор (дромос) с лестницей; Н — ниша в вертикальной камере — цистерне; Ш — штукатурка стенок камеры цемянковым гидрофобным раствором; З — завал цистерны.

Узкий дромос грота имеет горизонтальный пол, затем на протяжении 6 м идут 13 ступеней вырубленной в скале лестницы, опускающейся от уровня входа на 2,5 м, а дромос становится уже и выше. На его стенках видны пересекающиеся борозды — следы долота, которым в первоначально узкой трещине пробивали этот ход. Коридор заканчивается многоугольной камерой. Нижняя часть ее была завалена камнем. На уровне последней ступеньки размеры камеры 2,5×2,7 м в плане и более 5,5—6 м в высоту. В юго-восточной стенке имеется неглубокая ниша, в которой еще заметна тонкая щель — та самая тектоническая трещина, вдоль которой вырублен грот и на продолжении которой находится восточная расселина. Грот — вместе с дромосом и камерой — представляет собой искусственное сооружение: в этом убеждают следы рубки известняка, стесанные выступы потолка и стенок дромоса, вырубленные ступени.

С какой целью сооружался этот грот? На это указывает прекрасно сохранившийся на стенках камеры слой штукатурки толщиной от 3 до 10 см. Облицовка была сплошной. Она состоит из тонкой белой гашеной извести, к которой примешано 10—15 % крупного песка и 35—40 % мелкой керамической крошки оранжевого и красного цвета. Оранжевая крошка (ее меньше) по виду аналогична материалу средневековой посуды, красная крошка (она преобладает) была приготовлена из боя средневековой черепицы. Подобного рода гидрофобные известковые штукатурки, известные под названием цемянковых растворов, характерны для средневековья и применялись для облицовки водяных и рыбозасолочных цистерн. Их можно видеть в Херсонесе, на Дженевез-Кая в Гурзуфе. Характерная особенность цемянковых растворов — их розовый или красный цвет от значительной примеси толченой керамики. Ясно, что грот Биюк-Исара, вырубленный в скале, служил хорошо замаскированной водяной цистерной [8].

Грот Биюк-Исара приподнимает завесу таинственности над проблемой водоснабжения южнобережных укреплений. Некоторые из них питались водой источников, находившихся в пределах самих укреплений или целых укрепленных районов, как на Аю-Даге. Для многих исаров характерна близость водоисточников к укрепленной площади. Это — Демерджи, Ай-Йори, Сераус, Гелин-Кая, Учансу-Исар, Ореанда, Ай-Никола, Гаспра-Исар, Алупка-Исар и др. Правда, близость источников еще не решала до конца проблему водоснабжения, но все же имелась возможность заблаговременно создать значительные запасы воды, используя для этой цели емкую керамическую тару, обломки которой и составляют изрядный процент в средневековых культурных остатках. Наконец, были укрепления и со скрытыми водопроводами сифонного типа или напорными водопроводами от источников, расположенных на значительном удалении. К числу таких укреплений относился римский Харакс, а из средневековых укреплений — Кастель.

Однако все эти варианты водоснабжения явно не могли быть реализованы в некоторых исарах, например на Алупка-Исаре, Лимена-Кале, Биюк-Исаре и других крепостях на известняковых скалах. Источники поблизости от них есть, но какая гарантия, что каждое из этих укреплений не могло быть отрезано от них долговременной осадой? Хватило бы тогда заблаговременно созданных запасов воды?

Представим себе, что такому нападению подвергся Биюк-Исар, в котором нашли убежище 500 чел., оказавшихся в стодневной осаде. Тогда при самой изнурительной в крымском климате норме воды — пол-литра в день на человека — потребовалось бы 25 т воды только для того, чтобы промочить полтысячи пересохших глоток. Но вода нужна и для разных бытовых нужд, для скота. Не было ли на этих (или в этих) «абсолютно безводных» скалах каких-то своих источников, которые действовали, а быть может, действуют и сейчас?

В больших средневековых крепостях Второй гряды Крымских гор, каждая из которых расположена на останцах или скалистых мысах верхнемеловых квест, известны многочисленные водяные цистерны, колодцы и осадные водяные шахты, вырубленные в скале. Они есть и на Чуфут-Кале, и на Тепе-Кермене, в Качи-Кальене и на Мангупе, в пещерных монастырях Шулдан и Чилтер, в Эски-Кермене и других укреплениях. Обширные площади этих крепостей сами служили водосборами. Дождевые осадки питали небольшие местные источники или специально направлялись по искусственным водотокам в цистерны и колодцы. Даже в пору летнего зноя и засухи здесь была возможность получить воду: конденсация атмосферной влаги в ночное время на стенках пещер и в трещинах массивов известняков питает местные источники Мангупа, Тепе-Кермена, Эски-Кермена и других крепостей Второй гряды Крымских гор.

...Однажды мне довелось в одиночестве провести пару ночей в караульных пещерах Мангупа — в пещерах так называемого Дырявого мыса. Мои апартаменты представляли собой выбитую в верхнемеловых известняках камеру размером 1,8×2,5 м и высотой 1,2 м. Где-то в середине ночи холод (а августовские ночи действительно холодны) и странный шорох разбудили меня. Посветив фонариком по углам, я обнаружил занятное явление: с потолка моего склепа летели в сено кристально чистые капли воды. Все стены и потолок, как бисером, были покрыты каплями; кое-где они сбегали вниз, сливаясь в тонкие струйки. Шла сильная конденсация атмосферной влаги.

С помощью носового платка и стаканчика от фляжки удалось измерить (разумеется, относительно) дебит конденсационной влаги. Приблизительно с 5 кв. м осушенной в несколько приемов площади всего за полчаса набралось 100—120 мл превосходной воды. А конденсация продолжалась всю ночь, не меньше 5—6 часов! Иными словами, за ночь каждый квадратный метр стенок и потолка моего склепа мог дать четверть литра воды. Просто поразительная вещь! Впоследствии я неоднократно проводил подобные эксперименты и получал с квадратного метра за час времени ночной конденсации от 10 до 70 мл воды, в зависимости от даты, перепада температур от дня к ночи, влажности воздуха и других факторов.

Но эта конденсация идет и в почве. Водяные пары конденсируются и в самих скалах, в тех вершинах, которые рассекают известняки и другие породы, и зажаты настолько, что в них невозможно всунуть и лезвие ножа. Только благодаря этой влаге на совершенно голых скалах растут вовсе не экономные ксерофиты, а можжевельник, дуб, сосна, земляничник, цепляющиеся корнями за самые неприметные трещины, распирая камни с невероятной силой...

Конденсация атмосферной влаги летними ночами еще характернее для Южного берега. Каким бы засушливым ни было лето, какими бы голыми, безводными ни казались скалы Яйлы, крупные и мелкие блоки отторженцев или грандиозные каменные хаосы у их подножий, всегда и везде для южнобережной растительности находится влага, даже если поблизости нет ни малейшей видимой струйки воды. Вот эта влага и могла утолить жажду защитников любой крепости на мнимо безводных скалах. Вы сомневаетесь? Давайте подсчитаем.

Площадь наклонного плато Биюк-Исара около 1,5 га (15 000 кв. м). Учтем конденсацию только в почвенном слое. Пусть средняя величина этой конденсации всего 30 мл/кв. м за час или хотя бы 100 мл/кв. м за всю ночь (это заведомо меньше действительного накопления влаги в почве и на стенках трещин, на поверхностях скал и гротов, в массе каменных развалов). Тогда только за одну ночь плато Биюк-Исара может дать 2,5 т воды, большая часть которой просочится вниз и попадет в трещины в известняках. Это только из почвы! Без учета конденсации на скалах, в трещинах! Прибавьте к этому эффект работы всего известнякового массива, как своеобразного природного холодильника, и вы получите десятки тонн воды за ночь, которая будет тончайшими струйками сочиться по всем трещинкам, проникая все глубже в толщу известняка, и постепенно доберется до подстилающего сланцевого водоупора. Там, где на ее пути окажется крупная протяженная трещина, она послужит водоводом. Одна из таких трещин — между восточной расселиной и западным гротом — и действовала на Биюк-Исаре. Эффект ночной конденсации паров воды в массиве Биюк-Исара мы видим у его подножия, особенно на его северном склоне. Даже в длительный летний зной здесь из-под известняков сочатся капли воды и почва всегда влажна, покрыта ярко-зелеными моховыми подушками и сочной травой.

Ночная конденсация использовалась для получения воды жителями средневекового и античного Крыма. Там и сям попадаются кучи камней вроде тех, которые обращают на себя внимание на горе Крестовой над Алупкой, где они ошибочно принимались за надмогильные насыпи. Такие кучи встречаются на вершине Аю-Дага; на некоторых из них, охватив корнями собранные в груды камни, растут многосотлетние дубы. Кучи эти собраны вовсе не для того, чтобы расчистить лес, и не для того, чтобы заготовить строительный материал впрок — его достаточно везде. Они служили конденсаторами.

Конденсация происходит в любых скоплениях камней, в том числе и в развалах оборонительных стен средневековых исаров. Вот почему на развалах прекрасно уживается разнообразная растительность. Бывает так, что кругом почти нет деревьев и кустарников — только сухолюбивые злаки, а на руинах старой боевой стены — сплошная чащоба кустов и деревьев и влажный грунт под камнями.

6

Взгляните на панораму, которая открывается с вершины Биюк-Исара. Не правда ли — превосходный наблюдательный пункт? С него виден весь береговой склон и Яйла на 16—17 км к западу и на 6—8 км к востоку (рис. 120, 121).

В направлении 250—252° (к западо-юго-западу) виден изгиб берега у Кастрополя, серия мысов между Кастрополем и Меласом, мыс у Фороса. Дальше к западу (на 257°) из-за берегового склона чуть-чуть заметны верхушки скал Чабан-Таша и Ильяс-Кая — это уже в районе мыса Сарыч и возле Ласпи. Еще правее тянется лента обрывов Форосской Яйлы с Кильсе-Буруном и горным проходом Шайтан-Мердвень. Строго на западе (270°) четкими зубцами скал рисуется один из ближайших мысов Яйлы, и от этого места до направления северо-северо-восток (30°) дуга горизонта в 120° загорожена сплошной трехсотметровой стеной Яйлы. Крутые расселины и узкие каньоны прорезают ее, но спуститься по ним или подняться невозможно. Нужны стальные крючья, веревки, надежные напарники и столько времени, что легче обежать весь Южный берег. У устья

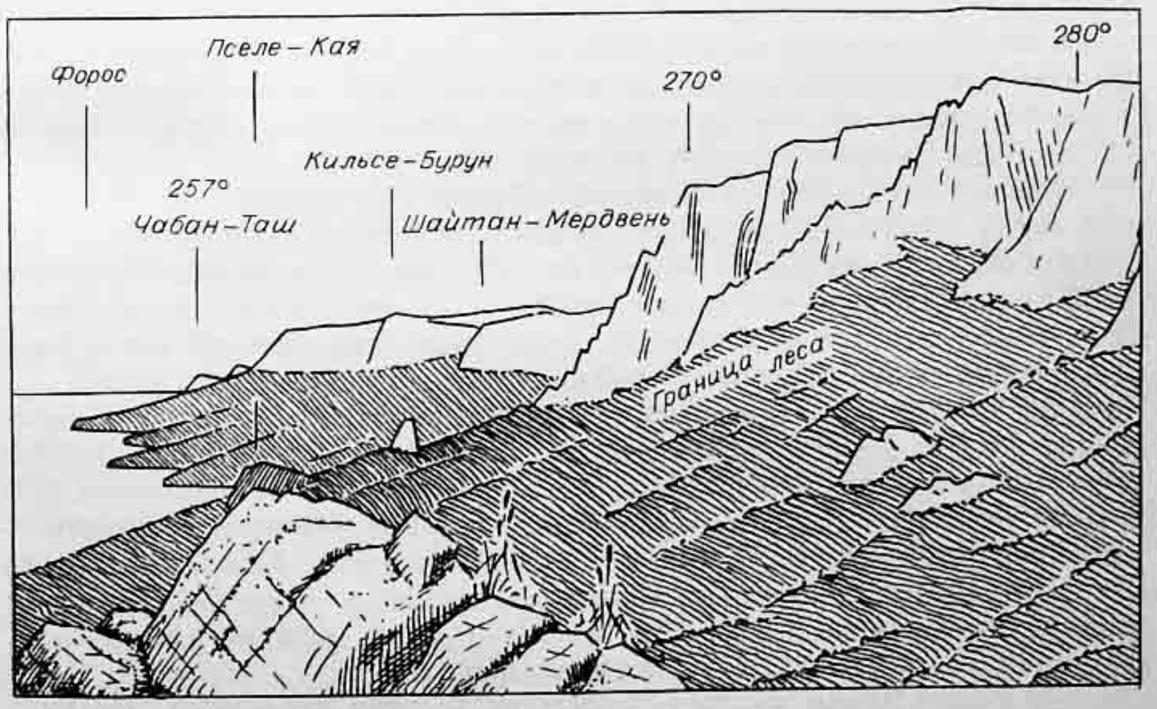


Рис. 120. Яйла и береговой склон к западу от Биюк-Исара. Слева — берег моря между Кастрополем, Меласом и Форосом; на переднем плане — зубцы на вершине Биюк-Исара. Цифровые отметки — направления на точки горизонта в градусах магнитного азимута. Между правой частью этого рисунка и левой частью следующего рисунка — сплошная стена Яйлы высотой 200—300 м и более по дуге горизонта в 110° (см. рис. 121).

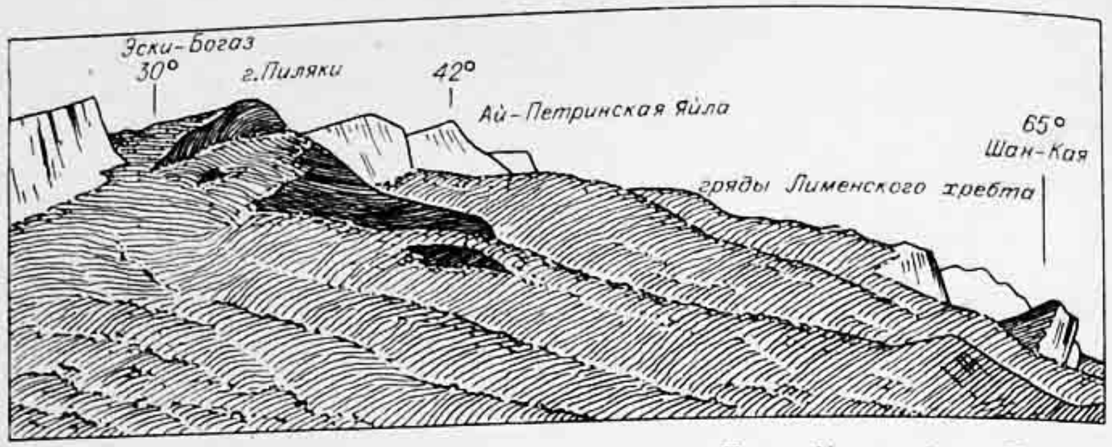


Рис. 121. Яйла и береговой склон к северо-востоку от Биюк-Исара. Эски-Богаз — один из немногих горных проходов через Яйлу. Между Шан-Кая и Биюк-Исаром поперечные гряды склона спускаются к Симеизу (гряды Лименского хребта). Цифровые отметки — те же, что и на рис. 120.

каньонов и расселин в зеленый покров лесов берегового склона врезаются языки каменных лавин. Издали они кажутся россыпью крошечных камешков, но доберитесь до одной из них — и вы запутаетесь в хаосе гигантских глыб.

В северном секторе панорамы высота обрывов Яйлы уменьшается до 50 м, но и здесь преодолеть их невозможно. Правее, в направлении 30°, Яйла разрезана широким логом, перед которым торчит черная куполовидная гора Пиляки. Это Эски-Богаз — Старый проход, или Старый перевал, которым пользовались в далеком прошлом. Здесь и сейчас проходит дорога на Яйлу. С вершины Биюк-Исара, бывает, слышишь комариное жужжание автомобильного мотора, берущего крутые подъемы перевальной дороги. От Биюк-Исара до Эски-Богаза — рукой подать.

Правее Эски-Богаза заметен обрыв Ай-Петринской Яйлы с вершиной Ат-Баш (Лошадиная голова), а в направлении 65° — похожая на лягушку скала Шан-Кая, обращенная к морю. Только в 1966 г. скалолазам удалось подняться за несколько дней на вершину Шан-Кая с юга, по нависающей стене, тогда как путь на нее с боку и с севера, через седловину, занимает всего час-полтора.

От Эски-Богаза к морю спускаются поперечные гряды, закрывающие берег в районе Симеиза, Алупки, Мисхора. Это и есть Лименский хребет, издали не очень выразительный. В направлении 115° в море выступает гора Кошка — его окончание. От нее вправо тянется берег моря до Кастрополя, Меласа, Фороса, и прямо против Биюк-Исара на нем виден Кикинеизский мыс. Морской горизонт просматривается по дуге в 180° и отодвинут на десятки километров. Панорама замкнулась. Она великолепна.

От Биюк-Исара до Эски-Богаза не больше часа пути. Не случайно это соседство с единственным горным проходом на Яйлу, от зубцов величественной Ай-Петри до скал над Кикинеизом и Кастрополем. Дальше к западу будет еще один горный проход — Чертова Лестница (Шайтан-Мердвень). Но тут, рядом с Биюк-Исаром, только Эски-Богаз открывает доступ на Южный берег.

XXII

КУЧУК-ИСАР — РУБЕЖ ОБОРОНЫ У КРАЯ ЗЕМЛИ

Трагедии не пишутся ни святой, ни дистиллированной водой. Принято говорить, что их пишут слезами и кровью.

Андре Боннар

Прямо на юг от Биюк-Исара с высоты скал кажется невероятно далеким и на неизмеримой глубине клин берега, вдающийся в море желтовато-бурым пятном. Это Кикинеизский мыс. На картах конца прошлого — начала нынешнего столетий он обозначен как мыс Святой Троицы; сейчас же ни то, ни другое название не в ходу: местные жители и приезжие говорят о нем как о «вот том самом бугре» или «этом мысу».

Нужно быть очень внимательным или заранее знать кое-что о мысе Святой Троицы, чтобы не проскочить мимо, скользнув взглядом по обычным для этих мест кучам камней, скоплениям глыб, немногим черепкам, торчащим из-под почвы. На самом же деле Святая Троица — это еще одна средневековая крепость, которую татары Кикинеиза именовали в прошлом Кучук-Исаром [1].

Направляясь от Оползневого вниз, к морю, в конце концов попадаешь на обширнейшие виноградники, раскинувшиеся между лентой новой автострады и берегом. Все, что связано с Кучук-Исаром, выглядит совсем неприметно, но история наслоила здесь каменно-черепичные записи о былых временах, а на самом верху оставила клочки стенографии о недавних событиях на Святой Троице.

1

Кучук-Исар относится именно к той группе укреплений, которые расположены не вообще в зоне берега, а на самом берегу моря. Таких пунктов мы знаем уже несколько: мыс Плака, Безымянный исар, Харакс, Панея; близко к берегу находятся также Алушта, Кастель, Партенит, Лимена-Кале; к числу береговых крепостей относится и Гурзуф; над береговым обрывом располагалось Руско-

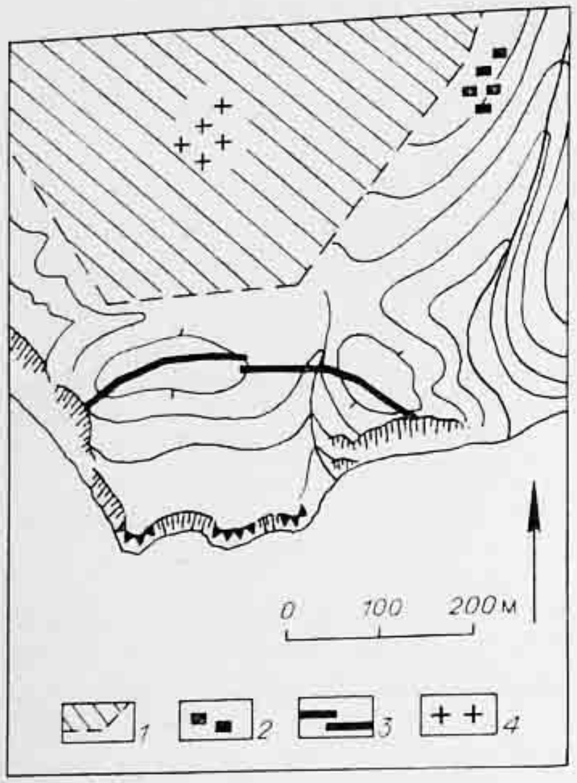


Рис. 122. Археологические объекты в районе мыса Святой Троицы.

1 — зона современного виноградника (выше северной рамки плана — новая автострада); *2* — таврский могильник; *3* — боевая стена Кучук-Исара (сохранилась небольшая ее часть); *4* — средневековый могильник (уничтожен при распашке).

филь-Кале; поблизости от берега было укрепление в Ялте. Как видим, берег определенно притягивал к себе внимание строителей средневековых крепостей, суля немалые удобства — выход в море, морской промысел, малые или умеренные высоты рельефа, более мягкий микроклимат и пр. И западнее Симеиза среди средневековых исаров есть береговые, в частности Кучук-Исар.

Однако по особенностям планировки, по некоторой необычности окрестных видов Кучук-Исар, несомненно, единственный в своем роде крепостной пункт [2].

Он лежит между Кацивели и Кастрополем, приблизительно в 3,5 км от каждого из них, на упомянутом мысу. К нему ведет вдоль берега грунтовая дорога от Кацивели. Пройти на мыс можно и со стороны Кастрополя, но проще и скорее всего достигаешь этого места спускаясь от Оползневого.

Мыс возвышается на 15—20 м над ур. м. В плане он имеет форму трапеции и поверхность, напоминающую морскую террасу. В обрывах мыса обнажены известняки, точно такие же, как на Биюк-Исаре, глинистые сланцы и глинисто-щебенистый делювий. Площадка мыса (рис. 122, 123) отгорожена от берегового склона дугообразной грядой, покрытой развалами крупных глыб. Западнее и восточнее мысового выступа гряда заканчивается крутыми глинистыми склонами и скальными обрывами. Ее длина около 350 м, над ровной площадкой мыса она возвышается на 20—35 м, тогда как ее превышение над прилегающей с севера седловиной не больше 5—10 м. Длина плоской части мыса около 200 м, ширина — 70—80 м, общая площадь террасы и южного склона гряды (до ее гребня) около 5 га. Это больше, чем площадь многих исаров.

Своеобразный рельеф места обязан своим происхождением все тем же титаническим силам гравитации, которые усеяли Южный берег отколовшимися от Яйлы скалами, перекрыли его россыпями каменных глыб и перепахали оползнями. Мыс и гряда, изолирующая его от окружающей местности, сложены верхнеюрскими известняками. Они круто падают к северу, разбиты на два ступенчато опущенных блока и вмяты в глинистые сланцы. Щебенисто-суглини-

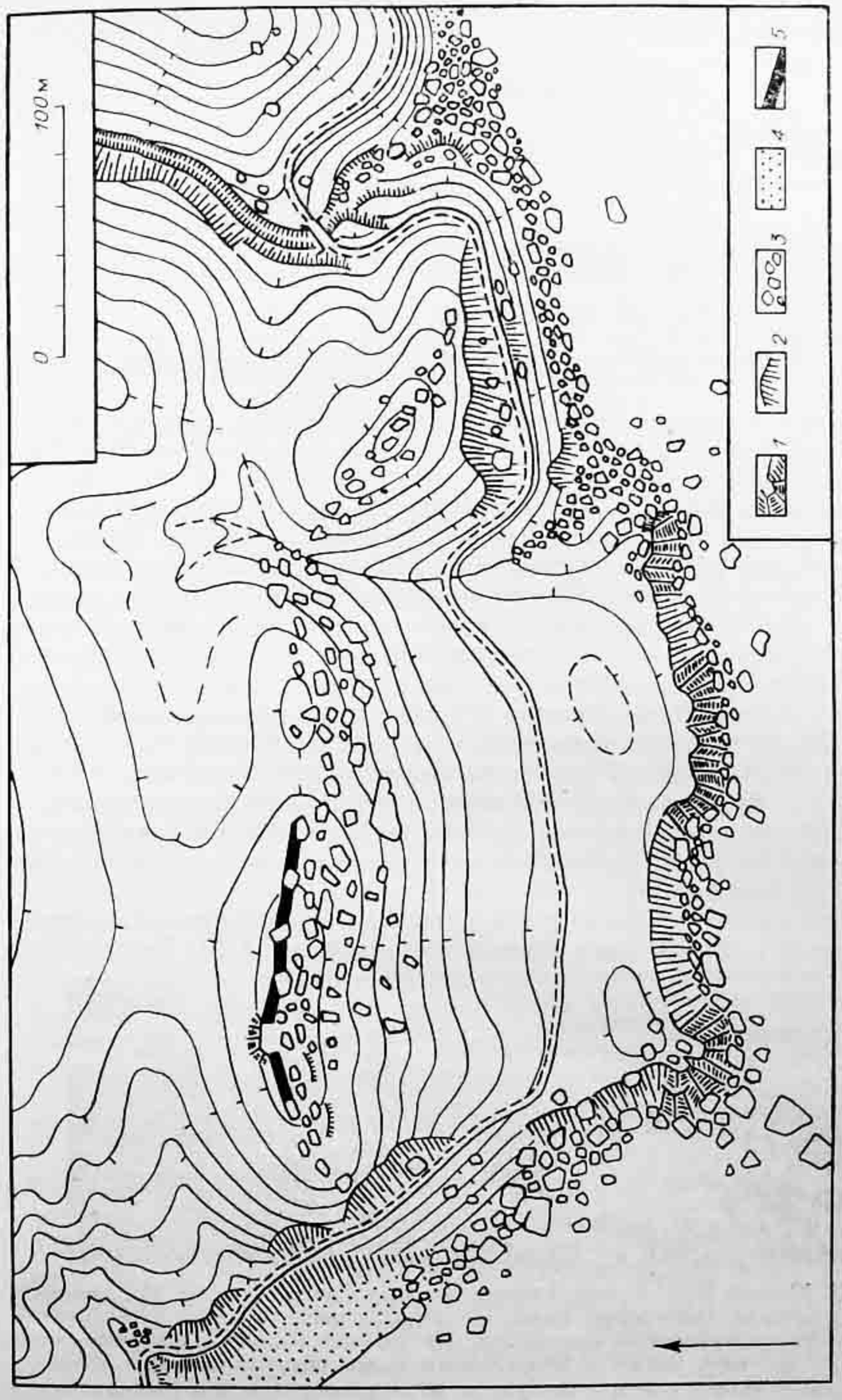


Рис. 123. Топография мыса Святой Троицы. Съемка автора, 1963 г.

1 — скальные обрывы известняков; *2* — крутые обрывы и склоны на мощных делювиальных накоплениях; *3* — скалистые выходы и гигантские глыбовые развалы известняков на гребне гряды и в зоне берега; *4* — пестро-галечные пляжи; *5* — остатки оборонительной стены, достаточно заметные. На плане показана дорога, проходящая через мыс (от Кацивели к Кастрополю).

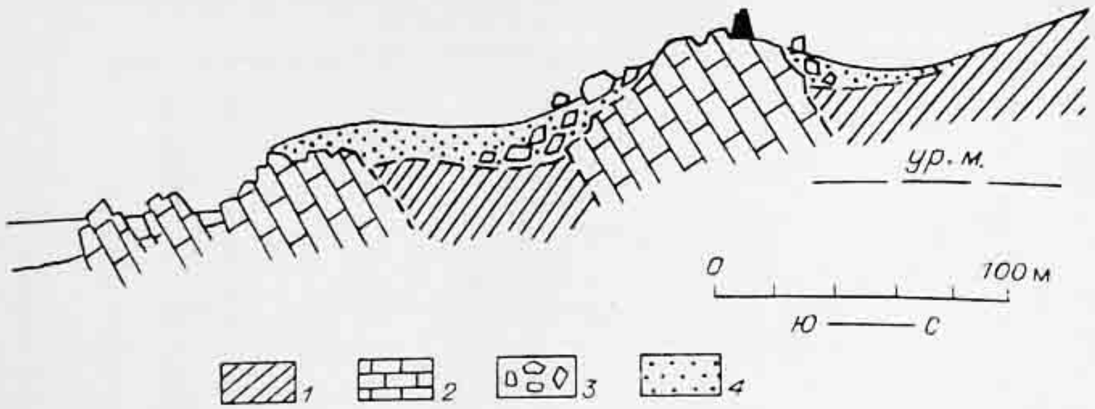


Рис. 124. Профиль мыса Святой Троицы.

1 — глинистые сланцы; *2* — известняки (показано направление падения слоистости); *3* — глыбовые развалы известняков; *4* — делювиальные накопления. На гребне гряды — боевая стена в том виде, как она поднималась во время функционирования Кучук-Исара.

стый делювий мощным чехлом перекрывает террасу, заполняя понижение между верхним и нижним блоками (рис. 124). Движение блоков продолжается и сейчас. Оползневая служба Южного берега имеет на мысу контрольные реперы. Периодические нивелировки за два-три десятка лет должны показать заметные смещения почвы.

На плане (см. рис. 123) видно, что гряда прорезана долиной миниатюрного ручейка. Большую часть года он остается сухим. Вода в нем бежит только во время дождей; тогда этот водоток (самого последнего ранга в гидрографии Южного берега) превращается в бешеный поток, ворочает многопудовые камни, выносит их к морю, намывает отмель. Еще восточнее к берегу моря выходит узкий и глубокий овраг, целиком врезанный в глинистые сланцы и мощный делювиальный плащ. В его устье имеется серия морских террас, сложенных косослоистыми песками, галечниками, валунниками и прослоями несортированного щебня. После ливней по оврагу на курьерской скорости проносятся водно-грязевые потоки (сели), сметая все на своем пути.

Овражистые (глубокие и с крутыми откосами) долины прорезают берег и западнее мыса Святой Троицы (рис. 125). Берег возле

Рис. 125. Южный берег Крыма к западу от мыса Святой Троицы. На переднем плане — плоская часть мыса, слева — обрывы, справа — склон дугообразной гряды (зона разрушенного поселения). На дальнем плане — береговой склон до мыса Сарыч и непрерывная лента обрывов Яйлы.

Ф — скалы над Форосом; К — Кастрополь; Ш — горный проход Шайтан-Мердвень.

мыса приглубый, завален глыбами. В шторм волны с невероятным грохотом, в клубах пены обрушиваются на скалы Святой Троицы; подойти к мысу в это время невозможно. В спокойную погоду берег удобен для высадки, но возвышающиеся над водой обрывы служат преградой для любого, кто пожелает пристать здесь с недобрыми намерениями. Западнее и восточнее мыса тянутся узкие полоски галечных и песчаных пляжей.

Мыс открыт ветрам всех направлений. Они дуют с удивительным постоянством. Даже в тихие дни здесь происходит легкое движение воздушных масс.

Первое впечатление — в Кучук-Исаре вроде бы немного керамических обломков. Присмотревшись внимательнее к каменным осыпям, покрывающим южный склон гряды, замечаешь их сотни. Расчистки дают их уже тысячи. По площади исара они распределены очень неравномерно и примерно так (в % от общего числа учтенных находок):

За оборонительной стеной, на склоне седловины	0,5
На гребне гряды, в соседстве с остатками стены	3
В западной части южного склона гряды	81
В восточной части южного склона гряды	4
На плоской поверхности мыса	11,5

Как видим, богатое местонахождение керамики находится в западной части южного склона гряды. Примечательно, что черепица сосредоточена именно здесь; в восточной же части склона она попадается редко. На плоской поверхности мыса и в покрывающем террасу красноватом глинистом делювии керамика редка, сильно фрагментирована и истерта. Попала она сюда со склона гряды. Сказанное приводит к выводу, что жилой комплекс исара размещался именно в западной части склона, остальная же часть крепостной площади, включая террасу, была не застроена. Дело, по-видимому, в том, что мыс Святой Троицы открыт ветрам почти всех направлений, в том числе и северному. Осенью и зимой борей рвет и мечет и на гряде мыса и на его террасе, и только западная часть южного склона более или менее защищена от его леденящего дыхания. Не удивительно, что именно здесь и ютятся старые кевы и другие деревья.

Размещение жилых построек на западном участке южного склона, в общем довольно крутого (до 20°) и каменистого, обусловлено, таким образом, микроклиматом, в частности наилучшей освещенностью места.

Каменные россыпи, покрывающие склон,— это сплошной чехол развалов строительного бутового камня. Мощность чехла не меньше 1—1,5 м, а у низа склона — по меньшей мере до 2,5 м. Во внешне бесформенной его структуре легко распознать остатки стен жилищ, которые были расположены на склоне ступенями, друг над другом, как в хорошо известных горных аулах. Площадь каждой постройки — 15—25 кв. м. Жилища тесно примыкали друг к другу. Проходы-улочки между ними были не шире 1 м.

Жилые комплексы занимали склон гряды от ее гребня до основания, приблизительно 1 га. Приняв максимальную площадь жил-

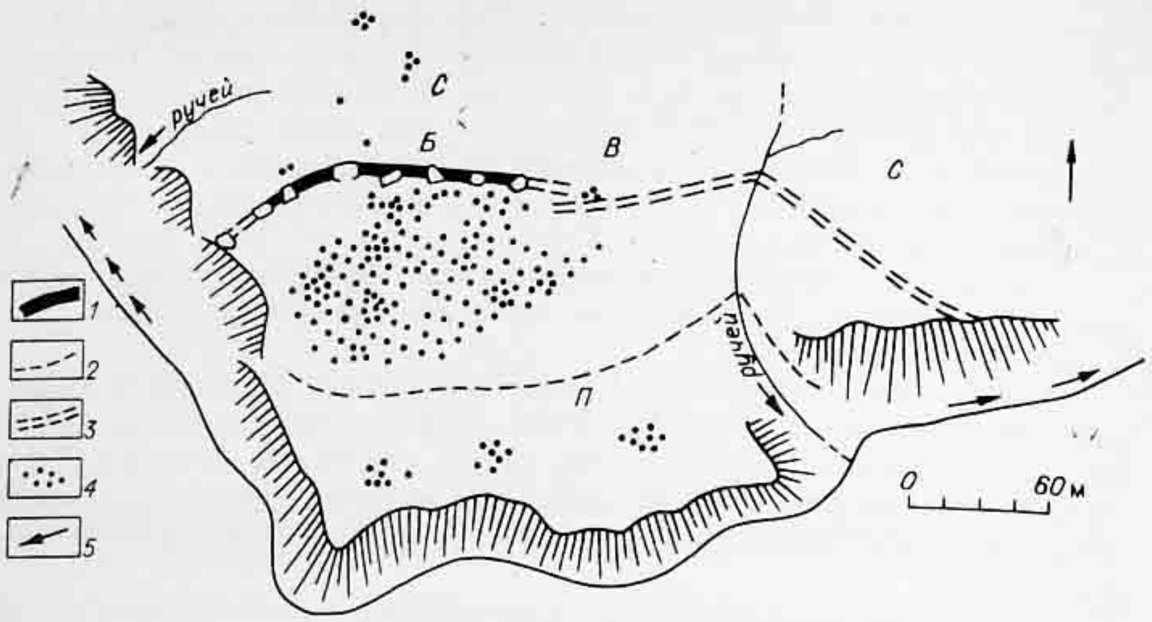


Рис. 126. Схема Кучук-Исара.

1 — остатки стен (сохранились нижние ряды кладки); *2* —стены, от которых остались лишь редкие камни; *3* — предполагаемые стены; *4* — места скопления керамики; *5* —направления переноса обломков керамики вдоль пляжей. Б — башня; В — наиболее вероятное место входа; С — седловина; П — подножие южного склона гряды.

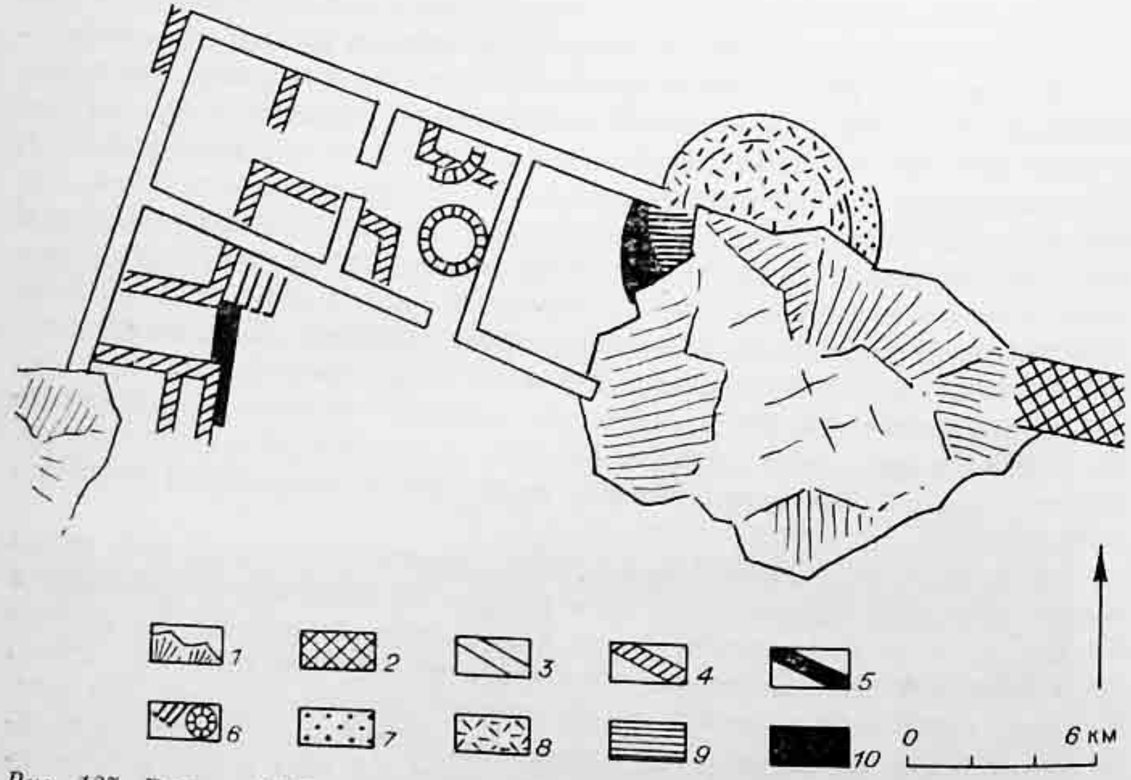


Рис. 127. Раскоп 1968 г. на гребне гряды мыса Святой Троицы (произведен О. И. Домбровским).

1 — скальные выходы известняка; *2* — боевая стена; *3*, *4*, *5* — три «слоя» построек; *6*— горновые печи; *7*, *8*, *9*, *10*— четыре этапа перестройки круглой башни (*7* — наиболее поздний, *10* — наиболее ранний).

лища в 25 кв. м и использование территории хотя бы на 50 %, получаем, что в Кучук-Исаре было по крайней мере около 200 построек. Часть из них, в верхней и средней зонах южного склона гряды, была обнесена стенами, образуя своего рода акрополь (рис. 126). Сохранилось основание западной стены, кое-где заметны остатки южной и восточной. Площадь акрополя—около трети гектара.

Две-три расчистки открывают картину очень долговременного поселения. Камни перемешаны с мириадами черепичных и посудных обломков, с остатками извести, гальки, гравия. Основания разрушенных жилищ налегают друг на друга в несколько слоев, под разными углами. Следовательно, планировка поселения существенно менялась, а это бывает, как правило или чаще тогда, когда от прежних жилищ не остается камня на камне.

Жилые постройки были и на самом гребне гряды; они примыкали к боевой стене. Раскопки, проведенные здесь О. И. Домбровским на небольшой площади (1968 г.), открыли очень плотный ряд жилых и производственных помещений, в частности железоделательную мастерскую с двумя горновыми печами, шлаком, кусками железа (рис. 127). Несколько шурфов на плоской террасе мыса Святой Троицы вскрыли только глинистый делювий с редкой рассеянной керамикой. По крайней мере до глубины 1 м никакого культурного слоя обнаружить здесь не удалось.

2

Керамика Кучук-Исара в общем не отличает его от других исаров. В массе своей она средневековая. Не стоило бы возвращаться к этому предмету еще раз, не будь нескольких обстоятельств, достойных внимания. Об одном из них уже было сказано: это неравномерное распределение обломков черепицы и посуды по площади исара, что обусловлено локальностью «жилого массива». Другие особенности таковы.

В распределении керамики по видам замечается аномалия: довольно высока, в сравнении с другими исарами, доля обломков амфор (в сумме 23 %):

Черепица	69
Амфоры без ангоба, гладкостенные	6
Амфоры с желтым ангобом, гладкостенные	8
Амфоры с ангобом, рифленые	2
Амфоры с рифлением, но без ангоба	3,5
Ручки амфор, в сумме	3,5
Пифосы	7
Обломки мелкой гончарной посуды	1

По-видимому, Кучук-Исар, расположенный у самого моря, служил портовым пунктом. Если принять это предположение, становится понятно, почему амфорных фрагментов в нем больше, чем в других южнобережных исарах: амфоры — это тара.

Впрочем, пересчитав обломки на условно-целые единицы керамики, мы и для Кучук-Исара получаем соотношение между ними та-

кое же, как, например, в Ореанде (в %):

Черепица	93,5
Амфоры	4,2
Пифосы	0,5

Значит, под «средней» кровлей из 250 черепиц в Кучук-Исаре, так же как и в Ореанде, находилось до 11 амфор и всего один-два пифоса [3].

Может вызвать удивление большой процент амфорных ручек (3, 5). Обычных размеров амфора распадается на 50—100 обломков, в среднем на 75, тогда как амфорные ручки дают не больше десяти обломков, в среднем пять. Следовательно, соотношение между количеством обломков стенок и ручек должно быть 57 : 5 или 15 : 1. А для сборов на Кучук-Исаре получается 19,5 ÷ 3,5 или приблизительно 6 : 1. Могу объяснить это своим пристрастием к амфорным ручкам, разыскивая которые всегда надеешься найти клейма или граффити. Увы, клейма и надписи на средневековых амфорах очень редки. В сравнении с античными, средневековые амфоры абсолютно безгласны [4].

Среди подавляющей массы обломков круглодонных амфор и плоскодонных одноручных кувшинов выделяются обломки остродонных амфор, но они более ранние, еще античные, и их очень мало. Вообще надо сказать, что на Кучук-Исаре нигде нет сколько-нибудь четкого античного горизонта. Возможно, он глубоко перекрыт делювием на мысовой террасе; однако в береговых обрывах выходов его не заметно. Но вместе с тем Кучук-Исар — одно из немногих мест, где обнаружена керамика римского происхождения: два-три краснолаковых обломка и пара сложнопрофилированных амфорных ручек, как в Хараксе.

Таврская лепная керамика попадается несравненно реже, чем на Биюк-Исаре, причем в очень сильнофрагментированном и истертом виде. Вместе с тем здесь очень мало находок средневековой поливной керамики — расписных чаш и тарелок — и всего несколько белоглиняных обломков. На обычных для исаров разнокалиберных и разнопрофильных средневековых черепицах нередки однобуквенные знаки (каппа, бета, пи, реже — сигма, омикрон) или рельефный крест. Не меньше четверти всех черепичных обломков почернело в огне пожаров, случавшихся в Кучук-Исаре за его долгую историю.

О продолжительности поселения на мысу Святой Троицы говорят не только «многоэтажные» наслоения, не только явные и неоднократные перестройки, например круглой башни на боковом рубеже, не только изобилие керамики, но и такой, вроде бы незначительный, факт, как керамическая галька в известковом растворе. По характерным признакам глиняного теста эта галька, найденная в кладке боевой стены, сопоставима со средневековой керамидой Кучук-Исара. Керамических галек очень много на пляжах западнее и восточнее мыса. Обломки керамики, сползая вместе с делювием по склону гряды и с мысовой террасы, в конце концов оказываются на уровне моря. Волны перемещают их в стороны от мыса, постепенно окатывая и измельчая. Для приготовления вяжущих растворов строители

исара использовали гальку и гравий западного пляжа, откуда и попали керамические окатыши в боевую стену. Следовательно, поселение на мысу, мусор от которого волны растаскивали вдоль берега, уже существовало до того, как на дуговой гряде выросла боевая стена.

3

Не знаю, были ли жители средневекового Кучук-Исара земледельцами, скотоводами, виноградарями, но людьми, существование которых было связано с морским промыслом,— несомненно.

Изрезанные оврагами земли, окружающие мыс Святой Троицы, годятся разве что под виноградники и небольшие сады и огороды. Там и сям на береговом склоне попадаются выровненные площадки, обнесенные с нижней стороны подпорными стенками. На некоторых из них много обломков керамиды, кое-где — татарской черепицы. Ни о каком земледелии, в обычном понимании этого слова, не могло быть и речи на этих сланцевых косогорах, большую часть года лишенных воды. От редких источников с тоненькими струйками живительной влаги система арыков, выложенных каменными плитками, тянулась по косогорам к небольшим площадкам ровной земли, созданным трудом многих поколений. Но могло ли это в достаточной мере напитать иссушенную жарким солнцем землю? Только вдали от моря и ближе к горам, где больше источников и значительную долю осадков составляет конденсационная влага, можно найти обширные и плодородные угодья. Но это — в округе Биюк-Исара, а Кучук-Исар лежит слишком далеко от них, чтобы его средневековые обитатели могли полагаться на землю как на источник существования. Два с половиной километра отделяют Кучук-Исар от этих угодий. На равнине такое расстояние — сущий пустяк, здесь же, на Южном берегу, это трудный, утомительный путь в гору, через нескончаемые балки и гряды, по пышущей жаром каменистой земле.

Рядом с мысом нет, естественно, и сколько-нибудь значительных пастбищ. Конечно, жители Кучук-Исара, как и многих других пунктов на Южном берегу, могли практиковать отгонное скотоводство, но если это и было, то все же в экономике исара скотоводство не играло заметной роли: в культурных слоях, в тысячелетних отложениях очень мало костей животных, в частности домашних.

Иное дело — продукты моря. Кости и чешуя рыб, раковины мидий, устриц, пателл попадаются на каждом шагу. Местами эти кухонные отбросы слагают сплошные слои. То же самое мы видели в Гурзуфе, великое множество раковин мидий и устриц попадалось в Ореанде, на Панеи, в Лимена-Кале и в других береговых исарах. Даже в значительно удаленных от моря укреплениях, например на Биюк-Исаре, остатки раковин всегда есть в культурных слоях. Для Кучук-Исара они особенно характерны.

О тесной связи населения Кучук-Исара с морем говорит еще одна находка. В скоплениях обычных для исаров известняковых боллов, использовавшихся в качестве пращных камней, на мысу

Святой Троицы в 1963 г. я нашел несколько булыжников коричневато-красной изверженной породы с вкраплениями кварца и полевого шпата. Это кварцевые порфиры анатолийского происхождения. Таких пород в Крыму нет на всем побережье от мыса Фиолент до Судака, нет их и в Горном Крыму и в предгорьях. Попасть на мыс Святой Троицы булыжники порфира могли как балласт на судах, приходивших из-за моря. Значит, Кучук-Исар имел сообщение с южным берегом Черного моря. Быть может, он представлял собой не только поселение рыбаков и собирателей моллюсков, но и небольшой торговый пункт.

Задолго до основания исара на мысу и поблизости от него, у самого берега, были стоянки неолитического человека. На их месте сохранились тонкие слои с осколками кремня, обломками лепных сосудов, костями рыб, панцирями крабов, раковинами устриц и мидий [5]. И тогда, более 4—5 тыс. лет назад, рыба и моллюски имели важное значение в пищевом рационе жителей южнобережья. Они сохранили это значение и в античности, и в средние века [6].

4

В прошлом столетии между Севастопольским шоссе и мысом Святой Троицы был открыт могильник с каменными ящиками. Он находился рядом с Кучук-Исаром (см. рис. 122).

В 1903 г. 11 ящиков раскопал В. Е. Данилевич. Они были либо сильно повреждены, либо начисто ограблены уже в прошлом. Некоторые деформированы при сползании делювия и растащены на отдельные плиты. В трех ящиках В. Е. Данилевич обнаружил костяки; погребенные лежали на боку, в скорченном виде, что говорит о традиционном таврском обряде погребения. В нескольких ящиках найдены незамысловатые бронзовые предметы, в том числе втульчатые, листовидные и трехгранные наконечники стрел. Они позволяют датировать могильник концом VI—V в. до н. э. По мнению В. Е. Данилевича, все ящики однотипны (длина — 1,1—2,0 м, ширина — 0,9—1,73, глубина 0,1—0,8 м); неглубокие ящики напоминают плиточные могилы, характерные для средневековья, но короче последних [7]. Полное число их до сих пор неизвестно. Могильник оказался на самом краю глубокого оврага, которого еще не было в ту пору, когда берег населяли тавры. Овраг уничтожил большую часть ящиков.

В 1968 г. мне удалось разыскать только пять из них. Два ящика устроены из плит известняка, доставленных, несомненно, с гряды мыса Святой Троицы, три — из плит темно-серого и зеленовато-серого песчаника, слои которого есть в толще глинистых сланцев, обнаженных тут же, поблизости. Длинными сторонами ящики направлены на 70, 78, 90 и 100°, т. е. имеют широтную ориентировку, как и на многих других таврских могильниках от холма Малаба до Байдарской долины.

Имел ли этот могильник отношение к Кучук-Исару? Безусловно. Разумеется, не к средневековому Кучук-Исару, а к тому таврскому убежищу, которое находилось на мысу до него. Оно существовало здесь наверняка, как и убежище тавров на Биюк-Исаре, только остались от него редкие черноглиняные обломки.

В 200 м западнее таврского могильника располагался некрополь средневекового Кучук-Исара (см. рис. 122). Его уничтожили во время плантажной вспашки склона под виноградники. Плугами распахана группа плиточных могил и небольшая кладбищенская часовня, каких десятки раскидано по Южному берегу. Видимо, эта часовня и была посвящена Святой Троице, откуда и пошло название мыса. В самом исаре средневекового храма пока не найдено.

...На смену жаркому и шумному лету, когда на месте старой крепости пестреют десятки туристских палаток, приходит прохладная осень, и становится пустынным Кучук-Исар.

Наверное, таким же безлюдным он был в далеком прошлом — в эпоху палеолита. Так же сверкали вдали ослепительно белые обрывы Яйлы, и у их подножия громоздились волны зеленовато-бурых холмов. Так же как и сейчас, контрастным выжженно-желтым клином врезался в море плоский мыс, отороченный зубьями скал и оглушенный грохотом прибоя, а над ним рвался освежающий левант, напоенный солнцем и солью...

Затем здесь появился человек неолита — собиратель мидий и устриц, умелец в обращении с кремнем и начинающий гончар. Многие столетия тлел на мысу огонек неторопливой жизни...

И вот на мыс пришли разбойные тавры. Не здесь ли они захватили римскую трирему и перебили солдат вспомогательного отряда? Помните, у Тацита? Быть может, именно тут увесистая дубина обрушилась на голову несчастного начальника когорты, и зеленым пламенем вспыхнул и померк свет в его глазах. Немало греческих, а затем и римских галер шныряло вдоль берега и мимо желтого мыса, распаляя алчность его обитателей — тавров. Вспомним и о бенефициарии XI Клавдиева легиона Тите Флавии Цельсине, который то ли на сухопутной дороге, то ли в море подвергся напасти и в благодарность за спасение воздвиг алтарь Немезиде в Херсонесе. В самом деле, не здесь ли это все происходило? Находим же мы обломки римских сосудов на мысу Святой Троицы, хотя и очень редко!..

Время уходило в небытие, и от тавров остались воспоминания, кое-где черепки. На мысу выросло средневековое поселение и поднялась трехсаженная крепостная стена. Сменяли друг друга поколения. Но однажды крепость пала в шуме битвы, в треске горящих строений. Снова для кого-то померк солнечный день и кто-то упокоился на невысоком кладбищенском бугре, неподалеку от места, которое защищал. По меньшей мере четырежды восстанавливали круглую башню Кучук-Исара. Три или больше «слоев» построек налегают друг на друга на гряде, по которой шла крепостная стена. Так сколько же событий пронеслось над этим клочком земли, чьи только слезы, пот и кровь не орошали эти камни?!

И вот новая трагедия обрушилась на мыс Святой Троицы. Следами прошлой войны, памятью о 1941 годе остаются на гребне гряды, затянутые землей, полузаваленные камнем, заросшие бурьяном и колючками, блиндажи, окопы и снарядные воронки. Вот россыпь позеленевших гильз — место позиции пулемета, там — каска, пробитая пулей навылет, под камнем — истлевший клочок «морской души», латунная пряжка с тисненым якорем, осколки снаряда. Кто дрался, вгрызаясь в землю, набитую черепками ушедших веков?

Камни не назовут безвестных имен. Но помнит о них земля. Помнит обо всем, что было. Молчаливой памятью развалин и черепков, пращных боллов и латунных гильз, обломков глиняных горшков и солдатских касок — следами далеких и недавних трагедий, прахом ушедших веков.

XXIII

ЧЕРТОВ ИСАР — СТРАЖ ГОРНОЙ ТЕСНИНЫ*

Красные скалы и синие горы
Дико и грозно нависли над нами.
Это злых духов пещеры, затворы
Высятся над облаками.
Скалы до моря грядою сползают.
Чертовой лестницей их называют.

Леся Украинка

Тем не менее, если те, кто сообщает нам сведения о данных местностях, не согласны между собой, то мы не должны начисто отвергать эти сведения, но иногда следует принять рассказ целиком.

Страбон

От Кучук-Исара дальше к западу до Фороса и Ласпи протянулся участок берега длиной 18—20 км. Я обошел этот участок, проявляя, как казалось, максимум внимания к любым скоплениям камней, полям рассеяния керамики и отдельным черепкам, и убедился, что в средние века здесь была масса небольших поселений, то отстоявших друг от друга на 2—3 км, то тесно сближенных, прижавшихся к берегу моря или находившихся вблизи источников у подножия скал, но остатков оборонительных сооружений так и не нашел. Особые надежды в этом отношении можно было возлагать на скалу западнее Биюк-Исара, отмеченную на старых картах Южного берега под названием Иселе-Кая (снова смешанное греко-татарское название: от греческого ψῆλος или ὕψηλος — высокий, возвышенный), однако на небольшой площадке этой скалы ничего не оказалось.

Только на полпути от Оползневого до Фороса, на одном из зубцов гребня Яйлы до сих пор сохраняются остатки единственного на этом участке небольшого укрепления — Исар-Кая, или Чертова Исара, при горном проходе Шайтан-Мердвень (Чертова Лестница).

Прежде чем говорить о нем и о горном проходе Шайтан-Мердвень — этом удивительном археологическом памятнике глубокой древности, дожившем до наших дней и продолжающем служить своему назначению, окинем общим взглядом берег от Кучук-Исара до Фороса и попробуем отыскать причину его кажущейся фортификационной «стерильности».

---

* В ином редакционном оформлении эта глава автором опубликована: **Фирсов Л. В.** Археологические разведки на Исар-Кая и Шайтан-Мердвене в 1967 г. // Феодальная Таврика.— Киев, 1974.— С. 94—108.

1

Полоса Южного берега между Кучук-Исаром (Кикинеизским мысом, или мысом Святой Троицы) и Форосом наиболее узка. Возле пос. Оползневое ее ширина до вертикальных обрывов Яйлы всего 3 км, а возле Фороса уменьшается до 2 км. Стена 200—300-метрового обрыва Яйлы надежно прикрывает берег от северных ветров. Сочетание этой естественной защиты со строго южной экспозицией берегового склона определяет особенности микроклимата. Бывает, что в декабре и январе здесь на берегу стоит солнечная жаркая погода, но стоит подняться в горы и перевалить гребень Яйлы, как попадешь совершенно в другую обстановку с температурой ниже на 10—15°.

Обрывы Яйлы представляют собой не только климатический барьер. Будучи совершенно вертикальными, а нередко и с отрицательным наклоном, они являются непреодолимым препятствием для проникновения на берег между Оползневым и Форосом. Если не считать подъема к Байдарским Воротам, благоустроенного в середине прошлого столетия, то имеются всего два горных прохода, ведущих на Южный берег,— Эски-Богаз, северо-восточнее Биюк-Исара, и Шайтан-Мердвень, между Кастрополем и Меласом (рис. 128). На восточном фланге этот кусок берега прикрыт меридиональным Лименским хребтом, на западном — скалами Ильяс-Кая и Чабан-Таш, спускающимися к мысу Сарыч и отделяющими район Фороса и Тессели от следующей к западу Ласпинской котловины.

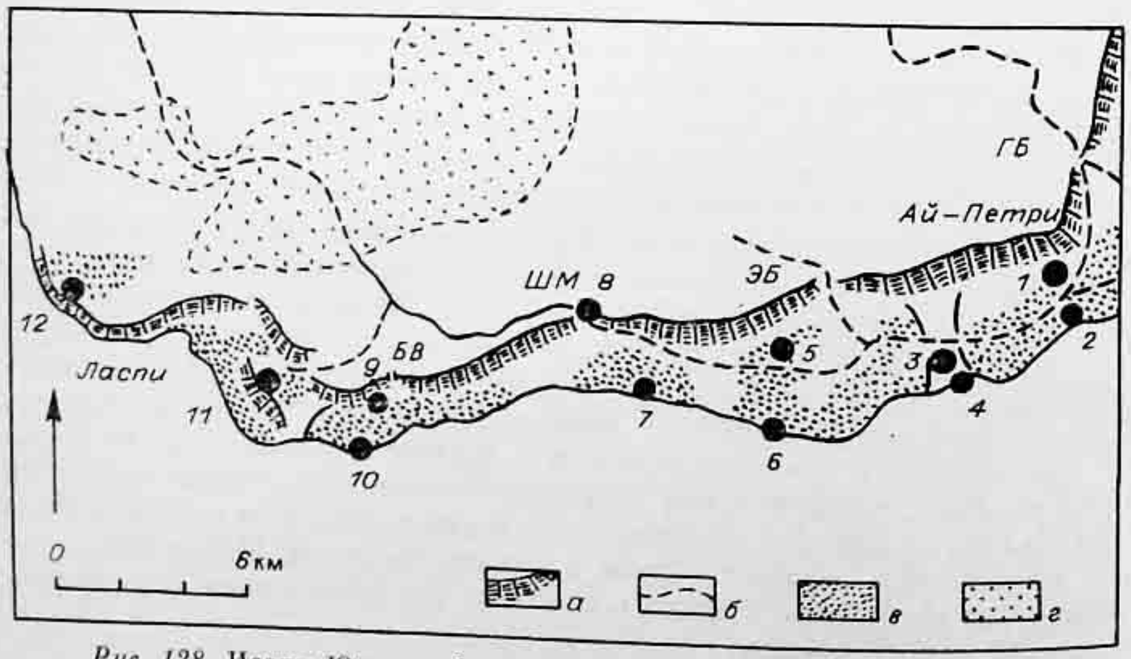


Рис. 128. Исары Южного берега Крыма между Алупкой и Ласпи:
а — обрывы Яйлы; *б* — главные дороги средневековья; *в* — зоны поселений на Южном берегу; *г* — Байдарская долина. Исары: *1* — Алупка-Исар (гора Крестовая); *2* — береговой исар в Алупке (не сохранился); *3* — Лимена-Кале на горе Кошка; *4* — Панея; *5* — Биюк-Исар; *6* — Кучук-Исар; *7* — Кастрополь (не сохранился); *8* — Чертов Исар; *9* — объект над Форосом; *10* — Форос (не сохранился); *11* — Ильяс-Кая; *12* — Кокия-Исар и мыс Айя. Горные проходы: ГБ — Гаспра-Богаз; ЭБ — Эски-Богаз; ШМ — Шайтан-Мердвень; БВ — Байдарские Ворота (западнее — два Ласпинских богаза).

Склон сложен обычными для южнобережья деформированными сланцами и песчаниками таврической формации. Выходы их прослеживаются от уровня моря до подножия Яйлы. Благодаря тому что средний наклон местности к морю здесь значительно больше, чем в других пунктах Южного берега (в среднем 12—15°), поперечное расчленение склона оврагами и грядами достигает максимальной интенсивности. В условиях расчлененного рельефа значительно скорее и на большую глубину происходит выветривание горных пород. Толщи глинисто-щебенистого элювия и делювия достигают многих метров. Они легко размываются и подвержены оползанию, особенно энергичному в дождливые сезоны годы. Если добавить к этому, что рельеф склона сильно осложнен каменными развалами и скалами известняков, отколовшимися от уступов Яйлы, гребнями диабазовых и порфиритовых даек и штоков, то совсем неудивительным покажется тот факт, что и сейчас, например, берег между Оползневым и Форосом освоен в санаторно-курортном отношении очень мало и во многом сохраняет не то чтобы первобытный, но все же довольно диковатый облик. Это касается, в частности, его растительности, среди которой преобладают заросли иглицы, каменного дуба, грабинника, держидерева, можжевельника, кизила, бука и совсем мало элементов культурной флоры, которые сосредоточены главным образом в парковых насаждениях Кастрополя, Меласа, Фороса, Тассели, в непосредственной близости к морю.

Линия берега не имеет значительных заливов и бухт и практически нигде не защищена от волнения. Сланцевые клифы и обрывы, сложенные глинисто-щебенисто-глыбовым элювием и делювием, подвержены абразии и из года в год меняют свою конфигурацию. Небольшие открытые бухточки у Кастрополя, Меласа, Фороса и немногие мысы, например Святой Троицы (с Кучук-Исаром на нем), обеспечивают возможность высадки на берег при спокойном море, но не дают защиты и опасны в шторм.

2

Берег этот, по крайней мере в средние века, был заселен, как уже сказано, не менее плотно, чем сейчас. Неопровержимым доказательством того служат многочисленные поля средоточения средневековой керамики и черепицы поблизости от Кучук-Исара, в окрестностях Кастрополя, между ним и Меласом, возле Меласа и особенно на участке от Меласа до Фороса, где насчитывается не меньше десятка пунктов со следами построек и рассеянными керамическими обломками. Все эти остатки, расположенные, как правило, в местах наиболее удобных — поблизости от родников, на сравнительно пологих склонах, обращенных к югу, почти всегда под защитой скал и глыбовых нагромождений,— дают основание считать, что на 18 км береговой полосы когда-то было разбросано до 30, если не больше, поселений.

Не только керамика и остатки построек указывают нам на эти поселения, но и пятна некогда культурной, теперь одичавшей расти-

тельности — группы старых олив, рощи миндаля и фисташки, заросли терновника, кусты мушмулы, дикие гранатовые деревья. Где бы ни пришлось столкнуться с десятком-другим фисташковых деревьев, всегда можно быть уверенным, что именно здесь будут найдены и битая черепица, и обломки амфор, и кое-какие остатки строений. Так оно и есть в большинстве случаев.

Может показаться странным такое обилие поселений на очень тесной полоске берегового склона, вся-то площадь которого на этом участке едва ли больше 20 кв. км, а удобных для возделывания угодий не насчитается и 10 кв. км. Овраги, скалы, каменные россыпи, скалистые гряды, шлейфы оползней — все это столь сильно сокращает удобную площадь, что вроде бы развернуться здесь негде и меньшему числу поселений. Правда, многие из них состояли всего из нескольких домиков, представляя собой что-то вроде хуторов, и могли насчитывать не больше двух-трех десятков жителей, однако были и более крупные (особенно возле Кастрополя и между Меласом и Форосом), занимавшие площадь в несколько гектаров.

С какого времени началось заселение этого участка берега?

Все находки керамики и черепицы относятся к средневековью. Они многообразны в своей массе и сходны со всем тем набором гончарной посуды и черепицы, который типичен для укреплений и поселений от Алушты до Симеиза и Оползневого и является датирующим. Следовательно, здесь имеется та же самая хронологическая и, вероятно, та же самая этническая и социально-экономическая формация археологических памятников, что и в полосе до Симеиза и Оползневого.

Отдельные фрагменты керамики указывают на римское и эллинистическое время; сведения о них не систематизированы, ибо находки эти случайны. Привлекают внимание и откровенно греческие элементы топонимики, такие как Кастрополь, Мелас, Форос и др. В числе деревень Мангупского кадылыка между Симеизом и Ласпи значились Лимены, Кикинеиз, Кучук-Кой, Мухалятка, Мшатка (или Пшатка), Форос, Кайту, Ласпи. Нет Кастрополя и Меласа. Но эти названия в то время относились не к деревням, а к урочищам. Нет оснований считать их следствием позднейшего (после присоединения Крыма к России) огречивания топонимики. По поводу Меласа мы уже говорили, что его название удивительно точно передает колорит местности. Что же касается Кастрополя, то еще П. И. Кеппен провел соответствующие этимологические изыскания [1]. В его время название звучало как Кастропуло. Он полагал, что это близко к Фуллам (ошибочно) или происходит от поэтического греческого πῶλος — молодая женщина, дева. Уж не это ли соображение послужило основанием считать район Кастрополя — Меласа, точнее, один из скалистых мысов берега, известный как мыс Ифигении, пунктом локализации таврского святилища Девы? Думаю, однако, что это название дано ему кем-либо из романтически настроенных владельцев поместий не ранее второй половины прошлого столетия, ибо в более ранних источниках оно не встречается [2]. Что касается названия самого Кастрополя, то, видимо, правильнее производить

его от κάστρον — крепость и πόλις — город и считать, что некогда здесь было обширное укрепленное поселение. Возможно, оно возникло еще в эллинистическое время, впоследствии запустело, и в средние века на его месте были поселения, но уже не было крепости. Во всяком случае, поля рассеяния средневекового керамического материала в районе Кастрополя довольно обширны, но нигде не удавалось найти крепостных сооружений.

Мы уже знаем, что на берегу между Симеизом и Ласпи известен единственный могильник, состоящий из каменных ящиков. Он находится между Биюк-Исаром и Кучук-Исаром. Кроме могильника на Обсерваторской горке Лименского хребта были найдены отдельные каменные ящики в устьевой части Лименской долины, возле Кацивели, но западнее Оползневого никто и никогда каменных ящиков не видел. По крайней мере в литературе об этом сведений нет. Тем не менее берег между Оползневым и Ласпи не может быть исключен из ареала расселения тавров. Наряду со средневековой керамикой, здесь попадаются обломки черноглиняной лепной посуды, и, хотя находки эти не часты, нельзя не придавать им значения. В данном случае речь идет именно о таврской лепной посуде с характерными ушкообразными ручками и прорезным орнаментом. Таким образом, история берега в районе Кастрополя — Меласа — Фороса начинается уже в таврское время — по крайней мере в I тыс. до н. э., но о ней мы можем составить пока довольно смутное представление. Добавим, что имеются основания отнести начало заселения берега между Кастрополем и Форосом даже к эпохе неолита: на береговом склоне и на гребне Форосской Яйлы часто встречаются кремневые микролиты, а в зоне берега тут и там открываются остатки стоянок энеолитической культуры «раковинных куч», зольные пропластки которых переполнены раковинами мидии (преобладает), устрицы (мало), пателлы (редко), содержат осколки кремня и обработанные микролиты и обломки лепных горшков с характерным прорезным орнаментом «в елочку». Один из таких пунктов относится к объекту нашего интереса — Чертовой Лестнице.

В общем узкая, изрезанная оврагами, загроможденная скалами полоска берега Кастрополь — Мелас — Форос не пустовала в древности, тем более не пустовала она в средние века. Основываясь на сопоставлении керамического материала, можно думать, что наибольшей плотности поселения достигли здесь в греко-византийскую эпоху и были многолюдными еще в XIII—XV столетиях. Непременными спутниками поселений были христианские храмы, память о которых осталась в таких названиях, как Ай-Юри (вулканический гребень у Меласа), Кильсе-Бурун (Церковный Мыс, татарское название наиболее высокой скалы Яйлы над Меласом) и др.

Укрепления имелись на флангах этого участка и в центре его: на восточном фланге — Биюк-Исар против Эски-Богаза и Кучук-Исар на удобном для высадки мысу; в центре — Кастрополь, о некогда существовавшем укреплении которого можно догадываться, к сожалению, только по названию; на западном фланге — Форос и Ильяс-Кая, о чем будет рассказано в следующих главах.

Таким образом, нельзя говорить, что берег между Кастрополем, Меласом, Форосом не был в достаточной степени защищен крепостными постройками. Правда, их было здесь меньше, чем, скажем, между Алуштой и Ялтой, но столько, сколько требовала оборона этой территории,— они находились именно там, где были горные проходы или участки берега, доступные для десанта. Иные пункты берега не требовалось защищать (см. рис. 128).

Пути вторжения и крепостные постройки Южного берега! Для нас в этом уже нет ничего неожиданного: связь между ними очевидна и в районе Алушты, и в окрестностях Гурзуфа, и в Ялтинской котловине, и дальше к западу. Вполне естественно было ожидать, что и на западном фланге Южного берега мы столкнемся с той же ситуацией. Действительность не обманула этих ожиданий: помимо фланговых и береговых укреплений, находим здесь горную крепость, вынесенную на самый гребень Яйлы и тем отличающуюся от многих южнобережных исаров. Это — Чертов Исар при горном проходе Шайтан-Мердвень, рассекающем Форосскую Яйлу между Кастрополем и Меласом. Самый короткий путь из предгорий на Южный берег!

Только два укрепления имеют положение, подобное положению Чертова Исара. С одним из них мы уже знакомы — это Пахкал-Кая северо-западнее Демерджи (вообще мало похожее на укрепление из-за отсутствия боевых сооружений), второе — Кокия-Исар над мысом Айя западнее залива Ласпи.

3

Чертова Лестница! Как превосходно вписана она в теснину между скал! Крут и извилист путь от ее подножия к перевальной седловине! Как настораживают ее повороты между грозящими обвалом каменными нагромождениями! Поистине — не человеческое, а чертово творение...

То неподдельное восхищение и удивление, то мистическая настороженность и даже страх приходят к каждому, кто в первый раз карабкается по каменным маршам Шайтан-Мердвеня. Но достаточно пройти этот путь два-три раза и не спеша, чтобы разобраться в своих впечатлениях. Тогда приходишь к заключению, что ничего удивительного в Шайтан-Мердвене нет. Это сооружение на три четверти — дело самой природы и только на четверть — дело рук человека. На Южном берегу имеются куда более потрясающие своим величием и дикостью горные теснины. Впрочем, восхищение остается...

Шайтан-Мердвень не может пожаловаться на недостаток внимательных ценителей природы и в прошлом, и в настоящем. Горной теснины спускались и поднимались Паллас и Дюбуа де Монпере, Пушкин и Грибоедов, Муравьев-Апостол (отец декабристов) и Жуковский, Леся Украинка и Гарин-Михайловский.

Каменные ступени истерты не только знаменитостями. Здесь шли купцы из предгорий с товарами для греческих поселений Южного берега; здесь спускались отряды римских солдат из Херсонеса; теснины пробирались тавры, возвращаясь с охоты в предгорьях, богатых дичью и зверьем; здесь проходил человек неолита.

Так что же такое Шайтан-Мердвень — Чертова Лестница, которую греки Южного берега называли еще и Scála, переняв это название у генуэзцев?

Лента старого верхнего шоссе (Ялта — Севастополь) после Оползневого петляет по склону, изрезанному оврагами и заросшему дубняком и грабинником, постепенно приближаясь к скалистым обрывам Яйлы. Обрывы все больше и больше сжимают полоску берега. Затем шоссе проскакивает через постоянно действующий оползень, смахнувший еще в 1786 г. 16 домишек татарской деревни Кучук-Кай с высоты холмов в море. Слева остаются новый и старый шоссейные спуски к Кастрополю. На 74-м километре от Алушты шоссе проходит прямо под двухсотметровым обрывом Яйлы — под скалой Балчик-Кая. Слева, на небольшой полянке, находится памятник пяти неизвестным солдатам, погибшим на верхнем шоссе в апреле 1944 г. Отсюда остается пройти меньше километра до скрытой в кустах у шоссейного поворота могилы четырех неизвестных партизан, павших в мае 1942 г. Это — 75-й километр от Алушты или 48-й от Севастополя. Оборотясь лицом к северу, видишь перед собой скалистый амфитеатр, ограниченный с востока утесом Балчик-Кая и с запада узким и крутым контрфорсом скалы Мердвень-Кая.

Непрерывная стена Яйлы, тянущаяся от Эски-Богаза до Балчик-Кая и от Мердвень-Кая до Байдарских Ворот, между Балчик-Кая и Мердвень-Кая отступает к северу серией гигантских ступеней и снижается в перспективе (см. рис. 113). Этот скалистый амфитеатр образовался путем опускания крупных блоков Яйлы (рис. 129, 130). В его западной части скалы рассечены узкой и глубокой, *V*-образной в поперечном профиле расселиной. Ее западный борт одновременно является восточным скатом скалы Мердвень-Кая. Дно расселины загромождено глыбами известняков, наваленными здесь неоднократными обвалами. Это и есть основание Чертовой Лестницы. Направление расселины — 310°. От шоссе к входу в нее путь проходит по средней крутизны склону с выходами глинистых сланцев и песчаников, в зарослях дуба, граба, грабинника, кизила, в лабиринте небольших овражков и крупных глыб. Видны остатки старой дороги с множеством поворотов, некогда огороженной стенками, усиленной крепидами. Ширина дороги была достаточной для проезда небольших двухколесных повозок. 400 м пути по кривой и 5—6 минут безостановочного подъема — и вы оказываетесь у входа в горную теснину. Остается сделать еще 550—600 крупных шагов, поворачиваясь направо и налево раз тридцать, и через 7—8 минут вся Чертова Лестница будет пройдена до перевальной седловины, высота которой над входом в теснину меньше 100 м.

В каменных нагромождениях теснины устроен проход. Вернее сказать, он был выбран среди глыб и приспособлен для подъема, который представляет собой то продольные и прямые, то поперечные и зигзагообразные марши длиной 5—25 м. На многих из них сохранилась глыбовая подмостка, отдаленно напоминающая лестничную

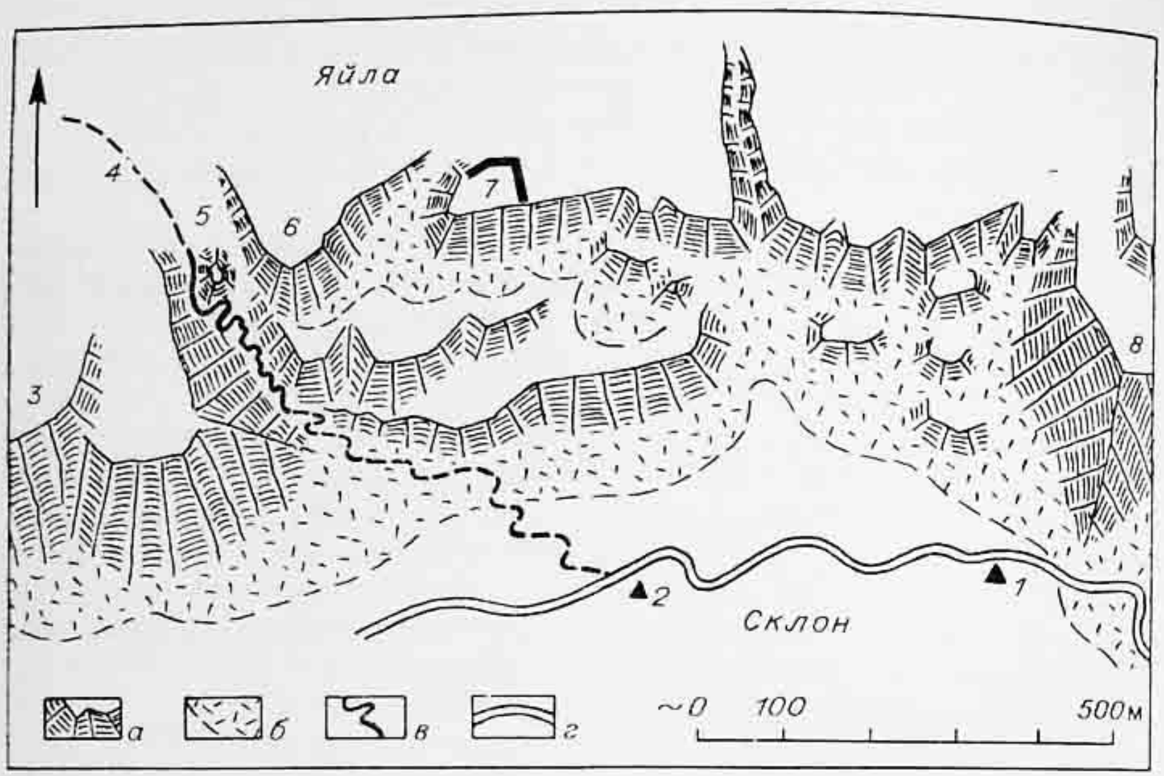


Рис. 129. Схема рельефа Яйлы в районе горного прохода Шайтан-Мердвень.

а — обрывы известняков Яйлы и ее опущенных блоков; *б* — зоны каменных развалов, поросших лесом; *в* — Шайтан-Мердвень; *г* — верхнее шоссе. *1* — могила солдат; *2* — могила партизан; *3* — скала Мердвень-Кая; *4* — тропа (старая дорога) вдоль Яйлы от Шайтан-Мердвеня; *5* — скала с кремневыми микролитами; *6* — скала, которая ошибочно может быть принята за Исар-Кая; *7* — Исар-Кая с Чертовым Исаром; *8* — скала Балчик-Кая.

кладку, кое-где путь проходил прямо по скалам или естественным навалам глыб. На некоторых маршах еще и сейчас прекрасно сохранились подпорные стенки, сложенные из равномерных глыб бутовой панцирной кладкой. Отдельные крепиды имеют высоту до 3 м и одновременно служат подпорной стенкой нижнего марша и основанием следующего, верхнего. Углы поворота маршей, как правило, от 90 до 150—160°, крутизна подъема колеблется от 10 до 25°, а ширина прохода — не меньше 1,5 м и достаточна не только для пешего и конного путника, но и для подъема грузов конным вьюком. Больше того, когда это сооружение действовало постоянно и поддерживалось в приличном состоянии, здесь можно было попытаться проехать на небольшой двухколесной повозке. Еще совсем недавно жители Южного берега перегоняли скот на Яйлу по Шайтан-Мердвеню; теперь это небезопасно, так как в двух местах каменные основания маршей разрушены.

Говоря о Чертовой Лестнице, обычно представляют настоящую лестницу со ступенями. Нередко пишут, что лестница высечена в скале и имеет крутые ступени. Это совсем не так, хотя названия Мердвень и Scála вроде бы должны были отражать именно этот тип сооружения. В действительности почти на всем протяжении подъем по теснине был аппарельным, без ступеней. Вследствие постепенного разрушения каменного основания сравнительно пологих аппарелей то тут, то там появляются ложные ступени. Названия Мердвень,

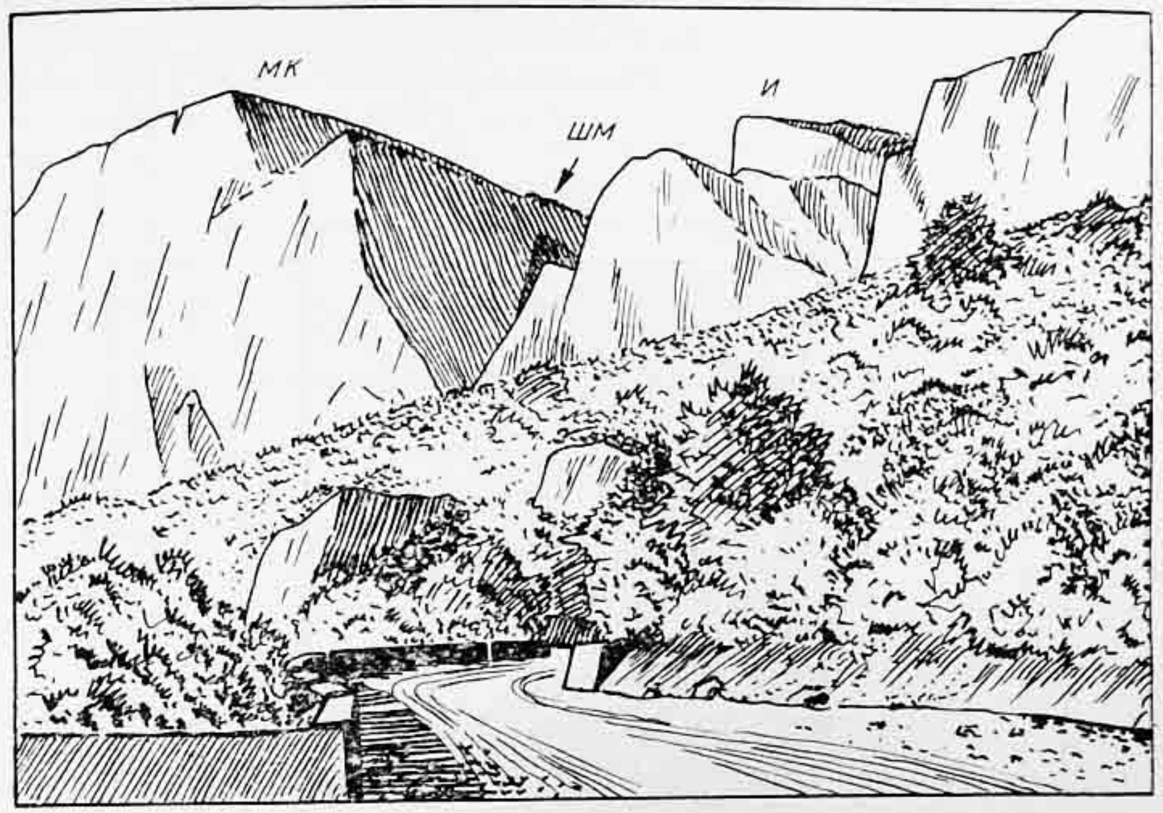


Рис. 130. Обрывы известняков Яйлы в районе Чертовой Лестницы (вид с востока, от подножия Балчик-Кая).

МК — Мердвень-Кая (фронтальные обрывы более 200 м высотой); ШМ — расселина Шайтан-Мердвеня (Чертовой Лестницы); И — Исар-Кая с Чертовым Исаром. Покрытый лесом склон сложен глинистыми сланцами и песчаниками таврической формации.

Scàla, Лестница нужно в данном случае понимать не в буквальном смысле, а как образное сравнение извилистого горного прохода с лестницей, а его коротких маршей — со ступенями лестницы. И уж, конечно, никак нельзя говорить, что лестница целиком вырублена в скале. В каменных завалах теснины, несомненно, кое-где пришлось растаскивать глыбы, чтобы устроить проходы, выкладывать каменные аппарели и крепиды, использовать для прохода скальные карнизы. Только на двух маршах заметны вырубы в известняках. Разговоры о сплошных вырубках — чистейшая фантазия, основанная на неправильной оценке микрорельефа.

Детальная съемка Чертовой Лестницы, по-видимому, никогда и никем не проводилась. Поздней осенью 1967 г. мне пришлось заняться полуинструментальной съемкой. Результат (в сильно уменьшенном масштабе) показан на плане (рис. 131).

До входа в теснину старая дорога хорошо сохранилась под обрывами скал (на плане рис. 131 — участок А). Она прослежена на 170—180 м, проходит с небольшим подъемом по сланцевому косогору и между развалами известняковых глыб, далее делает шесть крутых и еще несколько незначительных поворотов.

Длина всех маршей самой Чертовой Лестницы в скальной теснине также невелика — 220—230 м в проекции на горизонтальную плоскость (или около 240—250 м действительной длины) при средней

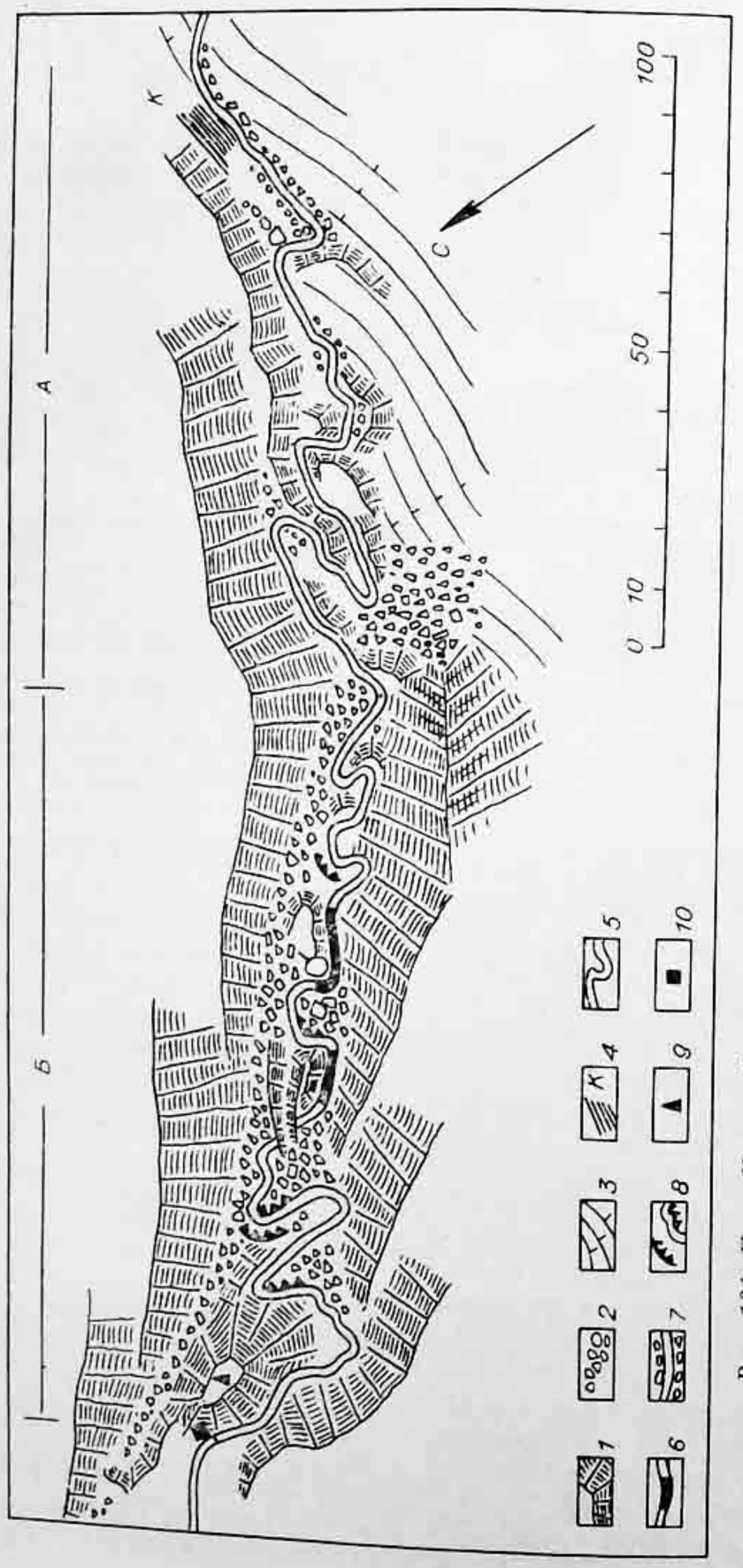


Рис. 131. План Чертовой Лестницы (Б) и подхода к ней снизу (А). Съемка автора, 1967 г.
1 — скалы известняков; *2* — развалы глыб вдоль тальвега горной тесины; *3* — горизонтали (схематическая прорисовка станцевого склона); *4* — выходы пород таврической формации и линия их контакта с перекрывающими известняками (К); *5* — дорога в теснине и на подходах к ней; *6* — участки с вырубами в скале; *7* — участки дороги, расчищенные в глыбовых развалах; *8* — подпорные стенки; *9* — местонахождение халцедоновых микролитов; *10* — почтовый ящик с памятным альбомом.

крутизне подъема всего 20°. Наклон отдельных маршей изменяется от 10 до 30°, но очень крутые участки редки и коротки. Если крутым поворотом считать изменение направления больше чем на 60°, то таких поворотов в теснине насчитывается только 16 (всего вместе с незначительными — 23 поворота), а между ними — 17 главных маршей разной длины (от 5 до 25 м, наиболее часто 10—15 м).

На плане указаны повороты, на которых сохранились подпорные стенки и марши, незначительно вырубленные в скале (на глубину меньше 0,5 м), а также место, где путь проходит в узком коридоре, над которым громоздятся невероятных размеров глыбы. Это самое эффектное, но далеко не самое живописное место Чертовой Лестницы.

Вот, собственно говоря, и все, что может объективно характеризовать горный проход, игравший важную роль в сношении Южного берега с предгорьями.

4

Подъем по Чертовой Лестнице заканчивается у подножия небольшой известняковой скалы (см. рис. 129, *5*). Слева находится поросший лесом склон, переходящий в наклонное плато, срезанное с южной стороны обрывом Мердвень-Кая. Под ним на тонкой ниточке шоссе урчат машины размером не больше муравья. Доводилось слышать, что зубцы Мердвень-Кая называют Кильсе-Буруном, но настоящий Кильсе-Бурун находится в нескольких километрах западнее, над Меласом.

Справа от выхода из Чертовой Лестницы вздымается восточный борт расселины и клиновидный уступ известняков (см. рис. 129, *6*), по которому пробираешься к Чертову Исару. Скала у выхода из Чертовой Лестницы представляет собой удобный наблюдательный пункт. С него открываются северные подходы к ней и она сама. Скала небольшая, совершенно голая, ступенчатая. На ее поверхности почва сохранилась только в карстовых промоинах — каррах. Я и не думал что-либо здесь искать и был откровенно удивлен, когда мне попался на глаза халцедоновый микролит в тонком слое белого известнякового щебня, а затем на трех десятках квадратных метров каменистой поверхности собрал дюжину кусочков халцедона, из которых два представляли собой тонкие ногтевидные микролитические вкладыши с четкой ретушью, два — клиновидные плоские наконечники длиной 2,5 см, остальные — пластинчатые сколки от халцедоновых нуклеусов, использовавшихся для поделок.

Положение этого местонахождения кремневых микролитов на скале у выхода из Чертовой Лестницы заставляет с еще большим почтением отнестись к истории горного прохода и отодвинуть ее начало по крайней мере в глубь энеолита.

В верховьях рч. Черной, по балке Малташ-Дере, и сейчас проходит дорога от с. Родниковского (бывшее Скеле) к Чертовой Лестнице. На полпути этой дороги Г. А. Никитиным в 1948 г. обнаружен каменный столб с линейными нарезками, находящийся побли-

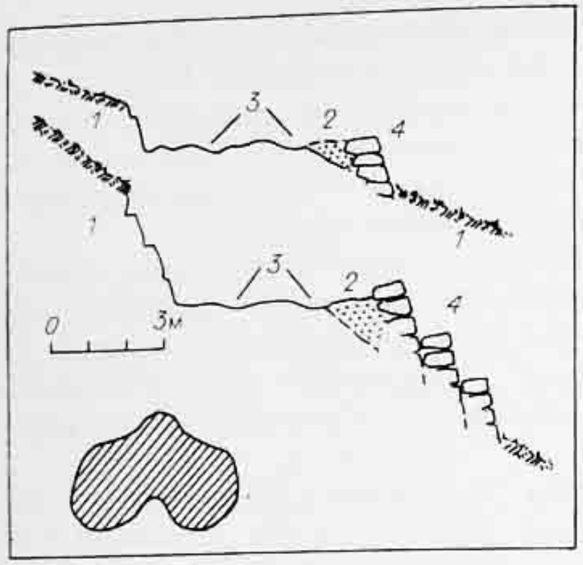


Рис. 132. Профили полотна дороги между Чертовой Лестницей и Байдарской долиной.

1 — скальные породы; *2* — каменная наброска; *3* — колеи; *4* — крепиды. Внизу — профиль ручки римской амфоры, найденной на дороге.

зости от скалы с пещерой в урочище Бизюка [3]. Само название балки Малташ-Дере (Торговая балка), по мнению Н. И. Репникова [4], восходит к древности. Возможно, здесь проходил один из торговых путей из Байдарской долины, а следовательно, и со стороны Херсонеса, Инкермана (Каламиты) и Балаклавы к Чертовой Лестнице и на Южный берег.

Вторым древним путем к Чертовой Лестнице, возможно, была дорога, идущая от с. Орлиного (бывшее Байдары). Между этим селом и Байдарскими Воротами от основного шоссе отходит к юго-востоку старая дорога. Вначале она поднимается по левому склону глубокой балки, впадающей в Байдарскую долину, затем все больше прижимается к гребню Форосской Яйлы, обходит северный пологий склон Кильсе-Буруна и приближается к Чертовой Лестнице. Эта дорога, длиной не меньше 7.5 км, проложена по повелению графа Мордвинова для вывоза принадлежавшего ему леса [5], однако здесь был и древний путь. Обратите внимание: самый удобный путь из Байдарской долины к Чертовой Лестнице!

В наши дни Мордвиновская дорога используется эпизодически, главным образом лесниками. Тем не менее она находится в превосходном состоянии, по крайней мере там, где ее полотно выбито в известняках. На протяжении 5,5 км дорога представляет собой эскарп в наклонной поверхности известнякового плато и в левом склоне балки, вливающейся в Байдарскую долину. Высота борта эскарпа колеблется от 0,5 до 3,5 м. Северный борт дороги укреплен подпорными стенками, выложенными из крупных глыб без вяжущего раствора. Крепиды часто имеют ступенчатый профиль и многопанцирную структуру (рис. 132). Полотно дороги частью проходит по скальной поверхности, частью—по каменной и щебеночной наброске. Ширина ее — 6—6,5 м. Заметны колеи в 1,8—2 м, врезанные в известняки на бо́льшую или меньшую глубину и кое-где отполированные до блеска.

Все это еще не служит доказательством древности дороги: как эскарп, так и крепиды могли быть устроены во времена графа Мордвинова. Однако вдоль этого пути попадаются обломки средневековой керамики и довольно часто — остатки татарских кошар, группы старых грушевых деревьев. Приблизительно на траверзе Кильсе-Буруна, километрах в трех от Чертовой Лестницы, в каменной

броске дорожного полотна были найдены кусок сложнопрофильной ручки римской амфоры и мелкие обломки краснолаковой чашки. О. И. Домбровский сообщил мне, что он также находил обломки краснолаковой керамики римского времени между Чертовой Лестницей и Байдарами. По-видимому, именно здесь пролегала военная римская дорога, которая связывала центр оккупации Таврики — Херсонес — с Южным берегом, с крепостью Харакс. В Хараксе, как мы знаем, находилось святилище бенефициариев. Эта военная дорога продолжалась и дальше на восток до плато Яйлы, от Чертовой Лестницы до Эски-Богаза. Там был удобный для повозок спуск с Яйлы к Лименской долине.

5

Все тот же проницательный Кеппен, изъездивший верхом вдоль и поперек холмы и долины Южного берега, высказал догадку, что при Шайтан-Мердвене должно было находиться укрепление, чтобы защищать этот короткий и наиболее удобный путь в предгорья. Вот что он писал по этому поводу: «Систематическое расположение укреплений требовало того, чтобы и при Мердвене — известном проезде по примечательной каменной лестнице — находилась наблюдательная или оборонительная точка. И действительно, за час пути к северо-западу от Мухалятки, вправо, т. е. к востоку, от дороги и менее полверсты от так называемой каменной лестницы, находится скала Исар-Кая, на коей, без сомнения, некогда было укрепление. Мне не удалось еще побывать на этом, как говорят, безлесном месте, где, по словам одних, видны остатки развалин, между тем как другие уверяют, что тут и темеля (т. е. основания. — **Л. Ф.**) нет»[6].

Разноречивость этих показаний объясняется очень просто: к востоку от Чертовой Лестницы имеются две скалы, похожие друг на друга, и на ближней из них (см. рис. 129, *6*) действительно ничего нет. Именно ее и можно ошибочно принять за Исар-Кая, тогда как настоящая Исар-Кая с остатками укрепления находится чуть дальше. На первую скалу нетрудно попасть, перебравшись через расселину Чертовой Лестницы и вскарабкавшись на каменные полки ее восточного борта. Поверхность скалы заросла лесом до кромки южного обрыва. Буковый лес, сменяемый зарослями грабинника и дуба, подходит сюда по наклонной поверхности плато, обращенного к северу. Под первой скалой расположена более низкая ступень известняков, на нее можно попасть по тем же каменным полкам восточного борта расселины. Здесь в скале заметны неясные вырубы приблизительно квадратной формы. Один из них, размером 3×5 м, находится над самым обрывом и ориентирован в северо-восточном направлении. Это соответствует ориентировке храмовых построек Южного берега. Возможно, здесь была часовня, но кроме нескольких обломков черепицы на этой площадке ничего не найдено.

Путь к настоящей Исар-Кая лежит по краю обрыва первой скалы среди густых зарослей. Прямо перед вами, на другой стороне кулуара, загроможденного каменными развалами, возвыша-

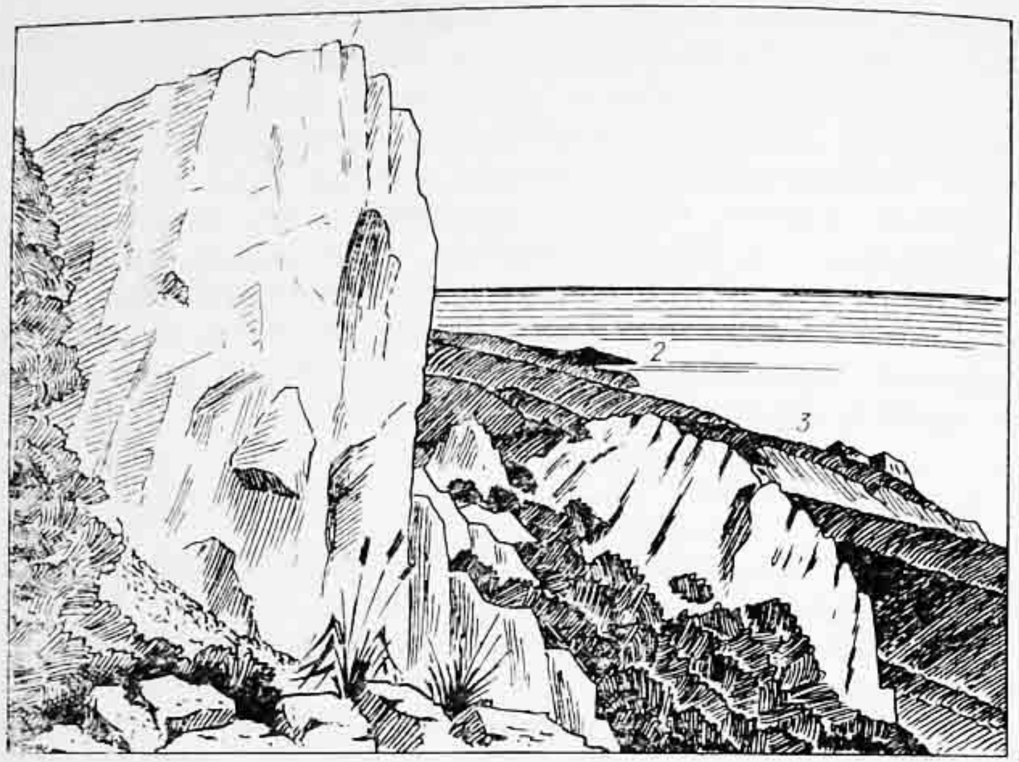


Рис. 133. Скала Исар-Кая (*1*), вид с запада. На дальнем плане, в линии берега — мыс Святой Троицы (*2*) и Кастрополь (*3*).

ется скалистый мыс, наподобие вертикального форштевня (рис. 133). Это и есть Исар-Кая, круто наклоненная к востоку. С северо-запада и юга ее ограничивают головоломные обрывы. На клиновидной площадке скалы, поросшей травой и редкими кустиками, бугристый микрорельеф скрывает под слоем наносов развалы жилищ. С северной и восточной сторон заметен густо заросший кустами вал—все, что осталось от крепостных сооружений исара, охранявшего горный проход.

Съемок и раскопок на Исар-Кая никто не проводил. Кроме цитированного отрывка из Кеппена в литературе нет сведений о Чертовом Исаре. Впрочем, в одной из поздних работ исар у Чертовой Лестницы ошибочно назван Кучук-Исаром и сказано, что он дает незначительный средневековый материал [7]. Видимо, автор попросту не видел Чертова Исара до выхода в свет своей работы. В одном пункте Чертова Исара был заметен довольно свежий выброс камней — след, по-видимому, каких-то самодеятельных начинаний.

Площадка, занятая укреплением (рис. 134), представляет собой треугольник, обращенный острой вершиной на западо-юго-запад и основанием на восток. Две стороны треугольника имеют в длину по 70 м, основание — около 50 м. Площадь укрепления — 0,25 га, следовательно, Чертов Исар относится к числу небольших крепостных пунктов. С южной стороны крепостной клин ограничен непрерывной и неприступной лентой скальных обрывов глубиной 30—50 м; обрывы огибают вершину треугольника и продолжаются на его северо-западной стороне на протяжении 30 м, постепенно уменьшаясь в высоте. Здесь под ними находится узкий каньон,

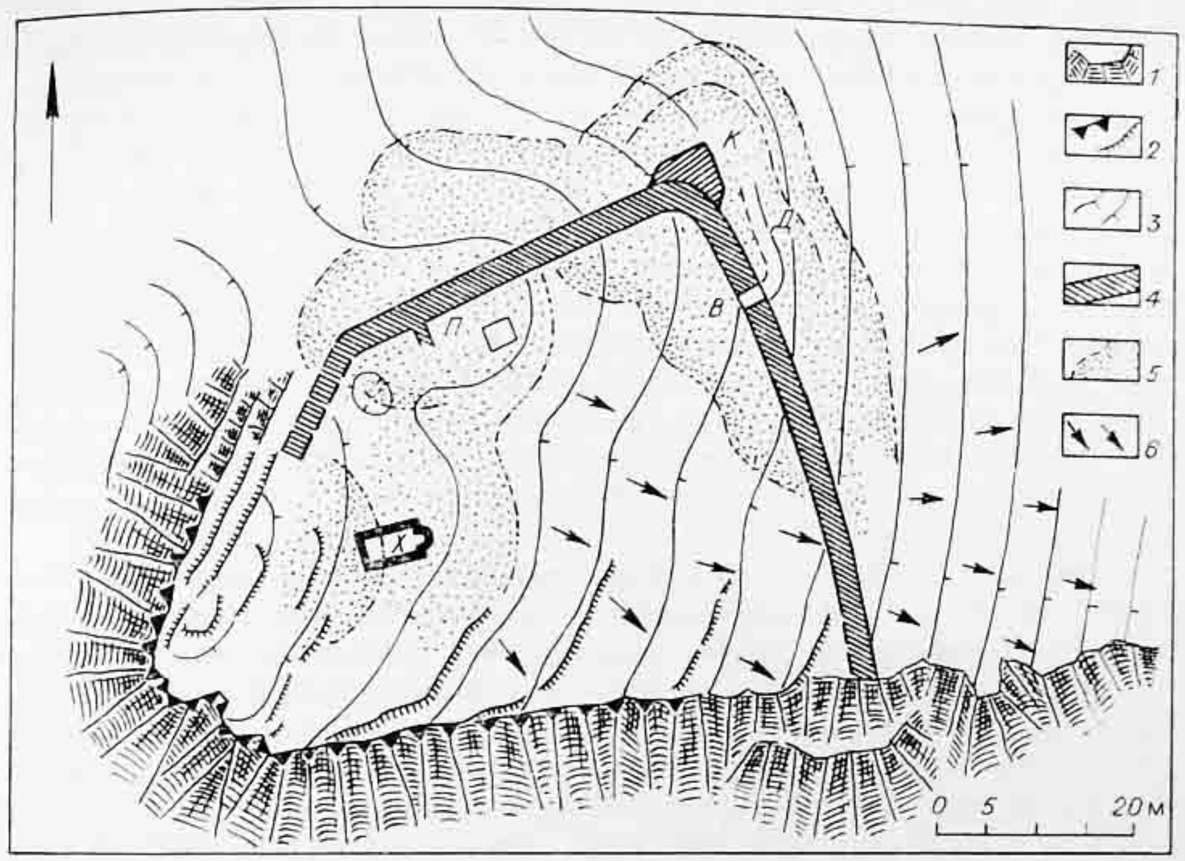


Рис. 134. План Чертова Исара. Съемка автора, 1966—1967 гг.

1 — скальные обрывы известняков; *2* — обрывы с отрицательным наклоном и невысокие скальные уступы; *3* — горизонтали (сечение рельефа через 2 м); *4* — остатки оборонительной стены (на флангах стена полностью разрушена); *5* — развалы стены и жилищ (в пределах площади укрепления); *6* — направление сноса керамических обломков. К — угловой контрфорс; В — ворота; Д — дорога; П — пристенная постройка (сплошная зона построек); Х — храм.

перекрытый осыпями щебня и заваленный каменными глыбами. Площадка Исара наклонена к востоку под углом от 5 до 15°, местами круче. На линии восточной оборонительной стены она переходит в 30-градусный склон небольшого разлога.

Съемка исара впервые проведена в 1966 г., но на скорую руку. В следующем году, когда были предприняты первые раскопки на этом объекте, пришлось начинать ее сызнова, уточняя детали первоначального плана. Периметр крепостного треугольника оказался равным 205 м, длина оборонительных стен — 105 м (см. рис. 134). На половине периметра стен не было: в защите южного и большей части северо-западного рубежей строители исара всецело полагались на неприступность скальных обрывов.

В противоположность южному и северо-западному, северный и восточный рубежи представляют собой удобное для прохода к исару предполье. Именно на них строители исара создали нехитрый комплекс сооружений, ограничившись возведением обычной боевой стены. В плане она имела форму прямого угла, обращенного на северо-северо-восток.

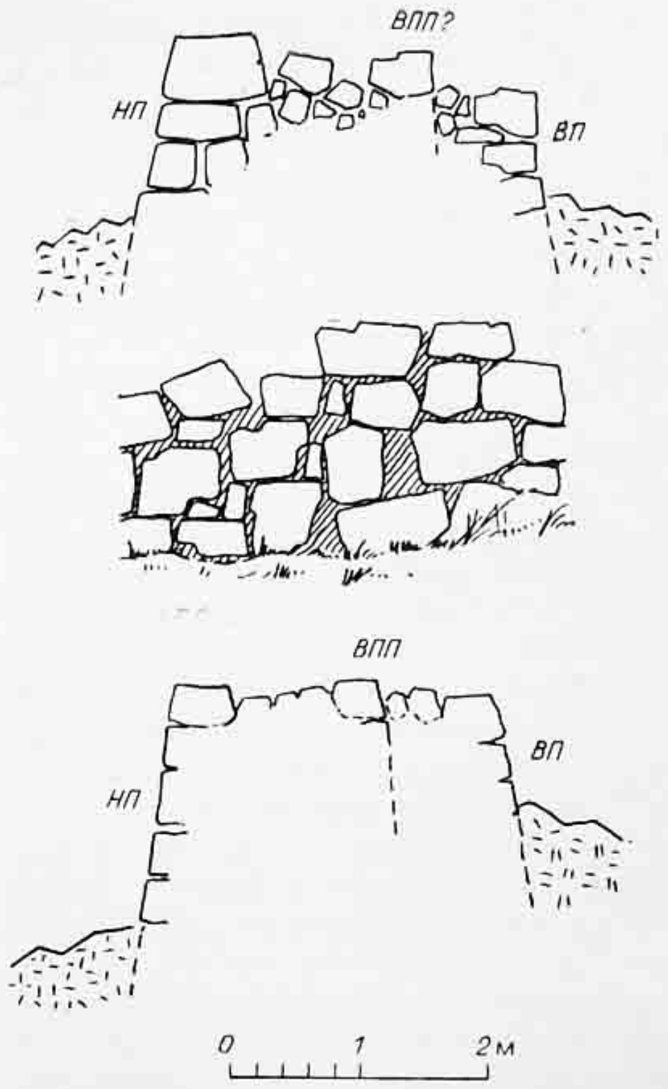
Начав осмотр оборонительных рубежей Чертова Исара от скалистого мыса, обращаешь внимание на то, что кромка северо-западного обрыва на протяжении 25 м не имела боевого прикрытия.

Глубина обрыва здесь уменьшается от 20—30 м до нескольких метров в северо-восточном направлении с приближением к предпольной седловине между западным кулуаром и восточной долиной. Боевая стена начиналась в том месте, где северо-западный обрыв прорезали небольшие каменные полки, по которым можно было вскарабкаться в укрепление. От этого места на протяжении 13 м в рельефе заметен сильно задернованный и заросший кустами вал камней, а дальше на 38 м видны остатки стен и тыльный панцирь кладки, выступающие на поверхности каменных развалов. Кладка панцирей выполнена из средних по размеру грубо сколотых камней, уложенных горизонтальными рядами; между панцирями — забутовка; по всей толщине стены просматриваются остатки известкового вяжущего раствора с галькой и гравием известняков, алевролитов, сланцев (до 40 %).

Развалы северной стены перекрывают площадь шириной 10—15 м и достигают большой мощности. Возможно, в центре этой куртины была наружная башня, разрушенная до основания. Разборка каменного завала открыла хорошо сохранившуюся в высоту 1,5—2.5 м от основания часть боевой стены с трехпанцирной структурой кладки (рис. 135). Прекрасно сохранился наружный панцирь. В 2,5 м от него находится поверхность тыльного панциря, а в 1,7—1.8 м — остатки панциря парапета. Обычно толщина северной стены на уровне верхних рядов кладки около 2,5—2,7 м, у основания до 3 м. Большая мощность развалов позволяет определить конструктивную высоту стены в 6—8 м.

Северная куртина четвертьокружным поворотом (на 90°) переходит в восточную куртину длиной 52 м. Структура и размеры стены здесь были такими же, как и в северной куртине, но кладка сохранилась значительно хуже из-за большого уклона основания стены. Флангом восточная куртина выходила на южный обрыв. Стена здесь разрушена полностью, но место ее прослеживается по подтескам скального основания. Вход в укрепление находился в восточной куртине, в 12 м от углового поворота. В развалах строительного камня он был едва заметен, расчисткой же открыт полностью. Толщина стены у входа 2,3—2,4 м, входной проем имеет ширину 1,5—1,65 м и устроен на скальном основании с забутовкой неровностей рельефа щебнем. С наружной стороны к нему подходит глыбовая вымостка дороги (см. рис. 134, Д), с тыльной стороны вдоль боевой стены прослеживается зона развалов небольших построек, из которых ближайшие к входу могли служить стенками тесного тамбура.

Особый интерес представляет угловой поворот боевой стены. По мощности развалов строительного камня можно было предположить круглую башню, однако расчистка не подтвердила этого. Стена в месте поворота представляет собой крупноглыбовую каменную кладку, имеющую вид клиновидного контрфорса, ось которого совмещена с биссектрисой угла (рис. 136). Надобность в сооружении контрфорса была продиктована рельефом основания (крутой наклон наружу), на котором стена обычного профиля оказалась бы слишком высокой и недостаточно устойчивой.



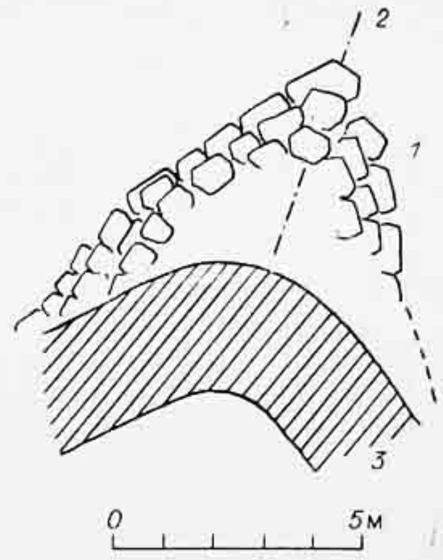


Рис. 136. Основание-контрфорс углового поворота оборонительной стены Чертова Исара (план).

1 — контрфорс; *2* — гребень контрфорса; *3* — стена.

Рис. 135. Поперечные профили оборонительной стены Чертова Исара в северной куртине. В центре — кладка наружного панциря (лицевая поверхность).

НП — наружный панцирь стены; ВП — внутренний панцирь стены; ВПП — внутренний панцирь парапета. Основание стены находится в среднем на 1,2 м ниже уровня завала.

В общем сохранность боевых стен Чертова Исара не превышает 20 % от их первоначального объема, который составлял около 1500—1700 куб. м. В развалах строительного камня и остатках северной и восточной стен трудно найти что-либо, говорящее о том, при каких обстоятельствах было разрушено это сооружение. Единственно, что свидетельствует о постепенном разрушении стены,— это заметная концентричность раскатов камня по склону в зоне углового поворота. Положение крепости на совершенно открытом месте способствовало выветриванию вяжущего раствора в кладке оборонительной стены. Этого, как мы видели уже неоднократно, вполне достаточно для полного (с течением времени) разрушения кладки. Стена Чертова Исара постепенно рушилась под неумолимыми ударами времени, а вовсе не вражеских таранов.

6

На наклонном плато Исар-Кая находилась группа построек, значительная часть — возле оборонительной стены. Кое-где (см. рис. 134, П) из-под развалов выступают стенки небольших жилищ,

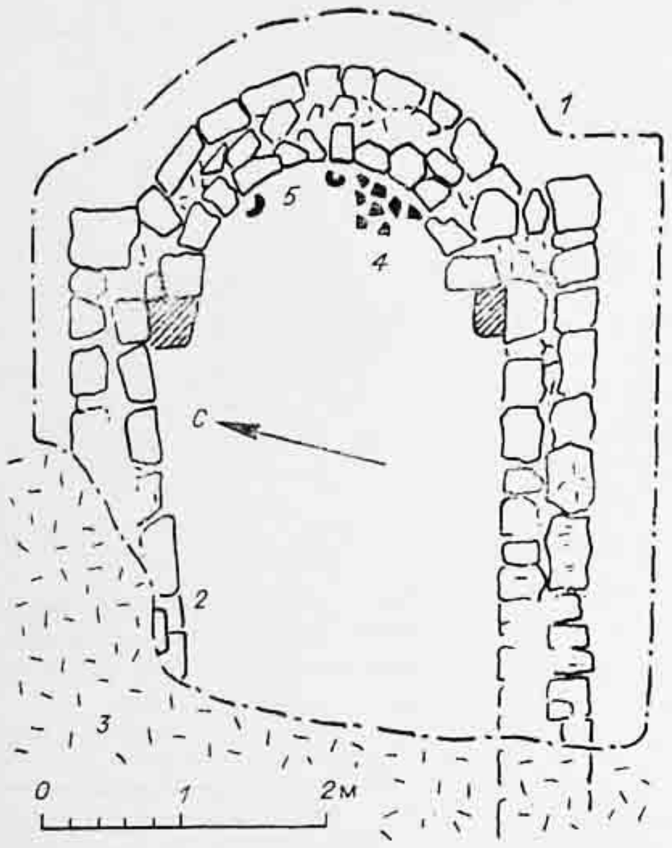


Рис. 137. План храма на Чертовом Исаре. Раскоп 1967 г.
1 — контур раскопа; *2* — северная стена храма, сильно деформированная давлением каменных развалов; *3* — развалы строительного камня, расположенных выше по склону жилищ; *4* — обломки амфоры на уровне пола; *5* — два обломка донышка амфоры в вымостке пола.

подобных пристенным строениям в других укреплениях. С тыльной стороны восточной куртины располагалось несколько построек — каждая площадью не больше 15—20 кв. м. Нижние ряды кладки прямоугольных жилищ, ориентированных в разных направлениях, заметны на уступах ступенчатой поверхности плато. Они перекрыты развалами камня, наносами мелкозема и щебня. Разрушение культурного горизонта здесь происходит очень быстро из-за крутого наклона плато.

В западной оконечности крепостного треугольника, на мысу, в скальной поверхности заметна выровненная площадка размером около 3,5×6 м, ориентированная по азимуту 53—56° — так же, как серия храмовых построек на Панее и в некоторых других пунктах Южного берега. Возможно, здесь помещалась крепостная церковь с апсидой, обращенной к северо-востоку. Это место казалось единственно подходящим пунктом для храмовой постройки в Чертовом Исаре.

В 1967 г. первым же разведочным шурфом 1×1 м, заложенным в верхней части плато, без большой надежды на успех, был вскрыт северо-восточный угол настоящей храмовой постройки (рис. 137). Шурф был превращен в раскоп, открывший кладку обычной однонефной церкви размером 3,6×6 м (длина установлена приблизительно, так как западная стена осталась под мощным развалом строительного камня разрушенных жилищ, окружавших церковь), ориентированной по азимуту 74° (востоко-северо-восток). Кладка стен церкви толщиной 0,6—0,7 м, сложенных на известковом растворе, сохранилась в высоту не более 0,7—0,8 м. Постройка сильно разрушена. Но развал строительного камня над ней оказался небольшим, как будто здесь уже велись раскопки или кто-то использовал камень для других нужд.

Исключительная бедность и малочисленность культурных остатков в церкви бросается в глаза. На уровне ее пола, устроенного из тонких плит песчаника на щебенистой забутовке (и в прошлом

почти на всей площади взломанного), собрано всего полторы сотни мелких обломков разнопрофильной керамиды и столько же фрагментов, принадлежащих одной-единственной крупной амфоре, некогда стоявшей в апсиде и раздавленной при обрушении стен. Пол был покрыт слоем известковой штукатурки, перемешанной с керамикой и кусочками угля. Возможно, церковь погибла из-за пожара. Штукатурка, покрывавшая стены, была расписана полихромными фресками (найдены остатки красочного слоя на кусочках извести).

Открытие церкви дает право отнести Чертов Исар к рангу объектов, обладавших чертами укрепленных поселений известной самостоятельности. Комплекс построек Чертова Исара, по приблизительной оценке, мог насчитывать до двух-трех десятков жилищ и вмещать 100—150 чел.— не слишком много для рядового средневекового поселения, но, по-видимому, вполне достаточно для укрепления, назначенного контролировать и защищать горный проход через Яйлу.

7

Не так много нужно времени, чтобы набрать кучу битой керамики на поверхности Чертова Исара и убедиться в том, что и это горное укрепление принадлежит к группе средневековых крепостей. Совсем не обязательно производить раскопки; наклон плато и интенсивный снос с него продуктов выветривания горных пород помогают ранее скрытым в наносах следам прошлого появиться на свет божий. Вместе с мелкоземом, щебнем, камнями происходит снос и керамических обломков. Полностью разрушенный южный фланг боевой стены открывает им выход на склоны ниже восточной куртины. Значительная часть их сваливается с южного обрыва Исар-Кая и попадает в зону каменных развалов у ее подножия.

Среди керамики преобладают две группы изделий — черепица и пифосы. На их долю приходится больше половины всего керамического материала, причем соотношение между обломками черепицы и пифосов приблизительно одинаково, что явно необычно для южнобережных исаров, в которых, как мы уже знаем, бой черепицы всегда резко преобладает. Возможно, это соотношение следует объяснить не очень большим числом построек и необходимостью создавать значительные запасы воды в удаленном от водоисточников горном укреплении, для чего нужно было иметь значительное количество подходящей тары. Могла быть и другая причина: например, более быстрый снос и более широкое рассеяние обломков черепицы, часто находящихся в верхних зонах культурного слоя и у поверхности развалов жилых построек.

Керамика построек Чертова Исара не отличается от черепицы других южнобережных укреплений, также разнообразна по обжигу, цвету и составу теста, форме и размерам бортиков, соотношению длины и ширины, ремесленным грекоалфавитным знакам. Как и в других пунктах, она дает мало оснований для более или менее точ-

ных и определенных датировок. Аналогичны и обломки пифосов. Некоторые из них толщиной 27—30 мм принадлежат сосудам гигантского размера, более характерным для раннего времени.

Третья многочисленная группа керамики — амфоры и кувшины: отличить их друг от друга в обломках не так-то просто. В обломках на Чертовом Исаре преобладают плоские днища и плоскоэллиптические ручки, характерные для средневековых кувшинов IX—X вв.; некоторые из них были украшены орнаментом в виде волны. Среди обломков амфор распространены гладкостенные и рифленые. Очень редко в подъемном керамическом материале попадаются небольшие обломки мисок с зеленой и желтой поливой. Но в раскопках их не найдено вовсе.

Наряду с гончарной посудой, на Чертовом Исаре была в ходу и кухонная лепная посуда из черной и серой сланцевой глины, неорнаментированная. Будучи плохо обожженной, она значительно легче распадается на мелкие кусочки и истирается, чем гончарная керамика с красным черепком хорошего обжига. Среди боя лепной посуды могут находиться и остатки таврских изделий, однако отличить их от черноглиняной лепной керамики средневековья практически невозможно из-за малого размера и истертости обломков.

8

Полемизируя относительно локализации страны Дори — на Южном ли берегу она находилась, как это думают некоторые исследователи, или в Юго-Западном Крыму, на месте более позднего княжества Феодоро, как это полагают другие,— А. Л. Якобсон мимоходом высказал сомнение в том, что горные перевалы, такие как Шайтан-Мердвень и некоторые другие, могли функционировать в раннее средневековье. Касаясь дорог через перевалы, он пишет: «...большинство этих дорог вообще представляет лишь горные тропы; к тому же функционирование их в раннем средневековье (например, Мердвень — Чертова Лестница) просто недоказуемо. Кроме того, непонятно, к каким городам вели эти тропы. Только один старый путь (между Чатыр-Дагом и горой Демерджи), ведущий к Алустону (а от него в Партениты и Гурзувиты), представляется нам реально существовавшим в раннее средневековье»[8].

Эти сомнения А. Л. Якобсона неосновательны. Они исходят из некоторых недоразумений и недоучета реальной обстановки. Если говорить о пути в Алустон, то прежде всего следует иметь в виду не Ангарский перевал, а Кибит-Богаз — перевал между Чатыр-Дагом и Бабуганом, соединяющий Алуштинский амфитеатр с верховьями Альмы. Читатель помнит из первых глав, что Кибит-Богаз действовал задолго до устройства дороги через Ангарский перевал, и хотя Ангарским перевалом пользовались и в средневековье, свидетельством чему являются его сторожевые укрепления, Кибит Богаз был более удобен и находился ближе к средневековым городам и крепостям Юго-Западного Крыма. Но дело не только в этом,

А. Л. Якобсону непонятно, «к каким городам вели эти тропы». Под этим он подразумевает, по-видимому, города Южного берега, ибо на другой стороне, за перевалами и горными проходами, эти «тропы» выходили-таки к крупным городам и крепостям, и Якобсон о них знает: дорога через Гурзуфское Седло (отнюдь не тропа!) вела к Басману, Кермен-Кая, Качи-Кальену, Тепе-Кермену, Чуфут-Кале; дороги через Гаспра-Богаз и Эски-Богаз (последняя особенно удобна, и называть ее тропой нельзя)— к тем же пунктам, к Бойке и Мангупу, а далее — в Эски-Кермен; проход Шайтан-Мердвень открывал путь к Мангупу и Эски-Кермену, с одной стороны, и к Херсонесу и Инкерману (Каламите)— с другой. Многие из этих городов-крепостей существовали уже в раннее средневековье, и Якобсон не упускает это из виду. Следовательно, он подразумевает города именно на Южном берегу.

В этом и состоит одно из недоразумений, ибо нельзя так понимать развитие транспортных связей и сети дорог, относящихся к любому времени, в том числе и к раннему средневековью. На Южном берегу не было в то время очень крупных поселений, соизмеримых с городами-крепостями второй гряды Крымских гор. Даже Алушта, Партенит, Гурзуф представляли собой — по нашим меркам — далеко не крупные укрепления. Но Южный берег в целом отличался высокой плотностью маленьких поселений, тяготевших к четырем десяткам крепостей. Участки берега, насыщенные этими поселениями и разобщенные друг от друга теми или иными орографическими элементами, могли иметь прямую связь с загорными городами-крепостями через те горные проходы, которые находились по-соседству.

Мнение Якобсона о недоказуемости функционирования Шайтан-Мердвеня в раннее средневековье опровергается наличием Чертова Исара на этом горном проходе, его устроенностью, находками в окрестностях горного прохода и в нем самом определенно средневековых следов. Чертов Исар мы можем отнести по крайней мере ко времени IX—X вв. или после этого, не слишком настаивая на его раннесредневековом возникновении. Но если рядом с горным проходом попадаются обломки кремневых микролитов, а вдоль дороги от горного прохода — фрагменты керамики римского времени, то почему Шайтан-Мердвень не мог функционировать и в раннее средневековье.

Прежде чем мы доберемся до западного конца Южного берега, встретим по крайней мере еще три перевальных пункта — это Байдарский проход, упомянутый в начале очерка, перевал возле горы Мачук в створе мыса Сарыч и перевал из Байдарской долины в Ласпинский амфитеатр. Рядом с этими перевалами на Южном берегу также не было крупных городов, но находилась масса сельских поселений, группировавшихся вокруг своих централов оборонительного значения. Каждый из указанных перевалов, безусловно, уже в раннее средневековье связывал Южный берег с загорными районами Юго-Западного Крыма.

XXIV

С ПОПУТНЫМ ВЕТРОМ — ФОРОС

Хочешь ты вкушать сладкое в душе чувство?
Останься на Салгире. Хочешь ты развеселить себя необыкновенным зрелищем? Перейди в Байдары. Желаешь ли ты встретить великолепие? Явись в окрестности Ялты. Вздумал ли ты предаться мирному унынию? Побывай в Форосе.

Петр Сумароков

Все созидает для смертных
Забота и труд человека.

Архилех

Более двухсот лет отделяет нас от «Путешествия по всему Крыму и Бессарабии в 1797 г.» и от «Досугов крымского судьи, или второго путешествия в Тавриду» Петра Сумарокова. Форос, разумеется, уже далеко не тот, каким был в те времена. Но все же слова Сумарокова и сегодня создают определенный настрой, а в современном Форосе остаются черты уединенного местечка, как бы ни разрастался этот фешенебельный курорт. Чтобы понять, в чем тут дело, почему среди изысканного великолепия Фороса чувствуется отрешенность от всего остального мира, достаточно, побывав в Форосе хотя бы один раз, дать себе время не спеша окинуть взглядом окружающую природную обстановку. Не спеша и внимательно.

1

Форос находится в 13 км западнее Кикинеизского мыса с остатками Кучук-Исара. Еще в 3 км к западу от него берег образует обрывистый мыс Сарыч и затем круто поворачивает на север, составляя одну из сторон залива Ласпи. Возле мыса Сарыч гряда известняковых скал Чабан-Таш и гора Ильяс-Кая замыкают узкую полоску склона. Кажется, что за этими скалами Яйла прямо обрывается в море и нет и пяди того пространства, которое можно было бы назвать землей. Но это не совсем так. Дальше мы увидим, что и за Чабан-Ташем и Ильяс-Кая тянется все тот же сланцевый склон, загороженный обрывами Яйлы, и заканчивается он только у мыса Айя, в 10—11 км по прямой к северо-западу от Фороса.

Теперь представьте себе местность возле Фороса...

Мыс Сарыч — не единственный на этом участке берега. И возле самого Фороса береговая линия несколько выдается к югу; между этим выступом и мысом Сарыч есть еще серия небольших мысков,

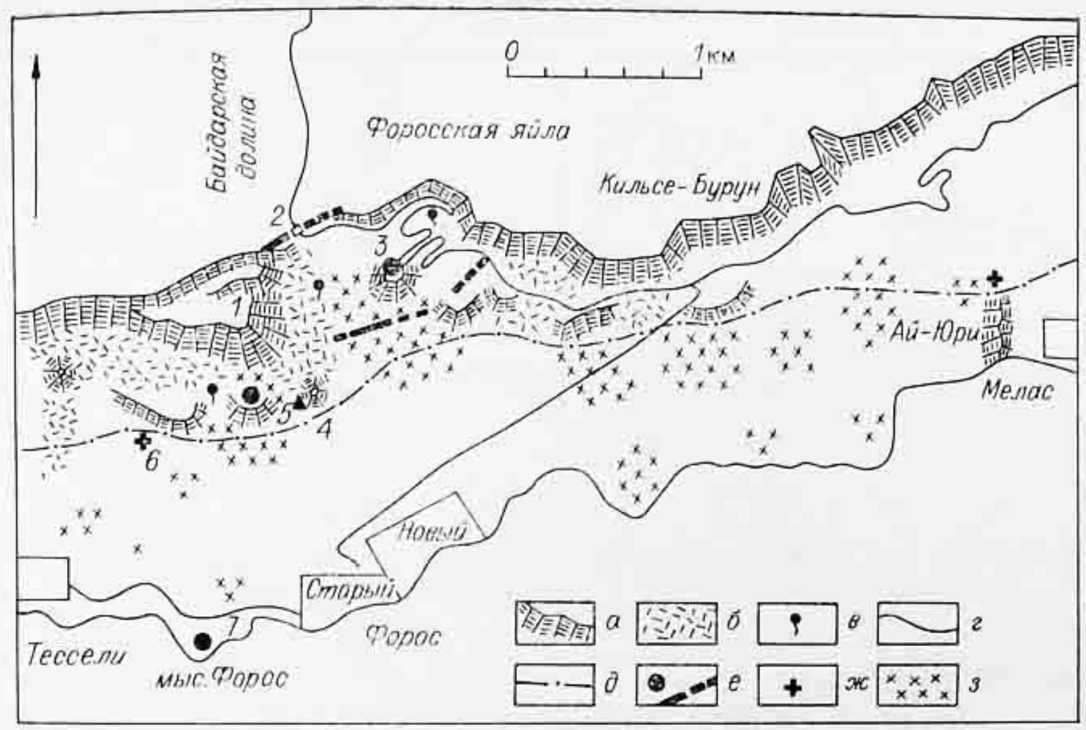
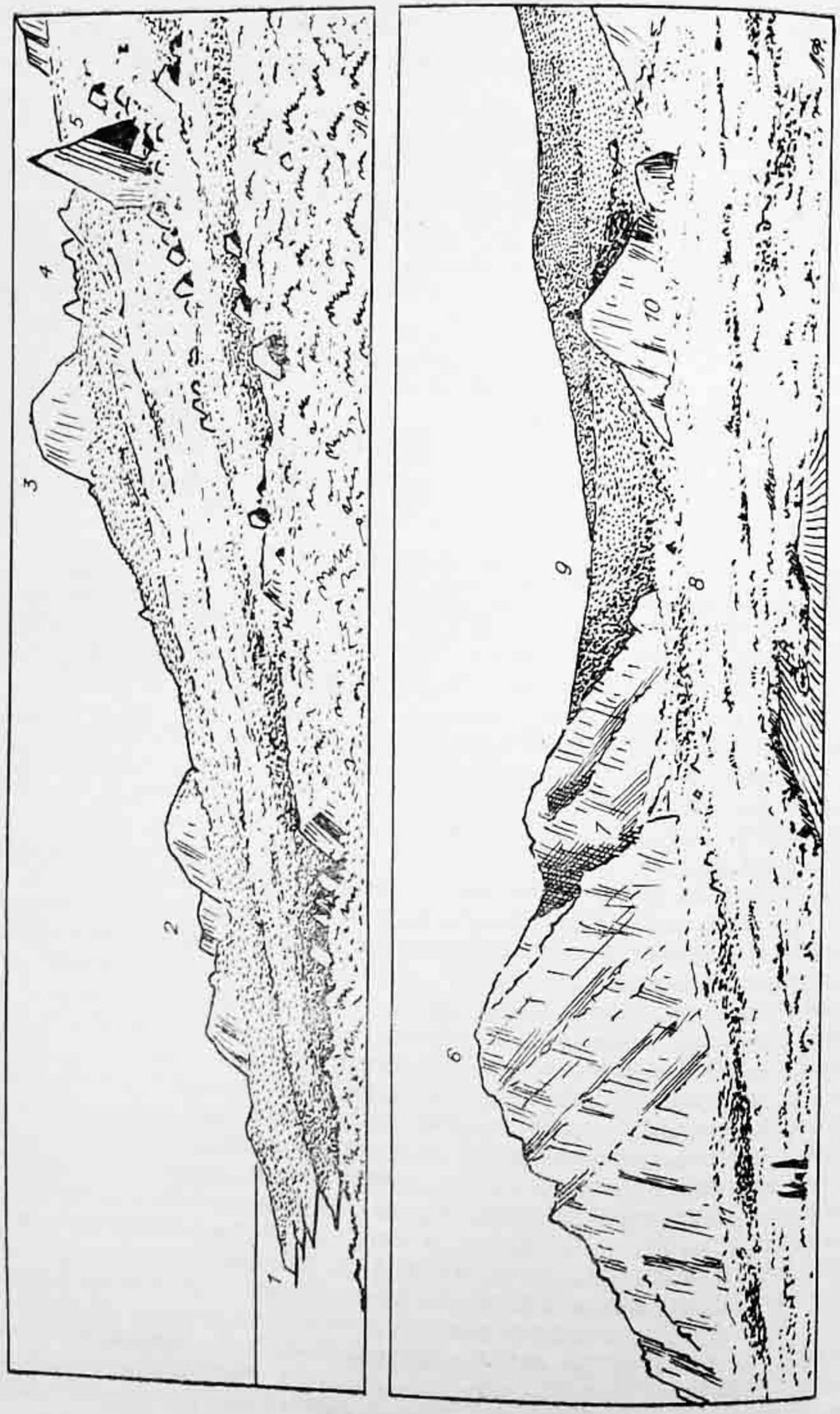


Рис. 138. Ситуация в районе Фороса.

а — обрывы Яйлы; *б* — каменные развалы; *в* — водоисточники; *г* — современные дороги; *д* — новая автомагистраль; *е* — средневековые укрепления и стены, возможно имевшие оборонительное назначение; *ж* — средневековые могильники с храмами; *з* — средневековые усадьбы и поселения. *1* — Форосская скала; *2* — Байдарский проход; *3* — Байдарская скала (предполагаемое укрепление); *4* — старая каменоломня; *5* — укрепление с храмом; *6* — могильник с храмом; *7* — мыс Форос (место предполагаемого укрепления).

сложенных сланцами или диабазами. Сланцевый склон возле Фороса имеет ширину в полтора километра, а ближе к скалам Чабан-Таша сужается до нескольких сотен метров. Местность изрезана оврагами, покрыта зарослями дикой растительности, здесь и там завалена глыбами известняков. Склон поднимается от уровня моря на высоту до 400 м и больше. Средняя крутизна его около 15°, но в условиях сильно пересеченного рельефа трудно найти более или менее обширные ровные площадки и зачастую приходится карабкаться по скатам в 20, 30, 40°. Среди растительности преобладают каменный дуб, древовидный можжевельник, грабинник, ясень, кевовое дерево, бересклет, в верхней части склона — сосна, в подлеске — разнообразные кусты и неизменная иглица.

Прямо над Форосом взгромоздилась пирамидальная скала, прорезанная двумя крутыми каньонами (рис. 138, 139). У ее подножия значительная площадь склона завалена громадными глыбами — следами катастрофического обвала, случившегося, возможно, на памяти древних обитателей Южного берега. Вершина скалы находится на высоте около 650 м над ур. м., а ее крутые скаты, изрезанные узкими щелями и полками, грозящие и в дальнейшем обвалами, имеют высоту больше 200 м. Правее скалы в гребне Яйлы заметно понижены. К нему крутым серпантином, кое-где устроенным на ряжевых клетках, поднимается шоссе. Это — Байдарский проход и Байдарские Ворота (527 м над ур. м.). За ними раскинулась обширная и плодородная Байдарская долина, вполне заслуженно названная



← *Рис. 139.* Скалы в округе Фороса. Вверху — вид на запад; внизу — вид на север.
1 — мыс Сарыч; *2* — скалы Чабан-Таш; *3* — скала Ильяс-Кая над Ласпи; *4* — группа скал на седловине Ильяс-Кая, ведущей к перевалу Мачук на Форосской Яйле; *5* — скала-клык и каменные развалы над Тессели; *6* — пирамидальная скала над Форосом; *7* — кулуары; *8* — долина, ведущая к Байдарскому проходу, здесь же — старая Форосская дорога; *9* — понижение Яйлы и Байдарские Ворота; *10* — церковь над Байдарским проходом на скале высотой 400 м над ур. м:, *11* — место крепостного бугра.
Верхний и нижний рисунки могут быть совмещены в панораму вместе с рис. 140.

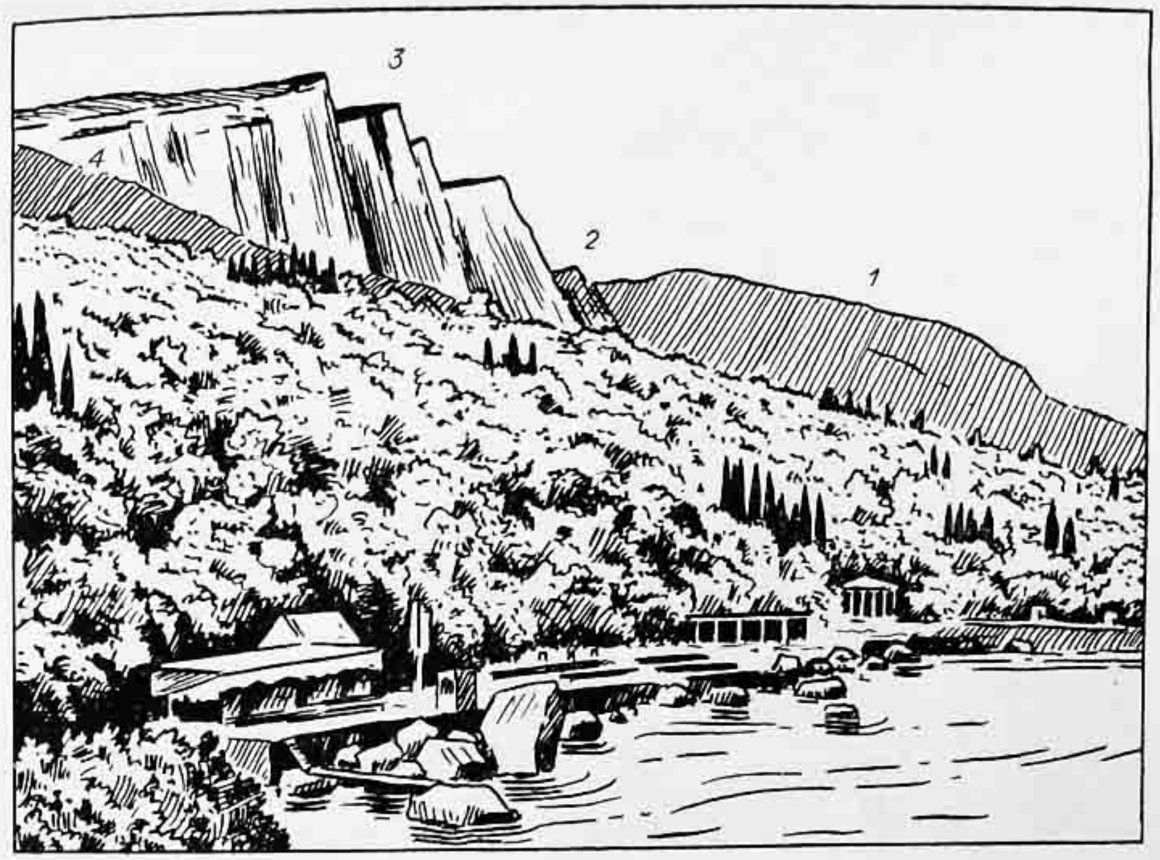


Рис. 140. Яйла и берег в районе Фороса. Вид с юго-запада.
1 — Яйла над Кастрополем и Оползневым; *2* — горный проход Шайтан-Мердвень; *3* — наивысший мыс Форосской Яйлы — Кильсе-Бурун; *4* — конус старого обвала (покрыт лесом) в районе Байдарского прохода. Дорога к Байдарским Воротам поднимается по этому конусу.

так (Богатая долина — Бай-Дере). По ней лежит прямой путь на Гераклейский полуостров и в предгорья.

Восточнее Байдарского прохода обрывы Форосской Яйлы все больше и больше растут в высоту, становятся совершенно неприступными, нависая над петляющим под ним шоссе, береговым склоном и разбросанными на нем, у моря, курортными поселками. Наивысший скалистый мыс Яйлы к востоку от Байдарского прохода — Кильсе-Бурун (рис. 138, 140). От него — рукой подать до Шайтан-Мердвеня.

В XIV—XVII вв. на месте нынешнего Фороса была деревенька того же названия. Она входила в число населенных пунктов Мангупского кадылыка, составляющего собственное владение султана Оттоманской Порты. Деревенька Форос продолжала влачить свое, оторванное от загорного мира, существование и в XVIII в.,

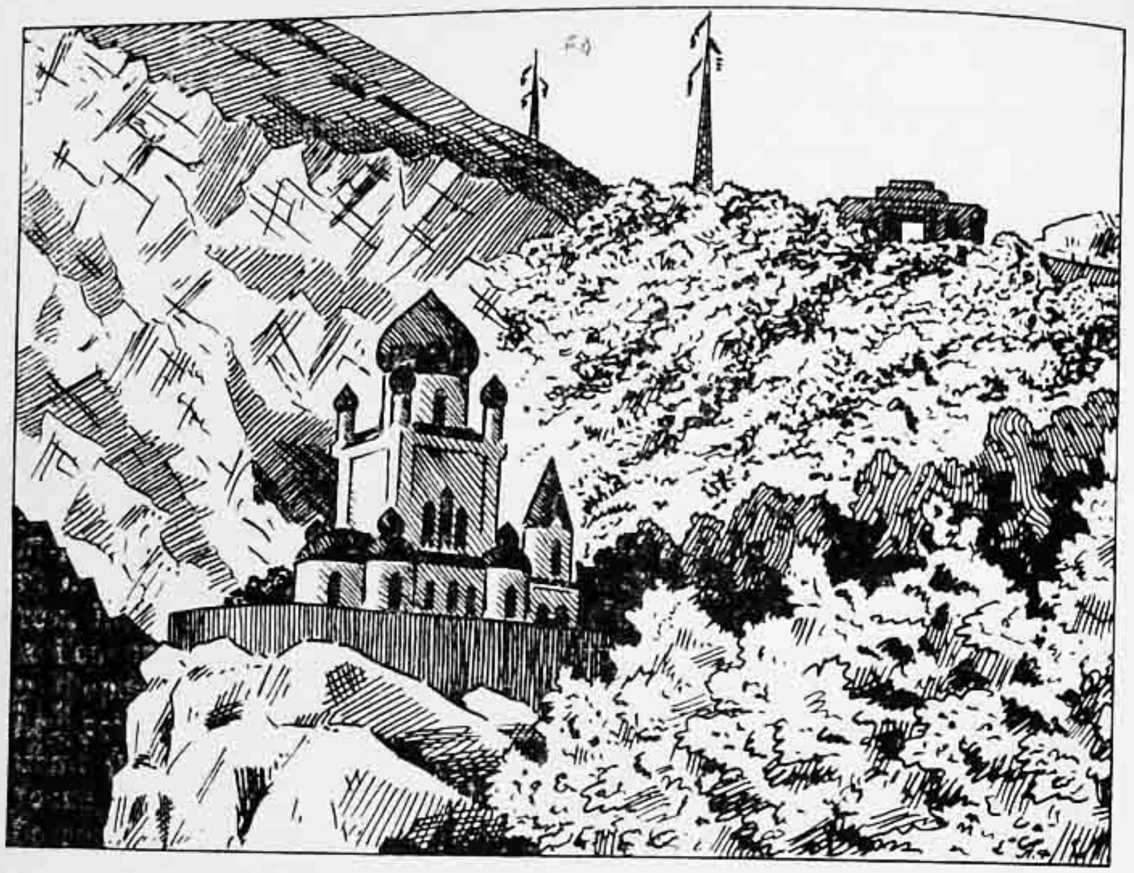


Рис. 141. Байдарская скала с церковью (400 м над ур. м.) и Байдарские Ворота (527 м над ур. м.). Вид с юго-востока.

вплоть до момента присоединения Крыма к России. Была она, несомненно, и в XV в., еще до 1475 г., когда турецкие десанты вышибли малочисленные генуэзские гарнизоны с Южного берега. До этого здесь находилась Фори — генуэзская колония, или фактория, а еще раньше и задолго до генуэзцев в Форосе обосновались греки, которые и дали название этому месту [1]. То были византийские греки, может быть, еще и греки эллинистической поры. Впрочем, в источниках того времени Форос не упоминается. Скорее всего не потому, что его не было, а по причине своей удаленности и малости среди прочих населенных пунктов Южного берега.

После 70-х гг. XVIII столетия Форос и соседние пункты обезлюдели из-за бегства и принудительного выселения прежнего населения, но эти меры не были полными, и на месте Фороса продолжала оставаться деревня. Лет пятьдесят спустя здесь появилась усадьба обер-гофмаршала К. А. Нарышкина — одного из отпрысков обширного рода Нарышкиных, вскормившего Великого Петра; позднее Форос перешел во владение чайного миллионера Кузнецова, а после смерти — к его племяннику Г. К. Ушакову. С деятельностью обладавшего большим вкусом Кузнецова, вложившего не одну сотню тысяч рублей в благоустройство дикой местности, связано многое и в современном Форосе: великолепный и обширный декоративный парк, дворец, оригинальное шестилучевое здание винных подвалов,

выстроенная на отвесной скале над Форосом и чуть ниже Байдарских Ворот церковь (рис. 141). Все это сохранилось до сих пор, за исключением фресок в Байдарской церкви, писанных Корзухиным, Маковским и другими.

Одновременно чуть западнее Фороса — в Тессели («Тишина») существовало имение Раевских. В нем даже раньше, чем в Форосе, была начата разбивка приморского декоративного парка с искусственными прудами, с тенистыми дорожками, с группами экзотических деревьев. В 30-е гг. нашего столетия в этом уединенном месте жил Горький. Тессели и Форос, где он бывал, не произвели на него неотразимого впечатления: легко понять чувства человека, оказавшегося на исходе жизни в чудесном, но глухом тогда уголке [2].

Прошедшая война не нанесла непоправимого урона Форосу, видимо, из-за скоротечности военных операций в этом месте. Он был скоро восстановлен в прежнем виде, а затем в нем были построены новое шоссе, новые корпуса санаториев, многоэтажные жилые дома, школы, кинотеатр, закрытый плавательный бассейн, купальни с искусственными пляжами и бетонными молами и даже площадка для вертолетов. Все это умело вписано в ландшафт. Однако достаточно взглянуть на Форос с расстояния километра в два, или со скалистого форштевня Кильсе-Буруна, или хотя бы с полукилометровой высоты Байдарских Ворот — и поражающий своей изысканностью декор курорта окажется едва различимым. Насколько хватает глаз — Таврика, дикая Таврика!

Этимология названия этого очаровательного местечка до сих пор окончательно не выяснена. Мы даже не знаем, правильнее ли говорить Форо̀с, ставя ударение на второй гласной, как это делается в большинстве случаев сейчас, или Фо̀рос — с ударением на первой гласной, как это было принято прежде. В перечне деревень Мангупского кадылыка стоял именно Фо̀рос. Мы не знаем также, какие изменения произошли с гласными этого слова за многие века его употребления, а это имело бы существенное значение при расшифровке его смысла. Постепенная замена могла коснуться и согласных: например *ф*, вместо *п*. Естественно, все это затрудняет поиски смысла. Толкование названия *Форос* производят по-разному. Только в старогреческом лексиконе находим полдесятка созвучных слов, значение которых могло бы подойти к данному месту: φαραγξ — ущелье, пропасть, лощина, обрыв (разве рядом с Форосом нет ущелий и скал, разве обрывы Форосской Яйлы не представляют собой настоящие пропасти?); φάρος, φᾶρος — плащ, верхнее платье, покров, но также и парус (взгляните на скалу над Форосом: чем это не косой парус фелуки?); φόρος — взнос, дань, пошлина, налог и т. п. (почему бы не считать и этот смысл подходящим? Может быть, здесь было что-то вроде таможни?); φορός — несущий, попутный (о ветре; берег моря в Форосе имеет крутой изгиб, здесь постоянно

дуют ветры, подгоняющие корабли в восточном направлении или — в другое время — на северо-запад, к Гераклейскому полуострову).

А если имела место замена согласных? Тогда вот еще несколько созвучных слов старогреческого лексикона: *πάρος* — раньше, прежде (нареч. маловероятно); *πόρος* — путь через что-нибудь, проход, переправа и т. д. (Байдарский проход через Форосскую Яйлу функционировал и в далеком прошлом; строители южнобережного шоссе и здесь использовали древний путь); *πῶρος* — туф, мрамор (известняковые скалы над Форосом кое-где действительно мраморизованы, хотя и слабо, а в каньонах, рассекающих эти скалы, временно действующие потоки и сейчас откладывают карбонат кальция и образуют пористый травертин.

Но и это еще не все. В новогреческом мы дополнительно находим: *φόρος* — площадь, рынок (в прошлом понимании — торжище; расположенный на изгибе берега, рядом с одним из горных проходов, Форос действительно мог быть заметным торговым пунктом, посредничавшим между Южным берегом, Байдарской долиной и Гераклейским полуостровом, не говоря уже о том, что именно к Форосу ближе всего находилась граница княжества Феодоро; недаром именно тут генуэзцы основали факторию Фори); *φαρος* — маяк (конечно, здесь мог быть и маяк — на этой крайней к югу точке Крымского полуострова; он был попросту необходим для каботажного плавания, ведь и сейчас, чуть западнее Фороса, на мысу Сарыч, находится один из главных маяков Южного берега).

Трудно разобраться в том, что же ближе всего соответствует названию места, если каждое из указанных слов в какой-то степени отражает особенности обстановки или вероятной истории Фороса. Впрочем, разнообразие толкований, пожалуй, имеет больше значения, чем выбор какого-либо одного варианта: сталкиваешься как бы с интегральным названием, отражающим многие черты, в соответствии с каждой из которых могло возникнуть название *Форос*. Так это или не так — дело лингвистов внести полную ясность в одну из маленьких загадок топонимики Южного берега. Используя в названии главы один из вариантов (*φορὸς* — несущий, попутный), я вовсе не думаю, что он — самый правильный, хотя уверен, что самый поэтичный.

3

Выше говорилось, что между Меласом и Форосом на сланцевом склоне берега часто попадаются группы кевовых деревьев и скопления средневековой керамики, фиксирующие места старых поселений. То же самое наблюдается между Форосом и Тессели и дальше к мысу Сарыч. Изрезанный оврагами, берег в этом районе был в прошлом плотно заселен, но большинство поселений представляло собой маленькие хуторки или даже отдельные усадьбы. На месте самого Фороса находилось наиболее крупное из них. После строительства поместий, санаториев, курортов, декоративных парков

и дорог мало что осталось от средневекового Фороса. Теперь уже невозможно представить себе ни общую его планировку, ни отдельные детали поселения; приходится больше догадываться, что средневековый Форос находился на берегу моря, а рядом с ним, чуть восточнее, в отлогой бухте располагался небольшой порт. Возможно, на самом мысу было небольшое укрепление. Место для него подходит. Но от него ровным счетом ничего не сохранилось; из остатков попадается только обычная средневековая керамика. Так что было ли здесь укрепление — остается вопросом.

Очень большое поселение, состоявшее из многих десятков разбросанных усадеб, находилось на склонах, примыкающих к подножию Байдарской скалы. Помимо развалов миниатюрных построек, датируемых керамидами и обломками всевозможной посуды, здесь попадаются остатки межевых и подпорных стен, следы старых дорог, выложенные камнем арыки. Часть этого средневекового поселения была срезана в 1967 г. громадной выемкой новой автомагистрали.

Примерно в 600—800 м к юго-западу, поблизости от подножия Форосской скалы, существовало и другое средневековое поселение, над которым находилось что-то вроде небольшой крепостной постройки, а несколько в стороне располагался средневековый могильник с храмом. Об этих объектах будем говорить ниже.

В сторону Тессели и мыса Сарыч берег был заселен менее плотно из-за изрезанности глубокими оврагами, из-за оползней и каменных развалов, но и на этом участке много средневековых остатков — жилищ, стен, арыков, куч керамического боя на месте гончарных печей.

Восточнее меридиана Байдарские Ворота — Форос и до вулканического хребетика Ай-Юри (см. рис. 138), т. е. на протяжении 3,5 км, находим целую зону остатков средневековья, занимающую среднюю и верхнюю части берегового склона. Попадаются они и возле моря, но заселенность прибрежной полосы была меньше. Объясняется это просто: основная масса водоисточников, связанных с контактом известняков и подстилающих их глинистых сланцев, выбивается под обрывами Яйлы и в верхней части склона. Возле них или поблизости и возникали сельскохозяйственные усадьбы, группы усадеб и населенные пункты, в которых жилища были разбросаны на большой площади и каждое из них находилось в границах более или менее обширного земельного владения.

Картина этих усадеб и поселений, остатки которых то прячутся в густых древесно-кустарниковых зарослях, то становятся более зримыми на полянах, поражает той великой мерой человеческого труда, который был вложен в создание земледельческих террас, межевых стен и крепид на расчлененном рельефе, и тем запустением, в котором пребывают эти средневековые руины сейчас.

Каждая усадьба представляла собой террасу на водораздельной гряде или в глубине балки, ограниченную с юга прямой или криволинейной крепидой, сложенной из камня. Высота некоторых крепид и сейчас достигает 2—3 м, а толщина каменной кладки —

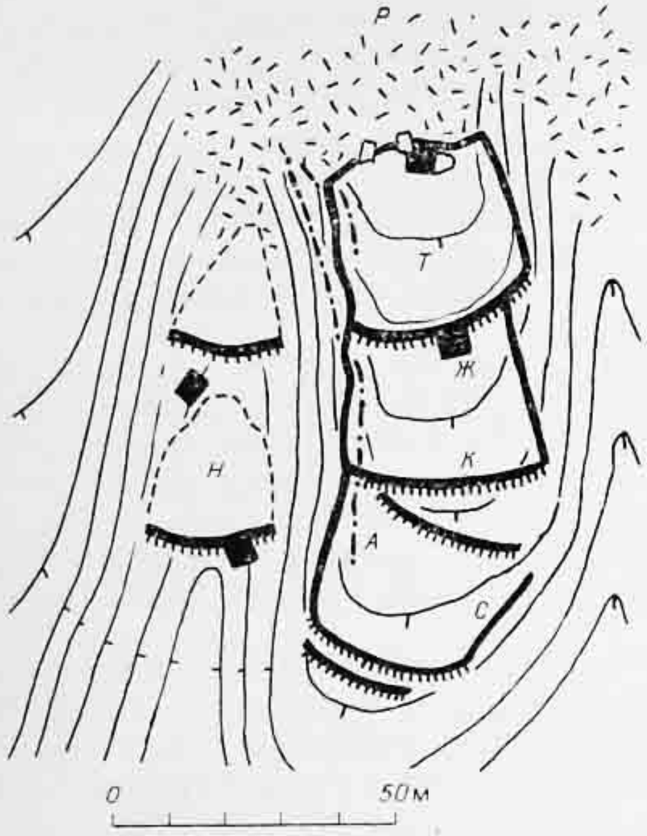


Рис. 142. Планировка одной из групп средневековых усадеб между Меласом и Форосом.

Р — каменные развалы; К — крепиды на водоразделе и в балке; С — продольные стены межевого и противоэрозионного назначения; Т — земледельческие террасы на водоразделе; Н — намывные земледельческие террасы в балке; Ж — остатки жилищ; А — арык, выложенный камнем.

0,7—1,5 м. В балках крепиды задерживали снос почвы и масс грунта, вследствие чего поверхность из года в год повышалась, превращаясь в удобную террасу. На водораздельных грядах выравнивание места требовало тяжелого труда, но, несмотря на это, земледельческие террасы на водоразделах устраивались, по-видимому, охотнее, чем в балках. Причина этого кроется в селеопасности оврагов и балок Южного берега. Почти каждая земледельческая терраса имела боковые межевые стены высотой 1—2 м (может быть, и больше) и толщиной 0,7—1,5 м, выложенные по бровкам оврагов и балок (рис. 142). Нередко их можно принять за оборонительные сооружения, но более вероятно, что главная их роль состояла в разграничении земельных владений и в предотвращении эрозии террас.

Такой же характер имели земледельческие поселения по всему Южному берегу Крыма. Однако если между Алуштой и Симеизом, т. е. в зоне интенсивного санаторно-курортного строительства, остатки средневековых поселений подверглись почти полному уничтожению и особенности их планировки едва угадываются, то западнее Лименского хребта, например в Лименской долине, в районе Кастрополя, между Меласом и Тессели, особенно в Ласпи, аграрные владения средневековья значительно более ясны. В Ласпи сохранился даже целый археологический комплекс — от раннего средневековья до поселений конца XVIII столетия.

Словом, берег возле Фороса не только не пустовал в средние века, но был заселен с большей, чем сейчас, плотностью и великолепно освоен в земледельческом отношении. Его запустение началось, по-видимому, с конца XV столетия, но не было полным. В татаро-турецкий период истории Крыма немногочисленные деревеньки разрастались главным образом поблизости от прибрежья, в то же время земледельческие террасы использовались под сады и виноградники.

Имел ли этот участок берега укрепления в средние века? Долгое время поиски в районе Фороса оставались безрезультатными, хотя было ясно, что в этом важном пункте система обороны не могла обойтись без исаров.

Одно из укреплений вполне могло быть на Байдарской скале, где в конце прошлого столетия по проекту академика Н. М. Чагина и на средства чайного миллионера Кузнецова была выстроена упомянутая церковь. Скала эта во всех отношениях удобна для крепостной постройки: близость к Байдарскому проходу, значительная высота и неприступность обрывов, а рядом, слева — глубокая балка, выходящая прямо на гребень Яйлы. В балке была и остается сейчас, но уже заброшенная, старая дорога на Форос от Байдарских Ворот. Тут же в балке — источники воды и лес, покрывающий каменные развалы, среди которых заметны остатки жилищ, обломки черепицы и посуды. Конечно же, Байдарская скала в прошлом была укреплена, но никто не писал об этом пункте как о возможном исаре: при строительстве церкви весь верх ее перекрыла широчайшая платформа, скрывшая под собой следы прошлого. К счастью, ниже церковной платформы крутой лесистый склон усеян массой средневековой керамиды. Кому это взбрело в голову устраивать жилища на скале, на высоте 400 м над ур. м.? Не может быть, чтобы здесь было простое поселение! Жилища на Байдарской скале, крытые керамидой, принадлежали, вернее всего, укрепленному пункту, защищавшему горный проход, точно так же, как на Шайтан-Мердвене. Нескольких десятков фрагментов керамиды достаточно, чтобы найти место исчезнувшего исара. Как раз под ним и разрослось одно из наиболее крупных поселений форосской округи, о котором говорилось выше.

О том, что Байдарский проход и в средневековом прошлом связывал Южный берег с нагорьем Яйлы и Байдарской долиной, свидетельствуют также «длинные стены» вдоль гребня Яйлы. Нельзя, конечно, отождествлять ту стену, остатки которой еще и сейчас видны поблизости от Байдарских Ворот, с «длинными стенами», построенными Юстинианом. Сохранившиеся остатки стены возвышаются на гребне, между Форосской скалой и соседним к востоку мысом Яйлы, перегораживая седловину. Западнее Байдарских Ворот стена прослеживается метров на полтораста. Она сложена из бутового камня, насухо, двухпанцирной кладкой с панцирями приблизительно одинаковой толщины, так что трудно определить, который из них был наружным. Судя по развалам камня, высота перевальной стены составляла не больше 3 м. Толщина этого сооружения только кое-где достигает 1,5 м, обычно же меньше. Восточнее Байдарских Ворот стена разобрана, но направление и место прослеживаются по остаткам камня. Сомнительно, чтобы она имела сугубо оборонительное назначение или представляла собой единственное фортификационное сооружение на пути из Байдарской долины на Южный берег. Подобные сооружения имеются, например,

и на Ласпинских перевалах (см. главу XXV), и их можно уверенно определить как стены-заборы, преграждавшие доступ скоту с открытых пастбищ Яйлы в путанные заросли южнобережья.

В поселении под Байдарской скалой найдены остатки довольно мощной стены через перевальную балку (см. рис. 138). Похоже, что именно тут проходил оборонительный рубеж, обращенный лицом не к северу — против нагорья, а к югу — против Южного берега. Довольно странная ориентация. Но к этому вопросу мы еще вернемся.

Итак, имеется три, казалось бы, важных пункта в системе обороны Фороса — и ничего более или менее ясного: предположения, догадки и невыразительные остатки, едва ли способные убедить скептика.

1. Мыс Форос — береговое укрепление, от которого не осталось камня на камне. Неизвестно, было ли оно вообще. Логически рассуждая, оно не могло не быть именно на мысу.

2. Байдарская скала — горное укрепление с южной стороны Байдарского прохода. Но здесь найдена только керамика! Пожалуй, и этого немало, если иметь в виду, что на высоту 400 м над ур. м. и в окружение скал едва ли стоило забираться с иной целью, нежели устроить здесь заслон.

3. Седловина Байдарского прохода — возможная линия обороны. Увы, и в этом пункте мы находим лишь ничтожные остатки строительного камня.

В один из праздничных дней ноября 1965 г., совершая прощальную экскурсию вокруг Фороса, я неожиданно наткнулся еще на одно укрепление. Хотя и от него осталось не очень много, оно послужило некоторым утешением в предшествующих неудачах.

Спускаясь по старой Форосской дороге от Байдарского прохода, по правую руку замечаем обширное поле гигантоглыбовых развалов, далее минуем заброшенные карьеры, поворачиваем к западу, вдоль невысокой сланцево-диабазовой гряды, поросшей сосновым лесом. Ниже — голые или покрытые кустарником склоны, давным-давно заброшенные или только что разбитые виноградники. Выше — лесистые холмы, балки и каменные развалы у подножия Яйлы. Именно здесь теперь проходит новая автомагистраль.

На склоне одного из мысов сланцево-диабазовой гряды, в осыпях щебня и прямо на голой поверхности коренных пород находим множество керамических обломков. Они уводят нас все выше и выше, и, наконец, мы останавливаемся перед развалами маленькой постройки. Она оказывается одноапсидным храмом. Место это легко найти: на полпути между Байдарским проходом и Форосом. Вот некоторые направления от этого храма (в град; см. рис. 138,*5*):

На Байдарские Ворота (не видны, загорожены краем Форосской скалы)	4
На Байдарскую скалу (видна)	37
На мыс Форос и центральную часть Фороса, парк	188
На Кикинеизский мыс и Кучук-Исар (видны)	90
На мыс Сарыч (оконечность с маяком)	245
На южную оконечность скал Чабан-Таш	255

Пересечение этих направлений дает точку, лежащую почти строго на север от Фороса, на расстоянии чуть больше километра от берега моря и метров на 250 над ур. м.

Размеры храма — 4,5×7 м (без апсиды), толщина стен — 0,65—0,70 м, кладка сохранилась в высоту 0,5—0,8 м от основания. Стены сложены из дикого камня на известковом растворе и были покрыты известковой же штукатуркой толщиной в 3—4 см, содержащей значительную примесь крупного песка. На некоторых кусках штукатурки сохранились следы красочного слоя. Апсида храма была сложена из блоков травертина и развалилась почти совершенно из-за крутого уклона поверхности под ней (рис. 143). Вход находился с южной стороны и, как обычно в постройках такого рода и размера, имел ширину меньше метра. Ориентирован храм на северо-восток (по азимуту 60°).

Постройка завалена камнем, перемешанным с мелкоземом, кусками штукатурки, обломками черепицы и различных сосудов. Весь этот завал перекрыл зольно-глинистый пол толщиной 4—5 см, под которым насыпан мелкий щебень (выравнивание рельефа основания).

С северной стороны постройку огораживала стенка длиной 15 м; она тянется от одной кучи крупных глыб до другой. С восточной стороны приблизительно меридионально проходила стена толщиной до 2 м, угол которой закрывал выход из узкого кулуара в скате холма. От этого места на протяжении 65 м прослеживаются развалы второй стены, идущей в северо-западном направлении, а еще дальше — цепочка отдельно стоящих или наваленных небольшими кучами глыб — все, что осталось от оборонительного сооружения. Стена имела панцири двухметровой толщины и сложена на известковом растворе.

На широкой поверхности бугра, северо-западнее храма, заметны перекрытые делювием развалы жилищ и рассеяна масса керамики. Именно отсюда керамика попадает к подножию бугра.

Место, где помещались храм, весь исар и его жилые постройки, удобно во многих отношениях. С севера бугор прикрыт высокой Форосской скалой и надежно защищен от ветра. Восточнее находится поле каменных развалов, служащих естественным препятствием на подходе к укреплению. Рядом пролегает дорога к Байдарским Воротам. Южная сторона бугра обрывиста, а склон под ним не слишком крут и покрыт плодородной почвой. По обе стороны бугра расположены балки, а главные водоисточники находятся как раз над укреплением, в нижней части зоны каменных развалов, у подножия Форосской скалы. Этого достаточно, чтобы привлечь внимание именно к этому бугру при выборе места для небольшого исара.

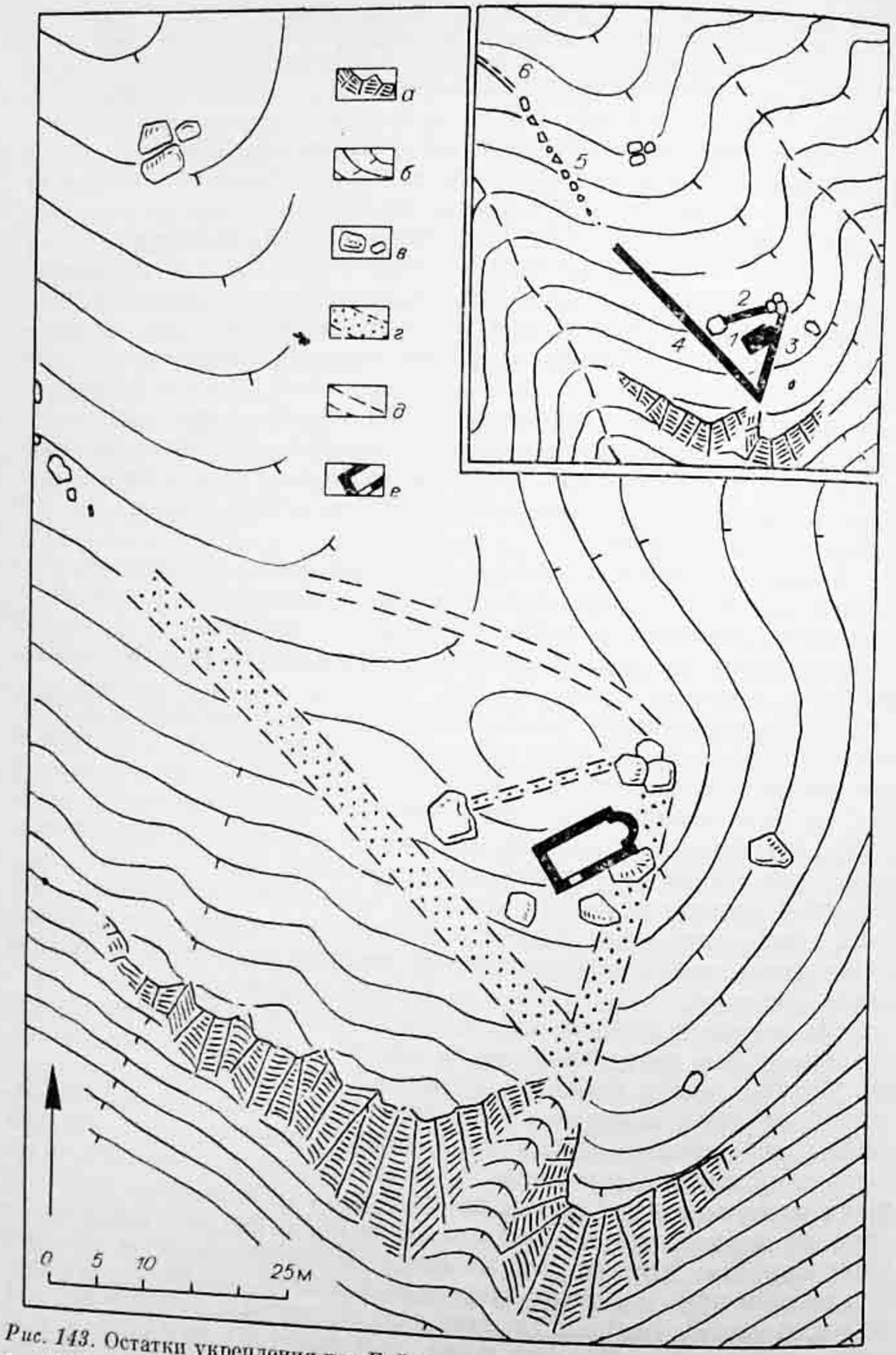


Рис. 143. Остатки укрепления под Байдарским проходом. Съемка автора, 1966 г.
а — обрывы и скалы; *б* — горизонтали (схематическая прорисовка рельефа); *в* — отдельные камни и группы камней; *г* — развалы оборонительных стен; *д* — следы дороги и стен; *е* — одноапсидная церковь. Вверху справа — общий план (масштаб в четыре раза мельче): *1* — церковь; *2* — северная стена; *3* — восточная стена; *4* — юго-западная стена; *5* — развалы камней на продолжении юго-восточной стены; *6* — старая дорога.

В полукилометре западнее крепостного бугра возвышается широкий сланцевый холм, поросший травой и группами кустов, среди которых разбросаны одичавшие грушевые деревья. Здесь же много терновника, прямо-таки обожающего развалы построек, особенно — развалы средневековых церквей. С моря холм виден в промежутке между Форосом и Тессели, над мысом Форос. Он легко узнается по винограднику, разбитому на его южном склоне, и чем-то похож на могильный холм возле укрепления Демерджи. Это не очень уловимое сходство при ближайшем знакомстве с ним оборачивается вполне определенным подобием: холм между Форосом и Тессели занят средневековым могильником Фороса или тех поселений, которые находились возле крепостного бугра и под Байдарской скалой.

Лунки в почве указывают места просевших могил. На всей площади (50×100 м) их много десятков. В наиболее возвышенной точке заметны остатки кладбищенского храма — невысокая куча камней, заросшая можжевельником, ажиной, терном. В 1965 г. стены храма едва угадывались под каменным развалом; два года спустя эта постройка была раскопана — и вовремя: в пяти шагах от нее разверзлась глубокая выемка строящейся автомагистрали; со временем выемка станет еще шире и срежет большую часть могильного холма вместе с храмом (рис. 144)[3].

Храм на могильнике одноапсидный, размером 5,7×8,0 м (внешние габариты без апсиды; внутренние габариты — 4,3×6,6 м), ориентирован на северо-восток по азимуту 74°. Его стены — обычной кладки, на известковом растворе, толщиной 0,6—0,7 м — были покрыты внутри известковой штукатуркой и расписаны фресками. Под полом из тонких плит серого слоистого песчаника была устроена небольшая плиточная могила (детское погребение). Среди обломков керамики (керамида, амфоры, пифосы) оказалось довольно много мелких обломков глазурованных чаш. В развалах камня найдены целые блоки травертина от свода и несколько блоков легкого раковинного известняка, похожего на инкерманский. По-видимому, из-под Инкермана они и были доставлены на

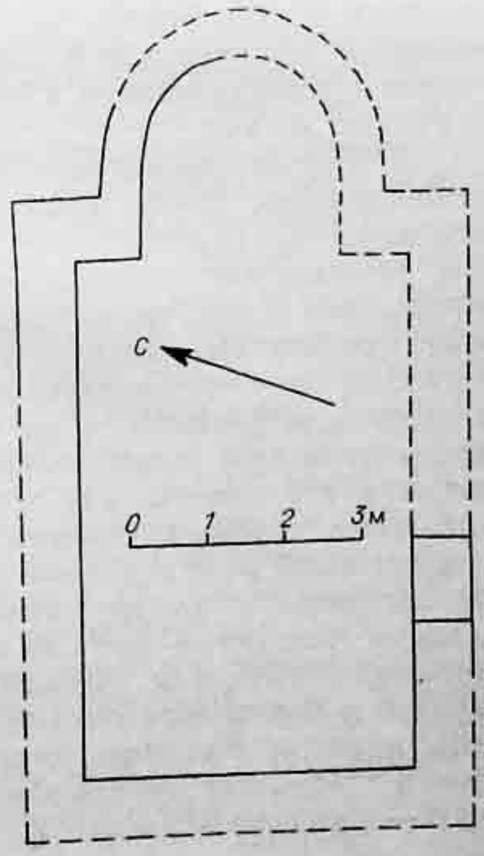


Рис. 144. План одноапсидной часовни на могильнике Фороса. Вход в южной стене. Апсида удлиненная. Пунктиром показаны нераскопанные стены, кладка их выступает из-под почвы.

Форос, ибо нигде поблизости и вообще на Южном берегу такого известняка нет. Вход в храм (шириной 1—1,1 м) находился в южной стене, почти посередине ее. Только эта деталь да ориентировка постройки отличают ее от небольшой церкви на крепостном бугре. Во всем остальном — планировке, характере кладки, наборе керамики — это постройки одного типа и времени.

7

Вернемся к маленькому разрушенному исару над Форосом... Нет надобности перечислять все находки, которые мало что прибавляют к общей картине единообразных культурных остатков на исарах Южного берега. Отметим главное.

Керамика исара над Форосом в общем подобна керамике всех исаров и приблизительно так же распределяется по видам изделий. Резко преобладают керамиды, меньше амфор (включая кувшины) и пифосов. Обломки рассеяны на большой площади. Их разносу способствует уклон местности. Вместе со щебнем коренных пород и глинистым мелкоземом они сползают по скату крепостного бугра, накапливаются у его основания; осыпи щебня переполнены ими. Создается ложное впечатление, что именно на нижней части склона находились жилища.

Среди обломков посуды чаще, чем где-либо, попадаются орнаментированные волнистым рифлением. Считается, что они относятся к позднему времени. Много обломков глазурованной посуды (главным образом мисок с высокими бортиками) с орнаментом в виде сплошного поля мелких завитков. Это сравнительно поздняя керамика, по тем временам изысканная и довольно дорогая; она встречается преимущественно в развалах храмов, в крупных жилых постройках исаров.

В Форосе, особенно в восточной его части, идет интенсивное строительство. Будь здесь постоянный археологический надзор, это могло бы облегчить открытие древностей. Все пункты Фороса, где удалось «зацепиться» за остатки средневековья (мыс Форос, крепостной бугор, могильный холм, Байдарская скала и ее подножие, гребень Байдарского прохода), составляют большой археологический комплекс, охватывающий время от раннего средневековья, возможно от античности, до конца XV в., когда наряду с другими прекратила свое существование и генуэзская фактория Фори. Значимость этого места для средневековья очевидна. Прежде всего, оно имеет наиболее удобный в этой части Южного берега проход, открывавший путь в Горный Крым и предгорья. Кроме того, близко расположено к центру княжества Феодоро — Мангупу. От Фороса до Мангупа — всего 25 км по старой дороге через Байдарскую долину, верховья р. Черной, до левых притоков Бельбека. Еще прямее и короче был путь между Форосом и Инкерманом — портовым пунктом Каламита княжества Феодоро. Он связывал Фори также с крупным портом и крепостью времен генуэзской колонизации — Чембале-Балаклавой.

XXV

ИЛЬЯС-КАЯ — НАД ЗЕЛЕНОЙ ЧАШЕЙ ЛАСПИ

До залива Ласпи можно добраться морем, но в Ласпи можно попасть и тремя другими путями, и каждый из них примечателен.

Путь первый — от Фороса, через Тессели, мимо мыса Сарыч и береговых скал Чабан-Таша (Пастушьи камни), вдоль восточного берега залива Ласпи. На этом пути сначала минуешь мыс Сарыч, или, как он именовался в прошлом, Сарыч-Бурун. Существует мнение, что это название мыс получил в память об адмирале Сарычеве — устроителе береговых маяков, но действительность, видимо, прозаичнее: название это бытовало еще до Сарычева и означает попросту Желтый мыс. Его глинистые обрывы действительно имеют желтоватый цвет. Поперек берегового склона к обрывам Яйлы, которые в створе мыса не очень высоки, поднимается группа известняковых скал Чабан-Таша (рис. 145) — своего рода рубеж между районом Фороса — Тессели и окрестностями Ласпинского залива.

С мысом Сарыч связано одно из крымских топонимических недоразумений. Дело в том, что тот мыс, который сейчас носит это название, в прошлом именовался мысом Ласпи, а мыс Сарыч-Бурун находился между Форосом и Тессели. В дальнейшем мыс Ласпи исчез с карт, и выступ берега возле Чабан-Таша стал именоваться мысом Сарыч. Не станем исправлять это недоразумение...

Еще одна любопытная деталь связана с геологией места. По дороге от Тессели до мыса Сарыч очень часто попадается галька темно-коричневого цвета с блестящей глянцевой поверхностью, необычно тяжелая. Это сидерит, происходящий из прослоев в сланцах таврической формации, — вполне приличная руда для выплавки железа. Факт этот имеет прямое отношение к истории средневекового железоделательного ремесла на Южном берегу и в Юго-Западном Крыму вообще.

За мысом Сарыч берег круто поворачивает к северу, что поначалу сбивает в привычной для южнобережья ориентировке (море ока-

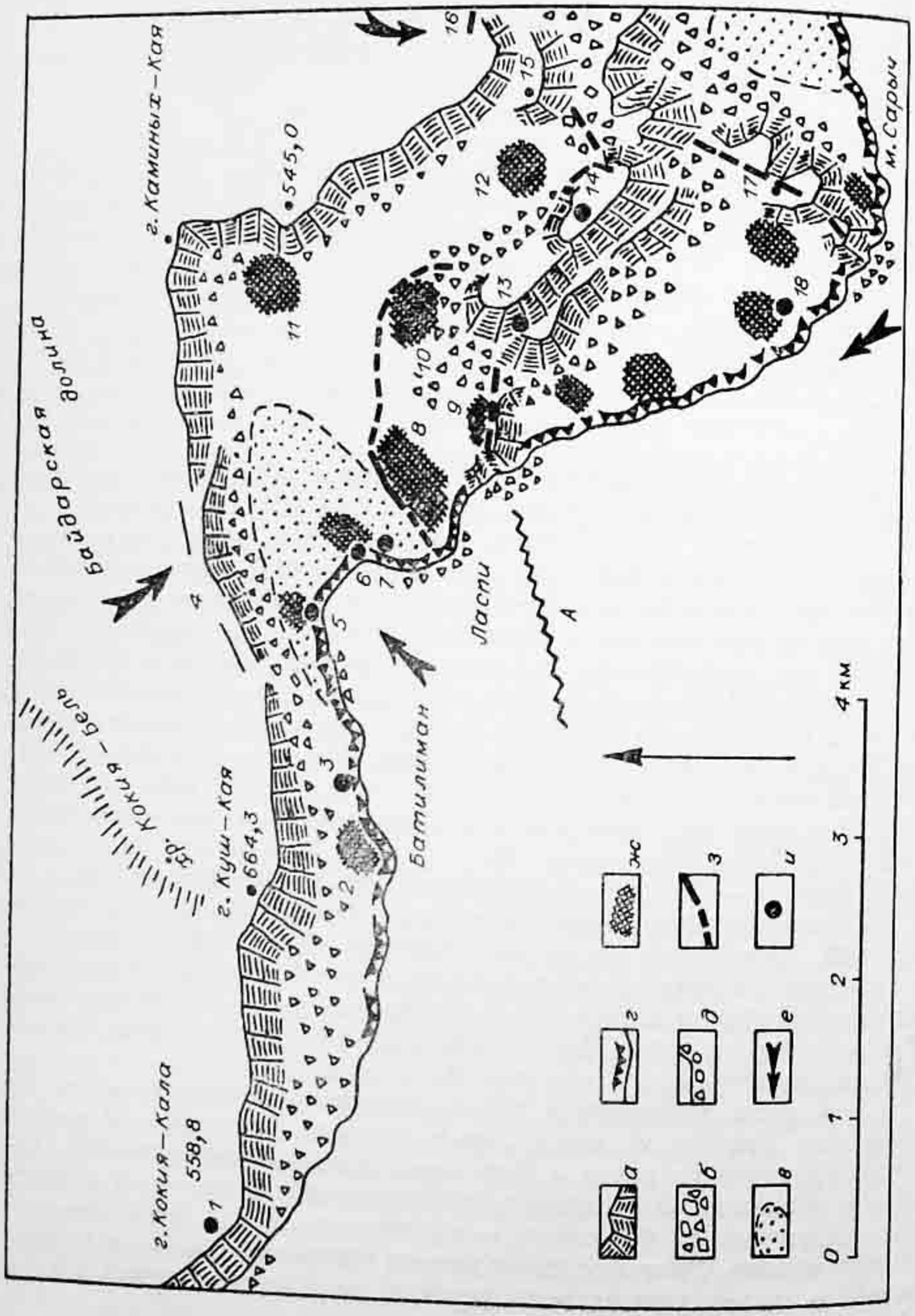


Рис. 145. Район Ласпи.

а — известняковые обрывы Ласпинской Яйлы, Ильяс-Кая, Чабан-Таша; *б* — зоны каменных хаосов; *в* — селеопасные участки берегового склона; *г* — сланцевые и делювиальные обрывы морского берега; *д* — каменные нагромождения на литорали; *е* — главные пути вторжения в Ласпинский амфитеатр; *ж* — поселения, группы построек и усадеб; *з* — естественные рубежи, усиленные оборонительными стенами; *и* — прочие объекты. *1* — укрепление Кокия-Исар; *2* — остатки средневекового поселения на месте Батилимана; *3* — гончарная печь; *4* — горный проход на Байдарской долины; *5* — северо-западное поселение у пляжа; *6* — юго-восточное поселение у пляжа; *7* — могильник; *8* — центральное поселение Ласпи; *9* — группа построек на южном рубеже обороны; *10* — остатки поселения Хаспио; *11* — остатки поселения Шабурла; *12* — остатки поселения Ласпи; *13* — гроты над западным балконом Ильяс-Кая; *14* — вершина Ильяс-Кая, храм св. Ильи (?), остатки укрепленного поселения на крутом склоне; *15*—гора Мачук; *16* — горный проход со стороны Форосской Яйлы; *17* — скалы Чабан-Таш; *18* — гончарная печь. А (на акватории залива) — возможное продолжение под уровнем моря гряды Ильяс-Кая.

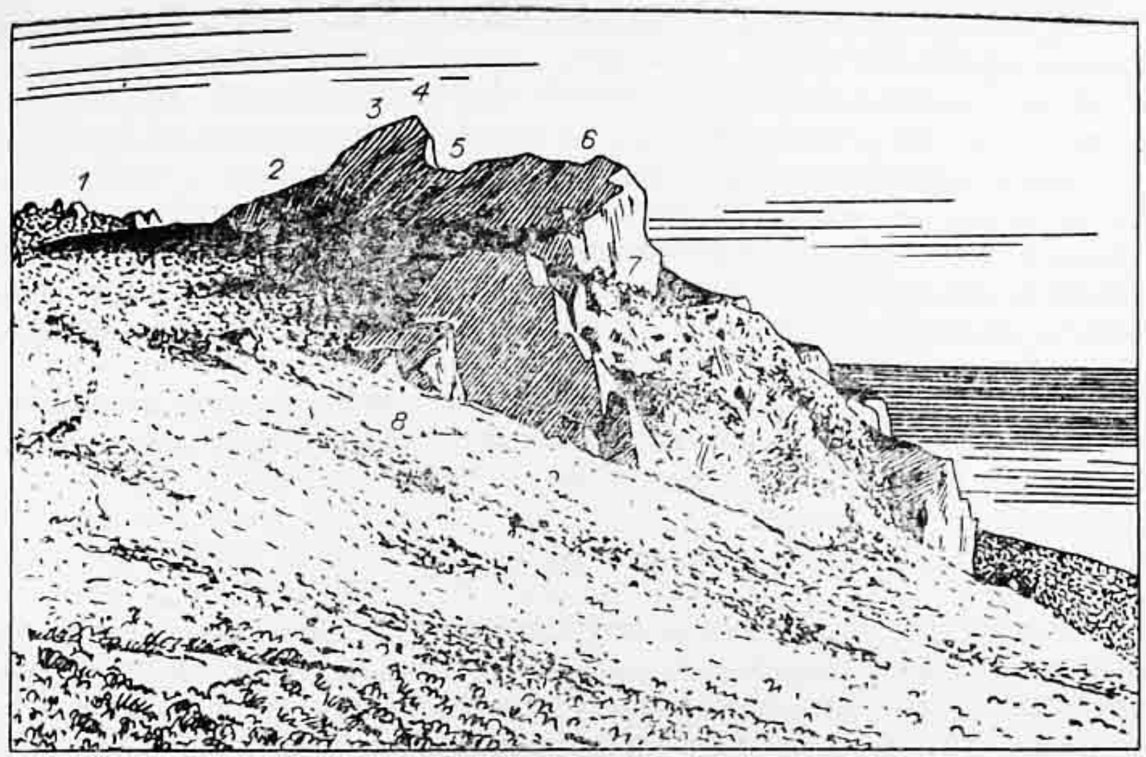


Рис. 146. Ильяс-Кая. Вид с северо-запада, от перевала через понижение в Ласпинской Яйле.

1 — скалы на седловине между Ильяс-Кая и горой Мачук, ниже — поселение Ласпи, скрытое лесом; *2* — укрепленное поселение на крутом склоне Ильяс-Кая; *3* — храм св. Ильи на Ильяс-Кая; *4* — наивысшая точка Ильяс-Кая; *5* — резкое понижение скального гребня; *6* — скальный гребень; *7* — гроты над западным балконом; *8* — место поселения Хаспио. Рисунок сделан в начале декабря, гребень Ильяс-Кая отбрасывает глубокую тень на лес, поднимающийся к скалам.

зывается не на юге или юго-востоке, а на западе). Это уже залив Ласпи, и остается пройти километров восемь (учитывая все повороты дороги) до его вершины, правильнее — до кута.

Второй путь — от Байдарского прохода по гребню Форосской Яйлы до ее понижения в створе мыса Сарыч. Здесь от Яйлы отчленен неглубокой седловиной массив горы Мачук. Спуск ведет на северо-запад широким лесистым разлогом между обрывами Ласпинской Яйлы и гребнями Ильяс-Кая прямо в горный амфитеатр Ласпи. Понижение у горы Мачук — один из старых богазов Южного берега, и о нем нам еще предстоит говорить.

Третий путь — от с. Орлиное (бывшее Байдары) в Байдарской долине прямо на запад, по шоссе, постепенно поднимающемуся на гребень Ласпинской Яйлы. Горный амфитеатр Ласпи открывается неожиданно из-за последних перед гребнем скал кустов и деревьев, и прямо перед вами, на юго-востоке, в небольшом отдалении — всего в 2,5 км (но кажется страшно далеко)— поднимаются над зеленой чашей Ласпи причудливые скалы Ильяс-Кая (рис. 146). Налево, по скальному карнизу, спускается дорога в Ласпи, направо, за горой Кале-Кая,— дорога в Батилиман на северном берегу залива Ласпи.

Почувствовать форму рельефа Ласпи можно только пройдя по каждой из трех дорог и исходив зеленую чашу Ласпи вдоль и поперек, от мыса Айя до Ильяс-Кая и Чабан-Таша.

1

Рельеф Ласпи сложен в микродеталях и в то же время прост в своем общем выражении, представляя собой типичный пример южнобережного сочетания крутого сланцевого склона, зажатого между морем и обрывами Яйлы, глубоких оврагов, гребней, скал и каменных развалов. Уступ Форосской Яйлы в створе мыса Сарыч делает поворот к северо-северо-западу, и отсюда начинается Ласпинская Яйла. Затем обрывы известняков резко поворачивают к западу (см. рис. 145), все больше сближаются с морем, и, наконец, у мыса Айя волны разбиваются об их подножие. Высота обрывов Ласпинской Яйлы, небольшая возле седловины Мачук, постепенно возрастает по мере приближения к Ласпинскому горному проходу, в районе которого уменьшается до 50—70 м и дальше к западу вновь возрастает. Обрывы приметной треугольной скалы Куш-Кая (Соколиная скала), показанной на рис. 145, достигают 400 м, а горы Кокия-Кала и самого мыса Айя — 550 м, при крутизне от 70 до 90°.

Легко заметить, что конфигурация берега повторяет очертание обрывов Яйлы, что вообще свойственно Южному берегу Крыма. Внутреннему углу Ласпинской Яйлы соответствует глубокий залив Ласпи, в прошлом называвшийся Батилиманом (Глубоким заливом). Он ограничен мысами Айя и Сарыч (в прошлом — мыс Ласпи), расстояние между которыми по прямой около 10 км. От линии створа этих мысов залив вдается в берег на два с лишним километра и хорошо защищен с севера и востока, т. е. с самых ветроопасных для Южного берега направлений, уступом Яйлы. Глубина залива достигает 70 м; наиболее глубокая его часть расположена под северным берегом, вследствие чего возникшему здесь поселению и было дано название Батилиман.

Берег залива Ласпи на всем протяжении представляет собой сланцевые или глинистые обрывы высотой от 15 до 40 м, у подножия которых в беспорядке навалены глыбы известняка. В вершине залива имеется небольшой плоский внутренний мыс и за ним — узкая полоска песчано-галечного пляжа длиной до 600 м. К западному можно добавить, что в прошлом в заливе Ласпи процветал лов мелкой рыбы, косяки которой находят в нем убежище в непогоду; и сейчас здесь нередко можно видеть один-два сейнера, отстаивающихся вблизи берега.

То, что мы называем береговым склоном, в Ласпи имеет разное выражение. На Южном берегу этот склон в горизонтальной проекции в среднем не шире 500 м, к мысу Айя вообще исчезает. Его крутизна колеблется от 10 до 30°, он пересечен многочисленными оврагами, а в западной своей части вообще представляет собой сплошное хаотическое нагромождение каменных глыб — шлейф каменных развалов, которые обычны для подножия Яйлы на всем протяжении Южного берега. Ширина склона (опять-таки в горизонтальной проекции) на западном берегу залива равна в среднем 2,5 км. Местность эта также изборождена оврагами и водораздельными гребнями между ними, имеет средний наклон к морю около 8—10° и представляет собой подобие чаши, точнее амфитеатра, окруженного скалами. Больше 90 % площади Ласпинского амфитеатра занято лесом. Здесь растут можжевельник древовидный, дуб, сосна, граб, грабинник, бук (в верхней зоне), дикая фисташка, земляничник, бересклет, кизил, лещина и пр. В нижней зоне берегового склона преобладает можжевельник, в верхней зоне — лиственные породы. В любое время года Ласпинский амфитеатр полон зелени.

Одним из интереснейших орографических элементов этого места является вытянутый с юго-востока на северо-запад массив горы Ильяс-Кая (см. рис. 146). Он начинается от скал Чабан-Таша, примерно посередине между берегом и перевалом Мачук, и тянется почти на 2 км, сохраняя приблизительную параллельность берегу и уступу Яйлы. Между ним и Яйлой находится широкий лесистый разлог, вливающийся с юго-востока в Ласпинский амфитеатр. Скалы Чабан-Таша и юго-восточные скалистые подступы к горам Мачук и Ильяс-Кая преграждают подходы к Ласпинскому амфитеатру с востока и юго-востока. Массив Ильяс-Кая асимметричен: сторона, обращенная к морю,— это головоломные обрывы в 200—400 м; сторона, обращенная на северо-восток, к лесистому разлогу,— скальные скаты крутизной от 35 до 50°. Наивысшая точка Ильяс-Кая — 681,9 м над ур. м.— находится в средней части горного массива, она выше остальных вершин, окружающих Ласпи: Кокия-Кала — 558,8 м, Куш-Кая — 664,3, Мачук — 482,0 м.

И на этом участке Южного берега склон сложен смятыми в складки черными сланцами и серыми песчаниками таврической формации, у поверхности сильно разрушенными (прослои последних маломощны). Сланцевый рельеф перекрыт толщей щебенисто-глинистых делювиальных отложений, которые легко размываются, и благодаря этому на местности развита сложная сеть оврагов и водораздельных гребней.

Планировка уступов Яйлы и берегов Ласпинского залива определяется системой разломов. Массив горы Ильяс-Кая представляет собой сильно наклоненный к северо-востоку лентообразный блок верхнеюрских известняков. В северо-западном окончании он резко

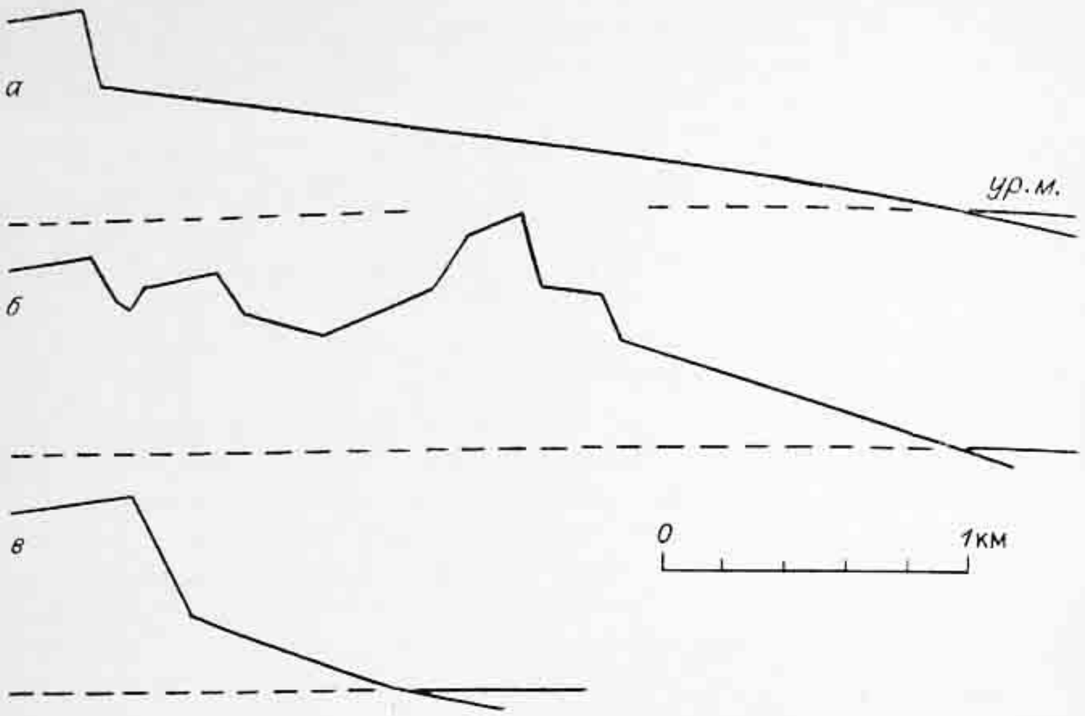


Рис. 147. Четыре схематических профиля с соотношением горизонтального и вертикального масштабов 1 : 1 через Ласпинский амфитеатр.

а — центральная часть амфитеатра, через гору Каменных-Кая до внутреннего мыса в заливе; *б* — юго-восточная часть амфитеатра, через гору Мачук и Ильяс-Кая; *в* — северный берег залива, через гору Куш-Кая и Батилиман; *г* — северный берег залива, через мыс Айя или гору Кокия-Кала.

снижается, разбит на мелкие блоки, часть которых погребена под каменными развалами и отложениями глинистого делювия. В виде невысоких скал блок известняков выходит к линии берега южнее внутреннего мыса залива Ласпи и, по-видимому, продолжается под водами залива в западном направлении, параллельно уступу Яйлы между Куш-Кая и Кокия-Кала. Схема этих соотношений приведена на рис. 147. Внутренний мыс залива Ласпи есть не что иное, как грандиозный конус, сложенный глинисто-щебенистыми делювиально-пролювиальными отложениями, перемешанными с гигантскими глыбами известняков.

2

Не лишены для нас интереса некоторые страницы недавнего прошлого Ласпи.

На старых картах Южного берега в Ласпинском амфитеатре значились деревни Ласпи, Шабурла, Хаспио, поблизости — Кайту, в Байдарской долине — Кючук-Мюскомья, Варнутка, Байдар и др. Известно также, что д. Ласпи входила в число населенных пунктов Мангупского кадылыка. Местность эта запустела после Кючук-Кайнарджийского мира, который не удовлетворил притязаний Турции и

повлек за собой цепь военных конфликтов. Греческое население Юго-Западного Крыма было выселено в приазовские степи. Это коснулось и населения Ласпи, которое было преимущественно греческим.

Вскоре после присоединения Крыма к России берег залива Ласпи привлек к себе внимание коммерции советника Рувье, и вот в связи с чем. В 1804 г. Рувье было поручено привести из Испании малагскую лозу и распространить ее у Судака, но местность та не подошла для этой южанки, и Рувье обратился к заливу Ласпи, на берегу которого купил участок земли и на 10 десятинах разбил виноградники, дававшие крепкие вина типа «Малаги». В дальнейшем имение Ласпи переходило из рук в руки, и дело, поставленное Рувье, постепенно пришло в упадок не столько из-за местных условий, сколько из-за отдаленности Ласпинского амфитеатра от основной курортно-поместной зоны Южного берега.

В начале нынешнего столетия на северном берегу залива Ласпи, в Батилимане, некогда представлявшем рыбацкую деревушку, возник курортный поселок петербургской интеллигенции с дачами Короленко, Билибина, Дервиза, Раппопорта и многих других писателей, художников, искусствоведов. После первой мировой войны курортный поселок Батилиман было захирел, но затем здесь организовали временно действующие санатории Академии наук и пионерский лагерь. Они существуют и сейчас, но большую часть года Батилиман пуст и тих. В Ласпи, на территории бывшего имения, теперь находится лагерь для севастопольских пионеров, также пустующий большую часть года, а под юго-западным обрывом Ильяс-Кая приютился небольшой пансионат для отдыхающих геологов.

С заливом Ласпи и его берегами связаны события военных лет. Во время Крымской войны 1854—1855 гг. в заливе отстаивалась значительная часть соединенной эскадры союзников, которая целиком не могла уместиться в небольшой Балаклавской бухте. Залив хорошо защищен с севера и востока и обеспечивает тихую якорную стоянку на глубокой воде.

В годы второй мировой войны в Батилимане и Ласпи черноморские моряки бились с немецко-фашистскими захватчиками. Об этих боях красноречиво свидетельствуют окопы, блиндажи, случайно находимые могилы. Захватчики придавали особое значение заливу Ласпи, опасаясь десантов, и укрепляли его берега в местах, удобных для высадки. Исследуя берега залива, случается повстречать и заплывшую снарядную воронку или просевшую могилу, и остаток апсиды средневековой церкви или каменное ограждение пулеметной позиции, и старый раскоп неизвестного археолога, побывавшего в Ласпи, или орудийный дворик, открытый на берегу залива...

3

В археологическом отношении о Ласпи и его ближайших окрестностях было мало что известно до недавнего времени. В некоторых путеводителях по Южному берегу мы и сейчас находим примерно следующее: «...Ласпинская долина, вернее, крутой амфитеатр не

производит впечатления когда-либо густо заселенной, процветавшей местности. Мы не встречаем здесь, как в других местах Южного берега Крыма, вековых платанов, маслин, грецкого ореха, свидетельствующих о культурном земледелии прошлого. Подходы с моря к берегу неудобны. Каменистые склоны мало пригодны для сельского хозяйства, нет воды, трудны спуски к морю»[1]. Все это в известной мере так — и все же, как ни странно, далеко от истины.

Берег возле пляжа в вершине залива Ласпи вполне удобен для подхода с моря. В зеленой чаше Ласпи с ее богатейшей растительностью, как мы видели, масса оврагов и балок, промытых водой; если эти овраги и остаются сухими большую часть года, то зато постоянно действуют небольшие источники, вытекающие из-под известняковых скал. Что касается пригодных для сельского хозяйства площадей, то и они имеются в Ласпинском амфитеатре: по самым осторожным подсчетам, здесь 100—150 га не очень крутых склонов может быть использовано для разведения различных культур. Отсутствие платанов, грецких орехов и маслин еще не говорит о запустении района Ласпи в прошлом, ибо все эти культурные деревья появились на Южном берегу в относительно недавнем прошлом, а насаждения средневековья давным-давно исчезли. Впрочем, в Ласпи много кевы.

Конечно, все эти рассуждения не смогли бы опровергнуть цитированное мнение о прошлом Ласпи, если бы не было прямых свидетельств средневекового прошлого Ласпи как одного из густозаселенных участков Южного берега, точнее, его западного фланга.

Уже в начале прошлого столетия, когда советник Рувье занялся виноградарством и виноделием в Ласпи, стало известно, что, помимо недавно запустевших деревенек Ласпи, Шабурла, Хаспио, здесь в прошлом были поселения, о чем говорили обломки керамики и остатки всевозможных строений, камень которых и пошел на современные постройки. Затем был найден средневековый могильник, о чем знал П. И. Кеппен. Систематических исследований в этом районе не проводилось, но сложилось мнение, что местность Ласпи в прошлом была хорошо заселена, здесь имелось множество крупных построек и чуть ли не целый город с церквами и кладбищем, а также населенные пещеры, что у подножия Ильяс-Кая находился монастырь [2]. Значительно позднее появились короткие публикации о глиняных черепках имения Ласпи, в том числе о поливной керамике [3]. Все эти отрывочные, часто неизвестно откуда почерпнутые сведения должны были, казалось бы, послужить поводом для развития археологического интереса к данному месту, но этого не произошло.

Может быть, до Ласпи, как до многих других мест Южного берега, руки археологов не дошли бы еще очень долго, если бы не счастливый случай: через глухой амфитеатр Ласпи началась прокладка новой южнобережной автомагистрали, и в этом царстве можжевельников, сосны, терпентинового и земляничного дерева вознамерились построить обширный комплекс оздоровительного лагеря на 10 тыс. ребят. Лучшего места не придумаешь! С началом строительных работ были выделены определенные средства для проведения археологических изысканий вдоль трассы автомагистрали и на площадках будущего лагеря. В 1965 и 1966 гг. ОАСА в лице своего сотрудника О. И. Домбровского, организовавшего крупный отряд из ребят детской туристической станции Симферополя, провел разведки и раскопки в Ласпинской котловине и на подходах к ней от мыса Сарыч; труд этот был вознагражден открытием серии памятников средневековья.

Свое знакомство с районом Ласпи я начал с отчета Домбровского за 1965 г., и тогда же его автор познакомил меня на местности с итогами первого этапа работ. В 1966 г. Домбровский продолжал археологические разведки и предпринял серию новых раскопов. Результаты этих работ были опубликованы [4]. В конце 1966 г. мне снова довелось быть в Ласпи, и, пользуясь сведениями, полученными от Домбровского, я имел возможность осмотреть новые раскопы и разобраться в некоторых вопросах геологии и археологии Ласпи.

Прежде чем перейти к своим впечатлениям, хочу познакомить читателя с итогами двухлетних работ Домбровского, опираясь как на его отчет и короткий раздел в упомянутом издании, так и на сведения, полученные от него в личных беседах [5].

В Ласпинском амфитеатре и на подходе к нему было открыто шесть поселений, охватывающих все средневековье (V—XV вв.), причем четыре из них ранее не были известны. Одно из шести поселений находилось на седловине между Ильяс-Кая и хребтом Мачук, возле так называемых Острых скал; оно датируется XII—XIV вв. Видимо, именно оно носило название Ласпи, так как чуть ниже седла и сейчас сохраняются развалины позднесредневековой д. Ласпи, возникшей в XV в. и прекратившей существование в XVIII в. после выселения ее жителей в приазовские степи. Таким образом, в бывшем Мариупольском уезде возникло с. Ласпи, наряду с селами, носившими другие типично крымские названия.

Обширное поселение, состоявшее из серии изолированных земледельческих усадеб, было обнаружено в зоне берега, на центральном пологом водоразделе Ласпинского амфитеатра; склон здесь имеет множество крепид, показывающих положение земледельческих террас. Строения разбросаны на большой площади. В большинстве своем они состояли из одного помещения размером около 3×5 м, крытого плоской черепицей; ради экономии строительных работ дома пристраивались к каменным глыбам и небольшим скалам. Поселение это возникло на рубеже античности и средневековья (IV—V вв.), в VII—IX вв. было заброшено, возродилось вновь в IX—X вв. и процветало до конца XV в.— до захвата побережья турками. С XV в. на его территории никто не жил. Большой урон остаткам этого поселения был нанесен в прошлом столетии, когда в Ласпи проводилось частновладельческое строительство. От источника Комперия до этого поселения был проложен водопровод, остатки которого найдены во время разведок 1965 г.

Остатки других средневековых поселений, в том числе и позднесредневековых, открыты вокруг Ильяс-Кая, на южном берегу Ласпинского залива, в районе Батилимана, и в южной части горно-

го амфитеатра. На северо-восточном склоне Ильяс-Кая, над позднее возникшей д. Ласпи, было укрепленное поселение. Сама скала использовалась в качестве крепости, а на ее вершине в X—XV вв. находился храм,— возможно, тот храм во имя святого Ильи, именем которого была названа и скала.

Наряду с поселениями, состоявшими из жилых и хозяйственных построек, крепид и земледельческих террас, массивных оград и небольших межевых стенок, на берегах Ласпинского залива и в глубине территории были открыты остатки керамических и стекловаренных печей, железоделательных мастерских. В западных обрывах Ильяс-Кая, над приметным скальным балконом, в гротах обнаружен культурный слой с керамикой VIII—X столетий, с многочисленными костями овец и коз. По берегам залива в толще делювиальных отложений заметны прослои раковин и рыбьих костей, перемешанных с битой средневековой черепицей. Население Ласпинского амфитеатра занималось и земледелием, и скотоводством, и морским промыслом. Здесь же процветали гончарное и прочие ремесла; недаром на надгробиях Ласпинского могильника, ныне не сохранившегося, изображались орудия труда [6].

О. И. Домбровский писал: «Научное значение археологического комплекса Ласпи заключается в том, что здесь сохранилась единственная на всем побережье целостная, ничем не нарушенная картина нескольких взаимосвязанных средневековых поселений, группирующихся вокруг укрепления, расположенного на труднодоступной вершине Ильяс-Кая. В других местах побережья, тесно застроенных домами отдыха и санаториями, сохранились лишь фрагменты подобных комплексов. Для разработки проблемы деревни средневекового Крыма ласпинский комплекс имеет первостепенное значение»[7]. И в другом месте: «Несмотря на сильную разрушенность памятников Ласпи, все они явно видны. Говоря о планировке и характере жилищ, отметим существенное различие между широко разбросанными поселениями Ласпи и синхронными им ульеобразными поселениями Байдарской долины. Еще более разителен современный контраст: сейчас Ласпи—это глухое лесное урочище, а Байдарская долина с обширным водохранилищем, возделанными полями, асфальтированными шоссе, многолюдными современными селами — шумна и суетлива. Это подчеркивает присущее только Ласпи особое очарование покоя и задумчивости»[8].

4

На вершине Ильяс-Кая раскопами 1966 г. был открыт небольшой однонефный храмик удлиненных пропорций (внутри — 7,3××3,5 м) с полукруглой апсидой. Постройка основана на фундаменте, выступающем из стен (рис. 148, 149). Полом служила скальная поверхность известняка. Стены, как обычно, довольно тонкие (60—70 см); перекрытие постройки было, очевидно, не сводчатое, а деревянное, стропильное; кровля — черепичной. В восточной части церкви сохранилось основание предалтарной преграды. В западной

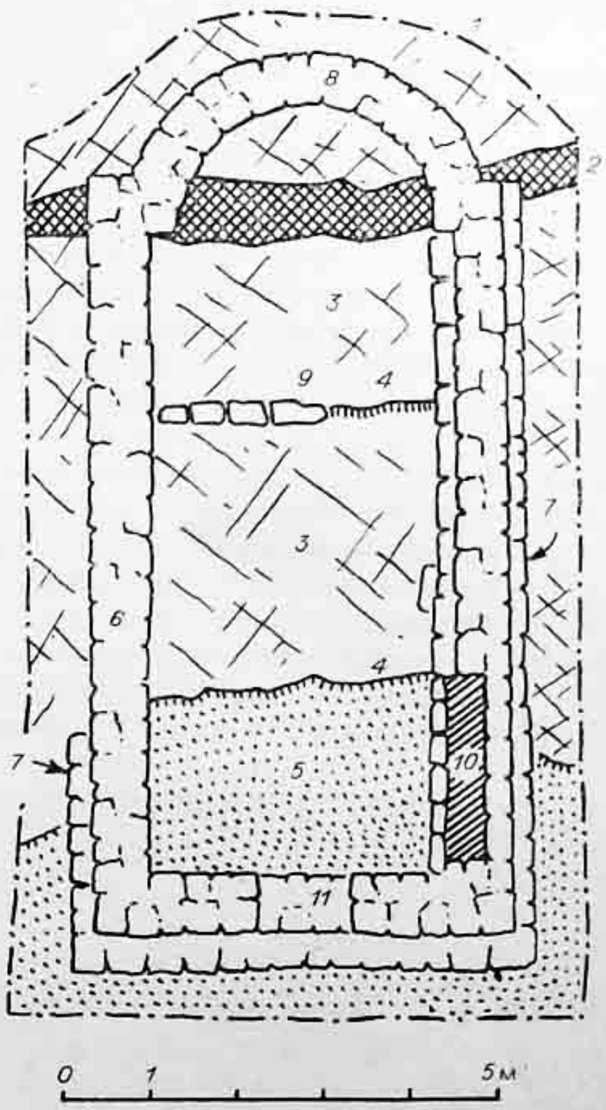


Рис. 148. План кононефной церкви на вершине Ильяс-Кая. Раскоп О. И. Домбровского, 1966г., план автора.

1 — контур раскопа; *2* — расселина в скале (была до постройки базилики); *3* — скальная поверхность известняков — пол; *4* — невысокие уступы; *5* — щебенистая подмостка в понижении скального рельефа; *6* — стены; *7* — выступы фундамента; *8* — апсида; *9* — остатки предалтарной преграды; *10* — ниша в стене с 13 костяками; *11* — вход. Базилика обращена апсидой на северо-восток — 59°.

части южной стены была устроена погребальная ниша (длиной 2,1 м), в которой оказалось 13 костяков.

При раскопе храма найдено большое количество битой черепицы: более 800 различных обломков. Почти все они приходятся на кровельную черепицу. Среди других находок 13 железных гвоздей, железная дверная петля, две бронзовые пуговицы, железный листовидный наконечник копья, известняковое надгробие с крестом, три известняковых камня с крестами, находившиеся, по-видимому, в кладке стен или апсиды. Соотношение основных типов керамики из этой постройки довольно существенно отличается от того, что дает подъемный материал с площади поселения на крутом склоне. Если на поселении в составе подъемного материала резко преобладают обломки черепицы, что вообще, как мы знаем, характерно для культурных отложений средневековья Южного берега, то в материале из храмика преобладание черепицы становится еще более выразительным. Ниже показано соотношение обломков, найденных на поселении и в храмике (для поселения учтено около 2000 обломков в подъемном материале; для храмика использована опись находок О. И. Домбровского; то и другое — в % от общего числа обломков в каждой группе):

	Поселение	Храмик
Кровельная черепица		
керамиды	71,1	86,4
калиптеры	—	0,5
Амфоры и кувшины, в сумме	19,0	9,8

	Поселение	Храмик
Пифосы и вообще толстостенные сосуды	9,5	1,9
Поливная керамика	0,4	1,0
Обломки стеклянных сосудов	—	0,4

В том, что в храмике оказалось значительно меньше (примерно в три раза) обломков посуды, чем в подъемном материале с площади поселения, нет ничего удивительного: жители Ильяс-Кая приходили на вершину вовсе не для того, чтобы есть и пить, а те один-два священнослужителя, которые могли находиться при храмовой постройке постоянно, с успехом обходились малым числом сосудов.

Среди черепицы найдено 38 обломков с ремесленными грекоалфавитными знаками (рис. 150). Все они барельефные и, как правило, однобуквенные. Почти половину всех находок такого рода составляют обломки черепиц с кирпично-красным черепком и знаком Т в разном написании. В отличие от района берега восточнее Симеиза, где среди керамид со знаками чаще всего попадается продукция со знаком В, здесь ее не найдено, за исключением 4 экз. среди подъемного материала с площади поселения. Надо думать, что керамида поступала на Ильяс-Кая (а как увидим ниже — и на другие поселения Ласпинского амфитеатра) совершенно не из тех ремесленных мастерских, которые снабжали кровельным материалом поселения и укрепления за Симеизом. Скорее всего, здесь существовали местные черепичные мастерские, об этом свидетельствует открытие двух обжигательных печей — неподалеку от Батилимана и к западу от Чабан-Таша.

Рис. 149. Юго-восточная стена храмика на вершине Ильяс-Кая. Вид снаружи, со стороны угла перед апсидой. Виден выступ фундамента базилики вдоль всей стены. Справа вверху — остатки дверного проема. Прямо под углом на переднем плане — расселина в скале.

Главное поселение Ласпинского амфитеатра (назовем его центральным) находилось в зоне берега, на территории, расположенной к востоку от пионерского лагеря. К тому, что стало известно об этом поселении из отчета Домбровского и короткого раздела в сборнике «Дорогой тысячелетий», я хочу добавить несколько штрихов.

Поселение это не было скученным. Оно состояло из довольно обширных усадеб, каждая площадью от 10 до 50 соток, для некоторых — несколько больше. Общую площадь центрального поселения трудно себе представить из-за залесенности территории и пока еще слабой ее разведанности, но можно предположить, что она охватывала не меньше 20 га.

Пологий сланцевый склон Ласпинского амфитеатра в этом месте значительно выдается в море, образуя внутренний мыс залива Ласпи, о котором я уже упоминал в связи с деталями геологии. Склон прорезан глубокими балками, обнажающими черные сланцы с прослоями песчаников, над которыми залегает толща глинистого делювия, перемешанного с глыбами известняков. На водоразделе между двумя балками и находятся остатки центрального поселения. Они видны также на противоположной стороне наиболее крупной балки Ласпинского амфитеатра, но там находились, видимо, немногие усадьбы.

Глинистая почва местности, прикрытая листьями, ветками и хвоей, в сухое время года не проявляет своих коварных свойств. Впрочем, и в период дождей травяной покров и слой перегноя впитывают влагу, как губка, и довольно быстро высыхают. Однако грунтовые дороги Ласпи, глинистые обрывы берега и откосы оврагов, глинистые откосы шоссированных дорог и вообще все те места, которые лишены защитного растительного покрытия, после дождей представляют собой ужасное зрелище жидкой грязи, налипающей пудовыми комьями на обувь неосторожного пешехода. Быть может, именно с этой особенностью места связано и его название, ибо в новогреческом лексиконе λαξηί означает попросту грязь. Не стремясь понять смысл этого названия, стоит обратить внимание еще на одну особенность района Ласпи. После ливневых дождей обычно сухие овраги Ласпинского амфитеатра превращаются в бурные потоки и извергают в залив массу насыщенной глинистыми частицами воды. Тогда глубокое море залива побли-

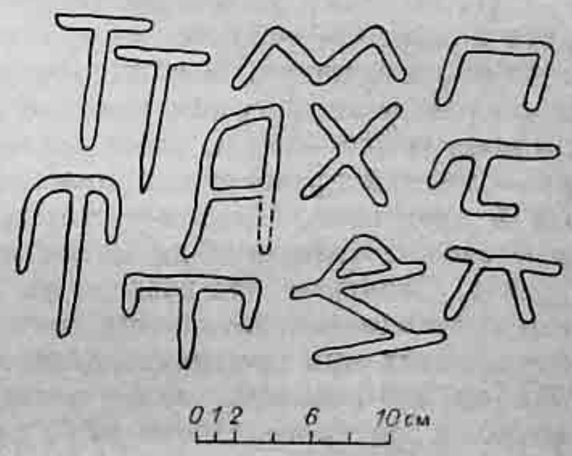


Рис. 150. **Ремесленные знаки на кровельной черепице базилики на вершине Ильяс-Кая. Из материалов О. И. Домбровского.**

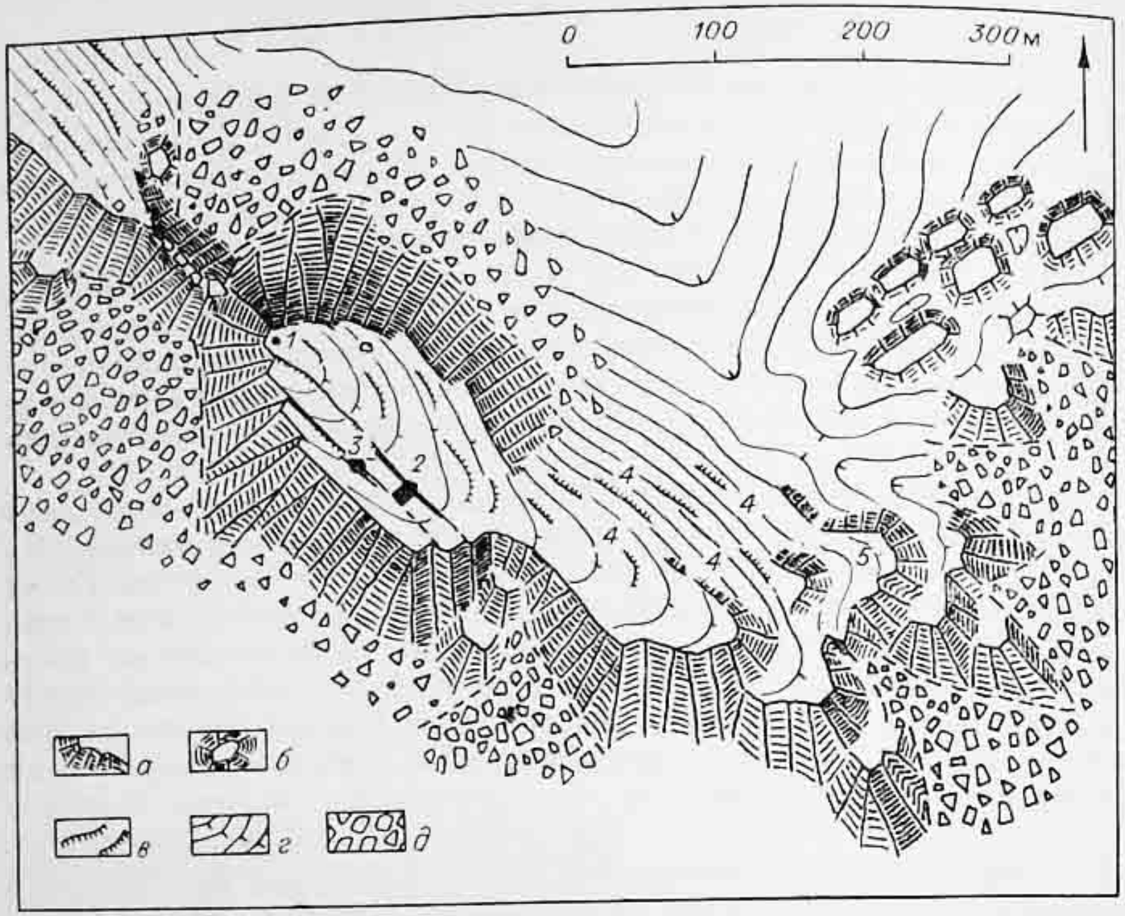


Рис. 151. Рельеф юго-восточной части массива Ильяс-Кая. Съемка автора, 1966 г. (ряд деталей передан схематично).

а — скальные обрывы; *б* — отдельные группы скал (останцы); *в* — скальные уступы (и расселины на центральном плато); *г* — горизонтали (прорисовка рельефа, в том числе крутых скальных склонов); *д* — каменные развалы у подножия обрывов и конусы грандиозных обвалов в кулуарах. *1* — вершина Ильяс-Кая; *2* — храмик; *3* — хозяйственное помещение в расселине; *4* — зона укрепленного поселения на крутом склоне; *5* — остатки оборонительных сооружений.

зости от берегов приобретает неопределенно желтый цвет, становится грязным, а на дно залива оседают мощные слои ила. Мне кажется, что и это обстоятельство в какой-то мере могло послужить основанием для выбора названия.

Но вернемся на центральное поселение. Прежде всего надо сказать о лесе. Он занимает весь водораздел между балками, не очень густ и очень пахуч. К обычному для Ласпинского амфитеатра дубу и сопровождающему его грабиннику, поднимающемуся по склонам до высоты 350—400 м, здесь добавляется — и не в малом количестве — мягкий древовидный можжевельник. Он составляет от 30 до 50 % древостоя. Наиболее старые деревья имеют сложно скрученные стволы толщиной до метра и поднимаются в высоту метров на десять. Полагают, что возраст их 700—900 лет, однако я думаю, что это преувеличено: на свежих спилах можжевеловых деревьев Ласпи, поваленных при прокладке нового шоссе, мне удалось насчитать не больше 500 годичных колец в стволах диаметром около 0,8 м. Конечно, и это много. Около 10 % древостоя приходится на дикую фи-

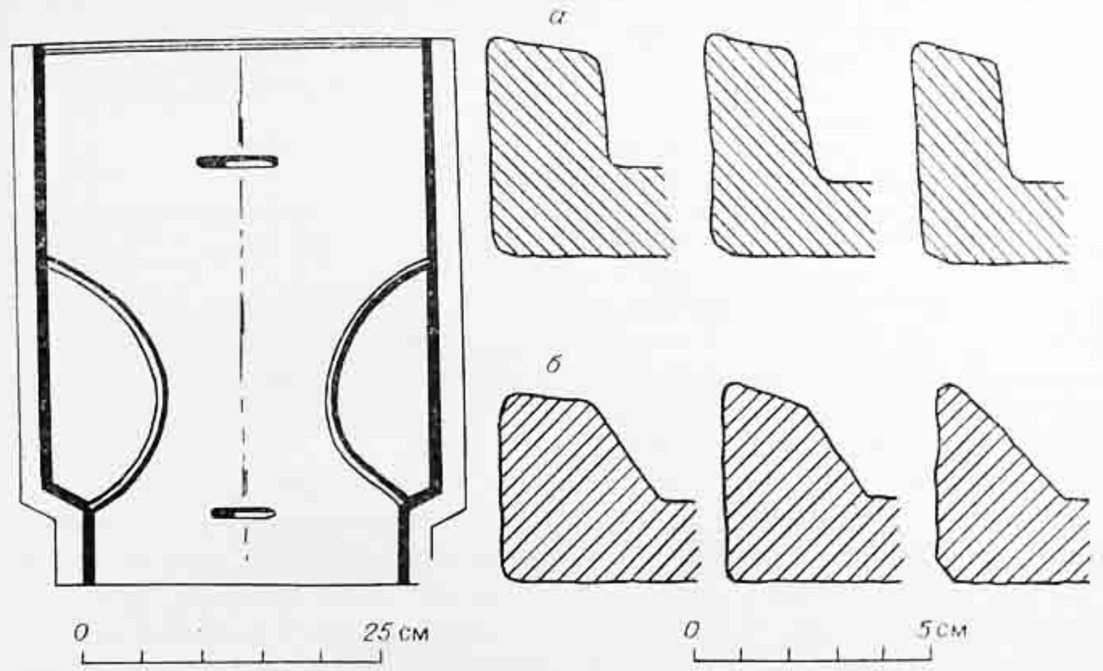


Рис. 152. Один из типов кровельной черепицы центрального поселения Ласпи — с полукружными дождевыми валиками.

а — профили бортиков этой черепицы; *б* — профили бортиков наиболее типичной для центрального поселения черепицы, имеющей дождевые валики обычной конфигурации.

сташку, которая кое-где встречается небольшими рощами. Немного сосны; сосна в основном забирается выше по склону, в зону каменных развалов под Ильяс-Кая. Прямо-таки невероятное количество запахов в воздухе Ласпи от всевозможных фитонцидов и эфирных масел поначалу действует одуряюще, но в этом-то бактерицидном свойстве ласпинского воздуха и заложены колоссальные бальнеологические возможности всего амфитеатра, которые, надо думать, были известны и средневековому населению. О. И. Домбровский рассказывал мне, что, когда ему довелось работать в Ласпи, он с удивлением обнаружил, что даже в самую жаркую пору обычное некипяченое молоко не скисает в этом царстве кевы и можжевельника по нескольку дней.

Территория центрального поселения (рис. 151) представляет собой серию террас, огороженных с юго-западной стороны, обращенной к заливу, подпорными стенками, от которых остались валы камней. Главным образом впритык к этим стенкам располагались небольшие однокамерные постройки, столь же скромные, как и в других пунктах Южного берега. Масса керамических остатков, рассеянных на площади в 20 га, дает представление об одной из сторон материальной культуры средневекового населения этой части берега; здесь также преобладает кровельный материал, а среди обломков посуды — значительное количество остатков разнообразных амфор и кувшинов. Соотношения между главными типами керамических изделий на площади центрального поселения выглядят следующим образом (в % от общего числа учтенных обломков):

Кровельная черепица	
керамиды	68,7
калиптеры	Единичны
Рифленые амфоры	7,0
Гладкостенные амфоры	10,9
Пифосы и вообще толстостенные сосуды	3,4
Мелкая кухонная посуда	9,7
Поливная керамика	0,3

Среди случайных находок упомянем обломки синих стеклянных браслетов, железные кованые гвозди, керамические крышки от пифосов, медные поясные пряжки, похожие на пряжки из склепа у Панеи, проржавевшие обломки железных изделий, тип которых определить уже невозможно.

Ассортимент кровельной черепицы центрального поселения Ласпи во всех отношениях близок к основным типам средневековой керамиды Южного берега и так же разнообразен, как на всех остальных известных укреплениях и поселениях того времени (рис. 152, 153). В качестве неожиданного дополнения я могу указать на один из типов керамиды, который обнаружен на центральном поселении, а в других пунктах Южного берега мне не попадался. Речь идет о плоской керамиде шириной 34—35 см, длиной 44—45 см с двумя высокими бортиками, без бортика на верхнем крае, с резко суженным лотком у нижнего края, с двумя короткими бороздками, поперечными оси лотка, и двумя совершенно необычными дождевыми валиками, представляющими собой примкнутые к бортикам полуокружности (см. рис. 152). Керамида такого типа имеет кирпично-красный черепок, комковатую структуру и содержит мелкие черные включения, т. е. была приготовлена из обычной сланцевой глины и хорошо обожжена. Ремесленных знаков на ней нет. Эта необычная черепица для центрального поселения Ласпи представляет скорее исключение, чем заметный компонент в керамическом бое. По всей вероятности, она относится к раннему типу средневековой керамиды.

Рис. 153. Фрагменты кровельной черепицы с полукружными дождевыми валиками. Центральное поселение Ласпи.

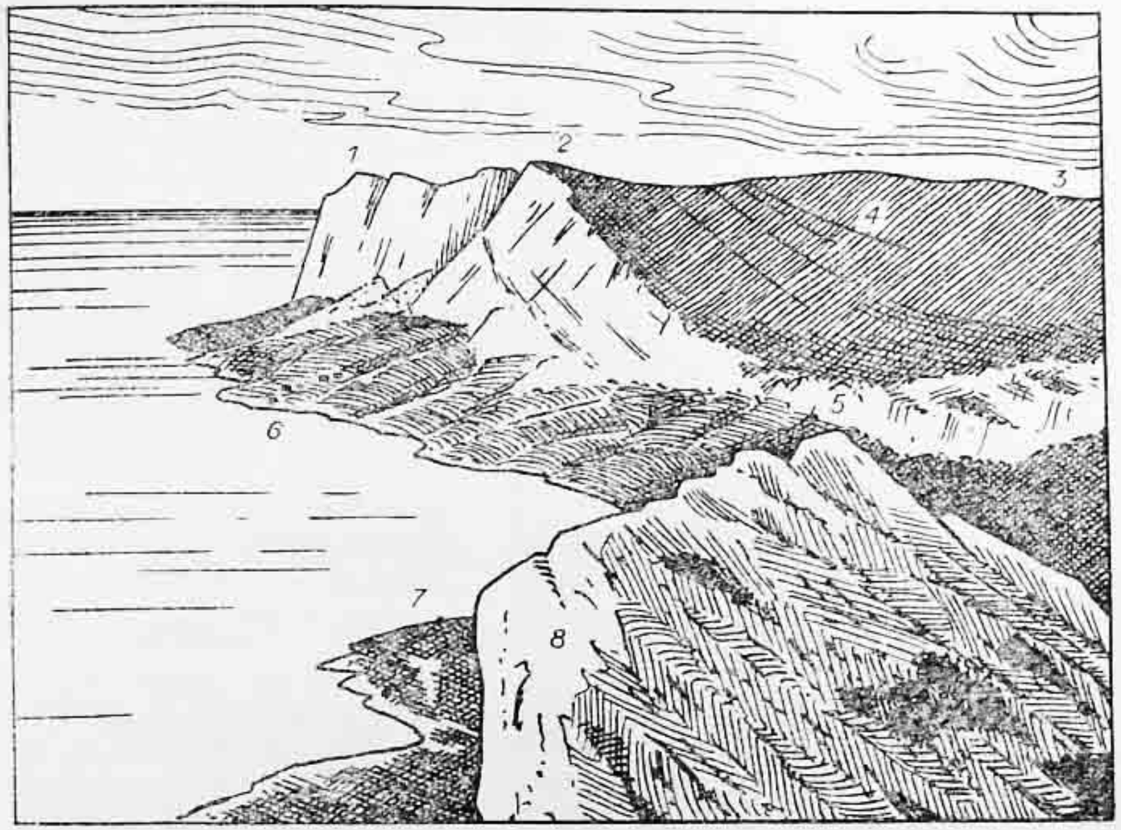


Рис. 154. Вид с вершины Ильяс-Кая на Батилиман.

1 — гора Кокия-Кала (Кокия-Исар), 558,8 м над ур. м.; *2* — гора Куш-Кая, 664,3 м над ур. м.; *3* — хребет Кокия-Бель, ограничивающий верховья Байдарской долины с северо-запада; *4* — скальные гряды на склоне Кокия-Бель, представляющие собой выходы пластов известняка; *5* — глубокое понижение в обрыве Яйлы — проход из Байдарской долины к Батилиману; *6* — Батилиман; *7* — внутренний мыс залива Ласпи, на котором находится пионерский лагерь; *8* — гребень известняков к северо-западу от вершины Ильяс-Кая.

Одна из любопытных черт центрального поселения — огораживающие его стены. Остатки их мы встречаем по северо-западной границе поселения, над крутым склоном балки, врезанной в сланцы. Они были сложены из бутового известняка типичной панцирной кладкой. Их толщина у основания достигала 1,5—2,2 м, как у боевых стен южнобережных исаров. Кое-где развалы строительного камня остались в неприкосновенности, и по ним можно рассчитать высоту этих стен, которая составляла не меньше 4—5 м. Разумеется, такие сооружения предназначались для обороны поселения; это же подтверждается остатками нескольких полнотелых башен такого типа, как, например, на горе Кошка, у стены Лимена-Кале. Состояние оборонительных стен центрального поселения Ласпи весьма жалкое, невозможно разобраться, были ли стены сложены на растворе или без него, составляли ли они замкнутый периметр или прикрывали только некоторые рубежи. Я не думаю, что здесь находилось полноценное укрепление. Этому противоречит прежде всего тот факт, что подходы к центральному поселению открыты,

не имеют естественных преград, особенно с северо-востока. Возможно, северо-западная стена центрального поселения протягивалась по водоразделу между балками до поселения под северными обрывами Ильяс-Кая (Хаспис) и замыкала значительную площадь. Если это так, то вторую линию обороны центрального поселения нужно было бы искать к югу от него, в том месте, где от скал Ильяс-Кая к берегу моря простирается гребень известняков, под которым проходит шоссе (рис. 154). На этом труднодоступном рубеже мне удалось найти остатки построек, керамику и развалы небольших стен, сложенных на известковом растворе. Общая система обороны центрального поселения Ласпи могла бы выглядеть так, как показано на схеме (рис. 145). Разумеется, разобраться во всех этих вопросах средневековой фортификации Ласпинского амфитеатра еще предстоит в дальнейшем.

6

Одно из интереснейших мест района Ласпи — террасы у пляжа в вершине залива. Если смотреть с моря, то эта часть берега представляется в виде крутого склона, поднимающегося к невысоким скалам известняков, через которые проходят ласпинская и батилиманская дороги. На склоне выходы сланцев с тонкими прослоями песчаников, но большая часть его площади перекрыта обычными для Ласпи суглинисто-щебенистыми отложениями делювия. Сеть глубоких оврагов прорезает и мощную толщу делювия, и коренные породы. Ближе к берегу моря на поверхности обнажены только делювиальные отложения и отложения бурных потоков — грубо сортированные, заметно слоистые, состоящие из перемытого делювия, с неокатанными обломками песчаников и сланцев, перемешанными с глинистым и песчаным мелкоземом. Коренные породы у берега находятся ниже уровня моря, и только в двух-трех пунктах они обнажены в обрыве, составляя цоколь высокой береговой террасы. Высота обрывов этой террасы колеблется от 15—до 25 м, причем назвать ее террасой можно только условно, так как поверхность выше бровки береговых обрывов круто поднимается, а сами обрывы есть результат абразии мощного пролювиально-делювиального чехла, достигающего мощности 20—30 м.

Накопление этой толщи пролювиально-делювиальных отложений относится к позднечетвертичному времени, оно происходило на крутом сланцевом склоне, одновременно с грандиозными обвалами верхнеюрских известняков, глыбы которых — величиной от средних размеров чемодана до дома — заключены в массу суглинков, супесей, щебня и находятся на разных уровнях. Наиболее грандиозные обвалы происходили до и после накопления пролювиально-делювиальной толщи: большая часть глыб располагается на сланцевом цоколе береговой террасы, другая часть их рассеяна по поверхности склона. Но ряд грубообломочных слоев в толще рыхлых отложений на разных уровнях от ее подошвы говорит о том, что обвалы происходили и в течение накопления толщи рыхлых

Рис. 155. Береговой обрыв низкой террасы в вершине залива Ласпи с остатками средневековых жилых построек. Высота обрыва около 6 м. Кладки находятся на разных уровнях.

отложений. На рис. 154 показана береговая терраса в вершине залива Ласпи, протянувшаяся вдоль пляжа на 600—700 м с северо-запада на юго-восток. Пляж у основания этой террасы имеет ширину 20—30 м, сложен песком и галькой и поднимается от уровня моря всего метра на два, так что штормовой прибой перекрывает его целиком, до основания обрывов, и подтачивает эти обрывы, обрушивая крупные массы рыхлых отложений террасы.

Отложения такого типа, как вдоль берега залива Ласпи, распространены в Крыму, в частности на Южном берегу, широко. Чаще всего они представлены суглинками со значительной примесью глыбового материала, а поблизости от скал верхнеюрских известняков суглинки так перемешаны с глыбами, что эти отложения больше похожи на каменные хаосы, нежели на осадки водных потоков. М. В. Муратов — превосходнейший знаток геологии Крыма — выделяет такого типа отложения под названием «судакских» суглинков и считает их межледниковыми, рисс-вюрмскими, синхронными тарханкутским слоям позднечетвертичных отложений Черного моря и морских террас [9].

В юго-восточном конце пляжа чехол «судакских» суглинков прорезан небольшой долиной, и берег представляет здесь уступ террасы высотой до 5—6 м над верхним уровнем пляжа, или до 7—8 м над ур. м. Терраса эта также сложена суглинками, супесями, плохо сортированными песками, дресвой, щебнем, плохо окатанными галечниками грубослоистой структуры. Отложения низкой террасы моложе, чем отложения высокой террасы. С ними-то и связаны любопытные находки в Ласпи.

Море размыло часть низкой террасы, и в ее береговом обрыве обнажились кладки средневековых жилищ, тонкие прослойки с об-

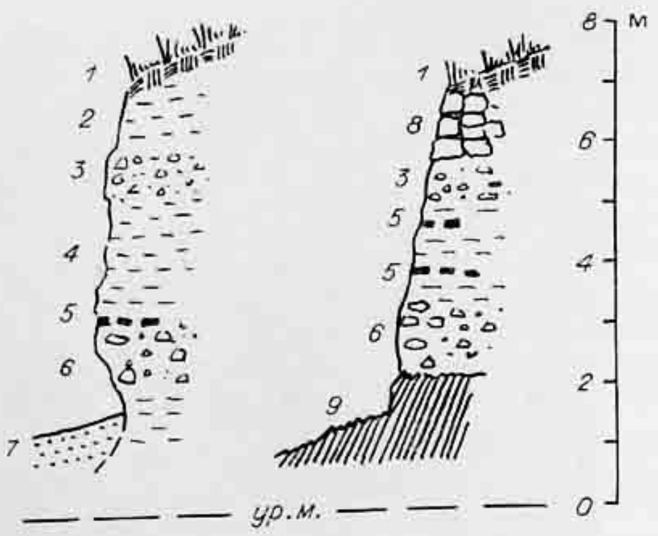


Рис. 156. Два разреза низкой террасы Ласпи.

1 — растительность и почвенный слой; *2, 4* — суглинистый и супесчаный пролювиальный материал; *3, 6* — грубообломочный пролювиальный материал; *5* — тонкие горизонты с обломками средневековой керамики; *7* — отложения современного пляжа; *8* — остатки средневековых построек в верхней части отложений террасы; *9* — выход глинистых сланцев — коренной цоколь террасы.

ломками средневековой керамики. Кладки видны на фотографии (рис. 155) и показаны на профиле (рис. 156). Прослойки с обломками средневековой керамики залегают на глубине от 2,5 до 4 м под бровкой берегового обрыва террасы, а кладки жилищ находятся главным образом в верхней части отложений, на глубине от 0,5 до 1,5 м, причем на протяжении 50 м видно по меньшей мере восемь отдельных построек, выходящих к обрыву то стенкой, то углом. Постройки были сложены из необработанного известнякового камня на глинистом уплотнении или на известковом растворе; в основании их находятся скопления битой кровельной черепицы и посуды, кусочки углей и зола, кости рыб и раковины. Сохранившаяся часть стен имеет в высоту всего 0,7—1,2 м, а внутренняя часть жилищ завалена тем же разнородным материалом, который слагает террасу, и обрушенными камнями самих построек.

Поверхность террасы представляет собой довольно ровный средней крутизны склон, поросший древовидным можжевельником. На нем заметны кучи камней и повсюду рассеяны обломки средневековой керамики, так что и без обнажения жилищ в обрыве можно было бы легко догадаться, что здесь находилось одно из береговых поселений района Ласпи, причем не очень большое, состоявшее из нескольких десятков маленьких домиков. Таким образом, природа в данном случае проявила к археологам не совсем свойственную ей благосклонность и, разрушив часть террасы с помощью морских волн, открыла погребенные жилища, обнажила как бы разрез средневекового поселения.

Осматривая остатки построек в береговом обрыве нижней террасы, приходишь к выводу, что над маленьким поселением определенно стряслась какая-то беда и оно подверглось быстрому разрушению. Для геолога здесь нет большой загадки. Приняв во внимание геологическое строение этих мест, он придет к единственно возможному выводу: поселение погибло под бурным водо-грязевым потоком — селем, скатившимся со склона. Вообще весь участок берега, примыкающий к вершине залива Ласпи, селеопасен и сейчас.

Тонкие прослои террасовых отложений, содержащие обломки средневековой керамики, фиксируют следы подобных же событий,

происходивших до возникновения и разрушения того поселения, остатки жилищ которого обнажены в верхней части террасы. Наиболее глубокий прослой с керамикой находится в 2—2,5 м под основанием этих построек. В нем попадаются куски кровельной черепицы, обломки рифленых амфор, ручки амфор, раковины устриц и мидий в сильно растертом состоянии. Это, бесспорно, культурный горизонт, но находится он не в первичном залегании; точнее его следовало бы назвать горизонтом пролювиальных отложений с культурными остатками, принесенными селем со склона, с места гибели более раннего берегового поселения. Таких горизонтов в толще низкой террасы несколько, они залегают друг над другом, местами очень четко заметны благодаря красным обломкам черепицы.

Вместе с тем в похожих отложениях высокой террасы ничего подобного не наблюдается — ни остатков жилых построек, ни обломков керамики, и одного этого уже достаточно, чтобы прийти к заключению, что высокая и низкая террасы Ласпи не могли быть одновозрастными.

Особенно выразительна картина погребенных культурных горизонтов в северо-западном конце пляжа. Здесь делювиальные грубослоистые отложения суглинков, супесей, щебня, достигающие мощности 15—20 м (будем и здесь считать их отложениями «судакской» стадии), прорезаны долиной ручья (рис. 157, промежуток между 100-м и 150-м метрами сводного профиля). Русло ручья находится приблизительно посередине долины, ширина которой по низу около 40 м, и теряется в песчано-галечных отложениях пляжа. Справа от ручья (на рис. 158— слева) в верхней части отложений пойменной террасы, размытой морем и имеющей четко очерченный уступ над пляжем, видны остатки стен какого-то обширного строения недавней постройки. Абразия террасы и разрушение этого строения продолжаются.

Наиболее интересный участок террасы находится слева от ручья (на рис. 158 — справа). Терраса прислонена к бортовому срезу «судакских» отложений и на пляже имеет высоту до 5—7 м над ур. м., или около 3—4 м над верхним уровнем пляжа. В шторм волны достигают ее и размывают террасовые отложе-

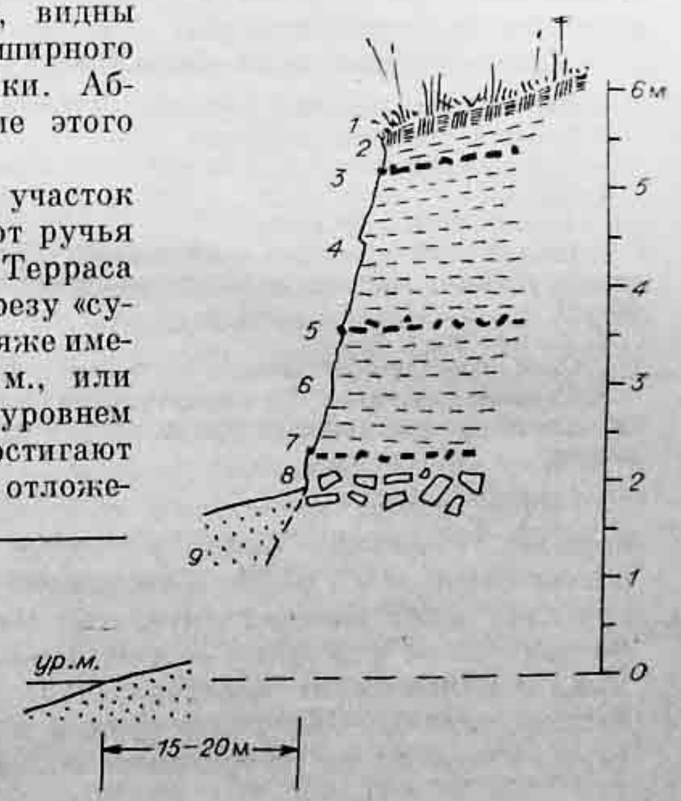


Рис. 157. Разрез террасовых отложений в уступе над пляжем в вершине залива Ласпи (северо-западная часть пляжа).

1—8 — обозначения в тексте; *9* — отложения современного пляжа.

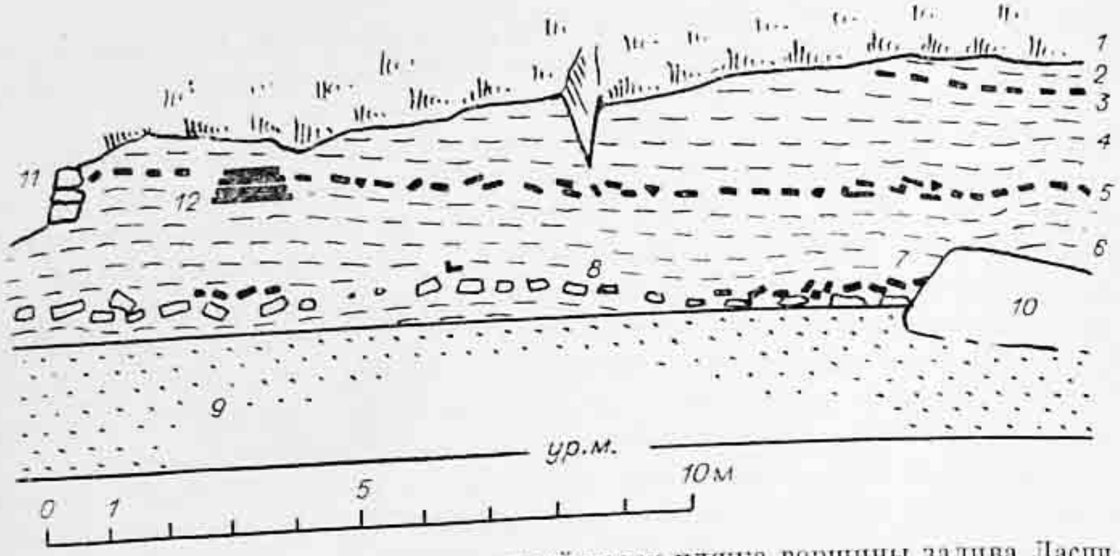


Рис. 158. Уступ террасы в северо-западной части пляжа вершины залива Ласпи.
1—8 — обозначения см. в тексте; *9* — отложения современного пляжа; *10* — обрушения уступа террасы; *11* — основание стены разрушенного жилища; *12* — остатки хлебной печи, перекрытой горизонтом с черепичными обломками.

ния, вследствие чего вертикальный уступ часто обрушается и открываются любопытные вещи.

В средние века в этом месте (см. рис. 145, *в*) располагалось одно из небольших поселений Ласпи, занимавшее пойменную часть долины. Строения были сметены мощными селями, тащившими с собой и громадные глыбы известняков, как будто они были не тяжелее пустотелой театральной бутафории. Остатки некоторых строений сохранились и заметны в обрывах террасы. Но самое любопытное — это три тонких горизонта с черепичными обломками в террасовых отложениях.

Разрез террасы здесь таков (сверху вниз, в м; см. рис. 157, 158):

1. Растительный покров и почва	0,2—0,3
2. Супесь и суглинок со щебнем	0,3
3. Слой мелкозема с обломками черепицы и амфор	0,1
4. Грубослоистые суглинки, супесь и щебенистый материал, кое-где с элементами косой слоистости	1,65
5. Второй слой мелкозема с обильными обломками черепицы, раковинами и рыбьими костями, прослеживается наиболее четко на протяжении 16—17 м	0,05—0,1
6. То же, что и 4	1,25
7. Слой супесчаного мелкозема со щебнем и обломками черепицы	0,2—0,5
8. Глыбово-плитчатый (песчаники) слой делювиально-пролювиальных отложений (ниже разрез террасы закрыт отложениями современного пляжа)	0,5—0,6

Итак, целых три слоя с обломками черепицы и редкими обломками рифленых амфор в разрезе террасовых отложений мощностью всего в 4,5 м! На фоне песочно-желтого уступа террасы эти три слоя четко выделяются цветом черепичных обломков. Они слабо наклонены к востоку — к бортовому срезу «судакских» отложений, поблизости от которого, надо полагать, находился старый тальвег долины. Обломки черепицы в этих слоях не случайны, особенно много их во втором слое: около 5—10 на 1 пог. м, или 25—100 на 1 кв. м слоя. Черепица сильно раздроблена, но обломки не истерты. Большинство их принадлежит к черепице одного-двух типов, обломков пережженной черепицы нет. Черепица первого и второго горизонтов однотипна, третьего — отличается несущественными деталями (чаще встречаются обломки треугольных бортиков). Наконец, обломков посуды очень мало, как мало и пищевых остатков.

Совершенно ясно, что здесь мы сталкиваемся не с культурными слоями, отложенными на месте, автохтонными, а со следами по крайней мере трехкратного разрушения средневекового поселения мощными селями, скатывавшимися по долине к морю, сметавшими жилые постройки.

На уровне второго слоя и ниже обнаружена хлебная печь, выложенная красным кирпичом (плинфой) размером около 3×10×20 см (рис. 158, *12*). Сохранилось пять рядов кладки, ниже — слой жженой глины и углей. Чуть левее этого места видно основание стены жилища, выходящее на поверхность террасы. Можно считать, что обломки черепицы второго слоя, перекрывающего остатки хлебной печи, принадлежат этому жилищу, разрушенному селем, отложившим суглинки и супеси слоя 4 (рис. 158). В хлебной печи и поблизости от нее (очевидно, в пределах разрушенного строения) О. И. Домбровским были найдены обломки гладкостенных и рифленых амфор, кувшинов и малых сосудов, ручки амфор и кувшинов, куски шлака, кованые железные гвозди, мелкие фрагменты поливной керамики — все явно средневековое, скорее всего — позднесредневековое.

Сходство культурных остатков, находимых в первом, втором и третьем слоях, говорит о том, что бедствия постигли поселение в вершине залива Ласпи на протяжении относительно короткого времени: трудно сказать — какого, но, быть может, не продолжительнее одного-двух столетий.

В общем ситуация на обоих концах ласпинского пляжа оказывается сходной: и там и там мы встречаем мощный чехол (до 20 м и больше) суглинистых, супесчанных и плохо сортированных щебенистых и глыбовых отложений, грубослоистых, включающих крупные глыбы известняков. Это пролювиальные отложения, точнее говоря, селевые отложения, занимающие значительную площадь сланцевого склона в вершине залива Ласпи. В обоих концах пляжа они были прорезаны молодыми долинами небольших ручьев, переходящими выше по склону в сеть оврагов, разделенных сланцево-песчаниковыми грядами. И там и там в средние века ютились небольшие поселения рыбаков, неоднократно сметаемые молодыми селями. А сейчас вдоль всего пляжа идет интенсивное разрушение старых и молодых пролювиальных отложений и значительная часть берега уже уничтожена морем. Я пытался подсчитать размер площади в юго-восточном конце пляжа, уничтоженной морем, и пришел к выводу что около XV столетия берег находился здесь примерно на 50 м дальше в море. Скорость абразии составляет что-то около 10 м в столетие, и, надо думать, это не максимальное ее значение.

Находки слоев со средневековой керамикой в пролювиальных отложениях низкой террасы ласпинского пляжа имеют важное значение для археологии Ласпи, поскольку говорят о значительной древности здешних средневековых поселений и рисуют картину периодически разыгрывавшихся трагедий на этих берегах, картину борьбы упрямого человека и еще более упрямой природы, в которой одерживала верх то одна, то другая сторона. Однако слои с обломками черепицы, пожалуй, еще важнее для геолога, которого они заставляют по-новому взглянуть на такие совсем молодые в геологическом смысле образования, как террасы Южного берега, созданные в результате деятельности небольших речек и ручьев, селевых потоков и оползней, понижений и повышений уровня Черного моря и тектонических движений берега.

Обратимся снова к уже цитированной работе М. В. Муратова [10]. Распространяя его схему корреляции четвертичных континентальных отложений Крыма с террасовыми уровнями и четвертичными морскими отложениями Черного моря на Южный берег, что делает и сам автор, мы должны принять мощную толщу пролювия, обнаженную в уступе 20-метровой террасы залива Ласпи, за отложения «судакской» стадии, а пролювий низкой террасы Ласпи с горизонтами черепичных обломков — за отложения по крайней мере «садовой террасы» или даже за отложения второй террасы в речных долинах Крыма, соответствующей первой стадии вюрмского оледенения. Сопоставление террас Ласпи со схемой таррас Крыма и отложений Черного моря, предложенной М. В. Муратовым, показано в табл. 8. Но вот тут-то и возникают сомнения относительно правомерности сопоставления террас и четвертичных отложений Ласпи с террасами крупных речных долин предгорья, Горного и Восточного Крыма. Дело в том, что отложения второй террасы, формирование ее уступа во время последующего врезания гидросети укладываются М. В. Муратовым в промежуток от 70 до 10 тыс. лет назад, что явно не подходит для низкой террасы Ласпи, содержащей горизонты с черепицей самое большее тысячелетней давности. Можно было бы сопоставить низкую террасу Ласпи с «садовой», не обращая внимания на разницу в высотах (для «садовой»—обычно 2—3 м, для низкой — до 7 м над. ур. м.), но тот промежуток времени (от 10 тыс. лет назад), который отводится «садовой» террасе (отложению ее галечников и формированию уступа самой террасы), слишком неопределенен, тогда как в случае низкой террасы Ласпи с горизонтами черепицы мы имеем дело с определенно молодым накоплением пролювиальных отложений и еще более молодым врезом. Если отложение пролювия с горизонтами черепицы может иметь давность около 1000—1300 лет (что мало вероятно, так как это соответствовало бы уже раннему средневековью, а черепичные горизонты определенно не раньше VIII—X вв.), то последнее понижение уровня моря, приведшее к образованию уступа низкой террасы Ласпи, произошло не ранее XV столетия, когда Ласпинский амфитеатр был еще населен. Можно считать, что сейчас идет новое

Таблица 8

Возраст, тыс. лет	Ледниковые подразделения четвертичного периода	Осадки Черного моря	Террасы Крыма	Террасы Ласпи
0	Голоцен — послеледниковье	Древнечерноморские слои	I терраса — так называемая садовая	Русла ручьев на 2 м выше ур. м.
10	Вюрм-3	Новоэвксинский горизонт	Заполнение ложбин	Стадиальное отложение пролювия с черепицей
	Вюрм-2		Размыв	
47	Вюрм-1		Отложения II террасы	Размыв
70				
	Рисс-Вюрмское	Тарханкутские слои	«Судакские» суглинки	Суглинистые и супесчаные отложения
		Карангатский горизонт	Аллювий III террасы — так называемой судакской	?
100	Рисское оледенение	Среднеэвксинские слои	Глубокий размыв	Развитие рельефа на сланцевом склоне, обвалы скал
			Манджильские суглинки	
200				

(Далее таблицу не продолжаю.)

повышение уровня моря в Ласпи и результатом его является абразия берегов.

«Чередование эпох накопления морских и континентальных осадков в речных долинах по берегам Крыма за четвертичный период,— пишет М. В. Муратов в той же работе,— эпох размыва и врезания речной сети объясняется, очевидно, резкими колебаниями уровня Черноморского бассейна. Тектоническое поднятие Горного Крыма играло при этом сравнительно небольшую роль и сказалось в основном на строении более древних террасовых уровней».

Разделяя в целом эту точку зрения для Крыма, мы все же должны прийти к выводу, что большое значение в формировании террасовых уровней в пределах Южного берега Крыма имели не всеобщие колебания уровня моря, связанные с балансом водных масс в Черноморском бассейне, а опускания берегов в новейшее время в связи с тектоническими причинами. На разных участках Южного берега эти движения могли происходить не в одно и то же время, с разной интенсивностью и разного направления. Нет ничего удивительного в том, что в наиболее подвижных зонах Южного берега, сопряженных с глубокими разломами — именно к одной из таких зон и относится район залива Ласпи,— эти движения происходили в недавнее время, измеряемое сотнями лет.

Берег от вершины Ласпинского залива до мыса Айя протянулся на 6 км в западном направлении. Из всех мест побережья между Алуштой и Ласпи — это самая узкая полоска сланцевого склона, да и не столько сланцевого склона, сколько гигантоглыбовых развалов известняков, обрушившихся с южных скал Куш-Кая, Кокия-Кала. В среднем ширина склона не больше 500 м, а чем ближе к Кокия-Кала, тем у́же становится полоска каменных нагромождений, и, наконец, в 4,5 км от вершины залива она исчезает вовсе, в море опускаются 560-метровые скалы Кокия-Кала и 580-метровые скалы мыса Айя. Вся эта недлинная и узкая полоска, изрезанная множеством оврагов, загроможденная каменными развалами, круто наклоненная к морю (в среднем угол наклона около 20°), закрыта с севера неприступной стеной известняков, с которой то и дело подтачиваемые водой и распираемые корнями деревьев сверга-ются колоссальные глыбы и настоящие каменные лавины. Следов молодых обвалов здесь множество. У подножия скал они сметают на своем пути и заросли кустов, и вековые деревья, вклиниваясь «каменными языками» в зеленый бархат склона.

В любое время года вы встретите на этом берегу буйную зелень. Между вершиной залива и Батилиманом (см. рис. 145, 146) состав растительности приблизительно следующий (в %):

Каменный дуб	25
Древовидный мягкий можжевельник	25
Кустарниковый колючий можжевельник	10
Фисташка дикая	15
Земляничник мелкоплодный	5
Грабинник	5
Иглица понтийская	15

Западнее Батилимана сланцевый рельеф берега, представляющий собой чередование гряд и глубоких оврагов, сменяется рельефом каменных хаосов. Соотношения между основными компонентами растительности изменяются здесь в пользу можжевельника, земляничника и крымской сосны:

Каменный дуб	10—7
Древовидный можжевельник мягкий	15—20
Кустарниковый можжевельник колючий	5—3
Фисташка дикая	5—10
Земляничник мелкоплодный	20—25
Грабинник	3—5
Иглица понтийская	10—15
Шиповник	До 3
Крымская сосна длиннохвойная	15—20

Осенью буреют, зимой облетают листья дуба, грабинника, шиповника, но вечнозелеными остаются можжевельники, земляничник, сосна, иглица. Они-то на берегу Батилимана, как и во всем Ласпинском амфитеатре, встречают вас летними красками, даже если на дворе стоит декабрь или январь.

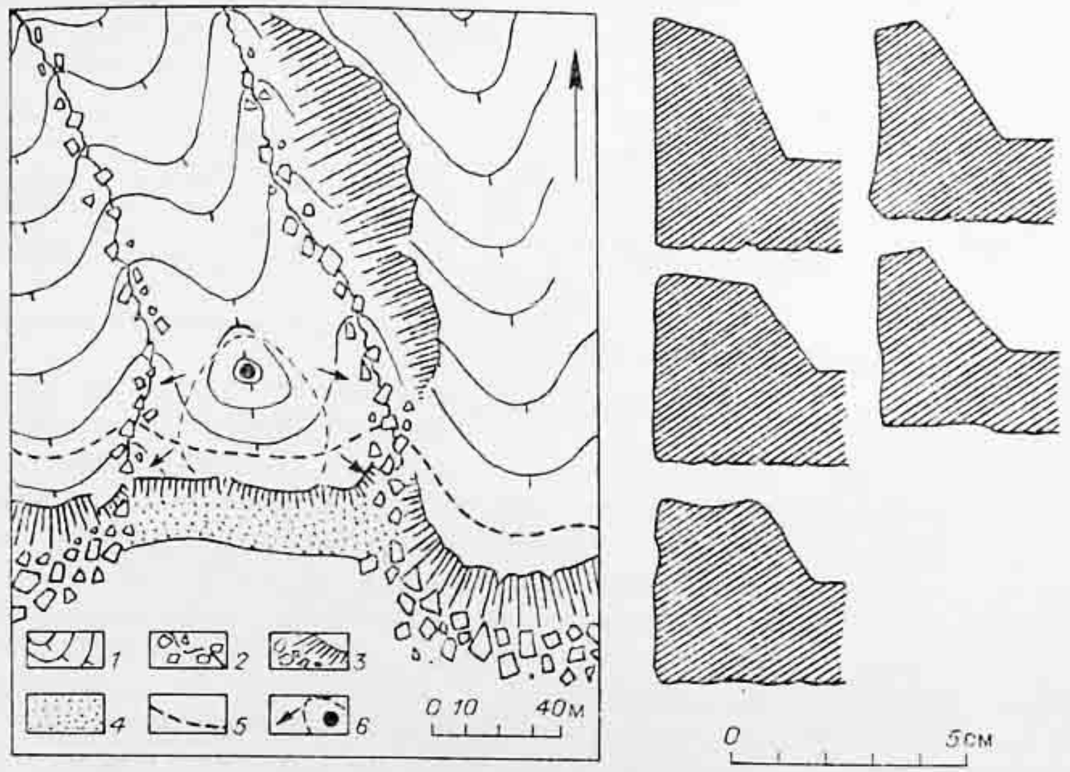


Рис. 159. Положение Батилиманской керамической печи (слева) и характерные профили бортиков плоской черепицы Батилиманской печи (справа).

1 — горизонтали (схематическая прорисовка рельефа); *2* — русла ручейков и оврагов, заваленные известняковыми глыбами; *3* — сланцевые и суглинистые обрывы морского берега, отороченные глыбовыми нагромождениями (глыбы известняков остаются на месте после размыва морем делювия); *4* — узкая полоска пляжа; *5* — береговая тропа из Ласпи в Батилиман; *6* — место керамической печи, ореол рассеяния обломков от «черепичного» холма и направления сноса обломков.

На месте современного Батилимана было одно из поселений Ласпинского амфитеатра. Скорее всего, небольшое. Очень вероятно — поселение рыбаков. На этом берегу нет и клочка ровной земли, где можно было бы возделывать поля, не видим мы здесь и одичавших фруктовых деревьев, вековых орешин. Единственной прочной экономической основой могли быть море да небольшие виноградники на склоне, постоянно обращенном к солнцу. В суглинистых обрывах берега, как и в вершине Ласпинского залива, встречаются пропластки рыбьих костей и раковин устриц и мидий. В этих же пропластках попадаются обломки средневековой керамики. Они рассеяны и на поверхности в районе Батилимана, нигде, однако, не образуя крупных скоплений. Поселение было разбросано на значительной площади и состояло из отдельных маленьких усадеб, прижимавшихся к берегу моря.

Тут же, в 200 м от Батилимана, на невысоком сланцево-делювиальном гребне между двумя глубокими оврагами тропинка пересекает кучу битой кровельной черепицы, вернее сказать, холм из суглинистого мелкозема и черепичных остатков. Это — одна из керамических печей района Ласпи (рис. 159), о чем легко догадаться как по количеству обломков, так и по тому, что среди них преобладают сильно деформированные, пережженные изделия, т. е. ре-

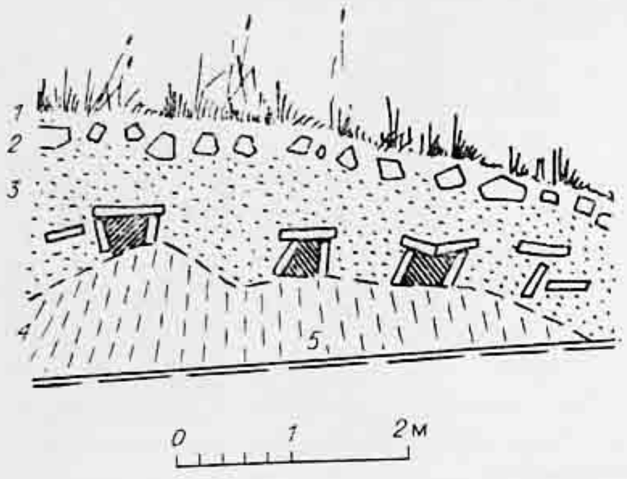


Рис. 160. Разрушенный могильник на внутреннем мысу залива Ласпи, между пионерским лагерем и пляжем.

1 — почва; *2* — слой делювия с известняковыми глыбами и щебнем (сравнительно молодое накопление); *3* — тонкощебенистый (сланцевый) и глинистый делювий; *4* — оплывина в обочине дороги; *5* — полотно дороги от лагеря к пляжу. Плиточные могилы деформированы.

месленный брак, не находивший сбыта. В слое культурных отложений рассеяны кусочки лилового шлака. Место керамической печи было выбрано удачно: в склоне восточного оврага обнажены черные сланцевые глины, покрывающие коренные породы чехлом толщиной 5—10 м. Именно эта глина использовалась для формовки кровельной черепицы, которая при обжиге приобретала кирпично-красный цвет. Форма черепицы, производившейся в этом месте, была довольно однотипной и традиционной. Такой необычной черепицы, как на главном береговом поселении Ласпи, здесь на встречалось (рис. 159), хотя другие типы черепицы этого поселения сходны с продукцией батилиманской керамической печи. Сравнение этой продукции с обломками в погребенных суглинками культурных слоях береговых обрывов вершины Ласпинского залива указывает на полное сходство между ними по форме (ср. бортики на рис. 152 и 159), составу теста, обжигу и другим признакам. Видимо, батилиманская печь поставляла черепицу для всех поселений Ласпинского амфитеатра, но она не была единственной: на восточном берегу залива, в километре от мыса Сарыч, О. И. Домбровским были найдены и раскопаны остатки второй керамической печи, а широкое распространение подходящих для этой цели сланцевых глин в районе Ласпи могло обеспечить сырьем большее число керамических мастерских*.

* На этом глава XXV обрывается. Она явно не закончена (например, отсутствует характеристика могильника, о котором до некоторой степени позволяет судить рис. 160). Но и в наличном виде глава о районе Ласпи очень содержательна. (*Ред.*)

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

[1] **Рубрук Вильгельм де.** Путешествие в восточные страны.— Спб, 1910. См. также: Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука.— М., 1957.— С. 90 и сл. В последнем издании после приведенного в эпиграфе текста читаем: «...почти каждый из них имел особый язык; среди них было много готов, язык которых немецкий». П. И. Кеппен (см. ниже) переводил это место так: «...каждый из которых имеет свое наречие» (т. е. название). По-видимому, это более правильное толкование оригинала.

[2] Первое вторжение татаро-монголов в Крым и разгром Судака (Сурожа) относятся к 1223 г., к 1243 г.— образование Золотой Орды и превращение Крыма (в основном его степной и предгорной части) в один из ее улусов.

[3] *Кала* (тюрк.), *кале* (тур., татар.), Вариант *хале* — крепость; *кермен* (тур.) — крепость.

[4] *Кастро, кастрон* (греч.) — крепость, цитадель, замок; *кастель* (лат.) — крепость, замок.

[5] В главах, посвященных конкретным исарам, даны варианты истолкования тех или иных названий. По топонимике Крыма практически нет работ. В ряде случаев автор вынужден строить этимологические предположения с учетом особенностей местоположения исаров и др.

[6] **Кеппен П. И.** О древностях Южного берега и гор Таврических (Крымский сборник).— Спб, 1837. Подробнее о работе П. И. Кеппена см. в главе IV, о самом П. И. Кеппене — в главе X. За несколько лет удалось найти четыре экземпляра этой работы.

[7] П. Н. Шульц в годы моего изучения исаров заведовал ОАСА Института археологии АН УССР; с 1965 г. он старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. О. И. Домбровский — научный сотрудник ОАСА, с 1965 г.— заведующий этим отделом.

[8] **Чайлд Гордон.** Прогресс и археология: Пер. с англ.— М., 1949.— С. 17.

[9] **Brunton Paul.** Gogis verborgene Weisheit Indiens.— Berlin, 1937.

I

[1] Литература по геологии Крыма настолько обширна, что нет возможности привести здесь подробную библиографию. Ограничимся ссылкой на наиболее крупные работы или статьи по наиболее важным вопросам. Из работ прошлого столетия, имеющих сейчас значение для истории региональной геологии, укажем следующие: **Романовский Г.** Геологический очерк Таврической губернии // Горный журнал.— 1867.— Ч. III; **Штукенберг А.** Геологический очерк Крыма // Материалы для геологии России.— 1873.— Т. V; **Лагорио А.** К геологии Крыма // Изв. Варшавского ун-та.— 1885.— № 5—6; **Прендель Р.** Очерк геологического строения Крымских гор // Зап. Сельскохоз. об-ва Южной России.— 1891.— № 5—6. Подробные сведения о стратиграфии, тектонике, истории геологического развития Крыма читатель найдет в работах: **Муратов М. В.** Тектоника и история развития альпийской геосинклинальной области юга европейской части СССР и сопредельных стран // Тектоника СССР.— М., 1949.— Т. 2; **Он же.** Краткий очерк геологического строения Крымского полуострова.— М., 1960; **Он же.** Геологическое прошлое Крыма и Черного моря // Природа.— 1960.—

№ 6; **Пчелинцев В. Ф.** Образование Крымских гор.— М., 1962; **Геология** побережья и дна Черного и Азовского морей в пределах УССР.— Киев. 1968; **Лебединский В. И.** С геологическим молотком по Крыму.— М., 1967. В ряде указанных работ содержатся более или менее обширные библиографические списки.

[2] **Лучицкий В. И.** Петрография Крыма.— М.; Л., 1939; **Лебединский В. И., Шалимов А. И.** Магматические проявления в структуре и геологической истории Крыма // Сов. геология.— 1967.— № 2; **Лебедев Т. С., Оровецкий Ю. П.** Физические свойства и вещественный состав изверженных пород Горного Крыма.— Киев, 1969.

[3] Сведения о сейсмичности Крыма содержатся в большом числе работ. Кадастровые данные см.: **Атлас** землетрясений в СССР.— М., 1962; **Землетрясения** в СССР.— М., 1964; **Попов В. В.** Каталог землетрясений Крыма с 1908 по 1936 г.— М., 1939; **Смирнов М. В.** Каталог землетрясений в Крыму.— Симферополь, 1931.

[4] О землетрясениях 1927 г. писали С. В. Шимановский, А. В. Вознесенский, Н. В. Кельин, П. А. Двойченко, Г. Ф. Мирчинк, В. Ф. Бончковский и многие другие. Сошлемся на две работы: **Бончковский В. Ф.** К землетрясению в Крыму 26 июня 1927.— Одесса, 1927; **Кельин Н. В.** Некоторые данные о последнем землетрясении в Крыму // Землеведение.— 1928.— Вып. 1—2.

[5] См.: **Кондараки В. Х.** Универсальное описание Крыма.— Спб. 1875; **Маркевич А. И.** Летопись землетрясений в Крыму // Черноморское землетрясение 1927 г. и судьбы Крыма.— Симферополь, 1928; **Слудский А. Ф.** Исторический очерк землетрясений в Крыму // Крым.— 1928.— Вып. 1.

[6] Особенности и история развития рельефа Горного Крыма и Южного берега рассматриваются во многих указанных выше геологических работах. Первая работа по этой теме: **Паллас П. С.** Краткое физическое и топографическое описание Таврической области.— Спб, 1975. См. также: **Мильков Ф. Н., Гвоздецкий Н. А.** Физическая география СССР.— М., 1962; **Добрынин Б. Ф.** К геоморфологии Крыма // Землеведение.— 1922.— Кн. 1—2; **Он же.** Физическая география СССР.— М., 1948.— Ч. 1; **Бабак В. И.** История развития рельефа Горного Крыма // Бюл. Моск. об-ва испытателей природы, отд. геологический.— 1960.—5.

[7] Яйла находится вне пределов Южного берега. Для нее характерны платообразные поверхности, наклоненные к северу, слабые всхолмления, как на Караби-Яйле или Долгоруковской Яйле, ступенчатые плато, как на Чатыр-Даге, и почти повсеместное развитие карстовых микроформ. Особенно многочисленны карстовые пещеры на Чатыр-Даге. Общая длина ходов пещеры Кизил-Коба в Долгоруковской Яйле превышает 12,5 км, разведанная глубина некоторых карстовых колодцев на Чатыр-Даге перевалила уже за 160 м. См.: **Ена В. Г.** Ландшафтные памятники (из серии «Природа Крыма»).— Симферополь, 1966; **Смирнов В. М.** В глубинах пещер.— Симферополь, 1964; **Крубер А. А.** Карстовая область Горного Крыма.— М., 1915.

[8] **Крубер А. А.** Карстовая область Горного Крыма.— С. 171, рис. 52.

[9] Для оценки ресурсов горных водоисточников Южного берега произведем приблизительные расчеты. При протяженности Яйлы между Ласпи и Судаком около 100 км и средней ширине плато Яйлы 2 км на ее площадь в 200 кв. км ежегодно выпадает по крайней мере 100 млн куб. м осадков (при годовом уровне осадков около 500 мм). Если из этого количества половина расходуется на поверхностный сток, испарение с поверхности, транспирацию растениями и другие потери, тогда в массивы известняков уходит до 50 млн куб. м воды. Благодаря тому что массивы известняков Яйлы (и их подошва, по которой они контактируют со сланцами) наклонены в северную сторону, сброс подземных вод происходит главным образом на север. В южном направлении устремляется не больше 20 % подземных вод, т. е. около 10 млн куб. м. Из этого количества потери на выходах горных источников могут составить до 80 % (испарение, просачивание в грунты, необнаруженные источники и т. д.). Даже в таком случае 2 млн куб. м воды каптированных горных источников достаточно для годового обеспечения 0,5—1 млн чел. при норме расходования 5,5—11 л в сутки на человека (очень высокой). Получается, что возможный реализуемый объем воды горных источников Южного берега составляет 2 % от количества осадков, выпадающих на поверхность Яйлы. Такое соотношение кажется очень вероятным только при хорошо налаженной водоохранной службе. В некоторые годы горные источники совершенно иссякают.

[10] **Бабков И. И.** Климат Крыма.— Л., 1961; **Он же.** Климат (из серии «Природа Крыма»).— Симферополь, 1966.

[11] **Страбон.** География.— М., 1964.— С. 283.(Кн. VII, гл. IV, эпиграф). Далее в книге при ссылке на Страбона имеется в виду это издание. Первая цифра — номер книги, вторая — главы, третья — параграфа.

[12] **Кленшин И. Н.** Почвы Крыма.— Симферополь, 1935; **Иванов В. Н.** Почвы Крыма и повышение их плодородия.— Симферополь, 1966. В прошлом почвенные исследования широко проводили сотрудники Никитского ботанического сада. См., например: **Анализы** разных почв Крыма // Зап. импер. Никитского сада.— 1893.— Вып. 2.

[13] На плато Яйлы часто встречаются остатки очень старых кошар, средневековых жилищ, ютившихся в наиболее защищенных местах, где разбивались небольшие огороды и сады с грушевыми и яблоневыми деревьями (сейчас находятся в одичавшем состоянии). Название Караби-Яйла происходит от татарского обозначения покинутых, развалившихся поселений, жилищ. Старые дороги на Яйле (от Ласпи до Караби-Яйлы) связывали небольшие нагорные поселения между собой и с поселениями в долинах Горного Крыма и на Южном берегу.

[14] **Леса** СССР.— М., 1961.— С. 352. О растительности Крыма, включая и Южный берег, см.: **Рубцов Н. И., Махаева Л. В. Шалыт М. С., Котова И. Н.** Растительный мир.— Симферополь, 1966; **Троицкий Н. А.** Растительность Крыма.— Симферополь, 1952; **Кочкин М. А.** Леса Крыма.— Симферополь, 1952; **Вульф Е. В.** Флора Крыма.— Симферополь, 1923.

[15] Известняковые плато Яйлы на наибольших высотах практически лишены древесной, а зачастую и кустарниковой растительности. Маломощные каменистые почвы, ниже которых сразу начинается скала, представляют собой очень неустойчивое образование; они подтверждены смыву и выдуванию. В карстовых понижениях сохраняются, однако, пятна грабово-буковой ассоциации. Распространен взгляд, что в прошлом Яйла была сплошь залесена, впоследствии леса исчезли из-за усиленного развития отгонного скотоводства (**Танфильев Г. И.** К вопросу о безлесии Крымской Яйлы // Изв. импер. Санкт-Петербургского бот. сада.— 1902.— Т. II, вып. 1; **Криштофович А. Н.** К вопросу о растительности Крымской Яйлы // Там же.— 1907.— Т. VII, вып. 5—6; **Шугуров А.** К вопросу о безлесии Крымской Яйлы // Зап. Крымско-Кавказского горного клуба.— 1907.— № 1—3). Думаю, что этот взгляд неверен. Высокие каменистые плато только в карстовых понижениях (да и то не во всех) имеют достаточные запасы влаги. Отрицательным фактором для развития на Яйле сплошного лесного покрова являются и сильные ветры. От Караби-Яйлы на северо-востоке до Форосской Яйлы на юго-западе возвышенные участки Главной гряды Крымских гор всегда были безлесными, но пятна древесной растительности в карстовых понижениях делают это определение в известной мере условным.

[16] О культурной флоре Южного берега см., например: **Коверга А. С., Чернова Н. М.** Никитский ботанический сад.— Симферополь, 1952.

[17] **Вшивков Ф. Н.** Звери.— Симферополь, 1966; **Животный** мир СССР.— М.: Л., 1958.— Т. 5; **Киселев Ф. А.** Записки натуралиста.— Симферополь, 1950; **Щербак Н. Н.** Земноводные и пресмыкающиеся.— Симферополь, 1966.

[18] С. Н. Бибиков в докладе, сделанном 15 октября 1966 г. в Отделе античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР (Симферополь), следующим образом обрисовал положение дел в палеолите. Палеолитические стоянки обнаружены в основном на границе степи и горной части Крымского полуострова. Именно степные районы представляли собой главные охотничьи угодья (сайга, дикий осел). Для пропитания охотничьей семьи в несколько человек требовалось несколько десятков квадратных километров охотничьих угодий, которые в горном районе было трудно найти. Фауна мустьерских стоянок имеет смешанный тип (степная и горно-лесная), что говорит о возможных перекочевках мустьерских охотничьих семей: летом — в степи, зимой — в горные районы. В горных районах объектами охоты были олень и кабан. В позднеледниковое время (вюрм; позднее мустье) в связи с похолоданием происходило изменение видового состава фауны (появились песец, куропатка), наступил кризис охотничьего хозяйства, приведший в конечном итоге к сокращению позднепалеолитического населения Крыма.

[19] По вопросу образования и развития Черноморского бассейна имеется обширная литература. Можно рекомендовать следующие работы: **Андрусов Н. И.** О возрасте морских послетретичных террас Керченского полуострова // Ежегодник по геологии и минералогии России.— Спб. 1905.— Т. VII; **Он же.** Террасы Судака // Зап. Киевского об-ва естествоиспытателей.— Спб, 1912.— Т. XXII; **Архангельский А. Д., Страхов Н. М.** Геологическое строение и история развития Черного моря.— М., 1938; **Муратов М. В.** История Черноморского бассейна в связи с развитием окружающих его областей // Бюл. МОИП. Отдел геол.— 1957.— 1; **Он же.** Четвертичная история Черноморского бассейна в сравнении с историей Средиземного моря // Там же.— 1960.— 5; **Федоров П. В.** Стратиграфия четвертичных отложений Крымско-Кавказского побережья и некоторые вопросы геологической истории Черного моря // Тр. Геологического ин-та АН СССР.— 1963.— Вып. 88; **Муратов М. В., Непрочнев Ю. П.** Строение дна Черноморской котловины и ее происхождение // Бюл. МОИП. Сер. геол.— 1967.— Т. 42, вып. 5: **Строение** Черноморской впадины.— М., 1966; **Непрочнев Ю. П., Непрочнева А. Ф., Лунарский Г. Н. и др.** Строение земной коры в восточной части Черного моря по данным глубинного сейсмического зондирования // Океанология.— 1966.— Т. VI, вып. 1; **Сологуб В. Б., Гаркаленко И. А., Чекунов А. В. и др.** Тектоническое строение северо-западной части Черного моря по геофизическим данным // Докл. АН СССР.— 1965.— Т. 162, вып. 6; и др.

[20] Скилак Кариандский (или Псевдо-Скилак) указывал (перипл относится ко второй половине IV в. до н. э.), что от Истра до Бараньего Лба (мыс на Таврическом побережье) три дня и три ночи пути, от Бараньего Лба до Пантикапея — день и ночь; по Псевдо-Скимну (ранее сочинение приписывалось Скимну Хиосскому), от мыса Карамбис (ныне мыс Керемпе на Анатолийском побережье Черного моря) до мыса Бараний Лоб — сутки морского пути; по Дионисию (перигес II в. н. э.), между Карамбисом и Бараньим Лбом — трое суток пути грузового судна; в перипле Псевдо-Арриана (написан около V в. н. э.) тот же путь указывается в сутки плавания (**Латышев В. В.** Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ.— 1947.— № 3.— С. 240—241, 313; 1948.— № 1.— С. 238; № 4.— С. 227).

[21] В конце прошлого века Россия отлавливала в Азово-Черноморском бассейне до 9 млн пудов всякой рыбы ежегодно, что составляло около 12 % рыбного улова (**Россия.** Полное географическое описание.— Спб, 1910.— Т. XIV.— С. 120, 343—367). На Южном берегу много рыбы ловили в заливе Ласпи и на подходе к Балаклавской бухте, особенно анчоусов, плотные косяки которых нередко скрывались в бухте от штормовой непогоды и массами гибли в ней. Великолепная картина рыбацкой Балаклавы нарисована Куприным («Листригоны»).

II

[1] Использована далеко не полная опись исторических памятников в рабочей картотеке Отдела античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР (Симферополь), с некоторыми дополнениями автора. Приведенные цифры несколько округлены, однако соотношения между ними не нарушены.

[2] **Латышев В. В.** Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ.— 1947.— № 1—4; 1948.— № 1—4; 1949.— № 1—3; **Ельницкий Л. А.** Знания древних о северных странах.— М., 1961; **Дитмар А. Б.** От Скифии до Элефантины.— М., 1961.

[3] **Хеннинг Р.** Неведомые земли.— М., 1961.— Т. 1.— С. 19.

[4] Ἀργός — быстрый.

[5] Бассейн р. Рионн.

[6] **Кун Н. А.** Легенды и мифы Древней Греции.— М., 1957.— С. 235. См. также: **Латышев В. В.** Известия древних писателей... // ВДИ. 1947.— № 3.— С. 279.

[7] **Хеннинг Р.** Неведомые земли.— Т. 1.— С. 36—42.

[8] Имеются в виду следующие стихи десятой песни «Одиссеи»:

Денно и нощно шесть суток носясь
по водам, на седьмые
Прибыли мы к многовратному
граду в стране лестригонов,
Ламосу. Там возвращаяся с поля,
пастух вызывает
На поле выйти другого; легко б
несонливый работник
Плату двойную там мог получать,
выгоняя пастися
Днем белорунных баранов, а ночью
быков криворогих:
Ибо там паства дневная с ночною
сближается пастьой.
В славную пристань вошли мы:
ее образуют утесы,
Круто с обеих сторон подымаясь
и сдвинувшись подле
Устья великими, друг против друга
из темные бездны
Моря торчащими камнями,
вход и исход заграждая.
Люди мои, с кораблями в просторную
пристань проникнув,
Их утвердили в ее глубине и
связали, у берега тесным
Рядом поставив: там воли никогда
ни великих, ни малых
Нет, там равниною гладкою
лоно морское сияет.
Я же свой черный корабль поместил
в отдаленье от прочих,
Около устья, канатом его привязав
под утесом.
После взошел на утес и стоял там,
кругом озираясь:
Не было видно нигде ни быков,
ни работников в поле;
Изредка только, взвиваяся, дым
от земли поднимался...

(**Гомер.** Одиссея. Песня десятая, строки 80—99/Пер. В. А. Жуковского.— М., 1959.— С. 125).

[9] **Хеннинг Р.** Неведомые земли.— Т. 1.— С. 37—38. Вообще говоря, «Одиссея» целиком посвящена приключениям героя при возвращении его (по Эгейскому и Ионическому морям) из Трои на Итаку. Попасть в Черное море Одиссей при этом, разумеется, не мог. Отнесение описанного эпизода к Балаклавской бухте и отождествление лестригонов с таврами (см. ниже)— всего лишь художественный вымысел беллетристов (см., например, «Листригоны» Куприна), подхваченный авторами справочников, путеводителей и научно-популярных очерков. Что касается связей Северного Причерноморья с Восточным Средиземноморьем, то они начали устанавливаться в архаическую эпоху и, очевидно, не ранее VIII в. до н. э. (**Сорокина Н. П.** К вопросу о связях Боспора Киммерийского с Восточным Средиземноморьем в архаическую эпоху // ЗОАО.— Одесса, 1960.— 1(34)).

[10] По поводу времени жизни Гомера нет единодушного мнения. Древнегреческие комментаторы колебались в выборе между XII и VI вв. до н. э. Некоторые современные авторы склоняются к поздним датам. Так, А. Ф. Лосев пишет, что необходимо утверждать, что Гомер жил на рубеже VII—VI вв. до н. э. Однако поскольку мы имеем право говорить только об имманентном авторе гомеровских поэм, то никакая абсолютизация указанной даты не может считаться научно обоснованной (**Лосев А. Ф.** Гомер.— М., 1960.— С. 65).

[11] **Бибиков С. Н.** О датировке и реконструкции палеолитических убежищ Крыма // Бюл. Комиссии по изуч. четвертич. периода.— 1957.— № 21; **Бадер О. Н.** Изучение эпипалеолита в Крыму // СА.— 1940.— V.— С. 93—100;

Он же. О мустьерской стоянке у Волчьего Грота // ВДИ.— 1940.— № 2.— С. 198—200; **Иванова И. К.** Геологический возраст ископаемого человека.— М., 1965.

[12] **Латышев В. В.** Известия древних писателей... / ВДИ.— 1947.— № 1.— С. 266—277.

[13] Вот несколько отрывков из клинописных текстов, из которых видно, что киммерийцы представляли собой значительную и даже грозную силу.

Из письма Ашшурприсуа царю Саргону II (722—705 гг. до н. э.): «Страна Гурания (и) страна Нагиу (находятся) между страной Урарту и страной Гамирра. Последняя платит дань Урарту. Когда народ Урарту двинулся против страны Гамирра (и) когда было нанесено поражение народу Урарту...» (**Латышев В. В.** Известия древних писателей... // ВДИ.— 1947.— № 1.— С. 266—267).

Из письма Синахериба Саргону II: «Когда царь народа Урарту выступил против страны Гамир, его войско подверглось разгрому...» (Там же.— С. 267).

Время Асархаддона (681—668 гг. до н. э.): «Царь Урарту или жители страны киммерийцев двинутся ли к битве, войне и бою, чтобы убивать, чтобы грабить и брать добычу...» (Там же.— С. 270).

Из летописей Ашшубанипала (668—626 гг. до н. э.): «Киммерийцы, которых он (Гугу, царь Лидии.— **Л. Ф.**) попрал моим именем, пришли и ниспровергли всю его страну» (Там же.— С. 275).

[14] **Бруи Ф.** О киммерианах Геродота и о переселениях кимрского племени // ЗООИД.— 1868.— Т. VIII.— С. 235—256.

[15] **Шульц П. Н.** Доклады на сессиях по истории Крыма в 1948 и 1951 гг. // Архив ОАСА; **Бонч-Осмоловский Г. А.** Доисторические культуры Крыма // Крым (Симферополь).— 1926.— № 2; **Он же.** Грот Кик-Коба.— М.; Л., 1940; **Крис Х. И.** К вопросу о периодизации Кизил-Кобинской культуры // СА.— 1961.— № 4; **Щепинский А. А.** Во тьме веков.— Симферополь, 1966. О киммерийцах см.: **Ельницкий Л. А.**, Киммерийцы и киммерийская культура // ВДИ.— 1949.— № 3.— С. 14—26; **Крупнов Е. И.** Киммерийцы на Северном Кавказе // МИА.— 1958.— Т. 68.

Не думаю, что это мнение верно. Кизил-кобинская культура на всех ее этапах представляется в весьма примитивном виде, больше свойственном народу малочисленному или разобщенному на родовые общины, находящемуся в специфических условиях природной изоляции (горный район!) и располагающему малыми естественными ресурсами, нежели такому народу, как киммерийцы, с которым считались и Урарту, и Ассирия. Скорее ее следует параллелизовать с эпохой ранних тавров, как это делает А. М. Лесков (Тавры в Крыму // Украинский исторический журнал.— 1959.— № 2).

[16] **Шульц П. Н.** Доклады на сессиях...; **Смирнов А. П.** Скифы.— М., 1966.— С. 26—37. А. П. Смирнов считает, что только одна группа киммерийцев может быть отождествлена с таврами (с. 37) и что скифы вступили в контакт не с киммерийцами (катакомбная культура Северного Причерноморья), а с неизвестными племенами срубной культуры (с. 38—41). Если тавры действительно представляли собой какую-то группу киммерийцев, то, надо полагать, эта группа в силу природной изоляции находилась в состоянии культурного регресса, по крайней мере на раннем этапе своей истории, а возможно, и до конца.

[17] **Латышев В. В.** Известия древних писателей...

[18] От ταῦρος — бык, вол; иносказательно — горный хребет. Предполагают также, что название тавров и Таврики происходит от τὰφρος — ров, ров с валом. Основанием для этого послужили указания древних авторов о существовании протяженного рва на Перекопском перешейке. Перечисляя города Таврики, Гай Плиний Секунд упоминает и некий город Тафры, расположенный на самом перешейке полуострова (Plin., NH, IV, 85; см.: **Латышев В. В.** Известия древних писателей... // ВДИ.— 1949.— № 2.— С. 281).

[19] **Пятышев Н. В.** Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе // ВДИ.— 1947.— № 3.— С. 213—219. Сюжетная линия мифа об Ифигении приводит его героиню в Таврику, где она становится жрицей храма Девы-Артемиды у тавров. Подробнее об этом мифе см. в одной из последующих глав. Культ Девы сближает тавров с другими народами первобытности, прошедшими этап матриархального устройства родовой и родоплеменной общины.

Вот как древние авторы характеризуют тавров. Псевдо-Скими (в «Землеописании», III—II вв. до н. э.): «Тавры — народ многочисленный и любят кочевую жизнь в горах; по своей жестокости они варвары и убийцы и умилостивляют своих богов нечестными деяниями» (ВДИ.— 1947.— № 3.— С. 311).

Аммиан Марцеллин (в «Истории», IV в. н. э.), говоря о таврах, разделенных на различные царства, замечает, что среди них «особенно страшны своей чрезмерной грубостью арихи, синхи и напеи». И далее: «Умилостивляя богов человеческими жертвами и закалывая пришельцев в жертву Диане (Деве.— **Л. Ф.**), которая у них называется Орсилохой, они укрепляли на стенах капища головы зарезанных, как бы военные памятники славных деяний» (ВДИ.— 1949.— № 3.— С. 288).

[20] Впервые каменные ящики отнес к культуре тавров Дюбуа де Монпере. Библиографию по этому вопросу см.: **Лесков А. М.** Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры.— Киев, 1965. К числу ранних работ по каменным ящикам относятся статьи Н. И. Репникова (О так называемых «дольменах» Крыма // ИТУАК.— 1910.— Вып. 44; Предполагаемые древности тавров // ИТОИАЭ.— 1927.— Т. 1).

[21] Эти материалы довольно однообразны (лепная керамика, погребальный инвентарь, как говорилось — очень скромный, сравнительно отнотинные каменные ящики). Только при большом желании по ним удается наметить какие-то этапы развития культуры тавров, как это делает А. М. Лесков.

[22] Плиний (Plin., NH, IV, 85), безусловно, имеет в виду Горный Крым (можно сказать — Первую гряду Крымских гор и Южный берег и находящиеся севернее Первой гряды межгорные котловины), когда говорит, что «самый хребет занимают скифо-тавры, они с запада граничат с Херсонесом Новым, а с востока — со скифами сатавками». Следовательно, западная граница ареала тавров проходила приблизительно по створу Балаклава — Инкерман, восточная — в северо-восточном окончании Горного Крыма, однако в полигоне Симферополь — Судак — Феодосия — Старый Крым — Симферополь известно гораздо меньше таврских памятников, чем в полигоне Симферополь — Инкерман — Балаклава — Алушта — Симферополь. Подавляющее большинство их находится на Южном берегу и в Байдарской долине. Их почти нет в пределах Второй гряды Крымских гор.

[23] Это мнение может опереться хотя бы на тот факт, что о таврах еще продолжают писать греческие и римские авторы I—IV вв. н. э. (Иосиф Флавий, Плиний, Страбон, Тацит, Аммиан Марцеллин и др.). Тацит, упоминая тавров в хронологических рамках Митридатовых войн (I в. до н. э.), сообщает о таком эпизоде. При возвращении римского войска из района Керченского пролива («в трех днях пути от р. Танаис»— Дон) несколько кораблей выбросило к берегу тавров (по-видимому, жестокой бурей, которые часто случаются на Черном море осенью и зимой), «и их окружили варвары, убившие префекта когорты и множество воинов вспомогательного отряда» (**Тацит.** Анналы (XII, 17).— Л, 1969.— Т. 1.— С. 203). Марцеллин же говорит о таврах в настоящем времени, следовательно, и в IV в. н. э. тавры еще населяли Горный Крым и Южный берег. Этому не противоречат археологические данные.

[24] **Геродот.** История в 9-ти книгах.— М., 1885. Все, что рассказано Геродотом о скифах и Скифии, см.: **Латышев В. В.** Известия древних писателей... // ВДИ.— 1947.— № 2.— С. 250—287.

[25] **Граиинский И. Б.** Сокровища скифских царей.— М., 1967; **Цветаева Г. А.** Сокровища причерноморских курганов.— М., 1968; **Артамонов М. И.** Сокровища скифских курганов.— Л., 1966.

[26] **Гольденберг В. А.** Северное Причерноморье как рынок рабов для Средиземноморского мира // ВДИ.— 1953.— № 1.— С. 200—209.

[27] **Артамонова О. А.** Древнейшее поселение на острове Березани // КСИИМК.— М., 1940.— Вып. 5; **Капошина С. И.** Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА.— М.; Л, 1956.— Вып. 50. В работе В. В. Лапшина (Греческая колонизация Северного Причерноморья.— Киев, 1966) содержится разбор гипотез о побудительных мотивах движения греков на северные берега Понта; автор считает Березань не эмпорием, а вполне сложившимся аграрно-ремесленным поселением. Нельзя исключить, что эпизодические проникновения эллинов на северные берега Понта и в Таврику были и раньше VII в. до н. э.

[28] О возникновении Боспорского царства со столицей Пантикапеем (или Пантикапеей) см. ниже.

[29] Подробнее о скифо-персидском конфликте см.: **Смирнов А. П.** Скифы.— С. 104—110; **Струве В. В.** Дарий I и скифы Причерноморья // ВДИ.— 1949.— № 4.— С. 15—28. Любопытно, что этот конфликт нашел отражение в тексте Бихистунской надписи: «Говорит царь Дарий: Вот страны, которые ко мне отошли... (далее перечисляются страны, в том числе Скифия.— **Л. Ф.**), всего 23 страны»; «Говорит царь Дарий: когда я в Вавилоне был, эти страны от меня отложились: Персия, Сузиана, Мидия, Ассирия, Египет, Парфия, Маргиана, Сатагидия, Скифия» (**Латышев В. В.** Известия древних писателей... // ВДИ.— 1947.— № 1.— С. 227). Возможно, речь идет о среднеазиатских скифах.

[30] Новейшую хронологическую таблицу правителей Боспора см.: **Корпус** боспорских надписей.— М., 1965.— С. 832—833.

[31] **Гайдукевич В. Ф.** Боспорское царство.— М., 1949; **Жебелев С. А.** Северное Причерноморье.— М., 1953. См. также: МИА.— М., 1951.— № 19; 1957.— № 56 (сборники статей по археологии и истории Пантикапея и Боспора); **Гайдукевич В. Ф.** Боспорские города.— М., 1952; **Он же.** Некоторые вопросы экономической истории Боспора // ВДИ.— 1966.— № 1.— С. 47—64; **Археология** и история Боспора.— Симферополь, 1962.— Т. 1—II; **Блаватский В. Д.** Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора.— М., 1964; **Ростовцев М. И.** Скифия и Боспор.— М., 1925.

[32] **Трофимова М. К.** Из истории эллинистической экономики // ВДИ.— 1961.— № 2; **Кругликова И. Т.** Боспор в позднеантичное время.— М., 1966.

[33] Гераклея — ныне Эрегли на южном берегу Черного моря (в Турции). Полуостров, на котором гераклеоты основали Херсонес (возле Севастополя), и сейчас носит название Гераклейского.

[34] **Ливанов Ф.** Херсонес (древний Корсунь) в Крыму.— М., 1874; **Ящуржинский Х.** Очерк археологических разведок и исследований в области Херсонеса Таврического.— Симферополь, 1888; **Бертье-Делагард А. Л.** Раскопки Херсонеса // МАР.— Спб.— 1893.— № 12; **Он же.** О Херсоне // ИАК.— Спб.— 1907.— Вып. 21; **Белов Г. Ф.** Херсонес Таврический.— Л., 1948; **Тюменцев А. И.** Херсонесские этюды // ВДИ.— 1949.— № 4; 1950.— № 2; 1955.— № 3.

[35] **Смирнов К. Ф.** Савроматы. (Ранняя история и культура сарматов).— М., 1964; **Он же.** Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культура // СА.— 1953.— Т. XVII.— С. 133—148; **Он же.** Проблема происхождения ранних сарматов // СА.— 1957.— № 3.— С. 3—19.

[36] **Гущина И. И.** О сарматах в Юго-Западном Крыму // СА.— 1967.— № 1.— С. 40—51.

[37] **Шульц П. Н.** Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.) // История и археология древнего Крыма.— Киев, 1957.— С. 61—93; **Ростовцев М. И.** Скифия и Боспор.

[38] **Шелов Д. Б.** К истории Танаиса // ВДИ.— 1959.— № 1.— С. 117—127; **Он же.** Танаис — потерянный и найденный город.— М., 1967; **Он же.** Боспор и Танаис в III—I вв. до н. э. // ВДИ.— 1967.— № 4.— С. 36—46.

[39] **Смирнов А. П.** Скифы; **Артамонов М. И.** Вопросы истории скифов в советской науке // ВДИ.— 1947.— № 3.— С. 68—80; **Ростовцев М. И.** Скифия и Боспор: **Ельницкий Л. А.** Некоторые проблемы истории скифской культуры // ВДИ.— 1948.— № 2.— С. 95—101; **Граков Б. Н.** Скифы.— Киев, 1947.

[40] **Жебелев С. А.** Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре // С. А. Жебелев. Северное Причерноморье.— С. 82—115; **Струве В. В.** Восстание Савмака // ВДИ.— 1950.— № 3.— С. 23—40; **Гайдукевич В. Ф.** Еще о восстании Савмака // ВДИ.— 1962.— № 1.— С. 3—23.

[41] **Максимова М. И.** Античные города Юго-Восточного Причерноморья (Синопа, Амис, Трапезунт).— М.; Л., 1956.

[42] Или Палаклабу («притон Палака»— сына Скилура). От этого происходит название *Балаклава*. Скифские города Палакион, Хавон, Неаполис упомянуты Страбоном. Существует эпиграфическое подтверждение реальности Палакиона (**Соломоник Э. И.** Эпиграфическое свидетельство о скифской крепости в Крыму // ВДИ.— 1961.— № 4.— С. 106—109). О его локализации см.: **Дашевская О. Д.** К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упоминаемых Страбоном // ВДИ.— 1958.— № 2.— С. 143—150.

[43] **Аппиан.** Митридатовы войны // ВДИ.— 1946.— № 4.

[44] **Плутарх.** Сравнительные жизнеописания.— М., 1963.— Т. II: Лукулл.

[45] **Плутарх.** Сравнительные жизнеописания. Помпей; **Колобова К. М.** Фарнак I Понтийский // ВДИ.— 1949.— № 3.— С. 27—35; **Голубцова Е. С.** Внешнеполитическое положение Боспорского царства на рубеже нашей эры // Там же.— № 4.— С. 87—98.

[46] **Кулаковский Ю.** Аланы по сведениям классических и византийских писателей.— Киев, 1889.

[47] **Латышев В. В.** Известия древних писателей... // ВДИ.— 1947.— № 4.— С. 276; **Дьяков В. Н.** Оккупация Таврики Римом в I в. н. э. // ВДИ.— 1941.— № 1.— С. 87—97; **Он же.** Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мёзия // ВДИ.— 1940.— № 3/4.— С. 71—88; **Гриневич К.** Херсонес и Рим // ВДИ.— 1947.— № 2.— С. 228—237; **Голубцова Е. С.** Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры.— М., 1951; **Соломоник Э. И.** О римском флоте в Херсонесе // ВДИ.— 1966.— № 2.— С. 165—172.

III

[1] **Шелов Д. Б.** Танаис — потерянный и найденный город.— М., 1967.— С. 120 и сл. В главе о Хараксе приведены нумизматические данные, которые свидетельствуют о каких-то крупных событиях в середине III в. и на Южном берегу.

[2] Возраст древесного угля из Алминского городища и Алма-Кермена определен автором по образцам, представленным Т. И. Высотской. Получены две близкие даты: СО АН-74: 330±36; СО АН-75: 360±15 (см.: **Фирсов Л. В.** Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического.— Новосибирск, 1976.— С. 168). Считалось, что эти городища завершили свое существование примерно во II в. н. э. По-видимому, гибель и других степных и предгорных античных городищ в Крыму падает на время гуннского вторжения.

[3] **Феофилакт Симокатта.** История.— М., 1957; **Прокопий Кесарийский.** О постройках/Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ.— 1939.— № 4.

[4] **Прокопий Кесарийский.** О постройках; **Тиханова М. А.** Дорос — Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА.— № 34.— 1953.— С. 319—333. Название Дори, вероятно, означает «лесистая», что позволяет локализовать эту страну в Юго-Западном Крыму. О. И. Домбровский и Э. И. Соломоник (см. сб.: Археологические исследования средневекового Крыма.— Киев, 1968.— С. 11—44) помещают Дори на Южном берегу. Думаю, что больше оснований локализовать Дори в пределах Второй гряды и межгорной области. Статья О. И. Домбровского и Э. И. Соломоник была подвергнута критическому разбору А. Л. Якобсоном (СА.— 1971.— № 3.— С. 298—306). Исследование вопроса см.: **Фирсов Л. В.** О локализации страны Дори в Таврике // ВВ.— 1979.— 40.— С. 104—113. Ниже этот вопрос будет рассмотрен специально.

[5] Прокопий Кесарийский рисует крымских готов трудолюбивым, гостеприимным народом, находившимся в дружественных отношениях с Византией. Готы участвовали в военных предприятиях Византии, выставив три тысячи отменных бойцов.

[6] **Гумилев Л. Н.** Открытие Хазарии (историко-географический этюд).— М., 1966.— С. 3. См. также: **Артамонов М. И.** История хазар.— Л., 1962; **Рыбаков Б. А.** К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // СА.— 1953.— Т. XVIII.

[7] **Лозинский С. Г.** История папства.— М., 1961.— С. 554. Среди сонма отъявленных мерзавцев, занимавших престол святого Петра, Мартин I был одним из немногих порядочных пап. Восстав против блуда и мерзостей Ватиканского клира, он был обвинен в ереси, сослан в Херсонес и окончил там свои дни (см., например: **Лео Таксиль.** Священный вертеп.— М., 1965.— С. 23).

[8] **Якобсон А. Л.** Средневековый Крым (очерки истории и истории материальной культуры).— М.; Л., 1964.— С. 12. С этим заключением А. Л. Якобсона трудно согласиться. Уже в раннем средневековье практически нет следов языческих культов.

[9] Свидетельством этому служат некоторые названия, например: Чуфут-Кале (Еврейская крепость)— город-крепость на плато к востоко-юго-востоку

от Бахчисарая; варианты названия — Чуфт-Кале, Джуфт-Кале, со времени монголо-татарского нашествия — Кыркер; Чуфут-Чаарган-Бурун (мыс призыва евреев)— один из скалистых мысов плато Мангупа — центра княжества Феодоро. Караимские кладбища с захоронениями от средневековых до относящихся к первой трети текущего столетия находятся в Иосафатовой долине (рядом с Чуфут-Кале), Евпатории, Феодосии.

[10] **Васильевский В. Г.** Житие Иоанна Готовского // Труды.— Спб, 1912.— Т. II, вып. 2.

[11] **Васильев А. А.** Готы в Крыму // ИГАИМК.— 1927.— V.— С. 250—251; **Коковцов П. К.** Европейско-хазарская переписка в X в.— Л., 1932.— С. 102.

[12] **Успенский Ф.** Византийские влияния на северном берегу Черного моря в IX и X вв.— Киев, 1889.

[13] В исторической литературе дается разное объяснение походу Владимира против Корсуня. По мнению Б. Д. Грекова (Повесть временных лет о походе Владимира на Корсунь // ИТОИАЭ.— Симферополь.— 1929.— Т. III), вначале военные действия Владимира и противодействия корсунян были активными, но уничтожение Корсуня якобы не входило в намерения Владимира, и он приступил к длительной осаде; город был сдан после переговоров и соглашения. Эту точку зрения на события разделяет О. И. Домбровский (см. сб.: Дорогой тысячелетий.— Симферополь, 1966.— С. 29—33). Иного мнения придерживается на этот счет А. Л. Якобсон (Раннесредневековый Херсонес // МИА.— М.; Л., 1959.— № 63), который считает, что Корсунь был взят Владимиром при жестоком сопротивлении жителей, предан огню и мечу и после 989 г. стал быстро клониться к упадку. В более поздней работе (**Якобсон А. Л.** Средневековый Крым) автор, к сожалению, не касается деталей. Возможно, если не ставить задачу «обелить» действия Владимира и придать им некий благородный оттенок, оба взгляда могут быть приведены в согласие, как это часто случается в дискуссиях. Однако кажется мало аргументированным следующее утверждение О. И. Домбровского (Дорогой тысячелетий.— С. 31): «Побряцав оружием у степ Корсуня, Владимир в конце концов одержал не столько военную, сколько дипломатическую победу над византийским императором. Различные домыслы о полном разорении Корсуня Владимиром нисколько не подтверждаются раскопками Херсонеса. Наоборот, археологи нередко находят в слоях этого периода вещи: кресты-энколпионы, наконечники ножен мечей, гривны (меновые единицы) в виде серебряных брусочков, встречается и славянская керамика. Все это — свидетельства тесного, постоянного и преимущественно мирного общения Руси с Корсунем». Это ножны-то! Дело, однако, не только в том, что перечисленные находки могли оказаться в слое X в. именно в результате жестоких сражений у стен Корсуня и в самом городе, но еще и в том, что к концу X в. относятся крупные разрушения оборонительных стен и башен города, его жилых построек и храмов. Именно на этом и было основано мнение А. Л. Якобсона. По-новому трактует Корсунский поход Владимира А. В. Поппе. Он связывает поход с договоренностью византийского императора Василия II с Владимиром, согласно которой русское войско должно было овладеть оппозиционной Византией и мятежным Корсунем, который поддерживал восставших в Малой Азии Варду Склира и Варду Фоку, захвативших азиатские провинции Византии. Захват Корсуня должен был оказать поддержку Византии в борьбе с ее врагами (**Поппе А. В.** О причине похода Владимира Святославича на Корсунь в 988—989 гг. // Вестн. МГУ. Сер. История.— 1978.— № 2.— С. 45—58).— *Ред.*

[14] **Монгайт А.** Надпись на камне // Наука и жизнь.— 1967.— № 5—6. Здесь даны краткий обзор сведений о Тмутараканском княжестве и история открытия Тмутараканского камня с надписью князя Глеба Святославича об измерении им в 1068 г. ширины Керченского пролива по льду. См. также: **Мединцева А. А.** Тмутараканский камень.— М., 1979.

[15] Аль-Идриси, Китаб ар-Руджари указывают населенные пункты Южного берега Крыма, якобы входившие в состав куманской земли. Думается, однако, что и половецкое влияние на Южном берегу было весьма эфемерным, как и хазарское.

[16] **Тиханова М. А.** Дорос — Феодоро...— С. 328.

[17] Список епископов Готии был опубликован П. И. Кеппеном (О древностях Южного берега и гор Таврических. (Крымский сборник).— Спб, 1837.— С. 65—70).

[18] В генуэзской крепости в Судаке сохранилась купольная постройка, перестроенная турками из храма в мечеть. Еще Дюбуа де Монпере писал, что трудная задача определить, что это такое, ибо сооружение носит на себе отпечаток разных стилей и разных культур (см.: **Карпович Е. Ф.** Судакская кацелла // Изв. Крымского отд. Географ. об-ва СССР.— Симферополь, 1951.— Вып. 1). Над карнизом михраба сохранилась латинская надпись с датой и именем консула Мондиано. Разными авторами дата читается как 1422, 1423, 1473, даже 1373. Дюбуа и Бертье-Делагард держались мнения, что здание было построено не генуэзцами, а турками-сельджуками в XIII в. Этого взгляда придерживается и ряд современных авторов (**Карпович Е. Ф.** Судакская кацелла; **Полканов А. И.** Судак (исторический очерк).— Симферополь, 1966). Ориентировка здания (строго по меридиану) подтверждает, что изначально оно было мечетью, а не христианским храмом.

[19] **Мурзакевич Н.** История генуэзских поселений в Крыму.— Одесса, 1837; **Секиринский С.** Очерки истории Сурожа.— Симферополь, 1955.

[20] Крым, Кырым — ров, окоп, укрепление. Впоследствии это название закрепилось за всем полуостровом. Основанием для такого названия послужили, по-видимому, старый ров и вал на Перекопском перешейке. О них писал еще Прокопий Кесарийский.

[21] Известно о народных восстаниях в Кафе в 1454, 1456, 1463, 1471, 1475 гг., в Солдайе — в 1470 г. или около этого. Особенно крупным было восстание 1454 г. Восставшие захватили арсенал и центр города и перебили многих из генуэзской администрации и торгового сословия. Восстание было жестоко подавлено генуэзцами. О характере деятельности генуэзцев на Южном берегу ярко свидетельствуют письма солдайского консула Христофоро ди Негро — последнего консула Солдайи — консулу Кафы Антонио ди Кабела по поводу притеснений, чинимых местным жителям феодалами Ускута (ныне — Приветное) братьями Гуаско, замок которых находился у подножия башни Чабан-Куле близ с. Морского (см.: **Секиринский С.** Очерки истории Сурожа). В 1433 г. греческое население Чембало (Балаклавы) подняло восстание и изгнало генуэзцев; для подавления волнений генуэзцы вынуждены были направить в Чембало флот с 6 тыс. солдат.

[22] Состав населения Крыма менялся в течение истории по меньшей мере раз двадцать, разумеется, не полностью, а по соотношению этнических компонентов. Однако точных демографических данных у нас нет. Подробная перепись населения была произведена только в начале текущего столетия, когда население Крыма достигало 1,8 млн чел., а его состав отражал те изменения, которые произошли в Крыму после его присоединения к России, т. е. после 1783 г. и на протяжении столетия. Он был следующим (в %):

Русские	27,9	Греки	1,3
Украинцы	42,2	Армяне	0,6
Белорусы	0,7	Евреи	3,8
Поляки	0,7	Крымчаки	0,6
Болгары	2,8	Татары	13,0
Румыны	0,2	Турки	0,2
Немцы	5,4	Прочие	0,6

(см.: **Россия.** Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга русских людей.— Спб, 1910.— Т. XIV.— С. 182). Далее: Россия, том, с.).

[23] **Дмитров Л. Д.** Перекоп.— Киев; Львов, 1940.

[24] Распространенный в Крымском ханстве институт невольничества дотянул буквально до конца XVIII столетия. С ним связаны устные традиции и письменные свидетельства, рисующие ужасы татарской неволи, жестокое обращение татар с рабами и т. п. В значительной степени все это соответствовало исторической действительности. Тем не менее стоит подчеркнуть те, вызванные, видимо, экономическими соображениями, терпимость и веротерпимость, которые крымские татары и турки долгое время проявляли по отношению к инородным и иноверческим соседям, обитавшим с ними в чересполосицу, особенно в Горном Крыму и на Южном берегу. Вражда между татарами и греками была инспирирована или по крайней мере попустительствовалась турками, стремившимися в XVIII

столетии во что бы то ни стало удержать Крым за собой, заручиться поддержкой мусульман и сократить число христиан в Крыму. Неприязненные отношения между татарами и греками обострились и приняли агрессивные формы после Кучук-Кайнарджийского договора 1774 г. и объявления Крымского ханства независимым. В 1778 г. крымские греки (особенно из юго-западной части и с Южного берега) обратились к Екатерине II с прошением о русском подданстве и в 1779—1783 г. (еще до присоединения Крыма к России) были переселены на северный берег Азовского моря, где основали город Мариуполь и два с половиной десятка селений с преимущественно крымскими названиями. В 1784 г. на Южном берегу была расселена часть архипелажных греков так называемого батальона Ревелиоти, сражавшегося в русско-турецкую войну на стороне русских (см.: **Россия.**— Т. XIV.— С. 731).

IV

[1] **Прокопий Кесарийский.** О постройках/Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ.— 1939.— № 4.

[2] **Страбон.** VII, IV, 3.

[3] **Брандт А. А.** Заметки по археологии Крыма // ИАК.— 1914.—Вып. 54.— С. 109—116. См. также: **Шмит Ф. И.** Археологический очерк работ на Южном берегу Крыма // ИГАИМК.— 1935.— Вып. 109.— С. 189. Таврский могильник с каменными ящиками возле Алушты был известен и ранее: **Лыжин Н. И.** Отчет о поездке в Крым летом 1890 г. с антропологической целью // ИОЛЕАЭ.— 1890.— Т. 68, вып. 9.— С. 339.

[4] **Веймарн Е. В.** Отчет о работах Бахчисарайского горного отряда Таврo-Скифской экспедиции в 1947 г. // Архив ОАСА. Ныне территория могильника на холме Малаба частично распахана. Отыскиваются только две группы каменных ящиков, сложенных из плит конгломератов и песчаников, в отличие от каменных ящиков других таврских могильников на Южном берегу, для которых использовались исключительно известняковые плиты. Это отличие объясняется близостью обнажений грубослоистых конгломератов к Малабе (в районе каньона Джурла, на склоне Южной Демерджи). Там же находятся и обнажения слоистых серых полимиктовых песчаников; кроме того, тонкие (0,1—0,5 м) слои песчаников имеются в сланцевой толще, слагающей гряду Малабы. Толщина плит в каменных ящиках — 0,15—0,35 м, длина продольных плит — до 1,8 м. Все ящики ориентированы почти строго с запада на восток (270±2°).

[5] **Веймарн Е. В.** Отчет о работах...

[6] См.: **Миллер В. Ф.** Археологические разведки Алушты и ее окрестностей // Докл. ТМАО.— 1888.— Т. XII.—С. 126—127; **Репников Н. И.** Предполагаемые древности тавров // ИТОИАЭ.— 1927.— 1; **Шмит Ф. И.** Археологический очерк...— С. 189; **Шульц П. Н.** Тавро-Скифская экспедиция // КСИИМК.— 1949.— 27.— С. 65.

[7] **Веймарн Е. В.** Отчет об археологических работах по завершению раскопок в г. Алуште, начатых Н. В. Пятышевой в 1950 г. // Архив ОАСА.— С. 10—20. Сведения об Алуштинском средневековом могильнике есть в работах: **Миллер В. Ф.** Археологические разведки...— С. 127—132, 134—138 и др., **Репников Н. И.** Археологические памятники // Археологические работы Академии наук на новостройках в 1932—33 гг.— 1.— С. 200; **Дьяков В. Н.** Таврика в эпоху римской оккупации // Уч. зап. Моск. пед. ин-та.— 1942.— Вып. 1.— С. 65, 80, 92; **Лисицына Н. К.** Археологические исследования в РСФСР в 1950 г. // КСИИМК.— 1952.— Вып. 44.— С. 146—147.

[8] **Соколова К. Ф.** Антропологический материал из могильника Алушты // Архив ОАСА; **Она же.** Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма // История и археология средневекового Крыма.— М., 1958.— С. 66—68, табл. 2; **Бобин В. В.** Искусственно деформированные черепа, найденные при раскопках в Крыму // Тр. Кафедры нормальной анатомии.— Симферополь, 1957.— С. 65.

[9] **Веймарн Е. В.** Отчет о работах...

[10] **Скржинская Е. Ч.** Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма // История и археология средневекового Крыма. — М., 1958.— С. 155—162.

[11] **Миллер В. Ф.** Археологические разведки...— С. 132; **Скржинская Е. Ч.** Новые эпиграфические памятники...— С. 162—165, рис. 2.

[12] **Скржинская Е. Ч.** Новые эпиграфические памятники...— С. 165, примеч. 28.

[13] Прокопий говорит о готах страны Дори или Таврики вообще. Средневековый могильник Алушты (как и могильник в Гурзуфе) в известной мере подтверждает точку зрения о расселении готов на Южном берегу. Однако все известные средневековые эпиграфические памятники Южного берега — греко-язычные. Возможно, состав населения раннесредневековой Алушты был смешанным, но в нем, по всей вероятности, преобладал греческий элемент. Из числа наиболее ранних эпиграфических памятников района Алушты нужно указать на надпись с датой 828 г. н. э. в небольшом храме в Малореченском (бывшее Кучук-Узень). См.: Тр. Киевской духовной академии.— 1882.— № 6.— С. 228.

[14] **Кеппен П.** О древностях Южного берега и гор Таврических. (Крымский сборник).— Спб, 1837.

[15] Историческую справку об Алуште XIV—XV вв. содержит работа: **Колли Л.** Христофоро ди Негро, последний консул Солдайи // ИТУАК.— 1905.— 38.— С. 4, 6, 27.

[16] **Кеппен П.** О древностях...— С. 154—156. Из более ранних сочинений, в которых есть краткие сведения о средневековой крепости в Алуште, укажем на следующие: **Сумароков П.** Досуги крымского судьи или второе путешествие в Таврику.— Спб, 1805.— Ч. II.— С. 211; **Муравьев-Апостол И. М.** Путешествие по Тавриде в 1820 г.— Спб, 1823.— С. 138, 139. О развалинах византийских церквей в Алуште и крепости времени Юстиниана писал также Дюбуа де Монпере. См. также: **Фабр А.** Достопамятнейшие древности Крыма.— Одесса, 1859.— С. 51; **Бертье-Делагард. А. Л.** Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК.— 1920.— 57.— С. 3—18.

[17] Реставрация средневековых башен проводилась и позднее. См., например: ИТУАК.— 1899.— Вып. 30.— С. 115; 1901.— № 31.— С. 70.

[18] Архитектура крепостных башен времен генуэзской колонизации Южного берега представлена крепостями Феодосии и Судака. По-видимому, особенно типична четырехугольная башня Константина в портовой части Феодосии.

V

[1] Не будем голословными. Например, в Эрмитаже экспонируются саркофаги фараона Яхмеса II и его жены Нахтбастероу (VI в. до н. э.), якобы изготовленные из гранита, как указано в подписях; на самом же деле они представляют собой базальтовые или диабазовые саркофаги. А. Л. Якобсон (Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры.— М.; Л., 1964.— с. 50), говоря о мозаичном поле в базилике Партенита (см. главу о Партените), пишет: «Пол базилики имел узорчатую вымостку из плиток в виде квадратиков чередующейся расцветки (красных — из кирпича, желтых — из песчаника и полевого шпата)...». Здесь — путаница: не из полевого шпата (это — минерал), а из какой-то желтой горной породы, может быть, из таврита или чего-либо подобного. Многочисленные неточности в археологических работах, связанные с неправильной диагностикой пород и минералов, неправильным употреблением геологической терминологии вообще и минерало-петрографической в частности, иногда совершенно исключают возможность догадаться, о чем же в конце концов идет речь. С характером этих неточностей знакомит, например, статья: **Петрунь Ф. В.** О достоверности петрографо-минералогических определений в археологической практике // ЗОАО.— 1967.— II(35).— С. 3—11.

[2] **Веймарн Е. В.** Отчет о работах Бахчисарайского Горного отряда Таврo-Скифской экспедиции в 1947 г. // Архив ОАСА.

[3] Насколько мне известно, лепная керамика не найдена на Ай-Йори и Е. В. Веймарном. Позднее Ай-Йори было обследовано О. И. Домбровским, в его сборах лепной керамики также не оказалось. Однако заметим, что на этих объектах практически не проводилось даже рекогносцировочных раскопок. Что можно ожидать от этих исаров — покажет время.

В годы войны на склонах Чамны-Буруна действовали партизанские отряды. На вершине Ай-Йори установлена небольшая диабазовая плита с высеченной на ней надписью «Памяти партизан, сражавшихся за советскую Родину, от комсомольцев Алушты, 1968 г.».

VI

[1] О Кеппене см.: **Куник А. А.** Литературные труды П. И. Кеппена.— Спб, 1868; **Кеппен Ф. П.** Биография П. И. Кеппена.— Спб, 1911. Краткие биографические сведения о нем опубликованы в работе: **Кумкес С.** Петр Иванович Кеппен // Земля и люди.— М., 1967.— С. 69—70. В архиве Симферопольского краеведческого музея хранится несколько папок черновых набросков статей и заметок П. И. Кеппена, ранее находившихся в архиве Таврической ученой архивной комиссии; документы эти не изучены, так же как и материалы архива А. Л. Бертье-Делагарда. Разумнее было бы передать их на хранение в архив Академии наук СССР.

[2] **Кеппен П.** О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. (Крымский сборник).— Спб, 1837.— С. 163 и сл.

[3] По Скимну отрезки пути от Феодосии до Афинеона и от Афинеона до Лампада относятся как 1 : 3, тогда как в нашем исчислении от Феодосии до Меганома и от Меганома до Кучук-Ламбата — как 1 : 1,4; следовательно, Афинеон нужно искать не на самом Меганоме, а севернее — в районе Отузской долины, в соседстве с Кара-Дагом, что удовлетворит отношению 1 : 3.

[4] Перипл, приписываемый Скимну из Хиоса (III—II вв. до н. э.), дошел в отрывках, написан не ранее I в. до н. э. и своим источником в отношении Крымского побережья Понта Эвксинского называет Эфора, малоазийского историка (около 405—330 гг. до н. э.). В отрывках перипла Скимна (Псевдо-Скимна) Лампада (Лампадон) не упоминается. Говорится о горе Бараний Лоб (см. главы VIII, IX). См.: **Латышев В. В.** Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ.— 1947.— № 3.— С. 313, строфы 953—957 (перипла безымянного автора). Вставка о Лампаде произведена из цитированного ниже перипла Арриана.

[5] **Латышев В. В.** Известия древних писателей... // ВДИ.— 1948.— № 1.— С. 272. Арриан Флавий, уроженец Никомедии, в 131—137 гг. н. э. был легатом Каппадокии и в 134 г. совершил плавание по Понту, отчет о котором в виде письма представил императору Адриану («Перипл Понта Эвксинского»). К V в. н. э. относят второй «Перипл Понта Эвксинского» безымянного автора (так называемого Псевдо-Арриана). В нем повторены сведения из перипла Арриана: «От Феодосии до пустынной гавани Афинеона, или гавани скифо-тавров, 200 стадиев, $26^1/_3$ мили; здесь спокойная стоянка для кораблей. От Афинеона, или гавани скифо-тавров, до Лампады 600 стадиев, или 80 миль; там стоянка для кораблей» (см.: **Латышев В. В.** Известия древних писателей... // ВДИ.— 1948.— № 4.— С. 235).

[6] **Montpèreux D.** Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Arménie, et en Crimée.— Paris, 1843.— T. VI.— P. 24.

VII

[1] Засечки с вершины Малого Ай-Тодора (азимуты от магнитного меридиана) дают представление о положении этого пункта между крупными формами рельефа береговой полосы:

На вершину Аю-Дага	203°
На среднюю часть скал Парагельмена	282°
На вершину горы Кастель	37°
На седловину у горы Кастель	20°

Не трудно видеть, что Малый Ай-Тодор лежит на кратчайшем пути между седловиной у Кастеля и седловиной у Аю-Дага, через которые и проходила древняя дорога.

[2] **Кеппен П. И.** О древностях Южного берега и гор Таврических. (Крымский сборник).— Спб, 1837.— С. 162—163.

[3] **Россия.**— Т. XIV.— С. 767.

[4] Известно, что в конце XVIII столетия при д. Лампада (Биюк-Ламбат) была церковь архангела Михаила, при д. Малая Лампада (Кучук-Ламбат)— церковь святого Георгия (**Лашков Ф.** Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году // ЗООИД.— 1886.— XIV.— С. 140).

[5] О значимости места, занятого укреплением на Малом Ай-Тодоре, говорит и название недалекой от него скалы Парагельмен. Возможно, оно происходит от παραγγελσις, παράγγελμα — приказание, объявление, команда, подача, подача сигнала.

VIII

[1] **Паллас П. С.** Путешествие в Крым в 1793—1794 годах // ЗООИД.— 1881.— XII.— С. 167—168; **Сумароков П.** Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду.— Спб, 1805.— Ч. II.— С. 207—208.

[2] **Бларамберг П.** О предполагаемом местоположении Дианина храма в Тавриде // Одесский альманах.— 1831.

[3] **Montpèreux D.** Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide en Georgie, en Arménie et en Crimée.— Paris, 1839.— T. II.

[4] **Кеппен П.** О древностях Южного берега и гор Таврических. (Крымский сборник).— Спб, 1837.— С. 166—172.

[5] **Репников Н. И.** Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине // ИАК.— 1909.— Вып. 30.— С. 102—103.

[6] **Шульц П. Н.** Тавро-Скифская экспедиция в Крыму // Советский Крым.— 1946.— № 2.— С. 114.

[7] **Шульц П. Н.** О некоторых вопросах истории тавров // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху.— М., 1959.— С. 241. В работе А. М. Лескова (Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры.— Киев, 1965) также говорится о принадлежности укрепления на Аю-Даге таврам, причем автор не добавляет к ранее известным ни одного подтверждающего факта или наблюдения.

[8] Результаты работ автора изложены в отчете: **Укрепление** на горе Аю-Даг в Крыму (Биюк-Кастель).— 1965.— С. 1—60 (хран. в фонде ОАСА и Институте археологии АН СССР, Москва).

[9] «Там, где стена с наружной стороны была приступна, по всей окружности внутри при ней находились какие-то четвероугольные пристройки, имевшие в длину не более 7,5, а в ширину 4 аршина. Толщина этих внутренних стенок была в аршин, а промежутки простирались от 17 до 18 шагов. Нельзя думать, что это были остатки 13-ти башен, потому что камня тут вообще не так много... Там, где стена тянулась над скалистою неприступною кручей (т. е. на северном участке периметра.— **Л. Ф.**), уже не было таких внутренних пристроек» (**Кеппен П.** О древностях...— С. 169—170).

[10] **Анакин П.** Археологическая экспедиция в крепость тавров // Так живут в Артеке.— М., 1962.— С. 93—102.

[11] О тектоническом строении Крыма см.: **Муратов М. В.** Тектоника и история развития альпийской геосинклинальной области юга европейской части СССР и сопредельных стран // Тектоника СССР.— М., 1949.— Т. 2; **Он же.** Краткий очерк геологического строения Крымского полуострова.— М., 1960; **Благоволин Н. С.** Возраст морфоструктур Горного Крыма // Изв. АН СССР. Сер. географич.— 1965.— № 2; **Пчелинцев В. Ф.** Киммериды Крыма.— М.; Л., 1966.

[12] См.: **Атлас** землетрясений в СССР.— М., 1962.

[13] Название *Артек* относилось к имению промышленника Первушина, который приобрел его у княгини Потемкиной. Говорят, что оно происходит от греческого ὀρτυκι — перепел (ορτυξ в новогреческом, ορτυγος — в древнегреческом), и объясняют это тем, что сезонные пролеты перепелов происходят как раз через это место и Гурзуфское Седло на Яйле, лежащее против Артека и Гурзуфа. Первоначально имение принадлежало графу Олизару и именовалось Кардиатриконом (Кардиадрикон — врачевание сердца; возможно, близко по смыслу к словосочетанию «лесное сердце»). Оба названия, по всей вероятности, восходят не далее как к концу XVIII столетия.

[1] Страбон (География, VII, IV, 2) пишет, правда, о мысе Парфений в 100 стадиях (15—16 км) от Херсонеса; он же называет и населенный пункт Парфений на берегу Боспора Киммерийского у входа в Меотиду (VII, IV, 5; XI, II, 6), но это, как видим, не относится к Партениту у Аю-Дага.

[2] В казначейских списках Кафы около середины XIV в. перечислены деревни и поселения от Балаклавы (Cembalo) до Судака (Soldaia) и между Гурзуфом (Corzanium) и Лампадом (Lambadie), указан и Партенит (Partenite). См.: **Бертье-Делагард А. Л.** Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК.— 1920.— Вып. 57.— С. 3.

[3] **Репников Н. И.** Партенитская базилика // ИАК.— 1909.— Вып. 32.— С. 91—140.

[4] **Якобсон А. Л.** Средневековый Крым.— М., 1964.— С. 49—50. А. Л. Якобсон, следуя за Н. И. Репниковым, обращает внимание на то, что Партенитская базилика была сложена из инкерманского известняка, а это свидетельствует в пользу сношений Партенита (в VIII в. и позднее) с Херсонесом, рядом с которым находятся Инкерманские каменоломни. Если учесть, что Инкерман (Каламита) был портом княжества Феодоро, то можно говорить и о связи Партенита с Мангупом. Об этом же есть и другие свидетельства (см. ниже). Однако проверить наличие инкерманского известняка в стенах базилики невозможно. За полстолетия, прошедших с момента раскопок, базилика совершенно разрушена. Сейчас над ней находится одно из сооружений Партенитского пионерского лагеря. Видны остатки трех апсид и короткие куски стен толщиной 0,65—0,75 м. Строительный камень — диабазовые порфириты с Аю-Дага (инкерманского известняка не найдено), ориентировка базилики 55—56°. Обращает на себя внимание ее положение у начала дороги, ведущей на северо-восточное плечо Аю-Дага.

[5] **Латышев В. В.** Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России.— Спб, 1896.— С. 77—78; **Репников Н. И.** Партенитская базилика.

[6] См.: **Васильевский В. Г.** Житие Иоанна Готского // Труды.— 1912.— II, вып. 2. Перевод жития — с. 396—400.

[7] **Латышев В.** Новая надпись из Партенита // ЗООИД.— 1886.— Т. XIV.— С. 58—65; **Он же.** Сборник греческих надписей...— С. 74—77.

Три документа («Житие», доска из базилики и эпитафия) свидетельствуют о весьма длительном (по крайней мере с половины VIII и до половины XV в., т. е. на протяжении 700 лет) существовании сравнительно небольшого монастыря в Партените.

[8] Аммиан Марцеллин (около половины IV в. н. э.) писал о таврах: «Умилостивляя богов человеческими жертвами и закалывая пришельцев в жертву Диане, которая у них называется Орсилохой, они укрепляли на стенах капища зарезанных, как бы вечные памятники славных деяний» (**Латышев В. В.** Известия древних писателей о Скифии и Тавриде // ВДИ.— 1949.— № 3.— С. 288).

[9] См.: **Бларамберг П.** О предполагаемом местоположении Дианина храма в Тавриде // Одесский альманах.— 1831. Такого же мнения придерживался И. М. Муравьев-Апостол (см. примеч. 13).

[10] **Россия.** — Т. XIV.— С. 770.

[11] **Кеппен П.** О древностях Южного берега и гор Таврических. (Крымский сборник).— Спб, 1837.

[12] **Страбон.** География, VII, IV, 3.

[13] Так, например, считали И. М. Муравьев-Апостол (Путешествие по Тавриде в 1820 г.— Спб, 1823) и др. Но высказывались и другие мнения, в частности, что Криуметопон — это скала у мыса Феолент или даже мыс Ай-Тодор.

У Скилака Кариандского в «Описании моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии» (написано в середине IV в. до н. э.) сказано следующее: «За скифской (землей) народ тавры заселяют мыс материка; а мыс этот вдается в море. В Таврической земле живут эллины, (у которых город) следующий: торговый город Херсонес, мыс Таврической земли Бараний Лоб. Затем опять живут скифы, в земле которых следующие эллинские города: Феодосия, Китей и Нимфей, Пантикапей, Мирмекий. От Истра (Дуная.— **Л. Ф.**) до Баранього Лба три дня и три ночи... От Баранього Лба до Пантикапея день и ночь пути...» (**Латышев В. В.** Известия древних писателей... // ВДИ.— 1947.— № 2.— С. 240—241).

Указания не очень точны. Ясно только, что мыс Бараний Лоб находится между Херсонесом и Феодосией, а пути от этого мыса до Дуная и до Пантикапея (Керчи) относятся по времени как 3 : 1. Наиболее удовлетворяет этому соотношению вроде бы мыс Меганом (восточнее Судака), от которого до устья Дуная около 460 км, а до Керчи — только 160 (отношение 3 : 1). Для Аю-Дага соответственно получаем: до Дуная — 400 км, до Керчи — 220 км (отношение около 2 : 1).

У Скимна в «Землеописании» (написано около 90 г. до н. э.): «Прямо против Карамбиса на противоположном берегу Понта лежит огромная, круто обрывающаяся к морю и высокая гора, называемая Бараньим Лбом; она отстоит от Карамбиса на сутки пути» (**Латышев В. В.** Известия древних писателей... // ВДИ.— 1947.— № 3.— С. 313).

Ясно, что речь идет не о какой-нибудь маленькой скале (как у мыса Феолент), а о высокой обрывистой горе. Правда, сутки плавания от Карамбиса до Баранього Лба — это уж слишком для парусно-весельной галеры или триремы, но Дионисий в «Описании населенной земли», говоря о Бараньем Лбе (и оговаривая, что это туземное название), указывает, что от него до Карамбиса три дня пути (**Латышев В. В.** Известия древних писателей... // ВДИ.— 1948.— № 1.— С. 238). Впрочем, расстояние в 300 км галера может одолеть в штиль за три дня, а при попутном ветре — и за сутки.

У Страбона находим: «После Симболон Лимен (Балаклавы.— **Л. Ф.**), вплоть до города Феодосии тянется таврическое побережье длиной около 1000 стадий. Перед таврическим побережьем находится мыс, далеко выдающийся в море на юг... под названием Криуметопон» (**Страбон.** География, VII, IV, 3).

У Арриана Флавия Бараний Лоб не упомянут, но у Псевдо-Арриана (V в. н. э.) сказано следующее: «Напротив Карамбиса в Европе лежит огромнейший мыс, обрывистая со стороны моря гора, называемая Бараньим Лбом и отстоящая от Карамбиса на сутки плавания» (**Латышев В. В.** Известия древних писателей... // ВДИ — 1948.— № 4.— С. 227). Это наверняка заимствованные из значительно более ранних сочинений сведения, но они не уточняют положения Баранього Лба.

У Плиния (Гай Плиний Секунд. 2—79 гг. н. э.) в «Естественной истории» (кн. IV) находим уточняющие сведения: «Затем (после Херсонеса, вдоль Южного берега.— **Л. Ф.**) следуют: мыс Партений (вероятно, Феолент.— **Л. Ф.**), таврский город Плакий, порт Символов (Балаклава.— **Л. Ф.**), мыс Бараний Лоб насупротив азиатского мыса Карамбиса и выдающийся до середины Эвксина (Черного моря.— **Л. Ф.**) с промежутком в 170 000 шагов... За ним лежат многие таврские порты и озера (? — **Л. Ф.**). Город Феодосия отстоит от Баранього Лба на 125 000 шагов, а от Херсонеса — на 165 000...» (**Латышев В. В.** Известия древних писателей... // ВДИ.— 1949.— № 2.— С. 282). Из всех возможных мысов между Херсонесом и Феодосией (Феолент, Айя, Сарыч, Святой Троицы, Ай-Тодор, Никитский, Аю-Даг, Меганом) только Аю-Даг можно назвать высокой обрывистой горой, далеко выдающейся в море и схожей с бараньим лбом. Но в разное время под Бараньим Лбом могли разуметь по крайней мере три мыса: Аю-Даг, Ай-Тодор, Сарыч. Подробнее об этом см.: **Фирсов Л. В.** Отождествление мыса Бараний Лоб (Криуметопон) древних авторов с мысами Южного берега Крыма. 1968 (рукопись) (хран. в архиве ОАСА и архиве Института археологии АН СССР, Москва).

X

[1] **Прокопий Кесарийский.** О постройках (III, 7)/пер. С. П. Кондратьева // ВДИ.— 1939.— № 4.— С. 249.

[2] **Хождение** за три моря Афанасия Никитина, 1466—1468. (В серии «Литературные памятники»).— М., 1948.— С. 31.

[3] **Кропоткин В. В.** Клады византийских монет на территории СССР // САИ.— 1962.— Е4-4.— С. 33, пункт 203.

[4] Там же.— С. 33, пункт 198.

[5] Там же.— С. 34, пункт 210.
[6] Там же.— С. 34, пункт 209.
[7] Там же.— С. 33, пункт 202.
[8] Там же,— С. 34, пункты 215—217, 220.
[9] **Якобсон А. Л.** Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК.— 1954.— Вып. 53.— С. 109—120.

XI

[1] **Кеппен П. И.** О древностях Южного берега и гор Таврических. (Крымский сборник).— Спб, 1837.— С. 173, примеч.
[2] **Дорогой** тысячелетий.— Симферополь, 1966.— С. 58.
[3] Перевальным стенам посвящена одна из последних глав нашей монографии. Считают, что именно они и есть те самые «длинные стены», построенные по указанию Юстиниана I в стране Дори, о которых упомянул Прокопий. См.: **Домбровский О. И.** Древние стены на перевалах Главной гряды Крымских гор // Археология (Киев).— 1961.— № 11; **Соломник Э. И., Домбровский О. И.** О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма.— Киев, 1968.— С. 11 и сл. Ряд факторов, однако, этого не подтверждает, требуется специальное обсуждение (см. главу III, примеч. 6).
[4] Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, где локализовать страну Дори (см. главу III, примеч. 4), но, как увидим ниже, и сами перевальные стены (их положение на местности и направление панцирей) в некоторых случаях дают четкое представление о том, куда они были обращены.

XIII

[1] **Кеппен П. И.** О древностях Южного берега и гор Таврических. (Крымский сборник).— Спб, 1837.— С. 177—179. Иллюстраций в цитированном разделе нет.
[2] **Бертье-Делагард А. Л.** Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК.— 1920.— 57.— С. 80—81.
[3] См., например: **Россия.**— Т. XIV.— С. 763, а также некоторые путеводители по Крыму.
[4] **Бертье-Делагард А. Л.** Исследование некоторых недоуменных вопросов...— С. 85.

XIV

[1] **Россия.**— Т. XIV.— С. 57, 62—69. Исчерпывающие сведения о климатических особенностях Ялты читатель найдет в многочисленных справочниках и путеводителях по городу-курорту.
[2] С названием *Ялта* созвучно также ιαλλω — пускать, посылать, отправлять, простирать, налагать и т. д. или ιαλτός — посланный. Как эти значения относятся к самой Ялте, однако, не ясно. Не является ли название города искажением от αλινος — некаменистый? Это соответствовало бы низинности берега между устьями речек Гувы и Учан-Су. Этимологические поиски в данном случае (впрочем, как и во многих других) осложняются тем обстоятельством, что мы не можем установить время возникновения названия *Ялта*. Искать ли его корневую основу в старогреческом или новогреческом лексиконе — любой выбор на этот счет будет небесспорным.
[3] **Городцов В. А.** К вопросу о киммерийской культуре // Тр. секции археологии РАНИОН.— М., 1928.— Т. II.— С. 55. Топор-кельт автором отнесен к киммерийской культуре.
[4] См.: **Лыжин Н. И.** Отчет о поездке в Крым летом 1890 г. с антропологической целью // ИОЛЕАЭ.— 1890.— Т. 68, вып. 9.— С. 339; **Шмит Ф. И.** Археологический очерк работ на Южном берегу Крыма // ИГАИМК.— 1935.— Вып. 109.— С. 189; **Данилевич В.** Пособие по курсу русских древностей.— Киев, 1913.— С. 137; **Он же.** Курс русских древностей.— Киев, 1908.— С. 144; и др.

[5] **Толстой И.** Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте.— Пг, 1918.— С. 108; **Кобылина М. М.** Краснофигурная пелика Ялтинского музея // КСИИМК.— 1947.— Вып. XIV.— С. 53—60; **Розанова Н. П.** Эпиграфические памятники Ялтинского музея // ВДИ.— 1951.— № 1.— С. 152; **Пятышев Н. В.** Античные влияния на культовую скульптуру Причерноморья // ВДИ.— 1946.— № 3.— С. 181.
[6] **Петров Н.** Известия церковного археологического общества за август 1873 года // Тр. Киевской духовной академии.— 1875.— Окт. — С. 164.
[7] **Лашков Ф.** Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймакамами в 1783 году // ЗООИД.— 1886.— Т. XIV.— С. 111, 140.
[8] **Сумароков П.** Досуги крымского судьи.— Спб. 1805.— С. 206.
[9] **Montpéreux D. de.** Voyage autoure du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie, et en Crimee.— Paris, 1843.— P. 64—65.
[10] **Репников Н. И.** Археологические работы Академии наук на новостройках в 1932—33 гг. // ИГАИМК.— 1935.— Вып. 109.
[11] **Кеппен П. И.** О древностях Южного берега и гор Таврических. (Крымский сборник).— Спб, 1837.— С. 186.
[12] Н. И. Репников считал Учансу-Исар замком VII—XII вв. (Археологические работы...— С. 198). Находка поливной керамики указывает и на более позднее время. Поливная керамика была известна также Е. И. Виснеовской.
[13] **Кеппен П. И.** О древностях...— С. 186.

XV

[1] Раскоп проводили сотрудник Ялтинского историко-археологического музея Ю. Н. Скобелев, входивший в состав отряда О. И. Домбровского, а также О. И. Домбровский, Е. А. Паршина и автор.
[2] **Кеппен П. И.** О древностях Южного берега и гор Таврических. (Крымский сборник).— Спб, 1837.— С. 190.
[3] Определение Е. А. Паршиной.
[4] Определение Е. А Паршиной.
[5] Обзор средневековой керамики Таврики см. в монографии: **Якобсон А. Л.** Керамика и керамическое производство средневековой Таврики.— Л., 1979.
[6] Расчет по способу *Б* производится на основании среднестатистического числа обломков от одной единицы керамического изделия: черепица — 3—20 обломков (в среднем 10), амфора или крупный кувшин — 50—100 (в среднем 75), пифос — 100—300 (в среднем 200), единица мелкой посуды — 10—50 (в среднем 25). Точность расчета по способу $Б \pm 20\ \%$. Этого вполне достаточно, чтобы избежать крупных просчетов в определении соотношения типов керамических изделий.
[7] Расчет по способу *В* производится с учетом веса обломков. Для этого не обязательно иметь в полевой обстановке весы и гири. Весы можно изготовить из подручных материалов (палки, фанера, веревки), гирями служат сами керамические обломки (относительное взвешивание). Расчет ведется из предположения, что вес целых изделий следующий: черепица — 5—7 кг, средних размеров амфора — 5—7, крупный пифос — 150—200 кг, т. е. соотношение веса этих изделий близко к 1 : 1 : 30. Определив весовое соотношение обломков в сборах (например, для Ореанды: амфоры — 1 (принято за единицу), пифосы — 4,5, черепица — 18,5, в сумме — 24 усл. ед. веса), легко рассчитать отношение между условно-целыми единицами керамических изделий. Разумеется, и от этого метода нельзя ожидать большой точности, так как вес керамических изделий колеблется в очень широких пределах. Однако погрешности расчета, как бы они ни были велики в частных случаях, при массовом сборе керамики лежат в пределах статистических допусков.
[8] Расчет керамики на «среднюю кровлю» жилища имеет смысл только в том случае, если привлекается массовый материал — подъемный и из раскопок. При этом получается статистически осредненное соотношение основных типов керамических изделий, характеризующее поселение (или укрепление, или любой сложный археологический комплекс) и отнесенное ко всему периоду его

функционирования, точнее, к тому времени, к которому относится данная керамика. Следует иметь в виду, что долговечность использования различной керамики неодинакова, и если кровельная черепица служит очень долго, то гончарная посуда, особенно тонкостенная, малоемкая (так сказать, ходовая), приходит в негодность от разных случайностей.

[9] **Уваров А. С.** Ореандовская пещера // Сборник мелких трудов.— М., 1910.— С. 157.

[10] **Репников Н. И.** Археологические работы Академии наук на новостройках в 1932—33 гг. // ИГАИМК.— 1935.— Вып. 109. В 1967 г. дислокация стоянок эпохи энеолита в районе Ореанды подтверждена находками Ю. Г. Колосова.

[11] **Лыжин Н. И.** Отчет о поездке в Крым летом 1890 г. с антропологической целью // ИОЛЕАЭ.— 1890.— Т. 68, вып. 9.— С. 339.

[12] **Лесков А. М.** Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры.— Киев, 1965.— С. 89 и сл., рис. 34.

XVII

[1] **Кеппен П. И.** О древностях Южного берега и гор Таврических. (Крымский сборник).— Спб, 1837.— С. 194.

[2] **Дорогой** тысячелетий.— Симферополь, 1966.— С. 56—61. Кроме того, пользуюсь сведениями, полученными от О. И. Домбровского лично.

[3] **Бабенчиков В. П.** Средневековая гончарная печь в Мисхоре // КС АН СССР.— 1957.— Вып. 7.— С. 111. Автор относит печь к VIII—X вв.

[4] **Чекалев Н.** Предполагаемые кельтские жертвенники на Южном берегу Крыма // ЗООИД.— 1867.— VI.— С. 516.

[5] **Российский** исторический музей. Указатель памятника.— М., 1893.— С. 451.

[6] **Каталог** собрания древностей графа А. С. Уварова.— М., 1887.— С. 33—35.

[7] Сведения о раскопках Х. И. Крис приведены в отчете: **Шульц П. Н.** О разведочных раскопках таврского укрепления на горе Кошка в 1950 г. // Архив ОАСА. См. также: **Шульц П. Н.** Таврское укрепленное поселение на г. Кошка в Крыму // КС АН СССР.— 1957.— Вып. 7.— С. 65; **Соломоник Э. И.** Сессия по итогам археологических исследований в Крыму // ВДИ.— 1951.— № 4.— С. 232.

XVIII

[1] Раскопки проводились в 1963 г. Их вели П. Н. Шульц, О. И. Домбровский и Л. В. Фирсов.

[2] **Кеппен П. И.** О древностях Южного берега и гор Таврических. (Крымский сборник).— Спб, 1837.— С. 192—193.

[3] См.: **Кондараки.** Универсальное описание Крыма.— Николаев, 1873.— С. 169.

[4] **Ростовцев М. И.** Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость // ЖМНП.— 1900.— Март.— С. 140—158; **Он же.** Святилище фракийских богов и надпись бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК.— 1911.— Вып. 40.— С. 1—42. Расшифровка упомянутых в тексте штемпелей на римской кровельной черепице произведена М. И. Ростовцевым.

[5] Обзор географических сведений Плиния и Птолемея по Северному Причерноморью см.: **Ельницкий Л. А.** Знания древних о северных странах.—М., 1961. Плиний в числе шести городов Таврики упоминает Харакены, но по контексту следует, что этот город находился внутри страны (**Латышев В. В.** Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ.— 1949.— № 2.— с. 281). Среди названных им пунктов Южного берега Харакса нет, но принято считать, что Харакс и Харакены — один и тот же пункт (что не доказано). Харакс упомянут в списке пунктов Таврики у Клавдия Птолемея, причем по указанным им координатам он должен был находиться поблизости от мыса Бараний Лоб (Криуметопон), т. е. в зоне Южного берега (Там же.— С. 240).

[6] **Блаватский В. Д.** Харакс // МИА.— 1951.— № 19.

[7] **Кеппен П. И.** О древностях...— С. 160. Этим напоминанием я отнюдь не хочу сопоставить водопроводы Кастеля и Харакса по времени и происхождению. В разные эпохи (включая и современную) проблемы водоснабжения некоторых береговых пунктов решалась одинаково — устройством напорных водоводов.

[8] **Шульц П. Н.** О некоторых вопросах истории тавров // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху.— М., 1958.— С. 248.

[9] **Лесков А. М.** Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры.— Киев, 1965.— С. 39 и сл.

[10] **Блаватский В. Д.** Харакс.— С. 264—272, 290—291.

[11] **Кроноткин В. В.** Клады римских монет на территории СССР // САИ.— Г 4-4.— М., 1961.— С. 66.

[12] Там же.— С. 63—65.

[13] Там же.— С. 66. Распределение монет в серии Верхней Аутки по времени отражает картину максимумов и минимумов в поступлении римских денежных знаков в Северное Причерноморье; ср. с данными В. В. Кроноткина (с. 30, табл. 7).

[14] **Зограф А. Н.** Античные монеты // МИА.— 1951.— № 16.— С. 207 и сл.

[15] **Арциховский А. В.** Основы археологии.— М., 1955.— С. 154.

[16] **Гай Светоний Транквилл.** Жизнь двенадцати цезарей.— М., 1964.— С. 154.

[17] В Хараксе было найдено три алтаря, посвященных «Юпитеру Лучшему Величайшему», стоявших в святилище бенефициариев — стражи vial militares военных дорог и ординарцев наместников провинций (**Ростовцев М. И.** Святилище фракийских богов...; **Блаватский В. Д.** Харакс.— С. 256—257, рис. 6; **Дьяков В. Н.** Древности Ай-Тодора.— Ялта, 1930.— С. 31). Алтари хранились в Ялтинском музее, но пропали во время войны. Один из них был посвящен Юпитеру бенефициарием Титом Флавием Цельсином. В 1957 г. в проскении античного театра в Херсонесе, открытого под остатками средневекового крестообразного храма, был найден алтарь, похожий по форме, размерам и материалу (сарматский известняк, отсутствующий на Южном берегу Крыма) на алтарь из Харакса; посвящен тем же Титом Флавием Цельсином: «Богине Немесиде Хранительнице Тит Флавий Цельсин, бенефициарий консуляра XI Клавдиева легиона, за спасение себя и детей поставил по обету» (**Соломник Э. И.** Алтарь Немесиды из Херсонеса // ВДИ.— 1960.— № 2.— С. 133—139). Харакс, следовательно, был связан с Херсонесом сухопутной дорогой, имевшей военное значение (см. главу XXIII). Можно полагать, что либо на этом пути, либо плывя морем Тит Флавий Цельсин подвергся опасности (нападению пиратствующих жителей Южного берега!), чем и объясняется посвящение алтаря Немесиде.

[18] Было высказано мнение, что весь обряд захоронения на Ай-Тодорском могильнике (видимо, имелись в виду два-три трупоположения среди преобладающих погребений праха в амфорах) совпадает с обрядом полей погребений на Украине. Отсюда делались выводы о славянском типе могильника. К славянскому типу относился и погребальный инвентарь (**Смирнов А. П.** К вопросу о славянах в Крыму // ВДИ.— 1953.— № 3.— С. 32). Позднее А. П. Смирнов повторил ранее им сказанное («Вместе с сарматами и праславянами, оставившими такой памятник, как могильник Харакса в Крыму...» — см.: **Смирнов А. П.** Скифы.— М., 1966.— С. 119). Но вот что писал по поводу этого же могильника его первооткрыватель и исследователь В. Д. Блаватский: «Раскопанный могильник Харакса относится к тому периоду, когда Крымское побережье было оставлено римлянами и эта территория стала ареной готского вторжения. Однако некрополь Харакса не заключает ничего специфически готского. Нужно думать, что в данном некрополе погребались потомки обитателей canabae, культура которых имела смешанный характер. Об этом свидетельствует погребальный ритуал. Возможно, с римским гарнизоном Харакса можно связать сожжение покойников, на долю местного населения приходится обычай класть в могилу лепные сосуды из грубой глины, зубы животных и осколки кремней, которые встречались в некоторых могилах (Харакс.— С. 274). Как видим, первоисследователь вовсе не подразумевал славян или праславян, а обстоятельная

опись находок в могилах, сделанная им, не содержит ничего, что могло бы дать основание А. П. Смирнову прийти к выводу о славянах.

[19] **Страбон.** География, V, II, 7; XVII, III, 20.

[20] **Шуази Огюст.** Строительное искусство древних римлян.— М., 1936.— С. 16—22.

[21] **Шуази Огюст.** История архитектуры.— М., 1935.— Т. 1.— С. 488—489.

[22] **Блаватский В. Д.** Харакс.— С. 281, 287, 288.

[23] **Значко-Яворский И. Л.** Очерки истории вяжущих веществ от древнейших времен до середины XIX века.— М., 1964.— С. 119 и сл.

[24] **Витрувий.** Десять книг об архитектуре.— М., 1936.

[25] **Шуази Югюст.** Строительное искусство древних римлян.— С. 91.

[26] **Блаватский В. Д.** Харакс.— С. 280.

[27] Кольцо имеет трехгранное сечение, диаметр — 25—27 мм, толщина ободка — 4—6, ширина ободка — 4—5 мм, сбоку заметен след отсеченного литникового прилива (отливка на плоской матрице). Подобные кольца известны из средневековых слоев Херсонеса. См.: **Якобсон А. Л.** Раннесредневековый Херсонес // МИА.— 1959.— № 63.— С. 322—324, рис. 174, 175.

[28] Некоторые из них сохранились в Ялтинском музее и находятся в экспозиции (в историко-археологическом филиале музея, в армянской церкви).

XIX

[1] Название *Дакакнали*, возможно, происходит от греческого δαγκανάρι — клешня, клещи, тогда как татарское *топрах* означает глина, земля (от *туфрах*). Может быть, это случайное сочетание, но мыс действительно представляет собой как бы клешню, охватывающую бухточку.

[2] **Кеппен П. И.** О древностях Южного берега и гор Таврических.(Крымский сборник).— Спб, 1837.— С. 191. Еще раз подчеркнем: Кеппену не было известно, что на мысу Ай-Тодор находятся остатки римской крепости Харакс; это укрепление, как и другие на Южном берегу, он относил к византийским. Может быть, именно поэтому его внимание было отвлечено от развалин на мысу Исар, о которых он сообщает только то, что цитировано нами в тексте.

[3] **Дорогой** тысячелетий.— Симферополь, 1966.— С. 60. Мнение это высказано О. И. Домбровским исключительно на основании находок поливной керамики в подъемном материале в окрестностях Ласточкина гнезда.

[4] **Макаров М.** Ялта. Историко-краеведческий очерк.— Симферополь, 1956.— С. 23. Впервые такое толкование названия *Мисхор* было дано А. Л. Бертье-Делагардом (Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК.— 1920.— № 57.— С. 17—18.

XX

[1] **Кеппен П. И.** О древностях Южного берега и гор Таврических. (Крымский сборник).— Спб, 1837.— С. 198—202.

[2] **Дьяков В. Н.** Таврика в эпоху римской оккупации // Уч. зап. МГПИ.— 1942.— Т. XXVIII, Вып. 1.

[3] **Шульц П. Н.** Предварительный отчет о раскопках таврского укрепленного поселения на горе Кошка в 1950 г.// Архив ОАСА; **Он же.** О разведочных раскопках таврского укрепленного поселения на горе Кошка в 1950 г.// Архив ОАСА.— 1954; **Он же.** Таврское укрепленное поселение на горе Кошка в Крыму // КСИА.— 1957.— Вып. 7; **Он же.** О некоторых вопросах истории тавров // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху.— М., 1959.— С. 236—272.

[4] А. М. Лесков, например, безоговорочно принимает материалы и выводы работ Тавро-Скифской экспедиции. На страницах его монографии гора Кошка фигурирует как укрепленное таврское убежище (**Лесков А. М.** Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры.— Киев, 1965).

[5] Много интересных сведений о Кацивели содержится в книге: **Шулейкин В. В.** Дни прожитые.— М., 1964.

[6] Во времена Кеппена постройка на караульной площадке имела не лучшую сохранность. Кеппен писал: «...видны следы четвероугольного строения, может быть, какой-либо караульни» (О древностях Южного берега...— С. 199). Замечание о четырехугольности нужно считать неточным. П. И. Кеппен в некоторых случаях, например в Палеокастроне, Лимена-Кале и других укреплениях, за остатки стен принимал естественные скальные выходы известняков.

[7] **Кеппен П. И.** О древностях Южного берега...— С. 201.

[8] **Шульц П. Н.** Предварительный отчет...— С. 9. Именно в этом отчете упомянута и находка вяжущего раствора В. А. Алибицким, но из этого не были сделаны какие-либо заключения.

[9] Рекогносцировки в Лименской долине и окрестностях Симеиза дают обильный материал средневекового времени. Только в Лименской долине насчитывается более пяти пунктов сосредоточения культурных остатков, в частности в соседстве с подножиями горы Кошка и Обсерваторской горки. Вместе с тем местами здесь были найдены обломки гончарной посуды эллинистического типа, что наряду с другими фактами служит доказательством заселения Лимен и Симеиза уже в античное время.

[10] **Лыжин П. И.** Отчет о поездке в Крым летом 1890 года с антропологической целью // ИОЛЕАЭ.— 1890.— Т. 68, вып. 9.— С. 339.

[11] Тр. XIII археолог. съезда.— 1904.— Т. 1.— С. 20, примеч.

[12] **Васнецов А. М.** Древнее Симеизское кладбище // Тр. Моск. археолог. об-ва «Древности».— 1914.— Т. 24: Протоколы.— С. 324—328.

[13] **Шульц П. Н.** Предварительный отчет... Глазомерная съемка могильника проведена С. К. Себекиным. К отчету приложен план размещения каменных ящиков в масштабе 1 : 500 с экспликацией, содержащей данные о размерах.

[14] **Лесков А. М.** Горный Крым...— С. 79. Кстати сказать, и в данном случае работа А. М. Лескова вызывает ложное представление о нескольких могильниках в районе Симеиза. Ссылаясь на раскопки Н. И. Лыжина шести каменных ящиков в горах под д. Средняя Лимена, а на других страницах говоря о могильнике на горе Кошка, автор не уточняет, что это — один и тот же объект.

XXI

[1] **Муравьев-Апостол И. М.** Путешествие по Тавриде в 1820 г.— Спб, 1823.

[2] **Мицкевич Адам.** Крымские сонеты // Собр. соч.— М., 1948.— Т. 1 (сонет «Гора Кикинеиз»).

[3] **Пушкин А.** Полн. собр. соч.: В 10 т.— М., 1957.— Т. IV.— С. 201.

[4] **Кеппен П. И.** О древностях Южного берега и гор Таврических. (Крымский сборник).— Спб, 1837.— С. 202—203.

[5] **Бертье-Делагард А. Д.** Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья Тавриды // ИТУАК.— 1920.— Вып. 57.— С. 17—18.

[6] См.: **Ельницкий Л. А.** Знания древних о северных странах.— М., 1961.— С. 170.

[7] Раскопки на рыночной площади в Керчи проведены Т. И. Макаровой в 1963 г. (см.: **Макарова Т. И.** Средневековый Корчев // КСИА.— 1965.— 104.— С. 70—76). Вскрыты строения Корчева, относящиеся к трем строительным периодам: возможно, Юстиниановский период; город VIII—IX вв.; город от рубежа IX—X вв. до начала XII в., разрушенный и разграбленный половцами. К третьему периоду относятся главная масса поливной керамики и множество стеклянных индигово-синих браслетов — и то и другое византийского производства и аналогично фрагментам поливной керамики и стеклянных браслетов из исаров Южного берега.

[8] В 1967 г. цистерна грота Биюк-Исара была вычищена от каменного завала и оказалась не очень глубокой, оштукатуренной до самого дна. На штукатурке обнаружен процарапанный острым предметом до того, как штукатурка затвердела, стилизованный рисунок животного такого вида, как на знаке некоторых черепиц IX—X вв. из Херсонеса (**Якобсон А. Л.** Раннесредневековый Херсонес // МИА.— 1959.— № 63.— С. 318). Точно такой же знак оказался на одном из обломков черепицы с плато Биюк-Исара (среди материалов О. И. Домбровского и Е. А. Паршиной).

XXII

[1] **Дорогой** тысячелетий.— Симферополь, 1966.— С. 60—62. Кучук-Исаром ошибочно названо укрепление над Чертовой Лестницей (см. главу XXIII). В «России» (т. XIV, с. 758) Кучук-Исар правильно помещен на Кикинеизском мысу, но название это неверно переведено как Большой Исар (а Биюк-Исар — как Малый Исар). Уже говорилось, что *кучук* и *биюк* могут иметь значения «нижний» и «верхний». В самом деле, и здесь Биюк-Исар лежит на несколько сотен метров выше Кучук-Исара.

[2] **Кеппен П. И.** О древностях Южного берега и гор Таврических. (Крымский сборник).— Спб, 1837.— С. 203—204.

[3] Следует еще раз подчеркнуть, что этот расчет не учитывает фактора времени (см. главу XV).

[4] Может сложиться мнение о низкой грамотности средневекового населения. Вообще Крым дает очень мало по части средневековой эпиграфики, однако дело, по всей вероятности, не в безграмотности населения, а в использовании для письма недолговечных материалов. Памятные надписи на камне сопровождают только некоторые средневековые храмы.

[5] В перечисленных ниже работах приведены краткие сведения о находках стоянок «культуры раковинных куч» в районе мыса Святой Троицы — Кикинеиза: **Шмит Ф. И.** Археологический очерк работ на Южном берегу Крыма // ИГАИМК.— 1935.— Вып. 109.— С. 188; **Городцев В. А.** Археологические раскопки и разведки в Советской России с 1919 по 1923 г.// Древний мир.— М., 1924.— Вып. 1.— С. 7; **Репников Н. П.** Археологические памятники // Археологические работы Академии наук на новостройках в 1932—33 г.— 1935.— Вып. 1, раздел VII.— С. 195.

[6] Вскрытый раскоп многометровый холм мусорной свалки античного Мирмекия (в районе Керчи) дает наглядное представление о роли мидии в пищевом балансе жителей этого городка: на долю раковин мидии приходится по меньшей мере 30 % массы холма, остальная его часть — зола, керамика, надувная земля. В античном и средневековом Херсонесе прослойки раковин мидии находятся на всех уровнях культурных отложений. В южнобережных исарах раковины мидии, устрицы, пателлы нередко преобладают среди кухонных отбросов, особенно в береговых исарах и поселениях. В наше время дела обстоят совершенно иначе: в Керчи и Севастополе есть два ресторанчика под многообещающей вывеской «Дары моря», но не ищите в них блюд ни из черноморской кефали и ставриды, ни из черноморских устриц и мидий.

[7] Тр. XIII археолог. съезда.— М., 1908.— Т. II: Протоколы.— С. 204—206; **Данилевич В. Е.** Заметки о древностях в окрестностях д. Кикенеиз Ялтинского уезда // ИТУАК.— 1907.— Вып. 40.— С. 57.

XXIII

[1] **Кеппен П. И.** О древностях Южного берега и гор Таврических. (Крымский сборник).— Спб, 1837.— С. 205—206, примеч. 301.

[2] Мысом Ифигении обычно называют первый скальный утес от санатория «Кастрополь» (см., например: **Лебединский В. И.** По вулканическим местам Крыма.— Симферополь, 1964.— С. 76), но на этом туфопорфиритовом утесе древностей не заметно.

[3] **Никитин Г. А.** О древних памятниках на горе Крестовой, у с. Пещерного и Чертовой Лестницы // История и археология древнего Крыма.— Киев, 1957.— С. 333—334.

[4] **Репников Н. И.** Предполагаемые древности тавров // ИТОИАЭ.— 1927.— Т. 1 (58).— С. 140.

[5] **Россия.**— Т. XIV.— С. 735—736.

[6] **Кеппен П. И.** О древностях...— С. 206—207.

[7] **Домбровский О. И.** Средневековая Таврика и Крымская «Готия» // Дорогой тысячелетий.— Симферополь, 1966.— С. 59—60.

[8] **Якобсон А. Л.** Средневековый Крым.— М.— Л., 1964.— С. 153, примеч. 41. Сомнения и возражения А. Л. Якобсона направлены на то, чтобы опровергнуть мнение о нахождении страны Дори на Южном берегу к западу от Алушты (см. его рецензию на сб.: **Археологические** исследования средневековогоКрыма.— Киев, 1968 // СА.—1971.— № 3.— С. 298—301. К этому взгляду присоединился и автор — см. его статью: О положении страны Дори в Таврике // ВВ.— 1979.— 40.— С. 104—113) и о том, что оборонительные стены на перевалах могут быть отождествлены с «длинными стенами», построенными при Юстиниане I. Вопрос о значении перевалов и горных проходов Южного берега для раннего средневековья не должен ставиться в тесную связь с основным предметом полемики. (*Ред.*)

XXIV

[1] «Форос — имя совершенно историческое. На его месте была генуэзская колония Фори, а прежде того греческое поселение». **Марков Е.** Очерки Крыма.— Спб, 1884.

[2] В эпистолярном наследии Горького почти не находим упоминаний об этих местах. Очень короткие замечания есть только в трех письмах (**Горький М.** Собр. соч.— 1956.— Т. 30.— С. 420, 422, 435).

[3] Раскопка храма проведена О. И. Домбровским, О. А. Махневой и автором в 1967 г.

XXV

[1] **Шапорев Ф. Ф.** Симеиз — Ласпи. (Краеведческий очерк-путеводитель).— Симферополь, 1965.— С. 99 и сл.

[2] Россия. — Т. XIV.— С. 759.

[3] **Кубе А. Н.** Глиняные черепки, найденные на Южном берегу Крыма в имении Ласпи // Сообщ. ГАИМК.— 1926.— 1.— С. 247—257.

[4] **Домбровский О. И.** Предварительный отчет о работе Ласпинского отряда Крымской экспедиции Института археологии АН УССР в 1965 г. // Архив ОАСА; Дорогой тысячелетий.— Симферополь, 1966.— С. 103—105.

[5] Здесь приведены лишь те сведения, которые непосредственно касаются нашей темы об исарах Южного берега, или те, которые отражают наиболее характерные черты археологического комплекса Ласпи.

[6] В сб. «Дорогой тысячелетий» на с. 104 приводятся рисунки пяти надгробий с изображениями сохи, пяльцев (или рамы ткацкого станка), двусторонней секиры, посоха чабана и ножниц. У читателя может создаться впечатление, что все эти надгробия найдены на средневековом могильнике Ласпи. Это не так. Образцами для упомянутой иллюстрации послужили рисунки П. И. Кеппена (О древностях Южного берега и гор Таврических. (Крымский сборник).— Спб, 1837.— С. 23—25) с изображениями на могильных плитах из разных мест. К могильнику Ласпи относится только одно изображение сохи. Кеппен замечает при этом: «Обыкновение иссекать на могильных камнях подобные изображения существовало у крымских греков до времени их переселения на северный берег Азовского моря. Это доказывает, между прочим, следующее изображение сохи, находящееся при опустевшей деревне Ласпи, на надгробной плите какого-то селянина-оратая» (с. 24—25). Место, где находился средневековый могильник Ласпи, так достоверно и не известно. Его еще предстоит найти, а открытие средневековых плиточных могил в нескольких пунктах Ласпинского амфитеатра дает основание заключить, что могильников здесь было несколько, что и понятно, если учесть обширность комплекса поселений и длительность его существования.

[7] **Домбровский О. И.** Предварительный отчет...— Заключение.

[8] **Домбровский О. И.** Средневековая Таврика ...—С. 104—105.

[9] **Муратов М. В.** Континентальные четвертичные отложения Крыма, их соотношения с морскими террасами и возраст // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода.— 1967.— Вып. 35.— С. 67—76. Там же — библиография по вопросу о террасах.

[10] Там же.— Таблицы сопоставлений.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва)
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств (Москва)
Д. ТМАО — Древности. Труды Московского археологического общества
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК — Известия импер. Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МОИП — Московское общество испытателей природы
ОАСА — Отдел античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР (Симферополь)
РАНИОН — Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (Москва)
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников

ИЗ КРЫМСКИХ СОНЕТОВ «ЮЖНЫЙ БЕРЕГ»

ЯЙЛА

На север — скат к предгорьям, не крутой,
На юг — обрыв с карнизами, зубцами,
Бездонная лазурь — над головой,
Плато в бороздках-каррах — под ногами...

От Судака до Ласпи пролегла
Гряда известняков, а дальше — море.
Пустынна каменистая Яйла,
Безлесно травянистое нагорье —

Ландшафта удивительный пример.
За ней под солнцем Южный берег млеет,
Но этот климатический барьер
И смысл рубежный для него имеет:

Преградой были сотенносаженьи
Обрывы для кочевничьих вторжений.

КРАСНАЯ ЗЕМЛЯ

Как смерти саван, бело-серый цвет
Известняков. Бесплодные породы?
Нет. Влага точит камни сотни лет,
Выводит охрой пестрые разводы.

Там, где вода съедает карбонат,
Нет черных почв, но в накопленьях новых
Есть глинозем — остаточный субстрат,
Полно частиц железо-марганцовых.

Распорота бульдозером земля —
Краснеет срез дорожного откоса:
Безжизненные скалы устеля,
Потоком крови рдеет терра роса.

Корнями лоз кровь виноград извлек
И превратил в густой мускатный сок.

БИЮК-ИСАР

Вознесся ввысь гигантский бастион,
На сотню метров, бросив небу вызов,
Всего с одной из четырех сторон —
Лазейка-щель вдоль узеньких карнизов.

В лазури чистой, на вершине — храм
С другой апсиды к летнему восходу.
Строитель мнил, что беды — где-то там,
А в эту крепость им вовек нет ходу.

Увы, в квадратах каменных лачуг
И здесь, под почвой, скрыт прослой пожара.
Тщета надежд, бесплодие потуг!
Неодолимость не спасла исара.

Куда бы ты ни сделал шаг —
Шагая вслед, придет туда же враг.

БУКОВЫЕ ЛЕСА

Чудеснее не знаю я лесов,
Чем буковые, осенью, на склонах.
Причудлива фантазия стволов,
Распороты лучами света кроны.

Под легким дуновеньем трепеща,
Лиан донизу повисают плети,
Шнуры-побеги цепкого плюща
Бока утесов заплетают в сети.

Лежит листва, пушистее ковров,
Шуршащим слоем, золотисто-бурым,
Из-под нее в венцах зеленых мхов
Блестят на солнце валунов тонзуры.

И, словно из хрустального бокала,
Струится воздух с прелью листьев палых.

АЛУШТА

У берега лежит и с двух сторон
Ее сухие окружают реки,
Поэтому немытой, Алустон,
Алушту называли греки.

В шестом столетьи царь Юстиниан
Здесь основал одно из укреплений,
С тех пор ушли в небытия туман
Без малого полсотни поколений.

Дома — модерн, вполне курортный вид,
И тут же — башни генуэзской Лусты.
Такое сочетанье говорит,
Что свято место не бывает пусто.

АЙ-ЙОРИ

От берегов на запад, под Чамны,
Средь леса, у заброшенной дороги,
В плену у заповедной тишины —
Скала-зубец, известная немногим.

С нее открыта побережья ширь,
Далекая Алушта в котловине.
Здесь некогда ютился монастырь
У водопада в сумрачной долине.

Его названье — Ай-Йори, точней —
Святой Георгий. Жалкие остатки
Домов, керамики, раскат камней
Там, где была стена высокой кладки.

Десятки (сотни) древностей открыты
На Южном берегу и вновь забыты.

МОГИЛА П. И. КЕППЕНА (1793—1864)

Подалее Кастеля — Карабах,
Именье в прошлом, в наши дни турбаза.
Дворец и парк на сланцевых горбах —
Чинары, сосны, клены, туи, вязы.

У берега на небольшом мыске
Шумит под ветром кипарисов роща,
На влажной гальке, пляжевом песке
Ритмичная волна слегка полощет.

Надгробье — зеленый диорит.
Справляют сотню лет над ним молебен,
Как иноки, деревья. Здесь зарыт
Ученый, русский немец, Петр фон Кеппен.

Им древний край исхожен и изучен —
Теперь он с ним навеки неразлучен.

ВИА МИЛИТАРИС

Упорно лезет солнца шар в зенит.
Слепит глаза до блеска стертый камень.
Гнетет жара. Который час звенит
Дорожной ленты гладь под каблуками.

Шагаю в след центурии солдат
В крови, но с честью вышедших из боя.
Они бредут с восхода на закат,
За милей милю, строем, в ряд по трое.

От скифских пик, мечей, дубин и стрел
Храни квиритов, грозная Беллона.
Немного их, кто в драках уцелел —
Веди, Арес, остатки легиона...

Каких ни видишь, мысленно, картин,
Когда повдоль дорог идешь один.

СИНИЙ БРАСЛЕТ

Развал камней, бой глиняных корчаг,
Обломки амфор, пифосовы днища,
В углу — золой заполненный очаг,
Две-три монеты на полу жилища —

Невзрачный хлам средневековых лет.
След прошлой жизни, бытия изнанка.
Но брызнул синью извитой браслет...
Да не вчера ли здесь прошла гречанка?

И, в знак надежды, символом любви,
Стеклянный обруч наземь положила.
Верни ее, ушедшею яви
Живою, Клио! Слышишь?.. Грудь заныла:

Дошел из слоя мертвых черепков
Привет, призыв из глубины веков.

АЮ-ДАГ

Медведь-гора со множеством имен:
Бараний Лоб, Биюк-Кастель, Камелло,
Айя-Дагы — пометки всех времен.
Ее святой назвать бы смысл имело.

В подножиях — десятка полтора
Древнейших и недавних поселений,
Киновии, часовни, хутора,
А на вершине — стены укреплений.

Деревьев тень скрывает диабаз,
С уступов скал — чарующие виды,
А издали гора ласкает глаз,
Как символ поэтической Тавриды,

Полна загадок, как сама святая
История полуденного края.

СТАРЫЕ ДОРОГИ

Как много их! Куда они ведут?
Где их конец, в каких местах начало?
Следы дорог увидишь там и тут —
В тени кустов, в долинах и на скалах.

И щебня слой и жухлая листва
Покрыли с верхом старую канаву,
Но разглядишь приметные едва
Две колеи и поворот направо.

Найдешь остатки битого добра —
Обломки чаш, горшков, клейменых ручек:
Когда-то здесь повозка гончара
Скатилась вниз по каменистой круче...

Остались всюду древние пути —
Людей ушедших только не найти.

МИР, СТЕРТЫЙ ТУМАНОМ

Зубец скалы был в прошлом обнесен
Стеной в два роста стражником-солдатом —
Блокпост дорожный, Палеокастрон,
Висящий над крутым лесистым скатом...

Порой весь мир безжалостно сотрет
Покров морского плотного тумана,
И кажется, твоя скала плывет
Над ним, как по безбрежью океана

Гнилая корабельная доска —
Последний шанс, подарок мореходу...

Защемит средце дикая тоска,
И тяга к человеческому роду

Прорежется сильнее и сильней:
Всех бед нам одиночество страшней.

УЧАНСУ-ИСАР

Потоком жизни хлещет водопад
Под радугой трехцветной, рев несносен.
А мир поодаль будто сном объят,
И слышен только тихий шорох сосен.

В тени зеленой, в мачтовом лесу
Мираж веков, замшелая руина —
Кремасто-Неро, крепость Учансу:
Стены саженной ветхая куртина

Обращена проломом на закат,
Ступени входа, стертые до блеска,
Паслен опутал каменный раскат,
Пестрит в кустах лиловая пролеска,

И чьи-то на скале слова любви
Высвечивает солнце... C'est la vie!

ДРЕВОВИДНЫЙ МОЖЖЕВЕЛЬНИК

Как древний Див приземист, узловат,
Растет из скал бесплодных еле-еле
Не кипарис, но кровный, дикий брат,
Урод корявый — крымский можжевельник.

Засох, изрублен, молнией разбит,
Истерзан в схватке с острыми камнями,
Смолистый ствол искручен, перевит,
Расклинил щели цепкими корнями.

Одна лишь ветка хлещет на ветру,
Еще живет, забытая судьбою,
И тень дает в полдневную жару,
На неба синь клочком набросив хвою.

В борьбе за жизнь не пасть, а устоять —
Какой же силой надо обладать!?

БЕРЕГ С ГОР

Заныло сердце, дрогнула нога,
Напряжена: дай Бог не оступиться!
До края бездны — только полшага,
А сделав шаг — уже не возвратиться.

Мгновеньем схватишь ниточки дорог,
Людей пылинки, кубики строений,
На россыпь глыб, твой упреждая срок,
Падет пятно к земле летящей тени.

Мелькнешь комком над войлоком лесов,
Промчишься мимо скал нагроможденья,
Увидишь зубья вздыбленных мысов
В последний миг последнего паденья...

И без познанья, хитрый, злобный враг,
Толкает к краю: «Сделай, сделай шаг!»...

ЗЕЛЕНЫЙ ЛУЧ АЙ-ТОДОРА

Полночный берег россыпью огней
Вступает в спор со звездами вселенной,
Морская гладь черна, и след на ней
Соткала нитью серебра Селена.

В коротких вспышках виден силуэт
Когтистой лапы мыса у Мисхора —
Зеленый луч, надежд и жизни свет,
Как клич бросает башня Ай-Тодора.

Одни ли мы в тисках земных оков?
В какой дали мерцает мысль иная?
Быть может, искры наших маяков
Летят и гаснут, в цель не попадая?

Что если их ничей не ловит глаз,
И нет нигде зовущих, кроме нас?

РОДНИКИ

Иссяк и смолк извилистый ручей,
Сухи и душны тесные овраги,
Палима жаром солнечных лучей,
Твердеет почва, тщетно жаждет влаги.

Безводно русло высохшей реки,
Но в толщах гальки движутся потоки,
В подножьях скал сочатся родники,
Росой потеют каменные блоки.

Источник каждый именем почли.
О них немало сказочных поверий.
Струит вода, живая кровь земли,
Из тонких трещин, вспоротых артерий —

Бесценный, чистый, жизнь дающий сок,
И мерой служит для него глоток.

УДАРЫ ИЗ НЕДР

Три толщи глыб, под каждой — мощный слой:
Немая жуть бытейской мешанины.
Три раза встарь селенья под горой
Смели мгновенным натиском лавины.

Внезапней нет, неотвратимей кар!
Трясет земля — никто не жди пощады.
Тревожный гул, удар, еще удар —
Жилища гибнут, валятся ограды.

Там берег рухнул, там промчался сель,
Обвал накрыл сады, дороги, пашни,
Разверзлась пастью каменная щель —
И хрустнул панцирь у дозорной башни...

Так злоба зреет в душах много лет,
Как в недрах мощь,— причина наших бед.

ТАВРСКИЕ КАМЕННЫЕ ЯЩИКИ

Века над Симеизом шелестят,
В картину жизни вносят перемены,
Но все еще незыблемо стоят
На Кош-Кая древнейшие дольмены.

Возведено впритык, к ребру ребро,
Каре из плит — могильный тесный ящик,
Штрих прошлого хранит его нутро —
Лежит в нем тавр, далекий дикий пращур.

Под слоем щебня — скорченный скелет,
Десяток гладких раковин каури,
Лощеный кубок, бронзовый браслет
И бусины египетской глазури —

Сокровища убоги и скромны,
Но только им обычной нет цены.

СУДЬБА КНИГИ
(Вместо послесловия)

Вы держите в руках необычную по форме и содержанию книгу. Первое, что, очевидно, удивит читателя, это то, что она посвящена средневековым памятникам Крыма, а выходит в Сибирском отделении издательства «Наука». Невольно возникает вопрос, какая связь между этими двумя объектами, расположенными в различных частях света, на расстоянии тысяч километров один от другого. Еще одно. Автор книги — геолог, и может показаться, что он вторгается не в свою область — историю средневековья. В довершение же всего в научной книге помещены стихи, посвященные Крыму. Однако все эти парадоксы и противоречия только кажущиеся: ответы на многие вопросы можно найти на страницах книги в тексте автора и примечаниях редакции.

Но некоторые вопросы нуждаются в дополнительном пояснении.

Труд Л. В. Фирсова уникален во многих отношениях. За эту работу мог взяться только такой разносторонне образованный, фанатично увлеченный и наделенный многими талантами человек, каким был Лев Васильевич. Именно ему оказался по силам непростой поиск истины там, где, казалось бы, нет места сомнению, сокрушение многих устоявшихся стереотипов (в частности, мнения о принадлежности исследуемых укреплений таврам), отказ от бытовавших долгое время в археологии догм и создание своеобразной концепции истории Северного Причерноморья.

В связи с судьбой книги и ее автора хочется еще раз подчеркнуть универсальную значимость науки и научного поиска ученого, не знающего административно-территориальных границ и ведомственной принадлежности, своеобразную экстерриториальность, интернациональность, космополитизм, в лучшем смысле этого слова, научных выводов.

Лев Васильевич родился и вырос в Москве, получил высшее образование на геологическом факультете Московского государственного университета. По собственному желанию уехал на Крайний Северо-Восток страны, в Магадан, где и работал начальником геологической партии, заместителем директора Северо-Восточного комплексного Научно-исследовательского института ДВНЦ АН СССР. Там же он создал лабораторию геохронологии. Другой его любовью, своеобразным полигоном отработки и проверки научных методик радиоуглеродного датирования стал Крым, с которым он

надолго связал свою судьбу, используя для поездок туда отпускное время. В Крыму он занимался археологией, наукой, которую считал непосредственным продолжением четвертичной геологии.

В 1963 г. Л. В. Фирсов был приглашен в Институт геологии и геофизики СО АН СССР, переехал в Новосибирск, где также создал лабораторию четвертичной хронологии, работа которой основывалась на применении метода радиоуглеродного датирования. И вплоть до 1970 г. он почти каждый год ездил в Крым, участвовал в проводимых там раскопках и самостоятельно исследовал средневековые укрепления.

Льва Васильевича отличали отсутствие предубеждений, стереотипов, трезвый, скептический взгляд на вещи, жгучее желание познать непознанное, он не робел перед авторитетами, был независим в суждениях. Л. В. Фирсов прямо и аргументированно отстаивал свою точку зрения, искал объективную истину, критиковал исследователей за допущенные ошибки, неточности, принятие на веру не подтвержденных фактами гипотетических построений, приверженность устоявшимся и не всегда обоснованным взглядам.

Однако это совсем не означает, что Лев Васильевич был нетерпим к своим коллегам и оппонентам — историкам и археологам. Он с большим уважением относился к П. Н. Шульцу, О. И. Домбровскому, А. Л. Якобсону. Вместе с ними он не только обсуждал многие вопросы, получившие отражение в книге, но и вел раскопки храмов, укреплений и жилищ. Очень высоко ценил Лев Васильевич первоисследователя исаров П. И. Кеппена. Ему, известному ученому в области статистики, этнографии, члену Российской Академии наук он посвятил свою книгу. С теплотой и уважением пишет Л. В. Фирсов о Е. И. Виснеовской, краеведе, всю свою жизнь занимавшемся выявлением и учетом крымских древностей. И П. И. Кеппен и Е. И. Виснеовская являли для него пример научной добросовестности, верного служения своему профессиональному и человеческому долгу. Этими качествами был наделен и Л. В. Фирсов.

Данная книга строго документальна. Историкам, археологам, краеведам, составителям свода памятников, любителям крымских древностей и путешествий она может стать своеобразным и надежным путеводителем по забытым дорогам прошлого. О многих исторических памятниках, описанных в ней, чье исчезновение с лица земли под воздействием антропогенного и техногенного факторов неизбежно, можно будет узнать только благодаря упорству и целеустремленности Льва Васильевича.

В книге можно найти сведения по геологии, географии, сейсмологии, навигации, биологии, палеонтологии, климатологии, топонимике, гражданской и военной архитектуре, демографии, статистике, литературе и источниковедению. Автор проводит расчеты возможных объемов строительных работ, источников сырья, материалов, воды и т. д. И в этом сказывается своеобразное, геологическое и естественноисторическое, видение автором окружающего мира.

Вместе с тем эта книга написана живо и увлекательно. Недаром Л. В. Фирсов назвал ее очерками. В ней нет сухого академизма и

напускного наукообразия. Она глубоко научна по сути и доступна, популярна по содержанию. За каждой строкой — не только взвешенность суждений и оценок, но и сомнения, радости и печали автора. Льву Васильевичу было присуще удивительное чувство времени и места, чувство истории, без которого в ней нельзя разобраться.

Л. В. Фирсов действительно был человеком страстным, увлеченным своей работой. Как здесь не вспомнить слова И. А. Крылова, писавшего без малого двести лет назад в «Послании о пользе страстей»:

Они ведут науки — к совершенству,
Глупца — ко злу, философа — к блаженству.
Хорош сей мир, хорош: но без страстей
Он кораблю б был равен без снастей *.

Страстность, преданность своему делу помогли Льву Васильевичу достигнуть высокого совершенства в области радиоуглеродного метода датирования, который он постоянно развивал. Своим трудом он оказал большое влияние на совершенствование методов археологического поиска и датирований остатков древних культур.

Книга содержит большое количество иллюстраций — чертежи, схемы, реконструкции и фотографии. Ее украшают рисунки автора.

В авторе книги счастливо сочетались геолог, археолог, историк, философ, поэт, нумизмат. Феномен Л. В. Фирсова еще ждет своего исследователя.

Лев Васильевич не успел закончить свою книгу, но это не умаляет ее достоинств: каждая глава — это законченное, логически завершенное произведение, имеющее четкую структуру.

Первым по достоинству оценил книгу профессор А. Л. Якобсон, взявший на себя труд подготовки рукописи к печати. Вскоре после кончины Л. В. Фирсова с ней ознакомился и горячо поддержал идею ее издания академик А. П. Окладников. В то время, а это был 1981 год, существовало множество ограничений в издательском деле. Книга не должна была превышать объема 20 печатных листов, а разбитая на части — иметь одно название. Первая часть уже была рекомендована к печати Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР. Но умер А. П. Окладников, а спустя некоторое время и А. Л. Якобсон. Книга была отложена. Мною принимались меры к тому, чтобы заручиться поддержкой РИСО АН СССР, но вслед за заверениями в поддержке следовали ссылки на жесткие ограничения издательских возможностей Академии наук со стороны Госкомиздата. Не известно, когда бы эта книга увидела свет, если бы, наконец, не были отменены многие условности и ограничения, а родной для Л. В. Фирсова Институт геологии и геофизики СО АН СССР не выделил необходимый листаж. Активно содействовали изданию книги продолжатель дела Льва Васильевича в области радиоуглеродного анализа канд. геол.-мин. наук Виктор Алексеевич Панычев (теперь, к сожалению, тоже безвременно умерший) и вдова ученого Ида Тимофеевна Фирсова.

---

* **Крылов И. А.** Избранные произведения. 1792—1839.— М., 1979.— С.68.

Один из певцов Крыма, Л. В. Фирсов жил и работал главным образом в Сибири. И теперь в Сибири выходит его книга.

Если в Ваши руки попадет эта книга, не спешите откладывать ее в сторону. Раскройте ее на любой странице и Вы уже не сможете оторваться. А если Вы любите Крым и его историю, то она может стать Вам надежным путеводителем, спутником на многие годы.

Эта книга — памятник, что воздвиг себе неутомимый труженик, подвижник науки, искусства и литературы, искатель истины Лев Васильевич Фирсов.

А. К. Конопацкий

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ 5
ВВЕДЕНИЕ 7
Глава I. ГОРЫ, ЛЕСА, МОРЕ — ЛАНДШАФТ ЮЖНОГО БЕРЕГА 14
Глава II. КРЕМНИ, МИФЫ, РУИНЫ — ПРЕДЫСТОРИЯ И АНТИЧНАЯ ЭПОХА КРЫМА 35
Глава III. КРЫМСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: НЕСКОНЧАЕМЫЕ ВОЛНЫ ПРИШЕЛЬЦЕВ 47
Глава IV. АЛУШТА — ВХОД НА ЮЖНЫЙ БЕРЕГ 61
Глава V. АЙ-ЙОРИ — МОНАСТЫРЕК НА ГОРНОЙ ДОРОГЕ 73
Глава VI. КУЧУК-ЛАМБАТ — УГАСШИЙ МАЯК ДАЛЕКОЙ ЭПОХИ 87
Глава VII. БИЮК-ЛАМБАТ, МАЛЫЙ АЙ-ТОДОР — РУИНЫ ИСАРА В ЧАЩОБЕ КОЛЮЧЕК 100
Глава VIII. АЮ-ДАГ — ИСАР БЕЗ ЕДИНОГО ЧЕРЕПКА 113
Глава IX. ПАРТЕНИТ — ПРИМОРСКИЙ УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН 134
Глава X. ГОРЗУВИТЫ — ГУРЗУФ ОТ ЮСТИНИАНА ДО НАШИХ ДНЕЙ 152
Глава XI. ГЕЛИН-КАЯ — СКАЛА ЭЛЛИНОВ НА ПУТИ К ГУРЗУФСКОМУ СЕДЛУ 157
Глава XII. ПАЛЕОКАСТРОН — ПЯТНАДЦАТЬ НА ТРИДЦАТЬ ШАГОВ 169
Глава XIII. РУСКОФИЛЬ-КАЛЕ — ЗАГАДКА НИКИТСКОГО МЫСА 177
Глава XIV. УЧАНСУ-ИСАР — КРЕПОСТЬ ЛЕТЯЩЕЙ ВОДЫ . . . 184
Глава XV. ОРЕАНДА — СКАЛЫ И ВИНОГРАДНИКИ 205
Глава XVI. ХАЧЛА-КАЯСЫ 235
Глава XVII. ГАСПРА-ИСАР — ВЗОРВАННАЯ СКАЛА 251
Глава XVIII. ХАРАКС — ЦИТАДЕЛЬ РИМСКИХ ЛЕГИОНЕРОВ . . 258
Глава XIX. БЕЗЫМЯННЫЙ ИСАР — В ДВУХ ШАГАХ ОТ БЕЗДНЫ 279
Глава XX. ЛИМЕНА-КАЛЕ (ГОРА КОШКА) — АПОГЕЙ ДИСКУССИИ О ТАВРАХ 288
Глава XXI. БИЮК-ИСАР — КАМЕННЫЕ БАСТИОНЫ КИКИНЕИЗА 339
Глава XXII. КУЧУК-ИСАР — РУБЕЖ ОБОРОНЫ У КРАЯ ЗЕМЛИ 357
Глава XXIII. ЧЕРТОВ ИСАР — СТРАЖ ГОРНОЙ ТЕСНИНЫ . . . 369
Глава XXIV. С ПОПУТНЫМ ВЕТРОМ — ФОРОС 390
Глава XXV. ИЛЬЯС-КАЯ — НАД ЗЕЛЕНОЙ ЧАШЕЙ ЛАСПИ . . 405
ПРИМЕЧАНИЯ 433
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 458
ИЗ КРЫМСКИХ СОНЕТОВ «ЮЖНЫЙ БЕРЕГ» 459
СУДЬБА КНИГИ (*Вместо послесловия*) 467